

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 3₁₅. МАРТЪ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.

1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Въ народъ! (<i>Изъ воспоминаній семидесятника</i>). А. О. Лу- кашевича	1
2. Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Тавриче- скій“. (<i>Окончаніе</i>). А. М. Коваленко	46
3. Съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. въ Петер- бургѣ. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). Барона Р. Ю. Буд- берга	70
4. Опытъ примѣненія пассивнаго сопротивленія въ 70-хъ годахъ. Н. А. Бородина	93
5. Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году. (<i>Окончаніе</i>). В. И. Семеvскаго	96
6. Къ исторіи осужденія д-ра О. Э. Веймара. Г. А. Лопатина	122
7. Четырнадцать мѣсяцевъ „свободы печати“. (<i>Замѣтки библіо- графа</i>). С. Р. Минцлова	123
8. Петръ Сергѣевичъ Поливановъ въ Омскѣ. Щ—ва	147
9. Князь П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ. М. К. Лемке	153
10. Воспоминанія народовольца. (<i>Окончаніе</i>). А. Н. Баха	200
11. Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ пре- ступленіяхъ“ за 1901 годъ	237
12. Дѣла давно минувшихъ дней (<i>Окончаніе</i>). Л. Ф. Панте- лѣва	259
13. Первое марта 1881 г. и варшавскіе россіяне. Н. И. Карѣва	279
14. Андрей Франжоли. Н. А. Морозова	283
15. Послѣ 1-го марта 1881 года. П. Е. Щеголева	290
16. Письма въ редакцію: Л. З. Слонимскаго, Л. Ф. Пантелѣва, С. Л. Чудновскаго и А. М. Коваленко	306

17. Историческая библиографія: I. *James Guillaume*. L'internationale Documents et Souvenirs. **Е. В. Тарле**. **П. А. Н. Брянчанinovъ**. Междодумье. Сборникъ матеріаловъ для характеристики положенія передъ созывомъ второй Думы. **Ю. Н. Лавриновича** 310
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Изъ дневника **А. А. Стронина** за 1882 годъ. Сообщилъ **П. Гуревичъ**.—45. Дѣло Яковскаго (1862 г.)—61. О числѣ жертвъ 14 декабря 1825 г.—192. Изъ писемъ лейтенанта **П. П. Шмидта**—257. Къ біографіи **М. К. Кюхельбекера**. **Н. А. Мурзанова**.—303).
20. Объявленія 321

Къ этой книгѣ приложены портреты: **А. А. Франжоли**, **С. И. Бардиной**, **кн. П. В. Долгорукова** и **Г. А. Лопатина** (съ карточки, снятой тотчасъ же послѣ его ареста въ 1884 году).

Digitized by the Internet Archive
in 2023

Софья Иларіоновна
БАРДИНА.

Въ народъ!

(Изъ воспоминаній семидесятника).

Посвящается памяти нашего отца,
незабвеннаго шестидесятника Митро-
фана Даниловича *Муравскаго*.

Въ Херсонской гимназіи, гдѣ я учился, начальство начинало усердно и съ самой суровой послѣдовательностью внѣдрять пресловутый режимъ классицизма. Со стороны «пасомыхъ» эти мѣры, насколько могу припомнить, не встрѣчали вообще противодѣйствія, хотя тайкомъ, въ дружескихъ кружкахъ, онѣ усиленно обсуждались и критиковались учениками старшихъ классовъ. Недавно окончившаяся тогда франко-прусская война, возбудивъ интересъ къ чтенію газетъ, сразу какъ то вывела юные умы изъ полной пассивности. Мы сдѣлались менѣе равнодушными вообще къ новостямъ не исключительно мѣстнаго характера. Впрочемъ, Коммуны парижской мы совсѣмъ тогда не поняли, отчасти, можетъ быть, и по неполнотѣ свѣдѣній объ ней въ жалкой провинціальной газеткѣ того времени. Въ такой критическій моментъ до насъ дошли необыкновенно подробные газетные отчеты о процессѣ Нечаевцевъ. Я говорю о судѣ не надъ самимъ Нечаевымъ, который былъ гораздо позже, когда Нечаевъ былъ выданъ швейцарскимъ правительствомъ, а надъ его товарищами: Прижовымъ, Кузнецовымъ и др.

Это было лѣтомъ 1871 года, когда я перешелъ изъ 6-го класса въ 7-й. Очень памятны мнѣ первые проблески еще робкой, безпомощной и критической мысли въ нашей и житейски, и политически совершенно еще невинной компаніи. Мы начали тогда *разговаривать* между собой, кромѣ маленькихъ событий, совершавшихся въ нашемъ тѣсномъ гимназическомъ міркѣ, о такихъ вещахъ, какъ крестьянская реформа, какъ способы взысканія податей. Благодаря обильному матеріалу, доставленному всѣмъ газетамъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ», у насъ являются первые «проклятые вопросы». Мы спрашиваемъ себя, почему это тамъ, въ Москвѣ, вдругъ нашлись люди, недовольные тою самой крестьянской реформой, которая намъ, въ нашемъ глубокомъ невѣдѣніи даже цензурной литературы, представлялась чѣмъ то недосягаемо великимъ, какою то святыней? Въ силу чего люди эти—какъ видно вполне здравомыслящіе, образованные—рисковали такъ ужасно,

выступая со своей противоправительственной проповѣдью, — чего, собственно, они хотѣли и т. д., и т. д. Процессъ на ряду съ ужаснымъ и полнымъ загадочности фактомъ — убійствомъ Иванова раскрывалъ очень много такого, что даже насъ, до того времени вполне далекихъ отъ критики правительственного и государственнаго механизма, скорѣе даже предубѣжденныхъ въ пользу «великихъ реформъ», невольно располагало къ сомнѣніямъ... Но чрезвычайно трудно представить себѣ всю глубину невѣдѣнія, въ какомъ тогда пребывали мы и, навѣрное, также и обитатели другихъ захолустій, подобныхъ нашему. Нѣтъ никакой возможности, какъ слѣдуетъ, оцѣнить теперь эффектъ, произведенный въ молодыхъ умахъ разоблаченіями, внезапно на насъ нахлынувшими непосредственно послѣ періода преисполненной неопредѣленныхъ страховъ глухой, зловѣщей тишины, выше охарактеризованной уже мною. Новые для насъ факты и попытки ихъ объяснить въ буквальномъ смыслѣ слова *будили* спавшую мысль молодежи, и главное, дразнили любознательность, показывая вдали, въ дымкѣ наполовину лишь раскрытой *тайны*, тотъ самый запретный плодъ, отъ котораго такъ ревниво начали охранять насъ представители недавно введеннаго тогда въ гимназіяхъ института классовыхъ наставниковъ. Но намъ, совершенно еще лишеннымъ тогда руководителей, предоставленнымъ самимъ себѣ, было, съ другой стороны, не подъ силу разрѣшеніе такихъ вопросовъ, и при томъ, по нашей молодости, мы могли, чего добраго, послѣ каникулъ, и благополучно забыть о нихъ...

И вотъ начальство озабочивается прислать въ Херсонъ «подъ негласный надзоръ» одного студента-технолога, потомъ и другого...

Эти студенты завозятъ къ намъ... идеи Интернаціонала и сочиненія Берви-Флеровскаго, Лассалья, Писарева, Добролюбова... Въ числѣ поднадзорныхъ былъ и Андрей Франжоли, очень извѣстный пропагандистъ и агитаторъ, впоследствии принадлежавшій и къ организаціи Народной Воли. Его водворили въ Херсонъ («родина», какъ орудіе наказанія строптивыхъ!), съ отобраніемъ подписки о невыѣздѣ изъ него, за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ—не особенно серьезныхъ—и онъ жилъ при мѣстной аптекѣ въ качествѣ лаборанта. Нѣмецъ-аптекарь геръ Мюллеръ, у котораго онъ и раньше, до поѣздки въ Петербургъ, служилъ фармацевтомъ, очень уважалъ Андрея Афанасьевича за умъ и честность. На насъ же, юношей, вполне неотразимо дѣйствовали, насъ неуклонно влекли къ нему его задушевность, искренность, прямота, и... тоже *честность*, но въ другомъ, высшемъ значеніи этого слова, едва-ли извѣстномъ аптекарю. Андрей Франжоли обладалъ драгоценнымъ даромъ въ самой высокой степени привлекать къ себѣ сердца и молодежи и всѣхъ вообще, кто къ нему имѣлъ случай подойти близко. Безпредѣльны были его горячность и преданность идеѣ. А въ своей критикѣ онъ бывалъ безпощадно откровененъ, когда дѣло касалось вѣрности убѣжденіямъ, которыя онъ умѣлъ отстаивать со всею силою обаянія своей глубоко симпатичной натуры. Всѣ близко знавшіе Андрея Франжоли подтвердили бы, я думаю слѣдующее: въ его присутствіи всегда хотѣлось быть лучшимъ, болѣе честнымъ, болѣе смѣлымъ, хотъ онъ и не думалъ *требовать* отъ своихъ единомышленниковъ какихъ-нибудь особен-

ныхъ подвиговъ. Надо было только оставаться *вѣрными себѣ*... Вылитый изъ бронзы огромный и суровый «князь Тавриды», и понынѣ стоящій въ своей «великолѣпной» позѣ посреди херсонскаго городского сада, былъ въ 1871 году свидѣтелемъ того, какъ неотразимъ бывалъ подчасъ «призывъ» Андрея Франжоли, даже когда онъ былъ обращенъ къ едва еще знавшимъ его юношамъ. Это было должно быть очень скоро по прїѣздѣ его изъ Петербурга и еще до настоящаго знакомства и сближенія съ нашей юной компаніей. Одинъ изъ товарищей, уже начинавшій «читать Лассалю» зазвалъ меня за нѣсколько времени передъ тѣмъ на собраніе, гдѣ читались статьи Добролюбова о «Темномъ царствѣ» и о «лучѣ свѣта» въ немъ. Мнѣ, при моемъ тогдашнемъ еще полу-дѣтскомъ развитіи, эти прекрасныя критико-публицистическія статьи казались не особенно интересными и были мало доступны. Монотонное чтеніе вслухъ меня, помню, почти-что усыпляло, и я совсѣмъ пересталъ было ходить на «добролюбовскія» и «лассалевскія» сходки, инициаторомъ и руководителемъ коихъ былъ Франжоли. Но какъ-то разъ, на другой день послѣ одного такого собранія, на которомъ я не присутствовалъ, мы съ Андреемъ случайно встрѣтились въ саду. Онъ только взглянулъ на меня своимъ добрымъ и въ то же время открытымъ, мужественнымъ взглядомъ, едва лишь успѣлъ озабоченно спросить, отчего меня не было на чтеніи, какъ мнѣ вдругъ сдѣлалось невыразимо *стыдно* того, что я такъ позорно отлыниваю отъ хорошаго дѣла. И съ этой минуты я почувствовалъ сильное, непреодолимое *влеченіе* и лично къ проповѣднику и къ провозглашаемому имъ «ученію». Если бы, въ заключеніе происшедшаго здѣсь же у монумента краткаго разговора (мы оба спѣшили въ разныя стороны на уроки), онъ и не коснулся невзначай своей апостольской рукой моего смиреннаго плеча,—я все равно былъ уже пойманъ однимъ его чарующимъ взглядомъ, однимъ звукомъ его милаго голоса. Если бы онъ и не повторилъ своего радушнаго приглашенія «бывать», я все равно пошелъ бы за нимъ не только на «добролюбовскія» чтенія, но, по всей вѣроятности, и на баррикады, если бы онѣ существовали въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ.

Выступая—всегда съ большимъ успѣхомъ—на нашихъ сходкахъ и въ качествѣ чтеца-референта, и какъ неутомимый спорщикъ, Франжоли былъ одинаково чуждъ и какой либо тѣни рисовки и доктринерскаго педантизма. Каждое слово его дышало искреннимъ чувствомъ. Точно также и въ повседневномъ быту онъ неизмѣнно оставался блестящимъ, живымъ, находчивымъ собесѣдникомъ. Въ безконечныхъ спорахъ противъ болѣе умѣренныхъ элементовъ, называвшихъ его слишкомъ «краснымъ», его любимымъ оружіемъ были: шутка, насмѣшка, мѣткій эпитетъ — всегда «нигилистичій» а подчасъ и безнадежно нецензурный, въ народномъ духѣ.

Въ Херсонѣ около него скоро возникъ тѣсно сплоченный кружокъ единомышленниковъ, признававшій его—безъ словъ—своимъ главой и вождемъ. Мы всѣ очень многимъ обязаны въ дѣлѣ нравственной выработки вліянію Андрея Франжоли, слишкомъ рано, къ несчастію, унесеннаго безпощадной смертью. Но впечатлѣнія трагизма его безвременной кончины вдали отъ родины никто изъ знавшихъ

его, мнѣ кажется, не попытается усилить обычнымъ сѣтованіемъ, столь справедливымъ въ отношеніи слишкомъ многихъ нашихъ талантовъ, уходящихъ со сцены жизни, *не оставивъ слѣдовъ* своего пребыванія на землѣ... Нѣтъ, Андрей прожилъ на свѣтѣ не даромъ и память по себѣ оставилъ большую.

Память эта всегда свято хранилась и чтилась среди многочисленныхъ его друзей, и, надо надѣяться, и до будущихъ поколѣній дойдетъ преданіе о его по истинѣ свѣтлой личности.

Нашъ кружокъ былъ обладателемъ довольно солидной библіотеки, имѣвшей немало и постороннихъ подписчиковъ. Херсонской публикѣ вообще негдѣ было, помимо этой нашей подпольной библіотеки, утолять свою жажду знанія до открытія легальной общественной библіотеки, состоявшагося, если не ошибаюсь, только въ 1873 году. Но у насъ существовали и другія маленькія дѣла, напримѣръ, занятія съ гимназистами, рефераты, сношенія съ ремесленниками и рабочими мѣстнаго чугунно-литейнаго завода. Херсонскій юношескій кружокъ далъ нѣсколько человѣкъ серьезныхъ пропагандистовъ-народниковъ. Въ немъ получилъ первое революціонное воспитаніе и извѣстный народоволецъ Мартынъ Лангансъ.

Члены кружка очень серьезно и добросовѣстно относились къ вопросамъ революціонной подготовки и сильно увлекались по временамъ бесѣдами, клонившимися къ выясненію программъ предстоявшей революціонной дѣятельности. А въ иное время разговоръ оживлялся чисто анекдотическими и даже апокрифическими данными о правительствахъ, о цензурѣ, о столичныхъ литераторахъ и ихъ группировкахъ... Всѣ вообще свѣдѣнія, какими могли съ нами поѣлиться побывавшіе въ столицѣ, а особенно вѣсти о петербургскихъ студенческихъ кружкахъ съ ихъ разнообразными интересами поглощались нами съ неимовѣрной жадностью, ловились на лету.

Первое время бесѣды происходили чаще всего по ночамъ въ квартирѣ Андрея Франжоли и были до того привлекательны, что ради возможности предаваться имъ безпрепятственно я и мой товарищъ по классу Николай Маковѣвъ рѣшились даже совсѣмъ бросить ученіе въ гимназіи—промѣнять ее на маленькую комнатку при аптечной лабораторіи. Безконечно болѣе дорожа тѣмъ «свѣтомъ просвѣщенія», который исходилъ отъ обитателя этой тѣсной каморки, чѣмъ «казенной» наукой въ ея казенномъ храмѣ, мы, когда дѣло дошло до неизбежнаго конфликта между ними, не задумываясь, отказались и отъ недалекаго уже аттестата зрѣлости (седьмой классъ былъ тогда *выпускнымъ*) и связанной съ нимъ будущей «карьеры». Этотъ поступокъ—отказъ отъ будущей «интеллигентной» карьеры—не казался намъ жертвой, потому что уже въ началѣ 1872 г. мы съ этимъ товарищемъ рѣшили, что не будемъ нигдѣ кончать курса, а подготовимся хорошенько къ дѣятельности пропагандиста и тогда пойдемъ въ народъ.

Въ кружкѣ не разъ обсуждался вопросъ, оканчивать ли курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, или нѣтъ. Насколько помню, всѣ у

насъ были согласны въ томъ, что общаго обязательнаго для всѣхъ рѣшенія этого вопроса быть не можетъ, и что такой серьезный шагъ въ жизни каждый долженъ рѣшить для себя самъ.

Вышеупомянутое рѣшеніе Маковѣва и мое—идти въ народъ—раздѣляли Лангансъ съ Андреемъ Франжоли. И всѣ привели его въ исполненіе, но не вмѣстѣ и не одновременно.

Существовало еще другое теченіе, столкнувшееся съ нашимъ. Многіе изъ молодежи стремились вонъ изъ Россіи, гдѣ такъ тяжело дышалось, въ какую-нибудь свободную страну—въ Швейцарію или, еще лучше, въ Америку. Но нашъ кружокъ отвергъ такой соблазнъ,—конечно, «по принципу». Я помню только одинъ вечеръ, когда вопросъ этотъ не шутя поднимался; но такъ какъ серьезныхъ адептовъ этого направленія въ нашей средѣ не было, то и не могло возникнуть продолжительныхъ преній. Возрѣнія членовъ кружка скоро сдѣлались революціонно-народническими. Онъ ставилъ очень высоко идеи Чернышевскаго, Добролюбова, Михайловскаго. На многочисленныхъ собраніяхъ, посѣщавшихся членами кружка и посторонними лицами, читались вслухъ и обсуждались сочиненія Лассаля, статьи Добролюбова, «Историческія Письма» Миртова (Лаврова). Послѣдняя книга, скоро ставшая своего рода евангеліемъ молодежи, очень выпукло поставила передъ нами страшно волновавшій всѣхъ насъ тезисъ о *неоплатномъ долѣ народу*, числящемся за русской интеллигенціей.

По поводу извѣстія о казни въ Парижѣ коммунаровъ Росселя и Ферре, расправа съ которыми была отсрочена, пріѣзжіе изъ Петербурга товарищи познакомили насъ съ исторіей парижской Коммуны, которой мы прежде не понимали. Потрясающія картины великой титанической борьбы возымѣли на этотъ разъ свое полное дѣйствіе. Теперь мы чувствовали себя въ полной мѣрѣ современниками Делеклюза и Вермореля, мы проникались суровымъ «классовымъ» патріотизмомъ интернаціональнаго пролетаріата и, конечно, отъ всей души ненавидѣли Тьера и версальцевъ.

Я всегда считалъ эти два факта: Нечаевскій процессъ и парижскую Коммуну тѣми двумя далеко видными вѣхами, которыми опредѣлился весь мой дальнѣйшій путь въ жизни.

Лѣтомъ 1873 года мнѣ удалось поѣхать въ Петербургъ, куда меня давно сильно тянуло. Очень хотѣлось пожить тамъ нѣкоторое время, потерѣться между людьми, набраться около нихъ ума-разума и потомъ уже приниматься за «настоящее дѣло». Такой планъ казался мнѣ наиболѣе умѣстнымъ, имѣя въ виду и мой возрастъ: мнѣ было въ то время только 18½ лѣтъ. Влеченіе къ Петербургу я раздѣлялъ съ очень многими молодыми провинціалами. Онъ справедливо считался тогда главнымъ идейнымъ центромъ въ Россіи, и не побывать тамъ представлялось такъ же тяжелымъ для «радикала», какъ напримѣръ, для мусульманина—не быть ни разу въ жизни въ Меккѣ. Незадолго до моего отъѣзда изъ Херсона окончательно установилась и духовная связь нашего кружка съ организаціей чайковцевъ: нашъ городъ посѣтили два члена ея—одинъ Петербургскій—Николай Аполлоновичъ Чарушинъ и другой—Феликсъ Вадимовичъ Волховскій, жившій тогда въ Одессѣ. Названіе «чайковца», впрочемъ, не было

употребительно у насъ въ Херсонѣ, оно принадлежало, какъ извѣстно, наиболѣе видному въ свое время Петербургскому кружку, названному такъ столичною интеллигентной публикой по фамиліи одного изъ его основателей Николая Васильевича Чайковского.

Возникшій весною 1869 года, кружокъ чайковцевъ занимался сначала просвѣтительно-объединительной дѣятельностью среди интеллигентной молодежи, которой успѣлъ принести огромную пользу, а впоследствии перешелъ къ чисто революціонной пропагандѣ въ средѣ рабочихъ. Я заимствую нежеслѣдующія свѣдѣнія о кружкѣ чайковцевъ изъ воспоминаній и замѣтокъ Л. Э. Шишко: «Такъ называемое «книжное дѣло» кружка чайковцевъ «заключалось въ распространеніи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы, съ присоединеніемъ къ ней, гдѣ можно, запрещенныхъ или изъятыхъ сочиненій (преимущественно Чернышевскаго). Съ этою цѣлью кружокъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ Петербургскихъ издателей и бралъ у нихъ на комиссію значительное количество экземпляровъ нужныхъ ему изданій, а иногда и прямо покупалъ за полцѣны цѣлыя изданія... Всѣ эти изданія распространялись кружкомъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ черезъ посредство мѣстныхъ студенческихъ группъ, а также политическихъ ссыльныхъ».

Дѣятели этой организаціи были одушевлены основной идеей, которая «заключалась въ представленіи о революціонной дѣятельности, какъ о служеніи народному дѣлу, вытекавшему изъ сознанія огромной отвѣтственности, лежавшей на интеллигенціи по отношенію къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ... Людей объединяла тогда главнымъ образомъ интенсивность субъективнаго настроенія, а не приверженность къ той или другой революціонной доктринѣ».

Исходной точкой дальнѣйшаго развитія революціонныхъ идей кружка служилъ «соціализмъ, такъ какъ самая идея служенія рабочему народу уже содержала въ себѣ сущность соціализма, какъ *этической ученія*, какъ протеста противъ экономическаго рабства, какъ защиты правъ рабочаго человѣка. Тотъ нравственный переворотъ, который заставлялъ тогда людей отрекаться отъ окружающаго ихъ буржуазнаго міра и уходить въ станъ погибающихъ, совершался подъ вліяніемъ именно соціалистическихъ идей, внесенныхъ въ русскую общественную мысль Бѣлинскимъ, Герценомъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ... Человѣкъ дѣлался прежде всего соціалистомъ и въ силу этого становился революціонеромъ; онъ возставалъ не столько противъ даннаго политическаго строя, не столько въ защиту своихъ политическихъ правъ или свободы совѣсти, сколько во имя правъ экономически и политически порабоженнаго русскаго народа; народныя бѣдствія и крайне тяжелое обездоленное положеніе только что освобожденнаго крестьянства заслоняли тогда собою въ глазахъ революціонеровъ всѣ другіе общественные вопросы. Въ этомъ именно

смыслъ движеніе 70-хъ годовъ и было народническимъ; оно непосредственно примыкало къ движенію 60-хъ годовъ, когда въ основѣ всего лежала все та же неотвязная, мучительная мысль о русскомъ мужикѣ; въ этомъ смыслѣ народниками одинаково слѣдуетъ признать Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова, такъ какъ вся ихъ общественная борьба неразрывно связывалась для нихъ съ мыслью о судьбѣ поработеннаго русскаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая мысль была неразрывно связана также и съ социализмомъ, такъ какъ именно въ социализмѣ они видѣли единственно возможное разрѣшеніе вопроса».

Въ началѣ 1873 года дѣятельность Петербургскаго кружка чайковцевъ и связанныхъ съ нимъ общою организаціей провинціальныхъ кружковъ была еще, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Л. Э. Шишко, «очень замкнутая и строго конспиративная».

Приѣхавшій къ намъ въ Херсонъ одесскій членъ организаціи—Феликсъ Вадимовичъ Волховскій былъ значительно старше насъ годами и уже пострадалъ передъ тѣмъ отъ правительственнаго преслѣдованія: онъ только незадолго передъ тѣмъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, гдѣ сидѣлъ, будучи привлеченъ къ нечаевскому процессу, хотя въ дѣйствительности не принадлежалъ къ сообществу Нечаева. Въ Одессѣ онъ жилъ въ качествѣ поднадзорнаго. Для насъ—юношей приѣздъ этихъ двухъ «эмиссаровъ» былъ великою радостью. Мы почувствовали, что это уже не «такъ себѣ» — не наша собственная, можетъ быть (почемъ намъ было знать?) и дѣтская затѣя... Тутъ пахло уже настоящей конспираціей. Прѣзжіе привезли *первыя* видѣнные нами въ жизни нелегальныя изданія: литографированные экземпляры переведеннаго съ французскаго стараго, но сильно написаннаго памфлета *Ламене* противъ королей и царей подъ заглавіемъ «Слово вѣрующаго къ народу» и *Лаврова* — печатную программу готовившагося къ выходу журнала «Впередъ». (Самый журналъ сталъ появляться, когда я былъ уже въ Петербургѣ).

Мы убѣждались въ дѣйствительной необходимости для нашихъ гостей скрываться отъ непосвященныхъ взоровъ. А то обстоятельство, что *мы*, однакоже, допущены къ общенію съ ними, приглашены даже въ номеръ занятый ими въ гостинницѣ, гдѣ *не скрываясь отъ насъ*, они вынимаютъ изъ чемодана, биткомъ набитаго такими же опасными и тайными предметами — вынимаютъ и даютъ намъ въ руки экземпляры этихъ изданій,—все это очень возвышало насъ въ собственномъ мнѣніи и имѣло для насъ большое воспитательное значеніе.

Мои Петербургскія первыя впечатлѣнія были разнообразны и сложны. Петербургъ, конечно, болѣе чѣмъ оправдалъ всѣ самыя сангвиническія мои ожиданія. Столица дѣйствовала на меня и сама по себѣ, помимо идейнаго движенія въ ней. Я, между прочимъ, розы-

скалъ нашихъ херсонцевъ—медиковъ, жившихъ въ одной комнатѣ, и хаживалъ иногда къ нимъ. Однажды—былъ, кажется, какой-то праздникъ—я пошелъ вмѣстѣ съ ними смотрѣть церемонію открытія памятника Екатерины II-й. Сверхъ всякаго ожиданія, впечатлѣніе получилось очень большое. Не знаю, съ какой цѣлью тогдашнее правительство устроило изъ этого открытія огромную демонстрацію милитаризма. Но и то можетъ быть, что только намъ показалось необыкновенно грандіознымъ то, къ чему привыкли столичные обыватели.

Мы стояли на Невскомъ, почти противъ самаго памятника, и мимо насъ двигались безконечнымъ шествіемъ войска всевозможныхъ родовъ оружія. Масса войскъ, штыки, султаны, и какія-то медвѣжи шапки, и опять штыки, ряды штыковъ безъ конца. Я тутъ во-очію увидѣлъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, велика грубая матеріальная сила правительства и поддерживаемыхъ имъ господствующихъ классовъ. Особенно артиллерія казалась мнѣ и многочисленной и внушительной, хотя пушки были, по большей части, бронзовыя, и я немножко соображалъ, что онѣ—не новѣйшей системы, не стальные. Но самый *блескъ* бронзы въ видѣ множества пушекъ, касокъ и какихъ-то грудныхъ панцирей (кажется, у кирасиръ) производили на меня какъ-бы гипнотизирующее дѣйствіе. Я — тогда *начинающій* революціонеръ—проникался суевѣрно-преувеличенными представленіями о *силѣ* врага, противъ котораго намъ предстояло бороться, и это настраивало довольно скверно.

Съ теченіемъ времени яркость картины утратилась. Множество новыхъ впечатлѣній заслонило ее, и досадный кошмаръ уже не вспоминался.

Я привезъ съ собой рекомендацію къ чайковцамъ отъ Ф. В. Волховскаго и также встрѣтился лично съ Н. А. Чарушинымъ, пріѣзжавшимъ тогда къ намъ въ Херсонъ. Скоро я близко сошелся съ ихъ кружкомъ, и огромный интересъ этихъ оживленныхъ сношеній затмилъ почти все остальное въ моей петербургской жизни. Чаше другихъ я встрѣчался съ Купреяновымъ, Д. А. Клеменцомъ, А. Я. Ободовской (Сидорацкой), С. С. Синегубомъ, Перовской и Л. Э. Шишко. Въ это время у нихъ была уже въ полномъ ходу пропаганда среди рабочихъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ фабрично-заводскихъ районахъ. Кому удалось близко наблюдать работу этихъ самоотверженныхъ дѣятелей, полныхъ непреклонной энергіи, но въ то же время идеально простыхъ, прекрасныхъ, искреннихъ товарищей, тотъ всю жизнь будетъ вспоминать потомъ зрѣлище яркаго свѣта, зажженного въ лицѣ чайковцевъ протестующею русскою мыслью какъ разъ послѣ эпохи «полнаго застоя въ русской общественной жизни, наступившаго послѣ 1863 и 1866 гг.»,—послѣ такого періода, когда «немногія существовавшія революціонныя группы чувствовали себя... совершенно оторванными отъ общества, «отщепенцами», и когда, какъ сказалъ Л. Э. Шишко въ тѣхъ же своихъ «воспоминаніяхъ и замѣткахъ», эти революціонныя группы «таили исключительно въ себѣ самихъ» сѣ-

мена всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ потрясеній». Надобно полагать,—скажу я отъ себя,—что сѣмена эти къ 1873 году уже пустили корни, дали хорошіе здоровые ростки. На близко стоявшихъ къ чайковцамъ ихъ дѣятельность вліяла всего сильнѣе непосредственно, *какъ примѣръ*. Не разъ, приходя въ одну изъ ихъ квартиръ и подолгу просиживая тамъ, я видалъ пропагандистовъ—лекторовъ, послѣ экскурсіи въ какую нибудь рабочую артель и бывалъ свидѣтелемъ того воодушевленія, съ какимъ они сообщали товарищамъ о новыхъ успѣхахъ этого дѣла и о томъ, какими дѣльными пропагандистами становятся въ свою очередь заводскіе и фабричные рабочіе болѣе старой вербовки... Иногда приходили и сами эти рабочіе. Появлялся на столѣ самоваръ и... какая нибудь сырая рѣпа, принесенная изъ ближайшей овощной лавки... Болѣе чѣмъ скромная закуска вызывала шумное одобреніе со стороны однихъ, другіе, шутя, подвергали ее ѣдкой критикѣ; и всѣ были веселы, полны оживленія... Нерѣдко, въ промежуткахъ между двумя дѣловыми совѣщаніями о «текущихъ» конспираціяхъ или новыхъ предположеніяхъ по части, напримѣръ, иногороднихъ сношеній, строились самыя невѣроятныя воздушныя замки, слышались шутки, сарказмы, раздавался здоровый смѣхъ... Чайковцы вполне одобряли мой планъ, выработанный еще въ Херсонѣ. Онъ состоялъ какъ уже сказано, въ томъ, чтобы, послѣ соотвѣтствующей подготовки, превратиться въ рабочаго и заняться дѣятельностью въ народѣ гдѣ-нибудь въ центральной Россіи. Этому плану не противорѣчило сближеніе съ тою частію молодежи, которая хотѣла для себя того же, что и я замышлялъ,—и потому я познакомился при содѣйствіи Н. В. Чайковского съ воронежскимъ гимназистомъ Владиміромъ Богомоловымъ и еще двумя его земляками. Съ этой маленькой группой скоро сблизилась компанія бывшихъ юнкеровъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, извѣстнаго въ то время своею радикальной закваской. Знакомства эти повели къ устройству нами сообща двухъ мастерскихъ: кузницы и слѣсарно-столярной, въ которыхъ всѣ мы принялись обучаться ручному труду, начиная осуществлять на дѣлѣ свой планъ подготовки къ будущей дѣятельности въ народѣ. Здѣсь мнѣ пригодились нѣкоторое знаніе слесарной работы, приобрѣтенное еще въ Херсонѣ. Мои отношенія къ чайковцамъ становились ближе. Но, строго храня тайну организациі, они не открывали до поры до времени мнѣ, непосвященному, тѣхъ формальныхъ основаній, на какихъ существовали ихъ кружки—петербургскій и московскій и отдѣленія въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ и другихъ крупныхъ центрахъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ давно давали замѣтить, когда я, бывало, заставалъ въ сборѣ почти всѣхъ петербургскихъ членовъ кружка, что на меня смотрятъ уже почти какъ на своего и, конечно, рассчитываютъ на мою конспиративность. Однажды, случайно придя именно во время одного изъ такихъ собраній, я увидѣлъ новое для меня лицо. Незнакомецъ уже своимъ возрастомъ и «окладистою», русской бородой (отъ которой, вѣроятно, былъ произведенъ его «псевдонимъ»—Бородинъ) выдѣлялся между всѣми собравшимися. Большой умъ и необыкновенная доброта чувствовались въ его глубокопроникающихъ глазахъ. Было и еще что-то

въ его наружности, особенно поразившее меня,—что-то такое солидное, внушившее мнѣ, помнится, предположеніе, ужъ не профессоръ ли какой пожаловалъ на это собраніе революціонно настроенной молодежи? Но если моя догадка была не далека отъ истины (на самомъ дѣлѣ не профессоръ это былъ, *какихъ много*, а блестящій, выдающійся европейскій ученый)—то было очевидно и то, что вовсе *не случайно* попалъ онъ сюда,—что онъ былъ въ этой средѣ не посторонній. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ членъ Русскаго Географическаго Общества и Рабочаго Интернаціонала, анархистъ Петръ Алексѣвичъ Кропоткинъ, и что онъ—какъ это ни казалось мнѣ тогда парадоксальнымъ—былъ уже въ то время гораздо болѣе *крайнимъ*, чѣмъ большинство не столь солидныхъ его товарищей. Другой чайковецъ — Михаилъ Купреяновъ сталъ особенно часто бывать у меня на квартирѣ и бесѣдовать со мной по-долгу о разныхъ практическихъ дѣлахъ. Наконецъ, въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ, со своей очень нравившейся мнѣ, милой усмѣшкой объявилъ мнѣ «официально», что чайковцы постановили принять меня въ свою среду, и что ему поручено ознакомить меня съ главными основами ихъ организации. Многія дѣла кружка я уже зналъ; о другихъ, не взирая на свою огромную наивность, все же догадывался. Но, конечно, и много новаго пришлось услышать... Я и теперь не могъ активно участвовать въ петербургской работѣ кружка. И кружокъ, принимая меня въ свою среду, зналъ, что я, по прежнему, буду заниматься только учебными мастерскими, а когда настанетъ время, пойду «въ народъ». Великую честь, оказанную такой серьезной организацией мнѣ —слишкомъ молодому и ровно ничего еще не сдѣлавшему, я вполнѣ искренно признавалъ не заслуженною; но считалъ и считаю это событіе самымъ счастливымъ въ моей ранней карьерѣ. На самое же присоединеніе свое къ организациі я по вышеупомянутымъ причинамъ былъ склоненъ смотрѣть скорѣе какъ на номинальное или формальное.

Наши мастерскія начали функционировать, если не ошибаюсь, только зимою 1873—1874 г., когда особенно усилилось въ Петербургѣ броженіе среди учащейся молодежи, выражавшееся въ шумныхъ и многолюдныхъ сходкахъ. На нихъ горячо дебатировались всевозможные вопросы, какъ программные, такъ и относившіеся до личной выработки и личнаго поведенія. На фонѣ этихъ шумныхъ собраній нерѣдко обозначались очень здоровыя теченія; было много и юношескаго задора и, какъ водится, не обходилось дѣло безъ того, что еще Добролюбовъ бичевалъ, какъ *словопреніе*.

Занятые устройствомъ мастерскихъ и работой въ нихъ, мы рѣдко и неохотно посѣщали такія сходки; но, благодаря отчасти имъ, пополнялись ряды участниковъ нашего предпріятія. Нѣкоторые шли оттуда къ намъ, видя въ нашемъ начинаніи переходъ отъ словъ къ дѣлу. Кружки уже организованные, каковы были кружокъ чайковцевъ и, напримѣръ, кружокъ бакунинскаго направленія, группировавшійся около Лермонтова (рано арестованнаго и умершаго въ тюрьмѣ) высы-

лали на сходки своихъ представителей, которые или выступали на нихъ лично, или только направляли вербовку сообразно даннымъ, добытымъ во время преній. Началось то движеніе 1874 года, которое свидѣтели его характеризуютъ, какъ «массовое», подразумѣвая подъ этимъ, конечно, еще не движеніе народныхъ массъ, а только численно болѣе замѣтныя колонны учащейся молодежи, откликнувшейся болѣе или менѣе *en masse* на призывы, исходившіе отъ существовавшихъ уже ранѣе организацій. Ко времени охарактеризованнаго сейчасъ наружнаго и, такъ сказать, *видимаго* усиленія движенія относятся аресты чайковцевъ. Потерпѣли уронъ и наши учебныя мастерскія: одновременно съ чайковцемъ, Н. А. Чарушинымъ былъ арестованъ и одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ этихъ мастерскихъ, юноша Владиміръ Александровичъ Богомоловъ. Настоящихъ уликъ противъ него не было, но не было и никакой надежды на скорое освобожденіе: третье отдѣленіе собиралось пристегнуть его къ процессу чайковцевъ. Я до сихъ поръ—черезъ 32 года не могу забыть сильнаго потрясенія отъ ареста Владиміра Александровича Богомолова, съ которымъ я подружился на общей работѣ. Онъ и по возрасту очень подходилъ ко мнѣ и чѣмъ то напоминалъ товарищей по херсонскому кружку, среди которыхъ у меня остались близкіе друзья. Его арестъ я почувствовалъ, какъ глубокое *личное* горе. Мнѣ, еще не испытывшему тогда тюремнаго заключенія, представлялось глубоко-трагическимъ его положеніе тамъ, за рѣшеткой *въ полной власти враговъ*. Ударъ въ моихъ глазахъ усугублялся тѣмъ, что товарищъ былъ оторванъ отъ дѣла въ моментъ приготовленій, когда онъ *не успѣлъ* какъ слѣдуетъ даже и приступить къ дѣлу. Я пытался вообразить себѣ, какую муку долженъ испытывать этотъ умный, симпатичный, преданный дѣлу юноша, этотъ любимый всѣми товарищъ... Вотъ онъ не успѣлъ и перваго шага сдѣлать и уже, какъ говорится, померъ безъ покаянія... Меня стала неотступно преслѣдовать мысль, что такая же злая участь, какая постигла его, ежеминутно грозитъ и каждому изъ насъ. Завтра, быть можетъ, сегодня, сейчасъ и мы будемъ изъяты, выхвачены—тоже «безъ покаянія»... Это настроеніе передалось и другимъ, и подъ вліяніемъ его мы рѣшили *ускорить* нашъ походъ, не ждать уже, когда мы будемъ «готовы» для пребыванія въ народѣ и для пропаганды въ его средѣ,—не ждать, а отправляться скорѣй, скорѣй, пока насъ—ничего не успѣвшихъ еще *сдѣлать*,—не забрали и не засадили въ каменный мѣшокъ, какъ Богомолова, котораго не суждено уже было никому изъ насъ увидѣть. Онъ погибъ трагически:—былъ доведенъ до самоубійства пыткой одиночнаго заключенія, продолжавшейся для него около двухъ лѣтъ. Онъ былъ, вѣроятно, *первою* жертвою ¹⁾ въ страшномъ по числу загубленныхъ жизней, тогда еще совсѣмъ новомъ петербургскомъ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

¹⁾ И, во всякомъ случаѣ, *одного изъ первыхъ*.

Нашу кузницу и слесарно-столярную мастерскую мы передали другому вновь сформировавшемуся кружку, подобному нашему, по цѣлямъ, а сами стали поспѣшно готовиться къ выступленію. Намъ было шесть въ этой группѣ рѣшившихъ немедленно выступить. Такъ какъ мы далеко не считали еще законченной свою подготовку къ революціонной пропагандѣ, то и рѣшили, что этотъ первый нашъ походъ не будетъ еще имѣть своей непосредственной цѣлью пропаганду или агитацію, — будетъ не болѣе, какъ рекогносцировкой на театрѣ будущихъ военныхъ дѣйствій, и что именно она, эта рекогносцировка должна будетъ доставить болѣе надежныя данныя для будущаго похода. Было рѣшено разбиться по-парно. Пары формировались, конечно, по личнымъ симпатіямъ, и со мной въ парѣ оказался одинъ изъ артиллеристовъ — Давидъ Александровичъ Аитовъ, съ которымъ я сошелся всего ближе и съ которымъ послѣ ареста Богомолова работалъ вмѣстѣ и въ кузницѣ, у одного горна. Мы выбрали себѣ для «рекогносцировки» Владимірскую губернію; другія двѣ пары, состоявшія изъ «артиллеристовъ» — товарищей и сожителей моего спутника, одна (Усачевъ и Ѳоминъ)—Костромскую, другая (Тепловъ и Нефедовъ)—Нижегородскую. Намъ казалось, что населеніе именно этихъ губерній должно быть типичнымъ для всего великорусскаго племени, съ котораго мы желали начать наши изслѣдованія. Самые сборы въ дорогу не могли задержать насъ надолго; но выѣзжать изъ Петербурга не слѣдовало всѣмъ одновременно. Передъ отъѣздомъ каждый наблюдалъ нѣкоторое время прибывающихъ въ Петербургъ и выѣжающихъ изъ него рабочихъ, съ цѣлью намѣтить для себя образцы для подражанія въ смыслѣ безукоризненной внѣшности. Вѣдь, каждому надо было рѣшить заранее, какой у него будетъ полушубокъ, «головной уборъ», какая котомка и т. п. Мы сътоварищемъ установили для себя всѣ эти детали съ обоюднаго согласія, и когда все необходимое было куплено, заготовлено, налажено, и мы простились съ наиболѣе близкими друзьями и получили ихъ сердечныя напутствія съ пожеланіями всяческаго успѣха, «побѣдъ», мы, наконецъ, 7-го марта 1874 года выѣхали изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ. На другой день мы доѣхали безъ всякихъ приключеній до Клина, уѣзднаго города Московской губерніи, откуда, по заранее предположенному маршруту, предстояло продолжать путь уже пѣшкомъ, направляясь черезъ Дмитровъ на востокъ, въ давно уже намѣченную Владимірскую губернію. Въ вагонѣ мы какъ-то сразу затерялись въ тѣсотѣ, шумѣ и гамѣ, среди сѣрой рабочей массы; но непривычность нашего положенія когда, по примѣру окружающей публики, мы расположились спать подъ скамейками, лично мной, кажется, не ощущалась особенно рельефно. Быть можетъ послѣ недавней суеты и напряженія послѣднихъ сборовъ и проводовъ теперь наступила реакція... Насколько могу припомнить, я даже отлично выпался на своемъ мягкомъ «ордынскомъ» полушубкѣ.

Но вотъ мы — на улицѣ маленькаго деревяннаго города и... соображаемъ съ полной отчетливостью, что почти уже *сутки* отдѣляютъ насъ отъ всего нашего прошлаго и что разстояніе около 500 верстъ легло между нами и покинутой «цивилизацией»... Вопросъ,

насколько намъ удалось *переодѣваніе*, всталъ теперь передъ нами со всею яркостью. Вѣроятность провалиться на первыхъ же порахъ изъ-за того, что въ насъ сразу признаютъ переодѣтыхъ «студентовъ», до того сильно переоцѣнивалась нами, что уже изъ Клина рѣшено было послать нашимъ петербургскимъ друзьямъ письмо о благополучномъ прибытіи нашемъ въ этотъ городъ. Наивное предположеніе, что каждый встрѣчный при первомъ взглядѣ на насъ тотчасъ же догадается, что въ нашемъ лицѣ подъ новенькими полушубками и простонародными картузами скрыты враги правительства, а въ нашихъ котомкахъ заподозрить спрятанную эту самую пропаганду, даетъ представленіе о нашей полной неопытности. Но эти же наши преувеличенныя волненія показываютъ, какое большое значеніе имѣлъ въ нашихъ глазахъ совершившійся фактъ разрыва съ прошлымъ, со своимъ *привилегированнымъ* положеніемъ. Онъ нами совершенъ, наконецъ, *въ дѣйствительности*, этотъ поступокъ, о необходимости, обязательности котораго такъ много говорили, о которомъ еще больше мечтали—каждый наединѣ съ самимъ собой,—къ которому такъ обстоятельно «готовились» и такъ нетерпѣливо рвались всей душой. Теперь это уже не сборы только, которые всякій воленъ былъ принять за пустыя похвалы.—Нѣтъ, мы *на дѣлѣ* «отряхнули прахъ» и—о радость!—не потерпѣли сразу же позорной неудачи, мысль о возможности которой (какъ и мысль, что «не успѣемъ») больше всего мучила насъ въ періодъ приготовленій. По себѣ, по своей собственной психологіи мы могли судить о настроеніи остававшихся еще въ Петербургѣ товарищей. Мы *знали*, что друзьямъ нашимъ будетъ пріятно получить извѣстіе о «совершившемся фактѣ»,—въ особенности, Александрѣ Яковлевнѣ Ободовской, которая съ необыкновеннымъ, чуть не религіознымъ энтузіазмомъ относилась къ нашей миссіи и горячо, душевно симпатизировала всѣмъ намъ «собиравшимся и готовившимся исполнить священный долгъ,—*вѣрила* въ насъ»... Письмо было написано карандашомъ, на скорую руку; но адресъ необходимо было написать чернилами, и для этого я зашелъ въ аптеку. Если бы фармацевтъ, съ готовностью одолжившій «перышко» одѣтому въ полушубокъ молодому «мужичку», полюбопытствовалъ взглянуть на конвертъ, онъ увидѣлъ бы на немъ не совсѣмъ обыкновенный адресъ: «Его Сіятельству, князю Петру Алексѣвичу Кропоткину». Въ томъ же мѣсяцѣ Петръ Алексѣвичъ былъ выслѣженъ шпіонами и арестованъ. Но мое письмо было послано 8-го марта, т. е., вѣроятно, еще до начала травли и дошло исправно.

Тамъ же, въ Клинѣ мы разспросили про дорогу на Дмитровъ и тотчасъ отправились по ней, горя нетерпѣніемъ испробовать себя въ отношеніи пѣшаго хожденія. Незачѣмъ прибавлять, что мы нигдѣ не останавливались, пока насъ не застигла ночь въ какой-то бѣдной деревушкѣ. Встрѣчаясь на большой дорогѣ съ пѣшеходами, мы старались смотрѣть имъ прямо въ глаза и имѣть видъ «какъ ни въ чемъ не бывало», но не были вовсе увѣрены, что это намъ и въ самомъ

дѣлѣ вполне удастся. Мы все ожидали какой-нибудь нехорошей встрѣчи. Но ничего не случилось до наступленія ночи, и самый ночлегъ—нашъ *первый* ночлегъ въ великорусской деревенской избѣ—тоже сошелъ вполне благополучно. Наша новая жизнь *началась*. Огромная неопытность наша и полнѣйшая непрактичность выразились на первыхъ порахъ и въ неумѣнии поддерживать разговоръ при неизбѣжныхъ распросахъ каждый вечеръ, когда мы приходили на новый ночлегъ. Въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне очень неохотно пускали въ домъ прохожихъ. *Пышныя* гости возбуждали въ нихъ подозрительность. Крестьяне чуть-чуть по-богаче прямо отказывали намъ въ ночлегѣ или безъ всякихъ разговоровъ, или высказывали кратко и безцеремонно свой взглядъ относительно нечистоты на руку вообще прохожихъ. И это повторялось много разъ. Въ самыя бѣдныя избы насъ пускали, но почти вездѣ только послѣ тщательныхъ распросовъ,—въ особенности, о нашемъ маршрутѣ—предыдущемъ и послѣдующемъ, а также о нашихъ намѣреніяхъ... Такъ какъ насъ было двое, и мы не могли во всемъ заранее сговориться между собой, не предвидя характера вопросовъ, то мы сильно рисковали запутаться въ отвѣтахъ. Послѣ первыхъ не вовсе гладко сходившихъ опытовъ я въ большинствѣ случаевъ предоставлялъ первое слово товарищу, признавая его болѣе находчивымъ. Когда мы въ первый разъ слышали неизмѣнно всегда повторявшійся потомъ вопросъ: «чи будете», то мы его прямо *не поняли*, какъ будто съ нами заговорили на незнакомомъ иностранномъ языкѣ. Слово *чи* звучало такъ странно, казалось какимъ-то невѣроятнымъ остаткомъ отъ временъ рабства, когда, можетъ быть, и натурально было спрашивать у крѣпостныхъ, чи они, то есть, какому «господину» принадлежать... Потомъ уже мы сообразили, что это столь дико звучащее слово, въ устахъ крестьянъ просто замѣняло вопросъ *откуда*, т. е. какого уѣзда или какой волости «будутъ» прохожіе ¹⁾.

Такимъ образомъ, намъ пришлось-таки преодолевать кое-какія затрудненія на новомъ пути... Зато велики были и наши юные восторги! Особенно хорошо чувствовалось по утрамъ, когда, выйдя на просторъ изъ душевой избы, и увидя себя на свободѣ, внѣ наблюдений посторонняго глаза, мы полной грудью вдыхали ароматы полей и рощъ и обмѣнивались—уже *на своемъ* языкѣ, не подлаживаясь къ чуждому еще намъ «деревенскому» діалекту—богатыми впечатлѣніями отъ всего невиданнаго и не испытаннаго до тѣхъ поръ, или, что случалось рѣже,—наивно и горячо обсуждали какой-нибудь «теоретическій» пунктъ той или иной программы. Здѣсь, на какомъ-нибудь поворотѣ глухого проселка такой отголосокъ питерскихъ сходовъ, на которыхъ, навѣрное, продолжали по-прежнему «гремѣть» витіи, являлся болѣе чѣмъ страннымъ диссонансомъ. Мы были счастливы въ эти минуты своею молодостью, здоровьемъ, избыткомъ энергіи и сознаниемъ добросовѣстно исполняемаго серьезнаго долга. Къ тому

¹⁾ Въ Сибири тоже спрашиваютъ, «чей (или чьихъ) будешь?» но тамъ,—по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ мѣстностяхъ,—это слово значитъ «какъ фамилія», «какъ прозываешься».

же была ранняя весна — солнышко еще не сильно пригрѣвало, но хорошо и весело освѣщало придорожные пейзажи и золотило по утрамъ виднѣвшіяся вдаль изъ за зарослей главы «скромныхъ» сельскихъ храмовъ... По этимъ колокольнямъ мы старались ориентироваться, справляясь о названіяхъ селъ и деревень по картѣ Главнаго Штаба—десять верстъ въ дюймѣ—запасливо прихваченной въ Петербургѣ. Но существовалъ въ это время у насъ серьезный поводъ для огорченія: мы уже перешли границу между Московской и Владимірской губерніями, а не находили нигдѣ *работы*. Между тѣмъ, именно этотъ «экзаменъ» мы считали самымъ важнымъ и труднымъ, и только выдержавъ его, каждый изъ насъ могъ питать болѣе или менѣе основательную надежду на полное сліяніе съ народомъ хотя-бы въ будущемъ. Здѣсь, «на мѣстѣ», мы скоро поняли, до чего незрѣлой была наша петербургская «кабинетная» манера рѣшать вопросы. Тамъ мы воображали, что стоитъ намъ лишь захотѣть работать, и работа явится сама собой. На дѣлѣ оказывалось иначе; работу вообще бываетъ трудно найти въ мѣстностяхъ, какова намѣченная нами, откуда и «свой лишній народъ» расходится на заработки по всей Россіи. А въ то время, когда мы тамъ странствовали, т. е. незадолго до праздника Пасхи, и вовсе не кстати было искать тамъ работы: добрые-то люди, какъ разъ наоборотъ, къ Пасхѣ брали расчетъ и уходили на родину. Это и было намъ высказано гдѣ-то уже въ Александровскомъ уѣздѣ, когда мы въ сотый разъ заявили, что ищемъ работы.

По мѣрѣ того, какъ приближалась Пасха, наше хожденіе по дорогамъ изъ села въ село становилось все болѣе и болѣе непонятнымъ для мѣстныхъ жителей. Къ тому же мы были въ буквальномъ смыслѣ слова «иноземцы» здѣсь, въ центральной Россіи и о религіи и обычаяхъ мѣстнаго населенія имѣли только самое общее представленіе, потому что я — уроженецъ Таврической губерніи и происхожу отъ родителей *евангелическаго* вѣроисповѣданія, а Д. А. Антовъ, сынъ интеллигентнаго *малометанина*, родился и выросъ въ Оренбургѣ. И мы спрашивали себя, какова же будетъ здѣсь наша роль во время праздника Пасхи съ нашимъ незнаніемъ религіозныхъ обычаевъ, которые, какъ мы слышали, соблюдаются строго въ центральныхъ губерніяхъ. Тогда, сообразивъ все это, рѣшили уѣхать на время въ Москву, тѣмъ болѣе, что до нея было недалеко, и мы знали, какъ разыскать тамъ людей, подобныхъ намъ. На минуту мы не шутя задумались было еще надъ вопросомъ, не будетъ ли это проявленіемъ слабости, непростительнымъ *отступленіемъ*... Ставя этотъ вопросъ, мы имѣли въ виду *обѣтъ*, который каждый изъ насъ въ глубинѣ души и безъ всякой показной торжественности давалъ самому себѣ—обѣтъ *порвать* съ цивилизаціей... и, конечно, «навсегда». Вообще, намъ приходилось иногда рѣшать среди дороги вопросы «нравственного порядка». Невозможно забыть, напримѣръ, какъ нашъ чрезмѣрный ригоризмъ въ отношеніи пищи разъ чуть-было не дошелъ до самыхъ крайнихъ высотъ комизма: у насъ *возникало*—правда, только на одно мгновеніе—*вопросъ, позволительно ли* намъ, взявшимъ въ руки страннической посохъ... *тѣсть селедки?* Это случилось, кажется, еще

въ самомъ началѣ нашего похода. Мы до того прониклись, вѣроятно, путемъ самовнушенія, воображаемо-«мужицкими» воззрѣніями, что проходя торговымъ селомъ, взирали на всѣ разставленныя на базарѣ деревенскія приманки, какъ на грѣховную роскошь, отъ которой мы лично будемъ далеки... Между тѣмъ, молодые организмы, при серьезной работѣ—непривычной ходьбѣ—мощно требовали чего нибудь «азотистаго», а этотъ элементъ безусловно отсутствовалъ въ тѣхъ ужинахъ (пустые щи), которыми насъ продовольствовала деревня за нѣсколько копеекъ на ночлегахъ.

И вотъ, «лукавый» вздумалъ однажды, во время привала на кучѣ камней у дороги, искушать насъ соблазнительнымъ видѣніемъ селедки... И онъ побѣдилъ! Искушеніе имѣло тотъ результатъ, что въ ближайшей сельской лавченкѣ была куплена пара сельдей и Лукуловъ пиръ состоялся, опять таки на большой дорогѣ, при гомерическомъ хохотѣ участниковъ... Любопытенъ и рядъ логическихъ построений, склонившихъ тогда наше рѣшеніе въ сторону поблажки чревоугодію: «Если селедки продаются въ убогихъ лавченкахъ и въ большихъ количествахъ на всѣхъ базарахъ», такъ, приблизительно, разсуждали мы, «то, очевидно, ихъ покупаетъ не аристократія. *Ergo*, народъ иногда ѣстъ ихъ,—а потому можно ѣсть изрѣдка и намъ».

Въ смыслѣ поблажки слабости человѣческой былъ рѣшенъ и вопросъ объ «отступленіи» въ Москву на время Пасхи. Дѣло было въ уѣздномъ городѣ Александровѣ Владимірской губерніи, и мы отправились было на желѣзнодорожную станцію, чтобы немедленно привести свой новый планъ въ исполненіе. Но на станціи намъ сообщили, что поѣздъ будетъ только поздно ночью и не позволили остаться ожидать его, а вѣрнѣе—довольно грубо выпроводили. На дворѣ было холодно и, кажется, шелъ дождь. Приходилось вернуться въ городъ и тамъ переждать гдѣ-нибудь отъ обѣда до ночи. Тутъ-то и случилось происшествіе, безъ котораго наша первая экскурсія «въ народъ» была-бы, можетъ быть, черезъ-чуръ благополучной, и ее почти нечѣмъ было бы послѣ и помянуть. Идти на постоялый дворъ намъ и въ голову не приходило: мы знали, что тамъ спросятъ паспорта, а наши были хоть и хорошіе, но всетаки не настоящіе. Поэтому мы рѣшили пересидѣть въ трактирѣ.

Потребовавъ обычнымъ порядкомъ «двѣ пары чаю» и вынувъ изъ своихъ узелковъ запасъ чернаго хлѣба—нашу повседневную пищу въ дорогѣ, мы принялись не спѣша угощаться.

За другимъ столомъ, недалеко отъ насъ сидѣли двое и громко разговаривали. Одинъ изъ этихъ двухъ собесѣдниковъ былъ хозяиномъ этого самаго трактирнаго заведенія, въ которомъ мы расположились пить чай, а другой только что окончилъ одну специальную работу при трактирѣ и теперь, послѣ трудовъ, выпивалъ и закусывалъ. Такіе специалисты въ народѣ зовутся золотарями. Мы съ товарищемъ, не умиля вести разговоръ во всеуслышаніе, какъ эти туземцы, почти все время сидѣли молча и только изрѣдка переговаривались между собой въ полъ-голоса. По прошествіи нѣкотораго времени мы замѣтили, что хозяинъ трактира и золотарь что-то недружелюбно поглядываютъ въ нашу сторону. Дѣло этимъ не ограничилось. Когда мы,

Андрей Афанасьевич
ФРАНЖОЛИ.

расплатившись за чай, все же не ушли, а остались сидѣть за столомъ, по нашему адресу начали раздаваться нелестныя замѣчанія, а потомъ насъ уже прямо принялись экзаменовать... Спрашивали, разумѣется, «чьи» мы, куда идемъ и «за какимъ случаемъ»... Когда мы назвались слесарями, работавшими на фабрикѣ въ Киржачѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы не были, золотарь спросилъ, гдѣ у насъ инструментъ. Товарищъ отвѣтилъ, что на фабрикахъ слесаря работаютъ хозяйскимъ инструментомъ. Но этотъ резонный отвѣтъ не удовлетворилъ неугомоннаго золотаря.

— Они, должно, и вправду мастера, только по другой части, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину. Тутъ мы поняли, что насъ принимаютъ за профессиональных воровъ.

Почему-то два слишкомъ молодыхъ безбородыхъ и безусыхъ парня—оба черноволосые, съ «не нашимъ будто» обличемъ, можетъ цыгане,—да еще, въ добавокъ, оба въ новенькихъ, *бѣлыхъ* полушубкахъ, какихъ, вѣроятно, въ томъ уѣздѣ не носятъ, возбудили подозрительность доморощенного сердцевида, можетъ быть, уже потерпѣвшаго какъ-нибудь отъ прохожихъ жуликовъ.

Возможно и то, что ему вздумалось придираться къ намъ просто *такъ*, отъ скуки или ради озорства, ради собственной потѣхи, и уже потомъ, во время самого вопроса наши неудачные отвѣты вызвали какъ будто основательныя подозрѣнія.

Одинъ наблюдатель народныхъ нравовъ, не особенно, впрочемъ, проницательный, утверждалъ, будто «русскій скандалу радъ». Но я далеко не увѣренъ въ правдивости этого афоризма, можетъ быть, подслушаннаго у какого-нибудь босняка. Какъ бы то ни было, но наше положеніе становилось натянутымъ. Теперь уже было бы небезопасно просто встать и уйти, и мы не знали, какъ поступить. Но вотъ, послѣ какихъ-то переговоровъ въ полъ-голоса съ хозяиномъ нашъ инквизиторъ опять заговорилъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ:

— Такъ ты, говоришь, былъ въ Киржачѣ?

— Былъ...

— А сколько тамъ церквей?

Я, что называется, съ бацу, говорю:

— Пять!

Этотъ «несообразный» отвѣтъ видимо взволновалъ и хозяина; а «совопросникъ» прямо кипѣлъ и клекоталъ...

— Вотъ и видать, какіе «мастера»...—кричалъ онъ грозно: *одна* тамъ всего церковь и никогда не было больше одной. Вы не то, что въ Киржачѣ, знать и близко не были!

Онъ былъ очень разгоряченъ, и мнѣ уже, кажется, приходило въ голову, какъ бы онъ не полѣзъ въ драку. Но сцену прекратилъ хозяинъ, посовѣтовавшій намъ очень внушительнымъ тономъ уходить сейчасъ «по добру-по здорову изъ трактира, пока до полиціи дѣло не дошло».

— Ну и уйдемъ!—сказалъ Аитовъ съ напускнымъ спокойствіемъ.

Мы тотчасъ забрали свои котомки и палки и, не торопясь, вышли изъ трактира. Неугомонный «спеціалистъ» напутствовалъ насъ словами: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».

Вѣроятно, онъ намекалъ на наши слишкомъ новые полушубки, хотя отъ нихъ до собственныхъ палатъ—еще очень большое разстояніе.

Происшествіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Мы добрались до вокзала, который, по обыкновенію русскихъ путейцевъ, выстроенъ отъ города довольно далеко... Тамъ ожидающихъ поѣзда пассажировъ уже не гнали вонъ. Быть можетъ, уже и „часы вышли“. Мы дождались, наконецъ, поѣзда и безпрепятственно доѣхали до Москвы.

Д. А. Аитовъ, мой тогдашній спутникъ, напомнилъ мнѣ недавно, какъ, идя отъ трактира на станцію, я «непремѣнно хотѣлъ изорвать тотъ листъ десятиверстной карты, который въ случаѣ ареста могъ послужить уликой противъ насъ». Но этому вандальскому плану всѣхъ силъ воспротивился онъ, мой другъ (впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ и очень компетентнымъ *картографомъ*), и карта осталась не уничтоженной. Мнѣ, дѣйствительно, мерещилась погоня, которой на самомъ дѣлѣ не было. Но и то сказать: она *могла бы* быть и непремѣнно была бы, если бъ не такія спокойныя времена. Бумаги о пропагандистахъ еще не были въ то время разсылаемы по провинціи. Послѣ, придя въ себя, я, помню былъ не мало смущенъ и недоволенъ собой за эту исторію. Въ ней я проявилъ много ненаходчивости и мало самообладанія, чего нельзя было сказать про моего спутника. Во всякомъ случаѣ, по благополучномъ окончаніи инцидента у насъ оказывалась не одна, а нѣсколько причинъ быть только довольными этимъ финальнымъ приключеніемъ нашей рекогносцировки. Мы восприняли «боевое крещеніе»; полиція *не* была приглашена; насъ, какъ говорится, пальцемъ не тронули и—самое главное—мы *не* были признаны за переодѣтыхъ студентовъ.

Я уже упоминалъ, что мы имѣли возможность разыскать въ Москвѣ нашихъ. Но прямо и непосредственно этого нельзя было сдѣлать. Такіе адреса вообще бываютъ непостоянны. А отправляясь изъ Петербурга, мы не знали, *когда* будемъ въ Москвѣ и будемъ-ли когда-нибудь.

Лишь на всякій случай намъ было рассказано, какъ найти тамъ стоящую «внѣ подозрѣній» сестру одного виднаго петербургскаго чайковца ¹⁾, которая дружески относилась къ нѣкоей «Наташѣ» ²⁾ и поддерживала съ нею постоянныя сношенія. Первая—уже пожилая дама—занимала хорошую квартиру, если не ошибаюсь, въ мѣстности, прилегающей къ Арбату. Предстояло одному изъ насъ войти въ ея квартиру съ чернаго хода (пока другой дожидался бы на улицѣ, въ условленномъ мѣстѣ) и черезъ прислугу вызвать на кухню «барыню». Передавъ ей поклонъ отъ ея брата Петра Алексѣевича, слѣдовало, соблюдая должную предосторожности *devant les gens*, спросить адресъ «Наташи», жившей, какъ оказалось, и въ то время въ родительскомъ

¹⁾ П. А. Кропоткина.

²⁾ Наталья Александровна Армфельдъ, членъ московскаго кружка чайковцевъ. Она была впослѣдствіи сослана на Кару, нѣсколько лѣтъ просидѣла въ каторжной тюрьмѣ и умерла въ „вольной командѣ“.

домѣ. Здѣсь надо было опять, не возбуждая подозрѣній окружающихъ, такимъ же порядкомъ добраться до «барышни»... Все это, къ моему удивленію, удалось продѣлать безпрепятственно. Сестра была уже заранее предупреждена братомъ, что къ ней могутъ обратиться съ подобной просьбой; а у «Наташи» прислуга, повидимому, перестала уже удивляться ея «страннымъ», а можетъ быть и была посвящена въ нѣкоторыя дѣла своей барышни-крестьянки. Но этимъ еще не оканчивались наши мытарства «Барышня» на-скоро переодѣлась по-проше, накинула на голову платочекъ и пошла самолично проводить насъ въ башмачную мастерскую, народившуюся гдѣ-то на Прѣснѣ или на «Плющихѣ». «Наташа» хорошо знала Москву и шла впереди насъ увѣреннымъ шагомъ, изрѣдка оборачиваясь къ намъ, чтобы спросить что-нибудь про Пигеръ или про наше путешествіе. Наконецъ мы благополучно прибыли на мѣсто, не встрѣтивъ на пути никакихъ препятствій, если не считать того, что прохожіе съ удивленіемъ оглядывались на нашу своеобразную группу. Двумъ неуѣренно выступавшимъ малорослымъ парнямъ, одѣтымъ въ чистенькіе, совершенно одинаковые полушубки, съ дорожными посошками въ рукахъ и котомками за плечами, указывала дорогу смѣло шагавшая дѣвица, которую могли принять за переодѣтаго мужика или гвардейца... Она была ростомъ на добрыхъ полъ аршина выше каждаго изъ насъ.

Въ Москву мы явились чрезвычайно кстати, чтобы сдѣлаться свидѣтелями единственного въ своемъ родѣ оживленія, которымъ навсегда отмѣчены въ русской исторіи весна и лѣто 1874 года. Тамъ происходило въ то время приблизительно то же, что двумя тремя мѣсяцами ранѣе мы наблюдали въ Петербургѣ.

Но были и различія, вызванныя притомъ не одними только мѣстными условіями. Москва сдѣлалась, именно около Пасхи, мѣстомъ встрѣчи уже весьма многочисленныхъ наличныхъ революціонныхъ силъ, мобилизованныхъ прямо для пропаганды, то есть, элементовъ уже отфильтрованныхъ отъ той массы молодежи, которая все еще продолжала заниматься словесными выясненіями жгучихъ вопросовъ. Тамъ собирались, временно, въ большомъ числѣ люди дѣла, люди, какъ сказали бы позже, немедленной *акціи*. Это *дѣловое* теченіе сливало свои волны съ потокомъ чисто мѣстнымъ, частію тоже дѣловымъ, включавшимъ элементы прежнихъ «строго конспирагивныхъ» группъ. Но къ нимъ примыкала также масса юношей, едва лишь затронутыхъ духомъ времени, уже наглядно и ярко начавшимъ тогда обозначать свой «порядокъ дня». Для такихъ *выясненіе* волновавшихъ ихъ вопросовъ было еще насущною необходимостью, и имъ въ этомъ, какъ нельзя болѣе, помогла та «случайность», что какъ разъ въ это время тамъ были и испытанные уже дѣятели, которыхъ прошлый опытъ могъ послужить опорой неопитамъ въ ихъ горячемъ и беззаветномъ стремленіи.

А вѣлнія «духа времени» все болѣе опредѣлялись...

«Точно какой-то могучій кликъ, исходившій неизвѣстно откуда», говоритъ про это именно время Степнякъ въ своей *Подпольной Россіи* «пронесся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія родины и человѣчества. И всѣ, въ комъ

была живая душа, отзывались и шли на этотъ кликъ, исполненные тоски и негодованія за свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кровь... семью, отдавались движенію съ тѣмъ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ препятствій, не мѣряетъ жертвъ»...

«Движеніе это... было... какимъ-то крестовымъ походомъ, отличающаеясь вполне заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религиозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія».

Одной изъ «центральныхъ фигуръ» былъ, во истину, тогда въ Москвѣ Порфирій Войнаральскій, бывшій помѣщикъ и мировой судья, который, между прочимъ, превосходно исполнялъ роль хозяина учебной пропагандистской мастерской въ родѣ нашихъ петербургскихъ, но съ несравненно болѣе многочисленными участниками, притомъ, часто мѣнявшимися. Временные гости, въ родѣ меня съ Аитовымъ, радушно принимались, получали колодки, шило, дратву и весело садились тачать сапоги или даже мастерить дамскіе ботинки. Исполняемая подъ руководствомъ приглашеннаго Порфириемъ Ивановичемъ хорошо знавшаго свое дѣло питерскаго «настоящаго» мастера и помогавшаго ему въ исполненіи его инструкторскихъ обязанностей «подмастерья» изъ студентовъ—сельско-хозяйственниковъ Петровско-Разумовской академіи М. Г. Соловцовскаго, работы наши выходили не вовсе изъ рукъ вонъ скверными... Было въ то время въ Москвѣ и нѣсколько человѣкъ петербургскихъ чайковцевъ, захватившихъ туда на пути «въ народъ». Желая сдѣлать болѣе производительнымъ свое вызванное тѣми или иными обстоятельствами временное проживаніе въ Москвѣ, они усердно посѣщали, съ цѣлью пропаганды, сходки молодежи, дѣлавшіяся все болѣе и болѣе многолюдными, все болѣе похожими на открытыя, не запрещенныя собранія. Могу назвать изъ числа подвизавшихся вмѣстѣ съ нами по башмачной части Михаила Воронкова ¹⁾ и Алексѣя Знаменскаго, а изъ «старыхъ» чайковцевъ, опять встрѣченныхъ мною здѣсь—Кравчинскаго, Д. А. Клеменца и Л. Э. Шишко.

Коренные москвичи: Фроленко, Саблинъ и Наталія Армфельдъ принадлежали къ составу этой же сплоченной группы. Изъ младшихъ выдѣлялись: Аркадакскій, съ которымъ мнѣ почти не пришлось познакомиться и чрезвычайно милый и какъ бы отиѣченный уже тогда печатью таланта, почти еще мальчикъ Н. А. Морозовъ ²⁾.

¹⁾ Мой товарищъ по процессу 50-ти, умершій послѣ суда.

²⁾ Очаровательный образъ Олимпіады Алексѣевой, такъ чудно очерченный Н. А. Морозовымъ въ его „Воспоминаніяхъ“ (см. Р. В., май 1906) лишь мимолетнымъ, хотя и незабвеннымъ видѣніемъ промелькнулъ передъ нами. Мы вѣдь только на короткое время попали тогда въ Москву и не были особенно усердными посѣтителями лѣтнителя „салона“.

Я смутно помню впечатлѣніе какъ бы нѣкакого аскетическаго конфуза по поводу чрезвычайнаго, какъ казалось кое-кому изъ насъ, преобладанія тамъ музыки и пѣнія, да еще пѣнія-то „цыганскаго“...

Незамѣтно подошла и прошла Пасха. Мы, мастеровые со своимъ превосходнымъ «хозяиномъ» во главѣ были «кабыть слѣдующимъ порядкомъ» у заутрени въ маленькой церкви въ Бутыркахъ, куда еще при насъ переселилась мастерская. Мы присутствовали также при чудесной сценѣ, когда мѣстные городовые въ числѣ четырехъ или пяти нижнихъ чиновъ пришли поздравить нашего мнимаго принцпала съ праздникомъ и получили за это по полтинѣ денегъ. Можно было уже подумать и о выступленіи въ новый походъ... Но меня задержало въ Москвѣ особое и еще небывалое у насъ обстоятельство: мы узнали, что въ Москву ѣдетъ изъ Орла талантливый и популярный пропагандистъ—одинъ изъ старшихъ и наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей—съ цѣлью прочесть намъ рядъ лекцій—проповѣдей въ духѣ объявившейся въ Орлѣ «новой религіи», иначе—богочеловѣчества. Онъ гостилъ довольно продолжительное время въ Орлѣ у Маликова—старога радикала, привлекавшагося еще по Каракозовскому дѣлу, который неожиданно выступилъ тамъ съ проповѣдью «богочеловѣчества»—ученія въ родѣ христіанскаго социализма, о «догматической» сторонѣ котораго я не рѣшусь говорить изъ опасенія многого перепутать, такъ какъ и тогда не былъ особенно силенъ въ пониманіи основъ этого ученія. Мы узнали, что новая религія предполагаетъ въ каждомъ человѣкѣ въ его душѣ какъ бы «бога», что принявшіе это ученіе проповѣдуютъ нѣчто подобное объявившемуся много позже непротивленію злу и считаютъ для себя обязательною открытую проповѣдь *мирную социализма всѣмъ и каждому*,—даже и служащимъ въ полиціи, признавая и «синихъ» за такихъ же *людей*, которые-де тоже имѣютъ въ себѣ «божественную искру». Скоро лекторъ—проповѣдникъ дѣйствительно пріѣхалъ, и всѣ мы услышали его проповѣди передъ аудиторіей, превосходившей своею многочисленностію всѣ прежнія собранія. Эти проповѣди—особенно въ виду прошлаго лектора—были крупнымъ событіемъ. Онѣ сводились къ ряду краснорѣчивыхъ доводовъ противъ какихъ бы то ни было насилій, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и особенно противъ кровавой *революціи*, которую мы, пропагандисты, считали, а прежде и самъ проповѣдникъ, увѣровавшій въ богочеловѣчество, считалъ печальнымъ, и страшнымъ, но, къ сожалѣнію, неизбѣжнымъ средствомъ освобож-

Не даромъ, на ряду съ промелькнувшими тамъ свѣтлыми видѣніями, мнѣ всегда вспоминается и сарказмъ (навѣрное, „Ельцинскаго“): „дѣло мѣшають съ бездѣльемъ“.

А въ офицеры Н. А. произвелъ меня ошибочно: я никогда не состоялъ ни въ какомъ воинскомъ званіи. Тутъ что то такое, но давности времени, снудалось. (Можетъ быть, Н. А. Морозовъ смѣшалъ меня въ этомъ отношеніи съ Воронковымъ, которому и ключка была присвоена у насъ „поручикъ“,—причемъ, по обыкновенію произвелъ его въ слѣдующій чинъ).

Съ Н. А. Морозовымъ мы, дѣйствительно, какъ то сразу стали друзьями въ Москвѣ въ 1874 г. (Меня, покрайней мѣрѣ, къ нему влекло сильное чувство привязанности). Но насколько помню, это случилось не весной, а, должно быть, позже, вѣроятно, въ августѣ, когда я вернулся изъ Нижняго и когда, увы, ни мастерской, ни салона уже не существовало. Наша близость въ этотъ періодъ выразилась, между прочимъ, въ томъ, что, какъ я твердо помню, Н. А. принималъ участіе въ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ поѣздкѣ Крылова (рабочаго, близко стоявшаго къ чайковцамъ, стойкаго, убѣжденнаго, развитога и практически-дѣльнаго человѣка) на Волгу съ моимъ письмомъ къ „Нижегородцамъ“. Поѣздка эта погубила Крылова.

денія порабощеннихъ народныхъ массъ. Многіе были въ высшей степени опечалены неожиданнымъ переломомъ въ міросозерцаніи того, кто еще недавно занималъ въ нашей средѣ выдающееся положеніе, и могли утѣшиться развѣ только тѣмъ, что «увѣровавшихъ» оказывалось—въ Москвѣ по крайней мѣрѣ—не много: всего одинъ или двое. Пребываніе въ Москвѣ разлучило меня съ моимъ спутникомъ на все остальное время моего хожденія въ народъ. Послѣ Пасхи оба, и я и онъ, предприняли опять пѣшія путешествія въ крестьянскомъ образѣ. Но въ этотъ разъ мы пошли не вмѣстѣ. Я направился, теперь уже одинъ, въ ту-же Владимірскую губернію.

Москва съ ея оживленіемъ осталась позади. Я былъ снова на широкомъ просторѣ большой дороги, и кругомъ, несмотря на близость столицы, простиралась самая подлинная сѣрая деревенская Русь,—та «убогая и обильная, могучая и безсильная» мужицкая Русь, на идейное завоеваніе которой уже двигалась съ такимъ небывалымъ энтузіазмомъ наша молодая рать, только-что отбывшая въ Москвѣ большіе маневры... Бодрый видъ этихъ славныхъ «батальоновъ», рвавшихся на подвигъ, какъ рвутся въ бой настоящіе исполненные патріотизма повстанцы, и самонадѣянные рѣчи непримиримыхъ революціонеровъ въ отвѣтъ на проповѣдь новоявленныхъ мирныхъ христіанъ-непротивленцевъ, и трезвые, дѣловитые обсуждения пріемовъ революціонной техники, вплоть до отдѣльных спеціальностей, до деталей книжнаго дѣла, паспортнаго и т. д.,—вообще вся масса новыхъ жизней, радостныхъ впечатлѣній—все поддерживало приподнятое настроеніе духа въ чудной гармоніи съ пробуждавшейся природой. Недавняго недовѣрія къ себѣ, неувѣренности въ томъ, на примѣръ, съумѣю-ли я *разговаривать* съ деревенскими мужиками,—какъ не бывало. Я почувствовалъ себя какъ-то вдругъ уже обстрѣляннымъ и не уклонился даже отъ совмѣстнаго путешествія съ цѣлой маленькой артелью туляковъ подъ самою Москвой, пока не оставилъ еще рязанской дороги, на которую попалъ было первоначально, при выходѣ за заставу. Впрочемъ, изъ попытки хорошенько разговориться въ придорожномъ кабацѣ, куда мы всѣ зашли погрѣться, ничего не вышло, и притомъ оказалось, что моимъ временнымъ попутчикамъ надо было своротить въ проселокъ, я же долженъ былъ пробираться въ противоположную сторону, на дорогу, ведущую въ Орѣхово-Зуево. Хотѣлось осуществить прежній—еще петербургскій планъ,—пройти пѣшкомъ всю Владимірскую губернію и кусокъ Нижегородской, до Нижняго, становясь, гдѣ можно, на работу. Какъ-то рано утромъ, послѣ ночлега, съ которымъ у меня не связано никакихъ особенныхъ воспоминаній, я сталъ разспрашивать крестьянъ про дорогу и въ первый разъ услышалъ упоминаніе о старомъ почтовомъ трактѣ между Москвой и Нижнимъ Новгородомъ. На этотъ тракъ и мнѣ слѣдовало выйти послѣ извѣстнаго ряда „поворотовъ“. Когда я и въ самомъ дѣлѣ очутился на «столбовой» дорогѣ, огражденной канавками и протянувшейся между тощимъ кустарникомъ куда-то въ гору, на меня вдругъ напала ще-

мящая тоска... Я сообразилъ, что, вѣдь, этотъ большой трактъ и есть знаменитая „Владимірка“, про которую поется въ извѣстной трогательной пѣснѣ, какъ „за широкій, за вольный размахъ“ по ней, по Владиміркѣ „гонять“ неудачника-пахаря... Крестьяне въ одномъ мѣстѣ такъ, вѣдь, и назвали ее мнѣ „Владиміркою“—совершенно, впрочемъ, безхитростно, безъ помышленія о „кандалахъ“. Она ведетъ черезъ Владиміръ не только въ Нижній, но и много дальше, восточнѣе, куда воронъ не заноситъ добровольно костей. Иносказательно, морально я, конечно, не тогда, а гораздо ранѣе ступилъ впервые на путь, роковымъ образомъ приводящій въ тѣ дали; но тутъ я уже и въ самомъ дѣлѣ, по настоящему „попиралъ ногами“ залившую пескомъ и дорожной грязью щебенку подлинной Владимірки и печально улыбался этой „таинственной игрѣ случая“... Въ Орѣховѣ-Зуевѣ меня не приняли на фабрику ни у Саввы, ни у „Елиса“ (Морозовыхъ) и я побрелъ дальше. Та же неудача преслѣдовала и на остальномъ пути. Дорожныя встрѣчи и ночлеги смѣнялись довольно однообразно; съ каждымъ днемъ, однако же, я замѣтно приспособлялся къ своей роли „прохожаго“,—узнавалъ быть и придорожныхъ торговыхъ селъ, и убогихъ деревушекъ, вообще, обильно пропитывался полезными мелкими знаніями, набирался практической сноровки. Только одной необходимѣйшей „сноровкѣ“ пѣшехода я нигдѣ не научился, пока не привела нужда ее узнать, да не растолковали ужъ послѣ добрые люди: въ своемъ походѣ я не дѣлалъ дневокъ. Убѣдившись, что въ данномъ мѣстѣ нельзя попасть на работу безъ рекомендацій, — „безъ знакомства“, я тотчасъ же шелъ дальше и каждый день дѣлалъ по 30 и болѣе верстъ. Я не догадался остановиться для отдыха ни въ Ковровѣ, ни во Владимірѣ, гдѣ могъ бы свободно прожить на постоялыхъ дворахъ сколько угодно времени. Отъ продолжительнаго путешествія пѣшкомъ *безъ дневокъ* мои ноги, когда я дошелъ до Гороховца, города уже не Владимірской, а Нижегородской губерніи, настолько пострадали, что я никакъ не могъ уже надѣяться добраться до Нижняго пѣшкомъ и остававшееся небольшое разстояніе принужденъ былъ проѣхать „на машинѣ“.

Въ Нижнемъ я остановился на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ на *Нижнемъ Базарѣ*. Этотъ постоялый дворъ больше походилъ, впрочемъ, на ночлежный пріютъ для безработнаго городского пролетаріата. Тамъ, кромѣ немногочисленныхъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ на базаръ изъ ближнихъ деревень, находили ночлегъ преимущественно плотники, пильщики, два или три лишившихся мѣстъ трактирныхъ половыхъ, нищіе, одинъ уличный продавецъ табаку и папирсъ... Въ тѣ полторы или двѣ недѣли, которыя я прожилъ на этой квартирѣ, мало оставаясь тамъ днемъ, а почти только ночуя, мнѣ впервые представился случай ближе наблюдать въ ихъ закулисной обстановкѣ городскіе типы безработныхъ и поденщиковъ,—не настоящихъ, однако же, босяковъ. Позже мнѣ пришлось гораздо больше времени проводить въ подобной средѣ и познакомиться съ нею ближе; но я думаю, что и эти первыя впечатлѣнія очень пригодились мнѣ

для скрытой работы формированія опредѣленныхъ взглядовъ на жизнь, на „народъ“, для чего не успѣла мнѣ дать необходимыхъ элементовъ ни школьная жизнь на югѣ, ни студенческая въ Петербургѣ, вдали отъ великорусской атмосферы, ни кратковременное странствованіе по большимъ дорогамъ. Моею первой заботой по пріѣздѣ въ Нижній было—разыскать въ одномъ изъ ярмарочныхъ рядовъ чайный магазинъ одной крупной фирмы, которымъ завѣдовалъ приказчикъ, сочувствовавшій нашимъ цѣлямъ. Въ качествѣ конспиратора, вѣрнаго старымъ пріемамъ, я не счелъ возможнымъ, при моемъ простонародномъ переодѣваніи, просто войти въ магазинъ и спросить довѣреннаго, а сдѣлалъ видъ, что мнѣ надо купить чаю... Но молодой человѣкъ, къ которому я обратился, почему-то сейчасъ же *догадался*, „изъ какихъ“ я „буду“ и доложилъ обо мнѣ именно тому лицу—старшему въ магазинѣ—которое мнѣ надо было отыскать. Какъ оказалось, конспирацій здѣсь не признавали никакихъ. Приказчикъ, послѣ краткаго разговора, далъ мнѣ въ провозатые мальчика, и мы съ нимъ пошли черезъ весь городъ, почти къ самому острогу. Тамъ стоялъ въ концѣ пустынной улицы небольшой одноэтажный домикъ. Мальчикъ довелъ меня до него, сказалъ, что надо постучаться въ первое окно, а самъ куда-то исчезъ. Обитателями домика оказались два брата Серебровскіе. Старшій служилъ писцомъ въ какой-то канцеляріи, а младшій прежде учился въ духовномъ училищѣ, но долженъ былъ уйги оттуда вслѣдствіе какой-то исторіи. Оба брата были очень молоды. Ихъ квартира служила какъ бы станціей для всѣхъ народниковъ, направлявшихся на Волгу или возвращавшихся съ низу.

Не знаю, по какимъ соображеніямъ и къмъ собственно были первоначально „вовлечены“ эти какъ будто и симпатичные, но совсѣмъ мало развитые и далеко не сознательные юноши. Я даже не увѣренъ въ томъ, что привлеченіе ихъ къ „практикѣ“ нашего дѣла не произошло какъ-нибудь само собой, неумышленно и „по инерціи“. Возможно, что одинъ кто-нибудь, случайно, только разъ переночевалъ у нихъ, да въ порывѣ откровенности разсказалъ всю правду—кто онъ и куда идетъ... Другой, по примѣру перваго, тоже соблазнился для временнаго пріюта укромно расположеннымъ домикомъ и тоже не сдерживалъ языка передъ такими хорошими парнями. А потомъ нагрянула уже цѣлая компанія, да—такъ оно и пошло. Въ мое время братья Серебровскіе уже считались какъ бы „своими“: знали многое и многихъ, оказывали посильное содѣйствіе въ разныхъ мелкихъ заботахъ по части „снаряженія“... Въ это время показалось бы уже и неловкимъ, даже несправедливымъ особенно какъ-нибудь секретничать передъ ними. Послѣдствія не оправдали нашей довѣрчивости: Серебровскіе, попавъ въ тюрьму, оказались слабыми, стали давать откровенныя показанія. Конечно, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы были *сами виноваты*: не надо было довѣрять своихъ тайнъ мало знакомымъ, мало сознательнымъ и вовсе не испытаннымъ юношамъ.

Но этотъ „провалъ“ случился гораздо позже—въ августѣ; а, пока что, меня ждала здѣсь большая радость—встрѣча съ двумя то-

варищами—петербургскими „артиллеристами“. Это были—Усачевъ и Ёоминъ, выбравшіе себѣ для „рекогносцировки“ Костромскую губернію. Въ силу какихъ-то комбинацій они очутились временно въ Нижнемъ. Мы разсказывали другъ другу подробности о своихъ „походахъ“, дѣлились результатами путевого опыта, вѣстями о друзьяхъ и общихъ знакомыхъ. О третьей парѣ тоже были свѣжія извѣстія. Одинъ изъ „артиллеристовъ“ этой пары, почему-то разлучившейся,—Николай Тепловъ успѣлъ побывать въ извѣстномъ своими металлическими издѣліями селѣ Павловѣ на Окѣ. Тамъ еще до его появленія существовала пропаганда, и нижегородскіе товарищи много говорили объ удачныхъ ея результатахъ,—о переходѣ въ социализмъ двухъ самостоятельныхъ хозяевъ-кустарей. Меня это очень заинтересовало, и, притомъ, возникала нѣкоторая надежда найти въ Павловѣ работу. Поэтому я, не долго думая, отправился туда на пароходѣ по Окѣ. Благопріятныя свѣдѣнія въ общемъ вполнѣ подтвердились. Одинъ изъ обращенныхъ, Николай Алексѣевичъ Л—въ оказался главой семьи, состоявшей, кромѣ его жены, изъ младшихъ братьевъ (если не ошибаюсь, трехъ) и сестры.

Вслѣдъ за «большакомъ» и вся семья стала придерживаться его новыхъ вѣрованій... Этотъ интересный случай напоминалъ явленія прозелитизма въ мірѣ сектантовъ, между прочимъ той же Нижегородской губерніи. Кажется, я читалъ гдѣ-то, что тамъ, когда «хозяинъ» въ своихъ исканіяхъ «лучшей» вѣры, окончательно останавливаетъ свой выборъ на какой-нибудь сектѣ, то вмѣстѣ съ нимъ и вся его семья, отъ мала до велика, переходитъ изъ какихъ-нибудь, скажемъ безпоповцевъ, въ другое согласіе, принимѣръ въ бѣгуны. Семья Л — хъ давно лишилась отца и «домохозяиномъ» въ смыслѣ сельской тягловой единицы, обладавшимъ и правомъ голоса на сходѣ, былъ старшій братъ, именно Николай Алексѣевичъ. Это былъ очень развитой и дѣльный мастеровой-кустарь, много читавшій и счумѣвшій пріобрѣсти вліяніе, благодаря своей честности — серьезной настойчивости въ мірскихъ дѣлахъ на многихъ своихъ односельчанъ ¹⁾.

Онъ былъ однимъ изъ выборныхъ не то членовъ правленія, не то ревизіонной комиссіи «Складочной Артели» павловскихъ кустарей, которая была основана тамъ стараніями «постепеновца» и поборника артельного начала инженеръ-технолога Зернова. Хотя самъ основатель артели (и ссудо-сберегательнаго товарищества) былъ вполнѣ умѣреннаго образа мыслей, но нѣкоторые его сотрудники ²⁾ оказались настолько «красными», что въ Павловѣ, по ихъ иниціативѣ, завелась настоящая пропаганда. Въ составъ выборныхъ складочной артели, естественно, попадали болѣе развитые, болѣе сознательные элементы и они же, понятно, преимущественно интересовали и пропагандистовъ,

¹⁾ Общество села Павлова знаменито легальной борьбой въ его нѣдрахъ между простыми кустарями и богатыми-скупщиками, юридически такими же крестьянами, членами того же схода. — Дѣльныя статьи г. П. *Боборыкина* о селѣ Павловѣ и о «Складочной Артели» кустарей подъ заглавіемъ „Русскій Шеффилдъ“ печатались, если не ошибаюсь, въ „Отечеств. Запискахъ“.

²⁾ Можетъ быть, только одинъ сотрудникъ-секретарь артели Александровскій (см. ниже).

да и сами оказывались болѣе воспримчивыми въ отношеніи проповѣди революціонныхъ идей. Поэтому и оказалась возможной вербовка адептовъ революціоннаго социализма изъ состава правленія такого умѣренно-прогрессивнаго учрежденія, какъ павловская складочная артель. Семья Л — выхъ приняла меня очень радушно, и я поселился первоначально у нихъ въ домѣ. У нихъ дѣлались исключительно одного типа и размѣра всячіе замки, такъ называемые «тульскіе» (съ винтовыми ключами). Работа производилась кустарнымъ способомъ одной-двѣмя партіями. Умѣя владѣть слесарными инструментами, я могъ добросовѣстно исполнять свою часть не весьма хитрой работы и проработалъ, кажется, недѣли двѣ въ этой превосходной русской семьѣ, въ которой я не замѣтилъ проявленій патріархальнаго деспотизма. Все въ ней дѣлалось дружно, съ общаго совѣта и согласія. Но, конечно, я смотрѣлъ на свое проживаниеъ у нихъ, какъ на временное. Они были уже «наши» и мнѣ, поэтому, какъ пропагандисту, у нихъ нечего было дѣлать. Между тѣмъ, на самую работу сходило очень много времени (я не хотѣлъ отставать отъ нихъ), и совсѣмъ не оказывалось досуга ни для ознакомленія и сближенія съ мѣстными жителями, ни вообще для какого бы то ни было *своего* дѣла, помимо работы ради хлѣба. Поэтому, какъ только представился случай, оставаясь въ томъ же селѣ, перейти на другую работу, я не преминулъ имъ воспользоваться. Именно, оказалось возможнымъ, опираясь на рекомендацію Л—ва, не являясь уже, стало быть, совершенно чужимъ, невѣдомо откуда взявшимся «прохожимъ», поступить въ артель плотниковъ. Я не умѣлъ плотничать, но это не было непреодолимымъ препятствіемъ: при рекомендаціи можно было поступить ученикомъ. Я такъ и сдѣлалъ. Артель, въ которую я попалъ, состояла сплошь изъ малоземельныхъ крестьянъ Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи, занимавшихся плотничной работой, какъ постояннымъ отхожимъ промысломъ. Ихъ было тутъ человекъ 12—15, все больше изъ одной деревни съ подрядчикомъ,—такимъ же, какъ и они, прирожденнымъ плотникомъ, но уже не работавшимъ. Никакого «артельнаго начала» не было и въ поминѣ въ ихъ отношеніяхъ между собой и къ подрядчику. Всѣ были просто наняты имъ, кто помѣсячно, а больше «въ лѣто», и наняты, конечно, еще съ зимы и, стало быть, дешево. Мнѣ было назначено «жалованіе» еще дешевле, какъ неумѣлому и очень молодому. Я, дѣйствительно, могъ имѣть притязаніе только на самый невысокій рангъ въ ихъ іерархіи, именно, я попалъ въ строгаля. Такъ они называютъ своихъ подростковъ-учениковъ, которые исполняютъ почти исключительно одну работу: строгаютъ доски. Послѣ я постепенно переходилъ и на другія работы, но вначалѣ надо было строгать доски, столбы или брусья все больше вдвоемъ съ Яшкой, парнемъ лѣтъ 17-ти, который хвасталъ, что-де нынѣшней зимой его «безпремѣнно женать». Это былъ развеселый малый, все время болтавшій, воспроизводившій шаблонные, общеизвѣстные въ народѣ, но для меня свѣжіе и новые деревенскіе анекдоты и прибаутки... Я не только учился съ нимъ строгать, но имѣлъ въ его лицѣ и практическаго преподавателя прекраснаго народнаго великорусскаго языка,—лучше сказать, кологривскаго его оттѣнка. Такъ исполнилось,

наконецъ, мое завѣтное желаніе выдержать «экзаменъ» по «ручному труду». Я съ этими плотниками проработалъ конецъ весны и половину лѣта и хорошо втянулся и въ работу и вообще въ это спартанское существованіе. Вмѣстѣ съ ними меня будилъ утроемъ еще «до солнышка» нарочно для этого назначенный спеціалистъ изъ болѣе покорныхъ подрядчику ребятъ; вмѣстѣ съ ними я безъ конца жарился на солнцѣ, работая часовъ до 8-ми вечера; вмѣстѣ съ ними ѣлъ (впроголодь) изъ общей миски не особенно здоровую хозяйскую стряпню. А въ «ригоризмъ» личнаго существованія я, кажется, и ихъ превзошелъ, все оттого, что не хотѣлъ отъ нихъ отстать. Такъ, дляспанья я купилъ себѣ на базарѣ рогожку (бывшую уже въ употребленіи) и клалъ ее на досчатые нары. Ветхая мочала скоро протерлась насквозь, и приходилось спать уже на голыхъ доскахъ; но долго еще и послѣ этого не отдавалъ себѣ отчета въ причинахъ не совсѣмъ спокойнаго сна... Не принималъ я только участія, по молодости, въ ихъ выпивкахъ по воскреснымъ днямъ... и по понедѣльникамъ, да въ той ругани, которою угощали они—по-за глаза и въ глаза—міроѣда-подрядчика за то, что онъ, скарредъ кормилъ насъ въ мясоѣдъ «сѣрыми щами» съ протухлой и какой-то особенно скверной убоиной, а въ долгій въ то лѣто постъ-петровки скупился давать сколько слѣдовало коноплянаго масла къ ежедневной нашей пищѣ въ обѣдъ — пшонной кашѣ. Обрядъ вливанія въ кашу этого прогорклаго масла онъ совершалъ почти всегда самолично. За обѣдомъ было принято ежедневно зубоскалить по поводу постоянныхъ обѣщаній подрядчика купить сазанины къ постнымъ щамъ, которой онъ регулярнѣйшимъ образомъ не покупалъ все время. Зачастую легкое зубоскальство переходило въ форменную перебранку «ребятъ» съ подрядчикомъ и меня въ этихъ случаяхъ изумляло равенство,—полная такъ сказать «равноправность» въ брани, свято признаваемая обѣими сторонами. Наблюдаемая особи, видимо, находились еще въ той стадіи «развитія гражданственности», когда еще не выработалось представленіе о *неравныхъ* между собой по достоинству работникъ и хозяинъ. Только уже на одной изъ дальнѣйшихъ ступеней дифференціаціи (если можно такъ выразиться), работникъ, почесывая затылокъ, начинаетъ соображать, что его дѣло—помалкивать, когда хозяинъ «лается». Здѣсь еще лаялись *обоюдно* земляки, лишь случайно попавшіе въ положеніе работниковъ и нанимателя и — надо имъ отдать справедливость—лаялись очень хорошо...

Кологривцы—плотники очень рѣзко отличались и одеждой и всѣмъ обличьемъ, а также и выговоромъ, отъ мѣстныхъ жителей—павловскихъ замочниковъ и находились въ открытомъ съ ними антагонизмѣ. Тѣ, бывало, какъ только завидятъ насъ (послѣ двухъ-трехъ недѣль работы, я почти пересталъ отличаться внѣшнимъ образомъ отъ строгалей-подростковъ артели), сейчасъ и кричатъ: «галка, галка!.. семьсотъ на рябинѣ проѣлъ». Это была стереотипная фраза, и ею насъ всегда дразнили, выкрикивая ее во все горло, даже съ далекаго разстоянія. *Галками* кологривцевъ дразнили, не отличая ихъ отъ ихъ сосѣдей изъ Галицкаго уѣзда той же Костромской губерніи, откуда приходитъ на Оку много плотниковъ. Но зачѣмъ приплетали

тутъ рябину и еще «семьсотъ» (рублей?), я не могъ узнать. Нашихъ плотниковъ эти насмѣшки очень бѣсили, и почти всегда кто-нибудь изъ нихъ отвѣчалъ павловцамъ также одной и тою же опредѣленной фразой, которую я очень хорошо помню, но отъ воспроизведенія которой здѣсь долженъ отказаться, по безусловной ея непечатности. Павловцы «чище» одѣвались, старались устроить свою домашнюю обстановку нѣсколько лучше по сравненію съ «галками» и вообще считали себя болѣе близкими къ горожанамъ, аттестуя плотниковъ «сѣрыми». За ихъ нескрываемое презрѣніе плотники платили имъ столь же искреннею ненавистью. Жизнь въ артели плотниковъ представляла для меня большой практической интересъ вначалѣ, пока дѣло шло о трудовомъ «экзаментѣ» и о моей, такъ сказать, акклиматизаціи въ рабочей средѣ, о приобрѣтеніи надлежащей внѣшности, умѣнія выражаться по-ихнему, и т. п. Но всѣ эти цѣли были болѣе или менѣе достигнуты довольно скоро, такъ же, какъ и нѣкоторое умѣніе владѣть топоромъ¹⁾.

Къ срединѣ лѣта интересъ моего самовоспитанія, интересъ, такъ сказать, наружной выправки или приобрѣтенія «хорошихъ манеръ», (которое, надо сознаться, давалось мнѣ безъ всякаго труда), шелъ уже на убыль. А въ возможности идейнаго вліянія на этихъ плотниковъ въ желательномъ направленіи я совершенно разочаровался послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ разговаривать „по душѣ“ съ болѣе толковыми изъ нихъ. Въ этихъ случаяхъ я начиналъ съ разспросовъ о ихъ деревнѣ, нуждѣ, о томъ, какъ у нихъ себя ведетъ начальство, и затѣмъ уже переходилъ къ своимъ заключеніямъ и обобщеніямъ. Но тутъ я наткался всякій разъ почти на одно и то же возраженіе: соглашавшійся съ моими послылками кологривецъ дѣлалъ изъ нихъ *свой* выводъ или подводилъ свой итогъ, а именно, утверждалъ, что сами они, деревенскіе, во всемъ виноваты... По этому воззрѣнію имъ приходится терпѣть нужду, обиды и скверное обращеніе, собственно, потому, что они сами всѣ поголовно *пьяницы и забыли Бога*. Не помню, за давностью, находилъ-ли я аргументы, пригодные для того, чтобы доказать имъ, что «слѣдствіе» въ данномъ случаѣ принималось за «причину», или пытался ослабить въ нихъ этотъ пессимизмъ какъ-нибудь иначе... Но остается фактъ, что я никакъ *не могъ* сбить моихъ собесѣдниковъ съ ихъ позиціи. Замѣтивъ свое безсиліе переубѣдить ихъ, я конфузился, но кстати вспоминалъ, что у меня еще не пробились усы, и прекращалъ разговоръ о политикѣ. Приходится пояснить въ скобкахъ, что я былъ очень застѣнчивъ. Мои попытки разговаривать имѣли скорѣе характеръ неувѣренныхъ вопросовъ, и въ нихъ отнюдь не было претензіи «учить старшихъ себя». Подчеркивая еще въ Петербургѣ, въ разговорахъ съ товарищами, свою рѣ-

¹⁾ Именно, только нѣкоторое: я научился хорошо отесывать „по шкурку и по чертъ“ кромки *досокъ* (напримѣръ, для половъ) и сносно — большія плоскости столбовъ или брусевъ. Но впередѣ оставались еще цѣлыя области искусства — закрытыми для меня. Даже и при методическомъ обученіи трудно было бы хорошо пройти за одно лѣто всѣ приемы; мнѣ же частенько, особенно въ началѣ, была даваема работа вовсе не плотничная: конать ямки для столбовъ (огораживали досчатымъ заборомъ какую-то большую усадьбу).

шимость «учиться у народа», а не наоборотъ, я здѣсь, на практикѣ, безусловно пересаливалъ въ скромности. Я, напримѣръ, умышленно скрывалъ отъ плотниковъ («до болѣе удобнаго времени», какъ я думалъ про себя) какое либо свое «ученіе книжное» (или школьное выше простой грамотности). Этимъ я безъ всякаго умысла достигъ того, что отношеніе товарищей—плотниковъ ко мнѣ—ученику «строгалю» все время продолжало оставаться доброжелательно-покровительственнымъ, не переходя все-таки въ отношеніе сверху внизъ, потому что уже и грамотность моя плюсъ знаніе «счета» давало мнѣ право на уваженіе среди нихъ, «на голо» неграмотныхъ. Братія Л—вы, съ которыми я дѣлился своимъ горемъ по поводу неумѣнія моего вести пропаганду среди плотниковъ, хорошо знали этотъ элементъ и нисколько не удивлялись безплодности моихъ попытокъ. Уже къ концу іюня я пришелъ къ заключенію, что мнѣ незачѣмъ оставаться въ павловской артели плотниковъ. Отъ нихъ же я слышалъ, что такіе же «галки» работаютъ и въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, но что тамъ составъ артелей менѣе однородный—попадаются плотники и изъ другихъ губерній. Я могъ думать, что авось мнѣ посчастливится сойтись тамъ съ болѣе подходящими людьми. Постепенно созрѣвавшее намѣреніе перебраться въ Нижній превратилось въ окончательное рѣшеніе, когда пришло изъ Петербурга шифрованное письмо, въ которомъ говорилось о многочисленныхъ арестахъ нашихъ народниковъ. Въ городѣ я удобнѣе могъ бы получать вѣсти о судьбѣ товарищей. Но тутъ вставала передъ мной не совсѣмъ легкая задача: сообщить подрядчику о своемъ намѣреніи его бросить. Я предвидѣлъ, что онъ не особенно охотно возвратитъ мнѣ паспортъ, потому что моя скромная личность лучше другого «путнаго» плотника служила къ приумноженію его наживы. Мнѣ онъ платилъ что-то невѣроятно дешево, а съ домовладѣльцевъ, у которыхъ велъ постройки, получалъ и за меня поденно какъ за настоящаго, вполне компетентнаго человѣка.

Такъ и вышло.

Когда я, въ ближайшее воскресенье, сталъ говорить о своемъ намѣреніи «ребятамъ» и подрядчику, объясняя, какъ умѣлъ, что мнѣ, какъ начинающему ремесленнику будетъ «лестно» поработать еще и на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ я могу усовершенствоваться въ мастерствѣ—мнѣ пришлось выслушать цѣлую проповѣдь. Исправно морившій насъ голодомъ подрядчикъ, какъ оказывалось, принималъ близко къ сердцу мою дальнѣйшую судьбу (считая меня, почему то, даже сиротой) и опасался, что въ городѣ я, совсѣмъ молодой парень, могу избаловаться и вовсе пропаду... Потомъ, когда онъ увидѣлъ, что я не поддаюсь никакимъ самымъ убѣдительнымъ доводамъ, онъ окончательно разсердился и сталъ осыпать меня приблизительно такими упреками въ неблагодарности:

— Вѣдь, ты какимъ къ намъ пришелъ? Дуракъ-дуракомъ!.. Вовсе и говорить-то не умѣлъ по нашему, все равно какъ тотъ изъ Зырянъ, коего нонись этакъ же принялъ на работу...

— Болванъ ты былъ, необтесанный,—вотъ кто!.. Мы же тебя... образовали, человѣкомъ сдѣлали... большое-то съ тебя обтесали... Теперь вотъ ты куда хошь... И стало быть хпримѣру, за наше, за доброе...

И такъ далѣе...

Онъ на-отрѣзъ отказывалъ мнѣ въ выдачѣ расчета и паспорта, не подозрѣвая, конечно, того, въ какой восторгъ меня приводилъ и какими надеждами окрылялъ этотъ привсемъ честномъ народѣ выдаваемый мнѣ, хоть и съ бранью, атестатъ плотницкой зрѣлости. Только вмѣшательству одного изъ болѣе самостоятельныхъ плотниковъ, не пропускавшаго вообще случая сцѣпиться съ «лысымъ скаредомъ», я обязанъ болѣе или менѣе мирнымъ окончаніемъ этой исторіи. Я забралъ свое имущество и ушелъ ночевать къ Л—вымъ, чтобы на слѣдующее утро сѣсть на пароходъ и плыть обратно въ Нижній. Плотники просигились со мной довольно сердечно. Оказалось, что, дѣля со мною ежедневно суровый трудъ и скудный харчъ, нѣкоторые изъ нихъ даже немножко ко мнѣ привязались, хотя мнѣ и не удалось ничемъ скрасить ихъ грубо-матеріальное существованіе.

Бѣдные темные люди.—Авось, теперь-то ужъ они или дѣти ихъ прозрѣли въ своихъ унженскихъ лѣсахъ...

Плотницкая карьера моя въ губернскомъ городѣ не представляетъ особеннаго интереса. Явившись прямо съ парохода на биржу плотниковъ-поденщиковъ въ «домагканныхъ» доспѣхахъ настоящаго колодривца, которые я предусмотрительно вымѣнялъ себѣ въ Павловѣ на свое болѣе космополитическое ситцевое одѣяніе, вооруженный топоромъ, пилой и «двоеручнымъ» стругомъ, съ кускомъ мѣлу и шнуромъ въ лыковомъ песгерѣ, надѣтомъ на плечо, я имѣлъ «внѣшній» успѣхъ на рынкѣ труда. Какой-то подрядчикъ, спросивъ, для того только, чтобы сбавить мнѣ цѣну, умѣю ли я настилать полы и «дѣлать окошки» (ему такого искусника вовсе не требовалось), нанялъ меня, послѣ моего отрицательнаго отвѣта, по семьдесятъ копѣекъ въ день. Всего я проработалъ на ярмаркѣ у разныхъ подрядчиковъ, должно быть, съ мѣсяцъ. Всѣ принимали меня за настоящаго «галку». Но товарищи по работѣ мѣнялись такъ же часто, какъ и наниматели, и до настоящей пропаганды и тутъ дѣло не дошло. Какъ-то пришлось работать съ однимъ силачемъ галкой, съ Ветлуги, который могъ шутя ворочать тяжелыя бревна. Чтобы, на примѣръ, поднять на верхъ стѣны бревно, онъ однимъ концомъ—именно толстымъ калъ его себѣ на правое плечо; самъ онъ затѣмъ постепенно передвигался, приподымая бревно руками, съ такимъ расчетомъ, чтобы плечо пришлось уже на нѣкоторомъ разстояніи отъ поднятаго конца бревна. Послѣ этого онъ немного присѣдалъ подъ тяжестью *комя*, твердо упирался обѣими руками въ колѣни, и, весь красный отъ напряженія, говорилъ мнѣ глухимъ голосомъ, нѣсколько въ носъ:

— Чапай!

Это значитъ, что я долженъ, повиснувъ на концѣ бревна всею тяжестью своего тѣла, наклонить этотъ конецъ (комель) къ землѣ. Тогда другой, болѣе тонкій конецъ бревна-рычага поднимался до высоты стѣны и ложился на нее. А плотникъ-атлетъ, превращаясь изъ живой «точки опоры» рычага снова въ «дѣйствующую силу», двигалъ бревно наверхъ уже окончательно. Этотъ добродушный силачъ пока-

зался было мнѣ какъ будто болѣе отзывчивымъ; но, кажется, сила пониманія и мозговая энергія вообще была ему отпущена природой въ количествѣ обратно пропорціональномъ его мускульной силѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не могъ, при всемъ стараніи, ни путемъ втолковать ему что-либо, ни вызвать у него сколько нибудь замѣтное «шевеленіе» интеллекта. По воскреснымъ днямъ я приходилъ къ Серебровскимъ и познакомился у нихъ съ бывшими нижегородскими семинаристами, изъ коихъ назову Цвѣткова и Александровскаго. Я не имѣлъ случая особенно съ ними сблизиться, но успѣлъ ихъ узнать настолько хорошо, чтобы убѣдиться, что оба они были хорошіе, душевные товарищи. Оба они сдѣлались жертвами уже грозившаго Нижегородской группѣ, какъ Дамокловъ мечъ разгрома. Арестованные оба впоследствии умерли въ тюрьмѣ.

Руководителя нижегородскаго кружка Александра Ивановича Ливанова, съ которымъ пришлось познакомиться еще до поѣздки въ село Павлово, я, насколько могу припомнить, уже не засталъ въ Нижнемѣ, когда вернулся туда (Возможно, впрочемъ, что мнѣ измѣняетъ здѣсь память). Не знаю, ходилъ ли онъ въ это время въ народъ, или уѣзжалъ на родину. Его судили съ нами по процессу 193 хъ, но ничего о судьбѣ его—въ ссылкѣ и живъ ли онъ теперь—я не знаю.

Александровскому приходилось уже скрываться: его розыскивали жандармы, какъ замѣшаннаго въ пропагандѣ въ селѣ Павловѣ. Въ половинѣ августа возвратился съ Волги нѣкто Милоглазкинъ, которому непременно нужно было скорѣе пробраться въ Петербургъ.

Подъ вліяніемъ скверныхъ слуховъ, слагавшихся въ еще болѣе скверныя предчувствія, и мнѣ захотѣлось взглянуть, что дѣлается въ средѣ интеллигенціи. Не вернуться совсѣмъ туда, нѣтъ,—такой измѣны «обѣту» я не замышлялъ,—а только попытаться разузнать подробнѣе объ арестахъ и вообще о положеніи дѣлъ.. Насъ собралось такимъ образомъ трое попутчиковъ до Москвы: Милоглазкинъ, Александровскій и я. Было рѣшено ѣхать на этотъ разъ не въ крестьянскомъ образѣ, а подъ видомъ уволенныхъ семинаристовъ. Этого требовали предстоявшія въ Москвѣ розыски по студенческимъ квартирамъ уцѣлѣвшихъ товарищей и, съ другой стороны, также имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи искусственные виды на жительство.

Извернуться въ Москвѣ въ день прибытія туда оказалось не легкимъ дѣломъ. Два-три старыхъ адреса, которыми мы только и располагали, едва не привели насъ прямо къ генералу Воейкову въ жандармское управленіе. Не знаю, куда пришлось бы кинуться въ мало знакомомъ городѣ безъ адресовъ, почти безъ денегъ, еслибъ. совершенно случайно, не встрѣтился намъ на одномъ изъ бульваровъ Саблинъ, который хорошо зналъ меня съ весны. При его содѣйствіи удалось увидѣться еще кое съ кѣмъ изъ товарищей и завести новыя полезныя знакомства. Но свиданія были не радостныя: многихъ, очень многихъ, и между ними огромное большинство принадлежавшихъ къ «старымъ» организаціямъ уже упрятали тогда по тюрьмамъ. Уцѣлѣвшіе пытались подводить итоги сдѣланному, достигнутому, но, оче-

видно, для итоговъ не наступило еще время: къ яснымъ, опредѣленнымъ выводамъ о результатахъ «рекогносцировокъ», къ такимъ выводамъ, которые годились бы, какъ матеріалъ для отвѣта на вопросъ: «что же дальше?»—никто не могъ прійти. Наши многочисленныя потери чувствовались во всемъ. Изъятіе многихъ испытанныхъ, закаленныхъ въ борьбѣ товарищей не только подавляло нравственно; ихъ отсутствіе было очень замѣтно и «въ совѣтѣ». Понравилось мнѣ высказанное въ разговорѣ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ «стариковъ» мнѣніе, что слѣдовало бы всѣми наличными силами народничества занять одинъ избранный районъ, напримѣръ, Поволжье или Уральскую горнозаводскую область, гдѣ и расселиться такъ, «чтобы была возможность легко сноситься между собою». Заблаговременно каждый долженъ былъ пріобрѣтать себѣ «какое-либо ремесло или опредѣленное занятіе», при помощи которыхъ было бы возможно «твердо укрѣпиться каждому на своемъ мѣстѣ». Предполагалось, что «такимъ образомъ весь этотъ районъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ» можно будетъ «довести до значительнаго градуса революціонности и потомъ изъ него черпать силы для другихъ мѣстностей» ¹⁾.

Но какъ собрать и объединить разбросанныя единицы и какъ, на основаніи какихъ данныхъ рѣшить, гдѣ именно произвести первый опытъ? Вообще это была еще только мечта, не успѣвшая вылиться въ конкретный планъ. Проектировавшійся вначалѣ осенній сѣздъ едва ли могъ состояться въ самый разгаръ жандармской травли. А самыя эти преслѣдованія возлагали на уцѣлѣвшихъ спеціальныя задачи чисто практическаго свойства. На разныя «текущія» дѣла и хлопоты надо было тратить значительную долю наличной энергіи. Около этого времени, т. е. въ августѣ 1875 г. я познакомился въ Москвѣ съ Крыловымъ, Львомъ Ивановымъ, Млодецкимъ, сестрами Панютиными, Союзовымъ, Орловымъ («борода»), Волгинымъ и др.

Желая временно удалить за границу сильно скомпрометированнаго въ селѣ Павловѣ Александровскаго, я поѣхалъ въ Петербургъ. Но хлопоты эти пришлось бросить, не доведя до конца: пока я ѣздилъ въ Петербургъ, арестовали въ Москвѣ Александровскаго на общей его и моей квартирѣ въ Большомъ Козацкомъ переулкѣ, и причиной ареста былъ провалъ «станціи» братьевъ Серебровскихъ въ Нижнемъ, случившійся 17 августа, т. е. на другой день послѣ нашего отъѣзда оттуда. Мы вращались, мы дышали и жили въ атмосферѣ травли; насъ все время преслѣдовали теперь по пятамъ. Если одинъ нашъ шагъ случайно избавлялъ насъ отъ неминуемаго ареста, то слѣдующій приводилъ непосредственно или приближалъ къ нему. И попутчика нашего Милоглазкина арестовали также въ одинъ и тотъ же день съ Александровскимъ. Но эти два ареста — въ разныхъ концахъ Москвы—не находились въ связи между собою. Милоглазкинъ попалъ «самостоятельно» въ какую-то ловушку.

Я не былъ арестованъ тогда же съ Александровскимъ только потому, что успѣлъ уже выѣхать по его дѣлу въ Петербургъ; съ

¹⁾ Это были зародышъ осуществлявшейся впоследствии программы поселенцевъ-народниковъ.

другой стороны, самый провалъ нашей московской квартиры навлекло мое письмо, захваченное въ Нижнемъ у Крылова, который отправился изъ Москвы на Волгу и, не зная объ арестѣ Серебровскихъ, явился вмѣстѣ съ Цвѣтковымъ, тоже ничего не знавшимъ, въ ихъ квартиру, имѣя при себѣ мое письмо. Въ квартирѣ Серебровскихъ въ Нижнемъ засѣвшею тамъ полиціей была устроена ловушка, и въ нее попали Крыловъ и Цвѣтковъ. Крыловымъ при арестѣ была сдѣлана попытка уничтожить мое письмо, написанное довольно откровенно именно въ виду того, что оно посылалось не почтой, а со своимъ — вѣрнымъ, надежнымъ человекомъ. Эта попытка не удалась ему: письмо, сильно измятое, попало въ руки жандармовъ и было мнѣ потомъ «предъявлено» на дознаніи.

Въ Петербургѣ царило тогда очень унылое настроеніе, и не являлось ни малѣйшаго желанія задерживаться тамъ на сколько-нибудь продолжительное время. Я добылъ себѣ адресъ одного деревенскаго кузнеца, съ помощью котораго надѣялся пристроиться въ Тверской губерніи въ селѣ, гдѣ онъ проживалъ. Но явившись уже въ самое село, я только тамъ узналъ, что кузнеца этого какъ разъ передъ тѣмъ «увезли въ острогъ». Я едва могъ убраться оттуда—былъ опять на волосокъ отъ ареста.

Приходилось опять рѣшать вопросъ, куда направиться, за что взяться. Прежняя ходьба по дорогамъ безъ опредѣленнаго пристанища, безъ операціонной *базы* уже не прельщала, и какой-то инстинктъ толкалъ туда, гдѣ, казалось, будетъ больше шансовъ хоть со временемъ подобрать товарищей, чтобы вмѣстѣ съ ними послѣ попытаться разработать какой-нибудь новый проектъ общей инициативы. Я вернулся въ Москву, рѣшивъ искать «пристанища» въ самой Москвѣ и притомъ именно такъ, какъ дѣлаютъ это тѣ безработные, которымъ нужна работа сама по себѣ, ради хлѣба, помимо какихъ либо идейныхъ цѣлей. Да и не походилъ ли я и въ самомъ дѣлѣ на такого безработнаго? Вѣдь я чувствовалъ себя въ достаточной степени одинокимъ, нравственно безпомощнымъ, почти уже деморализованнымъ... Высадившись въ Москвѣ, я, взявъ на плечо свою небольшую котомку, побрелъ вслѣдъ за какими-то парнями, пріѣхавшими на заработки въ одномъ со мною поѣздѣ, и скоро очутился вмѣстѣ съ ними въ одной изъ „квартиръ“ для безработныхъ у Тверской заставы. Эта „квартира“ сильно напоминала своимъ бытомъ и обстановкой ту, гдѣ я проживалъ весною въ Нижнемъ Новгородѣ. Цѣна ночлега была пять копѣекъ. Но рѣзкую разницу составляли полицейскія облавы, около которыхъ почти всегда вертѣлся разговоръ въ московской квартирѣ, тогда какъ въ Нижнемъ объ облавахъ и обходахъ въ мое время ничего не было слышно. А здѣсь, у Тверской заставы одинъ такой обходъ случился и при мнѣ. Въ глухой полуночный часъ, когда вся публика спала, явились вдругъ городовые со своимъ участковымъ начальствомъ и стали поднимать съ постели по порядку каждого ночлежника, не примѣняя, къ удивленію моему, какихъ либо особенно невѣжливыхъ пріемовъ. Но кажется безпаспортные

благополучно улизнули прежде, чѣмъ полиція успѣла занять оба выхода. Мой паспортъ былъ сдѣланъ вполне безукоризненно и не внушилъ полиціи подозрѣній. Гроза миновала. Систематическіе поиски работы увѣнчались успѣхомъ, хотя и не такъ-то скоро: я опредѣлился молотобойцемъ въ кузницу, гдѣ почти вся моя энергія истощивалась тяжелой работой на алчнаго и тупоумнаго мелкаго хозяина. Вмѣстѣ со мной тамъ работали: пожилой кузнецъ Филиппъ и другой молодой. Какъ звали молодого, я не помню; но обоимъ имъ принадлежитъ извѣстная роль въ моей карьерѣ, потому что здѣсь началась, наконецъ, моя самостоятельная „пропаганда въ народѣ“. Но, увы, именно только началась, а продолженія не имѣла. Однажды въ воскресенье, не занятый работой въ кузницѣ, я бродилъ по городу одинъ и размышлялъ о томъ, какъ, съ которой стороны лучше подойти съ „политическимъ“ разговоромъ къ моимъ товарищамъ по работѣ въ кузницѣ. Гдѣ-то, кажется на Ильинкѣ, я остановился передъ значительной книжной выставкой. Машинально разсматривая обложки лубочныхъ изданій—преимущественно „божественныхъ“ листковъ, я вдругъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, когда прочелъ заглавіе одной невзрачной желтой книжечки. На ея обложкѣ было напечатано: „Житіе святого Филиппа Митрополита Московскаго“—и я тотчасъ же и купилъ ее, кажется, за четыре копейки. Когда вечеромъ я сталъ читать вслухъ моимъ товарищамъ это вполне легальное и даже клерикальное «житіе», то оба они—и пожилой и молодой были прямо наэлектризованы его содержаніемъ. Потребовалось сдѣлать только незначительныя добавленія отъ себя, двѣ-три ссылки на другіе общеизвѣстные факты изъ исторіи Іоанна Грознаго, чтобы вызвать въ моихъ слушателяхъ настроеніе самаго энергичнаго протеста. Оно выразилось у молодого въ угрожающихъ восклицаніяхъ по адресу *царей вообще*. А Филиппъ, соименникъ святителя, замученнаго по приказу царя, такъ даже прослезился. Тогда я позволилъ себѣ уже настоящій пиръ словесный. Мы были совершенно одни въ своей убогой конурѣ, куда хозяинъ заглядывалъ только одинъ разъ въ сутки—утромъ, когда будилъ насъ на работу. Никто не могъ намъ помѣшать. Я имъ рассказалъ, между прочимъ, содержаніе другихъ двухъ книжекъ уже нелегальныхъ, именно „сказки о 4-хъ братьяхъ“ и „хитрой механики“, не показывая самыхъ книжекъ, которыхъ и не было со мной. Но я хорошо помнилъ ихъ содержаніе. Моя пропаганда была встрѣчена вполне сочувственно. Люди были, безусловно, возбуждены, они пылали негодованіемъ, и, какъ мнѣ казалось, и жадной мести. И если бы можно было тогда же перейти къ призыву взяться немедленно за оружіе, если бы повести ихъ куда нибудь *на дѣло*, напримѣръ, освобождать изъ рукъ палачей какого-нибудь замучиваемаго царскими слугами проповѣдника социальнаго обновленія, они пошли бы за нами въ тотъ моментъ безъ колебаній... А я могъ „призывать“ ихъ только... къ *ожиданію* революціи въ болѣе или менѣе близкомъ *будущемъ*. Я не могъ сказать имъ съ гордостью, что насъ собралось уже много, что все необходимое заготовлено, что и имъ тоже, если они хотятъ, будутъ *хоть завтра* выданы винтовки и револьверы для непосредственной борьбы съ врагомъ народа. Не

могъ я также предложить имъ, какъ исполнимый и полезный планъ, связать Майорова (нашего хозяина), котораго они ненавидѣли какъ міроѣда, конечно, интенсивнѣе моего, и заняться ковкой въ „его“ кузницѣ копій и топоровъ для отряда повстанцевъ, выступающихъ *на дѣло*, положимъ, черезъ мѣсяцъ... Чѣмъ же, какимъ практическимъ „планомъ дѣйствій“ могъ я увлечь моихъ слушателей, тотчасъ же желавшихъ ставить вопросъ практически; куда я могъ звать ихъ? Никуда. Я могъ только сказать, что мы стараемся тайно присогласить побольше надежныхъ товарищей, такихъ, которые не выдадутъ насъ полиціи и вообще не будутъ измѣнниками нашему дѣлу, и что съ ними мы станемъ въ тайнѣ готовиться къ общенародному возстанію, ожидая того часа, когда вся Россія будетъ покрыта сѣтью такихъ подпольныхъ кружковъ. Цѣлую недѣлю послѣ того воскресенья мы не разговаривали ни о чемъ особенномъ, хотя ночевали всѣ вмѣстѣ, въ томъ же помѣщеніи, какъ всегда. Слишкомъ тяжелый трудъ при скудномъ питаніи, рабочій день, болѣе чѣмъ въ два раза превышавшій нормальный 8-ми часовой, настолько притупляли всякую умственную энергію, что мы только по праздникамъ, до сыта выпавшись, какъ будто опять превращались въ людей. Въ слѣдующее воскресенье я повелъ дѣло съ каждымъ изъ моихъ товарищей порознь. И тутъ открылось, что Филиппъ, на котораго меньше рассчитывалъ, потому что онъ не такъ энергично реагировалъ тогда негодующими восклицаніями, „понимаетъ“ теперь все съ полу-слова и даже отъ себя иллюстрируетъ характерными примѣрами мои положенія. Съ Филиппомъ, словомъ, пропаганда пошла совсѣмъ-было на ладъ, такъ что и послѣ съ нимъ у насъ бывали встрѣчи и совѣщанія... Но молодой оказался совсѣмъ не въ такомъ настроеніи, какъ за недѣлю передъ тѣмъ, когда онъ гнѣвно кричалъ, что нынѣшнему царю ужъ не сошло бы даромъ то, что сходило Іоанну Грозному. Теперь онъ сидѣлъ въ задумчивости и почти не давалъ реплики на мои слова. Когда же я прямо спросилъ, что онъ сталъ-бы дѣлать, если бы случился бунтъ противъ начальства, или люди отказывались бы платить подати, то онъ высказался противъ бунтовъ.

Не совсѣмъ связно, но по своему послѣдовательно онъ развилъ передо мной свои убѣжденія, повидимому, крѣпко въ немъ сидѣвшія. Аргументація его сильно напоминала воззрѣніе кологривцевъ-плотниковъ въ селѣ Павловѣ, съ которыми я не могъ сладить лѣтомъ. Выходило, что надо терпѣть, все терпѣть, что Господь посылаетъ намъ за наши грѣхи. Говоря о грѣхахъ, онъ воодушевлялся, особенно налегая на пьянство и „распутство“ русскихъ вообще и москвичей въ особенности, и еще на приверженность „нашу“ къ скверному бранному слову, изобличаемую святымъ Іоанномъ Златоустомъ. Онъ приводилъ при этомъ въ примѣръ себя самого, тяжкаго, по его словамъ, грѣшника, и все повторялъ, что Богъ караетъ насъ за грѣхи, и что нельзя противиться божьей волѣ.

Я понялъ, что его надо оставить въ покоѣ.

Скоро мнѣ пришлось и разсчитаться; пріѣхалъ изъ деревни какой-то прежній работникъ, кажется, землякъ или родня хозяина, и онъ безъ церемоніи мнѣ отказалъ, а того принялъ. Я поселился въ

знакомой ночлежкѣ у Тверской заставы, гдѣ уже проживалъ прежде, не имѣя работы. Потомъ я перенесъ свою главную квартиру на Хитровъ рынокъ. Понадобилось, въ интересахъ „текущихъ дѣлъ“, завести тамъ сношенія со специалистами паспортнаго дѣла, которые впрочемъ, только „нагнули“ насъ на нѣсколько рублей, а дѣла не сдѣлали. Съ Филиппомъ я иногда встрѣчался въ трактирахъ, которые служатъ въ Москвѣ обычными мѣстами свиданій для всѣхъ сословій. А когда въ Москву пріѣхалъ Михаилъ Грачевскій, и я ближе сошелся съ этимъ превосходнымъ пропагандистомъ-народникомъ, сдѣлавшимся послѣ однимъ изъ видныхъ народовольцевъ, я и его познакомилъ съ Филиппомъ. Къ сожалѣнію, кромѣ безусловно радикальныхъ словесныхъ съ его стороны заявленій, ничего путнаго у насъ съ Филиппомъ такъ и не вышло. Онъ оказался человѣкомъ слабохарактернымъ. Открылась „слабость“ и къ алкоголю. Онъ у насъ спасовалъ въ рѣшительный моментъ, когда предстояло осуществить одинъ имъ же предложенный и далеко не опасный планъ. Дѣло шло о намѣреніи открыть собственную кузницу въ подмосковной деревнѣ Тушино—когда то резиденціи знаменитаго самозванца и Марины Мнишекъ. Тамъ крестьянское общество, дѣйствительно, сдавало въ аренду общественную кузницу, и я началъ было вести съ обществомъ переговоры, истратилъ даже что-то болѣе пяти рублей на угощеніе водкой тушинскаго міра. Филиппу предназначалась въ кузницѣ роль мастера-арендатора, а мнѣ его родственника и молотобойца. Но дѣло разстроилось потому, что Филиппъ отъ насъ сбѣжалъ: совсѣмъ пересталъ почему-то являться къ намъ на свиданіе, хотя наведенныя справки показали, что онъ былъ живъ и здоровъ. Въ свою очередь, въ виду выяснившихся не особенно цѣнныхъ его качествъ мы не стали добиваться возвращенія себѣ его симпатій.

Старанія найти работу не приводили ни къ чему, кромѣ напрасныхъ огорченій. Пришлось испытать на себѣ самомъ, что значить простаивать часами у воротъ какого-нибудь завода, видѣть возникающія и затѣмъ гаснущія надежды, вступать въ секретные переговоры съ «земляками», сулящими за косушку «прідѣлать къ мѣсту» и затѣмъ убѣждаться, что это были одни посулы. Но зато теперь я не былъ уже такимъ одинокимъ, какъ въ моментъ возвращенія съ сѣвера. Въ Москвѣ были уже хорошіе товарищи, вполне солидарные со мной во взглядахъ на дѣло. Вмѣстѣ съ упомянутымъ уже Грачевскимъ пріѣхалъ его пріятель Василій, распропагандированный въ Петербургѣ заводскій мастеровой, родомъ изъ Тверской губерніи. Почти въ это же время въ Москву вернулся изъ экскурсіи къ себѣ на родину мой пріятель Иванъ Осиповичъ Союзовъ, столяръ, крестьянинъ Московской губерніи. Я съ нимъ подружился вскорѣ по пріѣздѣ изъ Нижняго, а теперь мы сблизились еще больше. Союзовъ былъ очень серьезный революціонеръ изъ народа, одинъ изъ болѣе раннихъ представителей грядущей рабочей интеллигенціи. Мы стали часто собираться всѣ четверо и много толковали о болѣе систематической дѣятельности среди рабочаго народа, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, и о необходимости новой организаціи, которая замѣнила бы старые разгромленные кружки. Пріѣхали изъ Петербурга еще новыя

лица: смоленскій крестьянинъ-фабричный Петръ Алексѣевъ, уже проживавшій прежде и работавшій въ Москвѣ,—тотъ самый, который прославился потомъ своей рѣчью на судѣ, и грузины: Георгій Феликсовичъ Здановичъ и Иванъ Спиридоновичъ Джабадари. Спустя нѣкоторое время явился еще ихъ землякъ и товарищъ Михаилъ Николаевичъ Чекоидзе. Благодаря общимъ мнѣ и имъ старымъ петербургскимъ связямъ (напримѣръ, Кравчинскій имѣлъ сношенія съ кавказцами), между всѣми нами съ первыхъ же шаговъ могли установиться близкія, товарищескія отношенія. Мы всѣ, какъ оказалось, держались болѣе или менѣе однородной программы дѣятельности, и у насъ начались собранія для выработки условій, на которыхъ мы могли бы тѣснѣе сѣорганизоваться для совмѣстной работы. На первомъ такомъ засѣданіи, гдѣ-то въ Замоскворѣчьи, были, кромѣ Союзова, меня, Грачевскаго и Василія, уже проживавшихъ въ Москвѣ ко времени прибытія новыхъ товарищей, еще: Петръ Алексѣевъ и Здановичъ,—последній, кажется, уже какъ представитель группы «кавказцевъ». Что именно говорилось, трудно теперь припомнить; но я не забылъ овладѣвшаго нами тогда бодрого, приподнятаго и, быть можетъ, слишкомъ даже оптимистическаго настроенія. Видно, къ концу 1874 года мы, пережившіе большой разгромъ того памятнаго лѣта, уже начинали оправляться послѣ нанесенныхъ намъ жестокихъ ранъ, доказывая на дѣлѣ живучесть въ нашей средѣ не только революціоннаго настроенія вообще, но и въ частности «идеи организаціи». На этомъ первомъ и на слѣдующихъ собраніяхъ новаго кружка (на которыхъ присутствовалъ уже И. С. Джабадари и, кажется, также В. Г. Георгіевскій), было принято серьезное рѣшеніе. Мы сѣтолковались въ главномъ—признали необходимость приступить немедленно къ систематической агитаціи и пропагандѣ среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ, ставя на первый планъ упроченіе и развитіе той дѣловой организаціи, первую маленькую ячейку которой должны были составить мы сами. При этомъ заранѣе имѣлось въ виду, какъ только наша организація нѣсколько окрѣпнетъ въ Москвѣ, начать развѣтвлять ее, выдѣляя въ другія мѣстности группы, связанныя федеративно съ нами.

Послѣ оказалось, что въ это же самое время стремилась въ Россію изъ за границы сплоченная группа русскихъ студентокъ (кружокъ «Фричь»). Этотъ исключительно женскій кружокъ еще тамъ, въ Швейцаріи, рѣшилъ, что всѣ его члены пойдутъ «въ народъ», будутъ работать на фабрикахъ и гдѣ придется и займутся въ то же время социально-революціонной пропагандой. Подобно тому, какъ *въ началѣ* года молодежь русскихъ учебныхъ заведеній бросала школьную скамью и отправлялась въ народъ, будучи не въ силахъ сдерживать въ себѣ болѣе осуществленіе этого порыва, такъ и теперь, въ концѣ этого же 1874 года является воодушевленный жаждой подвига отрядъ изъ «резерва» на пополненіе порѣдѣвшихъ рядовъ. Когда двѣ или три представительницы женскаго кружка уже были въ Москвѣ, наши Кавказцы, знакомые съ ними еще по Цюриху и Женевѣ, сообщили намъ въ общихъ чертахъ о ихъ намѣреніяхъ. Въ составъ кружка входили: Варвара Александрова, Софья Бардина, Бетя Каминская, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Евгенія, Марія и Надежда Субботины, Анна Топоркова,

Лидія Фигнеръ, Александра Хоржевская, Вѣра Шатилова и др. Кружокъ былъ вполне организованъ. У него была своя дисциплина, свои даже строгости; но, главное, онъ обладалъ большимъ единодушіемъ въ неудержимомъ стремленіи работать беззавѣтно на пользу русскаго народа ¹⁾.

Не помню, въ какой именно послѣдовательности появлялись въ Москвѣ одна за другою перечисленныя студентки. Но изъ первыхъ были Вѣра Любатовичъ и Бетя Каминская. Онѣ-то и приняли участіе въ работахъ «комиссіи», которая выработала проектъ тѣхъ *условій*, на какихъ мы могли *составить съ ними вмѣстѣ единую дѣловую организацію*. Делегатами въ этой комиссіи отъ нашего «Московского кружка» были: Джабадари, Чекоидзе и я. Здановича уже не было въ Москвѣ: на него была возложена кружкомъ специальная миссія за границу—устроить путь для контрабанднаго ввоза въ Россію нелегальныхъ изданій, а Грачевскій былъ уже арестованъ. Наша «Комиссія» собиралась нѣсколько разъ. Изъ-за нѣкоторыхъ статей соглашенія возникли очень оживленные дебаты, такъ какъ по многимъ вопросамъ предстоявшей практики взгляды наши—«московскіе» съ одной стороны и ихъ—«фричевскіе» съ другой часто не совпадали. Большое оживленіе въ занятія «комиссіи» вносила горячность «Волченка» (Вѣры Спиридоновны Любатовичъ) съ «ихъ» стороны и И. С. Джабадари—съ «нашей». Помню, не мало и комичнаго элемента бывало въ этихъ дружескихъ схваткахъ, что вовсе не помѣшало намъ добросовѣстно довести до конца возложенную на насъ товарищами очень серьезную задачу. Когда, наконецъ, «комиссія» нашла возможнымъ изложить письменно, въ извѣстной системѣ, проектъ соглашенія двухъ кружковъ, было устроено въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова общее собраніе, на которомъ пунктъ за пунктомъ нашъ проектъ разсматривался, очень обстоятельно, со всѣхъ сторонъ, обсуждался, исправлялся и вотиrowался. При этомъ снова возникали ожесточенные споры. Наконецъ, пришли къ полному соглашенію, лучше сказать, компромиссу, результатомъ котораго явилось нѣкоторое подобіе писаннаго устава-программы, чего совсѣмъ не имѣлось въ виду первоначально. И теперь *всѣ* были *противъ* храненія подобнаго «документа», сознавая, что его арестъ повлекъ бы за собой грандіозный провалъ. Были противъ, а все таки остановились на болѣе чѣмъ неудачной мѣрѣ: Статьи соглашенія были переписаны мельчайшимъ почеркомъ на очень тонкой бумагѣ, такъ что весь документъ во время обыска легко было проглотить его хранителю. Но, вѣроятно, постановленіе о легкой уничтожаемости, о *свѣдѣнной* формѣ документа забылось послѣ того, какъ мы, его авторы были арестованы, (наша вина, что мы этого *не предвидѣли*) и копія этого *quasi* устава нашего была взята въ августѣ 1875 г. въ квартирѣ Г. Ф. Здановича. Онъ приведенъ цѣликомъ, безъ искаженій въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти ²⁾ и былъ

¹⁾ Специально къ членамъ этого кружка относятся слова Степняка Кравчинскаго въ „Подпольной Россіи“: „Лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя, съ спокойнымъ взоромъ и дѣтски безмятежной улыбкой на устахъ идутъ туда, откуда нѣтъ возврата...“

²⁾ См. „Государственныя преступленія въ Россіи“, т. II. Сбор. подъ ред. Богучарскаго (Русская Историч. Библіотека, № 6).

важнѣйшею уликой противъ насъ. Последнее обстоятельство, конечно, очень плачевно; но нѣтъ худа безъ добра. Если бы не «непростительная халатность» нашихъ современниковъ, не озаботившихся уничтоженіемъ бумажки, цѣнной для нашего врага, *исторія* не имѣла бы теперь въ рукахъ документа цѣннаго также и *какъ памятникъ* кристаллизованной *революціонной мысли*, выработавшейся коллективно въ головахъ наиболѣе крайнихъ но и наиболѣе альтруистически настроенныхъ представителей молодежи тогдашней «переходной» эпохи—мужчинъ и женщинъ.

Но еще прежде, чѣмъ состоялось такимъ образомъ наше формальное объединеніе въ новую организацію, въ Москвѣ была начата нашими двумя кружками очень дѣятельная пропаганда среди фабричныхъ рабочихъ. Петръ Алексѣевъ завербовалъ своего стараго пріятеля Николая Васильева, извѣстнаго на многихъ фабрикахъ, и самъ поступилъ на фабрику Тимашева; Ольга Любатовичъ и Бетя Каминская опредѣлились работницами на фабрику Носовыхъ; Бардина—на фабрику Лазарева; Лидія Фигнеръ—на фабрику Гюбнеръ. Другіе товарищи тоже поступали на работы, какъ только находили себѣ мѣста. Мнѣ только въ февралѣ 1875 г. удалось поступить чернорабочимъ на котельный заводъ Дангаузера въ «Нѣмецкой слободѣ». Николай Васильевъ скоро выказалъ себя чрезвычайно энергичнымъ, неутомимымъ агитаторомъ—имѣлъ огромный успѣхъ между фабричными. Тотчасъ же по усвоеніи техники раздачи книжекъ—несложной въ томъ видѣ, какъ она тогда практиковалась у насъ—онъ сталъ «распоряжаться» пропагандой, какъ власть имѣющей. Его увѣренность основывалась на отчетливомъ знаніи людей, съ которыми приходилось имѣть дѣло. Будучи неграмотнымъ, онъ однако же умѣлъ различать по внѣшнему виду и ему одному извѣстнымъ примѣтамъ книжки, нѣсколько разъ прочитанныя вслухъ въ его присутствіи,—могъ отличить, напримѣръ, книжку «про Пугача» отъ «Хитрой Механики» и т. д. Отправляясь на пропаганду въ ту или иную артель, онъ всегда *зналъ*, какими книжками слѣдовало въ данномъ случаѣ запастись, и требовалъ изъ нашего маленькаго склада именно ихъ. Онъ роздалъ такимъ образомъ массу книжекъ. Раздачей книжекъ и бесѣдами съ рабочими въ различныхъ артеляхъ, встрѣчаясь съ ними въ облюбованныхъ трактирахъ по близости фабрикъ, занимались также: Джабадари, Чекоидзе, Грачевскій и Василій. Въ свою очередь, и завербованные ими, Николаемъ Васильевымъ и Петромъ Алексѣевымъ рабочіе раздавали книжки своимъ знакомымъ, а тѣ—опять своимъ. Начавшаяся дѣятельность не походила вовсе на прежнюю «основательную» пропаганду, напримѣръ, среди петербургскихъ рабочихъ, съ возможно осматрительнымъ выборомъ людей. Чаше всего вербующіе просто обращались *ко всѣмъ* знакомымъ фабричнымъ. Они старались заводить еще и новыя знакомства и почти всегда находили чрезвычайно отзывчивыхъ слушателей, горячо откликавшихся на ихъ собственное настроеніе. Этому была основательная причина: недовольство среди московскихъ фабричныхъ было въ 1874—75 годахъ всеобщее, и сѣмена падали на готовую почву. На наши книжки («Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и т. п.) былъ огромный спросъ. Онъ былъ

бы еще больше, если бы процентъ грамотныхъ между фабричными былъ выше. Но если сами пропагандисты раздавали или читали вслухъ книжки почти безъ подбора людей, то завербованные ими дѣйствовали еще менѣе осмотнительно, хотя имъ и старались внушать, чтобы объ «этихъ дѣлахъ» они говорили только съ людьми вполне надежными. Хорошаго *критерія* надежности не только не могло быть у завербованныхъ на скорую руку рабочихъ, но не было тогда и у самихъ пропагандистовъ по отношенію къ этой почти еще незнакомой средѣ. Да и то сказать, *некогда* было слишкомъ строго разбираться, кто надежнѣе и кто—нѣтъ. Дѣйствіями многихъ, по причинамъ понятнымъ, по самымъ условіямъ нашей работы, руководили страсть, аффектъ, нетерпѣніе.

Результатъ такого образа дѣйствій былъ неизбѣженъ: книжки очень скоро попадали въ руки разныхъ «механиковъ», «мастеровъ» и тому подобныхъ представителей хозяйскаго надзора на фабрикахъ, которые немедленно передавали ихъ полиціи. При этомъ они, разумѣется, указывали и «преступниковъ», у которыхъ находили наши «хвалышныя ¹⁾ книжки».

«Преступниковъ» полиція забирала и сажала въ тюрьму; гдѣ третьотдѣленцы обращались со многими изъ нихъ болѣе чѣмъ сурово. Были нерѣдки случаи, когда арестованные за книжки рабочіе давали такія показанія, по которымъ власти разыскивали потомъ всѣ «корни и нити». Петербургская пропаганда чайковцевъ почти вовсе не сопровождалась такими проявленіями неустойчивости у распропагандированныхъ рабочихъ, и это можно объяснить, кромѣ осмотнительнаго подбора людей, еще и тѣмъ, что въ тотъ періодъ въ Петербургѣ въ распоряженіи пропагандистовъ-учителей, пропагандистовъ-лекторовъ было гораздо больше *времени*, чтобы болѣе или менѣе основательно и всесторонне ознакомить своихъ учениковъ съ распространяемымъ ученіемъ, довести ихъ почти до полной сознательности. Въ то болѣе спокойное время политическая полиція еще «не хватилась» преслѣдовать пропаганду при первыхъ же ея попыткахъ проникать въ рабочую среду. Между тѣмъ въ Москвѣ, да и по всей Россіи въ описываемое время, т. е. въ концѣ 1874 и началѣ 1875 года все уже было насторожѣ... Часто агитаторъ не имѣлъ достаточно времени даже для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, ознакомить слушателей хотя-бы съ тѣми *цѣлями*, ради которыхъ онъ ожидалъ и требовалъ отъ нихъ извѣстныхъ рискованныхъ дѣйствій. Нерѣдко случалось, что пламенный и «настоистый» нашъ агитаторъ Николай Васильевъ, при поддержкѣ Джабадари и Чекоидзе, которые опирались въ своихъ рѣчахъ на личное знакомство съ рабочимъ движеніемъ въ западной Европѣ, завербовывалъ мало знакомыхъ людей „въ свою партію“ послѣ одного-двухъ трактирныхъ сеансовъ. На особенную прочность результатовъ,

¹⁾ Выраженіе старика-сторожа у фабричныхъ воротъ въ Москвѣ, къ которому я однажды обратился съ просьбой вызвать къ воротамъ одного работавшаго на той фабрикѣ парня, якобы какъ-разъ моего земляка... У меня всѣ карманы были наполнены такими книжками, и вдругъ этотъ сторожъ сообщаетъ мнѣ (безъ особаго волненія), что мой „землякъ“ на дняхъ арестованъ жандармами „надо быть за хвалышныя книжки“. Пришлось *не спѣша* ретироваться, сочувственно покачавъ головой...

добытыхъ при подобныхъ приѣмахъ, понятно, нельзя было рассчитывать; но нельзя было серьезно ратовать въ то время и за старые приѣмы. При усиленной бдительности противника, развернувшего всѣ свои шпионскіе ресурсы, провалы были все равно неизбежны. Только у ничего не дѣлающаго были *нѣкоторыя* шансы не быть арестованнымъ. Пропаганда, вообще, не являлась уже, при этихъ новыхъ условіяхъ борьбы, достаточно надежнымъ оружіемъ. Многіе это чувствовали и начинали осматриваться вокругъ, искать новыхъ путей. Но въ пылу битвы некогда было задумываться. Опускать руки было бы и зазорно: кругомъ падали жертвы... Попадая въ тюрьму, иные слишкомъ „скоропостижно“ завербованные рабочіе бывали совершенно сбиты съ толку всѣмъ случившимся съ ними за столь короткое время. До вчерашняго дня — глубокій непробудный сонъ, полная безпросвѣтность, одни лишь страданія, однѣ обиды и *отсутствіе какихъ либо надеждъ*.

Еще вчера—это свѣтлое откровеніе, эти смѣлые призывы *взять* то, что принадлежитъ ему, такому же человѣку, какъ всѣ, съ человѣческими правами... И эта вдругъ нахлынувшая безконечная, вѣками накопленная великая, святая *злоба*, и откуда-то взявшаяся безумная увѣренность въ своихъ силахъ...

А сегодня?..

Сегодня неожиданный ударъ обухомъ по головѣ, моментально возвращалъ его къ „дѣйствительности“—такой же скверной и подлой, какъ эта скверная и подлая кутузка... Слишкомъ быстрые переходы. Сразу въ ухахъ арестованнаго переставалъ звучать голосъ, правдиво говорившій ему о лучшей жизни, отвѣчающей его собственнымъ полу-безотчетнымъ влеченіямъ, голосъ, который старался будить въ немъ дремавшіе инстинкты борца... И вмѣсто него теперь раздавался грубый окрикъ „барина“, рѣзко, съ привычной наглостью напоминавшій недавнему рабу вѣковѣчную приниженность его положенія...

И онъ—пасоваль.

Онъ видѣлъ себя какъ и прежде, какъ и *до* вчерашняго свѣтлага откровенія,—въ полной власти того же своего исконнаго врага... Онъ съеживался и, по старой памяти, по укоренившейся *привычкѣ*, съ затаеннымъ проклятіемъ, *слушался* начальства, шумно и самоуувѣренно приказывающаго ему, страшющаго «разстрѣломъ» и дѣйствительно, гнущаго въ бараній рогъ. Я никогда не забуду глубоко печальнаго — не обвиняющаго или укоряющаго, нѣтъ, но именно *печальнаго*, безконечно грустнаго взгляда, какимъ посмотрѣлъ на меня во время очной ставки, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ или полтора послѣ своей кипучей дѣятельности нашъ *орелъ*—нашъ Николай Васильевъ, когда генераль Воейковъ съ майоромъ Новицкимъ приказали его привести въ жандармское управленіе и велѣли уличать меня въ томъ, что я именно есть Иванъ Ивановичъ, часто заходившій въ квартиру нашей «администраціи», когда она помѣщалась въ домѣ Костомарова...

Тѣ изъ недостаточно сознательныхъ рабочихъ, которые, подъ вліяніемъ запугиваній и грубаго обращенія «начальства» давали разоблачающія показанія, на самомъ дѣлѣ вовсе не раскаивались, вовсе не проникались вѣрноподданническими чувствами, а только по своему пытались, конечно, неудачно, обмануть своего исконнаго врага — барина.

Это доказано случаями *рецидива*, когда выпущенные изъ тюрьмы рабочіе, какъ, напримѣръ, Семень Агаповъ и Иванъ Бариновъ, которые, уѣхавъ изъ Москвы, принимались на новыхъ мѣстахъ за ту же пропаганду, съ тою же раздачей книжекъ. Мы были свидѣтелями того, какъ, послѣ минутной слабости, такіе рабочіе, только тутъ, въ этой передыжѣ всецѣло постигавшіе «всю суть» оказывались потомъ вполне уже закаленными для твердаго отпора. При болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ для пропаганды эти же самые рабочіе явились бы, какъ 30 лѣтъ спустя ихъ родныя дѣти въ той же Москвѣ, на баррикадахъ, превосходнымъ контингентомъ для боевого воспитанія. Но организація не была въ состояніи *продержаться* достаточно долго для того, чтобы успѣло подѣйствовать такое воспитаніе. Организація была побѣждена, разбита, — она *слѣдовательно*, была *виновата*. Правы были «побѣдители», тащившіе въ тюрьмы и насъ и нашъ недовоспитанный рабочій контингентъ.

29-го марта 1875 года былъ арестованъ товарищъ нашъ и наиболѣе энергичный агитаторъ-рабочій Николай Васильевъ. Его сожительница Дарья, думая этимъ спасти его, выдала жандармамъ квартиру нашей администраціи въ домѣ Корсакъ. Увы, на дѣлѣ мы хранили дѣловыя тайны далеко не такъ строго, какъ это требовалось на бумагѣ, въ «уставѣ». Поздно вечеромъ 3-го апрѣля явилась въ эту квартиру полиція... Былъ произведенъ обыскъ и арестованы разомъ 9 чело-вѣкъ изъ коихъ семь: Каминская, Бардина, Алексѣевъ, Джабадари, Чекоидзе, Георгіевскій и я принадлежали къ организаціи. Я, какъ и большинство арестованныхъ, въ этой квартирѣ не проживалъ, а пришелъ не за долго до обыска по дѣламъ организаціи. У всѣхъ у насъ не только уже было предчувствіе, но была почти полная увѣренность въ томъ, что квартира подвергается сильной опасности. И, тѣмъ не менѣе, мы собрались тамъ въ большемъ числѣ и не спѣшили расходиться. Это — нашъ общій великій грѣхъ. У меня была своя, до того момента совсѣмъ еще «чистая» квартира не далеко отъ завода Дангауэра, гдѣ я до самаго ареста продолжалъ работать, какъ чернорабочій. Осталось лично мнѣ хоть это удовлетвореніе: я до конца не вернулся въ «цивилизацию», отъ которой за годъ передъ тѣмъ отрекался, отправляясь «въ народъ». Такимъ образомъ мнѣ «посчастливилось» пробыть въ простонародномъ образѣ около одного года, т. е. гораздо дольше, чѣмъ это «дано» было большинству товарищей. При арестѣ наши, къ счастью, успѣли хоть сорвать «сигналъ»¹⁾

¹⁾ Иначе: «триумфъ». Слово это было сказано разъ кѣмъ-то изъ товарищей по ошибкѣ (языкъ запутался) вмѣсто «сигнала» и радостно подхвачено въ *argot* нашею любившей «каламбуръ» довольно беззаботной и жизнерадостной публикой.

повѣшенный на окнѣ ситцевый платокъ, по которому снаружи, не входя въ квартиру, можно было видѣть, благополучно ли въ ней. По крайней мѣрѣ, квартира во время и послѣ обыска въ ней не сдѣлалась ни для кого ловушкой. (Эти «сигналы»—наше изобрѣтеніе).

Не поддается никакому измѣренію глубина того чувства горечи, которое осталось, вѣроятно, на всю жизнь у всѣхъ «участниковъ» этого провала — одного изъ самыхъ серьезныхъ, самыхъ жестокихъ проваловъ по тогдашнему времени. И не только эта первоначальная ячейка новой организаціи была изъята, а и вся «Московская организація», продержавшись еще нѣсколько мѣсяцевъ, погибла окончательно. Всѣ до одного ея члены были послѣдовательно арестованы въ Ивано-во-Вознесенскѣ, Тулѣ, Киевѣ, Москвѣ — группа за группой въ маѣ, іюнѣ, августѣ, и сентябрѣ того же 1875 года. Уцѣлѣлъ, насколько мнѣ извѣстно, только *одинъ*—Василій. Союзовъ попалъ случайно въ другой процессъ (193-хъ), былъ на Карѣ и умеръ много лѣтъ спустя въ Сибири. Не попалъ въ процессъ 50-ти, а въ другіе процессы и Грачевскій, арестованный въ самомъ началѣ нашей работы въ Москвѣ, погибшій черезъ 12 лѣтъ такою страшною смертію въ Шлиссельбургской крѣпости.

Да, организаціи наши, не успѣвъ развернуться, погибли. Отъ нихъ, можно сказать, нечего не осталось въ ближайшее время.. Онѣ, правда, дали два крупныхъ процесса и рядъ другихъ, менѣе значительныхъ, которые, конечно, сослужили свою немалую идейную службу, заставили и «общество» нравственно встряхнуться хоть немного. *Этого* мы достигли, этого у насъ не отнимутъ, но... не этого мы хотѣли! И когда говорятъ о нашемъ пораженіи—плачевномъ и полномъ—тѣ, которые требуютъ отъ организацій, чтобы *онѣ вели къ побѣдѣ* дѣйствительной, безспорной, матеріальной, они совершенно правы, что бы тамъ не говорилось о посѣянныхъ сѣменахъ и о позднѣйшихъ всходахъ.

* * *

Но можно взглянуть и съ другой точки зрѣнія на картину минувшей борьбы. И мнѣ, побѣжденному и остро чувствовавшему въ свое время всю горечь, всю обиду понесенныхъ неудачъ, пережитое нами движеніе представляется теперь въ такомъ видѣ: чаша терпѣнія русскаго народа переполнилась.... Враги хотѣли обмануть его поддѣльными реформами. Но *русская мысль* въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, опиравшихся и на результаты работы мысли интернаціональной, коллективной, общечеловѣческой, не далась въ обманъ, *забила тревогу*. Пока рабочій народъ протестовалъ и волновался по-своему, стихійно, его идейный авангардъ, который нація не сознательно, путемъ скрытаго біологическаго процесса всегда выдвигаетъ, какъ свою боевую *самооборону*, ощутилъ въ себѣ мощный приливъ энтузіазма, понялъ свою отвѣтственную миссію и ринулся, не долго думая, въ борьбу, чтобы отстоять свой народъ противъ наглыхъ покушеній, перешедшихъ уже тогда мѣру всякаго долготерпѣнія.

Кто какое оружіе имѣлъ, тотъ съ тѣмъ и шелъ.

Естественно, что на лицо имѣлось только такое оружіе, стиль котораго и система соотвѣтствовали времени его заготовленія, то есть періоду, во всякомъ случаѣ, *предшествовавшему* моменту борьбы.

Поэтому мы видимъ въ началѣ похода и старое «книжное дѣло» чайковцевъ, и «строго конспиративные» кружки, и кружки, наоборотъ, черезъ-чуръ уже *не* конспиративные... Видимъ, затѣмъ, въ одномъ случаѣ, даже подложные царскіе манифесты... *Переооруженіе* приходилось производить во время самаго похода... Но—тѣмъ болѣе славы нашимъ непосредственнымъ преемникамъ, которыхъ нельзя, однакоже, отдѣлять отъ *нашего* движенія, потому что они выросли въ нашихъ собственныхъ кадрахъ,—тѣмъ больше славы имъ, счумѣвшимъ въ самый разгаръ битвы поставить на позиціи новѣйшей системы митральёзу, имя которой—«Исполнительный Комитетъ русской соціально-революціонной партіи». Не слѣдуетъ забывать, что и это *новое* оружіе, какъ и тѣ, заржавленные «самопалы», принадлежитъ даже и по времени *не* восьмидесятымъ, а тѣмъ же семидесятымъ годамъ: Осинскій, Свириденко и Брандтнеръ были казнены въ Кіевѣ—за его изобрѣтеніе 14-го мая 1879 года.

Да, авангардъ семидесятыхъ годовъ погибъ въ неравной борьбѣ. Но свое значеніе боевой самообороны великаго народа онъ *оправдалъ*. Цѣли своей онъ достигъ, если не прямо, то косвенно тѣмъ, что безсовѣстное хозяйничаніе въ странѣ банды хищниковъ онъ *не оставилъ безъ отпора*. Правда, отпоръ этотъ не имѣлъ всей желательной мощи, онъ не въ силахъ былъ вырвать Россію изъ когтей озвѣрѣлой банды, но—хорошо и то, что онъ *былъ*. Погибшій боевой авангардъ народа достаточно показалъ уже тогда врагу и всему міру, что нельзя безнаказанно попираť ногами все и вся, и сошелъ со сцены, оставивъ преемникамъ *традицію* беззавѣтнаго служенія народу, традицію *безпощадной борьбы*.

И *въ этомъ смыслѣ* я могу сказать: *семидесятники пошлѣ не даромъ!*

А. Лукашевичъ.

Отрывки изъ дневника А. И. Стронины за 1882 годъ¹⁾.

„Наша текущая жизнь кишить теперь самыми различными слухами по поводу предстоящей коронаціи Александра III. Какова бы ни была степень ихъ вѣроятности, тѣмъ не менѣе, они прекрасно характеризуютъ настоящій моментъ и настроеніе нашего общества. То говорятъ, захвачена цѣлая партія мужицкихъ шапокъ съ динамитными лепешками вмѣсто дна, то обнаруженъ въ Кремлѣ подкопъ, который оказывается потомъ стариннымъ погребомъ, о чемъ московскій генераль-губернаторъ и считаетъ своимъ долгомъ опубликовать. То Государь пойдетъ на коронацію пѣшкомъ, во главѣ войска, какъ въ походъ, то, наконецъ, цѣлая исторія проекта электрическаго освѣщенія Кремля. Къ князю Воронцову-Дашкову являются будто-бы два представителя одной англійской компаніи: одинъ—англичанинъ, другой—русскій, архитекторъ Богдановичъ, который въ то же время является и переводчикомъ, и оба предлагаютъ свои услуги по освѣщенію Кремля. Воронцовъ направляетъ ихъ къ московскому генераль-губернатору; тотъ поручаетъ ихъ оберъ-полицейстеру, и они вмѣстѣ съ послѣднимъ осматриваютъ Кремль и его дворцы и изучаютъ планы ихъ. Когда дѣло было слажено и условія оказались подходящими, генераль-губернаторъ пригласилъ обоихъ представителей къ завтраку, при чемъ въ особенности понравился ему русскій. Каково же было его удивленіе, когда вслѣдъ затѣмъ получаетъ онъ телеграмму изъ Швейцаріи объ арестованіи выдающаго себя за англичанина такого-то, предлагающаго устроить электрическое освѣщеніе. И еще болѣе, когда другой телеграммой, уже изъ Петербурга, требуютъ ареста и архитектора Богдановича. Въ концѣ концовъ оказывается будто-бы, что Богдановичъ есть не кто иной, какъ Кобозевъ, хозяинъ сырной лавки въ Малой Садовой, но на этотъ разъ уже подъ своей собственной, а не чужой фамиліей. Это родной братъ того Богдановича, который замѣшанъ былъ въ дѣло Соловьева, будучи ни въ чемъ неповиннымъ, и вслѣдствіе этого сошелъ съ ума“.

Сообщилъ П. Гуревичъ.

¹⁾ Помѣщаемъ какъ характерный образчикъ тѣхъ вздорныхъ слуховъ, которые обыкновенно распространяются въ обществѣ въ смутныя времена. Разумѣется, во всѣхъ передаваемыхъ Стронинымъ слухахъ не было ни юты правды. А сколько распространяется такихъ же слуховъ и въ наше время!

Ред.

Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій“.

(Окончаніе ¹⁾).

V.

Какъ только „Георгій Побѣдоносецъ“ сталъ на якорь, отсюда къ намъ пріѣхалъ выбранный командой на мѣсто командира кондукторъ, бывшій до этого на броненосцѣ старшимъ боцманомъ. Первое впечатлѣніе отъ его наружности было далеко неблагопріятное. Въ выраженіи его краснаго и жирнаго лица было что-то тупое, животное и отталкивающее; его маленькіе глазки, ни на минуту не останавливаясь, постоянно бѣгали, точно онъ только что проворовался; движенія и жесты были какъ-то неестественно развязны. Но принявъ во вниманіе то, что онъ былъ выбранъ самой командой, которая имѣла случай узнать его со всѣхъ сторонъ, на столь отвѣтственный постъ, я постарался подавить въ себѣ невольное брезгливое чувство, и, отправившись съ нимъ въ каютъ-компанію, по товарищески сталъ бесѣдовать относительно технической стороны новаго управленія „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“. Узнавъ отъ него, между прочимъ, что тамъ нѣтъ еще боевого росписанія, я посоветовалъ ему, въ виду возможныхъ случайностей, сейчасъ же заняться составленіемъ его хотя бы въ главныхъ чертахъ. Поговоривъ нѣсколько минутъ еще съ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей, онъ отправился обратно къ себѣ подъ предлогомъ заняться немедленно организаціей всей технической стороны управленія.

Между тѣмъ присоединеніе къ намъ новаго броненосца произвело должный эффектъ и на властей и на населеніе Одессы: къ борту „Потемкина“ подѣхалъ на паровомъ катерѣ капитанъ надъ портомъ и спросилъ, чего мы хотимъ. Отъ насъ ему отвѣтили: „Мы требуемъ, чтобы командующій войсками разоружилъ ихъ и передалъ оружіе народу, который такимъ образомъ могъ бы образовать національную гвардію для защиты своихъ правъ.“

¹⁾ См. „Былое“, 1907 г., январь, февраль.

Уголь, прѣсную воду и провизію намъ даетъ народъ. Капитанъ ухалъ, а вслѣдъ за нимъ стали пріѣзжать капитаны частныхъ торговыхъ пароходовъ съ просьбой разрѣшить имъ выйти изъ гавани. Всѣмъ имъ было дано такое разрѣшеніе.

Вечеромъ въ адмиральскомъ помѣщеніи, гдѣ назначено было засѣданіе комиссіи, собралась масса матросовъ, которымъ сегодняшнее засѣданіе представлялось особенно интереснымъ. Тутъ же присутствовала депутація отъ команды „Георгія Побѣдоносца“.

Царило необыкновенное оживленіе. Это былъ моментъ, когда подъемъ духа команды достигъ своего апогея, когда вѣра въ свои силы и въ возможность счастливаго исхода начатой борьбы воодушевляла всѣхъ на какія угодно рѣшительныя дѣйствія. Воображеніе раскрывало передъ нами самыя блестящія перспективы, и день, въ который самъ народъ будетъ диктовать новому правительству новые законы, казался намъ такъ близокъ!..

Гулъ сотенъ голосовъ наполнялъ все помѣщеніе: всѣ продолжали дѣлиться другъ съ другомъ наблюденіями и впечатлѣніями сегодняшняго дня, и, когда собралась комиссія, мнѣ въ качествѣ председателя собранія стоило не мало труда водворить тишину и порядокъ и открыть засѣданіе.

Прежде всего былъ выслушанъ слѣдующій рассказъ одного изъ товарищей съ „Георгія Побѣдоносца“ о событіяхъ послѣднихъ дней въ Черноморскомъ флотѣ.

„14-го іюня практическая эскадра, въ составъ которой кромѣ прочихъ судовъ входили броненосцы: „Три Святителя“, „Ростиславъ“, „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Синопъ“ и нашъ „Георгій Побѣдоносецъ“ начала кампанію, а 15-го неожиданно для всѣхъ вдругъ былъ полученъ огъ главнаго командира приказъ: броненосцамъ: „Три Святителя“, „Двѣнадцать Апостоловъ“ и „Георгій Побѣдоносецъ“, минному крейсеру „Козарскій“ и четыремъ контръ-миноносцамъ немедленно выйти въ море. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ означенныя суда снялись съ якоря и двинулись въ путь. Никому, кромѣ командировъ и, можетъ быть, старшихъ офицеровъ, не была извѣстна цѣль этого плаванія. Офицеры на нашемъ броненосцѣ съ озабоченными лицами о чемъ-то таинственно переговаривались, а команда терялась во всякаго рода догадкахъ. Вечеромъ 16-го іюня мы подошли къ Тендрѣ и стали на якорь. На слѣдующій день рано утромъ на шканцахъ нашего броненосца была собрана вся команда, и командиръ прочелъ намъ приказъ контръ-адмирала Вышневецкаго, подъ начальствомъ котораго находилась наша эскадра. Въ приказѣ говорилось, что команда броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“, взбунтовавшись 14-го іюня, часть своихъ офицеровъ, въ томъ числѣ командира и старшаго офицера, убила, а остальную часть высадила на берегъ и провела броненосецъ къ Одессѣ. Далѣе говорилось, что наша эскадра должна идти туда же съ цѣлью усмирить бунтовщиковъ, при чемъ адмиралъ успокаивалъ команду, что эскадра въ „Потемкина“ стрѣлять не будетъ, а овладѣетъ имъ безъ

одного выстрѣла, и приведетъ вмѣстѣ съ мятежниками въ Севастополь.

„Сейчасъ же послѣ этого эскадра снялась съ якоря и въ полномъ боевомъ порядкѣ двинулась въ путь. Вотъ показывается Одесса, а на ея рейдѣ, дымя всѣми тремя трубами, стоитъ „Потемкинъ“. Эскадра замедлила ходъ, но „Потемкинъ“ быстро приближался. Черезъ нѣсколько минутъ можно было ясно различить, что онъ идетъ на насъ. Эскадра остановилась. Но вдругъ по сигналу съ флагманскаго судна поворотила кругомъ и полнымъ ходомъ стала уходить отъ „Потемкина“...

— Безъ одного выстрѣла,—ядовито пошутили кто-то, и толпа разразилась веселымъ смѣхомъ...

„Въ морѣ къ намъ присоединились пришедшіе изъ Севастополя „Ростиславъ“, „Синопъ“ и еще два контръ-миноносца, и подкрѣпленная такимъ образомъ эскадра черезъ нѣкоторое время направилась снова къ Одессѣ. Скоро мы снова очутились лицомъ къ лицу съ „Потемкинымъ“, который опять неся на насъ на всѣхъ парахъ. Команда глухо волновалась. Когда же онъ подошелъ совсѣмъ близко и сталъ направлять на броненосцы зѣлющія дула своихъ орудій, среди матросовъ поднялся ропотъ, слышались голоса: „Братцы, что жъ это будетъ? Вѣдь „Потемкинъ“ въ одну минуту пуститъ всю эскадру ко дну! За что же мы положимъ свои головы? Лучше выйдемъ всѣ на верхъ: потемкинцы не будутъ стрѣлять въ насъ, если они будутъ видѣть, что мы не идемъ противъ нихъ съ враждебными намѣреніями!.. Нѣсколько человѣкъ выбѣжали на палубу, приглашая слѣдовать за собою и другихъ, и вдругъ всѣ, оставляя орудія и свои посты, бросились за ними и укрыли всю палубу. То же произошло и на „Синопѣ“ и на «Двѣнадцати Апостолахъ». Когда эскадра поровнялась съ «Потемкинымъ» и когда оттуда донеслось до насъ «ура», команда пришла положительно въ экстазъ, и какъ одинъ человѣкъ грянула отвѣтное «ура».

Команда уже больше не уходила съ палубы, наоборотъ,—и тѣ немногіе, которые еще оставались на своихъ мѣстахъ, спѣшили присоединиться ко всей массѣ. Такимъ образомъ прошли мы и второй разъ мимо «Потемкина» и очутились въ морѣ. Эскадра стала идти полнымъ ходомъ, а мы начали отставать, пока совсѣмъ не остановились. Команда начала громко заявлять, что не позволитъ броненосцу двинуться, пока не узнаетъ, что случилось на «Потемкинѣ» отъ самой его команды. Начальство пришло въ явное замѣшательство. Этимъ воспользовался одинъ изъ товарищей и по семафору сталъ приглашать депутацію съ «Потемкина». Черезъ нѣсколько минутъ ваша депутація была на нашей палубѣ, а еще черезъ нѣсколько минутъ «Георгій Побѣдоносецъ» былъ въ рукахъ матросовъ, поднявшихъ знамя возстанія за народную свободу!..“

Товарищъ кончилъ свой докладъ; съ цѣлью дать время возбужденному его разсказомъ собранію нѣсколько успокоиться, былъ

объявленъ коротенькій перерывъ, послѣ котораго засѣданіе было возобновлено.

Рѣшено было, въ случаѣ неисполненія со стороны командующаго войсками предъявленныхъ нами требованій, завтра же съ утра открыть военныя дѣйствія на морѣ и на берегу съ цѣлью овладѣть городомъ. Постановлено также было обмѣняться частью команды съ «Георгіемъ Побѣдоносцемъ».

Послѣ обсужденія еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ засѣданіе было прекращено и собраніе распушено.

Передъ сномъ я обошелъ по палубамъ броненосца. Утомленная работой и пережитыми впечатлѣніями команда спала, только матросы вахтеннаго отдѣленія бодрствовали, стоя на своихъ постахъ и все еще продолжая оживленно дѣлиться другъ съ другомъ воспоминаніями сегодняшняго дня и надеждами на будущее.

Темныя силы у насъ были теперь парализованы!.. Зато не дремали онѣ, какъ это впослѣдствіи обнаружилось, на «Георгіи Побѣдоносцѣ».

Въ эту ночь я долго не могъ уснуть. Возбужденное воображеніе раскрывало передо мной самыя блестящія перспективы, и я невольно уносился въ мечтахъ въ недалекое будущее, которое, казалось, готовить уже великія историческія событія... Можетъ быть завтра же, овладѣвъ вмѣстѣ съ возставшимъ народомъ Одессой, мы зажжемъ пожаръ всеобщаго возстанія по всему югу. А тамъ поднимутся давно уже волнующіяся окраины, и, если при этомъ всколыхнется и центръ и такимъ образомъ въ борьбѣ противъ ненавистнаго ига объединится вся Россія, то можетъ быть и Россія, и Финляндія, и Польша, и родная мнѣ Украина добудутъ наконецъ давно желанное право устроить у себя жизнь народа на началахъ свободы и справедливости.

Было уже за полночь, когда утомленный впечатлѣніями и размышленіями я наконецъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

VI.

Рано утромъ на слѣдующій день я проснулся съ пріятной мыслью о случившемся вчера. Я рѣшилъ начать вести хронику этихъ знаменательныхъ событій и только что хотѣлъ подняться, чтобы сейчасъ же вкратцѣ записать все происшедшее до сегодняшняго дня, какъ ко мнѣ въ каюту вошелъ одинъ изъ членовъ коммисіи, Дымченко. По его озабоченному лицу можно было догадаться, что онъ пришелъ съ важнымъ извѣстіемъ.

— Что случилось?—спросилъ я его.

— Съ „Георгія Побѣдоносца“ сейчасъ прибыло нѣсколько человекъ изъ тамошней коммисіи,—началъ онъ садясь ко мнѣ на койку,—и принесли печальную вѣсть, что тамъ произошелъ расколъ.

— Какъ расколъ?—изумился я.

— Большинство команды во главѣ съ командиромъ и другими кондукторами настаиваютъ на томъ, чтобы сейчасъ-же идти въ Севастополь, чтобы вступить въ переговоры съ начальствомъ, предоставивъ „Потемкину“ дѣйствовать какъ онъ хочетъ. Комиссія и съ нею сознательная часть команды не въ силахъ противостоятъ этому рѣшенію.

— Это вліяніе коварныхъ кондукторовъ!—сказалъ я.

— Безъ сомнѣнія.

— Надо сейчасъ-же ѣхать туда.

Съ этими словами я быстро одѣлся и вмѣстѣ съ Дымченкомъ вышелъ на палубу.

Пока подали къ трапу паровой катеръ, я подошелъ къ стоявшимъ на палубѣ вмѣстѣ съ прибывшими съ „Георгія Побѣдоносца“ нѣсколькимъ членамъ нашей комиссіи, въ числѣ которыхъ были Матюшенко и Кириллъ. Мы наскоро стали совѣтоваться о томъ, что предпринимать. Всѣмъ было ясно, что причиной этого раскола были главнымъ образомъ кондукторы.

Эти люди, которые представляютъ яркій образчикъ деморализаціи нашего современнаго военнаго воспитанія и общаго политическаго режима Россіи. Оставаясь на сверхсрочной службѣ и всякими правдами и неправдами выслуживаясь передъ начальствомъ, они достигаютъ этого съ ихъ точки зрѣнія почетнаго званія и такимъ образомъ дѣлаютъ здѣсь такую карьеру, какой они не могли бы сдѣлать ни въ какой другой области. Такое положеніе, которое не только хорошо обезпечиваетъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, но и даетъ имъ значительную власть надъ матросами. Естественно дѣлаетъ изъ нихъ горячихъ приверженцевъ правительства и современнаго строя, а привычка постоянно прислуживаться начальству вырабатывается изъ нихъ крайне несимпатичный типъ клязушниковъ и доносчиковъ.

Теперь только мы спохватились, — какую непростительную ошибку сдѣлали мы вчера, не убѣдивъ команду „Георгія Побѣдоносца“ вмѣстѣ съ офицерами удалить съ броненосца и этихъ лицемѣровъ или по крайней мѣрѣ арестовать ихъ, какъ это было сдѣлано у насъ, и давать имъ свободу лишь постольку, поскольку они захотятъ исполнить свои спеціальныя обязанности... Но дѣлать было нечего, — оставалось хоть теперь какъ-нибудь исправить этотъ промахъ.

Я посоветовалъ немедленно арестовать на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ“ всѣхъ кондукторовъ, но пріѣхавшіе оттуда товарищи возразили, что при теперешнемъ настроеніи команды это можетъ повести лишь къ лишнимъ осложненіямъ, и что лучше сначала постараться подѣйствовать на команду убѣжденіемъ. Это замѣчаніе всѣ нашли вполне основательнымъ и рѣшили послѣдовать совѣту товарищей съ „Георгія Побѣдоносца“. Тотчасъ же Кирилль, я, нѣсколько членовъ нашей комиссіи и докторъ съѣли въ катеръ и отправились туда.

Когда мы подѣзжали къ „Георгію Побѣдоносцу“, тамъ на носовой части палубы была въ сборѣ вся почти команда. Катеръ

подошелъ къ трапу и мы стали выходить. Вахтенный унтеръ-офицеръ скомандовалъ на палубѣ: „смирно“.

У самаго входа на палубу насъ встрѣтилъ командиръ и, не сходя съ мѣста, какъ бы не желая насъ пропустить, увѣреннымъ тономъ заявилъ:

— Наша команда не желаетъ оставаться съ „Потемкинымъ“ и рѣшила сейчасъ-же идти въ Севастополь.

— Въ такомъ случаѣ вы ужъ позвольте намъ обратиться по этому поводу непосредственно къ командѣ, — сказалъ я, отстраняя его рукой съ дороги.

Онъ съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ отошелъ въ сторону, и мы взошли на палубу. Толпа зашевелилась и всѣ взоры устремились на насъ. Я взобрался на кучу лежавшихъ здѣсь бревенъ и обратился къ командѣ.

— Товарищи! — началъ я, стараясь пересилить все еще не смолкавшій говоръ толпы.

Тотчасъ-же послышались голоса: „замолчите“, господинъ инженеръ-механикъ съ „Потемкина“ хочетъ говорить!.. „Не сходите, стойте на мѣстахъ!“

— Да что тамъ слушать? — кричали нѣсколько голосовъ изъ группы, окружившей командира. — Идемъ въ Севастополь, и больше ничего!..

Однако скоро и они должны были уступить требованію большинства, и мнѣ дали продолжать.

— Товарищи! Въ ряду дней, пережитыхъ нами, „Потемкинцами“, съ самаго начала возстанія, вчерашній день былъ особенно знаменателенъ: вчера въ лицѣ „Георгія Побѣдоносца“ „Потемкина“ приобрѣлъ себѣ сильнаго союзника. Вы, товарищи, сами не захотѣли вчера слѣдовать за уходившей отъ „Потемкина“ эскадрой: вы сами просили насъ прислать къ вамъ депутацію, чтобы отъ самихъ Потемкинцевъ узнать, что привело къ возстанію нашихъ броненосцевъ, и, узнавши правду, вы сами по общему приговору удалили съ „Георгія Побѣдоносца“ офицеровъ и тѣмъ самымъ отдались вмѣстѣ съ броненосцемъ, созданнымъ народными трудами, на служеніе великому дѣлу освобожденія народа. И мы праздновали вчера ваше присоединеніе, какъ добрый знакъ того, что близокъ уже часъ, когда матросы и солдаты, понявши свою кровную связь съ трудовымъ народомъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, готовы будутъ встать вмѣстѣ съ нимъ на защиту его человѣческихъ правъ.

Мы отъ всей души привѣтствовали вчера ваше единодушное рѣшеніе идти съ нами рука объ руку на борьбу съ общимъ врагомъ... Но вотъ едва только минула одна короткая ночь, и вы уже колеблетесь. Между вами раздаются голоса, предлагающіе идти въ Севастополь, чтобы тамъ вступить въ переговоры съ начальствомъ.

Но кромѣ вашей сдачи вмѣстѣ съ броненосцемъ, какой можетъ быть иной исходъ переговоровъ съ начальствомъ, отъ котораго вы только вчера успѣли избавиться, и которое является

только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашего общаго врага, правительства. Такъ неужели же вы вчера добровольно присоединились къ намъ только затѣмъ, чтобы уже сегодня стать измѣнниками великому дѣлу освобожденія народа? Неужели же вчерашняя рѣшимость ваша уступила мѣсто позорному малодушію? Какой же злой духъ заронилъ сомнѣніе въ ваши души?.. Что смущаетъ васъ?.. Или наши броненосцы не сильны? Или наше дѣло не правое?

Нѣтъ, товарищи!

Наши броненосцы непобѣдимы съ тѣхъ поръ, какъ они перешли на сторону возставшаго народа, ибо у его врага нѣтъ больше такой силы, которую онъ могъ бы противопоставить нашей силѣ, въ этомъ вы могли убѣдиться вчера, когда вся почти Черноморская эскадра должна была бѣжать отъ „Потемкина“, не будучи въ состояніи овладѣть имъ.

Наше дѣло, товарищи, правое, ибо за него стоитъ весь народъ, ибо вмѣстѣ съ народомъ мы идемъ на борьбу за его освобожденіе отъ вѣковаго ига, чтобы нанести послѣдній ударъ его первому и злѣйшему врагу—правительству, которое, затѣявъ по своей прихоти безсмысленную разорительную и позорную войну, съ жестокимъ упорствомъ ведетъ ее вотъ уже второй годъ, несмотря на раздающійся со всѣхъ сторонъ стонъ изнемогающаго отъ этого новаго испытанія народа; которое девятаго января на скромную просьбу петербургскихъ рабочихъ облегчить тяжелую участь трудящихся массъ отвѣчало градомъ пуль; которое и теперь повсюду разстрѣливаетъ безоружный народъ, когда онъ подымаетъ голосъ за свои права; которое загоняетъ въ тюрьмы и ведетъ на висѣлицу лучшихъ защитниковъ народныхъ правъ и интересовъ; отъ котораго нѣтъ больше житья въ Россіи ни одному народу!!!

Итакъ, товарищи, и сила и правда теперь на нашей сторонѣ! Такъ будемъ же крѣпки духомъ и вмѣстѣ съ нашими грозными броненосцами послѣднимъ на помощь народу, готовому уже подняться на рѣшительную борьбу съ ненавистнымъ врагомъ! Да здравствуетъ грядущая революція!

Да здравствуетъ истинное народное правленіе!!

Да здравствуетъ свобода и справедливость!!!“

Дружное, многократное „ура“ грянуло въ отвѣтъ на мою рѣчь... Все снова зашевелилось, заволновалось.

„Не пойдѣмъ въ Севастополь!“

„Не оставимъ „Потемкина!“

Неслось со всѣхъ сторонъ.

Командиръ и его приспѣшники стояли точно пришибленные.

Но вотъ со мною рядомъ появился докторъ Голенко. Онъ знаками сталъ показывать, что хочетъ говорить, и толпа мало-по-малу стихла. Я сошелъ съ импровизированной трибуны. Докторъ началъ. Сначала онъ говорилъ о томъ, что онъ самъ сынъ крестьянина, что вышелъ изъ народа, потомъ увѣрялъ матросовъ, что онъ любитъ ихъ и желаетъ имъ добра и вдругъ, къ моему ужасу, началъ одобрять предложеніе идти въ Севастополь и вступить въ пере-

говоры съ начальствомъ. Я опять взобрался къ нему и, понизивъ голосъ, попробовалъ въ короткихъ словахъ объяснить ему, что съ его стороны нетактично говорить въ такомъ тонѣ о походѣ въ Севастополь послѣ того, что было постановлено по этому вопросу нашей комиссіей и послѣ того, что было сказано только что мной, но докторъ не унимался: онъ уже выражалъ надежду на то, что и потемкинцы склонятся на это предложеніе, и оба броненосца сегодня же пойдутъ въ Севастополь.

Командиръ и вся его банда насторожились.

Видя, что докторъ можетъ снова поколебать команду, я рѣшился его перебить и громко заявилъ, что столь серьезный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только совмѣстно обѣими комиссіями и командами обоихъ броненосцевъ и что поэтому теперь, когда еще дѣло идетъ пока только о единодушіи среди матросовъ „Георгія Побѣдоносца“ и „Потемкина“, обсуждать этотъ вопросъ преждевременно и неумѣстно.

— Вы мнѣ не даете говорить,—съ явнымъ раздраженіемъ сказали мнѣ докторъ и сошелъ на палубу.

Тѣмъ не менѣе рѣчь доктора и вся эта сцена произвела на команду свое дѣйствіе. Опять появилась неувѣренность и колебаніе. Съ той стороны, гдѣ стоялъ командиръ, снова слышалось: Что тамъ разговаривать? Идемъ въ Севастополь, и больше ничего. Если „Потемкинъ“ не пойдетъ съ нами, пусть остается здѣсь одинъ!!!

Однако мало-по-малу толпа успокоилась, и я хотѣлъ было снова обратиться къ командѣ, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ матросовъ и заявилъ, что въ командѣ распространился слухъ, будто-бы я вовсе не инженеръ-механикъ „Потемкина“, а переодѣтый неизвѣстный человѣкъ, пришедшій на „Потемкинъ“ изъ Одессы. Я догадался, кто и съ какой цѣлью распространяетъ эту басню и рѣшилъ сейчасъ же положить этому конецъ.

— Товарищи—обратился я къ матросамъ,—мнѣ сейчасъ сказали, что между вами явилось сомнѣніе въ томъ, что я дѣйствительно бывший офицеръ и инженеръ-механикъ съ „Потемкина“. Я думаю, что между вами найдутся такіе, которые знали меня раньше, такъ какъ, когда я въ прошлую кампанію плавалъ на броненосцѣ „Екатерина II-я“, я часто бывалъ на вашемъ броненосцѣ, который тогда былъ флагманскимъ судномъ. Поэтому я прошу знавшихъ меня товарищей выйти впередъ“.

Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ со словами: „я зналъ“ вышли впередъ.

— Засвидѣтельствуйте, пожалуйста, передъ вашими товарищами, что я дѣйствительно бывший инженеръ-механикъ флота поручикъ Коваленко,—обратился я къ нимъ.

Команда, не дожидаясь ихъ свидѣтельства, уже кричала:

— Да мы вѣримъ и такъ,—здѣсь многіе васъ знаютъ. Это чьи-то интриги.

Инцидентъ такимъ образомъ былъ исчерпанъ, и я снова обратился къ командѣ.

Послѣ сцены, которая произошла между докторомъ и мной, я не могъ уже касаться вопроса относительно похода въ Севастополь и потому сталъ опять лишь призывать къ единодушію и убѣждать не принимать никакихъ рѣшеній безъ совмѣстнаго обсужденія съ потемкинцами. Послѣ этого я сказалъ, что мы хорошо столкнемся сначала у себя, и потомъ всей комиссіей приѣдемъ снова къ нимъ, чтобы уже окончательно рѣшить, что предпринять въ ближайшемъ будущемъ.

Когда я опять заключилъ свою рѣчь призывомъ къ единодушію и борьбѣ за свободу, въ отвѣтъ снова прозвучало дружное „ура“, снова слышались повсюду голоса за то, чтобы дѣйствовать съ потемкинцами заодно.

Нѣсколько успокоенные мы рѣшили поѣхать обратно на „Потемкинъ“, чтобы тамъ окончательно рѣшить, что предпринять по отношенію къ „Георгію Побѣдоносцу“. Дорогой я высказалъ мнѣніе, что данный моментъ наиболѣе благоприятный для того, чтобы арестовать кондукторовъ и потому слѣдуетъ съ этимъ поспѣшить. Всѣ бывшіе здѣсь товарищи согласились со мной.

* * *

Когда мы прибыли на „Потемкинъ“, тамъ вниманіе всѣхъ было привлечено коммерческимъ пароходомъ, нагруженнымъ очевидно углемъ, который входилъ на рейдъ. Тотчасъ же на встрѣчу ему былъ посланъ миноносецъ съ нѣсколькими надежными матросами, которымъ было поручено во первыхъ осмотрѣть, нѣтъ ли на немъ чего нибудь подозрительнаго, а во вторыхъ предложить капитану продать намъ уголь и подойти сейчасъ же къ борту „Потемкина“; въ случаѣ же онъ не согласится на это добровольно, привести миноходъ силою. Миноносецъ отправился, и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ былъ уже у нашего борта. Команда приступила къ перегрузкѣ изъ него угля, а комиссія тотчасъ же собралась въ адмиральскомъ помѣщеніи.

Нечего и говорить, что предложеніе идти въ Севастополь единодушно было признано нелѣпостью и отвергнуто. Мы уже хотѣли перейти къ обсужденію слѣдующихъ вопросовъ, когда къ намъ вошли нѣсколько человѣкъ, приѣхавшихъ съ „Георгія Побѣдоносца“. Они заявили, что такъ какъ ихъ команда рѣшила дѣйствовать въ полномъ согласіи съ потемкинцами, она проситъ, чтобы кто нибудь изъ господъ офицеровъ перешелъ сейчасъ же на „Георгій Побѣдоносецъ“ для того, чтобы такимъ образомъ установить еще болѣе тѣсную связь между обоими броненосцами; причемъ ей особенно хотѣлось бы видѣть у себя доктора Голенка. Желаніе команды „Георгія Побѣдоносца“ имѣть среди себя кого-нибудь изъ потемкинцевъ казалось намъ совершенно естественнымъ. Что же касается доктора, то, хотя послѣ того, что онъ проповѣдывалъ тамъ, мы не могли считать его подходящимъ для этой цѣли, тѣмъ не менѣе, не предполагая въ немъ какихъ нибудь коварныхъ замысловъ и приписывая его поведеніе тамъ исключительно его неясному пониманію задачъ нашей комиссіи, мы не

считали для себя возможным не удовлетворить просьбу приѣхавшихъ товарищей и съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что и самъ докторъ весьма охотно соглашался на это. Кромѣ того мы были увѣрены, что снова подтвержденное на этомъ засѣданіи рѣшеніе ни подѣ какимъ видомъ не идти въ Севастополь для переговоровъ съ начальствомъ подѣйствовало на него. Впрочемъ нѣкоторые изъ насъ все таки настояли, чтобы вмѣстѣ съ докторомъ были отправлены еще нѣсколько человѣкъ изъ числа сознательныхъ товарищей. Всѣ они вмѣстѣ съ присланными матросами сейчасъ же и отправились на „Георгій Побѣдоносецъ“. При отъѣздѣ мы просили еще разъ напомнить тамъ командѣ нашу просьбу ничего не предпринимать безъ совмѣстнаго съ нами обсужденія.

Проводивъ ихъ, мы занялись обсужденіемъ вопроса: какъ арестовать кондукторовъ на „Георгіи Побѣдоносцѣ“, чтобы не смутить такъ легко колебавшуюся команду. Какъ вдругъ къ намъ вбѣжалъ матросъ и въ болыпомъ волненіи объявилъ, что „Георгій Побѣдоносецъ“ снимается съ якоря. Мы тотчасъ же всѣ выбѣжали на палубу, гдѣ уже кучками толпились матросы. На „Георгіи Побѣдоносцѣ“ дѣйствительно поднимали якорь. У насъ подняли сигналъ: „Георгію Побѣдоносцу“ не сниматься съ якоря! Но якорь уже былъ поднятъ, и нашъ коварный союзникъ сразу полнымъ ходомъ двинулся въ море. У насъ снова подняли сигналъ: „Георгію Побѣдоносцу“ возвратиться и стать на якорь на прежнемъ мѣстѣ!.. Онъ продолжалъ уходить. Тогда было приказано отойти отъ борта „Потемкина“ пароходу съ углемъ, а горнистамъ и барабанщикамъ проиграть боевую тревогу и поднять боевой сигналъ. Раздались звуки рожковъ и барабановъ, команда разбѣжалась по обоемъ мѣстамъ, а на мачтѣ взвился красный боевой флагъ; „Георгій Побѣдоносецъ“ вдругъ замедлилъ ходъ и, поворотивъ обратно, сталъ идти по направленію къ намъ. Очевидно угроза подѣйствовала... Вотъ онъ поровнялся съ нами и сталъ проходить мимо. Думая что онъ хочетъ стать на якорь позади насъ, всѣ успокоились, пробили отбой, спустили боевой флагъ...

Вдругъ „Георгій Побѣдоносецъ“ круто поворотилъ и прежде, чѣмъ кто нибудь изъ насъ успѣлъ опомниться, вошелъ въ Одесскій портъ и за моломъ отдалъ якорь.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, теперь поняли весь смыслъ этого маневра, и у насъ поднялась страшная суматоха, въ которой ничего нельзя было разобрать и которую никакимъ образомъ нельзя было унять. Кто-то обратилъ вниманіе, что отъ „Георгія Побѣдоносца“ отдѣлилась шлюпка и направилась къ намъ. Ей на встрѣчу послали миноносецъ, который черезъ нѣсколько минутъ вель ее къ намъ на буксирѣ. Скоро можно было видѣть, что въ шлюпкѣ сидятъ посланные нами на „Георгій Побѣдоносецъ“ товарищи и съ ними одинъ изъ знакомыхъ уже намъ матросовъ тамошней команды Кочуба. Доктора съ ними не было. Еще издали они кричали намъ: „Докторъ Голенко—измѣнникъ! Это онъ предадалъ „Георгій Побѣдоносецъ“!!!“

Когда они взошли на палубу, команда засыпала ихъ вопросами. Вотъ что рассказали намъ одинъ изъ нихъ:

— Какъ только мы съ докторомъ прибыли на „Георгій Побѣдоносецъ“, онъ началъ уговаривать команду идти въ Севастополь, увѣряя, что и „Потемкинъ“ послѣдуетъ за ними. Командиръ и всѣ его приспѣшники конечно поддерживали его. Команда была сбита съ толку и заволновалась. Напрасно мы старались уговорить ее не вѣрить доктору и лукавому командиру, — насъ никто уже не слушалъ. Командиръ, пользуясь замѣшательствомъ, сейчасъ же приказалъ сниматься съ якоря и всѣмъ разойтись по своимъ мѣстамъ. Самъ онъ вмѣстѣ съ докторомъ отправился на мостикъ, гдѣ они все время вдвоемъ и распоряжались. Всѣ разошлись, и мы такимъ образомъ были лишены возможности обращаться ко всей командѣ. Пока мы бѣжали отъ одной кучки къ другой, броненосецъ уже снялся съ якоря и далъ машинамъ полный ходъ. Мы догадывались о смыслѣ поднимаемыхъ на „Потемкинѣ“ сигналовъ, а между тѣмъ командиръ и докторъ, войдя въ соглашеніе съ сигнальщиками, разбиравшими сигналы, толковали ихъ командѣ въ томъ смыслѣ, что „Потемкинъ“ тоже сейчасъ снимется съ якоря и пойдетъ за „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“. Только когда на „Потемкинѣ“ взвился боевой флагъ, команда догадалась, что ее обманываютъ, испугалась и стала настаивать возвратиться. Командиръ и докторъ, видя, что ихъ затѣя не удалась, уступили настоянію команды. Броненосецъ повернулся и мы пошли къ „Потемкину“. Когда мы стали проходить мимо него, всѣ почти думали, что командиръ хочетъ стать на якорь позади „Потемкина“. Но мы не успѣли опомниться какъ „Георгій Побѣдоносецъ“ круто поворотилъ, съ разгону вошелъ въ самый портъ и отдалъ якорь, уткнувшись носомъ въ мель. Тутъ команда совершенно растерялась; стало очевидно, что огромное большинство готово было отдаться въ руки властей. Видя, что здѣсь все уже погублено, мы, воспользовавшись замѣшательствомъ, спустили шлюпку, и вскочивъ въ нее вмѣстѣ вотъ съ этимъ товарищемъ, направились къ вамъ!..

На нашу команду такая измѣна произвела удручающее впечатлѣніе.

Никто не зналъ, что предпринять.

Одни кричали: Разстрѣлять „Георгія Побѣдоносца“! Другіе возражали, что мы въ такомъ случаѣ больше причинимъ вреда городу, чѣмъ ему, даже и потопить его нельзя, потому что онъ сталъ на мель. Да и не вся команда его виновата въ томъ, что случилось; на голову доктора сыпались проклятія..

Между тѣмъ къ „Георгію Побѣдоносцу“ уже со всѣхъ сторонъ направлялись военные катера.

Ясно было, что при такомъ положеніи дѣлъ и при такомъ упадкѣ духа въ командѣ нечего было и думать не только предпринимать что нибудь рѣшительное по отношенію къ Одессѣ или къ „Георгію Побѣдоносцу“, но даже пытаться добыть въ городѣ все, въ чемъ мы нуждались. Тутъ то и стали раздаваться голоса

за походъ въ Румынію. Нѣкоторые изъ болѣе сознательныхъ имѣли при этомъ въ виду снабдиться тамъ углемъ, прѣсной водой и провизіей, и на свободѣ обдумать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Масса же смотрѣла на иностранный портъ, какъ на убѣжище. Всѣ моментально ухватились за эту мысль, и черезъ минуту толпа гремѣла:—Идемъ въ Румынію! Въ Румынію! намъ теперь тутъ нечего дѣлать, если „Георгій Побѣдоносецъ“ намъ измѣнилъ!..

Ничего не остается, какъ покориться и сниматься съ якоря. Напрасно нѣкоторые изъ членовъ комиссіи уговаривали не торопиться такъ съ исполненіемъ этого плана. Большинство не хотѣло ничего и слушать; слышались голоса:

— Если „Георгій Побѣдоносецъ“ такъ измѣнилъ, то что же ждать отъ эскадры, если она опять придетъ?! Надо идти въ Румынію!..

Снялись съ якоря, взяли на буксиръ миноносецъ, приказали „Вѣхи“, сигналомъ слѣдовать за броненосцемъ и тронулись въ путь... Дорогой было рѣшено взять курсъ на Констанцу.

На душѣ было ужасно тяжело. Было невыразимо обидно, что присоединеніе къ намъ „Георгія Побѣдоносца“, которое вчера принесло намъ столько радости и надеждъ, стало въ концѣ концовъ причиной нашего отступленія отъ Одессы, которая могла бы оказаться въ рукахъ возставшаго народа не только въ томъ случаѣ, еслибы «Георгій Побѣдоносецъ» дѣйствовалъ съ нами за одно, но даже, еслибы онъ ушелъ вмѣстѣ съ эскадрой въ тотъ моментъ, когда она уходила отъ „Потемкина“: не обольщаясь надеждой на присоединеніе эскадры, команда нашего броненосца вмѣстѣ съ тѣмъ перестала бы ее и бояться послѣ того, какъ она два раза ушла отъ насъ ни съ чѣмъ, и такимъ образомъ обратила бы все свое вниманіе на Одессу. Теперь же въ рукахъ военныхъ властей былъ броненосецъ, орудія котораго могли быть обращены противъ возставшихъ. Такимъ образомъ этотъ злосчастный день былъ критическимъ днемъ во всей революціонной кампаніи „Потемкина“. Команда не только упала духомъ, но и въ большей своей части была деморализована примѣромъ „Георгія Побѣдоносца“.

Темныя силы теперь подняли голову и у насъ и мы должны были до конца уже считаться съ ними и съ ихъ пагубнымъ вліяніемъ...

* * *

Спустя часа три, послѣ того какъ мы снялись съ якоря, я вышелъ на палубу и, посмотрѣвъ за корму, вдругъ замѣтилъ, что „Вѣхи“ нѣтъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ,—нигдѣ не видно. Въ изумленіи я побѣжалъ на мостикъ и сталъ разсматривать, куда она дѣвалась. Оказалось, что никто не замѣтилъ, какъ она мало-по-малу отставая скрылась совершенно за горизонтомъ...

Было обидно и досадно: вся команда „Вѣхи“ и нѣсколько нашихъ матросовъ, перевезенныхъ на это судно, поступали въ руки властей! Правда, тѣ матросы, которые были перевезены отъ

насъ туда, были ранены своими же товарищами въ первый моментъ возстанія, когда они въ испугѣ бросались за бортъ; раны были достаточнымъ для нихъ оправданіемъ въ глазахъ начальства; матросы „Вѣхи“ были скорѣе наши плѣнники, чѣмъ союзники, а само это суденышко пожалуй при теперешнихъ условіяхъ могло скорѣе быть для насъ обузой, чѣмъ помощію. Все же справедливость требовала по крайней мѣрѣ взять оттуда къ намъ желающихъ, еслибы таковые оказались. Но дѣлать было нечего. Было уже поздно возвращаться отыскивать ее, и потому мы пошли дальше...

VII.

19-го іюня передъ вечеромъ наконецъ показалась на горизонтѣ Констанца. Я взомель на мостикъ, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ изъ комиссіи. По мѣрѣ того, какъ все яснѣе и яснѣе вырисовывалась изъ тумана Констанца, насъ все болѣе и болѣе волновалъ вопросъ: удастся ли намъ здѣсь добыть все необходимое.

Вотъ мы уже приблизились на столько, что простымъ глазомъ можно было различить отдѣльныя зданія. Вдругъ внезапно налетѣвшій шквалъ въ густомъ облакѣ пыли и тумана скрылъ на нѣсколько минутъ отъ насъ Констанцу.

Недобрый знакъ,—полупушута замѣтили кто-то. Но шквалъ быстро пронесся, и Констанца, омытая дождемъ, снова предстала передъ нашими взорами.

Черезъ нѣсколько минутъ „Потемкинъ“, не входя въ бухту, отдалъ якорь и сталъ вмѣстѣ съ миноносцемъ противъ порта.

Спустя нѣкоторое время мы замѣтили, что оттуда къ намъ направляется паровой катеръ, въ которомъ при помощи подозрительной трубы мы разглядѣли двухъ румынскихъ морскихъ офицеровъ. Ихъ рѣшили встрѣтить согласно требованіямъ международнаго этикета: На палубѣ былъ выставленъ почетный караулъ, а, когда оба офицера вступили на трапъ нашего броненосца, на мачтѣ его взвился румынскій флагъ, и съ марса раздался салютъ изъ мелкихъ орудій. На палубѣ ихъ встрѣтили Кириллъ, Фельдманъ, Матющенко, я и еще нѣсколько членовъ нашей комиссіи. Обмѣнявшись съ ними привѣтствіями, мы пригласили ихъ въ каютъ-компанію. Старшій изъ нихъ, который оказался капитаномъ надъ портомъ, сейчасъ же вступилъ съ нами въ переговоры, при чемъ мы объясняли то по французски, то по нѣмецки. Онъ попросилъ дать ему списокъ всего, въ чемъ мы нуждаемся, который и былъ сейчасъ же составленъ и врученъ ему. На нашъ вопросъ, можемъ ли мы надѣяться на разрѣшеніе получить все это въ Констанцѣ—конечно за наличныя деньги—онъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, своей властью онъ этого сдѣлать не можетъ, но что онъ сейчасъ же телеграфируетъ объ этомъ министру-президенту и, какъ только получитъ отвѣтъ, уведомитъ насъ. Одинъ изъ румынскихъ матросовъ, пріѣхавшихъ съ офицерами,

который немного говорилъ по украински, сообщилъ намъ, что въ Констанцѣ ходитъ слухъ, будто бы какой-то контръ-миноносецъ, который управляется одними офицерами, ищетъ насъ съ цѣлью взорвать „Потемкинъ“. Такое сообщеніе не казалось намъ невѣроятнымъ, и потому мы рѣшили быть на сторожѣ и принять всѣ мѣры предосторожности. Поговоривъ съ нами еще нѣсколько минутъ, оба офицера стали собираться съѣзжать. Команда проводила ихъ со всѣми подобающими почестями. При разставаніи мы вручили имъ для передачи иностраннымъ консуламъ слѣдующіе два документа:

1.

Ко всему цивилизованному міру.

„Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами происходятъ грандіозныя событія великой освободительной борьбы: угнетенные и поработенные народы Россіи не вынесли вѣкового гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Розореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правитель-ство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнули уже пожаръ народнаго возмущенія и негодованія.

Могучій крикъ многомилліонной груди „долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода!“—какъ громъ раскатился по всей необъятной Россіи.

Но правительство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженныхъ борцовъ полилась цѣлыми потоками по всей Россіи.

Однако самодержавіе забыло одно, что темная и забитая армія—это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ—есть тотъ же самый народъ, есть силы тѣхъ же самыхъ трудящихся массъ, которыя рѣшили добиваться свободы. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Тавричскій“, рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пали отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа а защитники его. И нашъ общій девизъ—смерть или свобода для всего народа!

Мы требуемъ непремѣнной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манджуріи. Мы требуемъ немедленнаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ пасть въ бою или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу!

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“ и миноносца „№ 267“.

(Печать броненосца):

2.

Ко всѣмъ Европейскимъ державамъ.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“ начала рѣшительную борьбу противъ Россійскаго Самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ Европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ, здѣсь находящимся.

Та же подпись и печать:

* * *

Едва я успѣлъ, проводивши румынскихъ офицеровъ, возвратиться въ каютъ-компанію, какъ ко мнѣ прибѣжалъ одинъ изъ матросовъ и сказалъ, что къ намъ ѣдетъ на шлюпкѣ командиръ стоящаго въ румынскихъ водахъ русскаго стаціонера ¹⁾. Я снова вышелъ на палубу, гдѣ уже собрались нѣкоторые изъ товарищей! Шлюпка пристала къ борту. Капитанъ съ рапортомъ въ рукѣ прибѣжалъ по трапу на палубу и, встрѣченный мною у входа, остановился, растерянно и въ недоумѣніи поглядывая на окружающихъ.

Что вамъ угодно, капитанъ,—обратился я къ нему.

— Я... Собственно къ командиру... Съ рапортомъ,—отвѣчалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—вашъ пріѣздъ сюда является недоразумѣніемъ. Дѣло въ томъ, что броненосецъ „Потемкинъ“ теперь принадлежитъ не правительству, а возставшему противъ него народу и управляется матросами... Развѣ вамъ ничего не извѣстно изъ иностранныхъ газетъ,—невольно удивился я.

— Я иностранныхъ газетъ не читаю, а русскія приходятъ сюда поздно,—отвѣчалъ капитанъ.

Тогда одинъ изъ товарищей въ краткихъ чертахъ рассказалъ ему о случившемся и въ заключеніе еще разъ повторилъ, что „Потемкинъ“ теперь является первымъ революціоннымъ броненосцемъ.

Капитану не оставалось ничего больше, какъ откланяться. Онъ сѣлъ въ свою шлюпку и хотѣлъ уже отваливать, какъ вдругъ опять налетѣлъ шквалъ, и поднялось сильное волненіе.

¹⁾ Военное судно, предназначенное для постоянного пребыванія въ иностранныхъ водахъ.

Видя, что гребцамъ трудно будетъ справиться съ волнами и вѣтромъ, мы предложили капитану отвести его на буксирѣ нашимъ паровымъ катеромъ, на что онъ охотно согласился...

Поздно вечеромъ я вышелъ на палубу, чтобы немного подышать свѣжимъ воздухомъ. Ночь была тихая и звѣздная. Съ броненосца отъ прожекторовъ протягивались въ разныя стороны длинныя свѣтлыя снопы блѣдноглубокихъ лучей, постоянно перемѣщаясь и пересѣкаясь между собой и освѣщая на далекое разстояніе море. А въ сторонѣ Констанцы обрисовывались черныя силуэты зданій и церквей и блестѣли безчисленные огоньки. Съ ярко освѣщеннаго приморскаго бульвара доносились звуки стройнаго оркестра... Мнѣ невольно представлялась гуляющая тамъ пестрая толпа, которая, оживленно и весело обсуждая необыкновенное происшествіе—приходъ революціоннаго броненосца, безмятежно любитъ легкой морской зыбью, изумрудомъ переливающейся въ лучахъ нашихъ прожекторовъ. И вся эта полоска земли, гдѣ жизнь шла столь обыденнымъ порядкомъ, казалась мнѣ другимъ міромъ, далекимъ и чуждымъ намъ всѣмъ...

* * *

Утро слѣдующаго дня принесло намъ съ собою разочарованіе. Товарищи, ѣздившіе въ Констанцу за окончательнымъ отвѣтомъ на нашу вчерашнюю просьбу, возвратясь привезли печальную вѣсть: министр-президентъ уведомилъ по телеграфу капитана надѣ портомъ о томъ, что онъ признаетъ невозможнымъ удовлетворить нашу просьбу, такъ какъ это противорѣчило бы правиламъ международныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они привезли телеграмму отъ министра, въ которой онъ предлагалъ командѣ „Потемкина“ сдать румынскимъ властямъ броненосецъ и высадиться на румынскую территорію; причемъ своимъ словомъ гарантировалъ всѣмъ неприкосновенность и полную свободу и даже предлагалъ паспорта. Товарищи разсказывали, что военныя власти въ Констанцѣ съ своей стороны уговаривали послѣдовать совѣту министра.

— Мы, конечно, отвѣтили имъ, что броненосца не сдадимъ, сказалъ Матющенко, который былъ въ числѣ ѣздившихъ въ Констанцу,—и просили ихъ разрѣшить намъ купить въ городѣ хоть сколько нибудь провизій, такъ какъ мы уже почти три дня питаемся только ржаными сухарями и водой, по намъ и въ этомъ отказали...

Тотчасъ же была собрана комиссія. На засѣданіи прежде всего единодушно было отвергнуто предложеніе министра, и рѣшено идти въ Россійскія воды, чтобы продолжать тамъ начатое дѣло.

Оставалось рѣшить въ какой именно портъ отправиться. Еще въ Одессѣ намъ приходила въ голову мысль пойти въ какой нибудь изъ приморскихъ городовъ Кавказа. Эта мысль и теперь напрашивалась сама собой, такъ какъ намъ было извѣстно, что Кавказъ настроенъ революціонно, болѣе всѣхъ иныхъ областей Россіи. Но нашъ небольшой запасъ угля съ каждымъ часомъ умень-

шался, такъ какъ во время стоянокъ на якорѣ мы должны были на всякій случай поддерживать въ котлахъ пары, вслѣдствіе недостатка прѣсной воды мы должны были питать котлы полусолоной водой, отъ которой они быстро портились, команда, которой приходилось много работать, была уже значительно истощена недостаткомъ пищи,—при такомъ состояніи ея намъ трудно было бы поддерживать въ ней бодрость духа, столь необходимую при какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, а темнымъ силамъ на оборотъ было бы легче смутить ее. Все это заставило насъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы гдѣ-нибудь снабдиться всѣмъ необходимымъ, и мы должны были поэтому остановиться на томъ изъ портовъ, гдѣ намъ было бы легче всего это сдѣлать? Такимъ портомъ единогласно была признана Θεодосія, и потому было рѣшено идти прежде всего туда, и если тамъ удастся достать все необходимое, направиться оттуда на Кавказъ.

Послѣ этого на палубѣ была собрана команда, которой были сообщены результаты сегодняшнихъ переговоровъ съ властями Константины и предложеніе министра-президента, а также рѣшеніе комиссіи. Послѣ нѣсколькихъ горячихъ рѣчей, обращенныхъ къ собравшимся, всѣ постановленія сегодняшняго засѣданія были почти единодушно одобрены командой. Еще сходка не разошлась, когда къ намъ снова пріѣхали капитанъ надъ портомъ и офицеръ, который пріѣзжалъ съ нимъ раньше и который въ самыхъ горячихъ словахъ выражалъ намъ свое сочувствіе. Они еще разъ попробовали склонить насъ принять предложеніе министра-премьера.

— Вѣдь та задача, которую вы беретесь выполнить, непосильна для одного броненосца,—говорилъ мнѣ симпатичный офицеръ.—Эскадра къ вамъ не присоединилась,—что же въ такомъ случаѣ ждетъ васъ въ русскіихъ водахъ?

— Что дѣлать,—отвѣчалъ я ему,—надо, пока можно, не терять надежды на успѣхъ.

Видя, что комиссія остается непреклонной, капитанъ и офицеръ распрощались съ нами, причемъ послѣдній крѣпко и долго пожималъ мнѣ руку.—Еслибы я былъ русскій офицеръ, я тоже былъ бы съ вами!—сказалъ онъ мнѣ на прощанье, и мы разстались.

Черезъ часъ „Потемкинъ“ и миноносецъ № 267 снова неслись по волнамъ Чернаго моря, беря курсъ на Θεодосію...

* * *

Въ морѣ, гдѣ каждый часъ не ставилъ передъ нами для разрѣшенія неотложныхъ вопросовъ, какъ это было въ Одессѣ и до нѣкоторой степени въ Константиѣ, на броненосцѣ все какъ то успокоилось. Я иногда съ невольнымъ любопытствомъ наблюдалъ въ теченіе этого двухсуточного перехода оригинальную жизнь нашей вольницы подъ сѣнью вымпела, ¹⁾ Андреевскаго флага и

¹⁾ Вымпель—длинная бѣлая лента, имѣющая форму узкаго флага, которая подымается на военныхъ судахъ на одной изъ мачтъ для обозначенія того, что судно въ кампаніи.

краснаго знамени, жизнь, въ которой остатки прежней военной организаціи должны были приноравливаться ко вновь провозвѣщеннымъ принципамъ свободы и равенства и въ которой вообще старое и обычное своеобразно сочеталось съ совершенно новымъ и необычайнымъ. Раздается, напримѣръ, столь обычный на военномъ суднѣ звукъ дудки ¹⁾ вахтеннаго унтеръ-офицера и вслѣдъ за этимъ слышится совсѣмъ уже необычная команда его: „комиссіи собраться въ адмиральскомъ помѣщеніи на засѣданіе!“ или „желающіе и свободные отъ занятій ходи въ адмиральское помѣщеніе на засѣданіе комиссіи!“ Или опять едва замирали послѣдніе звуки рожковъ и барабановъ, которыми обыкновенно сопровождается на военномъ суднѣ спускъ флага при заходѣ солнца, какъ на палубѣ раздавалась свободная рѣчь кого нибудь изъ ораторовъ...

Несмотря на недостатокъ пищи и тяжелую работу продолженіе обоихъ дней этого перехода, на бакѣ царилъ большое оживленіе: тамъ, смѣнившись съ вахты и пообѣдавши сухарями и водой, свободная отъ службы часть команды веселилась. Въ одномъ углу подъ незатѣйливую музыку скрипки и бубна двое самымъ добросовѣстнымъ образомъ, точно на свободѣ у своего лучшаго друга, отплясывали гопака, въ другомъ группъ матросовъ, усѣвшись въ кружокъ, играла въ карты, въ третьемъ цѣлая толпа забавлялась какой нибудь изъ матросскихъ игръ. Повсюду слышался говоръ, смѣхъ и пѣсни. Невольно на мысль приходили рассказы о запорожцахъ, которые когда-то носились на своихъ байдакахъ по волнамъ этого самаго Чернаго моря, тѣмъ болѣе, что повсюду слышалась почти исключительно украинская рѣчь. Но несмотря на бодрое въ общемъ настроеніе команды, нѣкоторые отдѣльные факты и явленія озабочивали насъ: Алексѣевъ былъ мрачнѣе тучи и часто таинственно перешептывался съ кондукторами; Калюжновъ походилъ скорѣе на тѣнь, чѣмъ на живого человека и почти не вставалъ со своего дивана. Я серьезно началъ бояться, что онъ умретъ раньше, чѣмъ мы придемъ въ Θεодосію. одинъ изъ кондукторовъ началъ обнаруживать явные признаки психическаго расстройства. Ко мнѣ, вслѣдствіе ослабленія организма или простуды, привязалась лихорадка, которая меня порядочно угнетала. Темныя силы уже не дремали: одного изъ кондукторовъ пришлось посадить снова подъ арестъ...

Во время этого перехода я часто сиживалъ на верхнемъ мостикѣ, откуда можно было видѣть весь почти броненосецъ. Ко мнѣ приходилъ туда Матющенко, и мы завязывали съ нимъ долгую бесѣду или затягивали пѣсню... Иногда къ намъ подсаживалось еще нѣсколько человекъ, появлялись кости, и мы на часъ, другой увлекались игрой.

Въ концѣ второго дня показались Россійскіе берега. Чтобы

¹⁾ Дудка—свистокъ, въ который унтеръ-офицеры свистятъ передъ отдачей всякаго распоряженія или команды, чтобы предварительно обратить этимъ вниманіе команды, а иногда также и во время исполненія матросами отданнаго приказанія для ихъ подбадриванія.

своимъ появленіемъ не навести страха на мирныхъ жителей Θεодосіи, рѣшено было, подходя къ ней, разцвѣтить броненосецъ флагами.

VIII.

22-го іюня, около 8 часовъ „Потемкинъ“ сталъ на якорь на Θεодосійскомъ рейдѣ. Отъ носа его черезъ обѣ мачты и до кормы протянулась гирлянда разноцвѣтныхъ флаговъ, а надъ кормовой башней двѣнадцатидюймовыхъ орудій развѣвалось красное знамя съ надписями,—съ одной стороны: „Свобода, равенство, братство“, а съ другой: „Да здравствуетъ народное правленіе!“

Скоро вся набережная была усеяна народомъ, стекавшимся туда со всѣхъ сторонъ. Съѣхавшіе на берегъ товарищи потребовали на броненосецъ представителей города, которые не замедлили къ намъ явиться. Мы сказали имъ, что пришли въ Θεодосію лишь затѣмъ, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ, и что мы надѣмся, что городъ намъ въ этомъ не откажетъ. Представители попросили дать имъ списокъ всего, въ чемъ мы имѣемъ нужду, и обѣщали въ возможно скоромъ времени все доставить. Списокъ тотчасъ же былъ составленъ и врученъ имъ. Кромѣ того имъ были вручены: описаніе начала возстанія на броненосцѣ и наши возванія, причемъ мы просили ихъ сегодня же устроить экстренное и публичное засѣданіе городской думы и тамъ это прочесть.

Днемъ дѣйствительно состоялось такое засѣданіе, и на немъ было постановлено удовлетворить требованіе команды „Потемкина“ относительно снабженія броненосца всѣмъ необходимымъ и просить военныя власти и администрацію не препятствовать городу въ этомъ, чтобы не довести такимъ образомъ до конфликта съ революціоннымъ кораблемъ.

Часовъ около 12-ти дня на горизонтѣ показалось какое то коммерческое судно, которое направлялось къ Θεодосіи. Когда оно приблизилось, ему былъ данъ съ „Потемкина“ сигналъ остановиться и подождать отъ насъ посланныхъ. Пароходъ сталъ, и къ нему направился нашъ миноносецъ, на которомъ были отправлены нѣсколько человекъ съ цѣлью освидѣтельствовать пароходъ.

Черезъ полчаса миноносецъ возвратился, и посланные сказали, что на пароходѣ не оказалось ничего подозрительнаго. Тамъ они между прочимъ слышали подтвержденіе слуха о контръ-миноносцѣ, который ищетъ „Потемкинъ“. Пароходу сигналомъ было разрѣшено войти на рейдъ и стать на якорь.

Съ берега между тѣмъ была привезена выпущенная мѣстной газетой телеграмма, заключающая въ себѣ правительственное сообщеніе о „Потемкинѣ“ и „Георгіи Побѣдоносцѣ“. Изъ нея мы узнали, что на „Георгіи“ раскаявшейся командой были выданы 67 человекъ, какъ зачинщики. Это извѣстіе произвело

на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Между командой слышались опять проклятія по адресу Георгіевскихъ кондукторовъ и доктора Голенка.

Передъ вечеромъ намъ была доставлена часть провіанта. Между прочимъ нѣсколько живыхъ быковъ, куръ и пѣтуховъ. Другую часть представители города обѣщали доставить завтра утромъ. Относительно же угля и прѣсной воды сказали, что градоначальникъ всякими мѣрами препятствуетъ снабженію „Потемкина“ этими матеріалами, и что у нихъ есть еще нѣкоторая надежда на губернатора, который долженъ пріѣхать сегодня ночью и который, можетъ быть, окажется благоразумнѣе и не станетъ вынуждать „Потемкина“ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Такимъ образомъ вопросъ относительно снабженія нашего броненосца углемъ и прѣсной водой, которые были намъ даже болѣе необходимы, чѣмъ провіантъ, и здѣсь осложнился. На благоразуміе губернатора, конечно, было наивно со стороны представителей города возлагать какія бы то ни было надежды. Тѣмъ не менѣе у насъ рѣшено было подождать до утра.

Взявшись какъ-то на берегъ, я не безъ удивленія замѣтилъ, что склонъ холма, возвышавшагося за Θεодосіей, усѣянъ народомъ, который валитъ туда изъ города по всѣмъ дорогамъ. Взявъ подзорную трубу, я сталъ всматриваться въ эту шевелящуюся, словно муравейникъ, массу людей, и у меня невольно сжалось сердце: это жители Θεодосіи убѣгали изъ города, вѣроятно боясь, что „Потемкинъ“ и здѣсь, какъ въ Одессѣ, откроетъ стрѣльбу изъ орудій. Другъ друга обгоняя, другъ съ другомъ сталкиваясь, съ узлами и дѣтьми на рукахъ эти обѣяты паникой люди спѣшили поскорѣе и подальше уйти отъ своихъ пеналищъ и отъ грозныхъ орудій „краснаго“ броненосца.

* * *

Утромъ кто-то принесъ съ берега вѣсть, что въ порту есть около 15-ти тысячъ пудовъ антрацита въ баркасахъ. Хотя антрацитъ былъ и мало пригоденъ для нашихъ котловъ, тѣмъ не менѣе въ крайности можно было употребить и его, и потому рѣшено было отправить нѣсколько человекъ, чтобы купить этотъ антрацитъ у владѣльца и прибуксировать его миноносцемъ къ борту „Потемкина“.

Тотчасъ же нѣсколько товарищей, въ томъ числѣ Матющенко и Фельдманъ, сѣли на катеръ и въ сопровожденіи миноносца отправились въ портъ.

Не прошло и получаса послѣ этого, какъ на берегу раздались трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Я выбѣжалъ на палубу. Отъ берега къ броненосцу неслись полнымъ ходомъ миноносецъ и катеръ, а съ берега продолжали доноситься звуки выстрѣловъ. Нѣсколько пуль ударились о броню башни двѣнадцатидюймовыхъ орудій и упали на палубу.

Когда катеръ подошелъ къ трапу, всѣ бывшіе на палубѣ бросились къ борту, чтобы скорѣе узнать, что случилось. Въ

катерѣ около штуръ-вала стоялъ Матющенко, а на днѣ лежали матросы: Циркуновъ съ раздробленной головой и окровавленный Козленко. Обоихъ ихъ сейчасъ же отнесли въ лазаретъ, а Матющенко, взойдя на палубу, въ большомъ волненіи разсказалъ намъ слѣдующее:

„Когда мы подошли къ баркасамъ съ антрацитомъ, мы нашли тамъ ихъ владѣльца, который въ отвѣтъ на наше предложеніе продать антрацитъ отвѣтилъ, что онъ его даритъ намъ съ тѣмъ, чтобы мы въ цѣлости возвратили баркасы. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ изъ насъ вошли на одинъ изъ баркасовъ и начали выбирать якорь, чтобы потомъ взять его на буксиръ; я съ другими товарищами остался въ катерѣ. Всѣ мы были совершенно спокойны, такъ какъ и не подозрѣвали о какой-нибудь засадѣ. Вдругъ откуда-то изъ-за угла раздался ружейный залпъ. Бывшіе въ баркасѣ попадали въ воду и на уголь; около меня повалились на дно катера Циркуновъ и Козленко. Миноносецъ помчался по направленію къ броненосцу. Одной изъ пуль на катерѣ былъ поврежденъ регуляторъ паровой машины, и онъ, никѣмъ не управляемый, пошелъ было полнымъ ходомъ прямо въ берегъ. Я едва успѣлъ ухватиться за руль и направилъ его сюда. Всю дорогу насъ осыпали градомъ пуль. Всѣ бывшіе на баркасѣ навѣрно погибли.

Среди команды произошло необыкновенное смятеніе. Нѣкоторые кричали: „Разгромимъ Θεодосію!“—и даже бросились было къ пушкамъ. Болѣе благоразумные однако остановили ихъ, убѣдивъ, что городъ въ этомъ не виноватъ, а предатели солдаты и военныя власти сумѣютъ укрыться отъ ядеръ. Одинъ командоръ былъ такъ взволнованъ всѣмъ происшедшимъ, что тутъ же упалъ замертво, пораженный параличомъ сердца.

Вся команда столпилась на палубѣ. Среди неимовернаго шума и гама раздавались голоса: „Нѣтъ намъ ни откуда поддержки! Въ Одессѣ намъ измѣнилъ „Георгій Побѣдоносецъ“, здѣсь въ насъ предательски стрѣляютъ армейцы, и мы должны терять товарищей, чтобы добыть угля. Самыхъ смѣлыхъ изъ насъ скоро перебьютъ поодиночкѣ, а остальныхъ голыми руками заберутъ вмѣстѣ съ обезсиленнымъ броненосцемъ!“

„Намъ остается только идти въ Румынію, пока мы еще способны двигаться!

— „Въ Румынію! Въ Румынію!“ — кричала скоро вся толпа.

Напрасно болѣе стойкіе старались уговорить идти на Кавказъ или хотъ узнать, прежде чѣмъ уходить отсюда, что сталося съ товарищами, которые были въ баркасѣ съ углемъ,—убѣжденія уже не дѣйствовали, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно состояніе самого броненосца и его экипажа, ставшее къ этому времени дѣйствительно плачевнымъ: котлы отъ употребленія соленой воды, а отчасти и отъ недостатка ухода, готовы уже были отказаться служить; нѣкоторые механизмы и части главныхъ машинъ требовали тщательной переборки; запасъ угля

съ каждымъ часомъ истощался, такъ какъ необходимо было все время держать котлы подъ парами, и мы черезъ сутки, даже при стоянкѣ на якорѣ, могли остаться почти безъ угля и такимъ образомъ лишиться возможности двинуться съ мѣста. Команда была страшно истощена, многіе изъ машинистовъ и кочегаровъ начали болѣть; вся организація сильно распаталась. Темныя силы, пользуясь упадкомъ духа среди команды, почти открыто стали проповѣдовать походъ въ Севастополь, чтобы сдать въ власти и принести повинную начальству. Передъ глазами невольно вставалъ печальный исходъ дѣла на „Георгія Побѣдоносца“.

Положеніе было въ высшей степени критическое, и стоявшіе во главѣ возстанія были теперь безсильны противустоять намѣренію огромнаго большинства идти сейчасъ же въ Румынію.

Исполнявшій подъ надзоромъ комиссіи обязанности командира кондукторъ, пользуясь такимъ настроеніемъ, сейчасъ же началъ хлопотать относительно съемки съ якоря; скоро вся команда разошлась по своимъ мѣстамъ для поднятія якоря, и черезъ какихъ-нибудь четверть часа мы были уже снова въ морѣ, держа курсъ къ Румынскимъ берегамъ.

Убитый Циркуновъ и умершій командоръ были похоронены въ морѣ...

* * *

24-го іюня, около одиннадцати часовъ вечера мы прибыли въ Констанцу. Лишь только мы стали на якорь, какъ съ берега на броненосецъ донесся чей-то голосъ. нѣсколько разъ окликнувшій „Потемкинъ“. Тотчасъ же нѣсколько товарищей отправились туда. Тамъ ихъ встрѣтилъ румынскій офицеръ, который спросилъ о цѣли нашего прихода въ Констанцу. Узнавъ о состояніи нашего броненосца и команды, онъ сталъ убѣждать въ необходимости высадиться на Румынскую территорію и увѣрять въ полной безопасности команды „Потемкина“ подъ покровительствомъ румынскихъ законовъ.

Утромъ къ намъ пріѣхалъ знакомый уже намъ капитанъ надъ Констанцкимъ портомъ, и „Потемкинъ“ былъ сданъ и введенъ въ портъ, гдѣ собравшаяся на берегу толпа народу привѣтствовала его появленіе съ большимъ энтузіазмомъ.

Въ нашихъ переговорахъ съ румынскими властями большую услугу оказать намъ одинъ изъ тамошнихъ социалистовъ болгаринъ докторъ Раковскій, который пріѣхалъ на броненосецъ вслѣдъ за капитаномъ надъ портомъ.

Послѣ обѣда всѣ мы съѣхали со своего броненосца, а въ 3 часа пополудни на мѣсто спущеннаго Андреевскаго флага былъ поднятъ румынскій.

Миноносецъ вмѣстѣ со всей почти его командой отправился въ Севастополь, не смотря на увѣщанія съ нашей стороны, гдѣ, какъ оказалось, и сдался начальству, принеся повинную.

Въ Констанцѣ между командой были раздѣлены оставшіяся на „Потемкинѣ“ двадцать четыре тысячи рублей.

Скоро мы были окружены попеченіями румынскихъ соціалистовъ. Къ вечеру Матющенко и я были уже въ штатскомъ платьѣ. Всѣ свои знаки офицерскаго званія: саблю, кортикъ, погоны и нагрудный инженерскій знакъ я раздарилъ на память новымъ румынскимъ друзьямъ.

На слѣдующее утро Матющенко, Кирилль и я уже были въ Бухарестѣ...

Спустя нѣсколько дней мы узнали, что „Потемкинъ“ сданъ пришедшей въ Констанцу русской эскадрѣ. Алексѣевъ, Калюжновъ, всѣ кондукторы и съ ними около 60 человекъ команды тотчасъ же явились къ адмиралу, командовавшему эскадрой, и сдались.

Такъ кончилось возстаніе на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Уже нескоро послѣ этого я узналъ, что студентъ Фельдманъ, перешедшій къ намъ съ „Георгія Побѣдоносца“, матросъ Кашуба и матросъ Заулошиновъ не были убиты въ Феодосіи, а были лишь арестованы тамъ.

Впослѣдствіи Фельдману удалось бѣжать, Кашуба былъ разстрѣлянъ въ Севастополѣ, а Заулошиновъ сосланъ въ каторжные работы.

А. Коваленко.

Дѣло Янковскаго.

(1862 годъ).

12 января 1857 г. былъ уволенъ изъ Ольвиопольскаго уланскаго графа Остенъ-Сакена полка, съ чиномъ поручика, Янковскій. По увольненіи въ отставку онъ проживалъ въ Варшавѣ до 1860 г., откуда затѣмъ уѣхалъ въ Краковъ. Здѣсь мѣстная власть обнаружила связь Янковскаго съ тайнымъ политическимъ обществомъ изъ тамошнихъ студентовъ, почему Янковскій 7 іюня того же года уѣхалъ въ Парижъ. На возвратномъ пути, въ Цаковѣ онъ былъ подвергнутъ полицейскому обыску, которымъ у него обнаружена была наличность запрещенныхъ брошюръ и предосудительныхъ бумагъ; онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Краковъ.

Съ своей стороны и русская правительственная власть, освѣдомившись объ арестѣ Янковскаго, распорядилась произвести обыскъ въ его квартирѣ въ Варшавѣ, гдѣ также была найдена нелегальная литература и переписка съ лицами, заподозрѣнными въ политической неблагонадежности. По препровожденіи Янковскаго въ Россію онъ былъ преданъ военному суду.

Изъ допроса Янковскаго выяснилось, что онъ по выходѣ въ отставку, познакомясь въ Варшавѣ съ артистами и студентами - медиками, открылъ для нихъ въ своей квартирѣ, по средамъ и субботамъ, собранія, гдѣ прочитывались статьи изъ „Колокола“, „Обзоръ дѣлъ Польши“ и переводы съ французскихъ запрещенныхъ книгъ. Была также образована денежная складчина для отправки въ университеты неимущихъ молодыхъ людей и пріобрѣтенія для нихъ книгъ; денежный взносъ установленный въ незначительномъ объемѣ, по 50 коп. въ мѣсяцъ, поступалъ отъ членовъ исправно, и вскорѣ сборъ денегъ былъ совершенно прекращенъ. Переписка же, найденная у Янковскаго, доказывала мечты его о вооруженномъ возстаніи Польши.

Военный судъ приговорилъ Янковскаго къ заключенію въ крѣпости на два года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ сослать его въ каторжные работы на четыре года. 14 іюня 1862 г. заключеніе генераль-аудиторіата было Высочайше конфирмовано.

Съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года въ Петербургѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Съѣзды земскихъ дѣятелей начались по инициативѣ Д. Н. Шипова давно, кажется, еще въ годъ коронаціи 1894 года. Сначала Шиповъ началъ приглашать предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые подлежали проведенію въ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ; съ самаго же начала въ число приглашенныхъ началъ входить и кружокъ лицъ близкихъ инициаторамъ этого дѣла, близкихъ, въ качествѣ и друзей и единомышленниковъ. Съѣзды скоро завоевали себѣ любовь участниковъ, а высочайшее неодобреніе, объявленное имъ въ 1902 году, вызвало къ нимъ интересъ и вообще лѣвыхъ земскихъ группъ. Общее направленіе Шиповскихъ съѣздовъ было несомнѣнно прогрессивное, несомнѣнно культурное, но имъ былъ приданъ съ самаго начала славянофильскій оттѣнокъ; основное ихъ положеніе состояло въ тезисѣ: государство должно быть основано не на правовомъ началѣ, а на началѣ любви Государя къ подданнымъ и наоборотъ. Не знаю когда изъ Шиповскихъ съѣздовъ, а отчасти и помимо нихъ образовалась группа земцевъ, ставившая своею цѣлью проведеніе въ жизнь началъ права, т. е. созданіе государства не на началахъ социальнo-этическихъ, а на началахъ чисто правовыхъ; группа эта, въ отличіе отъ первыхъ, называлась конституціоналистами. Когда она образовалась, кто былъ первый инициаторъ этого—я достовѣрно не знаю, такъ какъ до 23 февраля 1904 года я зналъ объ этихъ организаціяхъ только по наслышкѣ и самъ участія ни въ какихъ съѣздахъ не принималъ.¹⁾

Въ январѣ 1904 года я получилъ приглашеніе отъ А. А. Стаховича пріѣхать въ Москву къ Ю. А. Новосильцеву на чашку чая съ предупрежденіемъ, что тамъ соберутся и другіе земцы для обсужденія нѣкоторыхъ земскихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, я не

¹⁾ Оtvѣты на всѣ вопросы, которые ставитъ здѣсь авторъ настоящей статьи, — предсѣдатель Валуйской уѣздной земской управы (Воронежской губ.) баронъ Р. Ю. Бударбергъ—читатели найдутъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Былого“ въ статьѣ И. П. Вѣлюконскаго „Земское движеніе до образованія „Совѣза Освобожденія“.

записалъ тогда всѣхъ участниковъ этого перваго съѣзда и теперь не могу всѣхъ вспомнить. Народу было душъ около 40 отъ 20 или 21 губерній; изъ Воронежцевъ были кромѣ меня В. И. Коллюбакинъ и Д. А. Перелешинъ. Для всѣхъ участниковъ съѣзда было совершенно ясно, что то положеніе, въ которомъ находится Россія, долѣе продолжаться не можетъ; культурная работа при режимѣ Плеве невозможна, а отсутствіе ея слишкомъ опасно для Россіи, такъ какъ ведетъ даже не къ революціи, а прямо къ Пугачевщинѣ; въ силу такихъ соображеній, и находя, что единственными организованными общественными силами въ Россіи являются земства, всѣ земцы пришли еще и раньше къ заключенію, что на обязанности современныхъ земствъ лежить довести до свѣдѣнія правительства о необходимости введенія въ Россіи конституціоннаго образа правленія. Вопросъ этотъ не вызывалъ принципиальныхъ разногласій и всѣ пренія сводились къ вопросу о своевременности внесенія такихъ предложеній въ земскія собранія. Ввиду войны вопросъ обострялся еще болѣе. Изъ рѣчей помню: первую рѣчь г. Петрово-Соловово, доказывавшаго невозможность внесенія подобныхъ предложеній, ввиду страшнаго подъема патріотическаго чувства въ странѣ, благодаря только что объявленной войнѣ; рѣчь Н. Н. Львова, доказывавшаго, что монархизмъ стоитъ несомнѣнно незыблемо, что авторитетъ Царя огроменъ и непоколебленъ, но что въ то же время реформы въ освободительномъ духѣ до представительнаго собранія включительно не только не уменьшаютъ ореолъ Царя, но наоборотъ, поднимаютъ его авторитетъ въ глазахъ народа, такъ-какъ снимутъ съ него отвѣтственность за ошибки и злоупотребленія бюрократіи. Помню сильное впечатлѣніе отъ рѣчи Ф. И. Родичева, который говорилъ, что „если вы, господа, не скажете вашего слова въ земскихъ собраніяхъ, то его скажутъ другіе слои общества“, и что этимъ историческая роль земства будетъ сведена къ нулю, что онъ и такъ думаетъ, что вопросъ о конституціи подвергнется обсужденію общества ранѣе декабря этого года (времени губернскихъ земскихъ собраній) и что такимъ образомъ мы, земцы, опоздаемъ. Помню, общее впечатлѣніе съѣзда было таково: я никогда въ жизни не видѣлъ такой массы людей уже не первой молодости, съ большимъ и у многихъ славнымъ прошлымъ и въ области общественной работы, и въ области науки, такихъ прямыхъ, честныхъ, какъ мнѣ казалось подъ часъ и увлекающихся, но, во всякомъ случаѣ, живыхъ и очень юныхъ духомъ. Постановленія, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ, относящихся до поведенія на ближайшихъ экстренныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ по случаю войны, сводились къ тому, что ввиду того, что событія идутъ съ ужасающей быстротой, пока ничего опредѣленнаго сказать нельзя, ибо нельзя предвидѣть, какъ пойдетъ война, да и вообще что будетъ къ декабрю, почему необходимо собраться еще разъ передъ очередными губернскими собраніями и тогда обсудить все снова; до тѣхъ же поръ предоставить каждому, по его усмотрѣнію, проводить въ жизнь что будетъ возможно изъ общей программы.

Такъ обстояло дѣло до начала ноября. Смерть Плеве, рѣчи Мирскаго, свѣжая струя въ печати—все это дало возможность вздохнуть свободнѣе; цѣлый рядъ адресовъ и привѣтствій Мирскому вызвалъ интересъ въ обществѣ къ земству, а насъ, рядовыхъ земскихъ работниковъ, окрылилъ надеждой на возможность болѣе широкой культурной работы на мѣстахъ; сейчасъ же пошелъ притокъ новыхъ силъ въ земства, были случаи, когда люди, раньше отказывавшіеся отъ непосредственной земской работы, только благодаря словамъ Мирскаго, шли на нее, платно и бесплатно, бросая свое подѣ часть большое личное дѣло. Въ большинствѣ уѣздныхъ земскихъ собраній впервые была борьба изъ-за званія губернскихъ гласныхъ и почти вездѣ эта борьба кончалась тѣмъ, что составъ губернскихъ гласныхъ избирался болѣе лѣвый, т. е. болѣе культурный, болѣе способный къ созидательной работѣ. Понятно поэтому съ какимъ удовольствіемъ я получилъ во второй половинѣ октября опять приглашеніе на чашку чая къ Ю. А. Новосильцеву въ Москву на 2-е ноября.

Первое засѣданіе 2-го ноября въ Москвѣ было у Ю. А. Новосильцева. На этотъ разъ собралось уже болѣе 60 душъ отъ 29 губерній. Засѣданіе началось сообщеніемъ И. И. Петрункевича и князя Львова о томъ, что объявленный на 6-е ноября въ Петербургъ съ Высочайшаго соизволенія съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ и другихъ земскихъ дѣятелей не можетъ состояться 6-го ноября, такъ какъ Государь нашелъ нужнымъ перенести его на время послѣ окончанія земскихъ собраній, то есть на конецъ января 1905 года; намъ было сообщено, что программа, изложенная въ пригласительномъ письмѣ Ф. А. Головина и выработанная наскоро Шиповымъ, Петрункевичемъ и кн. Львовымъ, была показана Мирскому и имъ одобрена; бюро было у Мирскаго два или три раза и повидимому ему были сообщены и тезисы къ запискѣ профессора Якушкина, по вопросу „объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго развитія нашей общественной жизни“. Противъ тезисовъ Мирскій замѣчаній не сдѣлалъ. На заявленіе депутаціи, что большинство приглашенныхъ со всѣхъ концовъ Россіи уже ѣдетъ, и что отмѣнить приглашеніе уже нельзя, что люди съѣдутся и обязательно соберутся для обсужденія земскихъ вопросовъ, а также и на вопросъ о томъ, не будутъ ли участники съезда подлежать отвѣтственности за свои рѣчи въ этомъ совѣщаніи, Мирскій отвѣтилъ уклончивой фразой: „если земцы соберутся здѣсь (т. е. въ Питерѣ) въ частной квартирѣ за чашкой чая, то я прикажу полиціи смотрѣть на это сквозь пальцы“. Сдѣлаю маленькое отступленіе: запишу, какимъ образомъ возникла мысль и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на съѣзды земскихъ дѣятелей 6-го ноября въ Питерѣ. Предсѣдатель Харьковской губернской управы В. Г. Колокольцевъ, обѣдая какъ-то у Гербеля (начальника главнаго управленія по дѣламъ хозяйств.), въ разговорѣ сообщилъ ему, что въ ноябрѣ предстоитъ въ Москвѣ съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей, по вопросамъ подлежащимъ проведенію въ очеред-

ныхъ декабрьскихъ губернскихъ собраніяхъ, а также по вопросамъ связаннымъ съ войной. На это Гербель (самъ участвовавшій въ сѣздѣ предсѣдателей губернскихъ управъ въ 1902 году и получившій за это высочайшее неодобреніе, чѣмъ нынѣ сильно гордится), сказалъ, что очень неудобно такіе сѣзды устраивать нелегально безъ разрѣшенія, да еще въ Москвѣ, гдѣ великій князь Сергій Александровичъ на это смотритъ очень косо, и предложилъ переговорить съ Мирскимъ, чтобы получить разрѣшеніе. Мирскій отнесся къ предложенію сочувственно. Тогда были приглашены въ Петербургъ еще нѣкоторые предсѣдатели, кажется, князь Львовъ, Масленниковъ, Головинъ и Шиповъ; они переговорили съ Мирскимъ и рѣшили устроить сѣздъ 6 ноября, на что и было получено высочайшее соизволеніе. Условіемъ было поставлено, что будутъ приглашены предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ и лица участвовавшія раньше въ Шиповскихъ сѣздахъ; исключеніе было сдѣлано для одного И. П. Петрункевича. Такъ обстояло дѣло до 31 октября или 1 ноября, когда разрѣшенный сѣздъ былъ отложенъ. Теперь продолжаю о московскихъ засѣданіяхъ. По выслушаніи сообщенія И. П. Петрункевича и князя Львова въ совѣщаніи возникъ вопросъ, какъ держать себя намъ, т. е. конституціоналистамъ. Не разрѣшенный сѣздъ сильно развязывать намъ руки. Во первыхъ, программа становилась необязательной, во вторыхъ, составъ сѣзда могъ сильно измѣниться, такъ какъ въ него могли войти и лица, не бывшія ранее на Шиповскихъ сѣздахъ, и, въ третьихъ, исчезла опасность имѣть предсѣдателя съ большимъ колокольчикомъ,—кого либо вроде Гербеля; съ другой стороны, явилось опасеніе, что сѣздъ, имѣя въ числѣ членовъ значительное количество предсѣдателей губернскихъ управъ, можетъ постановить резолюціи для насъ нежелательныя.

Послѣ прочтенія записки Якушкина и тезисовъ къ ней, засѣданіе, принявъ почти всѣ ея пункты такъ, какъ они были изложены, и не углубляясь особенно въ редакцію каждаго положенія, перешло довольно быстро къ 9 пункту тезисовъ, къ вопросу объ участіи въ законодательствѣ. Редакція этого пункта не удовлетворила почти никого изъ участниковъ московскаго совѣщанія: въ ней увидѣли возможность ловушки, возможность созданія совѣщательнаго органа при одномъ изъ существующихъ правительственныхъ учреждений. Такой исходъ, по мнѣнію москвичей, былъ бы проваломъ дѣла. Въ самомъ совѣщаніи сейчасъ же обозначалось два мнѣнія; болѣе крайнее требованіе созыва учредительнаго собранія и всеобщей подачи голосовъ, и болѣе умѣренное. Крайнихъ съ ехидствомъ спрашивали: „если при всеобщей подачѣ голосовъ Іоаннъ Кронштадтскій выставитъ свою кандидатуру, то кто, по ихъ мнѣнію, получитъ больше голосовъ, чѣмъ онъ?!!“ Тѣ отвѣчали, что несомнѣнно никто, но что вѣдь Іоаннъ Кронштадтскій одинъ. Вообще пренія были очень оживленныя, и подъ часъ страстныя. Въ концѣ концовъ рѣшили просить представителей обоихъ направленій представить редакціи желательныхъ для нихъ постановленій.

Редакція крайнихъ состояла изъ слѣдующихъ 4 пунктовъ: 1) необходимость введенія въ Россіи конституціоннаго образа правленія, 2) въ выработкѣ формъ русской конституціи правоспособенъ лишь русскій народъ, а поэтому съѣздъ и не признаетъ себя въ правѣ предложить какой-либо проектъ такого законодательнаго акта. Этотъ пунктъ отвергнуть окончательно; однимъ изъ мотивовъ было указано на то, что если конституція будетъ намъ и Высочайше дарована, то вѣдь мы отъ нея не откажемся. 3) Для выработки органическаго конституціоннаго закона необходимо призвать народъ въ лицѣ: а) или учредительнаго собранія, или в) свободно избранныхъ представителей; (этотъ пунктъ оставленъ открытымъ). 4) Свобода печати, совѣсти, сходовъ, собраній и т. д., какъ гарантія выборовъ, и политическая амністія.

Резолюція болѣе умѣренныхъ: для нормальнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо участіе всего народа: 1) въ осуществленіи законодательной власти, 2) въ утвержденіи государственнаго бюджета, 3) въ контролѣ; а) за дѣятельностью отвѣтственныхъ министровъ и в) за исполнительною властью черезъ представительное выборное собраніе.

Съѣздъ принялъ полностью послѣднее мнѣніе и рѣшилъ проводить это на съѣздѣ въ Петербургѣ 6 ноября. Здѣсь у съѣзда явилось опасеніе, удастся-ли провести такую резолюцію и отчасти ввиду этихъ опасеній, а главное ввиду желанія многихъ изъ неучаствовавшихъ въ Шиповскихъ съѣздахъ попасть въ Питеръ на 6 ноября, возникъ вопросъ о пополненіи Петербурскаго съѣзда новыми членами изъ числа москвичей. Тѣ представители бюро Шиповскаго съѣзда, которые были въ нашемъ засѣданіи, не нашли возможнымъ пригласить всѣхъ москвичей по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ввиду трудности подыскиванія частной квартиры, въ которой могло бы помѣститься болѣе 150 человекъ, а главное они боялись обвиненія въ умышенномъ подборѣ лицъ, завѣдомыхъ противниковъ славянофильскихъ взглядовъ Шипова и другихъ членовъ бюро. Поэтому было рѣшено, что всѣ желающіе попасть въ Питеръ должны записаться на листѣ, и бюро пригласить того, кого найдетъ нужнымъ. Всѣхъ записавшихся было около 35; изъ нихъ было приглашено только 16 въ томъ числѣ и я; чему и кому я обязанъ приглашеніемъ — я положительно не знаю; въ основу приглашенія было положено еще и болѣе равномерное распредѣленіе по губерніямъ; отъ нашей Воронежской губ. ранѣе было приглашено двое, и я попалъ 3-мъ, остальнымъ тремъ воронежцамъ было отказано.

Первое засѣданіе въ Петербургѣ было назначено 6 ноября въ 2 часа дня на Фонтанкѣ, № 52, въ квартирѣ земскаго дѣятеля И. А. Корсакова; членамъ совѣщанія рекомендовалось, по возможности, сохранять адресъ въ секретѣ, дѣлалось это изъ боязни демонстрацій, которыя могли устроить студенты и рабочіе и которыя, конечно, помѣшали бы хладнокровному обсужденію вопросовъ, и, вѣроятно, вызвали бы со стороны полиціи репрессіи по отношенію къ самому съѣзду. Уже по дорогѣ меня спрашивалъ

извозчикъ, который везъ меня: „что это, баринъ, въ домѣ № 52! покойникъ что ли? уже пятого везу туда“. Я ничего ему не отвѣтилъ, но про себя подумалъ: „дай Богъ, чтобы теперешнее безправіе было дѣйствительно покойникомъ!“ Квартира Корсакова помѣщалась въ 3-мъ этажѣ. Какъ только я вошелъ, то сразу почувствовалъ атмосферу земскаго собранія. При входѣ вамъ предлагался листъ, на которомъ просили расписаться, здѣсь-же, кажется, студентъ вручалъ вамъ списокъ участниковъ совѣщанія и доклады, подлежащіе обсужденію (записка Якушкина и тезисы къ ней). Затѣмъ я попалъ въ довольно большой для частной квартиры залъ, биткомъ набитый участниками съѣзда, такъ что многимъ пришлось лѣзть по стѣнамъ на маленькихъ диванчикахъ.

Было приступлено къ избранію предсѣдателя; большинство кричало: „Шиповъ“! Онъ сначала отказывался, потомъ изъявилъ согласіе быть предсѣдателемъ при томъ условіи, что когда онъ найдетъ нужнымъ говорить въ качествѣ простого участника съѣзда, то сохраняетъ за собой это право: кромѣ Шипова были избраны: предсѣдателями: кн. Львовъ и И. И. Пентрункевичъ. Собраніе открылось рѣчью Шипова, въ которой онъ сначала изложилъ исторію съѣздовъ, всѣ перипетіи разрѣшенія съѣзда и отложенія его до января. Далѣе Шиповъ выяснилъ огромную нравственную отвѣтственность съѣзда передъ обществомъ и рекомендовалъ умѣренность выраженій и созданіе резолюцій удобопріемлемыхъ для правительства. Послѣ рѣчи Шипова Якушкинъ заявилъ, что въ бюро съѣзда получена масса привѣтствій и адресовъ, что количество подписей подъ ними между 5 и 6 тысячъ и что по его мнѣнію „ввиду того, что мы не знаемъ какъ долго продолжаться занятія съѣзда, быть можетъ по независящимъ обстоятельствамъ они прекратятся много скорѣе, чѣмъ мы думаемъ“, нѣтъ возможности читать всѣ адреса, такъ какъ это займетъ часа три, четыре времени, а потому онъ предложилъ прочесть адреса въ выдержкахъ, для чего и составилъ табличку. Послѣ короткихъ преній собраніе большинствомъ голосовъ рѣшило ввиду краткости времени читать адреса только въ извлеченіяхъ. Я, къ сожалѣнію, не помню точно, отъ кого были адреса; помню адресъ Московскаго Университета съ болѣе чѣмъ 1,200 подписями студентовъ и профессоровъ, Московскаго Сельскохозяйств. Института, Техническаго училища, Петербургскаго политехникума, Саратовскаго Общества, а потомъ и Думы, многихъ кружковъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, многихъ врачей, группъ земцевъ и кружковъ разныхъ лицъ. Общее содержаніе ихъ было таково: почти всѣ начинали съ вопроса о томъ, кто уполномочилъ съѣздъ заявлять тѣ или другія нужды русскаго народа. И всѣ рекомендовали намъ не стѣсняться отсутствіемъ полномочій; одни, говоря, что въ Россіи нѣтъ такого учрежденія, которое могло бы дать подобныя полномочія, другіе говорили, что волна исторіи, что обстоятельства насъ уполномочили, третьи говорили, что за насъ вся мыслящая Россія—и этого совершенно достаточно, чтобы имѣть право честно и открыто высказать свои убѣжденія тѣмъ

болѣе, что и сами мы часть того народа, права котораго рѣшили отстаивать, и т. д., и т. д. Относительно пожеланій тоже сомнѣній не было; всё находили существующія условія невыносимыми и вредными для всѣхъ сторонъ русской жизни до экономической включительно, но одни ограничивались только пожеланіями всякихъ свободъ, не говоря о гарантіяхъ проведенія ихъ въ жизнь, а другіе прямо указывали на необходимость этихъ гарантій, въ видѣ представительнаго образа правленія. Слово конституція, въ извлеченіяхъ изъ адресовъ прочитанныхъ въ первый день не употреблялось; вѣроятно помня московскую-купчиху, которая боится „жушела“.

По прочтеніи всѣхъ привѣтствій первымъ открылъ пренія председатель Херсонской губернской управы графъ Стенбокъ-Ферморъ. Онъ началъ придираться къ бюро за то, что не былъ своевременно извѣщенъ, что Высочайше разрѣшенный съѣздъ отложенъ, что ему не была прислана программа, что въ приглашеніи значится только перечень вопросовъ; здѣсь же ему дали какую то бумажку (тезисы къ запискѣ Якушкина) съ такими общими вопросами, что онъ „положительно не знаетъ о чемъ будемъ здѣсь говорить: о конституціи или о животноводствѣ?“. Поэтому онъ предлагаетъ избрать комиссію изъ председателей губернскихъ управъ для выработки программы занятій съѣзда. Шиповъ сразу замѣтилъ огоньки въ глазахъ у многихъ и, чтобы избѣжать бурныхъ преній, сразу поставилъ предложеніе на баллотировку. За предложеніе Стенбока-Фермора высказался онъ одинъ; обидѣвшись, онъ ушелъ, но ушелъ не демонстративно, а потихоньку. На слѣдующія засѣданія онъ приходилъ, иногда на $1\frac{1}{2}$ —1 часъ, и молча стоялъ у двери, и больше ни въ преніяхъ, ни въ голосованіяхъ, ни въ подписаніи резолюцій не участвовалъ. Чтобы покончить со Стенбокомъ запишу разсказъ, слышанный мною отъ Д. А. Перелешина. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней Стенбокъ ходилъ и показывалъ телеграмму изъ Херсона, примѣрно слѣдующаго содержанія: „до нашего свѣдѣнія дошло, что вы ведете себя предосудительно на земскомъ съѣздѣ; помните, что вы тамъ не частное лицо, а представитель избравшаго васъ населенія, и что вы должны будете дать объясненія земскому собранію“ подпись: „предводитель дворянства“, (фамиліи не знаю). Самъ я этой телеграммы не читалъ, записываю только что слышалъ.

Послѣ инцидента со Стенбокомъ говорилъ графъ П. А. Гейденъ, для меня лично одинъ изъ симпатичныхъ членовъ съѣзда, человѣкъ огромнаго ума и эрудиціи, крупный ораторскій талантъ, не взираая на заиканія, а главное кристаллически чистый и убѣжденный человѣкъ; онъ очаровалъ меня въ Москвѣ, когда ему однажды пришлось говорить въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства; здѣсь я сразу понялъ, что Гейдена можно изрѣзать на куски, но нельзя заставить отказаться отъ своего мнѣнія, иначе, какъ доказавши ему логически, что онъ неправъ. Гейденъ началъ съ того, что для него и до баллотировки предложенія Стенбока было совершенно ясно, что мы собрались сюда не для того, чтобы гово-

рять о животноводствѣ. Всякій изъ насъ чувствуетъ, что жить далѣе при современныхъ условіяхъ не только до невозможности тяжело, но и преступно, т. к. современныя условія лишаютъ возможности страну развиваться во всѣхъ направленіяхъ; его не смущаетъ отсутствіе полномочій, ибо совѣсть говоритъ ему, что разнѣ обстоятельства складываются такъ, что нашъ голосъ можетъ быть услышанъ, то мы должны честно, искренно и открыто сказать то, что чувствуемъ, то, во что вѣримъ. Я думалъ, что эти слова вызовутъ бурю со стороны консервативныхъ элементовъ, присутствіе которыхъ мы легко могли ожидать, и они дѣйствительно вызвали бурю— только аплодисментовъ и возгласовъ „вѣрно“. Послѣ этой рѣчи засѣданіе приняло совершенно фizioномію обыкновеннаго земскаго собранія, разсуждающаго даже не о какомъ либо жгучемъ вопросѣ, а о самыхъ обыкновенныхъ текущихъ земскихъ дѣлахъ, совершенно для всѣхъ ясныхъ, не заставляющихъ разгрызаться страсти, а просто требующихъ чисто дѣлового обсужденія. Правда, была существенная разница въ составѣ собранія: здѣсь были несомнѣнно лучшія земскія силы всей Россіи, представители науки и литературы, была дѣлая серія ораторовъ, но обсужденія велись, по наружности, совершенно спокойно, дѣловито; правда, мнѣ приходилось видѣть, какъ у опытныхъ ораторовъ дрожали руки, но голосъ былъ ровенъ, мысль спокойна и ясна, политическій задоръ отсутствовалъ; чувствовалось, что основныя положенія не только продуманы, они прочувствованы, пережиты, вошли въ плоть и кровь и что такое спокойное обсужденіе деталей возможно только тогда, когда существуетъ полная увѣренность въ непоколебимости основныхъ принциповъ.

И другая черта земскихъ собраній тоже ясно сквозила во всѣхъ преніяхъ—это отсутствіе какихъ либо корыстныхъ видовъ, эгоистическихъ побужденій. Всѣ права, которыхъ добивались, нужны были всѣмъ намъ въ такой же мѣрѣ, какъ и другимъ членамъ русскаго общества; ни въ одной изъ рѣчей не было и тѣни жажды власти или личныхъ выгодъ, всюду сквозила только увѣренность въ необходимости высказать нужды страны, такъ какъ понималъ ихъ каждый изъ участниковъ съѣзда, вовсе не думая, чѣмъ это можетъ кончиться лично для него. Не парилъ надъ собраніемъ ни призракъ всякихъ „неодобреній“ высокихъ и высочайшихъ, ни страхъ губерній начинающихся съ „А.“ и „В.“ и кончая „Я“ (Архангельская, Астраханская, Вятская, Вологодская и т. д. до Якутской) объ этомъ просто не думали, все это казалось такимъ пустякомъ, такою мелочью, что просто не приходило въ голову.

Послѣ прочтенія доклада Якушкина началось обсужденіе тезисовъ по пунктамъ. Первые 4 пункта приняты единогласно и безъ преній, по пункту 5 первымъ началъ говорить В. Д. Кузьминъ Каравановъ. Онъ доказывалъ, что мало настаивать на гарантіи соблюденія условій преданія суду, что необходимо еще измѣнить и матеріальный законъ. А. А. Савельевъ доказывалъ необходимость дополнить этотъ пунктъ введеніемъ въ него отвѣст

венности администраціи передъ общимъ судомъ, помимо всякихъ формальностей, за нарушеніе правъ частныхъ лицъ, произведенное представителями администраціи. „Попробуйте, господа, теперь добиться преданія суду хотя бы урядника или земскаго начальника, ужъ я не говорю о губернаторахъ, относительно первыхъ это хотя страшно трудно, но всетаки возможно, а послѣдніе, т. е. губернаторы, тѣ абсолютно ненаказуемы даже и тогда, когда имъ, какъ тамбовскому (барону Рокасовскому), вздумалось выпоротъ одного изъ тамбовскихъ отбывателей. Хотя Сенатъ и усмотрѣлъ въ этомъ дѣяніи нарушеніе какихъ то статей, и даже составилъ обвинительный актъ, но на немъ было начертано „предать дѣло забвенію“ и несчастный тамбовскій обыватель получилъ только копію Сенатскаго Указа съ помѣткой на ней, вѣроятно для храненія ея въ назиданіе потомству“.

Изъ остальныхъ рѣчей не помню особенно выдающихся вѣроятно потому, что онѣ говорили объ очень уже извѣстныхъ сценахъ обысковъ и административныхъ высылкахъ; слѣдуетъ только отмѣтить замѣчаніе Гейдена о необходимости отмѣны положенія объ усиленной охранѣ со всѣми къ нему примѣчаніями и дополненіями; „Вспомните, какъ у Щедрина: къ судѣ пришли спрашивать, можно ли намъ на основаніи закона это сдѣлать; судья долго рылся въ законахъ и говоритъ: по закону то можно, но вотъ по продолженію 13-му пунктъ 7 сказано, „а попробуй“, такъ же и въ нашихъ законахъ есть примѣчаніе, кажется, къ ст. 39, гдѣ говорится о томъ, что въ исключительныхъ случаяхъ губернаторы могутъ примѣнять правила объ усиленной охранѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ такая не введена.“

Пунктъ шестой о свободѣ совѣсти, слова и печати, собраний и союзовъ и не вызвалъ особыхъ преній, да и принятъ былъ почти безъ всякихъ измѣненій.

По пункту 7 пренія были очень оживленныя. Первые ораторы начали доказывать, что всѣ положенія, уже принятые нами, да и тѣ, которыя еще очевидно будутъ приняты, настолько общи, настолько захватываютъ и обезпечиваютъ права всѣхъ гражданъ Россіи, что нѣтъ основанія выдѣлять вопросъ о крестьянахъ въ особый пунктъ, тѣмъ болѣе, что этимъ вопросомъ затрогиваются частности и какъ бы умаляется значеніе всѣхъ остальныхъ желаній. На это возражали, что 90% жителей нашего отечества—крестьяне, что правовое положеніе ихъ, даже по сравненію съ тѣми ничтожными правами, которые имѣемъ мы, ужасно, что безъ измѣненія правопорядка для крестьянъ немыслимъ никакой прогрессъ—ни умственный, ни нравственный, ни даже экономическій. Теперь идетъ пересмотръ положенія крестьянъ въ комитетахъ, невозможныхъ по составу, а само положеніе представляетъ какой то ужасный кодексъ, чуть-ли не превосходящій Аракчаевскіе; въ такую минуту не выдѣлять вопроса о крестьянахъ и не указать на необходимость восстановленія и ихъ правъ мы не имѣемъ никакого права, тѣмъ болѣе, что всѣ наши желанія, даже при желаніи правительства, могутъ быть проведены въ жизнь только чрезъ

болѣе или менѣе значительный періодъ времени, а указанія относительно крестьянскаго правопорядка могутъ имѣть немедленный результатъ. Послѣ обмѣна мнѣній, по предложенію В. В. Измайлова, совѣщаніе постановило: выдѣлить въ особый пунктъ положеніе о правахъ и вообще редактировать его такъ: „Личныя (гражданскія и политическія) права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны“. Вопросъ же о крестьянахъ выдѣлили тоже въ особый параграфъ, причемъ первыя два положенія этого параграфа (а) объ уравниваніи въ правахъ и (б) объ уничтоженіи опеки) приняты почти безъ преній, третье же положеніе о необходимости оградить крестьянина правильной формой суда вызывало довольно большія пренія. Явились сторонники обычнаго права, указывая на необходимость сохраненія и проведенія его въ жизнь; имъ возражали, что когда какой то ученый юристъ попробовалъ сдѣлать сводку всѣхъ существующихъ въ Россіи обычаевъ, то послѣ долгихъ вопросовъ и собраній матеріаловъ онъ съ увѣренностью вывелъ только одинъ обычай: „пить на сходахъ водку“.

Говорилось и о различныхъ инородцахъ, начиная съ кавказцевъ, калмыковъ, всякихъ азіатскихъ племенъ и кончая обитателями крайняго сѣвера, причемъ указывалось, что къ нимъ непримѣнимы общія судебныя положенія и формы суда, годныя для Европейской Россіи.

Волостной судъ тоже нашелъ и много противниковъ, и ярыхъ защитниковъ, особенно въ лицѣ князя Н. С. Волконскаго, указывавшаго на самобытность этого учрежденія, на его вѣковую исторію, на необыкновенную внимательность и добросовѣстность судей при рѣшеніи даже самыхъ ничтожныхъ, съ нашей точки зрѣнія, дѣлъ. Въ концѣ концовъ совѣщаніе нашло, что вопросъ этотъ, вопросъ громадной важности и объема, не можетъ быть рѣшенъ въ совѣщаніи детально, и что совѣщаніе должно только отмѣтить его—сдѣлавъ такое общее указаніе, какъ „оградить его правильной формой суда“.

На этомъ окончился первый день засѣданія и большинство участниковъ челоѣкъ около 60 отправились обѣдать въ Европейскую гостиницу.

Несмотря на наружное спокойствіе, съ которымъ велись пренія, нервы всѣхъ были напряжены страшно; все время засѣданія каждый изъ участниковъ чувствовалъ, что нельзя проронить ни одного слова изъ преній, что нельзя сказать ничего лишняго, и въ то же время нельзя упустить ничего важнаго, въ виду громадной нравственной отвѣтственности, лежавшей на насъ; это напряженіе страшно всѣхъ утомило, и первое время всѣ казались усталыми, скучными и вялыми. Въ сосѣдней комнатѣ сейчасъ же появились корреспонденты различныхъ газетъ, которые, будучи лишены возможности попасть на засѣданіе въ совѣщаніе, стремились хоть однимъ ушкомъ послушать, что дѣлается хоть здѣсь за обѣдомъ. Конечно, если бы не подписка, которой были обязаны

всѣ газеты не писать нечего о съѣздѣ, всѣ свѣдѣнія нужныя для печати были бы немедленно переданы корреспондентамъ, но мы знали, что такая подписка отобрана и поэтому допущеніе корреспондентовъ въ засѣданіе считалось неудобнымъ. Видя нѣсколько угнетенное настроеніе обѣдающихъ, А. А. Стаховичъ и другіе начали просить В. М. Лодыжинскаго развеселить публику какимъ-нибудь тостомъ, зная его за незамѣнимаго застольнаго оратора. Обѣдъ былъ скромный: кромѣ водки было больше пиво, нарзанъ да сельтерская вода, квасъ и изрѣдка бутылка краснаго вина. Послѣ супу Лодыжинскій сказалъ первый тостъ. Вотъ онъ приблизительно: „Многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ (Шпировъ), много лѣтъ потрудились вы надъ сплоченіемъ земствъ всей Руси въ одно цѣлое—и вотъ результатомъ почти исключительно вашихъ трудовъ мы сегодня здѣсь присутствуемъ, какъ мнѣ кажется, при закладкѣ какого то зданія, и зданіе это, кажется мнѣ земскимъ соборомъ. Вы положили первый камень этого собора, и такъ какъ въ каждомъ соборѣ долженъ быть и протопопъ, то позвольте мнѣ выпить за ваше здоровье, какъ перваго будущаго протопопа земскаго собора“. Рѣчь эта была встрѣчена дружными аплодисментами. Д. Н. Шпировъ отвѣтилъ на это слѣдующее: „Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ, В. М., вашими же словами. Два года тому назадъ, въ маѣ 1902 года, на такомъ же товарищескомъ обѣдѣ какъ и сегодня, вы намъ рассказывали, какъ провинціалка пріѣхала осматривать Москву; конечно, прежде всего она отправилась въ Кремль. Идетъ и видитъ стоитъ соборъ; она спрашиваетъ: „это что за соборъ?“—„это Успенскій“. „А это? „это Архангельскій“. „Послушайте, а гдѣ же земскій?“ „Земскій? Пожалуйте къ городовому“. А вотъ теперь, какъ видите, мы собрались всѣ здѣсь, говоримъ свободно, и насъ къ городовому не зовутъ. Пью за то, чтобы впредь русская публика—ваша провинціалка свободно находила тотъ соборъ, въ протопопы котораго вы меня просите, и не попадала за это ни къ городовому, ни въ участокъ.“ Въ это время одинъ изъ редакторовъ журнала „Право“, Гессенъ, войдя въ залъ, гдѣ мы обѣдали, подошелъ къ А. А. Стаховичу и о чемъ то съ нимъ не громко бесѣдовалъ. Вдругъ, съ другого конца зала кажется тотъ же В. М. Лодыжинскій, а можетъ быть и кто другой, произнесъ такой гостъ: „Сегодня днемъ мы присутствовали при появленіи зари права на Руси (въ совѣщаніи обсуждался вопросъ о необходимости положить въ основу русской жизни правовое начало), а вотъ смотрите право, положимъ въ кавычкахъ, уже присосалось къ Стаховичу; отъ души желаю, чтобы право и, конечно, безъ кавычекъ, присосалось не только ко всѣмъ намъ, но и ко всей Россіи“.

Въ этотъ же день говорилъ и саратовскій Маслянниковъ. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее. „Когда мы уѣзжали сюда изъ Саратова, насъ провожалъ весь городъ, т. е. столько публики, сколько могъ вмѣстить Саратовскій вокзалъ; говорили намъ почувствованныя рѣчи, провожали насъ самыми теплыми пожеланіями,

но въ то же время приказали намъ безъ всякихъ свободъ домой не возвращаться. Сегодня, принявъ первые 7 пунктовъ доклада, вы дали намъ возможность возвратиться къ нашимъ семьямъ, и теперь мы бьемъ вамъ челомъ и просимъ васъ принять и остальные пункты доклада. Тогда вы обезпечите намъ радостное возвращеніе не только въ наши собственные семьи, но и въ семью саратовцевъ“.

Разошлись мы около половина десятого, конечно, съ совершенно свободными отъ паровъ алкоголя головами, но я лично былъ настолько утомленъ, что когда попалъ въ театръ, то утомленные и иначе настроенные нервы не могли ничего воспринять, такъ что отъ театра въ памяти не осталось ничего. Писать, читать и вообще работать головой я не могъ окончательно всѣ вечера послѣ засѣданій. Засѣданіе 7 ноября происходило на Кирочной № 34. Когда я съ Мих. Ильичемъ Петрункевичемъ, подъѣхавъ къ дому № 34, направились не въ тотъ подъѣздъ, въ которомъ находилась квартира Брянчанинова, то стоящій въ воротахъ дома околочный, вѣжливо взявъ руку подъ казырекъ, указалъ намъ слѣдующій подъѣздъ со словами: „Вамъ, господа, сюда“. Мы улыбнулись и рѣшили, что полиція насъ охраняетъ хорошо. Квартира Брянчанинова расположена на 7 этажѣ. Залъ, въ которомъ происходило засѣданіе, предназначался для домашняго театра, отдѣланъ темносиной матеріей съ какими то не то звѣздами, не то декадентскими рисунками, на сценѣ, за колоннами, помѣщался столъ, за которымъ на стульяхъ съ высокими готическими стѣнками помѣщались наши председатели, въ мѣстахъ для оркестра — столы для секретарей (ихъ было 4—Брюхатовъ, Кокошкинъ, Хмѣлевъ, и Ф. А. Головинъ).

Засѣданіе началось прочтеніемъ привѣтствій съѣзду. Большинство изъ нихъ было телеграммы, при чемъ всѣ онѣ адресовались такъ: Петербургъ. „Съѣзду земскихъ дѣятелей“ и всѣ аккуратно доставлялись намъ какъ въ засѣданія съѣзда, такъ и во время обѣдовъ въ гостиницы безъ малѣйшаго замедленія. Изъ телеграммъ полученныхъ въ этотъ день особенно обратили на себя вниманіе двѣ, одна адресованная такъ: Съѣзду Земскому. Представители политическихъ ссыльныхъ города Архангельска; содержаніе приблизительно: „Мы можемъ быть съ вами солидарны только въ томъ случаѣ, если вы будете требовать самую демократическую конституцію; ни одинъ честный человѣкъ не можетъ теперь предъявить требованій ниже слѣдующихъ, и слѣдовали примѣрно пожеланія, изложенныя въ резолюціи во мнѣніи большинства. Телеграмма эта была доставлена нераспечатанной чиновникомъ Министерства. Другая телеграмма была официальное постановленіе Саратовской думы съ привѣтствіемъ съѣзду и съ выраженіемъ совершенно опредѣленныхъ конституціонныхъ пожеланій. Вообще, мнѣ казалось, что въ это время въ Петербургѣ былъ классъ людей убѣжденныхъ въ томъ, что свобода слова уже на Руси существуетъ—это гг. телеграфисты: никогда еще имъ не приходилось получать и передавать такихъ депешъ, какъ въ это время, а главное отправлять ихъ въ подлинникахъ адресатамъ.

И въ этотъ день привѣтствій было много и отъ частныхъ

лицъ, и отъ кружковъ, и различныхъ общественныхъ группъ; всѣ они были съ пожеланіями успѣха въ достиженіи возможно широкихъ политическихъ правъ.

По окончаніи чтенія привѣтствій приступили къ обсужденію пункта 8 тезисовъ о земскихъ учрежденіяхъ. Пренія шли спокойно, дѣловито, принципиальныхъ разногласій не вызывали; положенія доклада были дополнены по предложенію проф. Васильева и Кузьмина-Караваева, во первыхъ, распространеніемъ нормальной организаціи и на городскіе самоуправленія, и, во вторыхъ, дополнены указаніемъ на необходимость распространенія органовъ мѣстнаго самоуправления на всѣ области Имперіи. Во время этихъ преній произошелъ слѣдующій инцидентъ. Нѣкоторые изъ участниковъ совѣщанія вдругъ увидѣли подъ сценой огонь; какъ я уже сказалъ, это былъ 7 этажъ, залъ небольшой, но набитъ биткомъ членами сѣзда, да и выходъ былъ извѣстенъ намъ только одинъ; слово пожаръ могло бы вызвать панику, а то и катастрофу, но тѣ, кто замѣтилъ огонь, не подали вида, спокойно нѣсколько душъ вышли въ другую комнату и заглянули подъ сцену; оказалось, что тамъ два студента и, кажется, барышня лежали и записывали пренія, и такъ какъ имъ стало темно, то они и зажгли свѣчку; изъ студентовъ одинъ оказался сыномъ А. А. Стаховича; онъ умолялъ отца взять его съ собой на засѣданіе, но когда тотъ отказалъ, то онъ пробрался раньше въ квартиру и забрался вмѣстѣ съ товарищемъ подъ сцену. Всѣхъ извлекли и усадили въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ было все слышно.

Послѣ перерыва 7-го ноября начались пренія по самому важному вопросу—по вопросу объ участіи народа въ законодательной власти. Первый заговорилъ Ив. Ил. Петрункевичъ. Рѣчь его, длившаяся около получаса, была цѣлымъ научнымъ трактатомъ по вопросу о славянофильствѣ. Иванъ Ильичъ далъ историческій очеркъ того, чѣмъ былъ въ жизни основной принципъ славянофильства—устройство государства не на основѣ права, а на основѣ, какъ онъ выразился, социальнo-этическаго принципа, на основѣ взаимной любви народа къ Царю и наоборотъ; самое тщательное изученіе русской исторіи привело его къ выводу, что начиная съ 1600 годовъ до половины прошлаго столѣтія результатомъ этого начала—было рабство, а съ половины прошлаго столѣтія—та бюрократія, тoнеограниченное своевластіе чиновничества, съ которыми мы теперь боремся. Весь этотъ періодъ исторіи отличается стремленіемъ къ полному уничтоженію свободной мысли, свободной личности; любовь къ отечеству, разъ она не совпадаетъ со взглядами правительства,—карается какъ самое тяжкое преступленіе. Положительныхъ же результатовъ Иванъ Ильичъ не видитъ и проситъ указать ихъ, если кто либо можетъ это сдѣлать.

Послѣ Петрункевича говоритъ Кузьминъ-Караваевъ, поддерживавшій и развивавшій доводы Петрункевича. Затѣмъ говоритъ Ф. И. Родичевъ—это по моему ораторъ вдохновенія, чело-вѣкъ уже немолодой, лѣтъ подъ 55—60, худой, нервный, съ блестящими глазами; его рѣчи нужно слушать, а не читать: онъ весь

въ томъ, что говорить. Онъ началъ съ того, что ему будетъ одинаково больно и оскорбительно, съ какою цѣлью бы его не выполняли; съ цѣлью ли оскорбить, или съ цѣлью исправить, и поэтому онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что разъ въ основу государственнаго строя положена любовь, то во имя этой любви возможно творить насиліе и надъ духомъ и надъ плотью гражданъ, а именно это мы и видимъ въ государственномъ строѣ, основанномъ не на строго правовыхъ началахъ; вѣдь именно любовь помѣщика, какъ отца къ дѣтямъ, и была положена въ основу крѣпостного права; можетъ быть и были гдѣ либо исключенія, гдѣ создавалась идиллія въ крѣпостномъ правѣ, но вѣдь эти исключенія только подтверждаютъ общее правило о неправильности основнаго принципа. Онъ не понимаетъ людей, кладущихъ въ основу всякаго общежитія только любовь; возьмите такой союзъ, который по самому существу своему долженъ всецѣло зиждиться на любви, союзъ брачный—и нѣтъ страны, гдѣ бы онъ не былъ строго регламентированъ закономъ и, конечно, не это послѣднее обстоятельство служить поводомъ къ несчастнымъ супружествамъ и расторженію браковъ. Весь трагизмъ послѣднихъ рѣчей заключался въ томъ, что всѣ онѣ были направлены противъ славянофиловъ, во главѣ которыхъ стоитъ Дм. Ник. Шиповъ. Для всѣхъ насъ, уже не говоря о заслугахъ Д. Н. въ дѣлѣ объединенія земцевъ, личность Шипова окружена извѣстнымъ ореоломъ. Человѣкъ огромнаго ума и знаній, крупный ораторскій талантъ, давно уже живущій исключительно общественною дѣятельностью въ ущербъ личной, обаятельная личность въ частныхъ отношеніяхъ, со многими изъ противниковъ его воззрѣній онъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и вотъ такого то дѣятеля пришлось проваливать, да еще въ самыхъ заветныхъ его желаніяхъ; тяжело было, но не было другого исхода и ораторамъ пришлось „не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ“ проводить свои убѣжденія. Родичевъ кончилъ. Всталъ Дм. Ник. и вся зала замерла въ ожиданіи того, что онъ скажетъ; для меня было ясно, что доводы логики не за него, ихъ опровергнуть онъ не можетъ, но въ то же время и логика другихъ его не убѣдила, для него это вопросъ вѣры. Существенно важныхъ доводовъ въ защиту своихъ положеній Дмитрій Пиколоаевичъ привести не могъ. Онъ началъ съ того, что русскій народъ совершенно особенный, совсѣмъ непохожій на народы Запада, указать на его добродушіе и долготерпѣніе, на поразительную умѣренность его нуждъ, потребностей, на его всеобильное сердце въ подтвержденіе чего привелъ освободительныя войны съ турками (но развѣ онѣ начинались по волѣ народа?). Далѣе указывалъ на любовь народа къ Царю, на его религіозность. Между прочимъ привелъ примѣръ, что одинъ изъ иностранныхъ ученыхъ, пробывъ три дня на хорахъ въ Московскомъ земскомъ собраніи, говорилъ ему, что пробывъ три дня въ средѣ аграріевъ и представителей крупнаго капитала все время слышалъ рѣчи только о томъ, какъ добиться правъ и удобствъ для тѣхъ слоевъ общества, которые здѣсь не имѣютъ своихъ представителей; этого у насъ

на западѣ не могло бы случиться, закончилъ иностранецъ свою бесѣду; все это, по мнѣнію Дмит. Ник., создаетъ настолько особенныя условія русской жизни, что если престолу будутъ извѣстны истинныя нужды народа, то, несомнѣнно, онѣ будутъ удовлетворены, и что бюрократическое средостѣіе падетъ само собой, а слѣдовательно и гарантія всѣхъ тѣхъ правъ, о которыхъ говорится въ первыхъ 9 пунктахъ, не будетъ нужно. На меня рѣчь произвела довольно грустное впечатлѣніе: мнѣ казалось, что самъ Дмит. Никол. понималъ, что логика не на его сторонѣ, что убѣдить кого либо онъ едва ли можетъ, и въ то же время онъ вынужденъ былъ защитить свою вѣру.

Послѣ рѣчи Шипова приступили къ баллотировкѣ мнѣнія большинства, при чемъ противъ него высказались 27 и за него 81. За контроль финансовъ было 105 противъ 2 и за контроль надъ администраціей были всѣ 107. Такимъ образомъ въ голосованіи участвовало на 5 человекъ меньше, чѣмъ подписало резолюцію. Въ этотъ же вечеръ было поручено бюро къ завтрашнему дню окончательно редактировать резолюцію большинства и вписать ее вмѣстѣ съ другими пунктами въ краткій журналъ, который можно было бы подписать на другой день. Сейчасъ же, не помню кѣмъ, было заявлено, что мы здѣсь такъ много говоримъ о свободѣ мнѣній и слова, что не въ правѣ насиловать меньшинство, и что если голосовавшіе въ меньшинствѣ пожелаютъ внести въ журналъ и свое мнѣніе, то они имѣютъ на это несомнѣнное право—это положеніе было принято единогласно и этимъ объясняется внесеніе въ окончательную резолюцію двухъ мнѣній: большинства и меньшинства.

Опять сначала обѣдъ не клеился, пока не начались рѣчи. Сначала говорилъ Котляревскій, а потомъ Родичевъ—рѣчи были адресованы къ Шипову, были сказаны въ примирительномъ духѣ; онѣ очень успокоительно подѣйствовали на насъ.

Потомъ кто-то прочелъ корреспонденцію изъ Самарской газеты о томъ, какъ изъ Петербурга пріѣхалъ нѣкто въ Самару; на него набросились и облѣпили со всѣхъ сторонъ. „Ну что? Какъ“? Но, къ несчастью, пріѣзжій оказался зайкой; послѣ долгихъ потугъ онъ наконецъ произнесъ; „раз...“ и опять заикнулся; со всѣхъ сторонъ ему начали подсказывать: „развратъ? разгулъ? разбой? разгонъ?“ и т. д., послѣ долгихъ усилій онъ, наконецъ, выговорилъ: „разговоры“. „О комъ? о чемъ?“ засыпали его со всѣхъ сторонъ. Опять послѣ долгихъ усилій онъ выговорилъ: „кон...“ и опять со всѣхъ сторонъ ему начали подсказывать: „коньякъ, кондюитъ, конка, кондукторъ“ и т. д.; но на этотъ разъ такъ бѣднягу затуркали, что онъ, не договоривши слова, выскочилъ въ другую комнату и исчезъ“.

Посмѣялись отъ души. Далѣе вспомнили, что сегодня, т. е. 7 ноября, праздникъ лейбъ-гусарскаго полка, и начали предполагать тосты за здоровье находившихся въ средѣ насъ двухъ бывшихъ лейбъ-гусаръ Свѣчина и Стаховича, предпочевшихъ нашу скромную трапезу тому морю вина и наслажденія, которое лилось

для нихъ сегодня въ другомъ мѣстѣ. Былъ и такой тостъ. Ужъ коли такіе лейбъ-гусары, какъ Свѣчинъ и Стаховичъ, пошли въ атаку на существующій строй, то ему не устоять. Свѣчинъ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Позвольте отвѣтить вамъ, господа, маленькой справкой изъ военного устава: главная задача кавалеріи—развѣдки, но цѣнятся только такое донесеніе, которое вѣрно; ни одинъ начальникъ не похвалитъ начальника развѣзда, если тотъ, примѣняясь къ диспозиціи или желанію главнокомандующаго, доставитъ свѣдѣнія невѣрныя; въ развѣдкѣ цѣнятся только одна—правда,—правда не взирая ни на что. Въ нашихъ теперешнихъ засѣданіяхъ мы тоже дѣлаемъ развѣдку, мы собираемъ нужды страны и такъ-же, какъ въ военномъ дѣлѣ, мы должны донести только одну правду, не считаясь ни съ диспозиціей, ни съ мнѣніемъ главнокомандующаго, что сдѣлають съ нашей правдой—мы за это не отвѣчаемъ.

Въ половинѣ обѣда намъ подали карточки трехъ финляндцевъ изъ Гельсингфорса. Депутація состояла, какъ кажется, изъ одного сенатора, одного профессора и одного гражданина; адресъ былъ на французскомъ языкѣ, поэтому я не запомнилъ хорошо, но главная мысль его состояла въ томъ, что финляндцы привѣтствуютъ земцевъ; желаютъ имъ добиться возможно широкихъ политическихъ правъ для „Вашего отечества“ (кажется тамъ-же говорилось о томъ, что земцы поступаютъ совершенно правильно, добиваясь правъ „культурнымъ европейскимъ путемъ, а на путемъ насилія“).

Въ этотъ же вечеръ І. В. Гессенъ пригласилъ всѣхъ участниковъ съѣзда на 9 ноября въ тенишевское училище, гдѣ представители 12 петербургскихъ редакцій желаютъ видѣть земцевъ своими гостями.

8 ноября засѣданіе происходило въ квартирѣ В. Д. Набокова на Большой Морской, № 47. Какъ въ предыдущіе дни оно началось чтеніемъ привѣтственныхъ телеграммъ. Далѣе были прочтены редакціи мнѣній большинства и меньшинства, не вызвавшія преній и принятыя безъ поправокъ. Теперь осталось совѣщанію рѣшить только послѣдній вопросъ, редактированный въ первоначальныхъ тезисахъ такъ: „Совѣщаніе, признавая себя случайнымъ по составу собраніемъ лицъ, выражающихъ свои личныя мнѣнія, полагаетъ, что разрѣшеніе вопроса объ основаніяхъ и формахъ взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства въ государственной жизни должно быть предоставлено представителямъ народа, избраннымъ при наличности указанныхъ выше условий, необходимыхъ для свободы выборовъ“. Пунктъ этотъ вызвалъ много возраженій. Начали возражать противъ слова „случайнымъ по составу“, говоря, что совѣщаніе хотя и частное, но тѣмъ не менѣе его нельзя назвать случайнымъ собраніемъ лицъ встрѣтившихся гдѣ-либо въ театрѣ или у буфетной стойки ресторана; что хотя мы высказываемъ и свои личныя мнѣнія, что хотя мы и не имѣемъ ни отъ кого формальныхъ полномочій, но тѣмъ не менѣе, мы не можемъ присвоить исключительно себѣ все сказанное нами, такъ

какъ на Руси не мало лицъ, думающихъ такъ же какъ и мы. Тѣмъ не менѣе мнѣніе, что положенія совѣщанія должны быть провѣрены черезъ опросъ представителей народа, не вызвало возраженій—съ этимъ всѣ были согласны, но возникъ вопросъ, какъ это сдѣлать. Первое предложеніе было о созывѣ учредительнаго собранія путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голо-совъ. Графъ Гейденъ по этому вопросу сказалъ приблизительно слѣдующее: „Мы не находимся въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція, когда, по словамъ Тьера, власть была выброшена на улицу и народъ ее поднималъ. Да и самый результатъ выборовъ, даже и при немедленномъ уничтоженіи стражниковъ и урядниковъ и при немедленномъ проведеніи въ жизнь всѣхъ предъ-дущихъ пунктовъ нашихъ постановленій, едва ли можно будетъ назвать „свободнымъ“; зло бюрократіи, зло административной опеки и произвола великое, господа, зло и однимъ почеркомъ пера его не уничтожишь; боюсь, что еще и слѣдующимъ поко-лѣніямъ придется считаться съ нимъ“. Послѣ оживленныхъ пре-ній мнѣ начало казаться, что совѣщаніе попало въ тупикъ, изъ котораго я лично, откровенно долженъ сознаться, не видѣлъ вы-хода. Вывела собраніе изъ затруднительнаго положенія рѣчь Ник. Львова. „Мы должны, господа, такъ же откровенно, какъ говоримъ правительству въ настоящую минуту о нуждахъ страны, сказать и себѣ, что силы у насъ нѣтъ; за нами нѣтъ ни толпы, ни штыковъ; принципъ монархизма, понятый правильно или нѣтъ,—это безразлично, въ нашемъ народѣ, особенно въ крестьянствѣ, стоитъ неизбѣжно и считаться съ этимъ мы должны; созывъ учредитель-наго собранія при существующей сильной власти вещь, конечно, невозможная. Единственное наше оружіе—сила мысли, сила логики да твердая вѣра въ то, что пока единственное спасеніе отечества тѣ реформы, которыя мы предлагаемъ, и я вижу единственный выходъ изъ положенія—это обращеніе къ той же верховной власти; если мы сумѣемъ убѣдить ее, что мы не революціонеры, и что не жажда власти и личные расчеты собрали насъ сюда и побу-дили откровенно и свободно высказать свое мнѣніе, указать сред-ства для исцѣленія нашего больного отечества, а я убѣжденъ что оно въ данный моментъ серьезно больно; пусть же сама верхов-ная власть и спроситъ народъ, но, конечно, черезъ свободно избран-ныхъ его представителей, правы мы или нѣтъ“. Рѣчь эта была покрыта аплодисментами, и былъ назначенъ перерывъ для редак-тированія въ окончательной формѣ резолюціи послѣдняго пункта. Бюро редактировало его такъ, какъ онъ изложенъ въ печатной резолюціи, и собраніе приняло его безъ преній. Предсѣд. Пет. Губ. Упр. Марковъ всталъ и заявилъ слѣдующее. „Я прошу зане-сти въ протоколъ, что я явился сюда на совѣщаніе съ Высочай-шаго соизволенія, но такового здѣсь не нашелъ; я участвовалъ какъ частный человѣкъ и мнѣніе свое подавалъ тоже какъ част-ный человѣкъ и прошу это тоже занести въ протоколъ; я могъ бы сказать многое въ защиту мужика, но я не говорилъ ничего, голосовалъ я за резолюцію меньшинства; надѣюсь, что мои кол-

леги (т. е. предс. губ. упр.) меня поддержать!“ Я передалъ рѣчь почти дословно, и если содержаніе ея не особенно понятно, то въ этомъ не моя вина. По счастью для Маркова послѣ его рѣчи говорилъ кто-то изъ очередныхъ ораторовъ и въ это время онъ успѣлъ уйти; какъ только кончили свою рѣчь говорившій, встали Свѣчнинъ и довольно рѣзко началъ протестовать, доказывая свою несолидарность съ Марковымъ; вмѣстѣ съ нимъ всѣ председатели губернскихъ управъ заявили, нѣкоторые въ коротенькихъ рѣчахъ, а другіе просто въ двухъ словахъ, что они тоже не солидарны съ г. Марковымъ; инцидентъ этотъ окончился рѣчью председателя Пензенской губернской управы Алекс. Алекс. Атыганьева, который сказалъ приблизительно слѣдующее: „Я человѣкъ простой, живу въ глуши, и можетъ быть поэтому рѣшительно не могу понять, какъ это у людей можетъ быть два мнѣнія—одно съ Высочайшаго соизволенія, а другое безъ него; у меня всегда одно мнѣніе—по совѣсти, и если что-либо нужно записывать въ протоколъ, то запишите мое мнѣніе какъ хотите, какъ частнаго человѣка или какъ предс. губ. упр., для меня это все равно, но отмѣтьте обязательно, что это мое единственное мнѣніе и что подано оно только по совѣсти“. Рѣчь эта вызвала громъ рукоплесканій. Чтобы покончить съ этимъ инцидентомъ, сдѣлаю маленькое отступление. На слѣдующій день при открытіи собранія, председателемъ его Петрункевичемъ было прочитано письмо Маркова, адресованное совѣщанію, въ которомъ онъ говоритъ, что вчера онъ былъ очень взволнованъ и нервно настроенъ, и потому можетъ быть и сказалъ не то, что хотѣлъ, или его не такъ поняли, почему онъ и излагаетъ письменно свою рѣчь; къ сожалѣнію я не нашелъ въ ней больше смысла, чѣмъ въ сказанной имъ; заканчивалось письмо просьбой разрѣшить и ему подписать краткій журналъ, для представленія министерству.

Когда всѣ пункты были вписаны, рѣшили, что всѣ участники сѣзда должны подписать эту резолюцію и черезъ особо избранную депутацію передать ее Мирскому, прося его изхлопотать аудіенцію у государя, а если это окажется невозможнымъ, то просить Мирскаго передать постановленія совѣщанія Государю. Членами депутаціи были избраны: Шиповъ, князь Львовъ, Иванъ Петрункевичъ, графъ Гейденъ и Пр. Екатеринославской губ. зем. управы Родзянко. Подписали резолюцію сначала бюро, Шиповъ, князь Львовъ и Иванъ Петрункевичъ, а затѣмъ подписывали уже по алфавиту губерній.

Послѣ подписи Карышевъ возбудилъ вопросъ объ амнистіи по политическимъ дѣламъ. Пренія велись довольно безпорядочно. Были замѣчанія такого рода: если я посажу васъ въ погребъ, продержу тамъ мѣсяцъ—другой, а потомъ выпущу—развѣ это будетъ амнистія? Возникалъ вопросъ о томъ, какія категории должны подлежать амнистіи, какъ быть съ отбывающими наказаніе по суду и т. д., тогда князь Пет. Дм. Долгоруковъ заявилъ: „Мы здѣсь, господа, еще храбримся, а они то вѣдь уже были храбры, о чемъ же здѣсь можно разговаривать? Мы должны высказаться

за полное возстановленіе въ правахъ всѣхъ пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія“. Совѣщаніе присоединилось къ этому предложенію и просило бюро редактировать и этотъ пунктъ къ слѣдующему дню. Изъ присутствовавшихъ въ совѣщаніи подписали резолюцію всѣ, за исключеніемъ Павлова (Сарат. губ.), о немъ намъ сказали, что его вызвали по телефону и онъ куда то уѣхалъ, но подпишетъ потомъ. По окончаніи засѣданія бюро предложило благодарить хозяина квартиры за гостепріимство; тогда В. Д. Набоковъ заявилъ, что наоборотъ, онъ долженъ благодарить насъ за то, что такой, по его словамъ, важный историческій актъ, какъ подпись резолюціи, произошелъ именно въ его домѣ, на что кто-то крикнулъ, что со временемъ на домѣ № 47 по Б. Морской будетъ прибита мраморная доска.

Уходя В. М. Ладыжинскій подходитъ и говоритъ: У меня уже есть вещь для будущаго русскаго національнаго музея. „Гдѣ же вы ее взяли?“ „Сейчасъ укралъ здѣсь“. Что же это такое? Покажите. „Онъ вынулъ изъ кармана ручку, которой подписывали постановленія, и сказалъ, что сохранить ее на память.

Въ засѣданіи 9-го ноября былъ принятъ рядъ резолюцій по вопросамъ народнаго образованія, земскихъ организаціямъ на Дальнемъ-Востокѣ и различнымъ культурнымъ мѣропріятіямъ, постановленій уже чисто земскихъ и для земскихъ собраній. Тогда же было рѣшено организовать составъ съѣздовъ, и дабы избавиться отъ упрека въ самозванствѣ, рѣшено было просить губернскія земскія собранія всѣхъ губерній въ ближайшихъ губернскихъ собраніяхъ избрать изъ числа членовъ собранія по 4 человека и по 2 канд. къ нимъ и на будущіе съѣзды приглашать уже только: 1) избранныхъ земскими собраніями или, за выбытіемъ, ихъ кандидатовъ, 2) предсѣдателей губернской упр., 3) тѣхъ изъ участниковъ ноябрскаго съѣзда, въ губерніяхъ которыхъ не будутъ произведены выборы ни въ Земскихъ Собраніяхъ ни въ частныхъ совѣщаніяхъ, 4) тѣхъ членовъ бюро ноябрскаго съѣзда, участіе которыхъ будетъ признано необходимымъ.

Такъ закончился Петербургскій земскій съѣздъ, имѣвшій такое большое вліяніе на ходъ освободительнаго движенія.

Р. Будбергъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Приводимъ полностью текстъ резолюцій сѣзда земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 года въ Петербургѣ 1).

Частное Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ засѣданіяхъ, происходившихъ 6-го, 7-го и 8-го ноября 1904 г. въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильного теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самостоятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опеке надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодействие съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учреждений въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и cadaго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

1) См. Листокъ Освобожденія. № 18. Парижъ. 20 ноября 1904 года.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечить бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзовъ.

7. Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣтельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣтельности и энергіи, а это достижимо только путемъ кореннаго измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянства. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнивать крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнить обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправления: для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣтельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учреждений простирался на всю область мѣстныхъ польвъ и нуждъ и г) чтобы названнымъ учреждениямъ были предоставлены должныя устойчивость и самодѣтельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учреждений. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи

10. Мнѣніе большинства. ¹⁾

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильного развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, ²⁾ въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ ³⁾ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи. ⁴⁾

Мнѣніе меньшинства. ²⁾

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильного развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

11. Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія переживаемаго Россіей, частное Совѣщаніе выражаетъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Предсѣдатель Совѣщанія Д. Шиповъ.
Товарищъ предсѣдателя Ив. Петрункевичъ.
Товарищъ предсѣдателя кн. Г. Львовъ.

Секретарь Ф. Кокошкинъ.
Секретарь Л. Врюхатовъ.
Секретарь Ф. Головинъ.

Члены: баронъ Александръ Федоровичъ Стюартъ, С. А. Петровъ, Н. Масленниковъ, Г. А. Смирновъ, А. Еремѣевъ, В. Кудрявый, Дмитрій Перелешинъ, Алексѣй Урсулъ, баронъ Р. Будбергъ, Л. В. Юмашевъ, М. Родзянко, П. Карышевъ, И. Геркенъ, В. В. Марковниковъ, А. Н. Баратынскій, А. В. Васильевъ, Н. В. Лесли, В. С. Соколовъ, Н. В. Раевскій, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, Э.

¹⁾ 71 голосъ.

²⁾ 27 голосовъ.

³⁾ Формула „въ осуществленіи законодательной власти“ принята большинствомъ 60 голосовъ противъ 38.

⁴⁾ Формула „въ установленіи государственной росписи“ принята большинствомъ 91 голоса противъ 7.

⁵⁾ Формула „въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“ принята большинствомъ 95 голосовъ противъ 3.

Загорскій, А. ф.-Рутценъ, В. Г. Якушкинъ, Н. Ширковъ, Евгений Артыновъ, Н. Рихтеръ, М. В. Челноковъ, В. Ф. Мейенъ, С. Муромцевъ, Ал. Ал. Савельевъ, Георгій Килевейнъ, В. Гориновъ, Ал. Иконниковъ, Мих. Прокофьевъ, С. Бередниковъ, А. М. Колюбакинъ, Ив. Корсаковъ, Сергѣй Масловъ, Ф. В. Татариновъ, А. Стаховичъ, Вс. В. Михалевскій, А. А. Атрыганьевъ, В. Ковалевскій, Влад. Ладыженскій, Ф. Лизогубъ, Василій Горбуновъ, гр. П. Гейденъ, Мих. Калитинъ, Александръ Брянчаниновъ, В. Эманъ, кн. Н. С. Волконскій, Влад. К. Федоровскій, Андрей Андреевичъ Ушаковъ, В. Племянниковъ, Николай Шишковъ, Г. Костромитиновъ, Д. Протопоповъ, К. Арсеньевъ, Авчинниковъ, С. Гвоздевъ, И. Аладовъ, Владиміръ Набоковъ, князь С. М. Баратаевъ, Н. И. Метальниковъ, Б. Т. Садовскій, В. М. Вороновскій, И. Г. Полуектовъ, Н. А. Хомяковъ, В. П. Энгельгардъ, А. Д. Юматовъ, С. А. Котляревскій, А. М. Масленниковъ, К. Б. Веселовскій, Н. Н. Львовъ, Я. Т. Харченко, В. Г. Колокольцовъ, П. М. Линтваревъ, В. Вернадскій, М. Колобовъ, В. Измайловъ, А. Павловъ, Новосильцовъ, В. фонъ-Дервизъ, В. Кузьминъ-Караваевъ, М. Петрункевичъ, Н. Милуковъ, Ф. Родичевъ, князь М. В. Голицынъ, Р. А. Писаревъ, П. Коропочинскій, И. Жуковскій, А. Свѣчинъ, В. М. Хижняковъ, А. Крыловъ, Н. Глѣбовъ, кн. Д. И. Шаховской, В. Марковъ.

Опытъ примѣненія пассивнаго сопротивленія въ 70-хъ годахъ.

Пассивное сопротивленіе, послѣ такъ называемаго выборгскаго воззванія, настолько заинтересовало въ данное время общество и печать, что намъ казалось умѣстнымъ подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями о довольно крупномъ опытѣ его примѣненія, правда, при другихъ условіяхъ и по другому поводу,—уральскими казаками. Этотъ опытъ относится къ 1874—1875 гг. и, какъ частичное во всякомъ случаѣ, хотя и массовое по отношенію къ данной мѣстности, примѣненіе пассивнаго сопротивленія,—онъ является довольно сильнымъ доказательствомъ того, какъ опасно и безцѣльно такое частичное выступленіе, въ особенности имѣя въ виду обычную жестокость военныхъ судовъ, карательныхъ экспедицій и воинскаго постоя.

Обстоятельства этого «недоразумѣнія» въ самыхъ краткихъ чертахъ таковы: согласно выс. утв. 5 марта 1874 г. мнѣнія госуд. сов. въ уральскомъ казачьемъ войскѣ должны были быть введены: новое положеніе о воинской повинности и положеніе объ общественномъ хозяйственномъ управленіи. Новое положеніе о воинской повинности вносило крупное измѣненіе въ прежній способъ отбыванія этой повинности уральцами, вводя *обязательную для каждою* молодого казака службу въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ въ строю требуя обязательную явку на ежегодные учебные сборы и содержаніе наготовѣ строевой лошади и снаряженія ¹⁾).

Новое положеніе объ общественномъ управленіи требовало, чтобы казаки выбрали представителей отъ станицъ для рѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ, въ которыхъ были и вопросы о распредѣленіи самообложенія на военныя нужды. Главное недовольство казаковъ было вызвано тѣмъ, что новый порядокъ, значительно отягчавшій несеніе воинской повинности, свалился имъ на голову совсѣмъ неожиданно, безъ всякаго предварительнаго обсужденія его самими казаками. Находя «новое положеніе» неудобопримѣнимымъ къ условіямъ своей экономической и общинной жизни, казаки начали хлопотать о временномъ приостановленіи его введенія и просили у мѣстнаго начальства

¹⁾ До этого уральскіе казаки вызывались на службу лишь во время войны и полки распускались по минованіи надобности.

объяснений и отвѣта на возникающіе у нихъ по поводу новаго закона вопросы.

Вмѣсто разъясненій начальство разослало циркуляръ съ угрозою, что «за распространеніе ложныхъ толковъ о новомъ положеніи» виновные будутъ предаваемы суду. «Но казаки утвердились въ мысли, что новое положеніе вводится неправильно и, отказываясь принять его, въ октябрѣ посылаютъ въ Ливадію казаковъ, которымъ и удалось подать государю прошеніе. Эти казаки—Стяговъ и Гузиковъ—были первые преданы военному суду, который ихъ, «какъ оказавшихся въ числѣ главныхъ дѣятелей по возбужденію въ войскѣ неповиновенія властямъ при введеніи въ дѣйствіе выс. утв. 9 марта 1874 г. положенія о воинской повинности и общественномъ хозяйственномъ управленіи, позволявшихъ себѣ распространять ложные слухи и нелѣпые рассказы о правахъ войска, —присудивъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжную работу въ рудникахъ и на заводахъ на восемь лѣтъ каждого съ приведеніемъ въ исполненіе надъ ними обрядности по силѣ 1040 ст. XIV кн. С. В. П. 1869 г.—возведеніе на эшафотъ».

Чтобы привести массу казаковъ, отказавшихся принять новое положеніе, къ раскаянію и повиновенію, тогдашнее начальство придумало совершенно нелѣпую вещь: поголовный допросъ всѣхъ казаковъ и отбирание на бѣлыхъ листахъ подписки въ томъ, что они подчиняются властямъ и новое положеніе принимаютъ. Эта мѣра подняла на ноги еще большее количество казаковъ, заподозрѣвшихъ въ такой подпискѣ подвохъ. Отказывались отъ подписки сначала всѣ поголовно. Ихъ велѣно было предавать суду, но очевидно выполнить это было физически невозможно, и тогда рѣшили выслать всѣхъ продолжающихъ ¹⁾ упорствовать въ административномъ порядкѣ въ Туркестанъ.

Пассивное сопротивленіе не ограничилось отказомъ отъ подписки; оно перешло въ отказъ добровольно идти въ ссылку. Первую партію пришлось тащить силою. Начальство, выведенное изъ себя, примѣнило къ нимъ звѣрское избиеніе до полусмерти и въ такомъ видѣ поклало арестантовъ на подводы и увезло. Пассивное сопротивленіе продолжалось на мѣстѣ ссылки—въ Казалинскѣ, гдѣ изъ казаковъ предполагали устроить нѣчто вродѣ рабочихъ командъ, отдавъ ихъ въ распоряженіе мѣстной командѣ солдатъ. Казаки не шли въ казармы, не называли фамилій, не надѣвали одежды, не исполняли никакихъ работъ, имъ назначаемыхъ, хотя бы и для собственной пользы (устройство жилища). Чтобы какъ-нибудь разбираться среди этой безыменной массы, солдатскіе унтеры придумали выжигать казакамъ знаки *на лбу ляписомъ*; но и эти знаки казаки за ночь вмѣстѣ съ кожей сдирали... Борьба велась съ ожесточеніемъ чуть не годъ, при чемъ казаки какъ бы въ религіозномъ изступленіи, считая, что страдаютъ за вѣру, не употребляли насилія; въ сущности, если бы они захотѣли его примѣнить, командѣ было бы трудно съ ними справиться. Уральцы оставались до конца исключительно на почвѣ пассивнаго сопротивленія.

Властямъ удалось выслать съ Урала 2500 чел. взрослыхъ муж-

¹⁾ Часть казаковъ пошла на уступки.

чинъ (отдѣльными партіями), къ нимъ выселить въ послѣдствіи силою же ихъ семьи, занять казачьи станицы воинскимъ постоемъ, конфисковать имущество сосланныхъ и вообще продѣлать такую бездну беззаконія, насилія, произвола, форменнаго грабежа, что трудно вѣрится въ возможность такихъ дѣяній въ 70-хъ годахъ XIX вѣка. Въ результатѣ—цѣлыя селенія были раззорены окончательно, во многихъ другихъ масса домовъ осталась надолго забытыми, а движимое имущество частью распродано, частью расхищено. Новое положеніе введено было силою оружія, и та часть казаковъ, которая осталась въ предѣлахъ войска, вынуждена была ему подчиниться.

Такимъ образомъ, несмотря на массу жертвъ и страданій, благодаря тому, что пассивное сопротивленіе было примѣнено, хотя и очень дружно въ первое время, но лишь отдѣльною, сравнительно небольшой частью населенія (уральскихъ казаковъ всего то было тогда менѣе 100 т. обоего пола), оно дало печальные результаты.

Н. Бородинъ.

Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году.

(Окончаніе ¹⁾).

VII.

Мы уже говорили о приказѣ императора Александра отъ 2 ноября 1820 г., уничтожившемъ прежній составъ Семеновскаго полка. Прежніе семеновцы были распредѣлены между очень многими армейскими полками.

4 ноября начальникъ Главнаго Штаба, кн. Волконскій, далъ, по повелѣнію государя, слѣдующее предписаніе Закревскому: 1) Изъ отправленнаго въ Свеаборгъ 2-го батальона, выбравъ 15 унтеръ-офицеровъ, 6 музыкантовъ и 180 рядовыхъ оставить ихъ въ Финляндіи въ 23-ей пѣхотной дивизіи, а прочихъ людей этого батальона послать сухимъ путемъ чрезъ Выборгъ, минуя Петербургъ, черезъ Ижору и Лугу во Псковъ. Тамъ оставить почти такое же количество людей, какъ въ Финляндіи, для распредѣленія въ полки 1 пѣх. дивизіи, остальныхъ же отправить одну половину въ Ригу, а другую въ Витебскъ для распредѣленія въ полки 2-й и 3-й пѣх. дивизіи. 2) 3-й батальонъ изъ Кексгольма отправить чрезъ Новую Ладугу до Вышняго Волочка Оттуда, выбравъ изъ всѣхъ ротъ 36 унтеръ-офицеровъ, 16 музыкантовъ и 400 рядовыхъ, послать въ Переславль Залѣсскій; оставивъ въ этомъ городѣ одну половину всего числа для распредѣленія въ 13 й пѣх. дивизіи, другой половинѣ идти въ Муромъ для распредѣленія въ 5-й пѣх. дивизіи; остальныхъ же 400 человекъ отправить въ Коломну, и оставивъ тамъ половину для распредѣленія въ 15 й пѣх. дивизіи, остальнымъ идти въ Рязань для размѣщенія въ 4-й пѣх. дивизіи. 3) Всѣхъ оставшихся въ Петербургѣ въ казармѣ, не содержащихся въ крѣпости унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, рядовыхъ и нестроевыхъ 1-го батальона выслать въ Лубны для распредѣленія въ 8 пѣх. дивизію. 4) Всѣхъ оставшихся въ казармахъ въ Петербургѣ людей 2-го батальона выслать во Псковъ, а 3-го батальона въ Новую Ладугу для соединенія тамъ съ людьми своихъ батальоновъ. 5) Изъ музыкантовъ, оставшихся въ Петербургѣ, дозволялось включить въ новый составъ Семеновскаго полка тѣхъ, которые нисколько не были причастны

¹⁾ См. Былое Января и Февраля 1907 г.

«своевольству». 6) Всѣхъ военныхъ кантонистовъ моложе 10 лѣтъ велѣно было оставить въ полку, а старше 10 лѣтъ разослать по ближайшимъ отъ Петербурга отдѣленіямъ: въ новгородское, Выборгское, Фридрихсгамское, Нарвское и Псковское. 7) Солдатскихъ женъ съ дѣтми моложе тѣхъ, которые были назначены для помѣщенія въ военно-сиротскіе дома, оставить въ Петербургѣ до теплой весенней погоды. 8) Артельныя деньги разослать по расчету въ тѣ полки, куда люди поступятъ, на что корпусному командиру обратить особенное вниманіе, «дабы послѣдняя даже копѣйка дошла до каждого, кому принадлежить.» 9) Офицеровъ, бывшихъ въ Семеновскомъ полку, отправить съ командами для отвода людей въ тѣ полки, куда они назначены. ¹⁾

Главнocomандующему 1-й арміи было предписано распорядиться, чтобы полковые, батальонные и ротные командиры тѣхъ полковъ, въ которые поступятъ солдаты Семеновскаго полка, обратили особенное вниманіе не только на ихъ поведеніе, но даже и на разговоры относительно происшествія, вызвавшаго уничтоженіе ихъ полка, и старались бы вывѣдывать отъ нихъ о началѣ этого происшествія и не подбуждалъ ли ихъ кто либо. Васильчиковъ просилъ оставить въ Петербургѣ подпрапорщиковъ и портупей-прапорщиковъ Семеновскаго полка, потому что они не участвовали въ извѣстномъ происшествіи, такъ какъ не жили въ казармахъ и съ нижними чинами не имѣли никакихъ связей; если же признано неудобнымъ оставить ихъ въ Петербургѣ въ Семеновскомъ полку, то перевести ихъ въ армейскіе полки съ офицерскимъ чиномъ. Сначала государь не согласился ни на то, ни на другое, но въ началѣ 1821 г. подпрапорщики были произведены въ офицеры.

Въ Петербургѣ судьба семеновцевъ, какъ мы уже знаемъ, возбуждала общее сочувствіе. Вотъ фактъ, хорошо рисующій настроеніе городского населенія. 22-го ноября 1820 г. должна была выступить изъ Петербурга отправляемая въ Полтавскую губернію въ 8 пѣхотную дивизію команда изъ 120 семеновцевъ, находившихся 17 и 18 октября въ госпиталяхъ и разныхъ отлучкахъ. слѣдовательно, рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ. Пока команда собиралась, къ начальствовавшему ею офицеру подошелъ человѣкъ въ купеческомъ платьѣ и, подавая ему сторублевую ассигнацію, просилъ истратить эти деньги на водку для солдатъ во время похода. На вопросъ офицера, нѣтъ-ли у него между нижними чинами какого либо родственника или близкаго, онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, батюшка, никого нѣтъ, а у меня свой домъ въ (Семеновскомъ) полку; я привыкъ видѣть каждый день этихъ добрыхъ людей и, не имѣвъ отъ нихъ ни малѣйшей обиды или неудовольствія, всѣхъ ихъ считаю своими». Офицеръ Михайловъ, нѣсколько опасавшійся продолжительнаго похода съ мало извѣстными ему солдатами, былъ ободренъ этимъ выраженіемъ мнѣнія о хорошей

¹⁾ 14 ноября 1820 г. Закревскій извѣстилъ Бенкендорфа, что нижніе чины бывшаго Семеновскаго полка во время слѣдованія ихъ въ пути не могутъ довольствоваться мясною пищею, такъ какъ ихъ слѣдуетъ вести какъ армейскихъ солдатъ, а не какъ гвардейскихъ.

нравственности семеновцевъ, и дѣйствительно онъ довелъ порученную ему команду до мѣста назначенія безъ малѣйшей непріятности. ¹⁾

Не такъ благополучно прошли семеновскіе солдаты чрезъ Псковъ. 15 января 1821 г. сюда прибылъ изъ Свеаборга переведенный полковникомъ въ Костромской пѣх. полкъ Вадковскій съ батальономъ, назначеннымъ для распредѣленія въ полки 1-го пѣх. корпуса. Явясъ къ дивизіонному командиру, ген. Лаптеву, онъ просилъ дозволенія дать людямъ отдыхъ въ 4—5 дней, но получилъ отказъ. Вадковскій заявилъ, что ему нужно раздать деньги солдатамъ, Лаптевъ же приказалъ представить ихъ при спискѣ въ дивизіонное дежурство, откуда они будутъ разосланы по принадлежности. Однако Вадковскій деньги солдатамъ роздалъ. Та часть солдатъ, которая была назначена во вторую и третью дивизіи, выступила изъ Пскова 16 и 17 числа, опредѣленные же въ 1-ю дивизію остались въ этомъ городѣ. Лаптевъ встрѣтилъ трехъ солдатъ пьяными, и на сдѣланное имъ «увѣщаніе» получилъ, по его словамъ, «грубые и дерзкіе отвѣты». На другой день онъ поручилъ подполковнику Вейдлову наказать ихъ розгами въ присутствіи всѣхъ товарищей и потомъ представить ихъ для освидѣтельствованія, достаточно ли они наказаны. Наказаніе было нещадное, и бывшіе семеновцы стали роптать, жаловались, что ихъ товарищей наказываютъ безвинно и что даже наказаніе шпицрутенами «менѣе жестоко». Кричали также: «если начали уже наказывать, то наказывайте всѣхъ насъ». Вейдловъ сталъ искать зачинщиковъ ропота, но это ему не удалось, такъ какъ говорили сзади или издалека. Тогда онъ разставилъ унтеръ-офицеровъ съ приказаніемъ вывести впередъ перваго, кто будетъ роптать, и тѣмъ заставилъ всѣхъ молчать. Осмотрѣвъ наказанныхъ, Лаптевъ сказалъ: «вотъ такъ-то у насъ заставляють повиноваться». Такъ же жестоко были наказаны еще 3 солдата другимъ полковникомъ будго бы «за буйственные противъ обывателей поступки» ²⁾, а по донесенію губернатора всѣ шестеро подверглись наказанію за грубости Лаптеву. Губернаторъ, вопреки заявленію Лаптева, донесъ, что во время двухдневнаго пребыванія во Псковѣ бывшіе семеновцы «обывателямъ стѣсненія не дѣлали», кромѣ того, что они кормили солдатъ двое сутокъ даромъ. До границы лифляндской и витебской губерній партіи прошли также совершенно спокойно.

Слухъ о событіи во Псковѣ дошелъ до Петербурга. Отвѣтъ Лаптева былъ настолько неясенъ, что Закревскій послалъ для негласнаго разслѣдованія подполковника Жуковского 2-го. По его донесенію, бывшіе семеновскіе офицеры, узнавъ, что на путевое продовольствіе

¹⁾ Рыльскъ въ своей статьѣ о волненіи Семеновскаго полка говоритъ, что нѣкоторые офицеры «являлись точно достойными своего званія». Одинъ изъ нихъ подпоручикъ М. много разъ доводилъ до свѣдѣнія начальства, что у людей нѣтъ сапоговъ, и, получивъ отвѣтъ, что его дѣло вести, а не представленія дѣлать, употребилъ свои 2000 рублей для шитья сапоговъ солдатамъ.

²⁾ Фельдъегерь, которому поручено было развѣдать о происшествіи, донесъ въ Петербургъ, что, какъ онъ слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, всего было наказано до 12 человекъ, и такъ жестоко, что нѣкоторые были отнесены съ мѣста наказанія на шинеляхъ.

положено на человѣка въ сутки по 14 коп., сказали при солдатахъ, что за эти деньги ничего достать нельзя, „и потому готовы каждый дать отъ себя людямъ по 1,000 рублей“. Вадковскій за раздачу денегъ, вопреки приказанію Лаптева, получилъ выговоръ.

Послѣ ареста 1-го батальона Семеновскаго полка и отправленія 2-го и 3-го батальоновъ въ Свеаборгъ и Кексгольмъ жены солдатъ, оставшіяся въ казармахъ, по словамъ Закревскаго, „не имѣли никакого пропитанія“, между тѣмъ у многихъ изъ нихъ были большія семейства. Такихъ женщинъ оказалось 273. Закревскій просилъ военнаго министра приказать выдавать каждой изъ нихъ по 50 коп. въ день. Мы видѣли, что мужей ихъ изъ Свеаборга и Кексгольма отправляли такъ, чтобы они не могли зайти въ Петербургъ, слѣдовательно, они лишены были возможности повидаться съ женами. Солдатокъ велѣно было оставить въ столицѣ до наступленія теплой весенней погоды. 23 мая Волконскій уже торопилъ отправленіемъ ихъ изъ Петербурга.

Новый Семеновскій полкъ былъ сформированъ изъ 3-хъ баталіоновъ армейскихъ гренадерскихъ полковъ имени императора Австрійскаго, короля Прусскаго и наслѣднаго принца. Закревскій въ письмѣ къ Волконскому не совѣтовалъ поручать сформированіе его вел. кн. Михаилу Павловичу, такъ какъ онъ «вовсе къ сему неспособенъ». Новому полку, который былъ сформированъ къ 18 января 1821 г., были переданы георгіевскія знамена стараго полка, и дано было на обмундированіе офицеровъ, вслѣдствіе ихъ бѣдности, 68 452 р. асс. Гвардейцы другихъ полковъ относились къ офицерамъ новаго Семеновскаго полка недружелюбно, какъ изъ сочувствія къ прежнимъ семеновцамъ, такъ и потому, что съ переводомъ въ гвардію тѣми же чинами офицеры новаго Семеновскаго полка получили по два чина безъ всякой заслуги. Петербургское общество также относилось къ новымъ семеновцамъ презрительно и враждебно.

Было уже упомянуто, что для суда надъ нижними чинами Семеновскаго полка была учреждена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ ген. Левашова. Мы видѣли также, какъ горячо общественное мнѣніе высказывалось въ пользу семеновцевъ; за нихъ стояли и нѣкоторые генералы, въ томъ числѣ и самъ Левашовъ, предсѣдатель судной коммиссіи. Настроеніе общественнаго мнѣнія было настолько неблагоприятно для Васильчикова, что онъ нашелъ нужнымъ оправдываться въ письмѣ къ государю. «Меня обвиняютъ въ томъ, что я подаль поводъ къ этому бунту, слишкомъ строго наказавъ роту Его Величества. Взываю къ Вашей справедливости, Государь: могъ ли я, не подрывая совершенно дисциплины, позволить ротѣ собраться ночью, послушаться фельдфебеля, требовать вызова капитана, чтобы жаловаться на полковника». (Мы приводили мнѣніе ген. аудитора Булычева, что въ законѣ нѣтъ запрещенія приносить жалобу и не на инспекторскомъ смотрѣ). «Предвидѣть, что весь полкъ заступится за роту, было немыслимо; но, предполагая даже возможнымъ такой случай, не было ли моимъ долгомъ внушить страхъ остальному войску? Меня обвиняютъ еще въ томъ, что я не зналъ о неудовольствіи полка. Я зналъ о немъ, но я зналъ также, что оно вызывалось болѣе

или менѣ строгими требованіями службы». Словомъ, Васильчиковъ былъ изъ тѣхъ генераловъ, составлявшихъ въ то время большинство, для которыхъ на первомъ мѣстѣ были не люди, а дисциплина, не дисциплина существовала для войска, а войско для дисциплины, на алтарь которой приносилась масса человѣческихъ жизней, которая поддерживалась не разумнымъ пониманіемъ дѣйствительно необходимыхъ требованій службы, а розгами и шпирутенами ¹⁾).

Въ письмѣ къ Волконскому Васильчиковъ высказывался еще откровеннѣе: «Энергическія мѣры, вызванныя важностью обстоятельствъ», писалъ онъ, «навлекли на меня осужденіе всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ ни солдатъ, ни дисциплины; къ этимъ лицамъ присоединились мои личные враги и измѣнившіе мнѣ друзья» (Васильчиковъ видѣлъ только личную интригу тамъ, гдѣ было лишь чело-вѣчное отношеніе къ людямъ); «на моей сторонѣ въ первые дни были только одни старики и нѣсколько благомыслящихъ лицъ. Военные, которые по своимъ чинамъ и занимаемымъ ими мѣстамъ могли бы имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, забыли, что въ минуту, подобную этой, на нихъ лежитъ обязанность (по крайней мѣрѣ въ обществѣ) поддерживать власть, поставленную правительствомъ; они же, напротивъ того, поддались своимъ собственнымъ расчетамъ и громко провозгласили себя защитниками (Семеновскаго) полка; такое поведеніе повліяло на мнѣніе казармъ, женщины подняли крики противъ тиранства, и нашлись военные, которые, подражая женщинамъ, какъ эхо, отвѣчали на подобные вопли... Возгласы нѣкоторыхъ гвардейскихъ генераловъ, подслушанные полиціей разговоры солдатъ, болтовня офицеровъ... были болѣе чѣмъ достаточными причинами, чтобы заставить меня желать скорѣйшаго возврата» государя. «Самое прошеніе» (полка) «въ ихъ глазахъ было бы только справедливостью» ²⁾).

Волконскій добивался узнать, о какихъ генералахъ говорилъ Васильчиковъ въ своемъ письмѣ, а тотъ хотѣлъ назвать ихъ имена лишь по возвращеніи государя, но, наконецъ, уже въ самомъ исходѣ 1820 г., онъ сообщилъ подъ секретомъ Волконскому слѣдующее. Потемкинъ, прежній командиръ Семеновскаго полка, „позволилъ себѣ заступаться за него, вездѣ проповѣдовать, что онъ невиненъ, что онъ давно замѣчалъ, что я хотѣлъ погубить войско, которое оказало столь большія услуги государству, и что изъ за бездѣлицы, о которой не стоило говорить, дѣлаютъ такой шумъ и постараются

¹⁾ А между тѣмъ въ послѣдствіи Васильчиковъ говорилъ своему сыну, что „всѣ полки были болѣе или менѣ подготовлены къ возстанію“ 14 декабря „неудовольствіемъ, возбужденнымъ излишней взыскательностью фронтальной службы“. Отчего же Васильчиковъ не только не протестовалъ противъ этой взыскательности, а даже поддерживалъ ее, будучи командиромъ гвардейскаго корпуса?

²⁾ Васильчикова осуждали не только въ Петербургѣ. Ген. Сабанѣвъ писалъ И. Д. Киселеву 11 дек. 1820 г. изъ Тирасполя: „Тиранство гвардейское есть необходимое послѣдствіе фронтального неапатизма, а ушліе войскъ предвѣстникъ большихъ несчастій... Благодарю за присылку письма Мещерскаго. Если все сказанное въ немъ справедливо, то заключить должно, что Васильчиковъ не смѣлъ быть начальникомъ Шварна, поступилъ малодушно и дорожилъ болѣе фронтальнымъ мастерствомъ, нежели полкомъ Семеновскимъ и благомъ общественнымъ. А о прочихъ герояхъ сей плачевной драмы и говорить нечего“.

вести въ заблужденіе государя. Наконецъ онъ до появленія приказа государя не снималъ семеновскаго мундира, рисуясь имъ на разводѣ, когда полки его дивизіи вступали въ карауль. Можете себѣ представить, какое дѣйствіе должно было производить на войска его поведеніе. Левашовъ, закадычный другъ Петемкина, громко объявлялъ, что рота Его Величества совершенно невинна и что военно-судная коммиссія не можетъ поступить иначе, какъ оправдать ее... Нечего и говорить о военномъ губернаторѣ“ (Милорадовичѣ), «который съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ шумѣлъ въ томъ же духѣ. Начальникъ дивизіи, бар. Розенъ, не упускалъ случая вставлять свое словечко, но, по крайней мѣрѣ, осторожно.» Васильчиковъ утверждалъ, будто бы приказъ государя прекратилъ непріятные для него толки, но изъ письма Закревскаго къ Волконскому отъ 14 января 1821 г. видно, что они продолжались еще и въ это время.

Государь требовалъ отъ военно-судной коммиссіи, чтобы она непременно открыла зачинщиковъ волненія. Въ томъ случаѣ, если ей это не удастся, Васильчикову дано было право прекратить дѣйствія этой коммиссіи и назначить другую. 12 января 1821 г. Волконскій сообщилъ волю государя, чтобы солдаты 1-го батальона Семеновскаго полка, оказавшіеся невинными, были переведены въ 3-й армейскій корпусъ, тѣхъ же, которые будутъ хотя только названы въ дѣлѣ, приказано было отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость для того, чтобы, если „Государь не будетъ доволенъ производствомъ суда и прикажетъ нарядить новый, эти люди были близко для разныхъ вопросовъ и справокъ“.

Коммиссія военного суда надъ нижними чинами по тогдашнимъ правиламъ постановила грозный приговоръ, который обыкновенно до извѣстной степени смягчался высшими инстанціями. Она нашла виновными: 1) трехъ рядовыхъ 2-й роты и одного 1-й роты въ подстрекательствѣ нижнихъ чиновъ къ неповиновенію начальству и въ ослушаніи, выразившемся словами и дѣйствіемъ; 2) 164 человекъ рядовыхъ 1-й роты и 52 чел. 2-й роты, не возвратившихся въ казарму послѣ перваго выхода роты,—въ самовольномъ выходѣ въ корридоры и въ поданіи примѣра общаго безпорядка; 3) роты Его Величества—172 человекъ коммиссія хотя и не признала зачинщиками, но нашла ихъ виновными въ нарушеніи порядка службы и въ неповиновеніи фельдфебелю; 4) рядовые 3-й фузелерной роты, 147 чел., были обвинены въ томъ, что послѣдовали примѣру другихъ ротъ; 5) всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, какъ не участвовавшихъ въ безпорядкахъ, а также и всѣхъ рядовыхъ фузелерныхъ ротъ, не выходившихъ изъ казармъ, коммиссія виновными не признала. Поэтому она опредѣлила: нижнихъ чиновъ, признанныхъ зачинщиками, лишить жизни, людей 1-й и 2-й ротъ, подавшихъ примѣръ безпорядка (т. е. 164 человекъ 1-й роты и 52 человекъ 2-й роты) повѣсить и затѣмъ всѣхъ остальныхъ, виновныхъ одинаково съ людьми другихъ батальоновъ, выписать, согласно приказу государя, въ армію.

Приговоръ поступилъ на разсмотрѣніе начальника дивизіи бар. Розена, дежурнаго генерала Закревскаго и командующаго корпусомъ Васильчикова. Первые два согласились, хотя и не во всемъ, съ рѣше-

ніемъ комиссіи, Васильчиковъ же нашелъ, что судъ произведенъ слабо, и въ веденіи дѣла сдѣланы упущенія, и если и не требовалъ смертныхъ казней, то все же повысилъ наказаніе для многихъ обвиненныхъ. Онъ предложилъ 4-хъ рядовыхъ наказать кнутомъ (отъ 30 до 50 ударовъ) и сослать въ каторжныя работы, одному дать 2000 шпицрутеноевъ и сослать въ дальнѣйшій гарнизонъ, одного за дерзкія слова, уже въ крѣпости, наказать 50-ю ударами плетей и сослать въ крѣпостную работу. Рядовыхъ 1-й и 2 й роты—216 чел.—наказать шпицрутенами, каждаго чрезъ батальонъ три раза и разослать въ дальніе гарнизонныя батальоны. Рядовыхъ роты Его Величества—172 чел. наказать шпицрутенами чрезъ батальонъ по одному разу и потомъ разослать въ разные армейскіе полки. Признавая также виновными еще 69 чел. второй фузелерной и 147 человекъ третьей фузелерной ротъ, разослать ихъ въ армейскіе полки; туда же направить 133 человека, не участвовавшихъ въ происшествіи. Фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, которыхъ судъ призналъ невинными, Васильчиковъ предлагалъ разжаловать въ рядовые и разослать по армейскимъ полкамъ.

Затѣмъ дѣло пошло на ревизію въ аудиторіатскій департаментъ. Тамъ произошло разногласіе между ген. аудиторомъ Булычевымъ и совѣтникомъ Пашенко. Государь, недовольный тѣмъ, что не найдено зачинщиковъ въ ротѣ Его Величества, поручилъ разслѣдовать это обстоятельство подполковнику Жуковскому и оберъ-аудитору Андреевскому, которые и раскрыли то обстоятельство, что фельдфебель роты Его Величества Брагинъ вечеромъ 16-го октября подавалъ Кошкареву записку съ именами 12-ти человекъ. 5-го іюля государь приказалъ, принявъ во вниманіе вновь добытые факты, покончить дѣло комиссіи, состоящей изъ Закревскаго, Булычева и Пашенко, подъ предсѣдательствомъ перваго.

Эти три лица не могли согласиться только относительно роты Его Величества, для остальныхъ же ротъ приговоръ былъ единогласный. Они постановили: 7 человекъ наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу ¹⁾, одного наказать 50-ю ударами плетями и сослать въ каторжную работу, изъ 216-ти человекъ—наказать *по жребію десятию кнутомъ*—25 ю ударами и сослать въ каторжную работу, а 195, лишивъ знаковъ отличія, наказать чрезъ батальонъ три раза; одного наказать шпицрутенами чрезъ 1000 чел.—два раза и отправить въ дальній гарнизонъ; 166 чел. роты Его Величества прогнать сквозь строй чрезъ батальонъ одинъ разъ (а Булычевъ предлагалъ вмѣнить имъ въ наказаніе девятимѣсячное заключеніе и разослать въ армейскіе полки); 14 унтеръ-офицеровъ роты Его Величества перевести въ армію съ разжалованіемъ въ рядовые (Булычевъ высказался противъ разжалованія); 4-хъ фельдфебелей и 40 унтеръ-офицеровъ перевести въ армію безъ разжалованія; 212 рядовыхъ перевести въ армію безъ наказанія и наконецъ 132 человека было оправдано. Слѣдовательно,

¹⁾ Булычевъ предлагалъ троихъ изъ нихъ наказать шпицрутенами: 2-хъ черезъ батальонъ три раза, одного—1 разъ.

800 человекъ ¹⁾ томились въ заключеніи въ ожиданіи этого суроваго приговора.

Резолюція государя (29 августа 1821 г.), написанная рукою Аракчеева, была такова: 8 человекъ прогнать сквозь строй чрезъ батальонъ по 6 разъ каждого и отослать въ рудники. Такимъ образомъ количество приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію было сильно уменьшено, причемъ кнутъ и плети были замѣнены шпицрутенами, но въ такомъ количествѣ, что жизни наказываемыхъ грозила опасность. Фельдфебель Брагинъ за представленіе Кошкареву списка зачинщиковъ былъ произведенъ въ подпоручики; двухъ унтеръ офицеровъ велѣно было разжаловать въ рядовые, а всѣхъ остальныхъ обвиняемыхъ, приведя вновь къ присягѣ, разослать безъ наказанія въ Оренбургскій, Сибирскій и Кавказскій корпуса. Назначенные для распрѣдѣленія по корпусамъ сибирскому и оренбургскому должны были быть зрителями при наказаніи шпицрутенами. Государь былъ недоволенъ дѣйствіями комиссіи военного суда, производившей дѣло о нижнихъ чинахъ, и приказалъ сдѣлать ей выговоръ за «безпорядочное и несогласное съ закономъ производствомъ дѣла», а оберъ-аудитора Бѣляева велѣлъ даже посадить на мѣсяцъ въ крѣпость и отставить отъ службы. Солдатъ, отсылаемыхъ въ рудники, государь велѣлъ вести только въ ручныхъ кандалахъ.

Комиссія, судившая Шварца, состояла изъ ген. А. Θ. Орлова и пяти полковниковъ гвардейскихъ полковъ. Она нашла его виновнымъ: 1) въ томъ, что «онъ занимался во время церковныхъ парадовъ обученіемъ, отчего нижніе чины опаздывали въ церковь; 2) не искалъ любви подчиненныхъ и потому «потерялъ довѣренность какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ и ослабилъ уваженіе, присвоенное его чину; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ самоуправствомъ и въ униженіи привилегій, установленныхъ въ память военныхъ дѣйствій», т. е. въ тѣлесномъ наказаніи нижнихъ чиновъ, имѣющихъ военный орденъ; 4) «въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему права ни военныя, ни гражданскія узаконенія»; 5) въ предосудительной для военного робости и въ томъ, что, «несмотря на клятвенное обѣщаніе тѣломъ и кровью защищать государственныя права во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто пожертвованія и самую жизнь, пришелъ въ уныніе и, пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядка.» Комиссія опредѣлила: Шварца лишить жизни.

Васильчиковъ въ своемъ мнѣніи нѣсколько защищалъ Шварца и предлагалъ лишить его штабъ-офицерскаго чина и орденовъ и опредѣлить на службу въ армію. Государь нашелъ его виновнымъ только «въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости лично принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія во ввѣренномъ ему полку» (такъ что производимыя имъ жестокія наказанія какъ будто были признаны совершенно обычными) и, принимая во вниманіе его прежнюю «долговременную и усердную службу, храбрость и отличіе на полѣ сраженія», повелѣлъ отставить Шварца отъ службы

¹⁾ Предаво суду было 802 человекъ: 4 фельдфебеля, 54 унтеръ-офицера, 740 рядовыхъ, 2 барабанщика и 2 флейтщика.

съ тѣмъ, чтобы впредь никуда его не опредѣлять. Однако, по ходатайству гр. Аракчеева, Шварцъ былъ зачисленъ въ корпусъ военныхъ поселеній, но не получилъ въ команду никакой части войскъ, и, когда въ 1826 г. подалъ въ отставку, его не уволили, а по прежнему оставили отъ службы, такъ что онъ просилъ вел. кн. Михаила Павловича «исходатайствовать ему отставку, приличную благородному вѣрноподанному» ¹⁾

Тѣмъ же приказомъ 29 августа 1821 г., которымъ была рѣшена (уже по возвращеніи имп. Александра изъ за границы) судьба находившихся въ заключеніи семеновскихъ солдатъ и полковника Шварца, былъ отданъ подъ судъ командиръ роты его величества Кошкаревъ за то, что не представилъ ни начальству, ни военному суду поданнаго ему фельдфебелемъ Брагинымъ списка зачинщиковъ, и командиръ 1-го батальона Вадковскій, которому поручили отвезти въ Свеаборгъ 2-й батальонъ и осыпали тогда похвалами. Теперь его обвиняли въ томъ, что онъ «слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы поведениемъ далъ усилиться безпорядкамъ».

Судъ надъ Кошкаревымъ и Вадковскимъ производился въ Витебскѣ. Предсѣдателемъ суда былъ генералъ А. Θ. Орловъ, впоследствии бывший при Николаѣ I шефомъ жандармовъ. Приговоромъ военного суда (22 апрѣля 1822 г.) подполковникъ Кошкаревъ былъ признанъ виновнымъ, какъ въ непредставленіи записки фельдфебеля, такъ и въ томъ, что, имѣя, по толкованію на 137 артикулъ, «полное право не только употребить сейчасъ, въ случаѣ упрямства и возмущенія, всякое наказаніе и даже умертвить на мѣстѣ, позволилъ себѣ въ противность 134 артикула слушать жалобу, скопомъ принесенную на полкового командира, а при взысканіи за неисправности рядовыхъ» объяснялъ, что дѣлаетъ это потому, что строго взыскиваетъ полковой командиръ, «какъ будто не правила службы, а только строгія распоряженія командира обязывали его къ тому».

Полковникъ Вадковскій былъ обвиненъ въ томъ, что 1) получилъ донесеніе Кошкарева о происшествіи, не приступилъ немедленно къ отысканію зачинщика; 2) что утратилъ донесеніе Кошкарева и, имѣя повелѣніе вел. кн. Михаила Павловича привести людей въ раскаяніе, не старался выполнить его подъ тѣмъ предлогомъ, что ему было дано на это только $\frac{3}{4}$ часа; 3) что послѣ арестованія 1-й гренадерской роты обѣщалъ тремъ другимъ собравшимся ротамъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о прощеніи 1-й роты «и оставилъ ихъ скопище въ казармѣ 3 й фузелерной», чѣмъ и далъ имъ возможность произвести безпорядки во 2-мъ и 3-мъ батальонѣ и 4) «въ безпорядочномъ поведеніи, потому что, не взирая на сдѣланные ему главнокомандующимъ 1-ю арміею и при судопроизводствѣ выговоры за дерзкія объясненія, въ оправданіяхъ своихъ осмѣлился и послѣ того написать, что свѣдѣнія, доставленные ген.-адъютантомъ Васильчиковымъ по производству суда, не согласны... съ строгою справедливостью.»

Кошкаревъ и Вадковскій были приговорены комиссіей военного

¹⁾ Въ 1827 г. Михайлъ Павловичъ предложилъ Шварцу опредѣлиться на службу въ Грузію, но тотъ отказался.

суда къ лишенію чести, имѣнія и живота. Командиръ гвардейскаго корпуса Уваровъ, замѣнившій Васильчикова, въ виду прежней усердной службы подсудимыхъ, считалъ достаточнымъ заключить обвиненныхъ въ крѣпость: Кошкарева на 2 года, Вадковскаго на 2½ года и затѣмъ Кошкарева опредѣлить по прежнему на службу, а Вадковскаго исключить изъ нея. Въ генераль-аудиторіатѣ произошло разногласіе: совѣтникъ Пашенко предлагалъ разжаловать ихъ въ солдаты, а генераль-аудиторъ считалъ нужнымъ Кошкарева заключить въ крѣпость на два года, Вадковскаго же признавалъ совершенно невиннымъ.

Дѣло оставалось очень долго нерѣшеннымъ, и обвиненные продолжали томиться въ заключеніи въ Витебскѣ. Имп. Александръ I, подозрѣвая Тайное Общество въ подстрекательствѣ солдатъ Семеновскаго полка, желалъ, чтобы Вадковскій указалъ членовъ общества, но тотъ не имѣлъ о немъ никакого понятія. Вопросъ былъ заданъ въ такой формѣ: не принадлежалъ ли кто изъ офицеровъ къ обществу масоновъ? Вадковскій въ апрѣлѣ 1824 г. отвѣчалъ, что въ 1812 г. былъ принятъ въ одну изъ ложъ генераломъ Сипягинымъ, но за неаккуратныя посѣщенія въ 1818 г. былъ изъ нея исключенъ. На вопросъ объ офицерахъ вообще Вадковскій между прочимъ отвѣчалъ: «для большей части офицеровъ споры о политикѣ представляли мало интереса. Хотя по временамъ и слышались клочки: «карбонари, либералъ», но этими словами лишь забавлялись какъ игрушкой, введенной въ моду журналами, и эти прозвища давались иногда въ шутку тѣмъ, кто не любилъ въ точности исполнять служебныя обязанности. Никакого преступнаго намѣренія я въ офицерахъ не замѣчалъ». Александръ I подавалъ Вадковскому, въ случаѣ его полной откровенности, надежду на милость и снисхожденіе и требовалъ отъ него окончательнаго объясненія, не было ли какихъ «постороннихъ» причинъ происшествія въ Семеновскомъ полку; но Вадковскій въ письмѣ къ государю отъ 7 іюня 1825 г. писалъ, что «считаеть невозможнымъ думать», чтобы «оно могло быть приписано политическимъ видамъ или подстрекательству со стороны общества офицеровъ, хотя признавалъ это возможнымъ, если бы происшествіе случилось шесть лѣтъ ранѣе, когда (послѣ заграничнаго похода) «узы дружбы и привычки связывали 60 существъ, которые составляли какъ бы одно».

Это желаніе найти вліяніе Тайнаго Общества въ волненіи Семеновскаго полка заставляло тянуть дѣло Кошкарева и Вадковскаго.

Въ январѣ 1826 г. имп. Николай предполагалъ Вадковскаго и Кошкарева разжаловать въ рядовые, но поручилъ начальнику Главнаго Штаба Дибичу спросить объ этомъ дѣлѣ мнѣніе Константина Павловича. Цесаревичъ, «зная прежнюю службу» ихъ, предложилъ заключить обвиненныхъ въ крѣпость на два съ половиною или три года и потомъ отставить отъ службы. Когда Дибичъ доложилъ это мнѣніе государю, Николай Павловичъ приказалъ препроводить къ цесаревичу докладъ аудиторіатскаго департамента съ просьбою сообщить свое заключеніе по этому дѣлу. Есть извѣстіе, будто Вадковскій и Кошкаревъ были отправлены на Кавказъ безъ лишенія чиновъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ записокъ Лорера видно, что Кошкаревъ при Николаѣ I командовалъ полкомъ на Кавказѣ.

Въ одно цѣлое съ дѣломъ Вадковскаго и Кошкарева было соединено дѣло еще двухъ бывшихъ семеновскихъ офицеровъ Ермолаева и кн. Щербатова.

Капитанъ Ермолаевъ ¹⁾, переведенный въ армію полковникомъ во время производства дѣла Семеновскаго полка, домогался увидѣться съ нижними чинами, содержащимися на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, и посылалъ туда своего кучера, чтобы достать ихъ списокъ.

Это вызвало подозрѣніе, и Ермолаевъ былъ арестованъ, причемъ взяты у него бумаги. Въ нихъ между прочимъ оказались два письма отъ капитана кн. Ив. Дмитр. Щербатова, товарища Ермолаева по полку, и два письма отъ нижнихъ чиновъ, выписанныхъ въ армію. Щербатовъ, находившійся во время происшествія въ Семеновскомъ полку въ Москвѣ, въ письмѣ отъ 30 октября 1820 г. писалъ: «ты не повѣришь, какъ жалко было мнѣ узнать, что офицеры не остались при солдатахъ (ибо я полагалъ, что ихъ заперли въ казематахъ), теперь же, такъ какъ они, такъ сказать, живутъ въ крѣпости, то я вижу, что нашему брату нужно было не отставать въ благородной рѣшимости (отъ) сихъ не обыкновенно расположенныхъ, хотя нѣкоторымъ образомъ преступныхъ, людей» ²⁾. Очевидно, Щербатовъ желалъ этимъ сказать, что и офицеры Семеновскаго полка должны были бы протестовать противъ жестокости полкового командира. Въ перепискѣ Ермолаева нашли также рѣзкіе отзывы его о полковникѣ Шварцѣ (еще до волненія), а одинъ рядовой по переводѣ въ армію писалъ Ермолаеву, что причина происшествія и виновники его ему извѣстны. Все это показалось очень подозрительнымъ. Щербатовъ былъ также арестованъ и, по повелѣнію государя 30 октября 1821 г., оба они были отданы подъ судъ и отправлены въ Витебскъ для производства ихъ дѣла въ комиссію, предсѣдателемъ которой былъ Орловъ.

Кн. И. Д. Щербатовъ былъ обвиненъ въ одобрителномъ отзывѣ о благородномъ поведеніи семеновскихъ солдатъ и въ томъ, что допускалъ нижнихъ чиновъ въ своемъ присутствіи забавляться неприличными шутками насчетъ Шварца. Отставной полковникъ Ермолаевъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ: 1) что «*по выходѣ въ отставку изготавилъ вчернѣ (!) оскорбительное письмо*» полковнику Шварцу (слѣдовательно оно не было даже отправлено по назначенію); 2) что на ученіяхъ смѣялся при нижнихъ чинахъ надъ Шварцемъ и «въ публикѣ» говорилъ о немъ много дурного; 3) что въ письмахъ къ двумъ бывшимъ семеновскимъ солдатамъ 3-й гренадерской роты, которою командовалъ, выражалъ мнѣніе, что она виновна лишь въ томъ, что вышла на площадь, а не на ротный дворъ, между тѣмъ какъ 88-й артикулъ Воинскаго Устава воспрещаетъ выходъ съ квартиръ послѣ пробитія зари подъ угрозою жестокаго наказанія, и 4) что домогался

¹⁾ Ермолаевъ, пользовавшійся большою довѣренностью солдатъ, въ то время когда Семеновскій полкъ вели въ крѣпость, нѣсколько разъ ѣздилъ въ казармы и спрашивалъ солдатокъ, не хотять ли онѣ послать что нибудь мужьямъ; многимъ онъ успѣлъ доставить такимъ образомъ вещи и деньги.

²⁾ Кн. Ив. Дм. Щербатовъ былъ внукъ извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова. Есть извѣстіе, что онъ дѣлалъ пожертвованія для увеличенія артельной суммы солдатъ своей роты.

«узнать и видѣть» арестантовъ, содержащихся въ лазаретахъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, несмотря на отказъ въ томъ комиссара лазарета. Комиссія Орлова приговорила кн. Щербатова, по лишеніи чиновъ, орденовъ, дворянскаго и княжескаго достоинства, «наказать на тѣлѣ», а Ермолаева лишить жизни.

Командиръ гвардейскаго корпуса Уваровъ не согласился съ этимъ жестокимъ и ни съ чѣмъ не сообразнымъ приговоромъ и полагалъ кн. Щербатова заключить на годъ въ крѣпость и затѣмъ попрежнему опредѣлить на службу, а Ермолаева продержать въ крѣпости два года и назначить ему опредѣленное мѣсто жительства. Относительно этихъ лицъ въ аудиторіатѣ не произошло разногласія: и Пашенко, и генераль-аудиторъ согласились съ мнѣніемъ Уварова.

Казалось бы судьба по крайней мѣрѣ этихъ двухъ лицъ могла быть рѣшена немедленно. Но и послѣ отсылки кн. Волконскому доклада генераль-аудиторіата 11 августа 1822 г. всѣ четверо обвиняемые продолжали томиться въ заключеніи въ Витебскѣ до 1826 г. На Щербатова падало подозрѣніе, что онъ можетъ знать что-нибудь о существованіи Тайнаго Общества вслѣдствіе короткаго знакомства съ нѣкоторыми его членами ¹⁾. Щербатову обѣщали совершенное прощеніе, если онъ сообщитъ свѣдѣнія о Тайномъ Обществѣ. Хотя онъ не былъ его членомъ, но многое зналъ о немъ; однако онъ не показавъ рѣшительно ничего. 27 февраля 1826 г., по конфирмаціи имп. Николая, кн. Щербатовъ и Ермолаевъ были разжалованы въ рядовые и опредѣлены съ выслугою въ Кавказскій корпусъ. Кн. Щербатовъ, когда ему объявили о разжалованіи въ солдаты, рѣшилъ ни въ чемъ не отличаться отъ своихъ товарищей нижнихъ чиновъ: онъ жилъ и спалъ вмѣстѣ съ ними, ѣлъ изъ артельного котла, вмѣсто высшаго сорта американскаго табака, сталъ курить махорку и, говорятъ, отказывалъ себѣ даже въ карманномъ платкѣ. Съ производствомъ въ унтеръ-офицеры и выше онъ сообразовался съ положеніемъ бѣднѣйшихъ изъ своихъ сослуживцевъ. Кн. Щербатовъ умеръ на Кавказѣ въ 1829 г., дослужившись до чина штабсъ-капитана.

Во второй нашей статьѣ («Былое» 1907 г. № 2, стр. 93, 98) было уже упомянуто о флейтщикѣ Преображенскаго полка Васильевѣ, сочинившемъ бумагу о «вызовѣ преображенцевъ отъ семеновцевъ на выручку». Теперь, благодаря найденному рѣшенію этого дѣла, мы можемъ выяснитъ его. Оно сдѣлаетъ для насъ вполне понятными и слѣдующія слова министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея въ письмѣ къ государю: «сообщили агентамъ только слухъ, что ходитъ по рукамъ бумага и т. д., и этого было достаточно, чтобы заставить ихъ сочинить ее при посредствѣ флейтщика и полкового писаря». Дѣло было такъ.

Мѣщанинъ Иванъ Осиповъ, имѣвшій порученіе отъ пристава 2-й

¹⁾ Декабристъ кн. Шаховской былъ женатъ на родной сестрѣ кн. Щербатова, который былъ знакомъ также съ Якушкинымъ, Лореромъ и переписывался съ С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ. Вѣроятно вслѣдствіе открывшагося знакомства кн. Щербатова съ Якушкинымъ 6 декабря 1821 г. было послано изъ Главнаго Штаба смоленскому губернатору секретное отношеніе съ просьбою немедленно подробно разузнать о поведеніи и образѣ жизни Якушкина.

Адмиралтейской части Фрейганга секретно узнавать, не получали ли нижніе чины Преображенскаго полка какой-либо бумаги отъ нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, въ ноябрѣ 1820 г. пригласилъ къ себѣ на квартиру своего крестнаго сына флейтщика Преображенскаго полка Василія Васильева и спрашивалъ его объ этой бумагѣ. Тотъ отвѣчалъ, что она есть въ канцеляріи у фельдфебеля его роты и что всякій, приходившій туда къ нему, могъ ее видѣть и читать, и что принесъ ее писарь Семеновскаго полка. Когда Осиповъ представилъ Васильева приставу Фрейгангу, то и предъ нимъ Васильевъ подтвердилъ сказанное и на другой день принесъ ему копію съ бумаги, о которой онъ говорилъ. Но приставъ призналъ ее негодною и просилъ доставить подлинную, обѣщая за то награду. Тогда Васильевъ представилъ другую бумагу съ двумя черными печатями и сказалъ, что это подлинная и что онъ досталъ ее у ротнаго писаря. За это приставъ подарилъ Васильеву 25 р. Вотъ, что было написано въ этой бумагѣ:

«Семеновскаго полка для обѣжденія (?) ¹⁾ полкового командира Шварца, тогда Семеновскій полкъ попалъ по несчастію, некому выручить насъ, ахъ, братцы, Преображенцы,—объ чемъ просимъ васъ не оставить насъ, знаете, что мы не сами тому дѣлу ради, неужели до этого дослужили по разнымъ мѣстамъ насъ потащили и коли хотите вступиться, такъ скорѣй, что мы сдѣлали, и вы то дѣлайте, а не хотите вступиться, то Богъ съ вами и неужели до этого дожили, что по разнымъ мѣстамъ насъ всѣхъ потащили: преображенскіе насъ провожали и братьями насъ называли. Писалъ Семеновскаго полка І. О. Т. В.»

19 ноября флейтщикъ Васильевъ и рядовой того же полка Моторовъ были посажены въ Шлиссельбургскую крѣпость ²⁾. 29 декабря было предписано назначить комиссію военного суда изъ семи офицеровъ корпуса внутренней стражи и аудитора. Предъ судомъ Васильевъ, молодой солдатъ (21 года), показалъ, что его крестный отецъ Осиповъ спрашивалъ его о новостяхъ и о какой то бумагѣ Семеновскаго полка, о которой онъ никогда и не слыхалъ, «но единственно по глупости своей и желая привлечь къ себѣ любовь Осипова и получить награду, сказалъ ему, что таковая бумага есть въ Преображенскомъ полку; потомъ, уйдя отъ него, сочинилъ вчернѣ бумагу и принесъ къ рядовому Моторову, чтобы посмотрѣлъ и, гдѣ слѣдуетъ, поправилъ. Онъ, занимаясь ротными дѣлами, прочиталъ ее и отдалъ ему, Васильеву, обратно, сказавъ, что та бумага нескладно и скверно написана. Послѣ чего онъ пошелъ къ лазаретному писарю Егорову, который переправилъ и переписалъ на бѣло ту бумагу, на коей онъ, Васильевъ, приложилъ печати... Унтеръ-офицера Семеновскаго полка никакого онъ, Васильевъ, не зналъ и увѣрялъ Осипова и пристава Фрейганга ложно, что та бумага принесена отъ нижнихъ чиновъ того полка. „Моторовъ, который бывалъ въ нѣсколькихъ походахъ и

¹⁾ Бумага, составленная Васильевымъ, сохранилась только въ копіи, такъ какъ подлинное дѣло о немъ (по крайвей мѣрѣ въ архивѣ Глав. Военно-Суд. управленія) уничтожено.

²⁾ Въ вѣдомостяхъ Шлиссельбургской крѣпости Моторовъ былъ неправильно названъ Мотыревымъ.

сраженіяхъ и имѣлъ прусскій орденъ желѣзнаго креста (ему было 27 лѣтъ) призналъ, что Васильевъ дѣйствительно приносилъ къ нему написанную вчернѣ бумагу и просилъ исправить; онъ же, «считая ее шуткой или выдумкой», оставилъ ее «безъ всякаго вниманія», и дѣйствительно сказалъ, что она «нескладно и скверно написана». Егоровъ сознался, что переписалъ бумагу, думая, что она сочинена Моторовымъ, который «сочинялъ подобныхъ бумагъ много, но никому не давалъ читать».

Военный судъ нашелъ Васильева виновнымъ «въ сочиненіи единственно изъ интереса бумаги съ зловредными выраженіями къ разрыву долга присяги между подчиненностью, повиновеніемъ и самою военною дисциплиною», а Моторова—въ знаніи и недонесеніи объ этой бумагѣ начальству и приговорилъ Васильева къ лишенію жизни, а Моторова—къ отобранію знака отличія желѣзнаго креста и наказанію шпицрутенами чрезъ батальонъ 2 раза. Шлиссельбургскій комендантъ, ген. маіоръ Плуталовъ, предложилъ замѣнить Васильеву смертную казнь наказаніемъ шпицрутенами чрезъ 1,000 человекъ 12 разъ (что обыкновенно являлось, при такомъ количествѣ шпицрутеновъ, тою же смертною казнью только еще болѣе мучительною) и отправленіемъ (конечно, если онъ останется живъ) въ отдаленные отъ столицы полки. Аудиторіатскій департаментъ, считая Васильева «опаснымъ и вреднымъ въ службѣ» высказался за исключеніе его изъ нея и предложилъ наказать 100 ударами плетей и сослать въ Нерчинскіе рудники, съ Моторовымъ поступить согласно приговору военного суда, Егорова же, переписавшаго бумагу, также прогнать шпицрутенами чрезъ батальонъ 2 раза и вновь опредѣлить обоихъ на службу. Эти наказанія были утверждены государемъ.¹⁾

Каразинъ, арестованный 26 ноября 1820 г., просидѣлъ въ заключеніи до весны слѣдующаго года. 9-го мая 1821 г. кн. Волконскій отправилъ по повелѣнію государя изъ Галиціи предписаніе Закревскому «нарядить одного изъ надежнѣйшихъ фельдфебелей для сопровожденія статскаго совѣтника Каразина» изъ Шлиссельбурга въ его деревню въ Харьковской губерніи. Онъ долженъ былъ везти Каразина чрезъ Ладогу, Тверь, минуя Москву, въ Харьковъ и тамъ сдать его губернатору. Фельдъегерь долженъ былъ обходиться съ Каразинымъ «учтиво и не торопиться въ ѣздѣ», чтобы онъ не заболѣлъ. Волконскій поручалъ Закревскому передать письмо отъ него женѣ Каразина, жившей въ Петербургѣ. Начало путешествія было не совсѣмъ благополучно. Лошади понесли, и Каразинъ ударился головою о землю. Остальное путешествіе было безъ приключеній.

Даже Шлиссельбургская крѣпость не отлучила Каразина писать письма къ имп. Александру. Въ тотъ же день, 2 іюня 1821 г., когда его привезли въ Харьковъ, онъ въ письмѣ къ Кочубею просилъ его исходатайствовать у монарха позволеніе «написать *послѣднее* письмо въ собственныя руки» государю и указалъ на грозящее ему разореніе вслѣдствіе ареста. Нельзя не признать, что заточеніе Каразина

¹⁾ Архивъ Главн. Военно-Судн. Упр. За указаніе этого дѣла приносимъ глубочайшую признательность начальнику архива И. С. Фильчакову.

было дѣломъ возмутительнымъ, однако имп. Александръ не только не призналъ своей ошибки, но еще предписалъ, чтобы Каразинъ безвыѣздно жилъ въ своей харьковской деревнѣ, причемъ велѣно было наблюдать, съ кѣмъ онъ имѣетъ сношеніе и чѣмъ занимается.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Каразинъ вздумалъ прислать Кочубею нѣкоторыя книги для возвращенія одной изъ нихъ государственному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву, а остальныхъ—одному изъ его знакомыхъ. Кочубей въ секретномъ предписаніи слободско-украинскому губернатору просилъ извѣстить Каразина, чтобы онъ впредь не обращался къ нему съ такими порученіями «и вообще съ отношеніями своими», такъ какъ «по положенію, въ которое онъ поставилъ себя разными дѣйствіями, навлекшими неудовольствіе государя», Кочубей, по своему званію, не находитъ возможнымъ имѣть съ нимъ переписку.

VIII.

Незадолго до того, какъ въ мартѣ 1821 г. австрійцы вступили въ Неаполь, въ Пьемонтѣ вспыхнула революція. Тогда имп. Александръ изъявилъ готовность предоставить свои войска въ распоряженіе Австріи. Императоръ Францъ принялъ предложеніе, и болѣе 100,000 человекъ русскаго войска получили приказаніе явиться на помощь австрійцамъ въ Италію.

Между тѣмъ недовольство молодежи въ Петербургѣ и распространеніе среди нея либеральныхъ идей все усиливались. «Извѣстіе о Пьемонтской революціи», писалъ Васильчиковъ Волконскому, «произвело здѣсь сильное впечатлѣніе». Люди благоразумные въ отчаяніи, но большая часть молодежи въ восторгѣ отъ всего, что происходитъ, и не скрываетъ своего образа мыслей. Обстоятельства болѣе чѣмъ загромождены. Замалчивать правду или обманывать себя было бы преступленіемъ... Недовольство всеобщее, и неизбѣжность жертвъ для веденія войны, необходимость которой не очевидна простымъ смертнымъ, должна несомнѣнно произвести дурное впечатлѣніе. Извѣстіе о выступленіи войскъ въ походъ не могло долго остаться тайною. Солдатъ доволенъ, но нельзя того же сказать объ офицерахъ, которые раздражены походомъ противъ неаполитанцевъ.—Вы можете по этому судить, какъ распространились у насъ либеральныя идеи. Не отвѣчайте мнѣ на это избитою фразою: «заставьте ихъ молчать». Число говорунцовъ слишкомъ велико...; революція въ умахъ совершилась, единственное средство—не опрокинуть корабля, не натягивать паруса сильнѣе чѣмъ позволяетъ вѣтеръ. Повторяю, присутствіе государя здѣсь необходимо, необходимо ему самому видѣть состояніе дѣлъ, настоятельно нужно, чтобы онъ принялъ мѣры для улучшенія и учредилъ средоточіе власти, которое двигало бы дѣла во время его отсутствія. Не смотрите на меня, какъ на мечтателя... и не воображайте, что я все вижу въ черномъ свѣтѣ; я вовсе не думаю, что нѣтъ средства для устраненія существующаго зла, но я убѣжденъ, что время настало употребить его въ дѣло. Въ противномъ случаѣ я не поручусь ни за что... Если провидѣнію угодно, чтобы война вспыхнула,

мнѣ кажется нужно было пустить въ дѣло гвардію, а не держать ее въ резервѣ. Нѣсколько хорошихъ битвъ успокоили бы молодая головы и приучили бы ихъ къ строгой дисциплинѣ, а когда кончится война, Государь могъ бы уменьшить численность гвардіи и сохранить ее лишь въ самомъ необходимомъ количествѣ, что было бы большимъ благомъ... Мы слишкомъ многочисленны—вотъ въ чемъ большое зло, и вотъ почему войска производятъ революціи». Это письмо показываетъ, что Васильчиковъ, по крайней мѣрѣ, ясно понималъ широкое распространѣніе въ обществѣ либеральныхъ идей, но онъ, конечно, совершенно ошибочно думалъ, что военныя дѣйствія и строгая дисциплина во время войны могли бы остановить распространѣніе либерализма въ войскахъ; наоборотъ, новый походъ только увеличилъ среди военныхъ либеральныя теченія.

14 го мая 1821 г. выступили изъ Петербурга назначенныя въ походъ войска. Офицеры объясняли его себѣ тѣмъ, что правительство опасалось пребыванія гвардіи въ столицѣ, но, по свидѣтельству Якушкина, походъ имѣлъ послѣдствія, совершенно обратныя тѣмъ, которыхъ ожидалъ отъ него Александръ I: «Офицеры всѣхъ полковъ, болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, и не подвергаясь такому строгому надзору, какъ въ столицѣ, часто сообщались между собою, и много новыхъ членовъ поступило въ Тайное Общество» ¹⁾.

24 мая 1821 г. государь возвратился въ Царское Село послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ. Вскорѣ послѣ того Васильчиковъ доложилъ ему о полученномъ доносѣ относительно Тайнаго Общества. Есть основаніе думать, что это не было новостью для государя. Выслушавъ докладъ Васильчикова, онъ долго оставался въ задумчивости и затѣмъ сказалъ: «дорогой Васильчиковъ! Ты служишь мнѣ съ начала моего царствованія и знаешь, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти мечты и заблужденія», и послѣ долгаго молчанія прибавилъ: «не мнѣ быть жестокимъ». Тѣмъ не менѣе мы видѣли, какъ сурово поступилъ онъ съ Семеновскимъ полкомъ; извѣстно также заключеніе ни въ чемъ неповиннаго Каразина, лишеніе мѣста Греча и преданіе военному суду семеновскихъ офицеровъ Кошкарева, Вадковскаго, Ермолаева и кн. Щербатова.

Пьемонтская революція была усмирена безъ помощи русскихъ войскъ, которымъ и не пришлось перейти границу. 12-го сентября 1821 г. имп. Александръ присутствовалъ на маневрахъ въ западномъ краѣ около мѣстечка Бѣшенковичи. Государь, повидимому, остался доволенъ состояніемъ гвардіи и принялъ приглашеніе отъ офицеровъ на обѣдъ, состоявшійся черезъ недѣлю, на которомъ присутствовали всѣ офицеры и по десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ отъ каждаго батальона и эскадрона. Однако, гвардія получила приказаніе зимовать въ Литвѣ и была возвращена въ Петербургъ лишь въ слѣдующемъ году. По всей вѣроятности такое рѣшеніе было вызвано опасеніями

¹⁾ Увеличеніе членовъ было тѣмъ болѣе желательно, что, по словамъ Пущина, передаваемымъ Рылѣвымъ въ его показаніи, послѣ семеновской исторіи многіе члены вышли изъ Общества. Объ этомъ Рылѣвъ говорилъ и Штейнгелю.

либеральнаго настроенія гвардейскихъ полковъ ¹⁾. Мы видѣли эти опасенія въ письмѣ Васильчикова къ Волконскому. Они выразились и въ одномъ безыменномъ посланіи, переданномъ имп. Александру въ ноябрѣ 1821 г. и найденномъ послѣ его смерти въ его кабинетѣ. Составитель посланія писалъ: «отъ какихъ либо злыхъ умовъ русскихъ или иностранныхъ вселяются въ резиденціи Твоей, а паче въ полкахъ многочисленной гвардіи, желанія видѣть какую-либо конституцію самопомысленную, можетъ быть болѣе для блага своего, а не для отечественнаго... Слухи и до отдаленныхъ мѣстъ Твоего владѣчества распространились, что яко бы многіе оставшихъ полковъ гвардіи, а паче молодой, говорили: *не такъ повели дѣло: коли-бъ за роту, отъ полку отлученную, полкъ пошелъ къ военнымъ поселянамъ сказать, что случилось, не такъ бы скоро уняли*». Составитель посланія, считая не нужнымъ скопленіе въ Петербургѣ такого большого количества гвардіи, предлагалъ распредѣлить отдѣльныя ея части въ разныхъ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Астрахани ²⁾.

IX.

Вотъ какія распоряженія, были сдѣланы, по волѣ государя, относительно офицеровъ и нижнихъ чиновъ бывшаго Семеновскаго полка.

20 декабря 1820 г. велѣно было впредь до повелѣнія прошеній объ отставкѣ отъ офицеровъ не принимать ³⁾. 8-го марта 1821 г. велѣно было офицеровъ въ другіе полки, по желанію ихъ, не переводить. 25 марта 1821 г. главнокомандующему I-й арміей было дано предписаніе не увольнять офицеровъ въ отпускъ впредь до разрѣшенія. Подпирaporщиковъ, произведенныхъ уже въ офицеры, предписано было содержать по службѣ въ строгости и за поведеніемъ ихъ и нравственностью имѣть неослабное наблюденіе.

Главнокомандующему I-й арміи 20 декабря 1820 г. было предписано: нижнихъ чиновъ увольнять отъ службы только тѣхъ, которые не находились при полку во время случившагося происшествія, и именно тѣхъ, которые находились въ госпиталяхъ, въ командировкахъ и въ отпуску, а прочимъ не давать отставки, а также не отставлятъ ни одного изъ тѣхъ, которые выслужатъ положенный къ отставкѣ срокъ, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія государя. 11 іюня 1821 г. начальнику штаба I-й арміи было предписано не представлять впредь до разрѣшенія о производствѣ на вакансіи рядовыхъ въ унтеръ-офицеры. 18-го августа 1821 г. главнокомандующій I-й арміей

¹⁾ Васильчиковъ, какъ видно изъ письма его къ Закревскому отъ 22 окт. 1821 г., былъ очень доволенъ пребываніемъ гвардіи внѣ Петербурга, такъ какъ тамъ нѣтъ „глупой полиціи“ Милорадовича, нѣтъ великихъ князей, нѣтъ двора“.

²⁾ Посланіе это, за подписью „Неизвѣстной“ (sic), было получено съ московскою почтою 20 ноября 1821 г. М. М. Сперанскимъ, котораго составитель просилъ передать его государю, если будетъ найдено въ немъ что либо этого достойное. Не Каразинъ ли авторъ посланія?

³⁾ Кн. Волконскій въ письмѣ отъ 18 янв. 1821 г. сообщилъ Дибичу волю государя, чтобы бывшихъ семеновскихъ офицеровъ пока не назначали полковыми командирами, батальонными же командирами имъ разрѣшалось быть.

относительно нижних чиновъ 1-го батальона, отправленныхъ по полкамъ 7-й пѣх. дивизіи и кавказскаго отдѣльнаго корпуса, сообщилъ Ермолову, чтобы унтеръ-офицеры не производились въ офицеры за выслугу лѣтъ.

12-го іюля 1821 г. главнокомандующій 1-й арміей сообщилъ командиру финляндскаго отдѣльнаго корпуса, чтобы женамъ нижнихъ чиновъ не было даваемо паспортовъ на жительство въ обѣихъ столицахъ имперіи.

8-го декабря 1820 г. было предписано дѣтей бывшихъ семеновцевъ, отданныхъ въ кантонисты, никуда на службу не назначать безъ особаго предписанія инспекторскаго департамента. 21 января 1821 г. было предписано имѣть особенный присмотръ за поведеніемъ такихъ кантонистовъ и, въ случаѣ ихъ наказаній, каждый разъ доносить, кто провинился, въ чемъ состоялъ его проступокъ и какъ былъ наказанъ виновный.

По словамъ историка царствованія Александра I, Богдановича, „судьба нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію, была горестна., малѣйшіе ихъ проступки были непростительны въ глазахъ начальниковъ, „усердныхъ не по разуму“, либо думавшихъ преувеличенно взыскательностью угодить государю“. Какъ мы видѣли, бывшимъ семеновскимъ офицерамъ не только запрещено было выходить въ отставку, но имъ не разрѣшались даже временные отпуски. По свидѣтельству Каховскаго въ письмѣ къ императору Николаю (4-го апрѣля 1826 г.), тѣ изъ офицеровъ, бывшихъ семеновцевъ, которые настаивали на отставкѣ, основываясь на дворянской грамотѣ, „отставлены отъ службы по неспособности и слабости ума“. Бестужевъ-Рюминъ во время слѣдствія по дѣлу Тайнаго Общества показалъ: „всѣмъ сослуживцамъ моимъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ“, какъ „изъ подпрапорщиковъ Семеновскаго полка я безвинно переведенъ въ армію, единственное желаніе мое было оставить службу“. Получивъ извѣстіе о смерти матери, Бестужевъ-Рюминъ просилъ уволить его на нѣсколько дней для свиданія съ отцомъ, но получилъ отказъ¹⁾.

Само собою разумѣется, что разсылка семеновскихъ офицеровъ по армейскимъ полкамъ и преслѣдованіе ихъ привело къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ, какія при этомъ имѣло въ виду правительство. Еще Вигель въ своихъ запискахъ замѣтилъ, что «разсѣянные по арміи, недовольные офицеры, встрѣчали другихъ недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними, распространяя мнѣнія свои, пригитовили другія возстанія, которыя чрезъ пять лѣтъ унять было труднѣе». Это понималъ даже Константинъ Павловичъ, который однажды сказалъ имп. Александру, что «не кто иной, какъ онъ самъ, заразилъ всю армію, разославъ въ ея нѣдра семеновцевъ, и что это распрост-

¹⁾ Тютчевъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, во время слѣдствія показалъ: „Я былъ выписанъ изъ Семеновскаго полка и полагалъ себя повиннымъ. Просился въ отпускъ, въ отставку и, получивъ на все отказъ, въ отчаяніи рѣшился, что бы ни стояло, выйти изъ сего положенія“.

ранить заразу повсюду“¹⁾. Дѣйствительно, мы видимъ, что на ряду съ Пестелемъ весьма важную роль въ южномъ Тайномъ Обществѣ играютъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ, служившіе прежде въ Семеновскомъ полку; прежнимъ семеновцемъ былъ и Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, которому поручались не маловажныя сношенія между Южнымъ и Сѣвернымъ обществами. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго полка, сообщившій Бестужеву-Рюмину о существованіи Общества Соединенныхъ Славянъ²⁾ и такимъ образомъ содѣйствовавшій ихъ соединенію, былъ также офицеромъ Семеновскаго полка³⁾.

* Солдаты бывшаго Семеновскаго полка, по словамъ Горбачевского, „были ревностными агентами Тайнаго Общества, возбудя въ своихъ товарищахъ ненависть и презрѣніе къ правительству“. Когда въ собраніи Общества Соединенныхъ Славянъ одинъ изъ членовъ заявилъ, что командиръ одной роты Саратовскаго полка притѣсняетъ своихъ подчиненныхъ, чрезвычайно несправедливъ и жестокъ съ ними и даже запрещаетъ своимъ солдатамъ имѣть сношенія съ солдатами бывшаго Семеновскаго полка, то рѣшено было взбунтовать его роту. что и было исполнено членомъ общества, юнкеромъ Саратовскаго полка Шеколою. Полковой командиръ, боясь потерять полкъ, смѣнилъ ротнаго командира.

Рылѣвъ во время слѣдствія по дѣлу Тайнаго Общества сообщилъ слова кн. Трубецкого по приѣздѣ его изъ Кіева въ Петербургъ, что дѣла Южнаго Общества въ самомъ хорошемъ положеніи, и что корпуса кн. Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижнихъ чиновъ, «на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать чрезъ солдатъ стараго Семеновскаго полка». Трубецкой призналъ справедливость показанія Рылѣва. Пестель заявилъ, что на третій корпусъ разсчитывали между прочимъ потому, что тамъ было много семеновскихъ солдатъ, „которые своимъ жребіемъ весьма недовольны и притомъ вліяніе имѣютъ на другихъ солдатъ“. Члены Васильковской Управы Южнаго Тайнаго Общества узнали объ этомъ во время, лагеря 1825 года. „Они говорили съ семеновскими солдатами о ихъ положеніи и замѣтили сильный между ими духъ неудовольствія“ (объ этомъ Пестелю разсказывалъ Бестужевъ-Рюминъ). На первый и второй корпусъ, по словамъ Пестеля, надѣялись также потому, что въ нихъ находились семеновскіе солдаты, о которыхъ «полагали, что они вѣрно въ томъ же духѣ, какъ и солдаты 3-го корпуса. Сношенія съ ними не имѣли, но изъ семеновскаго происшествія видно было единодушіе прежнихъ солдатъ» этого полка. За-

1) Еще въ 1821 г. членъ Тайнаго Общества В. О. Раевскій въ Кишиневѣ съ похвалою отзывался о семеновцахъ, а подчиненнымъ ему солдатамъ говорилъ: „придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться“.

2) По словамъ Горбачевского, члены Общества Соединенныхъ Славянъ „съ давняго времени замѣчали, что офицеры бывшаго Семеновскаго полка имѣютъ какія то тайныя предпріятія противъ правительства, и думали, что они состоятъ въ какомъ либо тайномъ обществѣ“.

3) Во время слѣдствія Тютчевъ показалъ, что былъ принятъ въ Общество Соединенныхъ Славянъ въ 1825 г. „Во время службы моей въ Семеновскомъ полку“, прибавилъ онъ, „я не зналъ Тайнаго Общества и оному не принадлежалъ“.

явленіе Бестужева Рюмина объ ихъ увѣренности въ семеновскихъ солдатахъ, „находившихся почти во всѣхъ полкахъ 3-го корпуса, представляю“, по мнѣнію Пестеля, „силы и надежды Васильковской Управы въ болѣе положительномъ видѣ“.

Бестужевъ-Рюминъ на заданный ему вопросъ, къ какимъ полкамъ принадлежали тѣ, служившіе прежде въ Семеновскомъ полку, солдаты, которыхъ С. Муравьевъ Апостолъ «преклонялъ къ своей цѣли и взялъ съ нихъ присягу», 27 января 1826 г. отвѣчалъ: «По мѣрѣ того, какъ семеновскіе солдаты узнавали, что С. Муравьевъ въ лагерь, они къ нему приходили. Всѣ изъявляли величайшее негодованіе; мы же имъ говорили, что если у нихъ духу станетъ, то ихъ участь скоро перемѣнится; чтобъ теперь они ничего не предпринимали, но, когда мы имъ дѣйствовать прикажемъ», они бы все то дѣлали, «что нами повелѣно будетъ». Тѣ общали это, но клятвы съ нихъ никакой не брали. В. Л. Давидовъ (въ показаніи 1-го февраля) передалъ слова Пестеля, что С. И. Муравьевъ-Апостолъ склонилъ на сторону Тайнаго Общества нѣсколько сотъ солдатъ, что онъ дѣйствовалъ чрезъ бывшихъ семеновцевъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе или присягу. С. Муравьевъ-Апостолъ 6-го февраля призналъ, что во время лагеря при Лещинѣ (15 верстъ отъ Житомира) въ 1825 г. къ нему приходили солдаты, бывшіе прежде въ Семеновскомъ полку, и называлъ фамиліи солдатъ: одного—Пензенскаго, двухъ—Тамбовскаго и трехъ—Саратовскаго полковъ¹⁾. «Я съ ними разговаривалъ», показавъ Муравьевъ-Апостолъ, «о тягости службы, бранилъ ее, воспоминалъ имъ старый полкъ, спрашивалъ ихъ: помнятъ ли они своихъ старыхъ офицеровъ, помнятъ ли меня? Говорилъ имъ, что я увѣренъ, что они отъ своихъ старыхъ офицеровъ никогда и нигдѣ не отстанутъ, и тому подобныя говорилъ имъ рѣчи, особеннаго же никакого обѣщанія я съ нихъ не бралъ». Бестужеву-Рюмину сдѣлано было замѣчаніе, что онъ умалчалъ объ именахъ Семеновскихъ солдатъ, приходившихъ къ Муравьеву-Апостолу. Тогда 7 и 11 февраля онъ показалъ, что, кромѣ солдатъ Пензенскаго, Тамбовскаго и Саратовскаго, были еще солдаты 15 и 16 Егерскаго полковъ²⁾, и называлъ нѣсколько фамилій, прибавивъ, что приходило по десяти и болѣе человекъ, за исключеніемъ немногихъ, все бывшіе семеновцы, находившіеся въ 8-й дивизіи. На ихъ жалобы, заявилъ Бестужевъ-Рюминъ, «мы имъ гозорили, что скоро все перемѣнится, если они пристанутъ къ намъ, когда мы начнемъ возмущеніе. Многіе уже готовы за нами послѣдовать, да время еще не пришло, а когда придетъ, то мы имъ скажемъ. При прощаніи мы имъ давали по полтинъ и по рублю на дорогу».—Позднѣ Бестужевъ Рюминъ на заданный ему слѣдственной комиссіею вопросъ отрицалъ

1) Про одного изъ этихъ послѣднихъ, по фамиліи Авоиченко, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, майоръ Пензенскаго полка Спиридовъ, показалъ, что онъ, придя къ нему, жаловался на непомѣрную строгость ротнаго командира, на то, что и на постоянныхъ квартирахъ покоя не будетъ, и когда Спиридовъ сказалъ: „надѣйтесь на начальниковъ, которые васъ не покинутъ и которые готовы за васъ пронасть“, то Авоиченко и его товарищи отвѣчали: „И мы за такихъ начальниковъ готовы лечь“.

2) Тютчевъ назвалъ еще семеновцевъ Троицкаго полка и показалъ, что Муравьевъ-Апостолъ совѣтовалъ семеновцамъ возбуждать въ товарищахъ неудовольствіе къ службѣ.

(такъ же, какъ и С. Муравьевъ-Апостолъ) то, что одинъ семеновскій солдатъ давалъ имъ клятву застрѣлить государя. Бестужевъ-Рюминъ утверждалъ, что съ солдатами они всегда говорили неопредѣленно и ни о какомъ планѣ не толковали. Онъ готовъ былъ признать, что, можетъ быть, сказалъ: «старый семеновецъ, исполнишь ли ты, что тебѣ прикажется,» на что тотъ отвѣчалъ—«исполню». По словамъ Бестужева Рюмина, они надѣялись, что семеновскіе солдаты, по данному ими обѣщанію, взбунтуютъ полки, въ которыхъ они находятся. Они рассчитывали на Пензенскій полкъ болѣе нежели на другіе, такъ какъ тамъ, кромѣ семеновскихъ солдатъ, были два члена Тайнаго Общества—маіоръ Спиридовъ и капитанъ Тютчевъ. На Саратовскій полкъ также возлагали особенныя надежды, такъ какъ въ лагерѣ при Лещинѣ одна рота его взбунтовалась, и солдатъ Анойченко, по приказанію Муравьева, ее усмирить, но предлагалъ привести ее, когда будетъ найдено нужнымъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ ¹⁾. «Мы же всегда думали», прибавляетъ послѣдній, «что солдаты къ солдатамъ пристанутъ» и что достаточно одной роты, «чтобы увлечь весь полкъ.» ²⁾

14-го февраля 1826 года начальникъ главнаго штаба 1-й арміи, генералъ адъютантъ бар. Толь, сообщилъ командиру 3-го пѣх. корпуса, ген. лейт. Роту, о возникшемъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сильнымъ подозрѣніемъ, что состоящіе въ 8 пѣх. дивизіи нижніе чины изъ бывшаго состава Семеновскаго полка, а также многіе нижніе чины 8-й артилерійской бригады (гдѣ служило не мало членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ) «испорчены офицерами, принадлежащими къ тайному обществу, такъ что нѣкоторые изъ помянутыхъ нижнихъ чиновъ введены въ тайну заговора.» Поэтому главнокомандующій арміей приказалъ «учредить тайный, но притомъ самый осторожный и скрытный надзоръ за поведеніемъ и духомъ помянутыхъ нижнихъ чиновъ, особливо же 2-й легкой роты 8-й артилерійской бригады, стараясь развѣдать, какъ они говорятъ и мыслятъ» о возмущеніи Черниговскаго пѣх. полка (подъ предводительствомъ С. И. Муравьева-Апостола) «и не замѣчаются ли въ нихъ понятія, сходныя съ возмутительнымъ катехизисомъ.»

Ротъ отвѣчалъ главнокомандующему 1-й арміи гр. Сакену, что между нижними чинами 3-го пѣхотнаго корпуса «нигдѣ не замѣчено ослабленія въ повиновеніи». Относительно бывшихъ семеновцевъ онъ

¹⁾ Анойченко служилъ въ Семеновскомъ полку, въ 3-й фузелерной ротѣ, командиромъ которой былъ С. Муравьевъ-Апостолъ. Бестужева-Рюмина Анойченко также зналъ еще въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку, портупей-прапорщикомъ. По словамъ Анойченко. Бестужевъ Рюминъ „часто ходилъ подъ знаменами и любилъ шутить съ солдатами“.

Тютчевъ, ведя пропаганду среди бывшихъ семеновцевъ, служившихъ теперь въ саратовскомъ полку, напомнилъ имъ и о волненіи Семеновскаго полка. Онъ сказалъ имъ: „мы начали въ Петербургѣ дѣло, но не кончили,—надобно окончить его здѣсь. Старайтесь подговорить своихъ товарищей“ и совѣтовалъ семеновцамъ, служившимъ въ Петербургѣ въ ротѣ С. Муравьева-Апостола, сходять къ нему.

²⁾ Рылѣвъ предполагалъ отправить царскую фамилію моремъ за границу, когда же Торсонъ возражалъ противъ этого, Рылѣвъ сказалъ, что оставить ее можно развѣ въ Шлиссельбургѣ, приставивъ тамъ бывшій Семеновскій полкъ, въ случаѣ же возмущенія — „примѣръ Мировича“,—т. е. предписаніе убить узниковъ.

сообщилъ, что «они вообще болѣе свѣдущи, нежели прочіе чины, почему и могутъ имѣть на нихъ вліяніе,» что, исключенные изъ гвардіи и не имѣя «преимуществъ», которыми пользуются ихъ товарищи въ арміи, они могутъ питать «въ себѣ тайное озлобленіе, которое, укоренясь, можетъ сообщиться и другимъ». Принимая это во вниманіе, Ротъ считалъ наиболѣе полезнымъ или удалить всѣхъ семеновскихъ нижнихъ чиновъ изъ 8 пѣх. дивизіи, гдѣ «нѣкоторые могли позымствовать вредное правило отъ членовъ Тайнаго Общества», или, удаливъ однихъ только виновныхъ, остальнымъ, какъ въ этой дивизіи, такъ и вообще, которые по своему поведенію будутъ этого достойны, исходатайствовать у государя прощеніе съ дозволеніемъ пользоваться преимуществами ихъ армейскихъ товарищей, распространивъ это и на офицеровъ, которые окажутся «неприкосновенными ни къ какому злоумышленію.» При этомъ Ротъ, ссылаясь на всѣхъ начальниковъ, свидѣтельствовалъ, что служба и поведеніе бывшихъ семеновцевъ «во все время пятилѣтняго ихъ нахожденія въ корпусѣ были очень хорошіе.»

Узнавъ изъ показанія Бестужева-Рюмина, что С. И. Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ Черниговскаго полка, гдѣ произошло возмущеніе, былъ въ сношеніяхъ съ нижними чинами 8-й пѣх. дивизіи, находившимися прежде въ Семеновскомъ полку, имп. Николай приказалъ главнокомандующему I-й арміи обратить особенное вниманіе на названныхъ Бестужевымъ-Рюминымъ нижнихъ чиновъ и изслѣдовать, въ какихъ сношеніяхъ они находились съ Бестужевымъ-Рюминымъ и Муравьевымъ-Апостоломъ.

Допрошенные солдаты Саратовскаго и Тамбовскаго полка, бывшіе семеновцы, посѣщавшіе Муравьева-Апостола въ лагерѣ при Лещинѣ, показали, что онъ бранилъ имъ государя, начальство и службу, говорилъ, что тяжесть службы происходитъ отъ государя, внушалъ имъ слѣдовать за нимъ, Муравьевымъ, когда онъ этого потребуетъ, и подговаривать къ тому же лучшихъ солдатъ. Когда одинъ изъ семеновцевъ разсказалъ Муравьеву, что его товарищъ «отъ утѣсненій» застрѣлился, Муравьевъ сказалъ: «это большое дурачество стрѣлять въ себя; онъ глупъ, не дождался времени» и потомъ, снявъ со стѣны пистолетъ и сдѣлавъ видъ, что онъ въ кого то стрѣляетъ, сказалъ: «вотъ какъ надобно!» Этотъ послѣдній разсказъ, брань на государя и просьбу уговаривать товарищей Муравьевъ-Апостолъ отрицалъ ¹⁾. Въ позднѣйшемъ показаніи онъ обратилъ вниманіе на то, что его сношенія съ солдатами-семеновцами не могли имѣть никакого вліянія на возстаніе Черниговскаго полка, такъ какъ въ этомъ полку не было ни одного семеновскаго солдата ²⁾.

По приговору военнаго суда и конфирмаціи главнокомандующаго I-ю арміей, утвержденной государемъ, солдаты, бывшіе семеновцы и нѣкоторые другіе изъ полковъ 8-й пѣхотной дивизіи, имѣвшіе сно-

¹⁾ Напротивъ 12 солдатъ Пензенскаго полка (бывшіе семеновцы) не дали никакихъ показаній противъ Тютчева, Громницкаго и Лисовскаго, какъ ни вынуждала у нихъ эти показанія комиссія военнаго суда.

²⁾ Есть однако указаніе, что и въ Черниговскомъ полку были бывшіе семеновцы. „Рус. Арх.“ 1871 г., „Бунтъ Черниговскаго полка“, стр. 273.

шенія съ Муравьевымъ-Апостоломъ и другими декабристами, подверглись жестокимъ наказаніямъ. Рядовые Саратовскаго полка Анойченко, Николаевъ и Малафѣевъ, были обвинены въ томъ, что содѣйствовали Муравьеву въ его замыслахъ, что по нѣскольку разъ приходили къ нему и выслушивали отъ него поношенія государя и внушеніе и подговоры къ мятежу. Николаеву, по словамъ его, Муравьевъ, выражая сочувствіе, что его заставляютъ оставаться на службѣ, когда онъ уже отслужилъ свои лѣта, говорилъ: «что ему теперь не грѣхъ изъ чистаго ружья застрѣлить государя». Малафѣеву, въ отвѣтъ на его жалобы на службу и притѣсненія отъ начальства, Муравьевъ, будто бы, показывалъ пистолетомъ, какъ нужно кого-то застрѣлить. Анойченко и Николаевъ обѣщали Муравьеву оказывать ему содѣйствіе, а первый изъявлялъ готовность содѣйствовать и майору Пензенскаго полка Спиридову. Малафѣевъ, по приказанію Муравьева, приводилъ къ нему многихъ своихъ товарищей, бывшихъ семеновцевъ, служившихъ съ нимъ въ одномъ полку. Анойченко, Николаевъ и Малафѣевъ были приговорены къ наказанію шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ каждаго по 12 разъ (т. е. каждый къ 12.000 шпицрутенѣ!) Нужно думать, что они были засѣчены до смерти. 39 человѣкъ Саратовскаго, Тамбовскаго, Пензенскаго и 15 и 16 Егерскаго полковъ были приговорены къ наказанію шпицрутенами отъ 2 до 6 тысячъ. Семь рядовыхъ Саратовскаго и Тамбовскаго полковъ (изъ армейскихъ) за недонесеніе получили по 300 розогъ. Фельдфебель Саратовскаго полка былъ разжалованъ въ рядовые и, наконецъ, 70 человѣкъ оставлены въ подозрѣніи и отправлены въ кавказскій корпусъ. Приговоръ былъ утвержденъ имп. Николаемъ 11 декабря 1826 г.

Являлось предположеніе отправить въ кавказскій корпусъ всѣхъ бывшихъ семеновцевъ, находившихся въ I-й арміи, но въ концѣ концовъ, какъ сообщилъ 13 мая 1826 г. начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ, главнокомандующему I-й арміею гр. Сакену, государь не нашелъ этой мѣры «необходимою, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ 3-мъ корпусѣ не могло бы зло сіе распространиться, если бы ближайшіе начальники обращали болѣе вниманія на нижнихъ чиновъ и употребляли на счетъ ихъ должную осторожность».

Семеновскіе офицеры, бывшіе членами Тайнаго Общества и переведенные въ армію, возбудили къ себѣ тамъ уваженіе и сочувствіе. С. И. Муравьевъ-Апостолъ пользовался и въ Петербургѣ глубокимъ уваженіемъ своихъ товарищей. Очевидно, большое сочувствіе счумѣлъ пріобрѣсти въ Пензенскомъ полку и Тютчевъ, также бывший семеновецъ. О послѣднемъ можно заключить изъ отношенія Константина Павловича къ главнокомандующему I-й арміею отъ 7 марта 1826 г. До свѣдѣнія Константина Павловича дошло, что офицеры Пензенскаго полка „крайне сожальютъ“ объ арестованныхъ офицерахъ этого полка, особенно же о бывшихъ семеновцахъ, „и превозносятъ ихъ щедрость и воспитаніе“, о чемъ „съ похвалою отзываются и всѣ нижніе чины“ этого полка. 1-го марта въ городѣ Старо-Константиновѣ, въ трактирѣ за обѣдомъ, всѣ находившіеся тамъ офицеры Пензенскаго полка выражали состраданіе несчастнымъ товарищамъ, увезеннымъ въ Петербургъ. При этомъ поручикъ Мисюринъ сталъ съ

жаромъ говорить о недавнихъ происшествіяхъ и заявилъ во всеуслышаніе, что „судящіеся“ теперь „не были вредны и не искали возмущеній и кровопролитій, но требовали лучшихъ учрежденій къ общему благу и улучшенію“. Затѣмъ начался разговоръ о напечатанномъ въ газетахъ объявленіи о заговорѣ на жизнь императорской фамиліи, и всѣ офицеры утверждали, что такихъ намѣреній не было, а Мисюринъ увѣрялъ, что напечатанное объявленіе несправедливо и выдуманно правительствомъ, чтобы увеличить наказаніе арестованныхъ.

Х.

Самое волненіе въ Семеновскомъ полку уже описывалось военными историками Карцевымъ, Диринымъ, Богдановичемъ, но оно оцѣнивалось съ военной точки зрѣнія. А между тѣмъ очень скоро послѣ этого событія настоящій писатель, самъ прошедшій военную школу, но оставившій службу въ 1818 году, чтобы занять гражданскую должность, и затѣмъ предавшійся литературной дѣятельности, а въ 1823 г. принятый Пушинымъ въ Сѣверное Тайное Общество, однимъ словомъ, К. Θ. Рылѣевъ написалъ талантливый очеркъ подъ названіемъ „Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1820 года“¹⁾. Весьма возможно, что по вступленіи Рылѣева въ Тайное Общество этимъ очеркомъ могли пользоваться съ цѣлью пропаганды въ военныхъ сферахъ, хотя прямыхъ указаній на это нѣтъ. Очеркъ Рылѣева былъ написанъ въ очень близкое къ событію время, но, конечно, по рассказамъ, а не по безспорнымъ матеріаламъ, и потому содержитъ въ себѣ не мало фактическихъ ошибокъ и неточностей. Однако, общая оцѣнка событія и его причинъ у Рылѣева совершенно вѣрна: „начальникамъ пришла мысль превратить войско въ машину, пріятную глазамъ...; люди ограниченные и низкіе съ радостью приняли на себя исполненіе высшей воли: первые потому, что нашли дорогу по себѣ, вторые—потому, что всякая воля—имъ законъ. Сихъ людей, какъ удобнѣйшее оружіе деспотизма, искали, поддерживали, возвышали. Въ замѣну требуемыхъ услугъ прощали видимые недостатки, какъ-то грубость, непросвѣщеніе... Они не имѣли понятія о достоинствѣ человѣка, стали съ людьми поступать, какъ съ животными и сдѣлались жестокими. Возвышеннаго духа въ подчиненныхъ боялись и стремились истребить его. Большая власть, имъ данная, сдѣлала ихъ страшными, а неотвѣтственность, ненаказанность произвели несправедливость. Люди все терпятъ: труды, болѣзни, самое униженіе, но несправедливость производитъ негодованіе и при возможности—мщеніе!“ Мы видѣли, что Шварцъ былъ только однимъ изъ наиболѣе яркихъ олицетвореній этой системы, истиннымъ виновникомъ которой былъ самъ императоръ Александръ.

Эту статью Рылѣева впервые попытался напечатать П. А. Ефре-

¹⁾ Изъ одного мѣста этого очерка (изд. И. Балашева, стр. 16), видно, что онъ былъ написанъ еще до возвращенія гвардіи въ Петербургъ, слѣдовательно не позднѣе 1822 года.

мовъ въ «Русской Старинѣ» 1871 г. (№ 10) съ нѣкоторыми исключеніями по цензурнымъ соображеніямъ. Но цензурному вѣдомству этихъ исключеній показалось недостаточно: статья была вырѣзана и появилась въ слѣдующемъ номерѣ журнала съ большими сокращеніями. Теперь, въ 1906 г., очеркъ Рылѣва изданъ г. Балашовымъ отдѣльною брошюрою въ томъ видѣ, въ какомъ ее предполагала первоначально напечатать редація «Русской Старины», но все еще съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ¹⁾).

Позднѣе, уже въ царствованіе имп. Александра II прочувстванныя строки въ стихотвореніи посвятилъ Семеновскому полку другой членъ Тайнаго Общества, менѣе талантливый и не имѣвшій столь опредѣленнаго міросозерцанія, какъ Рылѣвъ: мы разумѣмъ Ѳ. Н. Глинку.

Послѣ разгрома полка наиболѣе выдававшіеся въ немъ офицеры сыграли огромную роль въ пропагандѣ въ арміи освободительныхъ идей. Что касается вновь сформированнаго полка, офицеры котораго, какъ мы уже упоминали, возбуждали крайнее нерасположеніе въ обществѣ, то онъ въ день 14 декабря 1825 г. не участвовалъ въ протестѣ нѣкоторыхъ другихъ полковъ противъ восшествія на престолъ Николая I-го, пользовавшагося въ гвардіи вполне заслуженною ненавистью, и въ требованіи конституціи. Онъ въ десятомъ часу утра присягнулъ на вѣрность новому императору, а затѣмъ, когда войска, участвовавшія въ военной демонстраціи противъ новаго государя, собрались на площади, два батальона Семеновскаго полка были поставлены на Исакиевской площади, по лѣвую сторону отъ собора, прямо противъ гвардейскаго экипажа, участвовавшаго въ возстаніи. Нужно замѣтить, однако, что и въ новомъ полку были не совсѣмъ увѣрены нѣкоторые представители военной власти. Въ наслѣдіе отъ стараго ему достался одинъ ферментъ—музыканты, лица которыхъ очень не понравились нѣкоторымъ генераламъ, какъ, на примѣръ, Закревскому, на первомъ смотрѣ вновь сформированнаго полка; за ними рѣшено было имѣть строжайшее наблюденіе и, при малѣйшемъ проявленіи стараго духа, перезодить въ армію. Прежній начальникъ гвардейскаго корпуса Васильчиковъ, находившійся 14 декабря въ свитѣ Николая I, не былъ увѣренъ въ новомъ Семеновскомъ полку. Онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи сыну, что государь, выѣхавъ на Сенатскую площадь, сказалъ ему: «Ларіонъ Васильевичъ! Я хочу выбрать войска для атаки бунтовщиковъ; вы командовали гвардіею, потрудитесь объѣхать полки и скажите мнѣ, на которые изъ нихъ я могу навѣрное положиться?» Васильчиковъ поѣхалъ и возвратился съ отвѣтомъ: «на одинъ I-й ба-

¹⁾ По сличенію съ копіею статьи Рылѣва, пропуски въ изданіи И. Балашова оказались не особенно существенными,—они заключаютъ въ себѣ преимущественно рѣзкіе отзывы о в. к. Михаилѣ Павловичѣ. Отмѣтимъ только два мѣста. Когда Васильчиковъ читалъ въ гвардейскихъ полкахъ указъ Александра I о расформированіи Семеновскаго, по словамъ Рылѣва, „нѣкоторые слушали оный съ негодованіемъ, другіе (Гонимогвардейскій и Павловскій), къ стыду своему, кричали: ура! какъ будто радуясь гибели товарищей и заранѣе оправдывая тѣ жестокости, которыя и съ ними могутъ быть произведены“. Общее заключеніе Рылѣва таково: „Что касается до духа гвардіи—кажется ушли въ ней погасить послѣднюю искру разсужденій!“ День 14 го декабря показалъ, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ. За сообщеніе копій статьи Рылѣва приносимъ искреннюю признательность В. Е. Якушкину.

тальонъ Преображенскаго полка». Въ своей оцѣнкѣ настроенія войска онъ близко сошелся съ мнѣніемъ декабриста Завалишина, который, разсматривая, насколько Тайное Общество могло рассчитывать на успѣхъ возстанія, утверждаетъ: «Положительно можно сказать, что противная сторона», т. е. правительство, «могла рассчитывать только на два батальона,—на первый батальонъ Преображенскаго полка» (за преданность котораго государю ручался и Васильчиковъ) «да на Саперный, и то на отрицательныя только ихъ дѣйствія, какъ опытъ и доказалъ относительно Сапернаго батальона, который, если не перешелъ на сторону возстанія, то и не осмѣлился сопротивляться ему» ¹⁾). Нерѣшительность декабристовъ и сдѣланныя ими 14 декабря ошибки не дали возможности проявиться оппозиціоннымъ элементамъ, которые, очевидно, существовали и въ новомъ Семеновскомъ полку. Въ шестомъ часу батальонъ этого полка былъ отправленъ съ площади для занятія крѣпости; одинъ взводъ его былъ посланъ для отысканія и задержанія укрывшихся въ домахъ, и одинъ штабсъ-капитанъ Семеновскаго полка со своею ротою задержалъ 130 нижнихъ чиновъ лейбъ-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ.

Съ тѣхъ поръ Семеновскій полкъ участвовалъ въ подавленіи польскаго возстанія въ 1831 г., въ подавленіи венгерской революціи въ 1849 г. и, наконецъ, приобрѣлъ себѣ чуть ни всесвѣтную извѣстность карательными экспедиціями во время московскаго возстанія въ 1905 г. За то вѣрный оплотъ самодержавія въ 1825 году—первый батальонъ Преображенскаго полка нынѣ оказался на сторонѣ освободительнаго движенія.

В. Семеvскій.

¹⁾ Завалишинъ объясняетъ, что въ этихъ двухъ батальонахъ офицеры пользовались очень дурною нравственною репутаціею, и большинство изъ нихъ было на жалованіи у великихъ князей.

Къ исторіи осужденія д-ра О. Э. Веймара.

Въ статьѣ Иванчина-Писарева («Былое», январь, 1907, стр. 42) я читаю: «Револьверъ былъ приобрѣтенъ Веймаромъ для своего друга Г. А. Лопатина, жившаго въ его квартирѣ подъ именемъ Севастьянова». Это невѣрно. Друженъ съ Веймаромъ я былъ, но никогда не проживалъ у него ни подъ именемъ Севастьянова, ни подъ какимъ либо инымъ; также и пресловутый револьверъ былъ приобрѣтенъ имъ вовсе не для меня. Дѣлаю эту поправку не потому, чтобы считать это сообщеніе неудобнымъ для себя въ данную минуту, а просто потому, что это фактическая неправда. А что Веймаръ былъ осужденъ въ каторгу совершенно *невинно*,—это истинная правда. Въ свое время я настойчиво заявлялъ объ этомъ тогдашнему начальнику III отдѣленія (Шмидту). Въ подтвержденіе моихъ словъ я открылъ ему фактъ, неизвѣстный полиціи и обнаруженіе котораго было очень невыгодно тогда для меня (я сидѣлъ въ Петропавловкѣ и привлекался по Соловьевскому и другимъ «висѣличнымъ» дѣламъ), а именно, что въ день убійства Мезенцева я былъ не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ, и провелъ все это утро въ компаніи Веймара. Говорилъ и многое другое. Какъ мнѣ показалось тогда, Шмидтъ былъ внутренно *убѣжденъ* моими доводами. Однако это *личное* впечатлѣніе не передалось тѣмъ людямъ, въ руки которыхъ попала потомъ судьба Веймара. Я даже не былъ выставленъ свидѣтелемъ по этому дѣлу (по моимъ позднѣйшимъ соображеніямъ—*умышленно*), но былъ отправленъ незадолго до суда въ Туркестанъ, въ административную ссылку, и Веймаръ былъ осужденъ въ каторгу за дѣло, въ которомъ онъ не только не принималъ никакого участія, но о которомъ *онъ ничего не зналъ* до самаго его совершенія.

Германъ Лопатинъ.

Вильно.
24 февраля 1907 г.

14 мѣсяцевъ „свободы печати“.

17 Октября 1905 г. — 1 Января 1907 г.

Замѣтки библіографа.

Истекшій годъ—яркая и оригинальная полоса въ исторіи русской печати. Почти полтора вѣка администрація и цензура, какъ прессомъ, давили всякое проявленіе мысли, но мысль ширилась и росла подъ нимъ, и наконецъ прессъ не выдержалъ, лопнулъ и широкая волна свободного слова бурно хлынула по всей Россіи. Разомъ появились и страстно заговорили десятки живыхъ газетъ и журналовъ; на полусонномъ раньше книжномъ рынкѣ закипѣлъ водоворотъ книгъ и брошюръ, главнымъ образомъ популярныхъ по всѣмъ наболѣвшимъ вопросамъ. Всѣ распоряженія исходившія отъ ненавистой цензуры были отринуты: ни одна газета, ни одно издательство не посылали узаконенныхъ 9 экземпляровъ своихъ изданій въ цензуру, и вслѣдствіе этого крупнѣйшія книгохранилища наши, вродѣ Императорской Публичной Библіотеки, питающіяся почти исключительно черезъ цензурный комитетъ, не имѣютъ теперь ни газетъ, ни цѣлаго ряда книгъ того времени; библіотеки частныя, за весьма малыми исключеніями, тоже не успѣли запастись ими, а между тѣмъ быстро наступившая реакція обрушилась на печать. Огромное количество газетъ и др. произведеній печати исчезло съ арены и для большинства публики онѣ теперь неизвѣстны или забыты и, во всякомъ случаѣ, уже почти не-находимы.

Цѣль настоящей статьи дать краткій обзоръ жизни прессы за 14 мѣсяцевъ «свободы» и сохранить для будущаго историка нашего времени точныя свѣдѣнія о книгахъ, журналахъ, и газетахъ, подвергшихся преслѣдованіямъ за время этихъ «свободъ».

Оговариваюсь: данныя мои касаются исключительно Петербурга и только въ списокъ конфискованныхъ книгъ включены нѣкоторыя московскія и другія изданія, о которыхъ я имѣлъ точныя свѣдѣнія

14 октября 1905 г. въ послѣдній разъ вышли въ Петербургѣ газеты. Началась знаменитая всеобщая забастовка, и въ это время молчанія періодической печати (по 22-е октября) появился органъ возникшей тогда особой организаціи рабочихъ: «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ».

Первый № этого органа выпущенъ былъ 17 октября; 18-го одновременно вышли № 222 «Правительственнаго Вѣстника» съ манифестомъ о свободахъ и № 2 «Извѣстій».

Наступили дни «свободы». На улицахъ заалѣли красные флаги, раздалась марсельеза и другіе гимны. Городовые и околоточные казались переодѣтыми маркизами,—такъ галантна и предупредительна сдѣлалась полиція. Газетчиковъ, продававшихъ революціонные листки, не тащили въ участки и первые хвастались, что даже «сами» г.г. пристава покупали №№ «Извѣстій» и,—что еще необыкновеннѣе—платили при этомъ деньги.

20 октября вышелъ 3 № «Извѣстій», а съ 22 по 2-ое ноября, до вторичной забастовки, стали выходить и всѣ газеты.

3, 5 и 7 ноября вышли № 5, 6 и 7 «Извѣстій»; послѣдній напечатанъ былъ въ типографіи «Новаго Времени» и крикъ добродѣтельной газеты всполошилъ, наконецъ, полицію. За „Извѣстіями“ началась охота, а съ 13 ноября, дня выхода перваго № сатирическаго журнала «Пулеметь»,—полился безудержный потокъ конфискацій всевозможныхъ произведеній печати.

8 ноября опять появились газеты, но большая часть ихъ существовала лишь до 2 декабря: въ этотъ день всѣ прогрессивные органы—«Начало», «Новая Жизнь», «Сынъ Отечества», (эти изданія очень рѣдки въ настоящее время), «Русь», «Наша Жизнь», «Русская Газета», «Буревѣстникъ», и др. помѣстили «манифестъ» «Совѣта» и были за это пріостановлены.

Закрытыя газеты возродились черезъ три дня: 5 декабря, кромѣ № 8 «Извѣстій», вышла «Русь» подъ псевдонимомъ «Молва»; 6 декабря объединившіяся «Начало» и «Новая Жизнь» подъ именемъ «Сѣверный Голосъ» и «Русская Газета», переименовавшаяся въ «Набатъ»; 7 декабря появился и «Сынъ Отечества», переодѣтый въ «Наши Дни», (№ 40-ой). Останавливаюсь на этихъ органахъ, какъ на наиболѣе яркихъ того періода и въ настоящее время очень рѣдкихъ.

Съ 10 по 14 декабря—новая забастовка; вечеромъ 11 декабря распространялись въ публикѣ приложенія къ № 9 «Извѣстій»; самый № 9 былъ захваченъ полиціей на мѣстѣ печатанія и истребленъ почти цѣликомъ. «Извѣстія», какъ и Совѣтъ, доживали послѣдніе дни: 14 декабря вышелъ 10 №, послѣ чего изданіе «Извѣстій» прекратилось.

Кромѣ поименованныхъ выше періодическихъ изданій особеннымъ преслѣдованіямъ подвергались и въ настоящее время почти совершенно ненаходимы слѣдующія:

Названія.	Свѣдѣнія о нихъ.
1. „Наши Дни“.	1905 г. Вышло всего 2 №№: 40 и 41.
2. „Сѣверный Голосъ“.	Вышло 3 №; № 3-й напечатанъ на полу- листахъ и былъ захваченъ и почти весь уничтоженъ въ типографіи.
3. „Нашъ голосъ“.	Одинъ № 1. Вышелъ взамѣнъ пріоста- новленнаго „Сѣвернаго Голоса“.
4. „Набатъ“.	Вышло 4 №; всѣ были конфискованы.
5. „Рабочій Голосъ“.	Вышло 3 №.
6. „Радикалъ“.	1906 г. Вышло 6 №; конфискованы № 2, 4, 5, 6, послѣдній въ типографіи.
7. „Голосъ Среднеучебныхъ Заведеній“.	Вышло 3 №; № 3 конфискованъ въ типо- графіи.
8. „Молодая Россія“.	Былъ только одинъ, первый №, захвачен- ный въ типографіи.
9. „Голосъ Молодой Россіи“.	Былъ только одинъ, 1-й №, захваченный въ типографіи.
10. „Наша Мысль“.	Вышло 5 №№; сперва былъ конфискованъ № 3—4 (двойной), затѣмъ всѣ остальные.
11. „Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ“.	Вышло 11 №№, изъ которыхъ конфиско- ваны №№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11.
Вмѣсто нихъ вышла:	
12. „Трудовая Россія“.	Было 8 №№; изъ нихъ конфискованы №№ 1, 5, 6, 7, 8. №№ 5 и 8 захвачены въ типографіи.
Ее смѣнилъ:	
13. „Крестьянскій Депутатъ“.	Вышло 10 №№. Конфискованы №№ 1, 2, 3, 9, 10. № 1 захваченъ въ типографіи.
14. „Дѣло Народа“.	Вышло 9 №№; конфискованы №№ 1, 3, 5, 6, 7, 9.
Его смѣнилъ:	
15. „Народный Вѣстникъ“.	Начался № 8-мъ; пріостановленъ по вы- ходъ № 20-го. Конфискованы №№ 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 18.
Вмѣсто него вышелъ:	
15. „Голосъ“.	Начался № 10 и на 17-мъ пріостановленъ. Конфискованы №№ 10, 14, 15, 16, 17. №№ 14 и 15 захвачены въ типографіи, причемъ № 14 напечатанъ не былъ, такъ какъ полиція разбросала наборъ.
Взамѣнъ вышла:	
17. „Мысль“.	Вышло 15 №№; конфискованы №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15. Затѣмъ послѣ- довалъ разгромъ редакціи и полное уничтоженіе всѣхъ, еще остававшихся въ ней, комплектовъ четырехъ газетъ.

Въ декабрѣ начался ливень изъ сатирическихъ журналовъ. Они сыпались одинъ за другимъ, какъ звѣзды въ августовскую ночь, одни остроумные и язвительные, другіе пошлые и тупые; ихъ ловили на улицахъ, кромсали на куски въ типографіяхъ, но они, какъ «неизвѣстные» въ былинѣ, все росли и росли въ числѣ и на «витязей» съ боемъ шли.

Название журнала.	Количество выпущенных №№	Свѣдѣнія о нихъ.
1. „Зритель“. Вмѣсто закрытаго „Зритель“ вышелъ:	25 и одинъ „экстренный“.	Конфискованы и уничтожены въ типографіи №№ 24 и 25; особенно рѣдкость послѣдній.
2. „Журналъ“. Вмѣсто него вышли:	2 и одно прибавленіе „Великая Москва“.	Конфискованъ № 2.
3. „Маски“.	9	№№ 6 и 7 конфискованы и уничтожены въ типографіи.
4. „Пулеметъ“.	5 и одинъ № „экспрессъ“.	Конфискованы №№ 1 и 5, но очень рѣдкость только № 1, за который любители платили до 60 р.
5. „Стрѣлы“.	9	Конфискованы №№ 2 и 9.
6. „Пламя“.	4	Конфискованы №№ 1 и 4.
7. „Нагаечка“.	5	№ 4 отбирался у газетчиковъ; № 5 конфискованъ въ типографіи.
8. „Митингъ“.	4 №№ 1905 г. и 2 № 1906.	Конфискованъ № 4.
9. „Сигналъ“. Вмѣсто него вышли:	4	Конфискованъ № 4.
10. „Сигналы“.	4	Конфискованъ № 2.
11. „Буреломъ“. Вмѣсто него вышла съ продолженіемъ его нумераціи:	4	Нумерація ихъ путаная; вышли: № 1. 2. 1 и „Рождественскій, № 3“ №№ 2 и 3 конфискованы.
12. „Буря“. Вмѣсто нея вышелъ:	2	№№ 4 и 5, оба конфискованы.
13. „Буреваль“.	4	Конфискованы №№ 2, 3 и 4.
14. „Пули“.	2 №№ 1905 г. и 7 №№ 1906 г.	Конфискованы №№ 1 и 2 1906 г.
15. „Жупель“.	3	Конфискованы №№ 1 и 3. Одинъ изъ наиболѣе безпоощадно преслѣдовавшихся и художественныхъ журналовъ.
16. „Фонарь“.	3	
17. „Волшебный Фонарь“.	3 №№ 1905 г. и 5 №№ 1906 г.	
18. „Саобода“. Вмѣсто него вышелъ:	2	Конфискованъ № 2.
19. „Девятый Валъ“.	2	Конфискованъ № 2.
20. „Дятель“. Вмѣсто него вышелъ:	1	Отбирался у газетчиковъ черезъ 2 дня послѣ выхода.
21. „Клювъ“.	2	Конфискованы оба №№.
22. „Молоть“.	2	
23. „Вампиръ“.	8	
24. „Спрутъ“.	15	№ 10 конфискованъ въ типографіи.
25. „Гудокъ“.	6	
26. „Паяцъ“. Вмѣсто него вышелъ:	3	№ 3 конфискованъ.
27. „Паяцы“.	1	Конфискованъ. } Оба журнала очень рѣдки.

Названіе журнала.	Количество вышедших №№.	Свѣдѣнія о нихъ.
28. „Ядъ“.	1	Конфискованъ.
29. „Забіяка“.	1 № 1905 г. и	Конфискованъ № 3.
30. „Гвоздь“.	3	№№ 1 и 3 были арестованы и изрѣзаны на куски въ типографіи и представляютъ собой величайшую рѣдкость. Былъ выпущенъ еще № „Экстра“, на полулистѣ, но общаго ничего съ прекращеннымъ журналомъ онъ не имѣетъ и является наглою поддѣлкой подъ „Гвоздь“, пользовавшійся огромнымъ спросомъ.
31. „Зеркало“.	1	Конфискованъ. Вышелъ въ видѣ маленькой книжечки-альманаха.
32. „Знамя“.	1	Конфискованъ. Большая рѣдкость; № цѣнится отъ 10 до 15 р.
33. „Страна Мечты“.	1	Конфискованъ.
34. „Сатира“.	2	Конфискованъ № 4.
35. „Красный Смѣхъ“.	3	Конфискованъ № 1.
36. „Фискаль“.	4	№ 6 конфискованъ въ типографіи. Конфискованы №№ 6 и 7. Послѣдній очень рѣдокъ, такъ какъ захваченъ былъ въ типографіи.
37. „Бомбы“.	2	Конфискованъ. Большая рѣдкость. Оба №№ конфискованы и очень рѣдки, особенно № 2, котораго уцѣлѣло всего 10 экземпляровъ.
38. „Сѣнира“.	14	Конфискованъ № 6.
39. „Оводъ“.	6	Конфискованъ № 2.
40. „Заноза“.	13	Выходилъ въ видѣ небольшихъ книжекъ.
41. „Зарницы“.	9	Конфискованъ № 14. Выходилъ въ видѣ маленькихъ книжекъ.
42. „Сюрпіонъ“.	2	Конфискованы №№ 1 и 2.
43. „Зарево“.	3	Конфискованъ.
44. „Пчела“.	5	Оба № № конфискованы
45. „Воронъ“.	1	
46. „Злой Духъ“.	2	
47. „Отбой“.	4	
48. „Носа“.	7	
49. „Свѣтаетъ“.	2	
50. „Альманахъ“.	2 и приложеніе къ нему „Вербный Базаръ“.	
51. „Аргусъ“.	14	
52. „Залпъ“.	1	
53. „Штыки“.	1	
54. „Дикарь“.	1	
55. „Анчаръ“.	3	
56. „Къ свѣту“.	3	
57. „Бичъ“.	1	
58. „Аксиома“.	1	
59. „Букетъ“.	3	
60. „Вольница“.	2	

Названіе журнала.	Количество вышедших №№.	Свѣдѣнія о нихъ.
61. „Виттова Плясна“.	3 №№ и № „Гурьевская каша“.	
62. „Мой пулеметъ“.	5	
63. „Булатъ“.	1	
64. „Ювеналь“.	1	Конфискованъ въ типографіи. Очень рѣдокъ.
65. „Фугасъ“.	3	
66. „Лѣшій“.		
67. „Буравчикъ“.	2	№ 2 конфискованъ въ типографіи.
68. „Извѣстія совѣта безработныхъ юмористовъ“.	1	Конфискованъ.
69. „Поединокъ“.	3	Конфискованы всѣ три №№.
70. „Малаяръ“.	5	№ 5 конфискованъ въ типографіи.
71. „Жало“.	1	Плохой журналъ, одноименный съ московскимъ, вышедшимъ въ декабрь 1905 г. и конфискованнымъ; какъ петербургское, такъ и московское „Жало“ прекратились на первомъ же №; московское является большой рѣдкостью.
72. „Пѣсни безъ словъ“.	1	
73. „Игла“.	1	
74. „Партизанъ“.	1	Конфискованъ въ типографіи. Большая рѣдкость.
75. „Думскій Альманахъ“.	1	
76. „Плювиумъ“.		
77. „Фаниръ“.	1	Конфискованъ.
78. „Застрѣльщикъ“.	3	№ 3 конфискованъ въ типографіи.
79. „Адская Почта“.	4	№ 4 конфискованъ въ типографіи.
80. „Водоворотъ“.	9	№ 1 и 6 конфискованы въ типографіи.
81. „Шутенонъ“.	7	Конфискованъ № 7.
82. „Щитъ“.	6	Конфискованъ № 6.
83. „Руки“.	1	Конфискованъ
84. „Сноморохъ“.	1	На № 1 стоитъ дата—1907 г.—вышелъ же онъ на Рождествѣ 1906 г.

Кромѣ русскихъ сатирическихъ журналовъ въ Петербургѣ выпущено было и нѣсколько на еврейскомъ языкѣ. Изъ нихъ отмѣчу «Дерь-Шейгецъ», единственный первый № котораго былъ конфискованъ и въ настоящее время рѣдокъ.

Кромѣ сатирическихъ журналовъ, раскупавшихся на расхватъ, лицами пользовавшимися революціоннымъ временемъ для устройства своихъ дѣлишекъ, распространялись порнографическія произведенія; какъ образцы назову двѣ противоположности: журналъ «Подъ звуки Шопена», ничего кромѣ грубой порнографіи не содержащій (№ 1 его былъ конфискованъ) и открытку-карточку «Рескриптъ на имя артистки Балетта», весьма энергично преслѣдовавшійся полиціей и не менѣе энергично продававшійся изъ подъ полы особыми типами продавцовъ исключительно конфискованныхъ произведеній.

Почти на каждомъ углу Невскаго проспекта, неподалеку отъ газетчиковъ, торчали Горьковскаго пошиба фигуры съ папками въ рукахъ, гдѣ хранились для предьявленія бдительному оку полиціи №№ «Рускаго Знамени» и со свертками другого «товара» за пазухой. Въ нѣсколькихъ чайныхъ были устроены «склады» конфискованныхъ №№ журналовъ и газетъ; поговоривъ съ заказчикомъ, субъектъ Горьковскаго типа исчезалъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращался съ требуемымъ.

«Витте пляшетъ, Треповъ барабанитъ!» выкрикивали мальчишки, размахивая «Виттовой пляской» и удирая отъ приближавшихся околдоченныхъ...

Но золотые дни Аранжуэца были непродолжительны, полиція все лютѣла; заподозрѣнныхъ въ продажѣ запрещенныхъ изданій отволакивали въ ближайшія дворницкія и тамъ любознательно изслѣдовали; при находкѣ поличнаго отправляли въ тюрьмы.

Редакторы и авторы направлялись туда же непрерывной чредой, и сатирическіе журналы становились все блѣднѣй и неинтереснѣе; къ марту—апрѣлю мѣсяцу публика, бравшая ихъ сначала у газетчиковъ чуть не съ боя и по повышенной цѣнѣ, охладѣла къ нимъ; немногіе, неприконченные «свыше» журналы стали умирать естественной смертію, и въ настоящее время, не считая извѣстныхъ «Стрекозы», «Шута» и «Осколковъ», влчатъ жалкое существованіе только «Заноза», «Водоворотъ», «Плювиумъ» и разные юмористическіе выпуски, никакого отношенія къ сатирѣ не имѣющіе.

Боевая роль сатирическихъ журналовъ въ этомъ періодѣ нашей революціи окончена.

Гнетъ администраціи испытала и вся остальная періодическая печать. №№ газетъ не только конфисковались на улицахъ, но всевидящее око предрекающихъ властей усматривало даже будущія преступленія газетъ еще до рожденія ихъ: сплошь и рядомъ по ночамъ являлись въ типографіи г.г. пристава съ арміями городовыхъ, разбрасывали наборы и печатавали даже преступныя машины.

Въ провинціи вопросъ о крамольной печати разрѣшался проще.

Чтобъ не утруждать разсмотрѣніемъ крамольныхъ изданій губернаторскіе мозги, владѣльцы послѣднихъ просто отдавали приказы о воспрещеніи продажи *всѣхъ* газетъ; керченскій сатрапъ, напр., объявилъ за ввозъ и продажу газетъ штрафъ въ 3000 рублей, или въ замѣнъ его заключеніе въ тюрьму на 3 мѣсяца; во Владивостокѣ судъ штрафуетъ редакторовъ по 500 рублей за «неосторожное перепечатываніе статей изъ другихъ газетъ»; въ Кіевѣ генералъ-губернаторъ, за что только его превосходительной ногѣ ни вздумается, налагаетъ штрафы по 3000 рублей до тѣхъ поръ, пока разоренное изданіе не пріостанавливается выходомъ; въ Полтавѣ и въ другихъ городахъ для достиженія той же цѣли систематически конфискуютъ безъ разбора *всѣ* №№ и т. д., и т. д.; остроуміе и «простота» дѣйствій властей замѣтно увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ окраинамъ.

Вотъ перечень пострадавшихъ отъ конфискацій Петербургскихъ журналовъ и газетъ:

Название періодическаго изданія.	Конфискованные №№.
1. „Арабески“, журналъ.	1.
2. „Библиотека рабочаго“, журналъ.	5.
3. „Биржевыя Вѣдомости“, утреннее изд.	9584; 9636.
4. „Вечерній Голосъ“.	17, 20, 51.
5. „Вечерняя Почта“.	Рождественскій № 1905 г.; конфиск. въ типографіи.
6. „Всеобщая Маленькая Газета“.	203.
7. „Всемирный Вѣстникъ“, журналъ.	10.
8. „Военный Голосъ“.	195.
9. „Волна“.	3, 5, 6, 7, 10, 18, 19, 22, 23.
10. „Восходъ“.	23.
11. „Впередъ“.	1, 2, 12, 13, 14.
12. „Вѣстникъ Жизни“, журналъ.	10, 11, 12.
13. „Вѣстникъ Народной Свободы“.	3, 16, 30.
14. „Вѣстникъ Печатника“.	9, 11, 21 сент. конфискованы и всѣ прочіе, еще оста- вавшіеся №№.
15. „Вѣстникъ Рабочаго“.	1.
16. „Вѣсть“, журналъ.	1, 5.
17. „Газета Шебуева“.	7.
18. „Голосъ Приказчика“.	3, 6, 12.
19. „Голосъ Ткача“.	1, уничтоженъ въ тип.; 2.
20. „Голосъ Труда“.	4, 5, 6, 8, 9.
21. „Голосъ Фармацевта“, журналъ.	2.
22. „Двадцатый Вѣкъ“.	67, 69, 79, 102, 107, 112.
23. „Два Пути“.	1.
24. „Для Смѣха“, журналъ.	2.
25. „Дума“.	12.
26. „Дневникъ социалдемократа“.	6, 7.
27. „Еврейскій народъ“.	9.
28. „Еврейскій Рабочій“.	1.
29. „Жизнь и Соціализмъ“.	3, 4, 5.
30. „Жизнь и Школа“.	1.
31. „Журналъ для Всѣхъ“.	7, 8, 9. Затѣмъ были кон- фискованы №№ съ 1 по 6 и 12 1905 г.
32. „Земля и свобода“.	2.
33. „Земля и Трудъ“.	3, 4.
34. „Зеркало Россіи“.	1.
35. „Знаніе—Сила, Сила—Знаніе“, журн.	3, 7—8.
36. „Истина“.	№ 5.
37. „Клико“, журналъ.	8, 10, 11.
38. „Корреспондентъ“.	10.
39. „Крестянинъ и Рабочій“.	1. Конфискованъ въ типо- графіи.
40. „Курьеръ“.	№ 5 съ прилож.; 9, 20, 21, 22, 23.
41. „Міръ Божій“, журналъ.	8.
42. „Мірское Дѣло“.	4.
43. „Молва“.	18.
44. „Молоть“, журналъ п. сіонистовъ.	2.
45. „Наканунъ“, журналъ.	2.
46. „Народная Вѣсть“.	2.
47. „Народный Вѣстникъ“.	18, 19

Название периодического издания.	Конфискованные №№.
48. „Народная Жизнь“.	1, 3.
49. „Народная Дума“.	Экстренный выпуск 30 июля 1906. г.
50. „Народный Листок“, журналъ.	1, конфиск. въ типогр.; 2.
51. „Народно-Соціалистическое Обозрѣніе“, журналъ.	1, 2, 3, 4.
52. „Народъ“.	1.
53. „Народное Хозяйство“.	3.
54. „На очереди“.	1.
55. „Наша Жизнь“.	412, 414, 473, 477, 478.
56. „Наше Слово“, журналъ.	5, 6, 7, 8, 9.
57. „Невскій Вѣстникъ“.	1.
58. „Невская Газета“.	6, 7.
59. „Недѣля“.	3, 23 конфискованы въ тип.
60. „Новая Газета“.	9, 39.
61. „Образование“, журналъ.	10.
62. „Обрывъ“.	1, 2, 3, 6, 8, 21.
63. „Огни Жизни“, журналъ.	1. Конфискованъ въ типогр.
64. „Освобожденная Мысль“, журналъ.	1. Конфискованъ въ типогр.
65. „Отклики“, журналъ.	1.
66. „Первый Лучъ“.	1. Конфискованъ въ типогр.
67. „Петербургскій Листокъ“.	№ отъ 11 іюня 1906.
68. „Петербургскій Сапожникъ“.	4.
69. „Петербургское Эхо“.	4, 5.
70. „Печатный Вѣстникъ“.	5.
71. „Полярная Звѣзда“, журналъ.	8.
72. „Понедѣльникъ „Народъ и Дума“.	2.
73. „Понедѣльникъ „Трудъ и Свобода“.	4, 5.
74. „Потокъ“, журналъ.	1. Конфискованъ въ типогр.
75. „Прибалтійскій Голосъ“.	1.
76. „Приказчикъ“.	2, 3, 4.
77. „Призывъ“.	77, 89, 100, 101, 102.
78. „Природа и Школа“, журналъ.	1.
79. „Прометей“, журналъ.	1.
80. „Рабочій Вѣстникъ“.	1.
81. „Рабочій Народъ“.	Сводный № 1—2.
82. „Рабочій Міръ“, журналъ.	4.
83. „Рабочая Мысль“.	2. Затѣмъ были отобраны и всѣ оставшіеся №№.
84. „Рабочая Недѣля“.	1. (1905 г.; конфискованы въ типогр.).
85. „Реформа“.	86.
86. „Русская Жизнь“.	1.
87. „Русскій Набатъ“.	3, 4.
88. „Русское Свободное Слово“.	1.
89. „Русь“.	33, 61.
90. „Рѣчь“.	110, 123, 131, 132.
91. „Свобода и Жизнь“.	1.
92. „Сегодня“.	1, 27.
93. „Семафоръ“.	2. Конфискованы въ тип.
94. „Современная Жизнь“.	94, 100, 106, 111, 120, 121, 127, 136.
95. „Современная Мысль“.	59, 74.
96. „Сознательная Россія“.	1, 2, 3, 4.

Название періодическаго изданія.	Конфискованные №№.
97. „Соколы“, журналъ.	1.
98. „Соціалистическая Библіотека“, журн.	2, 3.
99. „Страна“.	70, 121, 122 (конфисков. въ тип.); 149, 237.
100. „Столичная Почта“.	14.
101. „Студенческая Жизнь“.	1. Конфиск. въ типогр.
102. „Сѣверная Земля“.	2, 3, 4, 5.
103. „Текущіе Дни“.	2.
104. „Темы Жизни“, журналъ.	3, 9.
105. „Терни Труда“.	1, 2.
106. „Техникъ“, журналъ.	1.
107. „Товарищъ“.	25, 67, 72, 89, 107, 126, 150.
108. „Ткачъ“.	8.
109. „Трудовой Народъ“, журналъ.	1, 2.
110. „Хлѣбъ и Работа“, журналъ.	1, 2.
111. „Хроника Еврейской Жизни“, журналъ.	23, 35.
112. „Ясная Поляна“, журналъ.	1.
113. „Эхо“.	1, 2, 3, 4, 6, 7.

Преслѣдованія легальной прессы повлекли за собою, разумѣется, усиленіе нелегальной. Мнѣ извѣстна лишь часть ея, а именно:

А. Газеты, издаваемыя партіей социалистовъ-революціонеровъ:

1. „Военный Листокъ“. (Въ 1906 г. вышло 8 №№).
2. „Военный Союзъ“, органъ комитета офицерскаго союза.
3. „Солдатская газета“. (Въ 1906 г. вышло 4 №№).
4. „Солдатская Доля“. (Въ 1906 г. вышло 16 №№; послѣдній захваченъ во время печатанія).
5. „Солдатская Мысль“.
6. „Солдаты“.
7. „Солдатское Чтеніе“.
8. „Голосъ Солдата“. (Существуетъ 3 изданія въ разныхъ городахъ).
9. „Еженедѣльный Листокъ“.
10. „Нижегородскій Солдатскій Листокъ“.
11. „Трудъ“. (Въ 1906 г. вышло 7 №№).

Б. Партіи социаль-демократовъ:

1. „Борьба“.
2. „Впередъ“.
3. „Голосъ Солдата“.
4. „Голосъ Пролетарія“.
5. „Казарма“. (№ 3 былъ захваченъ въ типографіи).
6. „Красноярскій Рабочій“.
7. „Партійныя Извѣстія“.
8. „Пролетарій“.
9. „Летучій Листокъ“.
10. „Нарвскій Рабочій Листокъ“.
11. „Событія Дня“.
12. „Соціаль-Демократъ“.
13. „Уфимскій рабочій“.

В. Анархистовъ-коммунистовъ:

1. „Хлѣбъ и Воля“.
2. „Буревѣстникъ“.

Книжный рынокъ преслѣдовался съ неменьшею беспощадностью, но здѣсь застѣночный геній администраціи безпомощно барахтается въ болотѣ изъ циркуляровъ и предписаній однообразнаго содержанія: тащить и не пущать ту или иную книгу.

Арестовать какую нибудь двухъ-копѣчную брошюрку—значить перервать сверху до низу много болѣе полусотни магазиновъ и складовъ и перевероршить до милліона книгъ; задача непосильная даже усиленной полиціи, особенно принявъ во вниманіе два обстоятельства: среднимъ числомъ на каждый день приходится по одному аресту книгъ, и второе—малограмотность опоры отечества—исполнителей, приводящая зачастую къ большимъ курьезамъ.

Я лично былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Иду мимо небольшого книжнаго магазина и вижу, что въ окнахъ выставлено нѣсколько книгъ давно уже подвергшихся аресту. Захожу въ магазинъ. У прилавка уже стоитъ молодой, румяный околодочный, передъ нимъ высится цѣлая стопка книгъ и онъ перебираетъ ихъ хотя съ глубокомысленнымъ, но нѣсколько безпомощнымъ видомъ. Книжки отложены все подозрительныя: въ красныхъ и, въ лучшемъ случаѣ, въ розовыхъ обложкахъ ¹⁾. Взглянулъ на нихъ поближе—отобраны „Капитанская дочка“, какой то пѣсенникъ, значительно меньше касательствъ къ социализму имѣющей, чѣмъ самъ г. околодочный, и цѣлый рядъ столь же преступныхъ книгъ.

Выбравъ, видно наудачу, еще нѣсколько брошюръ, околодочный велѣлъ ихъ завернуть и отослать къ нему.

— Всю ночь придется теперь просидѣть... перечитать...—важно и нѣсколько съ укоромъ произнесъ онъ неизвѣстно по чьему адресу. Разсмотрю... Если ничего не окажется, пришлю завтра.

И власть удалилась, совершивъ спасеніе отечества отъ Капитанской Дочки и совершенно не подозрѣвая предательства сѣрыхъ и бѣлыхъ брошюръ на окнѣ.

Любопытноѣ всего, что владѣльцамъ книжныхъ магазиновъ списковъ запрещенныхъ книгъ не давали, а только приносили ихъ къ нимъ „на прочтеніе и для расписки въ ономъ“. Благодаря такой таинственной осторожности огромное большинство не помнило и не знало о конфискаціяхъ тѣхъ или другихъ книгъ, но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ „оказательства“, отвѣчало „по формѣ“.

Чтобъ избавиться отъ справедливыхъ нареканій, инспекторъ типографій напечаталъ въ октябрѣ 1906 г. „Списокъ книгъ, подлежащихъ конфискаціи“. Спискомъ этимъ (въ продажу онъ не поступалъ), снабдили сперва только полицію, а затѣмъ и книжные магазины, но составитель сдѣлалъ все, чтобы книга его никуда не годилась; составитель не додумался даже до алфавитнаго расположенія названій, что, конечно, облегчило бы справки.

Прилагаю къ концу настоящей статьи мой списокъ, провѣренный, за исключеніемъ нѣсколькихъ №№, по книгамъ моей бібліотеки и вдвое полнѣйшій названнаго выше. Въ него внесены также книги

¹⁾ Въ Царскомъ Селѣ журналы въ красныхъ обложкахъ къ продажѣ на улицахъ не допускались.

освобожденныя судомъ отъ ареста, но на основаніи разныхъ „охранъ“ все же конфискованныя высшей суда инстанціей — администраціей. Рѣдкостью поименованныя въ немъ книги пока не являются, такъ какъ только весьма немногія изъ нихъ были захвачены полиціей въ типографіяхъ и уничтожены: виртуозность уловляющихъ изощрила въ „уклоненіяхъ“ и преслѣдуемыхъ.

Въ заключеніе—чуть чуть статистики.

Въ вышедшей въ 1904 г. работѣ моей „Рѣдчайшія русскія книги“, посвященной обзору книгъ, уничтоженныхъ цензурой съ начала книгопечатанія по октябрь 1904, зарегистрировано около 250 №№. Списокъ этотъ не полонъ, такъ какъ при отсутствіи точныхъ данныхъ о годѣ, мѣстѣ печатанія и времени уничтоженія книги я о таковой не упоминалъ вовсе. Въ общемъ число книгъ, подвергшихся карѣ за 2½ вѣка всяческаго и въ томъ числѣ сугубаго, Николаевского гнета, можно считать около 300.

За 14 же мѣсяцевъ свободы администраціи:

1. Конфисковано книгъ	361
2. Конфисковано только въ СПБ. номеровъ періодическихъ изданій	433
3. Насильственно прекращено періодическихъ изданій въ Россіи	371
4. Подвергнуто заключенію въ тюрьму, штрафамъ и другимъ взысканіямъ редакторовъ и издателей въ Россіи.	607
5. Запечатано типографій.	97

Цифры эти краснорѣчивѣе словъ.

С. Р. Минцловъ.

СПИСОКЪ

конфискованныхъ книгъ и брошюръ.

1. **Абрамовъ, С.** Деревенскіе очерки. Книгоиздательство „Свободная Жизнь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
2. **Автобіографія Г. Гапона.**
3. **Акимовъ, В. (Махновецъ).** Очерки развитія социаль-демократіи въ Россіи. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ, 1906 года.
4. **Ал. Палеръ.**—Наша программа, М. 1906 года.
5. **Амнистія.** Сказка. Типографія Шака. С.-Петербургъ.
6. **Амнистію! Полную амнистію! Долой смертную казнь! Не К. и Д.** Типографія Генералова.
7. **Амфитеатровъ, А. а.** Современныя сказки. Изданіе „Шиповникъ“. С.-Петербургъ 1907 года. Книга вышла и конфискована въ декабрь мѣсяцъ 1906 года.
8. **б.** Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи. № 27. Изданіе редакціи журнала „Всемирный Вѣстникъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
9. **Анархическій индивидуализмъ.** Изданіе „Индивидъ“.
10. **Арабидзе, А.** О баррикадной и уличной борьбѣ. Книгоиздательство „Амранъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
11. **Аріель, Арнольдъ.** Красное знамя. Москва. 1905 года.
12. **Арцыбашевъ.** Кровавое пятно. Въ деревнѣ. Разказы. Изданіе Скирмунта. Москва. 1906 года.
13. **А. С. Г.** Заслуга рядового Пантелѣева. Разказъ. № 30. Книгоиздательство Е. Мягкова „Народная Мысль“. Москва. 1906 года.
14. **Асинъ, В. а.** Бѣднота отъ темноты и темнота отъ бѣдноты. Изданіе Трудового Товарищества. С.-Петербургъ. 1906 года.
15. **б.** Преступники. Изданіе „Свободный Трудъ“.
16. **Аксельродъ, П.** Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.
17. **Бабочка.** № 1. Типографія Михайловой. С.-Петербургъ.
18. **Бакунинъ, М. А. а.** Политика Интернаціонала. Книгоиздательство „Свобода“. Москва. 1906 года.
19. **б.** Статья Герцена о Бакунинѣ; біографическій очеркъ М. Драгоманова; рѣчи и воззванія. Съ 2-мя портретами. Изданіе Балашова. С.-Петербургъ. 1906 года.
20. **в.** Полное собраніе сочиненій, томъ I. Изданіе И. Балашова.
21. **г.** Народное дѣло. Книгоиздательство „Набатъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
22. **д.** Богъ и государство. Переводъ съ французскаго. Москва. 1906 года.
23. **Бальмонтъ, К. Д.** Злыя чары. Изд. ж. Золотое Руно, 1906 года.
24. **Бахъ, А. Н.** Экономическіе очерки. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Ростовъ на Дону. 1906 года.

25. Б. А. Городское самоуправленіе въ Россіи. Книгоиздательство „Колоколъ“, Е. Мягкова. Москва. 1906 г. Брошюра была дозволена цензурой.
26. Бебель, А. Христіанство и социализмъ. Книгоиздательство „Новый Міръ“.
27. Безродный, А. Ткачи. Повѣсть изъ жизни русскихъ ткачей. Книгоиздательство Е. Мягкова „Колоколъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
28. Бесѣды о землѣ. Изданіе „Земли и Воли“. С.-Петербургъ. 1906 года.
29. Берчъ, Гуго. Долой безработицу! Переводъ съ нѣмецкаго изданія. Книгоиздательство „Свободная пресса“. С.-Петербургъ, 1906 года.
30. Б. Л. Декабрьскіе дни. Москва. 1906 года.
31. Б—овъ. М. и Данъ, Ф. Рабочіе депутаты въ 1-ой Государственной Думѣ. Изданіе Глаголева. С.-Петербургъ.
32. Борисовъ. Кому нужны погромы? С. С. Р. П. Изданіе „Другъ Народа“. С.-Петербургъ, 1906 года.
33. Бране, В. Долой социаль-демократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Е. Алексѣевой. Одесса, 1905 года.
34. Тоже изданіе Е. Мягковой, книгоиздательство „Колоколъ“. Москва 1906 г.
35. Бунаковъ. Трагедія Россійской революціи. Изданіе „Донской Рѣчи“. Конфискована въ типографіи.
36. Бутонъ. Сборникъ № 3. Изданіе „Многоточіе“.
37. Бѣлостокскій погромъ. „Русское свободное издательство“. Москва, 1906 года.
38. Бѣлорѣцкій, Г. Безъ идеи. Изданіе журнала „Русское Богатство“. С.-Петербургъ. 1906 года.
39. Васильевъ, Н. 10 заповѣдей социаль-демократа. Изданіе М. Малыхъ. С.-Петербургъ.
40. Вандервельде, З. Социализмъ и земледѣліе. Переводъ съ французскаго З. Кочетковой. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. СПб.
41. Великая французская революція. Р. З. Изданіе О. Рутенбергъ. С.-Петербургъ.
42. Вернеръ, Н. Куда идетъ развитіе общества. С.-Петербургъ, 1906 года.
43. Верхоянскій, С. Что дѣлалъ со своимъ народомъ французскій король и что народъ сдѣлалъ съ нимъ. Книгоиздательство „Братство“. С.-Петербургъ, 1906 года.
43. а. Веселый смѣхъ. Сборникъ. С.-Петербургъ.
44. Взятіе Бастиліи. Эпизодъ изъ времени великой французской революціи. Переводъ съ французскаго. Типографія Везобразова и К^о.
45. Викинтъ, О. Анархическій индивидуализмъ. Издательство „Индивидъ“. Москва. 1906 года.
46. Винденсъ, В. и Хмуры, А. Набатъ. Сборникъ стихотвореній. Книгоиздательство „Прибой“. Москва. 1906—1907 года.
47. Витонскій, И. Что такое законы и какъ они измѣняются. Книгоиздательство „Молоть“. С.-Петербургъ, 1906 года.
48. Владиміровъ, В. Очерки современныхъ казней. Москва, 1906 года.
49. Воззваніе къ русскому народу. Причины всѣхъ несчастій въ Россіи. Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ. С.-Петербургъ. (Листокъ).
50. Волгинъ, Р. Берка усмиритель. Очеркъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
51. Волховской, Ф. Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался. Сказка. С.-Петербургъ, 1906 года.
52. Сказаніе о царѣ Симеонѣ. С.-Петербургъ, 1906 года.

53. Друзья среди враговъ. Изъ воспоминаній стараго революціонера. Изданіе „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
54. Выбъченный принцъ. Сказка. С.-Петербургъ, 1906 года. Книгоиздательство „Народная Воля“.
55. Про воинское устройство. Книгоиздательство Е. Мягкова „Народная Мысль“, № 31. Москва, 1906 года.
56. Волинъ, А. Сила въ объединеніи. Типографія Шукай. Кіевъ.
57. Воскресенскій, В. К. Передъ грозой. Разсказъ. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
58. Впередъ! Гимнъ рабочему народу. Слова А. М. Хирьякова.
59. В. Э. Письмо анархиста брату рабочему. Открытое письмо рабочимъ социаль-демократамъ и социаль-революціонерамъ. Книгоиздательство „Солидарность“. Москва, 1906 года.
60. Вѣтровъ, И. Анархизмъ, его теорія и практика. Книгоиздательство „Обновленіе“. 1906 года.
61. Въ борьбѣ. Сборникъ. Выпускъ 2-й. Книгоиздательство „Борьба“. С.-Петербургъ, 1906 года.
62. Въ каменномъ мѣшкѣ. Воспоминанія политическаго каторжанина. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
63. Въ помощь читателю. Книга IV. Исторія и историческая беллетристика. Подъ редакціей Б. Аршеневскаго, В. Воронцова и др. Выпускъ I. Изданіе А. Суратъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
64. Гарденинъ, Ю. Памяти Н. П. Михайловскаго. Книгоиздательство „Земля и Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
65. Г. А. С. Слоны и москы. Изъ лѣтописей . . . ского баталіона.
66. Георгіевскій кавалеръ. Разсказъ. Книгоиздательство „Пахарь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
67. Гейеръ, Б. Элегія и другіе разсказы. Книгоиздательство „Амирантъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
68. Горцевъ, Ш. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Москва, 1906 года.
69. Государственная Дума или учредительное собраніе. Книгоиздательство „Молоть“. С.-Петербургъ, 1906 года.
70. Государственная дума о положеніи казаковъ. Изданіе Ноя Жорданія. Типографія „Будущность“. (Листокъ).
71. Грейлихъ, Г. Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Переводъ В. Смирнова. Изданіе „Просвѣщеніе“. С.-Петербургъ.
72. Григорьевъ, Я. Изъ исторіи смертной казни въ Россіи. Книгоиздательство „Набатъ“. Москва, 1906 года.
73. Гунавскій, А. И. Народъ и Дума. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
74. Гыльна, Иванъ. Жныва. (На малороссійскомъ языкѣ). Книгоиздательство „Новый міръ“, типографія „Энергія“.
75. Гэдъ, Ж. Коллективизмъ. Книгоиздательство „Колоколь“, Е. Мягкова. Москва, 1906 года. Была дозволена цензурою.
76. Гэдъ и Лафаргъ. Чего хотятъ социаль-демократы. Книгоиздательство „Колоколь“, Е. Мягкова. Москва, 1906 года.
77. Два закона. Книгоиздательство „Рабочій Народъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
78. Девятковъ. Устройство Россіи. Нижній Новгородъ, 1906 года.

79. Девятое января. Историческій обзоръ. С. Петербургъ. 1906 года.
80. Дейчъ, Л. Къ 25-ти лѣтію 1 марта. 1881—1906 годовъ. Дѣло 1 марта 1881 года. Изданіе „Свободный Трудъ“. С.-Петербургъ 1906 года.
81. Деде, Л. Солдатики. Издавництво „Боротьба“. С.-Петербургъ. 1906 года (на малороссійскомъ языкѣ).
82. Деревенскій, Степанъ. Что говорятъ про землю социаль-революціонеры и социаль-демократы. С.-Петербургъ. 1906 года.
83. Дмитріева, В. Г. Язва. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
84. Д—нъ. Пѣсни пролетаріевъ. Книгоиздательство „Нашъ Голосъ“. С.-Петербургъ. 1907 года.
85. Долой забастовщиковъ! Изданіе Н. Парамонова. С.-Петербургъ, 1906 года.
86. Его Превосходительству и Предѣдателью Совѣта Министровъ отъ Кіевскаго союза русскаго народа. Кіевъ. (Листокъ).
87. Елпатьевскій, Сергѣй. а. Къ русскимъ людямъ. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
88. б. Земля и Свобода. „Земля и Свобода“ № 2. СПб. 1906 г.
89. Ерманскій, А. К. Наши ближайшія требованія и конечная цѣль. Книгоиздательство „Новый Міръ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
90. Ждановъ, С. Три мѣсяца въ одиночкѣ. Впечатлѣнія и воспоминанія. 2-е изданіе. Балашова. С.-Петербургъ, 1906 года.
91. За вѣру, царя и отечество! Москва, 1906 года.
92. За что они борятся. Книгоиздательство „Искра“. Москва, 1906 года.
93. Заявленіе передъ судомъ Жоржа Этьевана. Изданіе „Свободная Коммуна“. 1906 года.
94. Звѣринцевъ Б. Академисты за работой.
94. а. Земля и Трудъ. Выпускъ 1 и 2. Изданіе А. Бѣляева 1906 года.
95. Златинъ, А. а Земля. Разсказъ. Книгоиздательство „Вѣрный Путь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
96. б. Рядовой Ошбаловъ. Разсказъ. Книгоиздательство „Вѣрный Путь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
97. Зиминъ, А. Нужда крестьянская. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Популярная бібліотека, № 6. Москва, 1906 года.
98. Зыковъ, П. П. Какъ поправить наши финансы. Простыя рѣчи № 1. С.-Петербургъ, 1906 года.
99. Ивановичъ, И. Д. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
100. Ивановъ, Н. Пролетаріатъ въ современной борьбѣ. С.-Петербургъ.
101. Идельсонъ. О еврейской социаль-демократіи. С.-Петербургъ. 1906 года.
102. Издалека. Бесѣда. 1-ая рукопись найдена и издана Александровой. Типографія Отто Инфугъ.
103. Ильчинскій, В. Перлы кадетской тактики. Книгоиздательство „Свободная пресса“.
104. Исаевъ, Павелъ. Кому должна принадлежать земля?
105. Исаковъ. Обуховская оборона. 7 мая 1901 года—7 мая 1906 года. Посвящается героямъ-борцамъ. Изд. „Библіотека для всѣхъ“, О. Руттенбергъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
106. Исповѣдь Сазонова. Годъ и мѣсто печати не обозначены 32°.

107. Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Изданіе Н. Глаголева. С.-Петербургъ.
108. **Юрданскій, І. а.** Наши братья. Изданіе Н. Парамонова.
— **б.** Какъ выбирать рабочихъ депутатовъ въ Государственную Думу? СІІБ. 1906.
109. **а.** Задача революціи. Изданіе С. Деммина. С.-Петербургъ, 1906 года.
110. Какъ смотрятъ соціалъ-революціонеры и соціалъ-демократы на крестьянство и земскій вопросъ. С.-Петербургъ. 1905 года. 1906 года. Изданіе П. С. Р.
111. Какъ обираютъ и закабаляютъ народъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
112. **Каландадзе, Владиміръ** и **Мхеидзе, Владиміръ.** Очерки революціоннаго движенія въ Гуріи. Книгоиздательство „Эпоха“. С.-Петербургъ, 1906 года.
113. **Кальверъ, Рихардъ.** Христіанство и соціалъ-демократія.
114. **Кармелюкъ.** Новая нагорная проповѣдь. Книгоиздательство „Народное Дѣло“, а также и Н. Парамонова, „Донская Рѣчь“.
115. **Кармень.** За что? Изданіе книгоиздательства „Впередъ“. 1906 года.
116. **Кетлау, М.** Взаимная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса. Книгоиздательство „Свободное соглашеніе“. 1906 года.
117. **Кельманъ, Б.** О красныхъ и черныхъ. Составлено по М. Шархель. Книгоиздательство „Пахарь“. С.-Петербургъ.
118. **Каутскій, Н. а.** Русскій и американскій рабочій. Предисловіе и редація А. Лупачарскаго. Книгоиздательство „Утро“. Отдѣлъ І. Библіотека общественно-политическихъ знаній, № 17. С.-Петербургъ.
119. **б.** Еврейскіе погромы и еврейскій вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Е. Александровой. С.-Петербургъ, 1906 года.
120. **а.** Общественныя реформы. Книгоиздательство „Колоколь“. Москва. 1906 г.
121. **г.** Современное положеніе Россіи.
122. **д.** Движушія силы и перспективы русской революціи. Переводъ съ нѣмецкаго. Книгоиздательство „Новая эпоха“. Москва. 1906—1907 г.
123. **Нильчевскій, В.** Справочный листокъ, полезный для крестьянъ. Москва, 1906 г.
124. **Кириллъ.** Одиннадцать дней на „Потемкинѣ“. С.-Петербургъ, 1907 г. Книга вышла въ ноябрѣ 1906 г.
125. **Классъ противъ класса.** Изданіе Е. Алексѣевой. С.-Петербургъ, 1906 г.
126. **Климовъ.** Расправы и разстрѣлы. Москва, 1906 г.
По приговору суда книга была освобождена отъ ареста, тѣмъ не менѣе отбирается на основаніи «положеній» объ охранахъ.
127. **Кольцовъ, М. К.** Памяти павшихъ жертвъ изъ среды Московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. Москва, 1906 г.
128. **Н. А.** О совѣщательномъ представительствѣ. С.-Петербургъ, 1906 г.
129. **Коношкинъ Ф. Ф. а.** О правахъ національности. Москва, 1906 г.
130. **б.** Конституціонно-демократическая партія передъ судомъ союза 17 октября. Москва, 1906 г.
131. **Комнеръ-Морель.** Задачи пропаганды въ деревнѣ. Съ предисловіемъ Поля Лафарга. С.-Петербургъ, 1906 г.
132. **Короленко, В. Г.** Трагедія генерала Ковалева и нравы военной среды.
По приговору суда книга была освобождена отъ ареста; конфискуется по распоряженію администраціи.
133. **Костинъ, Б.** Что такое соціалистическій строй? Книгоиздательство „Молоть“. С.-Петербургъ.

134. Коста, Андреа. Что такое социализмъ. Книгоиздательство „Свобода“. С.-Петербургъ, 1907 г.
Книга вышла въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1906 г.
135. Крестьянамъ отъ конституціонно-демократической партіи. Книгоиздательство „Народное Право“. Москва, 1906 г.
136. Красная сотня. Библіотека общественно-политическихъ знаній, № 9. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ.
137. Кропоткинъ, П. а. Узаконенная месть, называемая правосудіемъ. Книгоиздательство „Свободное Соглашеніе“. 1906 г., и книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 г.
138. б. Завоеваніе хлѣба. С.-Петербургъ, 1906 г.
139. в. Записки революціонера. Изданіе товарищества „Знаніе“. С.-Петербургъ 1906 года.
Изданіе было задержано въ переплетной и изъ него вырѣзаны и перепечатаны страницы 395—6. Со страницы 395 выброшена фраза: „однажды онъ выстрѣлилъ въ своего адъютанта, когда послѣдній сдѣлалъ рѣзкое движеніе и царю показалось, что офицеръ хочетъ убить его“. Безъ перепечатки уцѣлѣло весьма малое количество экземпляровъ.
140. г. Анархія и ея мѣсто въ социалистической эволюціи. Книгоиздательство „Волна“, С.-Петербургъ, 1906 года и другое изданіе — С.-Петербургъ, 1907-года.
141. д. Хлѣбъ и воля. Съ портретомъ автора и предисловіемъ Э. Реклю. Книгоиздательство „Свободная Мысль“. Лондонъ—Петербургъ.
142. е. Анархія, ея философія, ея идеалы. Переводъ съ французскаго. Книгоиздательство „Мысль“, А. Миллеръ. С.-Петербургъ, и книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 года.
143. ж. Представительное правительство. Изданіе „Свободная Коммуна“. Москва 1906 года.
144. з. Безначальный коммунизмъ или экспроприация. Книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 года.
145. и. Русскій рабочій союзъ. Книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 года.
146. Кропоткинъ, П. и Бернсъ, Дж. Всеобщая стачка, П. Кропоткинъ. Всеобщая стачка, Дж. Бернсъ. Стачка портовыхъ рабочихъ въ Лондонѣ. Чему учить насъ Лондонская стачка. Книгоиздательство—„Другъ Народа“. С.-Петербургъ.
147. Кр—новъ. Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа. Конспектъ лекцій. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ.
148. Крусъ Эрнстъ. Сборникъ научныхъ и литературныхъ произведеній.
149. Кулакова, Л. Великая крестьянская война въ Германіи. Типографія „Общественная Польза“. С.-Петербургъ, 1906 года.
150. Кускова, Е. Сонъ подъ 1-е мая. Сказка—правда. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. С.-Петербургъ, 1905 года. Арестована въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года.
151. Купріяновъ, М. 1-е мая. Разсказъ. Книгоиздательство „Народное Дѣло“.
152. Къ организаціи трудового общества. Типографія Муллера. С.-Петербургъ.
153. Лазаревъ, Е. Какъ крестьянамъ дали волю. Книгоиздательство „Новое Товарищество“. Москва, 1906 года.

154. Ламенз. Слова вѣрующаго. Памфлетъ. Переводъ съ французскаго. В. Андрусонъ. Изданіе А. Бѣляева. С.-Петербургъ, 1906 года.
155. Лафаржъ, Поль. Христіанская благотворительность. Переводъ съ французскаго 2-е изданіе. Книгоиздательство „Новый Міръ“.
156. Вѣра въ Бога. Издательство „Колоколь“, Е. Мягковой. С.-Петербургъ.
157. Мифъ о непорочномъ зачатіи. Книг. Малыхъ. С.-Петербургъ.
157. а. Левина, Е. С. Мститель. Изданіе 2. Алексѣевой. С.-Петербургъ, 1906 года.
158. Левина Сысоева, Е. С. а. Въ темную ночь. Разсказъ. Книгоиздательство „Новый Міръ“. С.-Петербургъ.
159. б. Разсказы и стихотворенія. С.-Петербургъ, 1906 года.
160. Левко. Чего хотятъ социалисты. Книгоиздательство „Другъ Народа“. С.-Петербургъ, 1906 года.
161. Ленинъ, Н. Роспускъ Государственной Думы и задачи пролетаріата. Книгоиздательство „Новая Волна“. Москва, 1906 года.
162. Докладъ объединительнаго съѣзда Россійской социаль-демократической партіи. Москва, 1906 г.
163. Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи № 1. С.-Петербургъ.
164. Побѣда ка-детовъ и задачи рабочей партіи.
165. Социаль-демократія и избирательныя соглашенія. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
166. Либнхетъ, В. Пауки и мухи. Изданіе Н. Парамонова, С.-Петербургъ.
167. Рыцари труда. Соціальный романъ. Книгоиздательство „Волна“.
168. Лихачевъ, И. А. Русскому народу. С.-Петербургъ, 1905 года.
169. Лукановъ, П. Чего требуютъ крестьяне. „Земля и свобода“, № 2. С.-Петербургъ, 1906 года.
170. Луначарскій, А. Три ка-дета. Памфлетъ. Изданіе „Шиповникъ“. С.-Петербургъ, 1907 года (вышла въ 1906 году).
171. Любямъ нашего времени. Изданіе Содружества Патріотическихъ Кіевскихъ рабочихъ. Кіевъ. (Листоукъ).
172. Люсембургъ, Роза. а. Русская революція. Переводъ съ предисловіемъ П. Гуревича. Изданіе „Міръ“.
173. б. Чего мы хотимъ. Комментаріи къ программѣ социаль-демократіи Литвы и Польши. Переводъ съ польскаго. Книгоиздательство „Эпоха“. С.-Петербургъ, 1906 года.
174. Лядовъ, М. Исторія російской социаль-демократической рабочей партіи. Часть 1-я. Книгоиздательство „Колоколь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
175. М. А. Усмирили. За что? Книгоизд. „Сила“. С.-Петербургъ, 1906 года.
176. Макарычъ, Л. Иванушка-Дурачекъ. Народная сказка. Книгоиздательство К. Союзова. Казань, 1906 г.
177. Мартовъ, Л. а. Новый законъ. Изданіе Е. Алексѣевой. 1906 года.
178. б. Рабочее Дѣло въ Россіи. 4-е, переработанное изданіе, Е. Алексѣевой. 1906 года.
179. в. Пролетарская борьба въ Россіи. 2-е изданіе, дополненное, Н. Глаголева.
180. г. Политическія партіи въ Россіи. Книгоиздательство „Новый Міръ“. С.-Петербургъ.
180. а. Международное единеніе пролетаріата. Москва.
181. Мининъ, Сергій. Письма къ пролетарію. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ, 1907 года. Вышла въ ноябрѣ 1906 года.
182. Мирбо, О. Дневникъ горничной. Изданіе С. Скирмунта.

183. Мироновъ, Н. Солдатскій подвигъ. Разсказъ. Изданіе „Народное Дѣло“. С.-Петербургъ, 1906 года.
184. Москва въ декабрѣ 1905 года. Москва, 1906 года.
185. Московское вооруженное возстаніе по даннымъ обвинительныхъ актовъ и судебныхъ приговоровъ. Вып. 1. Книг. „Лѣтопись“. М. 1906 г.
186. М. С. О баррикадной и уличной борьбѣ въ западно-европейскихъ революціяхъ. Изданіе „Амиранъ“. А. Арабидзе.
- 186а. Мужики въ Государственной Думѣ. Москва, 1906 года.
187. На разныя темы. Книгоиздательство „Книжныя Новости“. С.-Петербургъ 1906 года.
188. Наумовъ, О. Правда о черной сотнѣ. Подъ редакціей Н. Рожкова. Книгоиздательство „Рабочая Мысль“. Москва, 1906 года.
189. Наумовъ, Ф. а. Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Италіи. Москва. 1906 года.
190. б. Какъ французы завоевали себѣ волю и землю. Книг. Мягкова. „Народная Мысль“. М.: 1906 г.
191. Не въ моготу. Изданіе Н. Новожилова. Подъ редакціей Ф. Дѣдова, М. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина. Складъ при издательствѣ „Донская Рѣчь“.
- 191а. Некрасовъ С. а. У кого земли много и почему много. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
192. б. Кто не желаетъ дать народу ни земли, ни воли. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
193. в. Неотложныя нужды трудящагося народа. Книгоиздательство „Земля и Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
194. г. Ничего съ нами не подѣлаешь. Повѣсть изъ жизни рабочихъ. С.-Петербургъ, 1905 года.
195. Нестровъ, Гр. Библіотека спеціалиста. Систематическій указатель книгъ Москва, 1906 года.
196. Новая нагорная проповѣдь. Изданіе Н. Парамовова. С.-Петербургъ 1906 года.
197. Новомірскій. Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ. Книгоиздательство „Свободная коммуна“. Москва, 1906 года.
198. Новоторжскій, Г. Значеніе права на землю для рабочаго класса. Популярная библіотека, № 12.
199. Что такое правовое государство. С.-Петербургъ, 1906 года.
200. Новиковъ, А. Наши братья. Изданіе А. Сурагъ. № 200.
201. Враги народа. Изданіе Н. Парамовова.
202. Новый законъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
203. Носковъ. Обуховская оборона. Изданіе „Библіотека для всѣхъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
204. Нотлау, М. Взаимная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса. Книгоиздат. „Свободное соглашеніе“. С.-Петербургъ, 1903 года.
205. Николаевъ, А. А. Крестьянская библіотека № 2. Первая Государственная Дума.
206. Нитче, Фр. Антихристъ. Книгоиздательство „Прометей“. С.-Петербургъ 1907. Книга вышла въ сентябрѣ и была конфискована въ декабрѣ 1906 года.
207. Н. П. Истина о Христѣ. Типографія І. Лурье и К°. С.-Петербургъ.

208. Ньювангуисъ, Домела. Соціализмъ въ опасности. Съ предисловіемъ Э. Реклю. Выпускъ 1-й. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей А. Ванина. Книгоиздательство „Просторъ“.
209. Обнинскій, В. Полгода русской революціи. Изданіе Холчева. Москва, 1906 года.
210. Обуховъ, С. Не въ моготу. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
211. О крестьянскомъ союзѣ. № 1. „Крестьянское Дѣло“. С.-Петербургъ, 1906 года.
212. Ольминскій, М. Памяти погибшихъ. Изданіе „Впередъ“. С.-Петербургъ, 1907 года. Книга вышла въ 1906 году.
213. О налогахъ. Изданіе П. С. Р. С.-Петербургъ, 1905 года.
214. Парвусъ, а. Настоящее политическое положеніе и виды будущаго. Изданіе О. Рутенбергъ. Спб.
215. б. Россія и революція. Изданіе Н. Глаголева, С.-Петербургъ.
216. Панъ. Изъ недавняго революціоннаго движенія. С.-Петербургъ. 1907 года, (Книга вышла въ октябрѣ мѣсяцѣ 1907 года).
217. Передъ грозой. Сборникъ статей изъ газеты „Сѣверная Россія“. Москва, 1906 года.
218. Петрищевъ, А. Б. 300 лѣтъ. 1906—1906 гг. С.-Петербургъ, 1906 года.
219. Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи. Изданіе журнала „Природа и Школа“ № 2.
220. Петровичъ, Л. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Книгоиздат. „Молоть“. С.-Петербургъ.
221. Пикантный смѣхъ. Сборникъ. С.-Петербургъ.
222. Пикантный юмористическій сборникъ „Кушетка“. Текстъ Соловущки.
223. Пильскій, П. Охранный шпіонатъ. Типографія Чуйкова. С. Петербургъ.
224. Платоновъ Н. Какъ начала работать Государственная Дума. Изданія Вятскаго Товарищества. С.-Петербургъ, 1906 года. Конфискованы въ типографіи. Уцѣлѣло небольшое количество экземпляровъ.
225. Плехановъ, Г. В. а. О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. Приложение къ дневнику № 5. Редакторъ-издательница М. Малыхъ. Изданіе „Пролетаріатъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
226. б. Всероссійское разореніе. Книгоиздательство Маріи Малыхъ. Приложение къ журналу „Соколы“ № 1.
227. в. Письма о тактикѣ и безтактности. Изданіе Маріи Малыхъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
228. г. Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова. Серія: „Пролетаріатъ“. Приложение къ журналу „Соколы“ № 3. Изданіе Маріи Малыхъ. С.-Петербургъ.
229. Подъ краснымъ знаменемъ. Сборникъ 1-й и 2-й. Книгоиздательство „Искра“. Москва, 1906 года.
230. Полное собраніе рѣчей Императора Николая II. Книгоиздательство „Другъ Народа“. С.-Петербургъ, 1906 года. Книга находилась въ магазинахъ 2 недѣли, но за полнымъ отсутствіемъ спроса не продавалась и все изданіе было отобрано почти цѣликомъ.
231. Политическая стачка въ Россіи и революціонная борьба. Изд. А. Арабидзе. Спб.

232. Положеніе трудового крестьянства въ связи съ социализмомъ. Типографія Вешке.
233. Популярная Библіотека, № 12. Книгоизд. „Новое Товарищество“.
234. Постановленіе съѣздовъ крестьянскаго союза. Спб.
235. Правительство, „Дума и революція“. Е. С. Р. П. Изданіе П. К. С.-Петербургъ, 1906 г.
236. Правительственная казна и народный карманъ. (Долой косвенные налоги!) Книгоизд. „Безработица“, № 2.
237. Приговоръ сельскаго схода крестьянъ села Маркова, Московской губерніи. Книгоизд. Е. Мягкова „Колоколь“. М. 1905 г.
238. Программы русскихъ политическихъ партій. Изд. Харитоновъ. С.-Петербургъ, 1905 г.
239. Программа, принятая на 2 съѣздѣ русской соціалъ-демократической партіи. Изд. „Пролетаріатъ“, М. Малыхъ, Спб.
240. Пролетаріатъ и его конечная цѣль. Программа максималистовъ.
241. Пролетаріатъ и конечная цѣль русской революціи. Спб. 1906 г.
242. Протоколы 1-го Сѣвернаго областного съѣзда всероссійскаго крестьянскаго союза. Приложение къ № 2. журнала „Крестьянское Дѣло“, 1906 года.
243. Протоколы делегатскаго совѣщанія Всероссійскаго Крестьянскаго Союза 6-го ноября 1905 г. въ Москвѣ. Составлено подъ редакціей Центральнаго Бюро содѣйствія Всероссійскому Крестьянскому Союзу. Книгоизд. „Новое Товарищество“. М. 1906 г.
244. Прямо къ цѣли. № 1. Книгоизд. „Максималистъ“. Типогр. Муллера.
245. П. і. Якъ собираются і куди повертаються народні гроши. Видавництво „Праця“. Спб. 1906 г.
246. П. Н. Истина о Христѣ. Типогр. І. Лурье и К^о.
247. Пѣсни революціи. Сборникъ революціонныхъ пѣсень и стихотвореній Книгоизд. „Красное Знамя“. Спб. 1905 г.
248. Пѣсни революціи. ц. 15 к.
249. Пѣсни революціи. Книгоизд. „Народное Дѣло“ ц. 25 к.
250. Пѣсни свободы. Спб. 1905 г.
251. Пѣсни и стихи революціи. Солдатскій сборникъ. Книгоиздательство К. Союзова. Казань 1906 г.
252. Пьерро, М. Синдикализмъ и революція. Библіотека синдикализма. Книгоизд. „Просторъ“. Спб.
253. Рабочая борьба. Буржуазная революція и рабочее дѣло.
254. Революція 1848 года въ Вѣнѣ. Изданіе „Донской Рѣчи“. С.-Петербургъ, 1906 года.
255. Революціонныя пѣсни. Изданіе Я. Крупина. С.-Петербургъ.
256. Рожновъ, Н. Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различныхъ партій.
257. Какъ идетъ аграрное крестьянское движеніе въ Россіи. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
258. Судьбы русской революціи. Изданіе „Вѣкъ“. С.-Петербургъ, 1907 года. Вышла въ 1906 году.
259. Роль, П. Какъ происходили революціи въ Западной Европѣ. Изданіе А. Суратъ. С.-Петербургъ, 1906 года.

260. Рубакинъ, Н. А. Черносотенцы и правда о землѣ. Разсказъ земскаго доктора о черносотенскомъ погромѣ. Книгоиздательство „Паллада“.
261. Руссова, С. Въ странѣ свободнаго крестьянства (въ Норвегіи). Изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь“. С.-Петербургъ. 1906 года.
262. Рудинъ, А. Что говорятъ русскіе социаль-демократы о деревенской бѣднотѣ. Книгоиздательство Е. Мягкова „Колоколъ“. Москва, 1905 года.
263. Русскій рабочій союзъ. Книгоиздательство „Свобода“. ц. 3 коп.
264. Рязановъ, Н. 19 февраля. Книгоиздательство „Библиотека марксизма“. С.-Петербургъ, 1906 года.
265. Рюминскій, В. Духовенство и народъ. „Свободная Земля“ № 3. С.-Петербургъ. Типографія товарищества „Общественная Польза“.
266. Саблинъ, Н. Женщина-работница. Книгоиздательство „Пролетаріатъ“.
267. Савинковъ Зах. (Степанъ). Международное единеніе пролетаріата. М. 1907 г. (вышла въ декабрѣ 1906 г.).
268. Самойловъ, Б. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. С.-Петербургъ.
- 269—272. Сборники VI, VII, VIII и IX. Изданіе „Народный Трудъ“. С.-Петербургъ.
273. Сборникъ на очередныя темы. № 1. Книгоиздательство „Новая мысль“ С.-Петербургъ, 1906 г.
274. Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Подъ редакціей В. Водовозова. (съ программой партіи с.-р.). С.-Петербургъ, декабрь 1906 года.
275. Сборникъ книгоиздательства „Набатъ“ М. 1906 г.
276. Сборникъ извѣстій крестьянскихъ депутатовъ и трудовой Россіи М. 1906 г.
277. Сборникъ Индивидуалиста. Книгоизд. „Индивидъ“, М. 1907 г. Вышла и конфискована въ декабрѣ 1906 г.
278. Сборникъ статей, № 2. Книгоиздательство „Новая Мысль“. 1906 года.
279. Семеновъ, А. За землю и волю.. Книгоиздательство „Народная Воля“ С.-Петербургъ, 1906 года.
280. Сеймскій, И. Правда народная. Разсказъ. Книгоиздательство „Сила“. С.-Петербургъ, 1906 года.
281. Сіговъ. Що таке народня воля? Видавництво „Праця“.
282. Сказка о 4-хъ братьяхъ. Книгоиздательство „Народная Воля“. № 7. С.-Петербургъ, 1906 г.
283. Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
284. Слѣдуетъ-ли переселяться? Книгоиздательство „Земля и Воля“. Листокъ.
285. Смерть агитатора. Посвящается павшимъ въ борьбѣ за власть и землю для народа. С.-Петербургъ, 1906 года.
286. Смѣхъ черезъ край. Сборникъ. С.-Петербургъ.
287. Созывъ новой Государственной Думы и отдача подъ судъ правительства. Типографія Кровицкаго. С.-Петербургъ. (Листокъ).
288. Соціалиста словили. Разсказъ. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
289. Стачка лжи. Волшебная сказка. № 1. Книгоиздательство „Безработица“.
290. Степановъ, Б. Домой вернулся. Разсказъ. Книгоиздательство Е. Мягкова. „Народная Мысль“. Москва, 1906 года.

291. **Степнякъ Кравчинскій.** Тайны Россіи. Переводъ Э. Янсона. Изданіе Шу-бура.
292. **Стефановичъ, Я.** Дневникъ карійца. Книгоиздательство „Новый Мірѣ“ С.-Петербургъ, 1906 г. Конфискована въ типографіи.
293. **Струмилинъ, С.** Долой забастовщиковъ! Изданіе „Донской Рѣчи“. 1906 г.
294. **Стрѣльскій, П.** Партіи и революція 1905 года. Книгоиздательство „Молотъ“. Рабочая бібліотека подъ редакціей Парвуса. С.-Петербургъ.
295. **Сущность максимализма.** Книгоизд. Максимова. Спб. 1906 г.
296. **Та—гинъ, 2.** Отвѣтъ Виктору Чернову. С.-Петербургъ, 1906 года.
297. **Танъ. а.** Стихотворенія. 3-е исправленное изданіе, 14-ая тысяча. Изданіе Глаголева.
298. **б.** На тракту. Повѣсть изъ житія Спб. рабочихъ. Изд. Саблина, М. 1907 г. (вышла въ декабрѣ 1906 г.).
299. **Тарасовъ, Евгений.** стихи 1902—1905 г. Книгоиздательство „Новый Мірѣ“. 1906 года.
300. **Таръ, К. М.** Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90 годовъ. Изданіе 2-е исправленное. Книгоиздательство „Новый Мірѣ“.
301. **Тактические вопросы.** Выпускъ II, Всеобщая Забастовка.
302. **Текущій моментъ.** Сборникъ. Книгоиздательство „Колоколъ“. Москва 1906 года.
303. **Театральная звѣздочка.** С.-Петербургъ.
304. **Тимофеевъ, А. Г.** Смертная казнь въ эпохи революціи. Книгоиздательство „Народное Благо“. С.-Петербургъ, 1906 года. Изданіе было захвачено въ типографіи и уничтожено.
305. **Толстой, Левъ графъ. а.** Краткое изложеніе евангелія. Изданіе „Посредникъ“. и „Обновленіе“. Безъ года и мѣста печати.
306. **б.** Исповѣдь. Книгоиздательство „Народъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
307. **в.** Гдѣ выходъ? Серія сочиненій, бывшихъ подъ запретомъ въ Россіи. С.-Петербургъ, 1906 года.
308. **г.** Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. № 1. С.-Петербургъ, 1905 года.
309. **д.** Къ политическимъ дѣятелямъ. Изданіе „Всемирный Вѣстникъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
310. **е.** Христіанство и воинская повинность. № 14. Книгоиздательство „Обновленіе“. С.-Петербургъ, 1906 года.
311. **ж.** Солдатская памятка. Листовка 2-ая. Книгоиздат. „Народное Дѣло“.
312. **з.** Обращеніе къ русскимъ людямъ.
313. **и.** Собраніе сочиненій. Томъ I-й. Книгоиздательство „Обновленіе“.
314. **к.** Николай Палкинъ. 2 войны. Москва, 1906 года.
315. **л.** Не убій! Спб.
316. **Троцкій, Н.** Наша революція. Изданіе Н. Глаголева. С.-Петербургъ 1906 года.
317. **Третій сборникъ.** Изданіе „Многогочіе“. С.-Петербургъ.
318. **Федоровичъ, С.** Какъ собираютъ и на что расходуются народныя деньги. Книгоиздательство „Молотъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
319. **Фигнеръ, Вѣра.** Шлиссельбургская узница, Л. А. Волкенштейнъ. Съ портретомъ. Цѣна 10 коп. Изданіе „Молодая Россія“. Москва, 1906 года.
320. **Форъ, Себастьянъ.** Преступленія Бога. Переводъ съ французскаго В. Э. Книгоиздательство „Солидарность“. Москва, 1906 года.
321. **Фтита.** Христіанство и политика. Изданіе безцензурное. С.-Петербургъ 1905 года, ноябрь.

322. Хватить-ли земли на всѣхъ. Изданіе Н. Парамонова. С.-Петербургъ, 1906 года.
323. Хитрая механика. Книгоиздательство „Народное Дѣло“. 1906 года.
324. Хлѣбъ и воля. Статьи П. Кропоткина, В. Черкесова, Л. Бертона и др. Книгоиздательство „Священный Огонь“.
325. Христіанство и социаль-демократія. Книгоизданіе О. Рутенбергъ. С.-Петербургъ.
326. Цалить, Эд. революція и контр-революція. Изд. Злетинъ. Спб.
327. Царь-голодъ: Изд. Н. Парамонова. Спб. 1906 г.
328. Цебрикова, М. К. Письмо къ Александру III. Библіотека „Свѣточа“, № 25. Спб. 1906 г.
329. Чего ждать отъ современнаго движенія. Книгоиздательство „Свѣточъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
331. Чего требуетъ народъ отъ Государственной Думы. Книгоиздательство „Земля и Воля“. Выпускъ I-й.
332. Чего требуютъ люди, которые ходятъ съ краснымъ флагомъ. Книгоизд. „Народное Дѣло“. Спб. 1906 г.
333. Черновъ, В. а. Прошлое и настоящее. Изд. В. Распопова. Спб. 1906 г.
334. б. Конечный идеалъ социализма и повседневная борьба. Изд. В. Распопова. Спб. 1906 г.
335. Черное знамя. Книгоизд. „Священный огонь“, А. Морского.
336. Черный, Федоръ. Стихійно. (Изъ современной жизни). Книгоизд. „Прогрессъ нашей жизни“. Спб. Конфискована въ типографіи.
337. Чиновничій законъ и народное право. Спб. 1906 г.
338. Что нужно крестьянину. Книгоизд. „Народная Воля“, № 4. Спб. 1906 г.
339. Чумановъ, Н. О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи. Книгоизд. Е. Мягкова „Колоколъ“. М. 1906 г.
340. Чужой, Константинъ. Примирились. Очеркъ изъ крестьянскихъ дней. Типогр. Квасниковой въ г. Глуховѣ, Черниговской губ.
341. Чѣмъ обираютъ и закабляютъ русскій народъ. Изд. А. Лебедева. Спб. 1906 года.
342. Швецовъ, С. П. (Марусинъ). Въ ожиданіи казни. Разсказъ. № 13. Спб. 1906 года.
343. Шебуевъ, Н. Г. Сочиненія. Выпуски: 4-ый „Провокаторъ“ и 5-ый „Хвастунъ“. Изд. „Пудемета“.
344. Шишко, Л. а. С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Изъ воспоминаній и замѣтокъ. Изд. В. Распопова. Спб. 1906 года.
345. б. Разсказы изъ русской исторіи. Ч. 1-я и 2-я. Книгоизд. „Земля и Воля“ Спб. 1906 г. Тоже, изд. „Донской Рѣчи“.
346. в. Откуда произошла частная собственность на землю. „Свободная Земля“. № 2. Спб. 1906 г.
347. Шлихтеръ, А. Государственная Дума и ея роль въ освободительномъ движеніи. Книгоизд. „Эпоха“. Спб. 1906. г.
348. Щегло, В. А. О поддержкѣ лѣвыхъ. Типогр. Лյндорфа. Спб.
349. Эльснеръ, А. О. (Юлій Кэръ). Дуэль передъ судомъ общества. Спб.
350. Энъ. О реакціи и политическихъ партіяхъ буржуазіи. Ц. 10 к.
351. Эрвье, П. Разгаръ революціи. Книгоизд. „Земля“. Спб. 1906 г.
352. Эхъ, пора бы, братцы, взятыся вамъ за умы! Книгоизд. „Народное Дѣло“,

353. **Эндоръ**. Современный социализмъ. Изд. „Гранатъ“. М. 1906 г.
354. **Якобій, М.** Къ аграрному вопросу. Новыя теченія у социаль-демократовъ и старая программа у социалистовъ-революціонеровъ. Книгоизд. „Народъ и Воля“. Кіевъ.
355. **Яшновъ, Евг.** Въ каменномъ городѣ! Тип. тов. „Трудъ“, Спб. 1906 года
Конфискована въ типографіи.
356. Въ столицѣ. М. 1906 г.

С. Р. Минцловъ.

Петръ Сергѣевичъ Поливановъ въ Омскѣ.

Это было въ 1903 г. около 15—20 марта. Однажды утромъ въ конторѣ товарищъ по работѣ, мой близкій пріятель, подходитъ ко мнѣ и пониженнымъ голосомъ сообщаетъ:

— Поливановъ пріѣхалъ и сейчасъ онъ у меня.

— Какъ... когда?

— Тише, остановилъ меня пріятель,—онъ бѣжалъ.

И въ полголоса, хотя мы были одни въ комнатѣ, онъ разсказалъ мнѣ, что наканунѣ поздно вечеромъ къ нему кто то позвонился. Онъ отперъ, и передъ нимъ оказалась невысокая мужская фигура въ енотовой шубѣ и теплой шапкѣ. «Вы такой-то?»—Да, это я. «Мнѣ нужно поговорить съ вами».—Пожалуйста зайдите. Незнакомецъ раздѣлся и въ сильномъ волненіи съ нервнымъ дрожаніемъ въ голосѣ проговорилъ: «Я Поливановъ... я бѣжалъ изъ Атбасара и прямо съ поѣзда къ вамъ... мнѣ сказали, что я могу обратиться или къ К. Н. или къ вамъ,—что мнѣ дѣлать?».

Волненіе Поливанова передалось и моему пріятелю, и они долго не могли рѣшить, что дѣлать. Сначала было хотѣли привлечь къ совѣщанію еще кое-кого, но за позднимъ временемъ это было неудобно. Соображали о томъ, что пожалуй слѣдовало бы тотчасъ же съ поѣздомъ, отходящимъ ночью, отправиться дальше на западъ, но Петра Сергѣевича удержало отъ этого то обстоятельство, что у него не было паспорта, каковой онъ рассчитывалъ получить здѣсь, и необходимость измѣнить свой внѣшній видъ. Въ концѣ концовъ рѣшили, что утро вечера мудренѣе и отложили рѣшеніе на завтра. Но Поливановъ, хотя и успокоился, долго не могъ улечься спать, все ходилъ по комнатѣ и разсказывалъ, какъ онъ бѣжалъ, каково жилось въ Атбасарѣ, или переходилъ на шлиссельбургскія воспоминанія.

Утромъ пріятель отправился въ контору, а Петръ Сергѣевичъ пошелъ въ городъ за кое-какими покупками. Прежде всего ему хотѣлось сбросить свою шубу, которая могла выдать его, и вообще нѣсколько измѣнить свою внѣшность. Они условились пригласить къ вечеру кое-кого, и тогда общими силами рѣшить, что дѣлать.

Вечеромъ въ квартирѣ пріятеля собралось человѣкъ 6—7. Я какъ сейчасъ вижу смуглое, съ впалыми выбритыми щеками лицо Петра Сергѣевича съ большими, темными, нѣсколько безпокойными глазами, съ большимъ тонкимъ носомъ, съ подстриженными волосами, въ которыхъ не замѣтно было сѣдины. Въ общемъ лицо его было не

русского типа. Порывистость движеній обличала сильную нервность, онъ мало сидѣлъ, и все ходилъ по комнатѣ, не переставая говорить. Разсказывалъ онъ живо, образно и его можно было слушать безъ конца. О своемъ побѣгѣ онъ разсказалъ, сколько помнится, слѣдующее. Жизнь въ глуши атбасарской его страшно томила, и онъ чуть ли не съ перваго же дня началъ думать о томъ, какъ бы бѣжать. Онъ пользовался полной свободой, ходилъ къ обывателямъ въ гости и принималъ ихъ у себя. Одинъ изъ знакомыхъ все приглашалъ его къ себѣ на заимку, находившуюся верстахъ въ 20 отъ города. И вотъ однажды Петръ Сергѣевичъ нашелъ подводчика и уѣхалъ какъ будто бы на заимку, а на самомъ дѣлѣ на первую станцію къ Кокчетову. Тамъ, въ поселкѣ, взялъ лошадей дальше и такъ не останавливаясь до Петропавловска. На одной изъ станцій, какъ ему показалось, онъ былъ опознанъ ямщикомъ—киргизомъ. Онъ присматривался къ нему и наконецъ сказалъ: «однако ты тутъ проѣзжалъ?» но этимъ и ограничился. Наконецъ Петръ Сергѣевичъ въ Петропавловскѣ и передъ нимъ встаетъ вопросъ куда ѣхать, на востокъ, или на западъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшаетъ—на востокъ и ѣдетъ въ Омскъ. .

Теперь передъ нами стоялъ вопросъ—какъ быть?—оставаться ли П. С. въ Омскѣ, пока вся исторія уляжется, или уѣзжать тотчасъ же и куда—на востокъ или на западъ? Поливановъ предполагалъ достать у насъ паспортъ, но такового не было. Безъ паспорта ѣхать казалось ему рискованнымъ, а получить его можно было или гдѣнибудь дальше на востокѣ, или уже за Ураломъ. Прикинувъ такъ и сякъ, мы рѣшили, что самое лучшее прожить съ мѣсяцъ въ Омскѣ, а тамъ видно будетъ. Но тутъ явился вопросъ—гдѣ прожить? Не мало было такихъ, которые были готовы дать пріютъ Петру Сергѣевичу, но нужно было найти такое помѣщеніе, куда полиціи не пришлось бы и въ голову заглянуть въ случаѣ поисковъ. Въ концѣ концовъ рѣшили обратиться къ одному изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а предстоящую ночь провести здѣсь же, или въ квартирѣ другого нашего сослуживца.

Переговоры насчетъ пристанища для П. С. были поручены мнѣ, и на другой день, заручившись согласіемъ нашего знакомаго, я заѣхалъ вечеромъ за П. С. и перевезъ его на новую квартиру. Изъ предосторожности мы просили Петра Сергѣевича поменьше показываться на улицахъ, да и то только по вечерамъ, и сами избѣгали посѣщать его слишкомъ часто; но тѣмъ не менѣе каждый вечеръ насъ собиралось двое-трое послушать разсказы П. С. о шлиссельбургской жизни. Впрочемъ, тема разговоровъ была самая разнообразная и почти всегда переходила на современныя событія. Не разъ П. С. сводилъ рѣчь на фонъ-Валя и Плеве и говорилъ, что былъ бы счастливъ, если бы ему удалось уничтожить когонибудь изъ этихъ наиболѣе злостныхъ враговъ русскаго народа. Видно было, что онъ лелеялъ мечту взять на себя эту трудную задачу.

Между прочимъ, въ первый же день Петръ Сергѣевичъ купилъ себѣ дешевенькій револьверъ и тотчасъ же прицѣпилъ его себѣ на поясъ подъ пиджакъ. Какъ мы ни уговаривали его бросить револьверъ,

онъ не согласился. «Оставьте, это привычка стараго революціонера, съ этимъ товарищемъ я чувствую себя спокойнѣе». И хотя мы доказывали, что здѣсь этотъ товарищъ ему не поможетъ, а повредить можетъ, и что тамъ, въ Россіи онъ можетъ достать товарища понадежнѣе, онъ остался непреклоненъ. Признаюсь, уговаривая его бросить револьверъ, я думалъ, да и не я одинъ, а всѣ мы думали, что Поливановъ имѣетъ полное право на покой, на полный отдыхъ, что это право оплачено имъ слишкомъ дорогою цѣной 22-хъ лѣтняго заключенія. Мы думали, что необходимо было всѣми силами помѣшать ему еще разъ пойти въ бой съ ненавистнымъ ему правительствомъ, намъ показалась чудовищной одна мысль, что онъ вновь можетъ попасть въ руки этихъ палачей, продержавшихъ его почти $\frac{1}{4}$ вѣка въ каменномъ мѣшкѣ. Но мы не знали Поливанова; не знали того, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ нѣтъ жизни внѣ борьбы.

Въ то время, когда около него никого не было, П. С. писалъ свои воспоминанія, письма, чертилъ планъ шлиссельбургской тюрьмы. По словамъ своего хозяина онъ плохо спалъ по ночамъ, громко разговаривалъ, часто вскакивалъ съ постели и начиналъ ходить. Такъ прошло дней 5—6. Стало извѣстнымъ, что его хватились въ Атбасарѣ и что идутъ розыски. Посовѣтовавшись, мы рѣшили на время отвезти П. С. на одну изъ глухихъ заимокъ въ окрестностяхъ Омска. Онъ согласился на это, и мы условились, что онъ пріѣдетъ обратно на Оюминой недѣлѣ и тогда спокойно отправится за Уралъ.

Но вышло не такъ, какъ мы предполагали, и Петръ Сергѣевичъ, соскучившись на безлюдной заимкѣ, не выдержалъ и пріѣхалъ раньше срока. Снова водворился онъ на прежнюю квартиру и теперь мы уже вплотную занялись вопросомъ какъ быть дальше. Петру Сергѣевичу очень хотѣлось имѣть паспортъ и особенно почему-то ему улыбалось положеніе отставнаго военнаго. „Военную фуражку, пальто и смѣло ѣзжай, никто и не подумаетъ“. Но насчетъ паспорта у насъ было плохо и не только военнаго въ отставкѣ, но и вообще-то никакого предложить П. С. мы не могли. Приходилось, стало быть, ѣхать безъ паспорта. Но мысль П. С. о роли военнаго въ отставкѣ намъ всѣмъ показалась весьма удачной, и мы начали хлопотать о пріобрѣтеніи военной фуражки и одежды. Фуражку достали настоящую, но насчетъ тужурки и пальто вышла заминка. Кто-то сообщилъ, что на толкучкѣ продается офицерское пальто и тужурка. Рѣшили купить. Одинъ изъ насъ отправился на рынокъ и купилъ какое-то сѣрое пальто и тужурку, но когда П. С. облекся въ нихъ и предсталъ на заключеніе лица, знающаго толкъ въ этихъ дѣлахъ, такъ тотъ съ присущей ему рѣзкостью сказалъ:—„какое-жъ это пальто, развѣ такое бываетъ офицерское,—это просто гимназическое пальто... и тужурка никуда не годится—какая это тужурка“...

Мы и сами видѣли, что что-то не ладно, а П. С. хотя и находилъ, что „ничего... можно“, но должно быть только для того, чтобы не огорчать насъ. Въ концѣ-концовъ онъ рѣшилъ не откладывать отъѣзда изъ-за костюма и ѣхать въ штатскомъ платьѣ, кажется, впрочемъ, онъ взялъ военную фуражку.

Было рѣшено, что одинъ изъ насъ отправится на вокзалъ раньше съ вещами П. С., возьметъ билетъ и займетъ мѣсто, а П. С. сядетъ прямо въ вагонъ, чтобы поменьше показываться на глаза разной публикѣ. Все это было продѣлано хорошо и П. С. благополучно отбылъ изъ Омска въ одну изъ ненастныхъ весеннихъ ночей, чуть-ли не въ первый день Пасхи.

Два-три дня мы были въ тревогѣ—какъ-то онъ проѣхалъ? Приходило въ голову, что слѣдовало его во что бы то ни стало удержать на глухихъ заимкахъ, пока все совершенно не успокоится, что лучше бы ему поѣхать на востокъ и оттуда уже съ хорошимъ паспортомъ, такъ или иначе, тѣмъ или инымъ путемъ уйти „за предѣлы досягаемости“. Но вотъ пришла открытка, извѣщавшая о благополучномъ минованіи Челябинска, а затѣмъ длинное письмо, въ которомъ П. С. рассказывалъ намъ о своемъ путешествіи. Письмо было очень хорошо написано,—живо, остроумно ¹⁾. Оказывается, П. С. въ пути познакомился съ какимъ-то инженеромъ и его женой и настолько сошелся съ ними за длинную дорогу, помнится до Златоуста, что получилъ отъ нихъ настоящее приглашеніе заѣхать къ нимъ погостить, а инженерша взяла слово съ П. С., что онъ побываетъ у нихъ.

Помнится мнѣ, что вскорѣ было получено еще письмо отъ Петра Сергѣевича, извѣщавшее, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Потомъ мы узнали, что онъ уѣхалъ за границу и искренно порадовались этому, но вслѣдъ затѣмъ были поражены присланной намъ къ-мъ-то вырѣзкой изъ французской газеты, сообщавшей о самоубійствѣ Поливанова.

Щ —въ.

¹⁾ Кажется, это письмо сохранилось.

Кн. П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ ¹⁾.

(1859—1868 гг.).

I.

Въ этой статьѣ я познакомлю читателей съ тѣми матеріалами, которые обрисовываютъ послѣдній періодъ жизни князя Долгорукова, уже въ роли эмигранта.

Благодаря тайнѣ, которой покрывались въ Россіи всѣ политическія «преступленія», бѣгство Петра Владиміровича за границу не было достояніемъ широкой молвы. Настолько мало знали о немъ въ первое время, что Долгоруковъ, за полной своей подписью, напечаталъ въ январьской книжкѣ приличнаго тогда «Русскаго Вѣстника» письмо изъ Парижа, въ которомъ знакомилъ соотечественниковъ съ первыми своими впечатлѣніями Запада, съ встрѣченными имъ выдающимися людьми.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Парижъ, Петръ Владиміровичъ побывалъ въ Туринѣ, Миланѣ, Пармѣ, Моденѣ, Болоньѣ, Флоренціи, Генуѣ, и Марсели, быстро передъ тѣмъ проѣхавъ негостепріимныя Германію и Австрію.

Въ Туринѣ онъ возобновилъ прежнее свое знакомство съ графомъ Камилломъ Кавуромъ, проведя у него цѣлый день въ живой бесѣдѣ на европейскія злобы дня. Запасшись отъ него нѣсколькими рекомендательными письмами, нашъ эмигрантъ побывалъ въ другихъ городахъ у пармскаго диктатора Фарини, Леонетто Чипріани, Марко Мингетти, министра финансовъ Романьи—маркиза Пеноли, тосканскаго министра внутреннихъ дѣлъ барона Беттино Риказоли, министра иностранныхъ дѣлъ маркиза Козимо Ридальфа, военнаго министра Кадорна, у маркиза Джано Каппони и многихъ другихъ.

Повидимому, Долгоруковъ искалъ сильныхъ связей, чтобы хоть этимъ потѣшить свое неудовлетворенное въ Россіи честолюбіе. Разумѣется, его, потомка Рюриковичей, принимали вездѣ хорошо: кто по родовитости происхожденія, кто по сочувствію къ бѣглецу изъ подъ русскаго гнета... На почвѣ поисковъ популярности у Долгорукова была даже дуэль во Флоренціи. Вотъ что онъ самъ объ этомъ раз-

¹⁾ Статья „Кн. П. В. Долгоруковъ въ Россіи“ — напечатана въ февральской книжкѣ текущаго года.

сказывалъ: «Нѣкто затѣялъ со мною ссору по случаю мнѣній моихъ объ итальянскомъ вопросѣ. Вы знаете, что я горячъ и вообще не одаренъ добродѣтелями агнца, и рѣшено было стрѣляться. Баронъ Риказоли взялъ съ меня слово, чтобы не имѣть дуэли на тосканской землѣ, и я съ моими секундантами отправился. близъ Лукки, на виллу св. Панкратія, принадлежащую княгинѣ О. Ѳ. Т. На другой день мы стрѣлялись на берегу рѣки Серкіо. Я былъ слегка раненъ въ ногу, но такъ легко, что на другой день могъ уже ходить. Въ тотъ же вечеръ мы возвратились во Флоренцію. Вѣсть о дуэли разнеслась, и народъ, находившійся у желѣзной дороги, обступилъ вагонъ, спрашивая о моемъ здоровьѣ. На другой день въ гостиницу, гдѣ я жилъ, пріѣзжали ко мнѣ не только знакомые, но и незнакомые; дамы присылали свои карточки; слѣпой старикъ Каппони велѣлъ себя везти ко мнѣ. Въ слѣдующіе дни на улицахъ меня иногда останавливали незнакомые, спрашивая о моемъ здоровьѣ. Когда я уѣзжалъ изъ Флоренціи, то кучеръ, привезшій меня на желѣзную дорогу, сказалъ находившимся тутъ, что это тотъ русскій, который имѣлъ дуэль за итальянскій вопросъ. Тогда весь народъ, тутъ находившійся, окружилъ меня, благодаря за сочувствіе къ Италиі, и желая счастливаго пути. На желѣзной дорогѣ мнѣ дали, разумѣется безъ всякой просьбы съ моей стороны, особое купѣ¹⁾».

Счастливый и довольный вѣхалъ Долгоруковъ въ Парижъ.

Тамъ онъ быстро завелъ видныя знакомства. Такъ, онъ бывалъ у Тьера, бывшаго канцлера Франціи—герцога Папье, Персиньи и т. д.

Все это способствовало очень вызывающему поведенію въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ русской камарильѣ. На этой почвѣ, въ началѣ 1860 г. у Долгорукова чуть-чуть не было двухъ дуэлей: съ совѣтникомъ посольства Дубри и флигель-адъютантомъ гр. Шуваловымъ, которыя не состоялись только благодаря поспѣшности князя въ принесеніи извиненій.

Долгоруковъ много работалъ надъ книгой, которая, по его мнѣнію, должна была открыть Европѣ глаза на ужасное состояніе его родины и тѣмъ побудить русское правительство вступить на рѣшительный путь коренныхъ реформъ. Въ апрѣлѣ 1860 г. она была выпущена въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «*La vérité sur la Russie*» par le prince Pierre Dolgoroukow.

Я не буду останавливаться на книгѣ слишкомъ долго. Правда, дѣйствительно, была высказана, хоть и не вся, съ полной откровенностью и, надо признать, не безъ публицистическихъ способностей. Долгоруковъ разбиралъ русское правосудіе и его органы, администрацію, чины, крѣпостное право, дворянство, сословія, войско, финансы, откупную систему, тайную полицію съ ея канцеляріей III Отдѣленія, цензуру, духовенство и пр. Все это было открыто настолько достаточно, чтобы европейское общество оцѣнило результаты работы Николая I и его сподвижниковъ. Лично къ Александру II Долгоруковъ отнесся въ книгѣ съ полнымъ довѣріемъ, вполне гармонизировавшимъ съ герценовскимъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!».

¹⁾ „Современная Лѣтопись“ „Русскаго Вѣстника“, т. XXV, 1860 г., 10—11.

„Императоръ Александръ Николаевичъ—писалъ Петръ Владиміровичъ— не можетъ оскорбиться нашими словами: онъ честный человѣкъ и болѣе всего желаетъ прочнаго преобразованія Россіи. Одно изъ общихъ заблужденій, наиболѣе распространенныхъ, заключается въ томъ, будто русскій царь—самодержецъ! Великое заблужденіе! Самодержецъ по праву, онъ, на дѣлѣ не пользуется обширною властію. Онъ можетъ сослать кого ему угодно, можетъ отнять у всякаго русскаго имѣніе, свободу, жизнь, можетъ рубить головы по волѣ своей прихоти, но всякій пойметъ, что Александръ Николаевичъ, Государь добрый и просвѣщенный, не пользуется дикими правами, какія имѣеть въ рукахъ. На самомъ дѣлѣ Царь только сочинитель Законовъ, иногда даже просто издатель ихъ, и не въ его власти заставить исполнять эти Законы. Если Законъ, Царемъ изданный, полезенъ интересамъ чиновной орды, или Министровъ, или царской дворни, то вы можете быть увѣрены, что онъ будетъ исполненъ съ замѣчательнымъ усердіемъ; если онъ не приноситъ никакихъ выгодъ тремъ вышеименованнымъ властямъ, то онъ будетъ исполняемъ плохо и неохотно, а если онъ наноситъ ущербъ ихъ интересамъ, то можете быть увѣрены, что законъ этотъ никогда и ни подъ какимъ видомъ исполненъ не будетъ. Но изъ этихъ трехъ властей, самая могущественная—чиновная орда, эта нравственная язва Россіи. Мнимо-послушная Государю, она, съ помощію Царской дворни, крѣпко держитъ Царя въ рукахъ, и обѣ, общими силами заставляютъ Царя плясать по своей дудкѣ. Царь царствуетъ, а чиновная орда властвуетъ! Золото—вотъ истинный самодержецъ и чиновной орды и царской дворни: ему одному они служатъ усердно и повинуются безпрекословно!“¹⁾

А вотъ реформы, введеніе которыхъ Долгоруковъ признавалъ безотлагательно необходимымъ:

- 1) Уничтоженіе всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, безъ исключенія.
- 2) Равенство всѣхъ русскихъ передъ Закономъ.
- 3) Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, съ предоставленіемъ крестьянамъ въ полное владѣніе не только усадьбы ихъ, но еще и нѣкотораго количества земли; немедленное уничтоженіе всѣхъ правъ помѣщичьихъ надъ крестьянами, всякаго оброка и всякихъ повинностей крестьянина къ помѣщику.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, состоящихъ на пашнѣ, безопаснѣе было бы предоставить крестьянамъ всю землю, которую они пользуются въ настоящее время. Въ имѣніяхъ оброчныхъ слѣдуетъ отдѣлить имъ количество земли особенно опредѣленное для каждой губерніи, и чѣмъ въ какой губерніи земля дешевле, тѣмъ большее количество ея можно отдѣлить крестьянамъ.

- 4) Каждый крѣпостный человѣкъ могъ бы платить правительству по пяти рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, съ правомъ заплатить, если пожелаеть, всю сумму разомъ. Однажды расплатившись съ правительствомъ, онъ дѣлается потомственнымъ владѣтелемъ своей усадьбы и нарѣзаннаго ему участка земли.

- 5) За каждаго крѣпостнаго человѣка правительство должно заплатить помѣщику сто рублей серебромъ.

Примѣчаніе. Жены, вдовы и дочери крѣпостныхъ людей должны быть освобождены немедленно и бесплатно.

- 6) Въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, цифра долга вычитается изъ суммы платежа помѣщикамъ, и вся земля, за помѣщи-

¹⁾ Цитирую по русскому изданію той же книги въ Парижѣ, 1861 г.

комъ оставленная, объявляется свободною отъ казеннаго долга. Помѣщичьихъ имѣній находится въ залогъ, въ кредитныхъ установленіяхъ, на сумму около 500,000,000 рублей серебромъ. Сверхъ того правительство могло бы учинить заемъ въ 200,000,000 рублей серебромъ, и могло бы выпустить на 385,000,000 рублей серебромъ *земскихъ билетовъ*, приносящихъ 3 процента: билеты эти были бы принимаемы правительствомъ, во всѣхъ платежахъ, за ихъ нарицательную цѣну, а между частными лицами пріемъ билетовъ предоставленъ былъ бы совершенно на произволъ взаимнаго соглашенія (какъ то нынѣ происходитъ съ билетами серій).

7) Правительство, въ теченіе шести или семи лѣтъ, продавало бы съ публичнаго торга: оброчныя статьи министерства государственныхъ имуществъ; казенныя фабрики, казенныя заводы, казенныя рыбныя ловли, соляныя промыслы и часть лѣсовъ казенныхъ, доколѣ вырученныя деньги не достигли-бы до суммы 350,000,000 рублей серебромъ. Продажу эту слѣдовало бы производить подъ тѣмъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы имущества, съ публичнаго торга казною продаваемыя, не моли бы быть покупаемы на монету, и ни на какіе бумажные знаки иные, какъ вышеупомянутые *земскіе билеты*, и чтобы права покупки этихъ имуществъ и владѣнія ими предоставлены были бы и всѣмъ русскимъ подданнымъ и всѣмъ иностранцамъ, безъ всякаго исключенія.

8) Казенные крестьяне могли бы продолжать платить казнѣ, въ теченіе тридцати-трехъ лѣтъ, то же самое, что платятъ нынѣ за земли, состоящія въ ихъ пользованіи, а по истеченіи тридцати трехъ лѣтъ они сдѣлались бы потомственными владѣтелями этихъ земель.

9) Необходимо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ, столь безполезное государству, столь отяготительное и столь вредное для казенныхъ крестьянъ. Слѣдуетъ даровать всему населенію сельскому, и крестьянамъ помѣщичьимъ и крестьянамъ казеннымъ, управленіе, основанное на выборномъ началѣ, но основанное дѣльнымъ и настоящимъ образомъ, а не на словахъ и не на бумагахъ лишь (какъ нынѣшнее устройство государственныхъ имуществъ).

10) Всѣ общинныя начальники должны подлежать выбору, и въ выборахъ этихъ должны принимать участіе всѣ лица, живущія въ округѣ той общины.

11) Городовое управленіе, подобно сельскому, должно быть основано на выборѣ и на началѣ всеобщаго равенства. Всѣ городскіе жители, владѣющіе имуществомъ извѣстной цѣны, должны имѣть право голоса и право выбора въ собраніяхъ городскихъ, безъ всякаго различія происхожденія.

12) Въ каждомъ уѣздѣ слѣдовало-бы созывать, каждое трехлѣтіе, *уѣздное собраніе* изъ: 1) всѣхъ лицъ, безъ различія происхожденія, владѣющихъ опредѣленнымъ количествомъ земли или имуществомъ опредѣленной цѣны въ городѣ или уѣздѣ, и 2) опредѣленнаго числа депутатовъ, избранныхъ сельскими общинами.

13) Уѣздное собраніе избирало-бы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ. Оно избирало-бы уѣзднаго предводителя, уѣзднаго исправника и *уѣздный советъ*, изъ десяти или двѣнадцати членовъ, коимъ порученъ былъ-бы постоянный надзоръ за дѣйствіями предводителя, исправника и прочихъ властей.

14) Въ каждой губерніи слѣдовало-бы созывать, каждое трехлѣтіе, *губернское собраніе*, составленное изъ: 1) всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи; 2) одной трети депутатовъ сельскихъ общинъ въ уѣздныхъ собраніяхъ (треть эта могла быть избрана въ каждомъ уѣздѣ, депутатами сельск. общ. изъ среды своей); 3) всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи.

15) Губернское собраніе избирало бы членовъ губернскаго правленія, которые, въ числѣ 25, или 30, или 35 человекъ, имѣли-бы постоянный надзоръ за управленіемъ губерніею и за дѣйствіями губернскихъ властей. Губернаторъ и вице-губернаторъ были бы назначаемы отъ правительства, какъ и нынѣ.

16) Централизацію дѣлъ слѣдуетъ значительно уменьшить, и не требовать, какъ нынѣ, всѣ дѣла въ Петербургъ для рѣшенія. Всѣ дѣла, не относящіеся до Россіи вообще, и касающіеся лишь одной губерніи, могли бы быть рѣшаемы губернскимъ правленіемъ той губерніи, и всякому губернскому собранію предоставлено было бы право предлагать правительству проекты законовъ и постановленій по части законодательной равно, какъ и по части административной. Всѣ дѣла, не относящіеся до цѣлой губерніи, но касающіеся одного изъ уѣздовъ, могли бы быть рѣшаемы уѣзднымъ совѣтомъ того уѣзда, и каждому уѣздному собранію слѣдовало-бы предоставить право рѣшать, слѣдуетъ-ли передать или нѣтъ просьбу уѣзднаго собранія на разсмотрѣніе правительства.

17) Казенныя палаты, комитетъ земскихъ повинностей, коммиссіи строительныя и дорожныя, слѣдуетъ упразднить, и управленіе всеми дѣлами, подлежащими кругу ихъ вѣдомства, сосредоточить въ губернскомъ правленіи. Тогда значительно уменьшилось-бы число чиновниковъ: это было-бы весьма выгоднымъ для дѣла и для губерніи, и составило бы значительную экономію для казны.

18) Судопроизводство должно перестать быть письменнымъ и тайнымъ, каково оно донынѣ, къ срамѣ русскаго правительства. Оно должно быть открытымъ и гласнымъ съ адвокатами и присяжными.

19) Инстанцій должно быть не болѣе трехъ: а. уѣздный судъ; б. палата гражданская или уголовная (смотря по тому, какого рода дѣло), и в. департаментъ сената. Апелляцію изъ уѣзднаго суда въ гражданскую палату слѣдовало-бы даровать лишь въ дѣлахъ, въ коихъ искъ оцѣненъ не менѣе трехъ—ста рублей, а изъ гражданской палаты въ сенатъ въ искъ не менѣе двухъ тысячъ рублей.

20) Въ Москвѣ слѣдуетъ учредить верховный кассационный судъ для всей Россіи (на подобіе французскаго кассационнаго суда), составивъ его изъ пожизненныхъ членовъ, сенаторовъ, выбранныхъ товарищами своими, сенаторами.

21) Званіе сенатора слѣдуетъ объявить пожизненнымъ; предоставить каждому сенатору, ежегодно, выборъ города и департамента, въ коемъ онъ желаетъ присутствовать, и чтобы не увеличивать черезъ мѣру число сенаторовъ, имѣть въ сенатѣ (какъ нынѣ въ Варшавѣ), совѣтниковъ съ титуломъ: „членовъ сената“. А чтобы избавить тяжущихся жителей дальнихъ губерній отъ убыточныхъ поѣздокъ въ столицы, слѣдуетъ учредить департаменты сената въ Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Иркутскѣ.

22) Число чиновниковъ, во всѣхъ министерствахъ, слѣдуетъ уменьшить на основаніи мѣръ, нынѣ принятыхъ въ морскомъ министерствѣ ¹⁾.

23) Чины гражданскіе и табель о рангахъ слѣдуетъ уничтожить, къ

¹⁾ Эта превосходная мѣра въ морскомъ министерствѣ нынѣ допущена *сine limitъ* въ видѣ опыта государственнымъ совѣтомъ—всероссійскою богадѣльною неизлѣчимыхъ старо-дуровъ.

вѣщающему огорченію всѣхъ пройдохъ, всѣхъ глупцовъ и всѣхъ плутовъ, коими запружена русская администрація.

24) Третье отдѣленіе Собственной Канцеляріи, выкопанную Незабвеннымъ Николаемъ, слѣдуетъ уничтожить, и тайную полицію подчинить министерству внутреннихъ дѣлъ. Пора уже русскому правительству не возводить на степень государственнаго учрежденія то, что есть подлѣйшаго въ мірѣ—шпіонство!

25) Число министровъ слѣдовало-бы ограничить десятью, а именно:

Министры: 1) юстиціи; 2) внутреннихъ дѣлъ; 3) народнаго просвѣщенія; 4) иностранныхъ дѣлъ; 5) военный; 6) морской; 7) финансовъ; 8) земледѣлія и торговли; 9) путей сообщенія и публичныхъ зданій; 10) императорскаго двора.

Почтовое вѣдомство можно бы обратить въ главную дирекцію, какъ оно и было до 1823 года, а что касается до государственнаго контроля, то полувѣковъ опытъ ясно доказалъ всю бесполезность его существованія въ настоящемъ его видѣ. Необходимо учредить въ Россіи *Счетную Палату* (comptes), на подобіе французской.

26) Бюджетъ долженъ быть опубликованъ ежегодно, а на расходы императорскаго двора слѣдуетъ опредѣлять сумму, выше коей расходъ простираться-бы не могъ.

27) Православныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ слѣдуетъ правительству назначать по выбору между тремя кандидатами, представленными духовенствомъ той епархіи, и съ тѣмъ, что однажды поступивъ на епархію, іерархъ не можетъ быть удаленъ изъ оной безъ суда, развѣ въ случаѣ собственнаго желанія. Перемѣщать іерарховъ изъ одной епархіи въ другую не слѣдуетъ иначе, какъ по желанію духовенства той епархіи, въ которую они переводятся, и съ согласія перемѣщаемаго іерарха.

28) Синодъ слѣдовало-бы составить изъ митрополитовъ Новгородскаго, Кіевскаго и Московскаго, и сверхъ того изъ шести или семи пожизненныхъ членовъ, іерарховъ, по выбору изъ товарищей, прочихъ іерарховъ.

29) Оберъ-прокурору синода слѣдуетъ наблюдать лишь за тѣмъ только, чтобы синодъ не вмѣшивался въ дѣла политическія и въ дѣла мірскія, а вовсе не подобаетъ оберъ-прокурору вмѣшиваться въ дѣла духовныя.

30) Слѣдовало-бы, каждые пять, или шесть, или семь лѣтъ, съзывать въ Москвѣ Соборъ Всероссійской православной церкви, коему синодъ отдавалъ-бы отчетъ въ своемъ управленіи. Соборъ этотъ слѣдовало-бы составить изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ и депутатовъ духовенства, какъ городского, такъ и сельскаго.

31) Слѣдовало-бы упразднить семинаріи, учредить богословскіе курсы въ университетахъ и въ гимназіяхъ, и допускать къ хиротонисанію въ епископы тѣхъ, которые имѣли-бы дипломы на званіе магистра университетскаго.

32) Въ блуму духовенству слѣдовало-бы разрѣшить безбрачное состояніе для всякаго, кто пожелаетъ, и открыть доступъ въ санъ епископа блуму духовенству, безъ различія брака или безбрачія¹⁾.

¹⁾ Долгоруковъ разсказываетъ, что русскій священникъ въ Парижѣ Іосифъ Васильевъ, остроумно величаемый имъ „протопресвитеромъ III Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи“, былъ посвященъ имъ въ подготовку книги и даже получалъ отъ автора корректурныя лсты. Отъ него между прочимъ Долгоруковъ заимствовалъ мысль о необходимости разрѣшить духовенству быть при желаніи и безбрачнымъ. На исповѣди въ мартѣ 1860 г. Васильевъ благословилъ князя продолжать служить „доброму дѣлу“, какъ оны выразился. Когда жъ правительство взбеленилось

33) Въ Россіи слѣдуетъ установить полную вѣротерпимость и полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ вѣръ, кромѣ сектъ противъ-общественныхъ, коихъ даже нельзя и считать вѣроисповѣданіями, а именно, кромѣ *скопцовъ и блудовъ*. Чтоже касается до *малакановъ*, то имъ нельзя даровать полной свободы вѣроисповѣданія: необходимы нѣкоторыя ограниченія.

34) Раскольникамъ—старообрядцамъ слѣдуетъ разрѣшить, не только свободу открытаго вѣроисповѣданія, но и церковную іерархію, ими самими избираемую.

35) Гражданскія права и равенство передъ закономъ должны быть одинаковыми для всѣхъ русскихъ подданныхъ, безъ всякаго различія вѣроисповѣданій.

36) Предварительную цензуру слѣдуетъ отмѣнить, и даровать свободу книгопечатанія, съ установленіемъ строгаго закона противъ злоупотребленій книгопечатанія“.

Будучи горячимъ сторонникомъ конституціоннаго образа правленія, Долгоруковъ былъ увѣренъ въ рациональности учрежденія двухъ думъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу:

„При учрежденіи Конституціи въ Россіи, необходимо имѣть двѣ думы, составленныя обѣ изъ выборныхъ лицъ всего земства, избранныхъ *губернскими собраніями*, составленными изъ лицъ всѣхъ сословій, безъ различія происхожденія, какъ мы то предлагали въ этой книгѣ (см. выше). *Думу Земскую* слѣдовало бы составить по крайней мѣрѣ изъ пяти или шести-ста членовъ, избираемыхъ каждые три или четыре года. *Думу Боярскую* слѣдовало бы, на первое время, составить изъ двухъ сотъ пятидесяти или трехъ-ста членовъ, избранныхъ тѣми же *губернскими собраніями* на три или на четыре года. Членовъ думы Земской можно бы избирать начиная съ двадцати-пятилѣтняго возраста и не требуя отъ нихъ никакихъ вещественныхъ условій. Въ бояре же можно было бы избирать лишь начиная съ сорока-лѣтняго возраста, и только тѣхъ лицъ, которые владѣютъ имуществомъ, закономъ опредѣленнымъ. По истеченіи срока трехъ-лѣтняго или четырехъ лѣтняго, можно было бы снова приступить къ избранію бояръ на три или на четыре года. Наконецъ, впоследствии, по истеченіи шести или осми лѣтъ послѣ введенія Конституціи, когда ходъ дѣлъ и событій выставилъ бы, въ обѣихъ думахъ, на видъ и на уваженіе общественнаго мнѣнія значительное число личностей, тогда уже можно было бы приступить къ составленію думы Боярской пожизненной, отчасти по назначенію царскому, отчасти по выбору думы Земской, облакая въ званіе боярское, на всю жизнь ихъ, всѣ тѣ личности, которыя своимъ умомъ и характеромъ своимъ заслуживали бы всеобщее уваженіе. Такимъ образомъ всѣ русскія знаменитости, по всѣмъ поприщамъ безъ исключенія, могли бы на будущее время имѣть доступъ въ думу Боярскую, или по назначенію царскому, или, что гораздо болѣе лестно, по выбору думы Земской. При введеніи конституціи въ Россію, необходимо помѣстить въ эту конституцію статью о возможности пересмотра ея по общему желанію министровъ царскихъ и думы Земской, окруживъ обрядъ пересмотра нѣкоторыми формальностями, которыя не допускали бы дѣйствій поспѣшныхъ и на скорую руку. Напримѣръ, можно бы постано-

противъ книги, Васильевъ сталъ вездѣ за глаза критиковать ее и поносить, а при встрѣчѣ съ княземъ оказывалъ ему всякое вниманіе... („Листокъ“, № 7).

вить, что для приступленія къ пересмотру необходимо изъясненіе письменнаго о томъ желанія по крайней мѣрѣ ста членами думы Земской, и что перемѣны приняты быть могутъ не по большинству голосовъ, какъ прочіе законы, а лишь съ согласія трехъ четвертей голосовъ изъ числа наличныхъ членовъ думы.

Въ заключеніе скажемъ, что еще по одной *важнѣйшей* причинѣ слѣдовало бы Александру Николаевичу даровать Россіи конституцію—добровольно, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ не исторгли ее у него насильно“.

Приведеннаго достаточно, чтобы читатель зналъ главное содержаніе книги.

II.

По тогдашнимъ временамъ она была государственнымъ преступленіемъ. Правда, вину автора осложняли многія указанія на лица и факты, дѣлавшія книгу памфлетомъ по адресу російской бюрократіи, тѣсно окружавшей тронъ.

Парижскій посолъ гр. П. Д. Киселевъ сейчасъ же, вслѣдъ за появленіемъ книги въ продажѣ, вызвалъ Петра Владиміровича въ посольство, долго съ нимъ бесѣдовалъ и предложилъ ему дать письменный отвѣтъ на предложенные вопросы.

Привожу очень любопытный отвѣтъ Долгорукова въ точномъ переводѣ съ французскаго подлинника, нѣсколько отличномъ отъ напечатаннаго имъ своевременно въ «Колоколѣ».

Парижъ,
3 апрѣля 1860 г.

„Господинъ Посолъ,

„Вы меня пригласили захватъ въ посольство и предложили мнѣ три вопроса, прося дать вамъ письменный отвѣтъ для представленія правительству.

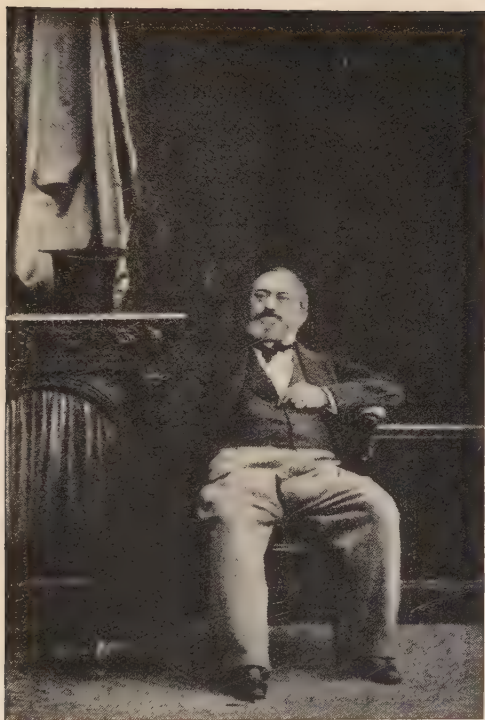
1. Согласенъ ли я взять изъ продажи книгу мою: „La vérité sur la Russie?“.

2. Согласенъ ли я оставить Парижъ?

3. Считаю ли я себя русскимъ подданнымъ?

На первые два вопроса отвѣчаю рѣшительно: нѣтъ, на третій—да.

„Я выселился въ чужіе края по истинному глубокому убѣжденію быть полезнымъ моей родинѣ своими сочиненіями. Не повторяя здѣсь уже высказаннаго въ моей книгѣ, прибавлю лишь, что безъ гласности, самая честная, самая благія намѣренія безсильны направить какую бы то ни было страну по пути прогресса. Моя эмиграція не есть результатъ минутнаго увлеченія. Въ мои лѣта такъ уже не увлекаются. Она есть развязка плана, издавна задуманнаго, занимавшаго меня въ теченіе многихъ лѣтъ и осуществленнаго съ величайшею осторожностью. Зарожденіе этого плана въ чувствѣ искренней, пламенной и безграничной привязанности моей къ родному краю, къ русскому народу, среди котораго я имѣлъ счастье родиться. Поселясь теперь въ чужихъ краяхъ, въ положеніи матеріально обезпеченномъ, я считаю долгомъ честнаго гражданина, долгомъ истиннаго русскаго писать о Россіи и говорить истину моему отечеству, безпредѣльно мною любимому.

Кн. Петръ Владиміровичъ
ДОЛГОРУКОВЪ.

„Книга моя „La vérité sur la Russie“ вовсе не направлена противъ личностей, но противъ злоупотребленій и существующаго у насъ печальнаго порядка вещей. Въ ней имя Его Величества Государя Императора Александра произнесено не только съ чувствомъ почтенія, котораго онъ заслуживаетъ, но и съ чувствомъ признательности, столь понятной относительно государя-исполненнаго благихъ намѣреній. Въ совершенно независимомъ положеніи, въ которое я поставилъ теперь себя, слова мои, конечно, не могутъ быть приняты за голосъ лести, я могу говорить все, что думаю, и выраженія почтенія и признательности—отголосокъ чувствъ человѣка свободнаго, патріота истиннаго.

„Отказаться отъ жительствова въ Парижѣ я не вижу никакой причины: напротивъ, на будущее время я буду ежегодно проводить въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

„Перемѣнить свою національность можно только по причинамъ самымъ важнымъ, особенно человѣку, любящему свое отечество, какъ я. Я считаю себя русскимъ подданнымъ, но, если бы русскому правительству пришла мысль меня преслѣдовать, то я принужденъ буду поставить себя подъ покровительство другой державы.

„На будущее время я предполагаю издать слѣдующія книги:

- 1) Россія съ 1847 по 1859 годъ.
- 2) Исторія заговора 14 декабря 1825 г.
- 3) Исторія Россіи.
- 4) Записки о Россіи, съ 1682 г. по 1834 годъ.
- 5) Біографическій и родословный словарь русскихъ фамилій.
- 6) Мои собственныя записки, начатыя въ 1834 г. (онѣ ускользнули отъ осмотра бумагъ моихъ въ III отдѣленіи въ 1843 г.) Эти записки не появятся въ свѣтъ вплоть раньше моей смерти.

„Примите господинъ посолъ изъясненіе моего почтенія

князь Петръ Долгоруковъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Долгоруковъ писалъ Киселеву еще и очень рѣзкую (уже по-русски) записку, повидимому, для передачи ее въ III Отдѣленіе, куда она въ дѣйствительности и попала.

„Князь Петръ Долгоруковъ, принявъ за правило вовсе не вмѣшиваться во французскую политику, не вмѣять никакой причины предполагать, чтобы французское правительство, столь умное и благоразумное, стало дѣлать ему непріятности. Пока онъ въ Парижѣ, онъ будетъ шадить Императора Александра и царскую фамилію, но если бы онъ встрѣтилъ во Франціи препятствія къ печатанію своихъ книгъ, то онъ переселится въ Англію, гдѣ уже находятся все его рукописи и бумаги. И тогда, переселясь въ Англію, онъ уже не будетъ шадить ни императора Александра, ни членовъ Россійскаго царскаго дома, предастъ гласности все подробности ихъ частной жизни, ихъ взаимныхъ отношеній и о всѣхъ интригахъ петербургскаго двора.

„Не совѣтую русскому правительству меня задѣвать!

„Что же касается до сволочи, составляющей въ Петербургѣ царскую дворню, пусть эта сволочь узнаетъ, что значить не допускать до государя людей умныхъ и способныхъ. Этой сволочи я задамъ не только соли, но и перцу“.

Киселевъ на другой же день писалъ (по-французски) министру иностранныхъ дѣлъ, Горчакову:

„Князь Долгоруковъ, извѣстный по своимъ прежнимъ сочиненіямъ, только что издалъ въ Парижѣ скандальную книгу съ напыщеннымъ заглавіемъ: „La vérité sur la Russie“. Она должна быть отнесена къ числу самыхъ худшихъ памфлетовъ. Авторъ нападаетъ одинаково и на людей и на поступки, и, афектированно щадя особу нашего августѣйшаго повелителя, въ то же время недостойно изливаетъ свою жолчь на всѣ акты его и прошлаго царствованія. Подъ предлогомъ исцѣлить путемъ гласности, книга разоблачаетъ всѣ слабыя стороны нашего положенія. Пока онѣ обсуждались только иностранными писателями, до тѣхъ поръ отсутствіе у нихъ основательныхъ знаній нашихъ порядковъ подрывало въ корнѣ авторитетность ихъ сужденій въ глазахъ иностранныхъ правительствъ и общества, заставляя думать, что они судятъ такъ по недоброжелательству или просто по непониманію. Подъ перомъ же русскаго автора и при томъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, эти слабыя разоблаченія получаютъ серьезное значеніе и придаютъ всей книгѣ цѣнность, которой она, безъ сомнѣнія, не имѣетъ, по которую ей придаютъ вышеупомянутыя исключительныя обстоятельства.

„Всѣ эти соображенія побуждаютъ меня послать вашему Сіятельству экземпляръ этой книги, являющейся къ тому же лишь прологомъ къ другимъ сочиненіямъ, составленнымъ въ томъ же духѣ. Своеобразные отзывы автора о разныхъ личностяхъ, находящихся въ настоящее время въ Парижѣ, заставили его вычеркнуть нѣкоторыя, но лишь послѣ того, какъ онъ чуть было не нарушилъ нѣсколькими дуэлями спокойную жизнь здѣшней русской колоніи, состоящей изъ лицъ, пріѣзжающихъ сюда лѣчиться и отдыхать, а не ссориться и безчинствовать.

„Это отступленіе было необходимо, чтобы вы поняли дальнѣйшее.

„Не имѣя, по смыслу французскихъ законовъ, никакой власти надъ писателемъ, пока онъ не затрагиваетъ французскихъ учреждений, кромѣ обращенія къ суду за диффамачію, что въ большинствѣ случаевъ только способствуетъ распространенію взглядовъ преслѣдуемаго автора, я принужденъ былъ ограничиться выраженіемъ князю Долгорукову моего личнаго мнѣнія какъ чиновника и какъ русскаго, о его памфлетѣ и его поведеніи. Вызвавъ его въ посольство, я сначала откровенно высказалъ ему, какъ мнѣ прискорбно видѣть, что русскій такъ жестоко критикуетъ порядки своей страны и еще на иностранномъ языкѣ. Затѣмъ я сказалъ ему, выразивъ строгое порицаніе по поводу личныхъ намековъ, которые онъ себѣ позволялъ, что мое официальное положеніе вмѣняетъ мнѣ въ обязанность спросить его: 1. памфренъ ли онъ изъять изъ обращенія выпущенную имъ книгу, 2. согласенъ ли онъ уѣхать изъ Парижа, гдѣ его присутствіе съ минуты на минуту можетъ вызвать всевозможныя нежелательныя инциденты и 3. не угодно ли ему заявить мнѣ, считаетъ ли онъ себя еще русскимъ подданнымъ государя императора.

„Отвѣты князя на два первые вопроса были, что онъ не можетъ изъять изъ обращенія книгу, болѣе 60 экземпляровъ которой онъ уже разослалъ своимъ друзьямъ и которая уже получила распространеніе вълѣдствіе согласія съ издателемъ, не встрѣтившимъ никакихъ затрудненій въ ея печатаніи. Что же до выѣзда изъ Парижа, то онъ предпочитаетъ жить въ немъ до черезъ нѣсколько недѣль намѣревается съѣздить въ Англію, гдѣ у него

въ надежномъ мѣстѣ хранятся самыя важныя секретныя бумаги. На третій вопросъ онъ заявилъ, что не намѣренъ отъ него отказываться, если только его къ этому не принудятъ, что почива на себѣ онъ не возьметъ и что принявъ, съ своей стороны, мѣры, не боится никакихъ шаговъ правительства.

„Такъ какъ онъ пустился въ длинныя разглашествованія о томъ, какъ одновременно готовилъ свой отъѣздъ и принималъ мѣры къ тому чтобы уѣхать изъ Россіи, уже запасшись всѣми книгами и документами, необходимыми для завершенія его политико-историческихъ трудовъ, то я прекратилъ разговоръ, прося его изложить свои отвѣты письменно. И вотъ честь имѣю представить присланное мнѣ письмо.

„Дѣлая это, я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду узнать, какъ онъ намѣренъ поступать въ дальнѣйшемъ и въ какомъ направленіи должны дѣйствовать мы сами. Заканчивая нашъ разговоръ, я объявилъ кн. Долгорукову, что жду дальнѣйшихъ приказаній отъ правительства, но, съ своей стороны, уже теперь считаю наши отношенія прерванными и что какъ первое слѣдствіе этого моего рѣшенія, я отнынѣ буду лишенъ возможности видѣть его у себя. Во время нашего разговора я старался пробудить въ немъ лучшія чувства и привести его къ болѣе здоровой и менѣе личной оцѣнкѣ нынѣшняго положенія Россіи. Онъ увѣрялъ, что дѣйствуетъ по своему глубокому убѣжденію и готовъ нести всѣ непріятныя послѣдствія. Безпристрастіе обязывало меня добавить, что онъ все время заявлялъ о своей преданности государю, передъ которымъ, по его словамъ, благоговѣть не изъ лести, какъ куртизанъ, а какъ независимый человѣкъ, и о своей преданности Россіи, которой, по его словамъ, желаетъ только учрежденій, подобныхъ существующимъ въ современной Франціи. Выраженіе этихъ чувствъ вы найдете и въ письмѣ, которое онъ мнѣ прислалъ. „Надо, говорилъ Долгоруковъ мнѣ между прочимъ,—чтобы государь узналъ правду и для того, чтобы трудъ, предпринятый мною, принесъ желанныя плоды, я долженъ былъ напечатать свою книгу на иностранномъ языкѣ передъ лицомъ Европы, которая одна только у насъ внушаетъ къ себѣ уваженіе. Гласность—единственное средство вывести насъ изъ нашего печальнаго положенія. И я ее проповѣдую и самъ подаю примѣръ. Наши социальныя условія къ тому же обязывали меня сдѣлать это за границей, такъ какъ въ Россіи я не могъ бы издать этой книги“.

„Личная обида, задѣтое самолюбіе, зависть, и желаніе мести, безъ сомнѣнія, не чужды оцѣнкамъ автора, который, желая добра своей странѣ, начинаетъ съ того, что волочить ее по грязи передъ глазами иностранцевъ. По этому поводу онъ сознался мнѣ, что обхожденіе съ нимъ въ началѣ его карьеры, тѣ щелчки и удары, которые онъ постоянно получалъ, выражая желаніе приносить пользу своей родинѣ, толкнули его на тотъ путь, которымъ онъ теперь идетъ въ интересахъ своего отечества. Когда я далъ ему понять, что его могутъ у насъ лишить по суду его гражданскихъ правъ, онъ не задумался отвѣтить, что приготовленъ къ этому и снесетъ послѣдствія, но что серьезно ему это не повредитъ потому, что онъ слишкомъ высокъ. Преслѣдованіе могло бы довести дѣло до суда и придать книгѣ еще больше значенія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Потому я воздержался отъ вмѣшательства власти, которое въ данномъ случаѣ было бы бесполезнымъ. Но если объ этомъ заговорять въ газетахъ, то я думаю обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ и просить его своимъ офиціознымъ вліяніемъ смягчить неблагоприятное для насъ впечатлѣніе. Но уже теперь долженъ сознаться, что

всѣ эти мѣры могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе, потому что на распущенную печать никакой узды не надѣнешь. Что касается личности самаго автора книги, я не считаю важнымъ, будетъ ли онъ въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ и, если говорилъ съ нимъ объ этомъ, то лишь въ виду возможныхъ столкновеній и для того, чтобы заставить его объясниться на счетъ его дальнѣйшихъ намѣреній и узнать, насколько онъ цѣнитъ свою національность“.

Легко себѣ представить то непріятное положеніе, въ которое попалъ Киселевъ. Онъ принималъ у себя Долгорукова вплоть до выпуска въ свѣтъ скандальнаго памфлета, принималъ, несмотря на его таинственное исчезновеніе изъ Россіи. Правительство это знало, и только высокое положеніе, личное и служебное, парижскаго посла гарантировало его отъ непріятныхъ внушеній изъ Петербурга.

Любопытно, что Киселевъ на крайній конецъ готовъ былъ просить министра внутреннихъ дѣлъ напечатать въ нѣсколькихъ офиціозныхъ органахъ рѣзкую критику долгоруковской книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ все безсиліе этого средства. Странно, что онъ ничего не говоритъ о рѣзкой запискѣ, которую, однако, послалъ одновременно.

16 апрѣля депеша Киселева была доложена государю и, по его приказанію, послана Горчаковымъ шефу жандармовъ кн. Василю Долгорукову, съ которымъ предстоялъ разговоръ въ первый же докладъ. 24 апрѣля Александръ II приказалъ объявить Петру Долгорукову, чтобы немедленно возвращался въ Россію. Въ тотъ же день III Отдѣленіе просило министра юстиціи распорядиться о немедленномъ наложеніи запрещенія на имѣнія князя въ Тульской и Костромской губерніяхъ, которыми управлялъ тогда родственникъ его, кн. Юрій Вас. Толстой. При этомъ министра предупредили, что при отъѣздѣ за границу Долгоруковъ оставилъ московскому банкиру Ценкеру довѣренность на продажу костромского имѣнія.

По свидѣтельству одного очевидца, еще и нынѣ живущаго и пожелавшаго остаться въ неизвѣстности, «Правда о Россіи» произвела въ Петербургѣ, при дворѣ, ужасающее впечатлѣніе. Всѣ чувствовали, что Долгоруковъ можетъ поразсказать такую правду, которая была бы въдесятеро опаснѣе всякой фантастической лжи.

Его родственники, графиня А. С. П—нина, кн. М. А. М—ерская, кн. Н. П. М—ерскій и др., поспѣшили завѣрить Дворецъ въ своемъ полномъ антагонизмѣ съ княземъ Петромъ... Министры бѣгали и справлялись о цѣлости секретныхъ государственныхъ бумагъ. Кн. Горчаковъ далъ особые наставленія по охранѣ государственнаго архива. Адлербергъ съ «Миной» крѣпко задумались...

Многихъ страшилъ конецъ записки, пересланной въ III Отдѣленіе, гдѣ говорилось о «сволочи»...

Узнавая о книгѣ жена Долгорукова, Ольга Дмитріевна, поспѣшила адресоваться къ шефу жандармовъ съ жалобнымъ французскимъ письмомъ:

„Князь, всякое русское сердце должно страдать при оскорбленіи, которое хотятъ нанести его родинѣ, и надо жалѣть того, у кого нѣтъ ни любви, ни почитанія его родины. Не мнѣ обвинять моего мужа за его послѣдній поступокъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ причинъ, чтобы я и мой ребенокъ были принесены въ жертву его блажи, что должно, между тѣмъ, непременно случиться, если правительство не поспѣшитъ вмѣшаться и если оно не предприметъ *решительныхъ* мѣръ, чтобы предотвратить потерю *последнихъ остатковъ* нашего состоянія.

„У меня *ничего* нѣтъ, князь, и, несмотря на это, въ моментъ столь тяжелаго испытанія я покойна, потому что моя святая вѣра въ божье правосудіе и въ правосудіе моего царя есть моя защита. Со времени рожденія моего ребенка я жила въ однихъ лишеніяхъ и перенесла самыя оскорбительныя клеветы и обвиненія, чтобы сохранить ему достойное его состояніе, охраняя его на каждомъ шагѣ отъ ужаснѣйшаго характера моего мужа. Если бы вы, мой князь, могли только знать все, что я вытерпѣла, вы, возвышенная и благородная душа, вы давнымъ давно сжалились бы надо мною, но признаюсь, моя гордость заставляла меня скрывать отъ *всѣхъ* болѣзненные раны моего сердца и я открывалась только моему Богу и моему государю, потому что я сохраняю святую вѣру, что они оба никогда не покинутъ ни преслѣдуемую сироту, ни его несчастную мать.

„Предполагаемымъ наслѣдникомъ моего мужа, если бы у него не было ни жены, ни ребенка, былъ бы нѣкій Юрій Толстой, человекъ, предки котораго могутъ служить подтвержденіемъ его характера, весьма мало уважительнаго и глубоко искательнаго, впрочемъ, достойно оцѣненнаго при министерствѣ двора и внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ въ самое послѣднее время посланъ моимъ мужемъ для продажи имѣній за ничтожную плату, уничтожавшую послѣдній источникъ для меня и сына.

„Находясь наканунѣ *крайней нищеты*, я прибѣгаю къ вамъ, князь, какъ къ джентельмену, какъ къ главѣ фамиліи, къ которой принадлежитъ мой сынъ, чтобы умолять васъ понять ужасъ моего положенія и чтобы вы довели об этомъ до свѣдѣнія нашего обожаемаго монарха.

„Его Величество съ его рыцарскимъ и отеческимъ сердцемъ, которыми отличается нашъ августѣйшій властитель, почувствуетъ, вѣрьте мнѣ, глубже, чѣмъ кто либо, то *ужасное* будущее, которое грозитъ намъ безъ вмѣшательства его могущественной власти. Разрѣшеніемъ моему сыну проводить со мной нѣкоторое время въ болѣе мягкомъ климатѣ его величество даетъ жизнь моему сыну, но это разрѣшеніе было бы совершенной фикціей, если я буду нуждаться въ средствахъ существованія. И я предпочитаю, если необходимость меня осудитъ на то, зарабатывать средства своимъ трудомъ на родинѣ, чѣмъ въ чужихъ странахъ.

„Вы, мой князь, вы никогда не уклонялись съ пути чести. Неправдали, вы поторопитесь довести до свѣдѣнія нашего справедливаго и милостиваго монарха факты таковыми, каковы они есть, и я остаюсь въ священной увѣренности, что въ такомъ случаѣ мое бѣдное дитя и я будемъ спасены“.

Шефъ жандармовъ ограничился очень лаконическимъ отвѣтомъ: письмо было доведено до свѣдѣнія государя, о чемъ и имѣю честь сообщить... Краткость, свидѣтельствующая о совершенномъ нежеланіи правительства путаться въ семейныя дѣла Долгоруковыхъ... Пови-

димому, Ольга Димитріевна не успокоилась на такомъ отвѣтѣ и добилась, всетаки, кое какой охраны своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, потому что потомъ Ланской извѣстилъ III Отдѣленіе о высочайшемъ повелѣніи наложить на имѣнія Долгорукова опеку, предоставивъ женѣ и сыну избрать со стороны ея опекуна.

Въ тотъ же день Долгоруковъ-жандармъ отвѣчалъ Юрію Толстому на его просьбу, заключающуюся въ задержаніи сына Петра Владиміровича, Владиміра, бывшаго кадетомъ московскаго корпуса, котораго мать, подъ видомъ болѣзни, хочетъ везти за границу безъ разрѣшенія на это со стороны отца. Шефъ жандармовъ отвѣчалъ, что такъ какъ о болѣзни кадета «было сообщено одновременно и отцу и матери, послѣ чего первый молчитъ, а вторая немедленно пріѣхала изъ Лиссабона, то высочайше повелѣно считать молодого Долгорукова отданнымъ на попеченіе матери».

Черезъ нѣсколько дней главноуправляющій III Отдѣленіемъ получилъ письмо отъ гр. Якова Толстого, въ которомъ тотъ разсказывалъ, какъ оскорбившись отзывомъ о немъ въ «La vérité sur la Russie», онъ, по совѣту своихъ друзей, послалъ къ Долгорукову двухъ посредниковъ съ письменнымъ требованіемъ удовлетворенія. Долгоруковъ не призналъ себя виновнымъ. Тогда отъ него было потребовано объясненіе, данное безъ замедленія и найденное посредниками удовлетворительнымъ. Оба документа напечатаны въ «Les Debats» 11 апрѣля и приводятся мною здѣсь въ переводѣ:

ТОЛСТОЙ—ДОЛГОРУКОВУ.

9 апрѣля 1860 г.

„Князь, въ только что въ выпущенной вами книгѣ на стр. 208 находятся фамилія и инициалъ, соответствующіе моимъ. Я прекрасно знаю, что вы не желали говорить обо мнѣ, но чтобы не вводить читателей въ досадное заблужденіе, которое могло бы возникнуть по тому поводу, что, будучи въ 1843 г. корреспондентомъ министерства народнаго просвѣщенія, я послалъ вашу книгу, въ числѣ другихъ сочиненій, касающихся Россіи, г. министру безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны, я взываю къ вашему безпристрастію и прошу довести мое письмо до всеобщаго свѣдѣнія“¹⁾.

ДОЛГОРУКОВЪ—ТОЛСТОМУ.

„Милостивый Государь,

„Я получилъ ваше письмо отъ сегодняшняго утра. Авторъ, совершенно не помѣщающій собственныхъ именъ, или отмалчивающійся инициалами, или даже первыми буквами, не называетъ въ сущности никого. Слѣдую вашему обращенію къ чувству моего безпристрастія, я слѣшу предать гласности ваше и мое письма“.

Одновременно Толстой сообщилъ, что тотчасъ же послѣ этого инцидента, его двоюродный братъ, генераль Кутузовъ-Толстой, тоже

¹⁾ Читатели первой моей статьи о Долгоруковѣ („Вѣстникъ“ 1907 г. III) помнятъ это—„безъ всякихъ комментаріевъ“. Толстой послалъ книгу Петра Владиміровича не министру просвѣщенія, а своему истинному начальству—шефу жандармовъ.

считая себя указаннымъ авторомъ памфлета на стр. 92, написалъ ему точно такое же письмо, также послалъ его съ двумя посредниками и также получилъ удовлетворившій его отвѣтъ.

III.

Объявленіе высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію необходимо было сдѣлать лично и для этого генеральный консулъ въ Лондонѣ, куда поѣхалъ Долгоруковъ, пригласилъ его къ себѣ на 12 мая. Петръ Владиміровичъ отвѣтилъ, что если консулъ имѣетъ сообщить ему что либо, то онъ проситъ его сдѣлать это 13 мая у себя въ отелѣ... Консулъ отвергъ такое приглашеніе и 12 мая сообщилъ письменно, что правительство требуетъ возвращенія князя въ Россію и ждетъ отъ него письменнаго увѣдомленія о полученіи этого предписанія. На слѣдующій день Долгоруковъ написалъ слѣдующій отвѣтъ:

Лондонъ,
13 мая 1860 г.

„Иадавая мою книгу: „La vérité sur la Russie“ и объявляя о будущемъ изданіи мною другихъ книгъ, я дѣйствовалъ по внушенію искренней любви къ отечеству, но ни одной минуты не сомнѣвался, что моя откровенность и мой либеральный образъ мыслей навлекутъ на меня ненависть всѣхъ стародуровъ, равно и всѣхъ бюрократовъ, носящихъ либеральную маску, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые живутъ злоупотребленіями или извлекаютъ изъ нихъ пользу. Ненависть подобныхъ людей приносить честь тѣмъ, которые ея удостаиваются. Но самые злѣйшіе враги мои никогда не отрицали во мнѣ нѣкоторой степени ума, и потому ясно, что человѣкъ въ мои лѣта не могъ сдѣлать такой глупости, чтобы не принять, выселяясь за границу, необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію своего существованія. Такъ я и сдѣлалъ.

„Теперь спрашиваю: какую же *логическую* цѣль русское правительство можетъ имѣть въ виду, *предписывая мнѣ возвратиться въ Россію* и еще немедленно? Предполагать, что я повинуюсь этому приказанію, значитъ считать меня дуракомъ; отвѣтомъ на это можетъ быть только громкій смѣхъ! А такъ какъ я не возвращусь, то отдадутъ ли меня подъ судъ, подъ русскій судъ, который не что иное, какъ гнусная каррикатура на правосудіе; приговорятъ ли меня къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь... Здѣсь, вопреки моей воли, не могу удержаться отъ смѣха! Пусть посмотрятъ въ моей книгѣ мнѣніе людей благоразумныхъ о правахъ состояній въ Россіи, о правахъ русскаго дворянства! Что же касается до приговора къ ссылкѣ въ Сибирь, то это для меня совершенно все равно, что если бы меня приговорили къ ссылкѣ на луну! Полагаю, что русское правительство не предастся тому понятію заблужденію, чтобы воображать себѣ, что приговоръ русскіхъ судовъ можетъ, хотя бы мало мальски, измѣнить мое общественное положеніе въ тѣхъ странахъ Европы, въ коихъ я буду имѣть пребываніе.

„Мнѣ 43 года; родился и жилъ я, подобно всѣмъ русскимъ дворянамъ, въ званіи привилегированнаго холопа, въ странѣ холопства всеобщаго. Это положеніе мнѣ опротивѣло, стало мнѣ тошно, и я рѣшился окончить дни мои въ странахъ свободныхъ, гдѣ бы на людей не взирали, какъ на барановъ,

принадлежащихъ такому или такому то семейству. Желая быть полезнымъ отечеству, я буду въ чужихъ краяхъ писать истину о Россіи и заниматься русскою исторіею. Я возвращусь въ отечество, но только тогда, когда порядокъ правленія, на законахъ основанный, заступитъ у насъ мѣсто самовластия и беззаконности. Если государь постигнетъ истинныя выгоды своей династіи, если онъ захочетъ избѣгнуть опасностей и ужасовъ революціи, то онъ внемлетъ разумнымъ желаніямъ и законнымъ требованіямъ своихъ подданныхъ и даруетъ вамъ конституцію. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ неотразимый потокъ событій увлечетъ и съ корнемъ вырветъ въ Россіи нынѣшній порядокъ вещей. Получить ли мое отечество конституцію отъ государя, или революція своимъ насильственнымъ путемъ учинитъ у насъ реформы, которыя въ настоящее время еще зависятъ отъ правительства совершить мирно и спокойно, въ обоихъ случаяхъ я возвращусь въ Россію.

„Въ нашемъ вѣкъ неоднократно видѣли, какъ политическіе эмигранты возвращались на родину, а члены правительства ихъ, долготѣ пресѣдовавшіе, обрекались на изгнаніе. Искренно желаю, чтобы домъ..., нынѣ возсѣдающій на престолѣ Всероссійскомъ, понялъ, наконецъ, гдѣ находятся его истинныя выгоды. Желаю, чтобы онъ снялъ, наконецъ, съ себя опеку царедворцевъ жадныхъ и неспособныхъ (мнимая къ нему преданность коихъ не переживетъ годовъ его могущества); желаю, чтобы онъ учредилъ въ Россіи порядокъ правленія дѣльный и прочный, даровалъ бы конституцію и черезъ то отклонилъ бы отъ себя въ будущемъ непріятную, но весьма возможную случайность промѣна Всероссійскаго престола на вѣчное изгнаніе...

Князь Петръ Долгоруковъ“.

Посланникъ призналъ это письмо столь неприличнымъ, что вернулъ его князю въ тотъ же день, доведя обо всемъ до свѣдѣнія правительства.

Долгоруковъ же рѣшилъ посмѣяться еще и надъ своимъ сородичемъ, шефомъ жандармовъ, и написалъ ему коротенькую записку:

«Почтеннѣйшій князь Василій Андреевичъ, вы требуете меня въ Россію, но мнѣ кажется, зная меня съ дѣтства, вы могли бы догадаться, что я не такъ глупъ, чтобы явиться на это востребованіе? Впрочемъ, желая доставить вамъ удовольствіе видѣть меня, посылаю вамъ при семъ мою фотографію, весьма похожую. Можете фотографію эту сослать въ Вятку или въ Нерчинскъ, по вашему выбору, а самъ я — ужъ извините — въ руки вашей полиціи не попадусь и ей меня не поймать!

Князь Петръ Долгоруковъ“.

Все это было доложено государю, отдавшему приказаніе поступить съ Петромъ Владиміровичемъ по всей строгости законовъ».

IV.

Теперь Долгоруковъ увидѣлъ себя отрѣзаннымъ отъ родины навсѣгда, и ему съ особенной остротой захотѣлось во что бы то ни

стало стать въ положеніе обличителя текущей жизни своего отечества. Лавры Герцена не давали покоя. На континентѣ не было второго «Колокола».

Очень скоро онъ вошелъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ книжной фирмы Франка—Фивегомъ и принялъ на себя редактированіе русскаго журнала «Будущность». Онъ выходилъ нерегулярно, иногда номеръ отъ номера черезъ нѣсколько дней, иногда—черезъ два мѣсяца. Размѣръ журнала тоже колебался, но въ среднемъ былъ немного меньше «Колокола». Первый номеръ вышелъ 15 сентября 1860 г. и былъ напечатанъ въ Лейпцигѣ. Въ передовой статьѣ Долгоруковъ высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Россіи, совершенно совпадавшій со сказаннымъ въ «La vérité sur la Russie». При этомъ онъ заявилъ: «мы не любимъ ни революцій, ни революціонеровъ, въ особенности тѣхъ, которые являются защитниками старыхъ злоупотребленій, защитниками отжившаго порядка вещей и врагами потребностей современныхъ». «Единственная цѣль наша—истина и въ этомъ отношеніи мы будемъ слѣдовать примѣру лондонскаго «Колокола». Политическія мнѣнія издателей «Колокола» совершенно расходятся съ нашими: они социалисты, но мы глубоко уважаемъ А. И. Герцена и Н. П. Огарева за ихъ душевное благородство, за ихъ высокую благонамѣренность и за ту истинную пользу, которую приносятъ «Колоколь», усердный обличитель всякой неправды».

Отношеніе къ русскому императору было все еще доброжелательное. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Долгоруковъ зывалъ къ нему: «Государь! Вы человѣкъ добрый и честный, вамъ лично не только никто не желаетъ малѣйшаго зла, но всѣ желаютъ вамъ добра. Но рабами оставаться мы не намѣрены! мы хотимъ быть людьми свободными, оставаясь вашими вѣрными подданными, но не холопами, какъ нынѣ. Добрый и честный государь, васъ со всѣхъ сторонъ обманываютъ и обкрадываютъ. Выйдите сами и насъ выведите изъ положенія унижительнаго, дайте русскимъ свободу гражданскую и политическую, и потомство благословитъ имя Александра II, которое тогда возсіяетъ въ исторіи выше именъ всѣхъ русскихъ государей. Дайте намъ конституцію или—по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мы сами введемъ ее въ Россіи»...

Манифестъ 19 февраля 1861 г. Долгоруковъ привѣтствовалъ горячо: «Да благословитъ Господь Богъ добраго, честнаго царя!» и т. д. «Будущность» заявляла, что

„Корень зла въ Россіи гнѣздится не въ людяхъ, а въ образѣ правленія. Какихъ людей ни назначай, при нынѣшнемъ образѣ правленія они не въ состояніи будутъ совершить ничего дѣльнаго и прочнаго. Улучшить этотъ образъ правленія, отжившій и гнилой, людямъ невозможно, а онъ, между тѣмъ, портитъ хорошихъ людей. Необходима перемѣна въ образѣ правленія въ Россіи. Два пути предстоятъ въ Россіи: одинъ мирный и блистательный; это перемѣна, совершенная самимъ Государемъ, если онъ, принявъ себѣ въ образецъ просвѣщеннѣйшихъ монарховъ Европы въ девятнадцатомъ вѣкѣ, даруетъ Россіи государственную грамоту свободы (конституцію). Другой путь—бурный, исполненный тревоженій и опасностей: если Государь не захочетъ или не сумѣетъ

спасти своей династии, не дасть грамоты государственной свободы; тогда реформа совершится въ Россіи путемъ революціоннымъ, чего, Боже, упаси! но къ чему Россія въ случаѣ упорства или ошибокъ Государя, будетъ неминуемо и неизбежно приведена логическимъ, неотразимымъ ходомъ событій. Этого именно мы желали бы избѣгнуть“.

„Девизъ нашего изданія—монархія конституціонная, основанная на слѣдующихъ началахъ:

1) Власть законодательная должна быть раздѣлена между Государемъ, думою Земскою и думою Боярскою;

2) Дума Земская должна быть составленною изъ выборныхъ людей земли русской, избранныхъ на извѣстный срокъ;

3) Дума Боярская можетъ быть составленною изъ членовъ пожизненныхъ, отчасти по назначенію Государя, отчасти по выбору думы Земской;

4) все повелѣнія и распоряженія Царскія должны быть подписаны министромъ; иначе никто не обязанъ ихъ исполнять;

5) Государь не даетъ отвѣта никому, но Министры должны отвѣчать передъ думою Земскою за всякое незаконное дѣйствіе свое и за всякую противозаконную подпись свою;

6) Дума Земская должна опредѣлять государственные доходы и получать полный и безграничный отчетъ въ государственныхъ расходахъ;

7) никакой налогъ, никакая пошлина не должны быть взимаемы безъ согласія думы Земской;

8) тѣлесныя наказанія должны быть уничтожены;

9) все русскіе должны быть равны передъ закономъ;

10) въ Россіи должна быть полная свобода вѣроисповѣданія;

11) никто не долженъ быть арестованъ безъ преданія суду, правильному и законному;

12) военнымъ судомъ должны быть судимы только военные, и въ такихъ только дѣлахъ, гдѣ нѣтъ соприкосновенныхъ лицъ не военного званія;

13) судопроизводство должно быть гласнымъ и публичнымъ съ присяжными и съ адвокатами;

14) мѣстная администрація должна быть основана на выборномъ началѣ, равномъ для всехъ русскихъ безъ исключенія;

15) предварительная цензура должна быть отмѣнена;

16) необходимы: гласность бюджета и публичность засѣданій обѣихъ думъ: Земской и Боярской“¹⁾.

По вспыхнувшему польскому вопросу Долгоруковъ высказывался тоже въ духѣ тогдашнихъ конституціоналистовъ. Русскому правительству онъ совѣтовалъ возстановить въ Польшѣ конституцію 1815 г. и немедленно даровать конституцію Россіи, а полякамъ—не требовать болѣе того, на что они имѣютъ право, не претендовать на коренныя русскія губерніи до береговъ Двины, Днѣпра и Чернаго моря, потому что, даровавъ конституцію, правительство всегда сможетъ опереться на весь народъ въ увѣренности, что каждый русскій будетъ защищать свой родной край.

„Будущность“ нельзя и сравнить съ „Колоколомъ“ по ихъ вліянію въ Россіи. Первая была почти исключительно личнымъ голосомъ

¹⁾ № 1-й.

редактора, второй—отголоскомъ либеральной русской массы. Органъ Долгорукова и не слѣдилъ такъ за текущей жизнью, какъ это дѣлалъ «Колоколъ». Въ нѣкоторыхъ номерахъ «Будущности» нѣтъ буквально строки на злобу дня, «Колоколъ» былъ полонъ ею. Не говорю уже о талантности лондонской редакціи сравнительно съ парижской. Но во всякомъ случаѣ Долгоруковъ дѣлалъ свое дѣло недурно, если принять во вниманіе центръ тяжести его журнала: очень освѣдомленный о жизни двора и бюрократическихъ верховъ, лично знавшій половину камарильи съ малыхъ лѣтъ, слыхавшій массу такихъ вещей, о которыхъ имѣли понятіе развѣ только единицы, Долгоруковъ былъ страшенъ правительству постоянными разоблаченіями всевозможныхъ интригъ и закулисныхъ дрязгъ среди выдающихся его членовъ; своими біографіями Муравьева-Вѣшателя, Тимашева, Ланского и др. Долгоруковъ вскрывалъ многое, безъ него надолго, если не навсегда оставшееся бы неизвѣстнымъ. «Будущность» пользовалась большимъ успѣхомъ въ Европѣ, всегда больше интересовавшейся русскимъ дворомъ и камарильей, чѣмъ народомъ.

Не даромъ Александръ II находилъ «Колоколъ» лучше долгоруковскихъ изданій, говоря для прикрытія истинныхъ чувствъ, что Герценъ иногда хоть что нибудь предлагаетъ дѣльное, а Долгоруковъ только бранится... ¹⁾

Лично, какъ публицистъ, Долгоруковъ не обнаружилъ выдающагося таланта. Его языкъ не обладалъ и половиной остроты и красочности Герцена, формы его были грубы и стары, но и въ этомъ отношеніи князь былъ не такъ плохъ, какъ казался нѣкоторымъ. Разумѣется, онъ всегда копировалъ Герцена, но иногда настолько хорошо, что заимствованіе нужно было простить. Кромѣ того, у него нельзя отнять серьезной исторической подготовки, позволявшей знать многое, чего не знали его современники.

Послѣдній номеръ «Будущности» вышелъ 31 декабря 1861 г. Журналъ прекратился, благодаря стараніямъ русскаго посольства. Оно вошло въ соглашеніе съ Линднеромъ и Герольдомъ, преемниками Фивега, продавашаго имъ свой магазинъ. Первый изъ нихъ скоро умеръ, а второй издалъ книгу о царствованіи Александра II, написанную по заказу чиновникомъ французскаго военнаго министерства Фурместро ¹⁾ и заявилъ Долгорукову, что прекращаетъ изданіе журнала, не желая дѣлать непріятнаго петербургскому правительству.

V.

Въ концѣ ноября 1861 г. Долгорукову пришлось испытать не мало непріятныхъ минутъ, благодаря веденному противъ него гражданскому процессу со стороны князя Воронцова. Дѣло это настолько въ свое время нашумѣло и пользовалось вниманіемъ не только Европы, но и Россіи, съ другой стороны—оно бросаетъ на честь Долгорукова

¹⁾ „Русская Старина“, 1891 г., VI. 725.

²⁾ E. Fourmestraux. Etude sur Alexandre II. Paris. 1862.

такое тяжкое обвиненіе, что его необходимо изложить здѣсь съ соотвѣтствующей полнотой.

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго изданія «La vérité sur la Russie» въ парижской газетѣ «Kourrier du Dimsnche», 29 апрѣля 1860 г., была помѣщена библіографическая замѣтка о ней за подписью А. Мишенскаго. Рецензентъ писалъ между прочимъ:

„Недавно мы имѣли намѣреніе приступить къ разбору одной книги, которая съ перваго взгляда казалась намъ очень любопытной. Содержаніе ея — родословныя біографіи аристократическихъ родовъ одной иностранной земли. Но вдругъ намъ сообщили письмо отъ автора этой книги къ одному изъ значительныхъ лицъ, родословная котораго должна была появиться въ его сочиненіи. Этимъ письмомъ категорически предлагалось заплатить автору сумму въ 50 т. рублей, за что онъ обязывается уничтожить бывшіе у него документы, дѣлавшіе, по его мнѣнію, сомнительнымъ прямое происхожденіе и родъ того лица, къ которому письмо было обращено. Это лицо, въ благородномъ негодованіи, видя въ такомъ предложеніи постыдную продѣлку, велѣло сваять фотографическіе снимки съ наглою записки автора и разослало ихъ въ тысячахъ экземпляровъ. Одинъ изъ этихъ снимковъ попалъ къ намъ въ руки и, показавъ намъ нравственное значеніе писателя, заставилъ насъ отказаться отъ задуманнаго разбора его сочиненія, которое въ нашихъ глазахъ было не что иное, какъ низкій цасквиль“.

Дальше шли похвалы «La vérité sur la Russie», которую Мишенскій находилъ все-таки заслуживающей серьезнаго вниманія.

6 мая въ той же газетѣ былъ помѣщенъ отвѣтъ Долгорукова, въ которомъ находимъ такое мѣсто:

„Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Россіи я издалъ на русскомъ языкѣ 4 тома родословныхъ. Это сочиненіе возбудило много неудовольствій и создало мнѣ многочисленныхъ враговъ. Въ числѣ лицъ, древнее родоприсхожденіе которыхъ невозможно было допустить и котораго они между тѣмъ добивались, былъ фельдмаршалъ князь Михайлъ Воронцовъ. Въ 1856 г. онъ въ послѣднюю свою бытность въ Петербургѣ не переставалъ заискивать и просить меня, чтобы въ 4 томѣ, который я готовился выдать въ свѣтъ, я сказалъ, что теперешніе Воронцовы происходятъ отъ древнихъ бояръ Воронцовыхъ (фамилія которыхъ исчезла въ концѣ XVI вѣка). Онъ утверждалъ мнѣ, что въ доказательство имѣетъ документы. Я зналъ, что это домогательство его противно истинѣ, но не могъ въ немъ прямо отказать изъ уваженія къ сѣдымъ волосамъ восьмидесятилѣтнаго старца. Поэтому всякій разъ, когда онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, я отвѣчалъ, что очень желаю бы видѣть и разобрать документы, на которые онъ ссылаясь. Послѣ того я поѣхалъ въ деревню и, рассчитывая по возвращеніи въ Петербургъ, печатать свой 4 томъ, счелъ приличнымъ, съ своей стороны въ память любезностей, оказанныхъ мнѣ фельдмаршаломъ, написать ему о скоромъ появленіи этого тома и выразить искреннее сожалѣніе, что не могу удовлетворить его желанію, такъ какъ онъ не доставилъ мнѣ случая видѣть документы“.

Далѣе Долгоруковъ излагалъ, какъ онъ былъ огорошенъ, когда въ отвѣтъ Воронцова нашелъ упоминаніе о какой то запискѣ, вложенной въ его письмо къ фельдмаршалу, въ которой говорилось о

какихъ то 50,000 рублѣхъ за исполненіе его завѣтнаго желанія. Онъ просилъ Воронцова немедленно прислать ему эту наглую записку, чтобы принять мѣры къ отысканію ея автора. Кромѣ того, вернувшись въ Петербургъ, онъ отправился къ шефу жандармовъ, просилъ доложить обо всемъ государю и ходатайствовать о назначеніи немедленнаго слѣдствія. Жандармскій начальникъ отнесся къ дѣлу довольно равнодушно, сказавъ, что Воронцовъ, какъ андреевскій кавалеръ и фельдмаршалъ, избавленъ отъ всякаго слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней Воронцовъ умираетъ. Дѣло это, казалось, предано было забвенію...

Рецензія Мишенскаго и отвѣтъ на нее Долгорукова дали поводъ сыну Воронцова начать дѣло противъ Долгорукова. Передавъ процессъ въ руки парижскаго адвоката Матье, онъ обратился въ гражданскій судъ, избѣгнувъ такимъ образомъ уголовного суда присяжныхъ. На гражданскій судъ, состоявшій изъ чиновниковъ, несомнѣнно, могъ вліять президентъ законодательнаго корпуса, Шарль Морни, женатый на княгинѣ Трубецкой, родной племянницѣ княгини М. В. Воронцовой. Долгорукова защищалъ адвокатъ Мари. Матье старался доказать, что записка о деньгахъ была написана самимъ Долгоруковымъ и въ доказательство ссылался на сходство почерковъ письма Долгорукова и анонимной записки. Мари доказывалъ невозможность такого случая и указывалъ на политическую сторону процесса: именитое, но не признанное древнимъ, родовымъ, русское дворянство мстило Долгорукову, для чего пользовалось очень некрасивыми средствами. Дѣйствительно, въ почеркахъ письма и записки было сходство, но мы уже знаемъ, напримѣръ, изъ процесса Чернышевскаго ¹⁾, какой это скользкій путь при опытности поддѣльвателя почерковъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, 3 января 1862 г., судъ призналъ Долгорукова поносителемъ чести фельдмаршала Воронцова, клеветникомъ и авторомъ анонимной записки, вслѣдствіе чего присудилъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и къ опубликованію приговора на его счетъ въ пяти повременныхъ изданіяхъ, по выбору Воронцова ²⁾.

Очень трудно взять на себя смѣлость высказать истинное и справедливое рѣшеніе о томъ, кто былъ правъ въ данномъ случаѣ. Но вотъ доводы въ пользу Долгорукова. Первый и самый, по моему, вѣскій, это—его дальнѣйшія отношенія съ Герценомъ. Еще непосредственно послѣ процесса Герценъ написалъ въ «Колоколѣ» всего лишь нѣсколько строкъ, которыя указываютъ на безусловную симпатію его

¹⁾ См. мою о немъ работу.

²⁾ Всѣ эти подробности я извлекаю изъ нѣсколькихъ источниковъ: „Процессъ кн. Воронцова противъ кн. Долгорукова. Рѣчь г. Матье, адвоката кн. Воронцова, произнесенная въ засѣданіи первой палаты гражданского суда въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. Берлинъ, 1862 г. „Журналъ Министерства Юстиціи“ 1862 г. Май: статьи Л. Блюмера въ „Свободномъ Словѣ“; Le prince P. Dolgoroukow contre le prince Worontzow. Plaidoyer de M-e Marie défenseur du prince Dolgoroukow“. Paris. 1861 г.; Procès du prince P. Dolgoroukow contre le prince Worontzow. Plaidoyers et observations de M-e Marie, défenseur du prince Dolgoroukow, devant le tribunal civil de la Seine“. Leipzig. 1862; „Procès du prince Worontzow et le Courier du Dimanche. Tribunal civil de la Seine, première instance. President: M. Benoit—Champy. Procureur Imperial M. S. Dumas. 1861—1862“. Paris. 1862,—и др.

къ Долгорукову. Вотъ онѣ: «До насъ доходятъ крики радости русской аристократической сволочи, живущей въ Парижѣ, о томъ, что, натаивши всевозможныя вліянія, имъ удалось получить какое-то безсмысленно осужденіе кн. Долгорукова. Не знаемъ, насколько прилична или неприлична эта радость—нравы передней намъ мало знакомы. Но что французскимъ юристамъ недо смѣха отъ такого приговора, въ этомъ мы увѣрены. Процессъ этотъ дѣлаетъ своего рода черту въ ихъ традиціи. *Независимые* отъ положительныхъ доказательствъ судъ рѣдко поступалъ,—въ той страны, въ которой судьи избираются изъ русской аристократической сволочи, живущей въ Россіи»... ¹⁾ Если даже объяснить эту замѣтку поспѣшностью, съ которою «Колоколь» высказался по злободневному вопросу, недостаточно въ немъ разобравшись—чего на самомъ дѣлѣ не могло быть,—то нѣтъ сомнѣнія, что если бы Александръ Ивановичъ въ послѣдствіи имѣлъ достаточно сильное убѣжденіе въ виновности Долгорукова, онъ не только не велъ бы съ нимъ пріятельскаго знакомства, но просто не подавалъ бы руки. И сдѣлалъ бы это, прибавлю, не только въ силу личной порядочности и отвращенія къ шантажистамъ, но и въ видахъ поддержанія своего достоинства передъ лондонскимъ и русскимъ обществомъ. Второй доводъ: неужели Долгоруковъ не зналъ, какого козыря даетъ Воронцову вложеніемъ грязнаго анонима въ свое письмо? Неужели онъ не понималъ, что этимъ онъ губитъ себя на всю жизнь?.. На такія вещи могъ пуститься только круглый глупецъ и негодяй да притомъ до нельзя нуждавшійся въ деньгахъ. Долгоруковъ никогда не былъ милліонеромъ, но и никогда не нуждался, обладая достаточными, особенно по тому времени, средствами. Наконецъ, третье соображеніе: вся жизнь Долгорукова говоритъ о его неровности, сумасбродствѣ, честолюбіи, горячности, невыдержанности и пр., но нѣтъ никакихъ основаній обвинять его въ подобныхъ подлостяхъ.

Вскорѣ послѣ приговора парижскаго суда имя Долгорукова фигурировало гласно въ другомъ приговорѣ, уже російскаго производства.

Въ іюлѣ 1861 г. закончилось судебное производство дѣла начатое въ чернскомъ уѣздномъ судѣ Тульской губерніи, затѣмъ переданное на ревизію тульской палаты уголовного суда, потомъ въ сенатъ и, наконецъ, въ государственный совѣтъ. Въ первой инстанціи преступленіе Долгорукова было квалифицировано, во-первыхъ, какъ неповиновеніе правительству, во-вторыхъ—оскорбленіе Величества въ возвращенномъ лондонскимъ консуломъ письмѣ. Поэтому уѣздный судъ постановилъ: лишить его всѣхъ правъ состоянія и признать вѣчнымъ изгнанникомъ изъ предѣловъ государства, а буде возвратится въ Россію—сослать въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. Палата не нашла возможнымъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ, потому что составъ второго преступленія за возвращеніемъ письма Долгорукову и отсутствіемъ копій съ него не опредѣленъ и потому постановила: лишить Петра Владиміровича княжескаго достоинства (sic !) и всѣхъ правъ

¹⁾ № 119, отъ 15 января 1862 г.

состоянія и изгнать изъ предѣловъ отечества навсегда. Тульскій губернаторъ согласился съ послѣднимъ рѣшеніемъ. Иначе посмотрѣлъ на дѣло сенатъ, состоявшій тогда (по первому отдѣленію шестого департамента) изъ генералъ-лейтенантовъ: барона Х. Х. фонъ-деръ-Ховена, И. С. Тимирязева, П. К. Мердера, В. И. Пестеля, И. Н. Хотяинцева и В. М. Самарина.

Господа сенаторы, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и опредѣленія суда и палаты, признали «излишнимъ подчинять дѣло сіе формальностямъ въ законѣ установленнымъ»... и нашли, что Долгоруковъ виновенъ во-первыхъ, въ томъ, что ослушался вызова правительства и, во-вторыхъ, въ неуваженіи требованія императорскаго консула. За первое преступленіе онъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, а за второе подлежалъ бы строгому наказанію, если бы отвѣтъ его былъ сообщенъ суду, а не возвращенъ самому обвиняемому. Государственный совѣтъ утвердилъ сенатское опредѣленіе, а государь согласился съ мнѣніемъ совѣта 5 іюля 1861 года.

Долгоруковъ узналъ объ этомъ тотчасъ же и очень рѣзко отвѣтилъ сенаторамъ, назвавъ ихъ именемъ упрямаго животнаго... Другимъ его отвѣтомъ русскому суду былъ выпускъ русскаго перевода «Правды о Россіи», напечатаннаго двумя томиками, очень портативными, въ Парижѣ.

Когда же, спустя восемь мѣсяцевъ послѣ высочайшаго утвержденія—очевидно, послѣ продолжительнаго раздумыванія, какъ поступить—приговоръ былъ опубликованъ въ русскихъ газетахъ, Петръ Владиміровичъ рѣшилъ отвѣтить правительству въ лицѣ самого Александра II.

Вотъ его отвѣдь, напечатанная одновременно по-французски и по-русски.

Государь,

„Вчера прочелъ я въ русскихъ журналахъ рѣшеніе Московскаго Сената, подтвержденное Государственнымъ Совѣтомъ, и приговаривающее меня, за отказъ возвратиться въ Россію, къ лишенію княжескаго титула и правъ состоянія, и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ отечества. Рѣшеніе это, подтвержденное В. В. 5 іюля 1861 года, то есть восемь мѣсяцевъ тому назадъ, никогда не было мнѣ объявлено, и дошло до моего свѣдѣнія черезъ послѣдніе №№ русскихъ журналовъ.

„Государь, строки эти пишу я безъ всякой желчи, безъ малѣйшаго раздраженія, и доказательство тому, что вчера вечеромъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ прочтенія мною приговора, находясь въ ежемѣсячномъ засѣданіи Французскаго Общества Политической Экономіи, гдѣ зашла рѣчь объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, я хвалилъ В. В., и воздалъ должную справедливость тѣмъ чувствомъ, которыя побудили Васъ предпринять эту благоугодную реформу.

„Вы видите, Государь, что я не дѣлаю Вамъ оппозиціи систематической, преднамѣренной, и никогда дѣлать не буду... Но будучи преданнымъ сыномъ родины моей, моя искренняя, горячая любовь къ отечеству, въ совокупности съ независимостію моего положенія, возлагаютъ на меня, по моему мнѣнію, обязанность, подъ часъ весьма тяжкую, доводить до гласности истины, подчасъ весьма непріятныя...

„Государь, приговоръ, противъ меня произнесенный, не можетъ постигнуть не только на мою честь, но даже ни на мою свободу, ни на мое вѣщественное благосостояніе. Но именно потому, что я нахожусь въ положеніи отъ Васъ независимомъ, я считаю долгомъ, Государь, для пользы Вашихъ подданныхъ, указать В. В. и на безобразіе, истинно-азіатское, съ какимъ противъ меня поступлено, и на смѣшную сторону произнесеннаго приговора.

„Выселился я изъ Россіи добровольно (Вамъ это извѣстно, Государь), съ цѣлю свободно писать и печатать, а приговоръ объявляетъ меня изгнаннымъ навсегда изъ страны, въ которую, конечно, я и безъ того никакъ бы не возвратился дотолъ, пока образъ правленія и политическое устройство не были бы совершенно преобразованы... Не внушаетъ ли смѣха подобный приговоръ?...

„Приговоръ объявляетъ меня лишеннымъ правъ состоянія. Государь, въ моей книгѣ: „Правда о Россіи“, я оцѣнилъ по достоинству права состоянія и мнимыя привиллегіи русскаго дворянства. В. В. согласитесь, что съ тѣхъ поръ какъ эти мнимыя привиллегіи были даны, ровно сто лѣтъ тому назадъ, единственная привиллегія, непоправная правительствомъ, единственная, имъ соблюдаемая, и заключалась въ томъ, что вмѣсто сѣченія публичнаго, употребляемаго для крестьянъ, дворянъ сѣкли втихомолку, въ тайной полиціи. В. В. не удивитесь, узнавъ, что я не намѣренъ возвращаться для пользованія подобною привиллегіею...

„Приговоръ объявляетъ меня лишеннымъ княжескаго достоинства. Государь, къ нашъ вѣкъ, титулъ, не сопряженный съ политическими правами, не значитъ ровно ничего, и я своимъ княжескимъ титуломъ не дорожу ни на волосъ, но отнять его у меня Вы не въ правѣ: предки мои не получили титула этого отъ Вашихъ предковъ, но пользовались имъ потому, что сами были Государями и владѣли подданными, точно такъ, какъ Вы нынѣ владѣте. Вамъ извѣстно, Государь, что предки мои были Великими Князьями, и управляли Россіею въ то время, когда предки В. В. еще не были и графами Ольденбургскими...

„Въ офиціальномъ актѣ, изданномъ правительствомъ, не должно быть ничего, кромѣ истины. Но въ моемъ приговорѣ сказано, будто В. В. повелѣли мнѣ возвратиться, имѣя въ виду неблагопріятныя свѣдѣнія о моихъ дѣйствіяхъ за границею. Вамъ извѣстно, Государь, что повелѣніе возвратиться послано было мнѣ въ слѣдъ за появленіемъ моей книги: „Правда о Россіи“. До появленія въ свѣтъ этой книги, я находился въ самыхъ лучшихъ сношеніяхъ съ посломъ В. В. въ Парижѣ. Графъ Киселевъ—человѣкъ почтенный, онъ знаетъ меня слишкомъ двадцать лѣтъ, и если-бы обо мнѣ были „неблагопріятныя свѣдѣнія“, то онъ, конечно не находился бы со мною въ такихъ хорошихъ сношеніяхъ, какія существовали между нами до самого дня появленія въ свѣтъ „Правда о Россіи“. Слова, помѣщенные въ приговорѣ—чистая ложь, а ложь, которая срамить частныхъ лицъ, позорить правительство! Государь! употребленіе клеветы слѣдуетъ предоставить тѣмъ подлецамъ, для коихъ она составляетъ орудіе мщенія политическаго или мщенія личнаго, но правительству, имѣющему во главѣ своей честнаго человѣка, подобнаго В. В., никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ этого рода продѣлкамъ.

„Приговоръ обо мнѣ составленъ былъ въ министерствѣ юстиціи, гдѣ не хотѣли объявить гласно, что я печатаю внѣ Россіи и что за это именно послано мнѣ повелѣніе возвратиться. Какая дѣтская трусость, и тупоумная и

смѣшная вѣстѣ! Изданія мои ходятъ по всей Россіи, и еще на дняхъ получилъ я изъ Иркутска письмо, въ коемъ идетъ рѣчь о нихъ.

„Въ приговорѣ сказано, что В. В., поставъ мнѣ повелѣніе возвратиться, повелѣли между тѣмъ на мое имѣніе наложить запрещеніе. Государь, для пріобрѣтенія свободы и независимости я пожертвовалъ, преднамѣренно, частью своего состоянія, и считаю себя счастливымъ, что могъ это сдѣлать: свобода, первое изъ благъ земныхъ—достойна всякихъ жертвованій, но считаю долгомъ замѣтить В. В., что секвестры и конфискаціи есть мѣры, неприличныя для правительства, имѣющаго притязаніе на уваженіе, имѣющаго притязаніе на образованность! Наложить запрещеніе на имѣніе человѣка, прежде чѣмъ знать, повинется ли онъ или нѣтъ посланному ему повелѣнію возвратиться, значить наказывать прежде совершенія проступка. Этимъ нарушаются и всякая справедливость, и всякое приличіе.

„Въ приговорѣ сказано, что Сенатъ нашелъ излишнимъ подчинить сіе дѣло формальностямъ, въ такихъ и такихъ то статьяхъ уголовныхъ законовъ установленнымъ (!!!). Государь, во всемъ томъ, что мнѣ случалось писать о русскихъ судахъ, нѣтъ ничего столь удивительнаго, столь характеристичнаго—какъ этотъ постушокъ Сената! Какъ! Присутственное мѣсто объявляетъ, что считаетъ излишнимъ соблюдать законы! Послѣ этого спрашиваю, правду или нѣтъ напечаталъ я, говоря, что въ Россіи законы издаются лишь съ цѣлію морочить Европу? Вѣдь иначе не поступили бы въ самой Азіи? Представляю общественному мнѣнію образованнаго міра произнести свой приговоръ надъ наглостію и нахальствомъ русскихъ сенаторовъ...

„Государь, имѣю честь почтительно довести до свѣдѣнія В. В., что твердо намѣренъ продолжать идти по избранному мною пути; что буду продолжать печатать истину, обличать злоупотребленія и злоупотребителей, буду заниматься русскою исторіею, и что возвращусь въ Россію тогда только, когда въ ней исчезнутъ произволъ и самодержавіе.

„Взгляните, государь, до чего самодержавіе довело Россію? Вы имѣете доброе сердце, и не властны помѣшать Вашимъ чиновникамъ и Вашимъ приближеннымъ совершать дѣла гнусныя! Вы честный человѣкъ, и не властны заштити подданныхъ своихъ отъ грабежа! Вы благородный человѣкъ, а между тѣмъ свобода совѣсти, свобода вѣроисповѣданія попираемы самымъ гнуснымъ образомъ! Вы царствуете надъ самою обширною Имперіею въ Европѣ, а казначейство Ваше пусто! Вы имѣете семьдесятъ пять милліоновъ подданныхъ и не въ силахъ вести войны, потому что у Васъ нѣтъ ни денегъ, ни правильной администраціи! Вы носите титулъ самодержца, а невластны заставить исполнять своей воли; невластны искоренять злоупотребленія! Помѣщики раззорены; торговцы раззорены; крестьяне угнетены и недовольны; всюду въ Россіи жалуются; недовольство всеобщее...

„Государь! подробный порядокъ вещей не можетъ устоять; онъ ведетъ Россію къ переворотамъ; онъ ведетъ насъ, русскихъ, къ бѣдствіямъ; онъ ведетъ Вашу династію къ паденію и къ изгнанію! Отъ Васъ зависитъ, Государь, спасти насъ и спасти себя отъ этихъ опасностей. Провозгласите уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній; провозгласите равноправіе передъ законами, свободу вѣроисповѣданія, свободу личную; уничтоженіе конфискацій и секвестровъ; созовите Земскую Думу изъ выборныхъ людей всего земства; учредите въ Россіи представительный образъ правленія; составьте сообща съ Думою Земскою мудрый Государственный Уставъ; даруйте свободу книгопечатанія, безъ

кой всѣ прочіе виды свободы останутся лишь призраками,—я Вы, Государь, сдѣлаетесь благодѣтелемъ Россіи! Что потеряете Вы? Титуль самодержца? Но титуль этотъ не представляетъ Вамъ ровно никакой существенной власти и ведетъ Васъ лишь къ тому, что повелѣніи Вашихъ не исполняютъ, что Васъ постоянно обманываютъ и постоянно обкрадываютъ! Даровавъ Конституцію, Вы приобрѣтете благословеніе и любовь своихъ подданныхъ; исторія поставитъ Васъ на ряду съ величайшими монархами, и Вы упрочите потомство свое на престолѣ всероссійскомъ.

„Прошу Ваше Императорское Величество принять изъявленіе моего глубочайшаго почтенія.

Парижъ, 6 марта (22 февраля) 1862.

Князь Петръ Долгоруковъ ¹⁾

Письмо это произвело въ Петербургѣ довольно сильное впечатлѣніе, именно благодаря тону, съ которымъ оно написано, благодаря уваженію къ особѣ государя, все еще продолжавшаго быть для Долгорукова роднымъ императоромъ... Документу этому придавали такое серьезное значеніе, что онъ не былъ сданъ, на ряду съ другими, въ архивъ, III отдѣленія, а сохраненъ въ собственномъ его величества архивѣ, гдѣ находится и понынѣ въ числѣ интереснѣйшихъ бумагъ.

Европа перепечатывала письмо и всячески его комментировала, не мало останавливаясь на дѣйствительно смѣха достойномъ лишеніи Долгорукова его княжескаго достоинства...

VI.

Съ 27 марта 1862 г. Долгоруковъ сталъ выпускать подъ своей редакціей второй журналъ—«Правдивый» («Le Véridique»), издававшийся лейпцигскимъ книгопродавцемъ Вольфгангомъ Гергардомъ. Направление «Правдиваго» то же, что и «Будущности». Впрочемъ, Долгорукову не пришлось долго работать въ этомъ изданіи: нашъ лейпцигскій генеральный консулъ, Томгаве, посѣтилъ Гергарда, возбудилъ въ немъ небезкорыстное расположеніе къ русскому правительству и получилъ согласіе на продолженіе изданія, но уже безъ Долгорукова. Послѣдній протестовалъ противъ изданія журнала безъ него, но съ тѣмъ же названіемъ; Гергардъ послѣ двухъ номеровъ уступилъ и назвалъ журналъ «Правдолюбивымъ», совершенно не измѣнивъ французскаго названія, несмотря на неоднократные протесты князя. Такимъ образомъ Петръ Владиміровичъ отвѣтственъ только за первыхъ четыре номера. Въ нихъ нѣтъ ничего выдающагося, кромѣ двухъ статей: «Письмо изъ Петербурга» въ № 2 и «Чего хотятъ константиновцы» въ № 4.

Въ августѣ 1862 г. Долгоруковъ замѣнилъ русскаго «Правдиваго» французскимъ «Le Véridique», выходившимъ книжками. Затѣмъ

¹⁾ „Правдивый“, № 1; издано и отдѣльно: „Lettre adressée à l'empereur Alexandre II. Paris. 1862 г. и Leipzig, 1862 г.

вышли еще четыре номера, но я, къ сожалѣнію, нигдѣ не могъ достать этого изданія, а потому принужденъ пройти его молчаніемъ ¹⁾).

Но Долгоруковъ не хотѣлъ оставаться безъ русскаго органа, и, зная уже по опыту, что значить быть неполнымъ хозяиномъ журнала, рѣшилъ открыть собственную типографію въ Брюсселѣ (куда онъ въ это время переѣхалъ), въ которой и сталъ печатать свой третій русскій органъ — «Листокъ», вышедшій впервые въ ноябрѣ 1862 г. Въ Брюсселѣ журналъ издавался до пятого номера включительно (январь 1863 г.), а съ шестого былъ перенесенъ въ Лондонъ, куда переселился и самъ Долгоруковъ.

Переселеніе въ Лондонъ было вынужденнымъ и о немъ стоитъ рассказать.

Переѣхавъ въ Брюссель, Долгоруковъ рѣшилъ реабилитировать себя по приговору парижскаго суда по дѣлу съ Воронцовымъ и для этого выпустилъ напечатанную въ своей типографіи брошюру «La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukow», скрывшись подъ именемъ «Русскаго» (un Russe) и обозначивъ подложно мѣсто печатанія: «Г. Смитъ, типографщикъ, № 33, Ричардстритъ въ Лондонѣ». Въ брошюрѣ онъ рассказалъ многое про Воронцовыхъ и французскіе суды вообще и не пощадилъ очень многихъ близкихъ къ Воронцовымъ и русскому правительству. Графъ Григорій Строгановъ, сынъ извѣстнаго Сергѣя Григорьевича, проѣзжая черезъ Брюссель, купилъ брошюру въ магазинѣ Классеуса. Просмотрѣвъ ее и увидѣвъ тамъ отзывъ о двоюродномъ братѣ своей жены, гр. Петрѣ Шуваловѣ, онъ увѣдомилъ его объ этомъ. Засвидѣтельствовавъ въ русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ подпись своего родственника, Шуваловъ обратился къ брюссельской прокуратурѣ съ жалобою на ложное означеніе типографщика. Дѣйствительно, по розыскамъ, въ Лондонѣ такой типографіи не оказалось. Вскорѣ удалось узнать, что брошюра напечатана въ Брюсселѣ. По мѣстнымъ законамъ, въ случаѣ неизвѣстности автора и типографщика, отвѣтчикомъ является распространитель. Привлекли къ суду Классеуса. Тотъ признался, что получилъ 150 экз. отъ Долгорукова, не подозрѣвая, однако, о подложности мѣста ея печатанія. Долгорукову грозило шестинедѣльное тюремное заключеніе. Онъ предпочелъ немедленно выѣхать въ Лондонъ, написавъ изъ Роттердама: «Я отправляюсь на жительство въ Англію. Я оставилъ Бельгію, не живу болѣе въ ней и имѣю честь препроводить вамъ при этомъ билетъ для прожитія, выданный мнѣ брюссельскимъ муниципалитетомъ».

Кстати скажу, что эта же самая брошюра создала процессъ и въ Парижѣ. Но тамошній судъ не обратилъ вниманія на подложность имени типографщика и, оправдавъ Долгорукова, уже не жившаго на французской территоріи, оштрафовалъ его слугу Дре за раздачу брошюры, направленной противъ французскаго правительства ²⁾).

¹⁾ Оглавленіе всѣхъ пяти номеровъ интересующіеся найдутъ на стр. 191 перваго приложенія къ сборникамъ „Госуд. преступленія въ Россіи“ подъ ред. В. Богучарскаго.

²⁾ „Современная Лѣтопись“ 1863 г. № 8 и № 6 „Листка“.

Въ шестомъ номерѣ «Листка», выпущенномъ уже въ Лондонѣ, Долгоруковъ не совсѣмъ вѣрно разсказалъ эту исторію и заявилъ, что его молчать не заставятъ ни подъ какимъ видомъ. И, дѣйствительно, «Листокъ» давалъ массу матеріала очень непріятнаго для русскаго двора и камарилы. Многое, какъ и въ «Будущности», увидѣло свѣтъ только благодаря Долгорукову. Самое содержаніе «Листка» стало живѣе, образность языка издателя сдѣлалась нѣсколько красочнѣе... Видно явное вліяніе Герцена, съ которымъ Долгоруковъ былъ все время въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Петръ Владиміровичъ зло обличалъ Муравьева-Вѣшателя, Тимашева, Шувалова, митрополита Исидора, своего родственника жандарма Долгорукова, предсѣдателя всевозможныхъ внѣзаконныхъ слѣдственныхъ комиссій кн. А. Ѳ. Голицина и многихъ другихъ. Онъ напоминалъ такіе факты изъ дѣятельности ихъ личной и предковъ, что почтенные сановники не знали словъ для названія титулованнаго лондонскаго публициста.

Послѣдній (22-й) номеръ «Листка» вышелъ 28 іюля 1864 года. Любопытно, что осенью 1862 г. Долгоруковъ дѣлалъ первые шаги для привлеченія главы бѣлокриницкихъ старообрядцевъ, Кирилла, къ революціонной работѣ. По словамъ Субботина, онъ написалъ ему письмо, которое Кириллъ долженъ былъ отослать для прочтенія своему архидіакону Филарету, находившемуся тогда въ Вѣнѣ. Филаретъ увѣдомилъ архіерея, что въ неразборчивомъ письмѣ князя говорится о деспотизмѣ русскаго правительства, не позволяющаго въ предѣлахъ Россіи каждому свободно слѣдовать своей религіи, угнетающемъ старообрядство и расколъ и т. д. Филаретъ не хотѣлъ отвѣтить Петру Владиміровичу отказомъ и рѣшилъ оттянуть время, написавъ князю, что преосвященный ждетъ отъ него болѣе разборчиваго посланія. Долгоруковъ написалъ сейчасъ же вторично и уже прямо Филарету. Кромѣ содержанія перваго письма, онъ прибавилъ просьбу сообщить ему возможно подробныя свѣдѣнія о притѣсненіяхъ старообрядцевъ въ Россіи, чтобы напечатать ихъ въ «Листкѣ». Филарету ничего не оставалось, какъ дать какой нибудь отвѣтъ. Онъ попробовалъ вывернуться и выразилъ свое согласіе удовлетворить просьбу князя лишь съ разрѣшенія пастырей изъ Россіи... На этомъ и кончились попытки князя Долгорукова, потомъ, какъ извѣстно, повторенныя Бакунинымъ и Кельсіевымъ ¹⁾.

VII.

Остановимся вкратцѣ на жизни Долгорукова въ Лондонѣ.

По моему мнѣнію, Кельсіевъ, очень мѣтко охарактеризовалъ роль его въ эмиграціи, сравнивъ князя съ Бонапартами при Орлеанахъ. Герценъ запечатлѣлъ то же самое въ шуточномъ прозвищѣ князя «императоръ Петръ IV-й». Дѣйствительно Долгорукову не давали

¹⁾ Заимствую эти свѣдѣнія изъ весьма тенденціозной и мѣстами клеветнической книжки Субботина: „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій“, изд. 1867 г. стр. 139—151. Въ сообщенномъ врядъ-ли много выдору.

покая ни его рюриковское происхождение, ни высокое служебное положение его недостойных сверстниковъ. Съ Герценомъ у него были въ общемъ хорошія отношенія, хотя, разумѣется, не обходилось иногда безъ рѣзкихъ ссоръ и разногласій. Долгоруковъ не понималъ социализма и органически, пожалуй, не былъ способенъ раздѣлять его принципы,—такъ глубоко сидѣло въ немъ княжество и чванство. Несмотря на это, Герценъ признавалъ, что «съ Долгоруковымъ у него общій языкъ». На замѣчаніе Самарина о возмутительности союза его съ Долгоруковымъ Александръ Ивановичъ отвѣчалъ: «тутъ нѣтъ союза, а скорѣе предлогъ, чтобы напомнить каламбуры 1845 г.»¹⁾. Это надо понимать именно такъ, что особенной близости у нихъ не было, но хорошее знакомство, несомнѣнно, существовало.

Кстати, я считаю небезынтереснымъ привести здѣсь кое-какіе рассказы г. Огаревой-Тучковой, которые дадутъ читателю понятіе о характерѣ Петра Владиміровича и помогутъ лучше уяснить себѣ эту личность.

«Онъ былъ ужасно горячъ и неводержанъ на языкъ въ минуты гнѣва, что въ послѣдствіи обходилось дорого его самолюбію; когда ему давали отпоръ на его выходки и удалялись отъ него, скучая одинъ, онъ кончалъ тѣмъ, что извинялся и желалъ только, чтобы его простили. Разъ въ воскресенье у насъ (т. е. у Герцена—*М. Л.*) обѣдало нѣсколько человѣкъ, между которыми были князь Долгоруковъ, Чернецкій и Тхоржевскій. Это было послѣ варшавскихъ происшествій. Разговорились, толковали о происшествіяхъ того времени. Вдругъ князь Д. сталъ дерзко говорить о сумасбродствѣ поляковъ и грубо кричать, по своему обыкновенію, когда онъ выходилъ изъ себя. У Герцена голосъ былъ громкій и звучный, но онъ имѣлъ привычку говорить не возвышая голоса, исключая очень хорошаго расположенія духа. Тутъ онъ не выдержалъ и гнѣвно закричалъ: «Я не позволю въ моемъ домѣ нападать на Польшу, это тѣмъ неделикатнѣе, что эта страна побѣждена и что за этимъ столомъ сидятъ поляки». Это происходило послѣ обѣда, мужчины сидѣли еще за столомъ, а я съ другими дамами перешла въ гостиную. Сама я лично ничего не слышала, я рассказываю со словъ Герцена. Черезъ нѣсколько секундъ въ гостиную вошелъ кн. Д.; онъ взялъ шляпу и трость, въ которой скрывался кинжалъ и которая всегда была при немъ, потомъ вѣжливо раскланялся и ушелъ, не подавъ мнѣ руки, что меня нѣсколько удивило. Но скорѣ пришелъ Герценъ и подробно рассказалъ ссору съ кн. Д. Послѣдній долго не ѣздилъ къ намъ, потомъ извинился передъ Тхоржевскимъ и Чернецкимъ и написалъ Герцену письмо, въ которомъ просилъ извинить его глупую выходку противъ поляковъ, и опять сталъ ѣздить къ намъ».

Сопутствовавшій часто Долгорукову въ его прогулкахъ и маленькихъ экскурсіяхъ Тхоржевскій рассказывалъ Герцену слѣдующій эпизодъ.

«Разъ они были гдѣ то у моря, взяли въ гостинницѣ комнату, встали по утру въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Къ завтраку

¹⁾ *Пассекъ*, „Изъ дальнихъ лѣтъ“, 111, 160, изд. 1889 г. и „Русь“ 1883 г. № 1.

къ несчастью, имъ подали черствого хлѣба (надо замѣтить, что англичане считаютъ черствый хлѣбъ здоровѣе и предпочитаютъ его свѣжему). Кн. Долгоруковъ страшно разсердился, вскочилъ, взялъ хлѣбъ и выбѣжавъ въ корридоръ, бросилъ его со второго этажа внизъ. Прибѣжалъ швейцаръ, сбѣжались ветеры (половой или гарсонъ). Для выдержаннаго англійскаго характера поступокъ русскаго князя былъ необъяснимъ».

Вотъ еще разсказъ.

«Долгоруковъ, Вырубовъ и еще какіе то посѣтители обѣдали у Герцена. Когда встали изъ-за стола, Долгоруковъ вышелъ изъ залы и хотѣлъ отдать какое то приказаніе нашему повару. Чтобы дойти до кухни, нужно было сойти нѣсколько ступеней. Тамъ князь остановился, услыша разговоръ, въ которомъ упоминалось его имя. Жюль (поваръ Герцена—*М. Л.*) жаловался громко на князя, говоря, что онъ доставляетъ гораздо болѣе хлопотъ прислугѣ, чѣмъ остальные гости. вмѣсто того, чтобы сдѣлать видъ, что ничего не слыхалъ, и позвать Жюля, Петръ Владиміровичъ толкнулъ дверь и, выхвативъ кинжалъ изъ трости, началъ бранить Жюля и кричать, замахиваясь на него кинжаломъ. Жюль не остался въ долгу и поднялъ руку на князя. Слыша страшный шумъ внизу и зная безпокойный нравъ князя, Герценъ позвавъ съ собою Вырубова, поспѣшно спустился въ кухню, чтобы во-время остановить разгоряченныхъ, готовыхъ вступить въ бой. Герценъ схватилъ за руки П. В. и попросилъ Вырубова держать Жюля. Князя отвели въ столовую; послѣдній былъ въ изступленіи отъ бѣшенства, схватилъ графинъ и разбилъ его въ дребезги обѣ столъ; потомъ взялъ стулъ и бросилъ его такъ, что онъ разбился на куски. Герценъ смотрѣлъ на него молча и въ недоумѣніи. Князь задыхался отъ гнѣва; наконецъ, онъ произнесъ: «Нога моя не будетъ болѣе въ этомъ домѣ»,—и уѣхалъ. Но ему невозможно было не видать Герцена, и черезъ недѣлю онъ прислалъ послѣднему письмо, въ которомъ просилъ выгнать Жюля за его дерзость къ нему. Только по исполненіи этой просьбы П. В. можетъ снова бывать у Герцена. На это посланіе Герценъ отвѣчалъ, что жалѣетъ о случившемся, но не въ его правилахъ увольнять служащаго только за дерзость, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ князя болѣе виноватымъ, чѣмъ Жюля». . . Мало по-малу князь начиналъ успокаиваться. Онъ велѣлъ своему повару, когда тотъ встрѣтитъ на рынкѣ Жюля, позвать его къ себѣ. Жюль явился. Долгоруковъ при его появленіи всталъ и, отвѣчая на поклонъ, протянулъ ему руку. «Я хочу, Жюль помириться съ вами, хотите?»—«Хочу, хочу, весело отвѣчалъ Жюль, не все же сердиться.»—«Въ такомъ случаѣ выпьемъ за наше примиреніе»—сказалъ князь, наливая два стакана вина и подавъ одинъ Жюлю. Они чокнулись и выпили. Съ тѣхъ поръ Долгоруковъ сталъ опять ѣздить къ Герцену. ¹⁾»

Кельсиевъ говоритъ, что Долгоруковъ «сизивалъ у Герцена или у него какъ то насупившись, чрезвычайно важно, съ соблюденіемъ

¹⁾ Огарева-Тучкова, „Воспоминанія“, изд. 1903 г., 164—166, 232—234.

такого достоинства, что имъ становилось неловко, ни дружескій разговоръ, ни веселый хохотъ при немъ не удавались». ¹⁾).

Судьба преслѣдовала Петра Владиміровича. Его петербургскіе враги употребляли всевозможныя средства, чтобы хоть чѣмъ нибудь скомпрометировать его въ глазахъ русскаго и западно-европейскаго общества.

Въ іюлѣ 1863 г. Долгорукову пришлось защищать себя отъ очень тяжкаго обвиненія въ составленіи тѣхъ извѣстныхъ анонимныхъ писемъ, которыя привели къ смерти великаго Пушкина. Еще и раньше великосвѣтская сплетня приписывала Петру Владиміровичу авторство этихъ грязныхъ документовъ, но она не была вынесена на судъ общества. Въ 1863 г. нѣкій Аммосовъ выпустилъ книжку— «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», написанную якобы со словъ лицейскаго товарища поэта, а потомъ его секунданта—Данзаса. Въ ней прямо говорится, что сначала анонимы приписывались кн. И. С. Гагарину (впослѣдствіи вступившему въ орденъ іезуитовъ), а теперь, де, извѣстно изъ его собственнаго признанія, что они писаны были на его бумагѣ, но не имъ, а жившимъ у него тогда кн. Долгоруковымъ. ²⁾).

«Современникъ», рецензируя книжку Аммосова, передалъ это мѣсто своими словами, усиливъ ихъ нѣкоторыми выраженіями и кста-ти выразивъ явное нерасположеніе къ публицистической дѣятельности Долгорукова ³⁾. Послѣднее было вполне понятно: послѣ ареста Чернышевскаго „Современникъ“ особенно пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отшлепать либераловъ-конституціоналистовъ, да еще такихъ, какимъ былъ Долгоруковъ. Но зачѣмъ понадобилось рецензенту оперировать съ явно ошибочными утвержденіями?—непонятно...

Долгоруковъ рѣшился протестовать и послалъ въ редакцію «Современника» слѣдующее возраженіе, которое и было напечатано въ сентябрьской книжкѣ журнала безъ предпослѣднихъ словъ, выкинутыхъ цензурой и приводимыхъ мною курсивомъ. Привожу письмо изъ № 10 «Листка»:

„М. Г. Въ іюньской книгѣ Вашего журнала прочелъ я разборъ книжки г. Аммосова: „Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина“ и увидѣлъ, что г. Аммосовъ позволяетъ себѣ обвинять меня въ составленіи подметныхъ писемъ въ ноябрѣ 1836 г., а князя И. С. Гагарина въ соучастіи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ и увѣряетъ, что Гагаринъ, будучи за границею, *признался* въ томъ.

„Это клевета и только: клевета и на Гагарина, и на меня. Гагаринъ не могъ *признаваться* въ томъ, чего никогда не бывало, и онъ никогда не говорилъ подобной вещи, потому что Гагаринъ человѣкъ честный и благородный, и лгать не будетъ. Мы съ нимъ соединены съ самаго дѣтства узами тѣснѣйшей дружбы, неоднократно бесѣдовали о катастрофѣ, подожившей столь преждевременный конецъ поприщу нашего великаго поэта, и всегда сожалѣли, что не могли узнать именъ лицъ, писавшихъ подметныя письма.

„Г. Аммосовъ говорить, что писалъ свою книжку со словъ К. К. Дан-

¹⁾ „Заря“, 1871 г. Іюнь, 5—6.

²⁾ Стр. 9—10 книги.

³⁾ Іюньская книжка 1863 г.

заса. Не могу вѣрить, чтобы г. Данзасъ обвинялъ Гагарина или меня. Я познакомился съ г. Данзасомъ въ 1840 г. черезъ три года послѣ смерти его знаменитаго друга и знакомство наше продолжалось до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 г., т. е. 19 лѣтъ. Г. Данзасъ не сталъ бы знакомиться съ убійцею Пушкина и не онъ конечно подучилъ г. Аммосова напечатать эту клевету.

„Г. Аммосову неизвѣстно, что Гагаринъ и я, послѣ смерти Пушкина, находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ людьми бывшими наиболѣе близкими къ Пушкину. Г. Аммосову неизвѣстно, что я находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ друзьями Пушкина: гр. М. Ю. Вѣльгорскимъ, гр. Гр. А. Строгановымъ, кн. А. М. Горчаковымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, П. А. Валугевымъ; съ первыми двумя до самой кончины ихъ, съ тремя послѣдними до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 г. Г. Аммосову неизвѣстно, что уже послѣ смерти Пушкина я познакомился съ его отцомъ и его роднымъ братомъ и находился въ знакомствѣ съ ними до самой смерти ихъ.

„Начальнику III отдѣленія, по officialному положенію его, лучше другихъ извѣстны общественныя тайны. Л. В. Дубельтъ, младшій сынъ коего женатъ на дочери великаго поэта, никогда не обвинялъ ни Гагарина, ни меня по дѣлу Пушкина. Когда въ 1843 г. я былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку, въ предложенныхъ мнѣ вопросныхъ пунктахъ не было ни единого намека на подметныя письма.

„Съ негодованіемъ отвергаю, какъ клевету, всякое обвиненіе, какъ меня такъ и Гагарина въ какомъ бы то ни было соучастіи въ составленіи или распространеніи подметныхъ писемъ. Гагаринъ, нынѣ находящійся въ Бейрутѣ, въ Сиріи, вѣроятно, самъ напишетъ Вамъ тоже. Но обвиненіе—и какое ужасное обвиненіе!—напечатано было въ „Современникъ“, и *долгъ чести предписываетъ русской цензурѣ разрѣшить напечатаніе этого письма моего*. Прося Васъ помѣстить его въ ближайшей книгѣ „Современника“, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Князь Петръ Доморукъ.

12—24 іюля 1863 года.

Вскорѣ послѣ появленія книги Аммосова, какой-то досужій фельетонистъ, пользуясь правомъ лаять на всѣхъ эмигрантовъ, даннымъ русской легальной печати мудрымъ министромъ народнаго просвѣщенія, Головинымъ, политичнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валугевымъ и злобствующимъ шефомъ жандармовъ, обрушился на Долгорукова въ «Голосѣ» цѣлымъ фельетономъ. Можно себѣ представить, что писалъ старавшійся угодить Краевскому шелкоперъ. Анонимный «обличитель» находилъ очень остроумной выпущенную къмъ то заграницей литографію. Она изображала поясной портретъ Петра Владиміровича; на головѣ была больничная шапочка съ ослиными ушами, увѣнчанная надписью: «50,000 рублей». Одѣтъ былъ князь въ сумасшедшую рубашку съ длинными рукавами, а на шеѣ висѣла фигура полосатаго осла... Это, видите-ли, было отвѣтомъ на призывъ князя въ «Листкѣ» основать въ Россіи орденъ полосатаго осла въ честь вступленія ея во второе тысячелѣтіе... Дальше шли только одни ругательства и громкія слова... ¹⁾.

¹⁾ „Голосъ“ 1863 г. № 195, „Всѣдневная жизнь“.

Петръ Владиміровичъ не стерпѣлъ и адресовался въ своемъ «Листкѣ» прямо къ Александру II.

„Ваше Императорское Величество.

„Въ странѣ самодержавія имѣются лишь властитель и рабы. Изъ этого жалкаго порядка вещей проистекаетъ тотъ горестный выводъ, что Государь несетъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ, нравственную отвѣтственность за всѣ поступки своего правительства.

„Въ № 30 іюля издаваемой въ Петербургѣ газеты „Голосъ“ помѣщена рѣзкая, ругательная и клеветами исполненная пасквильная статья противъ эмигрантовъ вообще и противъ меня въ особенности. Поборникъ неограниченной свободы книгопечатанія, я, еслибы свобода эта въ Россіи существовала, если-бы сочиненія мои не подвергались строгому запрещенію, не придавалъ-бы ни малѣйшаго значенія пасквильнымъ статьямъ, подобнымъ напечатанной въ „Голосѣ“, будучи вполнѣ убѣжденнымъ, что истина всегда окончательно восторжествуетъ и что клеветы всегда окончательно падутъ на тѣхъ, которые унижаются до изобрѣтенія ихъ. Но обстоятельства иные: сочиненія эмигрантовъ въ Россіи запрещены, не могутъ проникать въ Россію иначе, какъ путями окольными; лица, ихъ распространяющія и читающія, подвергаются ссылкѣ на каторгу въ рудники или даже разстрѣліанію, какъ-то доказывается примѣромъ юридически-умерщвленныхъ: Аргольдта, Сливицкаго и Ростковскаго, *убійство* коихъ совершено было въ іюнь 1862 года, по приказанію генерала Лидерса и съ согласія Вашего Величества. А вслѣдъ за тѣмъ три молодыхъ офицера, *за то лишь, что отслужили панихиду за упокой души* трехъ разстрѣлянныхъ товарищей своихъ, приговорены были Е. И. В. Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ къ изгнанію изъ арміи и заключенію въ крѣпость, и приговоръ этотъ, возмущающій человѣчество, утвержденъ Вашимъ Величествомъ въ высочайшемъ приказѣ 15 сентября 1862 года. Съ другой стороны, самыя гнуснѣйшія нападки на эмигрантовъ не только разрѣшаются Вашею цензурою, но еще къ нимъ подстрекають Ваши царедворцы и желающіе попасть въ кругъ царедворцевъ Вашихъ.

„И почему же сочиненія эмигрантовъ запрещены въ Россіи? Если-бы въ нихъ печаталась ложь, никто-бы не сталъ ихъ читать; если-бы они не соответствовали ихъ нуждамъ, то нашли бы самый ограниченный кругъ читателей; тоже самое съ ними, конечно, послѣдовало бы, если бы Ваше правительство точно пользовалось *истиннымъ чувствомъ и довѣріемъ* русскихъ. Тогда не существовало бы для Васъ ни малѣйшаго повода къ запрещенію сочиненій эмигрантовъ; никто-бы не сталъ ихъ читать. Но вовсе не то: въ сочиненіяхъ этихъ провозглашается истина, сочиненія эти соответствуютъ стремленіямъ и желаніямъ русскихъ: это именно и пугаетъ Васъ, Государь! Вы царствуете надъ семидесятью милліонами людей, и трепещете передъ нѣсколькими напечатанными листами бумаги!..

„Если-бы изданія мои были доступны русской публикѣ, въ Россіи, тогда публика эта имѣла-бы возможность оцѣнить и опредѣлить, до какой степени нападки, на меня чинимые, заслуживаютъ довѣрія, а люди, на меня напа-

дающіе, заслуживаютъ уваженія. Но дозволить ругательства и клеветы, можетъ быть даже подстрекая къ нимъ, когда сочиненія мои запрещены, это значитъ, Ваше Величество, *нарушать самыя основныя начала справедливости, добросовѣстности и чести*

Князь Петръ Долгоруковъ ¹⁾.

Фулгамъ возлѣ Лондона.

7, Parsons—Green

4—16 августа 1863.

VIII.

Въ концѣ 1864 г. Герценъ выѣхалъ изъ Лондона навсегда и поселился въ Женевѣ. За нимъ перебрался туда и Долгоруковъ. Онъ уже не велъ никакого своего органа и жилъ какъ то вдали отъ политическихъ тревоженій, хотя не порывалъ связи съ эмиграціей. Въ это время ему пришлось не мало испытать, какъ отцу и мужу. Нѣсколько бумагъ въ дѣлахъ III Отдѣленія и очень немногія, хранящіяся въ рукописномъ отдѣленія публичной библіотеки, проливаютъ на это нѣкоторый свѣтъ.

Имѣнія въ Тульской и Костромской губерніи частью подверглись сначала конфискаціи, а потомъ были обращены въ собственность сына Долгорукова—Владиміра. Какъ только ему исполнилось 17 лѣтъ, мать потребовала отъ сына своей седьмой части или закладной на одно изъ имѣній. Видя, что отецъ не получилъ отъ него за шесть лѣтъ ни одного письма, юноша счелъ необходимымъ лично повидаться съ нимъ и, увѣренный въ томъ, что не получить на это соотвѣтствующаго разрѣшенія, просто бѣжалъ въ Женеву, по подложному паспорту. Тамъ онъ пробылъ очень недолго, и прежде чѣмъ ему возвратиться, Петръ Владиміровичъ описалъ нашему швейцарскому консулу, своему родственнику Орлову, зачѣмъ пріѣзжалъ къ нему сынъ, и сообщилъ о своемъ совѣтѣ не давать матери ни доли, ни закладной, а платить ей пожизненно часть доходовъ. Сынъ явился съ этимъ письмомъ въ консульство.

Орловъ немедленно адресовался къ шефу жандармовъ съ слѣдующимъ весьма секретнымъ отношеніемъ отъ 21 февраля 1866 г.:

«Поспѣшаю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что сего числа былъ выданъ мною паспортъ для возвращенія въ Россію тайно отправившемуся за границу 17-лѣтнему сыну выходца князя Петра Долгорукова, Владиміру. Предъявитель сего паспорта отправляется отсюда въ будущую среду, 23 февраля, прямымъ путемъ, черезъ Германію, въ Петербургъ.

«При семъ честь имѣю представить В. С. подлинное письмо отца юноши, вслѣдствіе котораго сей послѣдній лично явился ко мнѣ, вполнѣ сознавъ всю важность своего противозаконнаго поступка, искренно объяснилъ мнѣ всѣ обстоятельства, побудившія его

¹⁾ „Листокъ“, № 11.

къ тайному побѣгу подъ чужимъ именемъ, и подробности путешествія черезъ Одессу, Константинополь, Грецію и Францію до Женевы. Онъ знаетъ, что подвергнется строгой отвѣтственности, зналъ даже это рѣшившись бѣжать, но твердо стоитъ на томъ, что въ этой рѣшимости не слѣдовалъ ничему внушенію и другой цѣли не имѣлъ, какъ повидаться съ отцомъ столько же по сыновному чувству, сколько по вопіющимъ семейнымъ и дѣловымъ, до состоянія его относящимся требованіямъ.

«При семъ честь имѣю равномѣрно приложить отобранные у него паспортъ, съ коимъ онъ совершилъ бѣгство и который, по показанію его, взятъ имъ съ письменнаго стола матери его, и двѣ подорожныя. Всѣ остальные подробности объяснить В. С. виновный лично, не скрывая ничего.

«О жизни и занятіяхъ отца своего онъ ничего не знаетъ и здѣсь не видѣлся ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ. Во все время пребыванія его въ Женевѣ дверь отца его оставалась закрытой для всѣхъ его обычныхъ друзей и знакомыхъ, а, такъ какъ по средамъ у него собираются къ обѣду всѣ здѣшніе выходцы наши, то онъ отправляетъ сына своего утромъ въ этотъ день, дабы не вводить его въ это общество. ¹⁾

«Юноша просилъ меня убѣдительно поручить его великодушному заступленію В. С. Зная отца его и мать, я былъ удивленъ скромности и откровенности его сужденій. Положеніе его невольно внушаетъ участіе; онъ мнѣ показался неиспорченнымъ нравственно и, по лѣтамъ его, твердо стоящимъ въ правилахъ чести и въ чувствахъ вѣрноподаннаго. Участь свою онъ съ полнымъ раскаяніемъ повергаетъ милости Государя Императора».

На оборотной сторонѣ конверта была приписка: «Пакетъ мой уже былъ закрытъ, когда молодой кн. Долгоруковъ принесъ мнѣ открытое письмо къ княгинѣ Екатеринѣ Дмитриевнѣ, ²⁾ которая проситъ меня доставить черезъ благосклонное посредство В. С.».

Шефъ жандармовъ доложилъ обо всемъ государю и, по его приказанію, сообщилъ о содержаніи письма министру внутреннихъ дѣлъ.

Повидимому, рѣшено было принять бѣглаго юношу не очень свѣрѣпо, потому что онъ пріѣхалъ благополучно въ Петербургъ и остановился въ одномъ изъ отелей. Объ этомъ какъ то узналъ московскій генераль-губернаторъ и 3 марта (1866 г.) шифрованной телеграммой увѣдомилъ шефа жандармовъ. Имѣя въ виду, что когда нибудь могутъ быть найдены цѣнныя зашифрованныя бумаги, къ которымъ изслѣдователи не нашли бы ключа, какъ это есть на данной телеграммѣ, я считаю необходимымъ познакомить здѣсь съ самымъ

¹⁾ Какъ разъ къ этому времени относится ужасное обвиненіе Долгорукова, немного позже нашедшее себѣ мѣсто въ извѣстной тогда брошюрѣ Александра Серіо-Соловьевича— „Наши домашнія дѣла“ (Вене, 1867 г.) будто Долгоруковъ „дonesъ жевневской полиціи на существованіе у одного изъ русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ типографскаго станка“ (стр. 14). Ровно ни строки нигдѣ больше. Что сдѣлалъ Петръ Владиміровичъ на самомъ дѣлѣ такъ и остается неизвѣстнымъ.

²⁾ Долгорукова, старѣйшая въ родѣ Долгоруковыхъ почетная статсъ-дама.

шифромъ. Разумѣется, ихъ было нѣсколько, но шифръ III Отдѣленія для сношеній съ Москвой, конечно, былъ не изъ послѣднихъ.

Вотъ точный текстъ депеши:

№ 22. 53 41 28 65 66 24 66 26 65 13 41 32 13 26 30 18 13
В л а д и м и р Д о л г о р у к о
53 53 66 65 49 41 53 39 34 67 34 53 49 13 35 20 28 35 34 61 34
в в и д ѣ л в Ж е н е в ѣ о т ц а т е п е
26 15 53 61 34 35 34 26 37 30 26 32 49 32 13 20 35 66 67 67 66 20
р ь в П е т е р б у р г ѣ г о с т и н н и ц
28 17 26 28 67 20 66 33 67 34 61 26 66 14 67 28 34 35 34 41 66
а Ф р а н ц и я н е п р и з н а е т е л и
67 30 39 67 27 24 28 26 34 20 35 13 53 28 35 15 34 32 13
н у ж н ы м а р е с т о в а т ь е г о.

т. е.: «Владиміръ Долгоруковъ видѣлъ въ Женевѣ отца, теперь въ Петербургѣ, гостиница Франція. Не признаете ли нужнымъ арестовать его?»

Шефъ жандармовъ отвѣтилъ, что все это знаетъ и будетъ отвѣчать почтой. ¹⁾

Сынъ Петра Владиміровича благополучно проѣхалъ въ Москву а оттуда въ Тульскую деревню. Вскорѣ онъ просилъ своего жандармствовавшего родственника переслать отцу письмо, прибавивъ, что безпокоится, не получая отъ отца ничего вотъ уже двѣ недѣли. Слѣдовательно, переписка была теперь разрѣшена. Въ юнѣ (1866 г.) Владимиръ Петровичъ жалуется шефу жандармовъ, что мать «вездѣ говоритъ Богъ знаетъ что» про него. Она просила черезъ своего довѣреннаго кн. А. И. Шаховскаго заплатить ей двѣ седьмыхъ имѣнія, около 40000 рублей, но сынъ, помня совѣтъ отца, отказался, предложивъ уплачивать ежегодно по 4 тысячи рублей. Уговорившись въ подробностяхъ, они подписали съ Шаховскимъ частное условіе. Но мать отказалась принять его. Кромѣ того, молодой князь жаловался, что бывшимъ его крѣпостнымъ крестьянамъ, а теперь сосѣдямъ, поѣхавшимъ по дѣламъ въ Москву, мать его говорила: „я вашего князя имѣю право послать работать какъ простаго мужика на шоссе и я скоро буду тамъ для расправы съ нимъ“... И указывалъ, что это подрываетъ его положеніе среди окрестнаго крестьянства. ²⁾

Долгоруковъ началъ чувствовать въ Женевѣ уже сильнѣе прежняго припадки болѣзни и очень хотѣлъ видѣть подлѣ себя сына, которому тоже необходимо было лѣченіе испорченнаго зрѣнія. Съ этою цѣлью онъ написалъ 14 февраля 1867 года довольно длинное посланіе своему родственнику-жандарму, которое я привожу въ русскомъ переводѣ.

¹⁾ Архивъ III Отдѣленія, I экспедиція, 1843 г. № 50, ч. 2.

²⁾ Объ послѣднія бумаги въ рукописномъ отдѣленіи публичной библіотеки.

„Мой кузень,

„Прошу Васъ принять выраженіе моей полнѣйшей благодарности за любезную готовность, съ какою въ отвѣтъ на мою телеграмму вы успокоили меня относительно здоровья Володи, за ваше благорасположеніе и доброе чувство къ моему сыну, за покровительство, вами ему оказываемое, и за ваше живое участіе къ его столь исключительному и щекотливому положенію.

„Я заинтересованъ тѣмъ, чтобы мой сынъ пріѣхалъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ и вотъ по какимъ причинамъ. Его глаза, его зрѣніе требуютъ серьезнаго и внимательнаго ухода: для этого ему необходима консультація знаменитаго Грефе въ Берлинѣ; его здоровье послѣ бывшаго съ нимъ ужаснаго случая ¹⁾ требуетъ повѣзки на нѣсколько недѣль въ Швейцарію; наконецъ, я хочу его повидать, потому что видѣлъ его лишь девять дней.

Въ теченіе пяти послѣдовательныхъ лѣтъ я не получалъ ни строки отъ Володи, которому мѣшала писать его негодная мать, руководимая совѣтами вице-канцлера ²⁾. Онъ далъ распоряженіе русскимъ консульствамъ въ случаѣ моей смерти поспѣшить овладѣть всѣми моими бумагами, кассой и т. п. Для умнаго человѣка, каковъ вице-канцлеръ, каковъ онъ былъ, особенно пока не сталъ впадать въ дѣтство, (что началось съ нимъ два-три года назадъ: подтвержденіемъ этого служить его политика въ Придунайскихъ княжествахъ и въ восточномъ вопросѣ, политика нерѣшительности колебаній и малодушія), для умнаго человѣка это значить сдѣлать два колоссальныхъ промаха. Неужели онъ воображалъ, что я такъ глупъ (онъ, который меня знаетъ такъ давно), чтобы я сталъ держать у себя дома мои процентныя бумаги на произволъ первому попавшемуся вору? Развѣ не приходило ему въ голову, что ничто не могло мнѣ помѣшать составить завѣщаніе? Это завѣщаніе было уже сдѣлано и сдѣлано на имя швейцарскаго гражданина Александра Герцена, политическихъ убѣжденій котораго я далеко не раздѣляю, по характеръ котораго я уважаю и въ слово котораго можно имѣть полную вѣру. Это завѣщаніе было мною уничтожено послѣ пріѣзда Володи.

„Я удержалъ Володю здѣсь только девять дней съ двойной цѣлью: чтобы не дать времени его распутной матери интриговать противъ него и чтобы въ то же время дать возможность правительству дѣйствовать разумно и цивилизованнымъ образомъ, какъ оно и поступило; правительство поняло, что повѣзка Володи не имѣла и никогда не будетъ имѣть никакой политической цѣли, но служить только выполненіемъ священнаго долга видѣть отца.

„Я прекрасно знаю, что сердце Володи совершенно чуждо скаредныхъ интересовъ, но *наслѣдованіе состоянія, которымъ я владѣю за границей, состояніе весьма значительнаго для него, вполне зависитъ отъ послушанія, которое онъ мнѣ выкажетъ*. Итакъ, я дорожу тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ провести со мною нѣсколько недѣль въ нынѣшнемъ году, и чтобы впредь онъ каждые два года пріѣзжалъ проводить со мною нѣсколько недѣль. Вы спросите, почему я настаиваю именно на нынѣшнемъ годѣ? Въ этомъ случаѣ, у меня очень серьезныя причины, и я вамъ о нихъ скажу.

„Война разразится слѣдующей весной, если не въ Сентябрѣ или Октябрѣ нынѣшняго года. Мнѣ достовѣрно извѣстно:

¹⁾ Неизвѣстно, о какомъ случаѣ говорится.

²⁾ Кн. А. М. Горчакова.

1) что Бонапартъ обѣщалъ полякамъ поднять вопросы восточный и польскій и вмѣстѣ ихъ связать;

2) что есть условный и секретный договоръ, заключенный между Франціей и Австріей, договоръ, главный шкворень котораго Вейс. Мѣѣ неизвѣстны пункты этого договора, но я навѣрное знаю, что Австріи обѣщаны расширенія владѣній насчетъ славянскихъ народностей Турціи.

3) что дряннымъ Бонапартомъ были сдѣланы Пруссіи предложенія обезпечить современныя территоріальныя владѣнія Пруссіи при условіи уступить ему *что нибудь* на лѣвомъ берегу Рейна, предоставить ему Бельгію и чтобы Пруссія сохраняла нейтралитетъ во время войны Франціи и Австріи противъ Россіи. Бисмаркъ согласился на нейтралитетъ и на уступку Бельгіи, но онъ объявилъ, что не можетъ отдать ни одной нѣмецкой деревушки. Что касается стараго и честнаго короля Прусскаго, онъ положительно и твердо отклонилъ всякіе переговоры такого рода и заявилъ о своемъ нежеланіи союза съ Бонапартомъ ни за какую цѣну и ни въ какой-либо формѣ.

4) Англія рѣшила оставаться спокойной до момента, когда поднимется восточный вопросъ и стать тогда на сторону сильнѣйшаго, чтобы получить возможно лучшую часть отъ наслѣдія „большого“.

5) Добивались присоединеніе Италіи къ франко-австрійскому союзу. Итальянцы ненавидятъ французовъ и отдадутъ должное Бонапарту, т. е. они выказываютъ ему глубочайшее презрѣніе, но, чтобы приобрести свою естественную границу, т. е. южный Тироль, Триестъ, Истрію и Далмацію они готовы заключить союзъ хоть съ самимъ дьяволомъ. Я думаю, что для Россіи все таки было бы весьма выгодно заключить съ Италіей условный и секретный договоръ, чтобы въ случаѣ войны съ Австріей Россія не сложила оружіе иначе, какъ присоединивъ къ Италіи южный Тироль и т. д. Армія и флотъ итальянскіе не блестящи, но они всегда могли бы послужить для того, чтобы сдерживать часть австрійскихъ силъ, а что касается Бонапарта, то этотъ негодяй *никогда* не рѣшится пойти противъ итальянцевъ. Около сорока лѣтъ назадъ, когда онъ былъ принятъ въ число (carbonaro) карбонаріевъ, онъ написалъ бумагу, которою обязывался содѣйствовать объединенію Италіи и уничтоженію свѣтской власти папства, эта бумага находится теперь въ Англіи и въ ней самъ Бонапартъ даетъ итальянцамъ право убить его, если онъ нарушитъ свою клятву. Я думаю, что до сентября миръ обезпеченъ не только изъ-за Парижской выставки, но еще и особенно потому, что съ 1-го марта каждаго 1-го числа начнется пріемка 50,000 ружей системы Шассепо. Бонапартъ заказалъ 600,000 ружей, пріемка будетъ продолжаться двѣнадцать мѣсяцевъ, но въ сентябрѣ будетъ уже принято 350,000 ружей, что достаточно для войны.

„Посѣщенія моего сына на будутъ имѣть отношенія къ политическимъ интересамъ: напротивъ. Я не хочу, чтобы онъ въ нихъ вмѣшивался, и въ этомъ меня вполне поддерживаютъ его вкусы, которые обращены къ наукамъ: химіи, геологіи, минералогіи, агрономіи и я въ восторгѣ отъ этихъ его научныхъ стремленій. Нечего бояться, чтобы онъ вздумалъ заняться политикой, впрочемъ, я бы ему это и не позволилъ...

„Я самъ эмигрировалъ потому, что находился въ совершенно иныхъ условіяхъ. Мнѣ было сорокъ два года и на родинѣ мнѣ отказывали въ правѣ участія въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ меня влекли мои вкусы и на которое мнѣ давали право мое достоинство и мое происхожденіе. Въ то же время у меня было стремленіе къ историческимъ изученіямъ, а я могъ печатать

только генеалогическія изслѣдованія и притомъ!... существовала цензура и дѣлала невозможнымъ печатаніе сочиненій, написанныхъ съ правдивостью и прямою. Я отправился за границу искать двободныхъ дѣйствій, идей и возможности описать то, что мнѣ было отказано въ родной странѣ. Володѣ восемнадцать лѣтъ, у него впереди еще широкое будущее; Россія за послѣдніе годы во многомъ измѣнилась къ лучшему; онъ не подумаетъ эмигрировать, и я бы его не допустилъ до этого.

„На слѣдующій день послѣ полученія вашей телеграммы пришло письмо отъ Володи. Написанное имъ въ деревнѣ 20 января (1 февраля), отправленное вами изъ Петербурга, со свойственной вамъ точностью, 25 января (6 февраля), на немъ штемпель Гейдельберга отъ 12 февраля, т. е. оно шесть дней странствовало по Пруссіи, тогда какъ письма и даже журналы приходятъ изъ Петербурга въ Женеву черезъ четыре дня (я это хорошо знаю, потому что подписанъ на Женевской почтѣ на четыре газеты и шесть русскихъ обзорѣй (или журналовъ?).

„Примите, мой Кузень, выраженіе моей глубокой признательности и моего высокаго уваженія

Князь Цстръ Долгоруковъ.

„P. S. Не откажитесь передать вашему брату мое сочувствіе къ постигнутому его горю; поблагодарите его отъ меня за благосклонный приемъ, оказанный имъ моему сыну, о которомъ сынъ мнѣ пишетъ, и попросите, прошу васъ, князя Владиміра оказать моему сыну покровительство, если случится необходимость, противъ попытокъ преслѣдованія со стороны моей гнусной бывшей жены, живущей въ Москвѣ ¹⁾.

Просьба была удовлетворена. Сынъ Долгорукова пріѣхалъ въ Женеву. Болѣзнь отца развивалась. На почвѣ прирожденной раздражительности она выросла въ постоянное нервное состояніе. Петръ Владиміровичъ подозрѣвалъ сына въ форсированіи своей болѣзни, отсюда масса непріятныхъ сценъ, въ которыхъ поневолѣ долженъ былъ участвовать, не всегда однако въ качествѣ зрителя, Герценъ—единственный человѣкъ, которому Долгоруковъ вполнѣ довѣрялъ... ²⁾.

6 (18) августа 1868 г. князь умеръ въ Бернѣ, куда поѣхалъ на лѣто, на рукахъ герценовскаго сотрудника Тхоржевскаго, которому и завѣщалъ все свое движимое имущество.

Мих. Лемке.

¹⁾ Письмо это хранится въ Публичной Библіотекѣ.

²⁾ Объ этомъ на страницахъ 175, 177—178, 179—180, 222 и др. третьяго тома кнѣги Т. Пассека и 242, 243—245 и др. кнѣги г. Огаревой-Тучковой.

О числѣ жертвъ 14 декабря 1825 года.

До сихъ поръ число убитыхъ и раненыхъ въ день 14 декабря точно не опредѣлено, да и врядъ-ли оно можетъ быть опредѣлено съ желательной точностью. Безъ риска ошибокъ можно утверждать, что, какъ и во всѣхъ „усмиреніяхъ“, наибольшее количество жертвъ падаетъ на долю ни въ чемъ неповинныхъ зрителей, созерцавшихъ событіе съ различныхъ концовъ Сенатской площади. Приводимъ нѣкоторыя данныя, освѣщающія въ извѣстной мѣрѣ вопросъ. Изъ вѣдомости о числѣ *людей и лошадей*, убитыхъ, раненыхъ 14 декабря и умершихъ отъ ранъ по 24 декабря „въ войскахъ, оставшихся вѣрными“ видно, что въ полкахъ кавалергардскомъ, конномъ, московскомъ, семеновскомъ, гренадерскомъ, павловскомъ, конно-піонерномъ 14 декабря было убито всего 2 человѣка и ранено 33 (изъ нихъ по 24 декабря 2 умерли отъ ранъ). Число пострадавшихъ повстанцевъ опредѣляется не такъ точно; мы помѣщаемъ лишь списокъ раненыхъ повстанцевъ. Число же убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ и не заявившихъ о своихъ ранахъ остается неизвѣстнымъ. Такихъ раненыхъ, находившихся съ 14 декабря подъ арестомъ, оказалось всего 49 человѣкъ (изъ нихъ 2 умерло отъ ранъ). Наконецъ, приводимъ поразительный рассказъ чиновника III отдѣленія, извѣстнаго „учителя В. Г. Бѣлинскаго“ Мих. Мак. Попова. Уже въ 40-хъ годахъ онъ по документамъ и даннымъ, находившимся въ распоряженіи III отдѣленія, составилъ записку подъ заглавіемъ: „Конецъ и послѣдствія бунта 14 декабря 1825 года“. Изъ этой записки мы приводимъ лишь начальныя страницы, въ которыхъ идетъ рѣчь о числѣ жертвъ. Врядъ ли возможно заподозрить М. М. Попова въ желаніи увеличить это число.

Рассказъ М. М. Попова.

Во весь день 14 Декабря 1825 г., кромѣ войскъ, толпилось множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, въ концахъ ближайшихъ къ нимъ улицъ, на Исаакіевскомъ мосту и набережныхъ обѣихъ сторонъ Невы. Изъ народа почти никто не участвовалъ въ бунтѣ; большею частію были только зрители.

Къ вечеру часа въ четыре начали стрѣлять изъ пушекъ, поставленныхъ противъ всѣхъ пунктовъ, гдѣ находились толпы: въ Галер-

ную улицу, вдоль по Исаакиевскому мосту, по набережнымъ, черезъ гранитныя перила на Васильевскій островъ. Пальба продолжалась съ часъ. Тутъ не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. Въ толпахъ отъ испуга и давки, отъ неловкости или слабости люди давили другъ друга и гибли, догоняемые ядрами и картечами. Какъ далеко длетали заряды, видно изъ того, что одно ядро ударило въ третій этажъ Академіи Художествъ, въ квартиру учителя *Колашникова*, прошибло стѣну и ранило кормилицу этого учителя, которая держала на рукахъ его ребенка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль, всякій боялся отвѣчать за мятежника. Народу легко такъ много, что Нева, набережныя и улицы были покрыты трупами.

Тотчасъ по прекращеніи стрѣльбы, новый Государь приказалъ Оберъ полицмейстеру, *Шульгину*, чтобъ трупы были убраны къ утру. Шульгинъ распорядился безчеловѣчно. Въ ночь по Невѣ отъ Исакиевского моста до Академіи Художествъ и дальше къ сторонѣ Васильевского острова, сдѣлано было множество прорубей, величиною какъ только можно опустить человѣка, и въ эти проруби къ утру опустили не только всѣ трупы, но (ужасное дѣло) и раненыхъ, которые не могли уйти отъ этой кровавой ловли. Другіе ушедшіе раненые таили свои раны, боясь открыться медикамъ и правительству, и умирали не получивъ помощи. Отъ этого то въ Петербургѣ почти не осталось въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были ранены 14-го Декабря.

Государь былъ очень недоволенъ *Шульгинымъ* и смѣнилъ этого господина. Безразсудность его распоряженія открылась еще больше весною. Когда по Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ человѣческимъ трупомъ. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского острова и назначило для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки, трупы погибшихъ унесены въ море.

Не меньше непріятно то, что полиція и помощники ея въ ночь съ 14-го на 15 Декабря пустились въ грабежъ. Не говоря уже, что съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи, даже убѣгающихъ ловили и грабили!

Во всю эту ночь вѣрные полки расположены были биваками по площадямъ около адмиралтейства, по улицамъ адмиралтейскихъ частей и Васильевскому острову. Вездѣ горѣли бивачные огни и ѣздили густые патрули. Зимній дворецъ обведенъ былъ непрерывной цѣпью пушекъ, артиллеристами, піонерами и кавалергардами. Дня два или три послѣ того патрули продолжались день и ночь не давая собираться толпамъ и не пропуская людей сомнительныхъ. Во дворцѣ же недѣли двѣ были въ опасеніяхъ. Каждую ночь какъ только засыпалъ городъ, безмолвно шли по Милліонной нѣсколько ротъ Преображенцевъ, и везли пушки. Преображенцы помѣщались во дворѣ, а пушки ставили въ воротахъ дворца. Утромъ передъ тѣмъ, какъ просыпаться городу, Преображенцы и пушки съ тою же тишиной удалялись изъ дворца.

СПИСОКЪ

раненымъ нижнимъ чинамъ 14-го декабря со стороны противной,
которые находятся въ госпиталяхъ.

1825 года.

Голковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталяхъ.
Московского:		
У н т е р ъ - о ф ф и ц е р ы :		
2 б. 6 р.		
1. Корней Назаровъ. Помре 22 декабря.	Картечью въ правый бокъ.	Въ Финляндскомъ.
2. Тимошъ Шадеевъ.	Картечью въ ляжку лѣвой ноги.	Въ Сухопутномъ.
Рядовые:		
1 б. 2 р.		
3. Яковъ Виноградовъ.	Саблею въ голову, лицо и лѣвое плечо разбито.	Въ Конногвардейскомъ.
1 б. р. Его Высоч.		
4. Матвей Аверьяновъ.	Отъ ушиба лошадыю въ спину, по выздоровленіи отправленъ въ крѣпость.	
1 б. 2 р.		
5. Максимъ Кондратьевъ.	Контузія отъ картечи въ лѣвый бокъ.	Въ Финляндскомъ.
1 б. 3 р.		
6. Иванъ Савельевъ.	Картечью въ правую ногу съ переломомъ кости.	Въ Семеновскомъ.
2 б. 5 р.		
7. Афанасій Сергѣевъ.	Картечью. На правой рукѣ два пальца отняты.	
2 б. 22 р.		
8. Григорій Рыпкинъ.	Картечью въ правое плечо.	

Полковъ лейбъ-гвардіи.		Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталяхъ.
Доставлены изъ крѣпости.	2 б. 6 р. 9. Афанасій Никитинъ.	Картечью контузія въ лѣвую ногу.	Къ Семеновскомъ.
	2 б. 6 р. 10. Никифоръ Вылетковъ.	Саблею въ голову.	
	2 б. 5 р. 11. Леонтій Лебедевъ. Помре 30 декабря.	Картечью сзади въ правый бокъ на вылетъ.	Въ Артиллерійскомъ.
	1 б. роты Его Высоч. 12. Алексій Храпцовъ.	Картечью въ лѣвую ногу.	
	1 б. роты Его Высоч. 13. Семень Губинъ.	Пулею въ лѣвую ногу.	Въ Сухопутномъ.
	2 б. 5 р. 14. Тарасъ Афанасьевъ.	Картечью въ лѣвое плечо опасно.	
	1 б. 2 р. 15. Семень Ефимовъ.	Контузія отъ картечи въ правую руку.	
	1 б. 2 р. 16. Ермолай Латушинъ.	Палашомъ въ лѣвую руку.	
Гренадерскаго:			
Рядовые:			
	2 б. 2 Гр. р. 17. Михайло Савиновъ.	Картечью въ голову.	Въ Конно-гвардейскомъ.
	3 б. 7 р. 18. Павелъ Бакуринъ.	Контуженъ въ правую ляжку отъ картечи.	
	2 б. 2 Гр. р. 19. Ларіонъ Ивановъ.	Картечью въ голову легко.	
	2 б. 4 р. 20. Матвій Кожинъ.	Картечью въ правую ляжку.	
	1 б. 2 р. 21. Дементій Патраповъ.	Картечью въ лѣвую ногу на вылетъ.	Въ Артиллерійскомъ.
	22. Герасимъ Шеладутовъ, умершій 15 декабря, привезенъ былъ въ гошпиталь.		

Полковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталяхъ.
2 б. 4 р. 23. Никифоръ Гурьяновъ.	Картечью въ лѣвое плечо сзади и остановилася въ груди.	Въ Сухопутномъ.
4 б. 1 р. 24. Василій Николенко.	Картечью въ правую но- гу выше колѣна.	
1 б. 1 р. 25. Петръ Стрѣлковъ.	Картечью въ правую руку въ палець.	
2 б. 6 р. 26. Вельяминъ Янъ.	Картечью въ голову кон- тузія.	
2 б. 6 р. 27. Тимофей Иконниковъ.	Картечью въ ладонь лѣ- вой руки.	
2 б. 5 р. 28. Иванъ Тимофѣевъ. Изъ крѣпости.	Вывихомъ шеи отъ уда- ровъ.	Въ Финляндскомъ.
1 б. 1 р. 29. Леонтій (или Иванъ) Тимофѣевъ. Изъ крѣпости.	Вывихомъ шеи отъ уда- ровъ.	
2 грен. р. 30. Никифоръ Даниловъ.	Картечью въ шиколодку правой ноги.	
Гвардейскаго эскадрона: Рядовые:		
Арт. р. 31. Сидоръ Зайцевъ.	Отнята правая рука и другою картечью въ грудь.	
Арт. р. 32. Василій Куликовъ.	Отнята лѣвая рука.	Въ Финляндскомъ.
2 р. 33. Петръ Тулапинъ. Помре 22 декабря.	Прострѣломъ въ грудь картечью на вылетъ.	
Арт. р. 34. Макарь Крыловъ.	Контузія въ лѣвый ви- сокъ отъ картечи.	
Арт. р. 35. Николай Ивановъ. Умре 17 января.	Картечью въ грудь и въ руку въ двухъ мѣстахъ на вылетъ.	
2 р. 36. Федоръ Пеговъ.	Картечью въ животъ на вылетъ.	

Подковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталѣхъ.
5 р. 37. Музыкантъ Кирьянъ Соколовъ. Помре 28 декабря.	Картечью въ грудь на вылетъ.	Въ Финляндскомъ.
Рядовые:		
5 р. 38. Тимофѣй Захаровъ.	Картечью въ щеку съ поврежденіемъ нижней челюсти.	
2 р. 39. Осипъ Канаповъ.	Картечью въ ляжку на вылетъ.	
2 р. 40. Юганъ Алатынинъ. Помре 28 декабря.	Картечью въ грудь на вылетъ.	
5 р. 41. Никифоръ Труповъ.	Картечью контузія въ верхнюю челюсть.	Въ Артиллерійскомъ.
1 р. 42. Федулъ Суровой.	Контузія отъ картечи въ щеку.	
1 р. 43. Иванъ Зайцовъ.	Картечью въ правое плечо.	
2 р. 44. Петръ Ерыгинъ.	Картечью въ лѣвое плечо и контузія въ голову.	
5 р. 45. Родіонъ Волковъ.	Контузія въ правое плечо.	
2 р. 46. Василій Кириловъ. Помре 30 декабря.	Картечью ниже праваго колѣна.	Въ Сухопутномъ.
6 р. 47. Иванъ Хватовъ.	Подавлена грудь лошадыми. Выздоровѣлъ 14 января и отправленъ въ крѣпость.	
4 р. 48. Маркъ Крюковъ.	Картечью въ кисть лѣвой руки.	
3 р. 49. Николай Шишмалевъ.	Контузія отъ картечи выше ляжекъ.	

Изъ крѣпости.

Пѣть крѣпости.

Итого въ госпиталяхъ подъ арестомъ:

Въ конно-гвардейскомъ	{ Московскаго	1	}	5
	{ Гренадерскаго	4		

Въ Финляндскомъ	{ Московскаго	2	}	15
	{ Гренадерскаго	1		
	{ Экипажа	12		

Въ Семеновскомъ	Московскаго	4
-----------------	-------------	---

Въ Артиллерійскомъ	{ Московскаго	3	}	9
	{ Гренадерскаго	1		
	{ Экипажа	5		

Въ Сухопутномъ	{ Московскаго	5	}	14
	{ Гренадерскаго	7		
	{ Экипажа	2		

16 декабря 1825 г.

47 челов.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ людей и лошадей, убитыхъ и раненыхъ 14 декабря 1825 г. въ войскахъ? бывшихъ при Его Императорскомъ Величествѣ и вполсѣдствіи отъ ранъ умершихъ по сіе число 24 декабря 1825 г.

	Убито.			Ранено и получили ушибы.								Вполсѣдствіи отъ ранъ умерли.	
	Унтеръ-офицеровъ.	Рядовыхъ.	Лошадей строевыхъ.	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Денщиковъ.	Лошадей строевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Рядовыхъ.
Кавалергардскаго									1		1		
Коннаго			1		1	1	1		7	1	5		
Московского				1	1		1		1				
Семеновскаго									3				
Гренадерскаго												1	
Павловскаго							1	1	4				1
Конно-піонернаго	1	1					2		6				
ИТОГО	1	1	1	1	2	1	5	1	22	1	6	1	1

Показанные по сему списку раненные офицеры:

Командиръ л. гв. Московскаго полка генераль маіоръ баронъ Фридериксъ—саблею въ голову, съ поврежденіемъ черепа и полковникъ Хвощинскій—саблею въ плечо.

Командиръ л.-гв. Гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ—пулею въ грудь на вылетъ и 17 декабря умеръ.

Л.-гв. Коннаго полка флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Веліо лишился правой руки, которая отнята выше локтя, отъ раны пулею раздроблена кость.

Штабъ-ротмистръ Игнатьевъ—ушибомъ ноги.

Кромѣ сего раненъ командиръ 1 бригады 1 гвардейской пѣхотной дивизіи генераль маіоръ Шевшинъ саблею въ голову съ поврежденіемъ черепа.

Воспоминанія народовольца.

(Окончаніе ¹⁾).

X.

Пріѣздъ Лопатина и планы на будущее.

Съ отъѣздомъ Иванова работы въ типографіи продолжались по заведенному порядку, и уже было приступлено къ печатанію перваго листа номера. Это было въ 20 числахъ августа, когда пріѣхалъ Лопатинъ. Случайно вышло такъ, что раньше, чѣмъ попасть ко мнѣ на дачу, Лопатинъ долженъ былъ пройти черезъ три передаточныхъ пункта (нормальныхъ явокъ было двѣ, одна общая, другая ко мнѣ) и, по своему обыкновенію, онъ подошелъ ко мнѣ съ шутливымъ замѣчаніемъ:

— Ну, къ вамъ какъ къ сказочному принцу трудно добраться!

Когда я взглянулъ на Лопатина, я увидалъ, что все лицо его носило грустное и усталое выраженіе. Въ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ Лопатинъ постарѣлъ на много лѣтъ.

— Германъ Александровичъ, вы больны?

— Не боленъ, а нервы совсѣмъ оголились.

И онъ сталъ разсказывать мнѣ, какъ Распорядительная Комиссія «заслуживала свои шпоры».

Послѣ нашего отъѣзда Александръ Ивановичъ сталъ требовать, чтобы въ программу партіи былъ внесенъ аграрный и фабричный терроръ, и, такъ какъ Распорядительная Комиссія на это не согласилась, то онъ дѣятельно сталъ готовиться къ выпуску органа Молодой Россіи, названнаго имъ «Народная Борьба». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разослалъ всюду эmissаровъ.

Въ самомъ Петербургѣ Александръ Ивановичъ долженъ былъ выдержать натискъ Лопатина, блестящія дарованія и престижъ котораго скоро привели обратно на лоно старой Народной Воли всѣхъ заблудшихъ овецъ. Насколько помнится дошло до того, что сама типографія, въ которой должна была печататься «Народная Борьба», оказалась въ рукахъ Лопатина, послѣ чего Александръ Ивановичъ окончательно сдался и присталъ къ Старой Народной Волѣ.

¹⁾ См. Былое, январь и февраль.

Справившись съ миссіей Народной Воли, Лопатинъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ у Распорядительной Комиссіи были кой-какія связи и гдѣ революціонные элементы были поистинѣ въ состояніи chaos rudis. Пробывъ тамъ довольно продолжительное время, Лопатинъ успѣлъ кое-что дифференцировать и организовать кружокъ главнымъ образомъ среди Петровцевъ и студентовъ, во главѣ котораго стояли М. П—въ, Миноръ, Ф—въ и др.

Онъ очень хотѣлъ, чтобы я переѣхалъ въ Москву и продолжалъ дѣло организаціи.

Не долго размышляя, я принялъ его предложеніе, потому что меня соблазнила возможность поработать надъ большимъ революціоннымъ матерьяломъ.

Дальше Лопатинъ сообщилъ, что въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Одессѣ и Кіевѣ, намѣчены организаціи, что въ Дерптѣ печатается подъ руководствомъ Александра Ивановича 10-й номеръ Народной Воли.

Словомъ, дѣло обстоитъ такъ, что единство организаціи всюду возстановлено, и что теперь остается только работать во всю въ намѣченномъ направленіи.

Когда Лопатинъ спросилъ меня, что мы успѣли сдѣлать за это время, я первымъ дѣломъ показалъ ему отпечатанный листъ Народной Воли, и тутъ у насъ произошла маленькая непріятность.

Видя, что въ некрологъ внесено имя Бердичевского, Лопатинъ возмутился и выразилъ удивленіе, какъ я могъ допустить такой фактъ. Я съ полной правдивостью разсказалъ ему какъ было дѣло и почему я не снесся относительно этого инцидента съ Распорядительной Комиссіей.

Когда онъ сказалъ, что вопросъ этотъ надо уладить, я заявилъ ему, что съ величайшей готовностью буду содѣйствовать ему.

Затѣмъ Лопатину было очень непріятно, что мы съ Ивановымъ позволили себѣ шлифовать текстъ сообщенія Исполнительнаго Комитета. Онъ старался убѣдить меня, что я не долженъ былъ налагать руку на «официальный документъ». На это я возразилъ ему, что «официальнымъ документъ этотъ долженъ былъ стать только *послѣ* напечатанія его въ народной Волѣ, и, такъ какъ мы ни на іоту не измѣнили смысла его, то совѣсть моя чиста. Но въ виду того, что въ Дерптѣ печатается другимъ изданіемъ тотъ же 10-й номеръ, то конечно придется возстановить первоначальный текстъ. На томъ и порѣшили, и легонькое облачко, которое возникло между нами, разсѣялось. Я уже упомянулъ выше, что Лопатину легко удалось въ отсутствіи Иванова уговорить типографщиковъ сдѣлать необходимыя перемѣны въ наборѣ.

Лопатинъ оставался дня три въ Ростовѣ, и между нами установились отношенія, болѣе сердечныя, болѣе товарищескія, чѣмъ раньше. Мы почти все время провели въ разговорахъ. Познакомилъ я его съ членами мѣстной группы, разсказалъ ему о всѣхъ нашихъ связяхъ и передалъ ему ключи и пароли, которые даже Иванову остались неизвѣстны.

Между прочимъ я далъ ему пароль къ К. и на случай моего

исчезновенія просилъ его обратить особое вниманіе на этого чело-
вѣка, который для нашего дѣла будетъ очень цѣнной силой.

Наше вооруженіе заинтересовало и нѣсколько возбудило Лопатина, и онъ даже попросилъ меня дать ему одинъ изъ нашихъ ре-
вольверовъ.

Нѣкоторое впечатлѣніе произвелъ на него штемпель, выбитый на разрывныхъ снарядахъ: «Исполнительный Комитетъ Партіи Народной Воли». Внизу стояло «Динамитный снарядъ № такой то».

Снаряды эти Лопатинъ увезъ съ собой въ Петербургъ и впо-
слѣдствіи они были взяты полиціей при арестѣ Саловой.

Не знаю, по какой причинѣ, снаряды носили номера, начинав-
шіеся съ 6. Полиціи удалось взять 4, но первыхъ номеровъ она такъ
и не могла найти, перерывши всю Россію.

Изъ К-хъ денегъ я передалъ Лопатину нѣкоторую сумму, такъ
что онъ уѣхалъ отъ насъ, увозя съ собой не только военные при-
пасы, но и, что не менѣе важно, «нервъ войны».

Разсказалъ еще мнѣ Лопатинъ о своихъ любопытныхъ сноше-
ніяхъ въ Москвѣ, съ Бѣлино-Бржозовскимъ, который оказался смѣ-
лымъ шпиономъ-provокаторомъ, и послѣдній дѣла котораго я видѣлъ
въ Москвѣ въ ноябрѣ того же года. Но объ этомъ разскажу по-
томъ.

Между Лопатинымъ и мною было условлено, что я, захвативши
съ собой какъ можно больше готовыхъ листовъ 10-го номера, объѣду
Саратовъ, Казань, Нижній и Ярославль, гдѣ у насъ были организо-
ванныя группы или элементы возможныхъ группъ. Затѣмъ я долженъ
былъ возвратиться на югъ и, проведя дней десять у Ч—хъ, которые
перѣхали въ Ялту, отъ нихъ направиться въ Ейскъ къ К—ву, чтобы
окончательно условиться насчетъ будущаго, и оттуда въ Ростовъ.
Покончивши тамъ съ печатаніемъ номера, я долженъ былъ ликви-
дировать типографію—такъ какъ она имѣла временный характеръ—и
перѣхать въ Москву.

Чтобы не терять другъ друга изъ виду, мы условились правильно
обмѣниваться письмами. Лопатинъ долженъ былъ написать мнѣ одно
письмо въ Казань къ 16-му сентября, другое въ Ростовъ къ 1-му
октября, а третье въ Москву, куда я долженъ былъ пріѣхать около
16-го октября.

Со свѣтлыми надеждами на будущее мы распрощались съ Лопати-
нымъ,—увы! На многіе-многіе годы! Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ
больше не видались...

* * *

Дней десять послѣ отъѣзда Лопатина я тоже двинулся въ путь
по условленному маршруту, увозя съ собой въ чемоданъ часть отпе-
чатанныхъ въ нашей типографіи листовъ 10-го номера «Народной Воли».
Путешествіе мое сошло гладко, за исключеніемъ томительнаго инци-
дента, который при нѣкоторой неблагоприятности судьбы могъ бы
принять дурной оборотъ. Не разобравшись какъ слѣдуетъ въ поѣз-
дахъ, я въ Козловѣ вынужденъ былъ сѣсть въ товаро-пассажирскій,
такъ называемый, «воловій» поѣздъ, который даже въ тѣ времена

славился своей убійственной медленностью. Пассажиры избѣгали его, какъ чумы.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда изъ Козлова въ вагонъ, въ которомъ я былъ единственнымъ пассажиромъ, вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ въ походной амуниці съ сумкой черезъ плечо,—повидимому онъ возвращался изъ какой-нибудь экспедиціи «сопровожденія».

Расположившись по дорожному недалеко отъ моего мѣста, онъ сталъ отъ нечего дѣлать обозрѣвать меня. Судя по выраженію его лица, обзоръ этотъ первое время носилъ профессиональный характеръ. Но не открывая во мнѣ «ничего» такого, бравый унтеръ успокоился и вступилъ со мной въ разговоръ. Сначала обмѣнялись замѣчаніемъ насчетъ медленности поѣзда, а затѣмъ мнѣ пришлось отвѣчать на три *сакраментальныхъ* вопроса, на которые російскій путешественникъ долженъ быть готовъ отвѣчать каждую минуту: чей онъ будетъ? куда ѣдетъ? по какимъ дѣламъ? Къ счастью, для всякаго нелегального люда, коррективомъ къ этой пагубной привычкѣ вопрошать является крайняя нетребовательность вопрошающаго, который удовлетворяется ничего не значащими отвѣтами вроде: «по всякимъ дѣламъ» или «по собственнымъ дѣламъ».

То, что *жандармъ* задалъ мнѣ первый вопросъ въ его обывательской редакціи: «вы чьи будете?», было для меня хорошимъ признакомъ, я, вѣроятно, почувствовалъ бы себя не очень пріятно, если бы вопросъ былъ поставленъ мнѣ въ его профессиональной формулировкѣ: «господинъ, позвольте узнать какъ ваша фамилія».

Не помню уже, что я отвѣтилъ жандарму, но отвѣтами моими онъ удовлетворился и началъ нескончаемый разговоръ о всякой всячинѣ.

Я долженъ былъ давать ему реплику. По истеченіи часа я былъ въ состояніи, близкомъ къ изступленію. Къ счастью поѣздъ сталъ подходить къ станціи, и я началъ собирать чай (со мной всегда были всѣ атрибуты солиднаго пассажира), жандармъ вызвался сходить на станцію за кипяткомъ. Мы пили чай и закусывали вмѣстѣ.

Потомъ спали, потомъ опять пили чай. А когда—наконецъ! мы вышли изъ поѣзда въ Саратовъ, жандармъ попрощался со мною за руку, назвавъ меня по имени отчеству, и пожелалъ мнѣ всякихъ успѣховъ въ моихъ дѣлахъ.

Въ Саратовѣ тогда было неспокойно и шпіонья на вокзалѣ было, вѣроятно, не мало. Но кому въ голову заподозрить въ неблагонадежности человѣка, котораго жандармскій унтеръ-офицеръ мѣстной бригады величалъ по имени отчеству.

Явку въ Саратовѣ мнѣ дали довольно оригинальную: въ арестантскія роты.

А такъ какъ тюремный замокъ былъ въ двухъ шагахъ отъ арестантскихъ ротъ, то, въ случаѣ чего, не пришлось бы далеко идти. Мнѣ даже совѣтовали не перепутать этихъ двухъ учреждений и не попасть сразу въ тюрьму.

Очень симпатичный молодой человѣкъ, который принялъ меня, и съ которымъ мы обмѣнялись паролями, далъ мнѣ весьма неутѣши-

тельные свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Саратовѣ. Изъ наиболѣе дѣятельныхъ революціонеровъ одни сидятъ въ тюрьмѣ, другіе уѣхали; оставшіеся же считаютъ невозможнымъ вести теперь дѣло организаціи. Въ этомъ духѣ говорилъ со мною господинъ, съ которымъ меня свели на другой день, и о которомъ у меня сохранилось довольно смутное воспоминаніе. Помню только, что видъ у него былъ скучающій и не совсѣмъ любезный, точно онъ неожиданно объявившагося бѣднаго родственника принималъ, къ появленію номера «Н. В.» котораго всѣ ждали съ страстнымъ нетерпѣніемъ, онъ отнесся какъ къ факту, совершенно безразличному. Для меня стало очевиднымъ, что послѣ *Поливановской* встряски Саратовъ нуждается въ отдыхѣ, Я такъ и сказалъ своему собесѣднику, который желанія противорѣчить мнѣ не обнаружилъ. При прощаніи онъ, *вѣрный* саратовскимъ традиціямъ, предложилъ мнѣ денегъ на дорогу. Предложеніе его я съ благодарностью отклонилъ и, повидавшись еще разъ съ симпатичнымъ юношей, въ которомъ мнѣ видѣлся представитель будущаго революціоннаго поколѣнія въ Саратовѣ, я поѣхалъ въ Казань.

Въ Казани я нашелъ большое оживленіе среди революціонной молодежи. Проведя каникулярное время на «*подножномъ* корму», студенты вернулись въ городъ не только съ запасомъ физическихъ силъ, но и съ изрядной долей бодрости духа. Дошли и до Казани слухи о «Молодой Народной Волѣ» и о ея борьбѣ со старой организаціей. *Дегаевская* исторія тоже толковалась на всѣ лады. Но въ общемъ настроеніе было хорошее. А когда я предъявилъ революціонной молодежи долго-жданнй 10-й номеръ Н. В., энтузіазмъ ея значительно повысился. Опять таки долженъ сказать, что самый фактъ появленія номера игралъ здѣсь несравненно большую роль, чѣмъ содержаніе его. Номеръ появился послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтняго перерыва,—значить партія опять имѣетъ сплоченную организацію, въ этомъ вся суть. Содержаніе особаго восторга не вызвало, но послѣ нѣкоторыхъ комментариевъ было принято въ общемъ недурно. Сторонниковъ молодой Народной Воли въ Казани почти что не было. Кружокъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло въ предшествующемъ году, разросся и окрѣпъ. Были въ немъ элементы, изъ которыхъ могла составиться хорошая группа. Такъ какъ въ Казани я долго оставаться не могъ, то и инициативу сформированія группы я не хотѣлъ брать на себя и рѣшилъ поддерживать съ казанцами сношенія изъ Москвы и, разобравшись тамъ въ революціонномъ матерьялѣ, направить къ нимъ толковаго и надежнаго человѣка. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Казань, я получилъ отъ Лопатина, согласно уговору, письмо, о содержаніи котораго у меня не сохранилось ясныхъ воспоминаній.

Со своей стороны я послалъ ему письмо, которое впослѣдствіи было взято въ бумагахъ Саловой и фигурировало цѣликомъ въ обвинительномъ актѣ по дѣлу организаціи 1884 г. Относительно этого письма скажу только одно: еслибы мнѣ на одну секунду пришла въ голову мысль, что оно попадетъ въ число «историческихъ матерьяловъ» я, конечно, далъ бы ему болѣе академическую редакцію. Но тогда я объ исторіи менѣе всего думать и *еже* писахъ, писахъ.

Условившись съ казанцами на счетъ явокъ, паролей, ключей,

и адресовъ, я въ концѣ сентября выѣхалъ изъ Казани въ Нижній, гдѣ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ ссыльныхъ жилъ тогда мой кievскій знакомый А. Богдановичъ. Я надѣялся черезъ него установить правильныя сношенія съ Нижнимъ.

Богдановичъ по внѣшнему виду мало измѣнился за два года, которые прошли со времени нашего послѣдняго свиданія въ Кіевѣ. Передо мною была все та же тонкая, изящная фигура. Но съ первыхъ же словъ нашего разговора я увидѣлъ, что Богдановичъ, какъ и *Бать* смотреть не въ ту сторону, что я.

Когда, думая обрадовать его, я сказалъ ему, что вышелъ 10-й номеръ Н. В., онъ спокойно отвѣтилъ, что моя новость была бы умѣстна два года тому назадъ, но что теперь я не удивлю его. Интересовался онъ больше философскими вопросами, съ упоеніемъ изучая «Фауста» и не безъ таланта декламировалъ изъ него цѣлые монологи по нѣмецки (Въ ухахъ у меня застряла патетическая фраза: *«entbehren sollst du mich, entbehren!»*)

Тогда для меня еще было не совсѣмъ понятно, почему такіа незаурядныя и безусловно достойныя уваженія личности, какъ Бать и Богдановичъ стали смотрѣть въ сторону отъ революціоннаго движенія. Но вскорѣ и мнѣ пришлось подвести итоги своей трехлѣтней дѣятельности и познать несоотвѣтствіе нашихъ революціонныхъ плановъ и надеждъ съ тогдашнимъ политическимъ и социальнымъ состояніемъ Россіи.

Какъ бы то ни было, потому ли что революціонное движеніе дѣйствительно пошло на убыль, потому ли, что я не умѣлъ какъ слѣдуетъ взяться за дѣло, но въ Нижнемъ мои старанія также мало увѣнчались успѣхомъ, какъ и въ Саратовѣ. Чувствовалось, что порвана какая то струна, которую ужасно трудно было вновь связать.

По своему первоначальному плану я рассчитывалъ изъ Нижняго проѣхать пароходомъ въ Ярославль. Но наступилъ пагубный для меня сезонъ—осень съ ея холодной слякотью,—я схватилъ въ Нижнемъ жестокою простуду и, по опыту прошлаго, могъ ожидать, что прійдется слечь. Поэтому я направился въ Москву, куда я пріѣхалъ въ сильномъ жару. У меня разыгрался бронхитъ, и четыре дня мнѣ пришлось пролежать въ гостинницѣ гдѣ то недалеко отъ вокзала. На пятый день мнѣ стало легче и я рѣшилъ проѣхать въ Ялту къ Ч—мъ, приглашеніе которыхъ пришлось мнѣ теперь очень ко двору. У нихъ я рассчитывалъ передохнуть и отправиться потомъ въ Ейскъ и Ростовъ.

Въ Ялту я пріѣхалъ 5-го или 6-го октября. На пароходной пристани меня встрѣтилъ молодой Ч—въ (членъ Ростовской группы), отъ котораго я узналъ, что писемъ онъ для меня не получилъ. Это меня смутило, потому что Лопатинъ былъ со мною всегда аккуратенъ.

Но революціонеръ не всегда воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и могла выйти задержка. Когда же прошло еще нѣсколько дней, а письмо отъ Лопатина все не приходило, я сталъ серьезно беспокоиться. Беспокойство мое возросло еще вслѣдствіе того обстоятельства, что и Ч—въ не получилъ ожидаемыхъ писемъ отъ ростовскихъ товарищей. Я рѣшилъ ѣхать въ Ейскъ и Ростовъ и, несмотря на всѣ

уговоры моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, я 11-го или 12-го октября полубольной сѣлъ на пароходъ.

К—въ очень обрадовался, когда я къ нему заявился въ Ейскъ. Мы опять провели день въ задушевныхъ разговорахъ, и я чувствовалъ бы себя очень хорошо въ этой семьѣ добрыхъ и благородныхъ людей, если бы меня не грызло мучительное безпокойство за Лопатина и за ростовскую типографію,—безпокойство, которое можно было бы принять за предчувствіе, если бы оно не было результатомъ сложнаго процесса самовнушенія. Съ К—вымъ мы условились, что онъ поселится въ Харьковѣ и войдетъ въ тамошнюю организацію, явки я долженъ былъ прислать ему изъ Ростова, такъ какъ имѣвшіяся у меня не были свѣжи.

Денегъ онъ далъ мнѣ, если не ошибаюсь, 1000 р. Больше я не хотѣлъ брать съ собой, такъ какъ я боялся, что въ случаѣ моей гибели, деньги пропадутъ для дѣла. Было между нами условлено, что, по приѣздѣ въ Москву, я пришлю адресъ, по которому старшій братъ К—ва будетъ высылать деньги по мѣрѣ ликвидаціи дѣла. Помню, что у москвичей я просилъ въ послѣдствіи указать мнѣ надежный адресъ, по которому можно было бы получить изъ провинціи 10,000 р. Значить, приблизительно эта сумма должна была поступить отъ К—ва въ партію первое время.

К—въ очень уговаривалъ меня остаться у него нѣсколько дней. Но мое безпокойство достигло апогея, я не могъ, физически не могъ сидѣть на мѣстѣ. Видя это мое настроеніе, К—въ пересталъ уговаривать меня и только предложилъ своему старшему брату, у котораго были дѣла въ Таганрогѣ, поѣхать въ одно время со мною.

— Смотри, береги его!—наказывалъ онъ ему усаживая насъ на пароходъ послѣ дружескаго прощенія.

Но, повидимому, берегъ меня не старшій К—въ, берегла меня сама судьба.

XI.

Разіромъ.

Путешествіе мы совершили съ большимъ комфортомъ и вечеромъ того же дня остановились въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Ростова, гдѣ старшій К—въ всегда останавливался.

На другое утро К—въ вошелъ ко мнѣ въ комнату съ телеграммой въ рукахъ и, передавая ее мнѣ, сказалъ:

— Это васъ касается.

Телеграмма была отъ жены младшаго К—а и извѣщала, что *вексель Павла Ивановича* (одна изъ моихъ кличекъ) *опротестованъ въ Екатеринодарѣ.*

Громъ грянулъ! Я зналъ, что въ жандармскомъ отношеніи Ейскъ зависитъ отъ Екатеринодара. Очевидно, вскорѣ послѣ моего отъѣзда жандармы прибыли въ Ейскъ и искали меня тамъ. Но почему? Въ

тотъ моментъ это было для меня непонятно. Впослѣдствіи обнаружилось, что это были результаты ареста Лопатина ¹⁾).

Долго раздумывать тутъ нечего было, надо было дѣйствовать, такъ какъ съ минуты на минуту могли нагрянуть жандармы.

Черезъ двадцать минутъ отходилъ поѣздъ. Я распрощался съ К—вымъ, быстро сложилъ свои вещи, поѣхалъ на вокзалъ и взялъ билетъ въ Новочеркасскъ. На первой станціи, которая находится противъ Нахичевани, я вышелъ изъ поѣзда, оставилъ вещи у буфетчика, прошелъ пѣшкомъ въ Нахичевань и оттуда на извозчикѣ вернулся въ Ростовъ: я не могъ уѣхать, не узнавши, что случилось съ товарищами, которые должны были сидѣть въ типографіи и ждать моего поѣзда,

Подхожу къ типографіи. Вижу, условленного сигнала—горшка съ кактусами нѣтъ на окнѣ. Значить, товарищи погибли! Какъ ни былъ я готовъ къ худшему, что то ударило меня въ сердце, и голова у меня закружилась. Я медленно поплелся дальше и сдѣлалъ усиліе, чтобы собраться съ мыслями. Что дѣлать? По правиламъ конспираціи, я долженъ былъ пойти по явкѣ, вызвать кого-нибудь изъ ростовцевъ и узнать, что случилось. Но передъ тѣмъ какъ уйти, меня потянуло еще разъ посмотреть на домикъ, въ которомъ была типографія. Я зналъ, что безъ боя товарищи не сдались бы. Поразило меня, что по наружному виду никакихъ признаковъ борьбы не было замѣтно. Улица носила свой будничныи характеръ, а обитатели имѣли свой обычный сонный видъ захолустныхъ мѣщанъ. Если бы по содѣйствию съ ними взяли съ бою тайную типографію, это все таки должно было нѣсколько оживить ихъ. У меня явилось полусознанное желаніе потянуть звонокъ. Въ это желаніе входила и доля отчаянія: поскорѣй бы конецъ! И я позвонилъ...

Въ окнѣ промелькнуло блѣдное лицо Сергѣя Иванова, затѣмъ раздался топотъ бѣгущихъ ногъ, дверь открылась и черезъ секунду мы крѣпко обнимали другъ друга.

— Мы уже считали васъ мертвымъ,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Въ сѣни выбѣжали Руня и Сахаръ Сахарычъ, и раньше чѣмъ я успѣлъ задать какой либо вопросъ, мнѣ сообщили, что въ Ростовѣ арестованы всѣ члены центральной группы съ Добрускиной во главѣ и всѣ тѣ, кто дали свои адреса для явокъ и писемъ (въ томъ числѣ писательница Барыкова); сердце у меня упало. Сопоставляя эти печальныя извѣстія съ утренней телеграммой изъ Ейска, я могъ прийти только къ одному выводу, а именно, что Лопатинъ арестованъ... Можно представить себѣ, какъ огорчились товарищи, когда я сообщилъ имъ свой выводъ.

Оправившись нѣсколько отъ удара, мы стали совѣтоваться, что дѣлать. Размѣровъ провала мы не знали, и первое, что необходимо было сдѣлать, это привести въ извѣстность, что именно уцѣлѣло отъ

) Г. А. Лопатинъ былъ арестованъ въ октябрѣ 1884 года. Прилагаемый его портретъ относится именно ко времени ареста знаменитаго дѣятеля освободительнаго движенія.

организации. Было принято такое рѣшеніе: типографія должна была быть снята и спрятана у одного изъ уцѣлѣвшихъ сочувствующихъ (если не ошибаюсь, она была сдана П., который была агентомъ компаніи «Зингеръ» въ Нахичевани). Я долженъ былъ по первоначальному плану поѣхать въ Москву, основаться тамъ и постараться войти въ сношенія съ Петербургомъ и съ городами, съ которыми у меня сохранились связи.

Сергѣй Ивановъ долженъ былъ побывать въ Одессѣ, Кіевѣ и Харьковѣ и недѣли черезъ три пріѣхать ко мнѣ въ Москву.

Руня и Сахаръ Сахарычъ изъявили желаніе немного отдохнуть. Имъ тоже даны были явки. Затѣмъ мы подѣлили деньги и паспорта. Проведя съ товарищами остатокъ дня, я вечеромъ пробрался опять на желѣзнодорожную станцію, взялъ свои вещи и сѣлъ въ поѣздъ, который благополучно довезъ меня въ Москву.

Совершенно не припомню, какъ типографскіе товарищи объяснили мнѣ причину, по которой они сняли съ окна типографіи сигналъ. Очевидно, сигнала никоимъ образомъ не слѣдовало снимать, такъ какъ типографія оставалась чистой. Моя счастливая звѣзда и тутъ спасла меня. Если бы вмѣсто того, чтобы слѣдовать полусознательному побужденію, я поступилъ по правиламъ и пошелъ по явкамъ, я по всей вѣроятности попалъ бы въ руки жандармамъ. Замѣчу здѣсь кстати, что когда я говорю о своей «счастливой звѣздѣ», я не придаю этому выраженію ни малѣйшаго суевѣрнаго значенія. Я слишкомъ долго занимался точными науками, чтобы сохранить въ душѣ тѣнь суевѣрія. Но для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что я принадлежу къ той малочисленной категоріи людей, которымъ въ жизни, что называется, везетъ. Не то, чтобы у меня не было житейскихъ непріятностей. Но изъ всякаго затруднительнаго положенія я всегда выходилъ невредимый такъ сказать *автоматически*, т. е. безъ особаго участія моей воли и сознанія. И въ общемъ все, что жизнь можетъ дать лучшаго, я имѣлъ и имѣю. Объяснить эту незаслуженную удачу во всемъ также трудно, какъ объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что существуютъ бѣдные Макары, какъ будто надѣленные специфическимъ свойствомъ притягивать на свою голову всевозможныя шишки.

XII.

Московскіе революціонеры и провокаторъ Бѣлино-Бржозовскій.

Пріѣхавъ въ Москву, я остановился въ Иверской гостинницѣ, гдѣ я уже нѣсколько разъ раньше останавливался — конечно, по одному и тому же паспорту — и гдѣ меня встрѣтили какъ уже болѣе или менѣе знакомаго проѣзжаго. Такъ какъ полиція несомнѣнно усиленно разыскивала меня, то очень важно было для меня сойти на новомъ мѣстѣ за нѣсколько извѣстную величину, заподозривать которую въ тождествѣ съ разыскиваемымъ государственнымъ преступникомъ не было особыхъ поводовъ.

Какъ только паспортъ мой вернулся изъ прописки, я снялъ ком-

Германъ Александровичъ
ЛОПАТИНЪ.

нату со столомъ у какихъ то нѣмцевъ на Садовой, которымъ я объяснилъ, что прїѣхалъ изъ имѣнія провести зиму въ Москвѣ, а у нихъ де тѣмъ охотнѣе готовъ поселиться, что буду пользоваться случаемъ освѣжить свой разговорный нѣмецкій языкъ. Въ занимаемую нѣмцами квартиру вель отдѣльный парадный ходъ съ улицы, такъ что ни дворника, ни его подручныхъ я въ глаза не видалъ.

Устроившись, я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ поскорѣй войти въ сношенія съ оставшимися революціонерами.

Пароль и явку Лопатинъ далъ мнѣ, если не ошибаюсь, къ студенту Петровской Академіи Е—ву, адресъ котораго можно было узнать въ Академіи. Раньше чѣмъ сунуться туда, я счелъ благоразумнымъ разузнать стороною, насколько арестъ Лопатина отразился на Московскихъ революціонерахъ. Для этого я разыскалъ въ редакціи Русскаго Курьера моего ярославскаго знакомаго К—го и, объяснивши ему въ точности свое положеніе, просилъ его разузнать, были ли въ послѣднее время аресты въ Петровской Академіи и, если возможно, разыскать одного изъ бывшихъ членовъ Ярославскаго Кружка, помощника присяжнаго повѣреннаго М—ва, который состоялъ при извѣстномъ въ то время присяжномъ повѣренномъ Ильинѣ.

К—ій тутъ же сказалъ мнѣ, что въ Москвѣ были многочисленныя аресты и что у Ильина въ конторѣ былъ надняхъ обыскъ. Но, несмотря на царившую тогда панику, онъ безъ малѣйшаго колебанія согласился исполнить мою просьбу.

На другой день онъ сообщилъ мнѣ, что разыскалъ М—ва и назначилъ ему свиданіе со мною. К—ій предложилъ мнѣ и на будущее время свои услуги. Но я уже разсказалъ выше, почему я отказался отъ предложенія К—го и какъ я разставался съ этимъ во всякомъ случаѣ не зауряднымъ человѣкомъ.

М—ва я лично не зналъ, такъ какъ онъ отбывалъ воинскую повинность гдѣ то въ одной изъ центральныхъ губерній, когда я былъ въ Ярославлѣ. Но ярославскіе товарищи хорошо отзывались о немъ, и я надѣялся, что онъ приметъ дѣятельное участіе въ работѣ организациі московскихъ революціонныхъ силъ. Представленіе, которое я составилъ о М—вѣ, подтвердилось при личномъ знакомствѣ. Но принятыя немедленно за дѣло онъ считалъ неудобнымъ въ то смутное время, главнымъ образомъ потому, что онъ состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Тѣмъ не менѣе онъ охотно вызвался сѣздить въ Петровскую Академію и разузнать о моей явкѣ. На другой день онъ сообщилъ мнѣ при свиданіи, что Е—въ арестованъ.

Это было очень непріятнымъ осложненіемъ. Говоря о кружкѣ Петровцевъ, Лопатинъ указалъ мнѣ, какъ на одного изъ болѣе видныхъ членовъ его, на студента П—ва. Я рѣшилъ поэтому обратиться непосредственно къ послѣднему и опять попросилъ М—ва разыскать мнѣ его адресъ. Въ тотъ же вечеръ М—въ сообщилъ мнѣ адресъ П—ва, —гдѣ то на дачахъ въ Петровскомъ Паркѣ.

На слѣдующее утро я на извозчикѣ поѣхалъ въ Петровскій Паркъ и тамъ на одной изъ дачъ, которыя на зиму сдаются колоніямъ студентовъ, я разыскалъ указанную мнѣ квартиру. Меня встрѣтилъ молодой студентъ, который на мой вопросъ о Михаилѣ П—вѣ

сказалъ мнѣ, что послѣдняго нѣтъ дома, но что онъ вернется часамъ къ двѣнадцати. Я снялъ шубу и расположился ждать П—ва, извлеки изъ глубины своего духа запасъ покорнаго терпѣнія, безъ котораго, кажется, ни одно дѣло не дѣлается на Руси.

Минутъ черезъ пятнадцать въ комнату заглянулъ тотъ же молодой студентъ, который встрѣтилъ меня, и задалъ мнѣ такой вопросъ:

— Вамъ собственно какого П—ва нужно?

— Студента Михаила П—ва,—отвѣтилъ я.

— Вотъ те и разъ! А вѣдь тутъ живетъ Николай П—въ,—сказалъ онъ, пріятно улыбаясь.

— Почему же вы раньше мнѣ объ этомъ не сказали? Я же васъ спрашивалъ о Михаилѣ П—вѣ,—сказалъ я ему съ укоризной.

— Не сообразилъ какъ-то сразу,—отвѣтилъ онъ, продолжая улыбаться.

Что съ него взять! Чтобы утѣшить меня, онъ сообщилъ мнѣ, что Михаилъ П—въ настоящий живетъ гдѣ то на выселкахъ за Академіей, и что точный адресъ его я могъ узнать изъ адресной книги студентовъ, которая лежитъ на столѣ въ передней Академіи.

Дѣлать было нечего, пришлось кончить тѣмъ, съ чего, можетъ быть, сразу слѣдовало начать, т. е. идти самому разыскать П—ва.

Къ счастью, мой извозчикъ остался поблизости кормить лошадь, такъ что я могъ договориться съ нимъ на счетъ дальнѣйшихъ странствованій. Подѣхавъ къ Академіи, я вошелъ въ переднюю и сразу направился къ адресной книгѣ. Но не успѣлъ я еще разыскать букву П, какъ ко мнѣ подскочило двое педелей и одинъ изъ нихъ спросилъ меня:

— Вамъ, баринъ, кого нужно? (На мнѣ была дорогая шуба, и общій видъ у меня былъ сравнительно внушительный).

— Благодарю Васъ, я уже нашелъ адресъ, отвѣтилъ я закрывая книгу.

Меня стала разбирать злость, и я рѣшилъ непременно разыскать П—ва, чтобы не тянуть опять канители. Сѣвъ въ пролетку, я приказалъ извозчику ѣхать на выселки, намѣреваясь спросить перваго встрѣчнаго студента съ подходящимъ лицомъ, гдѣ живетъ П—въ. Пропустивъ двоихъ, фізіономіи которыхъ мнѣ не понравились, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что навстрѣчу мнѣ идетъ очень симпатичный, блѣднолицый юноша, одѣтый въ крайне поношенное платье.

Когда на мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что знаетъ Михаила П—ва, я попросилъ его поѣхать со мною и показать мнѣ квартиру, пояснивъ, что не хотѣлъ бы путаться зря по деревнѣ.

Юноша смущенно и подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Пожалуйста, не смущайтесь,—какъ могъ убѣдительно сказалъ я ему,—вы этимъ окажете мнѣ большую услугу.

Онъ, должно быть, проникся ко мнѣ довѣріемъ, потому что лицо его прояснилось, и онъ безъ колебанія сѣлъ рядомъ со мной; въ дорогѣ онъ успѣлъ сообщить мнѣ, что П—въ страшно измученъ и разстроень.

Черезъ нѣсколько минутъ юноша привелъ меня въ избу, гдѣ

меня встрѣтилъ высокій молодой человѣкъ лѣтъ 28, съ длинной, черной бородой. Это былъ наконецъ Михайлъ П—въ. Когда я ему сказалъ, что я отъ «Карла Налимыча» (пароль) и что меня зовутъ Алексѣемъ Павловичемъ, онъ пришелъ въ сильное волненіе и къ моему удивленію слезы закапали у него изъ глазъ.

—Если бы вы знали, какъ я измучился, ожидая васъ! — проговорилъ онъ съ усиленіемъ.—Александръ Петровичъ (одна изъ кличекъ Лопатина) сказалъ мнѣ ничего не предпринимать безъ васъ, я боялся что и вы арестованы, и у меня голова кружится отъ всего того, что здѣсь происходитъ.

Оказалось, что П—въ бился въ когтяхъ Бѣлино-Бржозовскаго, этого ловкаго провокатора, который лѣтомъ 84 г. служилъ посредникомъ между московскими революціонерами и политическими заключенными (Ковалевымъ и потомъ Бѣляевскимъ), провоцировалъ въ тюрьмѣ покушеніе на прокурора судебной палаты Муравьева, добился свиданія съ Лопатинымъ и, давши жандармамъ возможность арестовать его, искалъ новыхъ жертвъ.

Въ бытность свою въ Ростовѣ Лопатинъ разсказалъ мнѣ о дѣятельности этого Бѣлино-Бржозовскаго слѣдующее: Лѣтомъ 84 г. къ студенту Бѣляевскому явился видный мужчина лѣтъ 30, богато одѣтый и съ замашками большого барина, и передалъ ему шифрованную записку отъ Ковалева, который содержался, если не ошибаюсь, въ Бутыркѣ. Мужчина сказалъ Бѣляевскому, что зайдетъ за отвѣтомъ на другой день. Въ запискѣ Ковалевъ писалъ, что податель взялся служить посредникомъ между нимъ и волей, и что дѣлаетъ онъ это изъ мести русскому правительству. Посовѣтовавшись съ товарищами, Бѣляевскій отвѣтилъ Ковалеву тоже шифрованной запиской, въ которой онъ предлагалъ ему продолжать сношенія, но осторожно. На другой день Бѣлино-Бржозовскій зашелъ за отвѣтомъ, но на разспросы Бѣляевскаго отвѣчалъ уклончиво и высокомѣрно.

Еще нѣсколько разъ Бѣлино привозилъ записки отъ Ковалева и передавалъ отвѣты въ тюрьму, причемъ Бѣляевскому назначалъ свиданія въ богатыхъ ресторанахъ и ѣздилъ всегда на великолѣпныхъ лихачахъ.

Въ серединѣ іюля (если не ошибаюсь) Бѣлино привезъ Бѣляевскому шифрованную записку, въ которой Ковалевъ извѣщалъ, что, если товарищи признаютъ это нужнымъ, онъ имѣетъ возможность привести въ исполненіе смертный приговоръ надъ измѣнникомъ и злымъ предателемъ Р—мъ, который въ началѣ 84 г. выдалъ и погубилъ многихъ московскихъ революціонеровъ. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія онъ просилъ, чтобы ему прислали черезъ посредника яду. Посовѣтовались и рѣшили принять предложеніе Ковалева. Черезъ Бѣлино-Бржозовскаго передали не знаю ужъ какого яду Ковалеву, который, улучивъ минуту, подсыпалъ его въ ѣду Р—ву. Но, должно быть, ядъ былъ плохой, потому что Р—въ отдѣлался легкой рвотой и разстройствомъ желудка.

Въ слѣдующее свое сзваніе съ Бѣляевскимъ Бѣлино сообщилъ о неудачномъ исходѣ покушенія на ограбленіе Р—ва, подсмѣивался надъ несмѣлостью революціонеровъ и мало по малу *распался*, заявилъ,

что, если на то пошло, онъ, Бѣлино-Бржозовскій могъ бы устроить революціонерамъ такое террористическое предпріятіе, которое имъ и во снѣ не снилось. Но для этого ему необходимо было бы имѣть дѣло не съ мальчишками, а съ отвѣтственными людьми.

Когда Бѣляевскій сталъ допрашивать его, о какомъ предпріятіи онъ говоритъ, онъ долго не хотѣлъ ничего сказать и только требовалъ, чтобы его свели съ кѣмъ нибудь изъ членовъ Исполнительнаго Комитета. Послѣ долгихъ настояній онъ наконецъ согласился сказать, что могъ бы помочь партіи отдѣлаться отъ ея злѣйшаго врага, извѣстнаго Муравьева, который былъ тогда прокуроромъ Московской судебной палаты. Дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что Лопатинъ, который тогда жилъ въ Москвѣ и который зналъ о сношеніяхъ съ Бѣлино-Бржозовскимъ, рѣшилъ самъ повидаться съ нимъ.. При свиданіи Лопатинъ сказалъ ему, что Исполнительный Комитетъ узналъ о его сношеніяхъ съ молодыми революціонерами, о его предложеніи и его желаніи переговорить съ кѣмъ нибудь изъ членовъ И. К. Само собой разумѣется, что И. К. не можетъ вступать въ какіе бы то ни было непосредственные переговоры съ лицомъ, совершенно ему неизвѣстнымъ. Вотъ почему онъ поручилъ челоуѣку вполне легальному и не занимающемуся революціонными дѣлами узнать, кто такой Бѣлино, какъ онъ попалъ въ тюрьму, какъ онъ можетъ выходить изъ нея и что побудило его оказывать услуги революціонерамъ?

По словамъ Лопатина, Бѣлино былъ великолѣпенъ въ своихъ отвѣтахъ. Кто онъ? Дворянинъ Бѣлино-Бржозовскій, польскаго происхожденія, бывшій офицеръ. Какъ онъ попалъ въ тюрьму? Это революціонеровъ нисколько не касается. Почему онъ имѣетъ возможность выходить изъ тюрьмы? Потому что въ тюрьмѣ всякіе заключенные бываютъ: однихъ обстоятельства подавляютъ, другіе пользуются обстоятельствами. Что побуждаетъ его оказывать услуги революціонерамъ? Конечно, не социалистическія и революціонныя идеи, къ которымъ онъ вполне равнодушенъ. Если онъ хочетъ помогать революціонерамъ, то только для того, чтобы отомстить правительству за обиды, нанесенныя ему лично и его народу. Закончилъ онъ гордымъ заявленіемъ, что его надо брать такимъ, каковъ онъ есть, не копаясь въ его душѣ. Если революціонеры желаютъ пользоваться его содѣйствіемъ, онъ готовъ помогать имъ, а если нѣтъ, тѣмъ хуже для нихъ.

Лопатинъ сказалъ ему на это, что передастъ его объясненія Исполнительному Комитету и, если они будутъ признаны удовлетворительными, его предложенію относительно Муравьева будетъ данъ ходъ. Какъ рассказывалъ мнѣ тогда Лопатинъ, Бѣляевскій продолжалъ видѣться съ Бѣлино, такъ какъ дѣло съ Муравьевымъ шло на ладъ. Было рѣшено передать Ковалеву черезъ Бѣлино заряженный револьверъ. Ковалевъ долженъ былъ спрятать револьверъ на животѣ и вызвавшись на допросъ къ Муравьеву, въ удобный моментъ застрѣлить этого безпощаднаго врага. Выслушавъ внимательно рассказъ Лопатина, я выразилъ опасеніе, что Бѣлино-Бржозовскій можетъ оказаться ловкимъ и опаснымъ провокаторомъ. На это Лопатинъ возразилъ мнѣ, что и ему самому приходила въ голову эта мысль, но что изъ личнаго свиданія съ Бѣлино онъ вынесъ впечатлѣніе, что послѣдній

—несомнѣнно запятанный, но сильный человѣкъ, у котораго есть интересъ и желаніе вредить русскому правительству. Вотъ что я зналъ объ этомъ *много* дѣлъ отъ Лопатина, когда я пріѣхалъ въ Москву. Продолженіе его я узналъ теперь отъ Михаила П—ва.

Въ сентябрѣ Бѣляевскій былъ арестованъ во время манифестации подъ окнами «Московскихъ Вѣдомостей», и сношенія съ Бѣлино-Бржозовскимъ сталъ вести Е—въ. Въ свое время Ковалеву былъ переданъ пистолетъ, заряженный—чуть-ли не по совѣту Бѣлино-Бржозовскаго—летками (очень крупной дробью, которой бьютъ волковъ). Ковалевъ былъ вызванъ, по его прошенію, къ прокурору судебной палаты, но какъ только онъ вошелъ въ комнату, въ которой сидѣлъ Муравьевъ, жандармъ запустилъ ему руку за пазуху и вытащилъ у него пистолетъ. Такъ разсказалъ это событіе Бѣлино-Бржозовскій, который выражалъ горестное сожалѣніе по поводу того, что покушеніе не удалось, но настаивалъ на томъ, что унывать не слѣдуетъ, и тутъ же просилъ П—ва опять свести его съ кѣмъ нибудь изъ членовъ Исполнительнаго Комитета.

Какъ только я узналъ положеніе дѣла, у меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бѣлино-Бржозовскій шпионъ провокаторъ, который, выудивъ Лопатина, надѣялся поймать еще кого нибудь изъ разыскиваемыхъ жандармами революціонеровъ. Я такъ и сказалъ П—ву. Какъ и Лопатинъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что ему тоже приходила въ голову эта мысль, тѣмъ болѣе, что Бѣлино-Бржозовскій давалъ ему свѣдѣнія въ извѣстномъ шпионскомъ гнѣздѣ—трактирѣ «Ростовъ», который былъ штабъ-квартирой извѣстнаго въ то время начальника охраны Бердяева. Я предложилъ тогда П—ву взять у меня денегъ и паспортъ, сбрить свою апостольскую бороду и немедленно уѣхать въ провинцію—въ Казань или Ростовъ, гдѣ еще были кой-какія связи.

Къ моему удивленію, П—въ отвѣчалъ на мое предложеніе упорнымъ отказомъ. Онъ говорилъ, что онъ все равно пропащій человѣкъ, но что, можетъ быть, Бѣлино-Бржозовскій еще вовсе не шпионъ, что лучше еще подождать и т. д. Я положительно не понималъ П—ва. Если онъ вопреки моему опредѣленному мнѣнію могъ такъ упорно стоять на своемъ, то зачѣмъ ему было ждать съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ моего пріѣзда въ Москву? Въ другое время я, вѣроятно, въ свою очередь настоялъ бы на своемъ мнѣніи и потребовалъ бы отъ П—ва, именемъ организациі, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Москвы. Но я самъ тогда слишкомъ былъ деморализованъ разгромомъ организациі, чтобы прибѣгать къ героическимъ средствамъ. Къ тому же я нисколько не былъ увѣренъ, что эти средства подѣйствуютъ. Мнѣ отъ души жаль было П—ва, который съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, лѣзъ прямо въ пасть волка,—лѣзъ безъ какой бы то ни было пользы для дѣла. Но все, что я отъ него добился, это было обѣщаніе прервать по конспиративнымъ соображеніямъ всякія сношенія съ московскими революціонерами. Отъ П—ва я узналъ, что кружокъ, намѣченный Лопатинымъ, большей частью уцѣлѣлъ. П—въ указалъ мнѣ, какъ войти съ нимъ въ сношенія. Кромѣ того, если не ошибаюсь, онъ посоветовалъ мнѣ повидаться съ М—мъ, который занималъ видное мѣсто въ конторѣ

Вогау и тогда только что вернулся изъ за границы. Вообще П—въ былъ настроенъ пессимистически и былъ не очень высокаго мнѣнія о революціонныхъ силахъ Москвы. Отъ него же я узналъ впервые, что большіе аресты были произведены почти во всѣхъ сколько нибудь замѣтныхъ центрахъ Россіи. Разгромъ организациі, вызванный арестомъ Лопатина, былъ очевидно всеобщимъ.

Разскажу здѣсь пару словъ о финалѣ авантюры съ Бѣлино-Бржозовскимъ.

Черезъ два дня послѣ моего свиданія съ нимъ П—въ былъ арестованъ: за нѣсколько минутъ до его ареста неизвѣстный человѣкъ вручилъ ему записку, повидимому отъ Бѣлино-Бржозовскаго, въ которой говорилось, что жандармы хотятъ арестовать П—ва, но что охрана противится. Когда пришли жандармы, П—въ попытался проглотить какія то имѣвшіяся у него записки, но жандармы чуть не задушили его и вынули у него изо рта то, что онъ хотѣлъ проглотить. Обыскъ въ его квартирѣ былъ произведенъ жандармами такъ небрежно, что на другой день послѣ ихъ посѣщенія товарищи П—ва нашли за балкой на потолокъ цѣлую кипу нелегальной литературы и 100 руб. партійныхъ денегъ. Михаилъ П—въ отдѣлался сравнительно дешево: онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на 3 года въ Уфимскую губернію.

Послѣ ареста П—ва Бѣлино-Бржозовскій, который былъ профессиональнымъ червоннымъ вылетомъ и только случайнымъ провокаторомъ, заявился къ одной курсисткѣ, знакомой П—ва, и попросилъ ее познакомить его съ кѣмъ нибудь изъ серьезныхъ «революціонеровъ»; та отвѣтила ему, что никакихъ революціонеровъ, ни серьезныхъ, ни несерьезныхъ не знаетъ. Онъ отретировался, но черезъ нѣкоторое время опять пришелъ къ ней все за тѣмъ же. Она тогда заявила ему, что если онъ еще разъ появится у нея въ квартирѣ, она пожалуется полицеймейстеру. Онъ исчезъ. Вынырнулъ Бѣлино-Бржозовскій черезъ нѣсколько лѣтъ на скамьѣ подсудимыхъ въ Саратовскомъ окружномъ судѣ, и вотъ по какому дѣлу: Въ 86 или 87 г. въ Москвѣ проживалъ и вращался въ революціонныхъ кругахъ нѣкій молодой человѣкъ, сынъ богатаго саратовскаго купца. Этотъ молодой человѣкъ не совсѣмъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, и когда Бѣлино-Бржозовскій облюбовалъ его и припугнулъ жандармами, молодой человѣкъ сталъ откупаться отъ него деньгами. Червонному валету только этого и нужно было. По мѣрѣ того, какъ требованія Бѣлино-Бржозовскаго росли, молодой человѣкъ оказался въ болѣе и болѣе затруднительномъ положеніи. Дошло дѣло до того, что, по требованію своего мучителя, молодой человѣкъ подписалъ какой то вексель, на которомъ, если не ошибаюсь, самъ Бѣлино-Бржозовскій поддѣлалъ подпись отца своей жертвы. Онъ, вѣроятно, надѣялся, что до скандала дѣло не дойдетъ, но ошибся въ своихъ расчетахъ. Сотворивъ бѣду, молодой человѣкъ испугался, поѣхалъ къ своему родителю и принесъ ему повинную. А родитель, который оказался человѣкомъ съ характеромъ, подалъ жалобу прокурорскому надзору. Бѣлино-Бржозовскаго судили въ окружномъ судѣ и приговорили къ ссылкѣ на поселеніе.

XIII.

Приведеніе въ извѣстность революціоннаго положенія.

По указаніямъ, даннымъ мнѣ Поповымъ, я вошелъ въ сношенія съ народовольческимъ кружкомъ, наиболѣе замѣтными членами котораго были Е-въ (братъ арестованнаго), Ф-въ и Миноръ. О другихъ членахъ у меня сохранились только очень смутныя воспоминанія. Всѣ они были очень молоды, нѣкоторые изъ нихъ недавно вернулись изъ странствованій по идейнымъ дебрямъ «Молодой Народной Воли», но въ общемъ они производили хорошее впечатлѣніе. Повидавшись съ нѣкоторыми изъ нихъ порознь, я предложилъ имъ собраться всѣмъ вмѣстѣ для того, чтобы обмѣняться мыслями и выяснить положеніе. Смутно припоминаю собранія, на которыхъ присутствовало человѣкъ 8—10, но хорошо помню, что утѣшительнаго изъ этихъ собраній я вынесъ мало. Готовыхъ элементовъ для созданія серьезной группы, которая могла-бы взять въ свои руки веденіе революціонной работы въ Москвѣ, не было, а былъ только болѣе или менѣе сырой матеріалъ, изъ котораго со временемъ могли выработаться такіе элементы. Дѣло представлялось мнѣ въ такомъ видѣ, что въ Москвѣ долго еще придется заниматься исключительно революціонно-воспитательной работой раньше, чѣмъ можно будетъ приступить къ организациіи революціонныхъ силъ въ собственномъ смыслѣ слова. Осложнялось еще въ значительной степени положеніе той специфически-московской особенностью, въ силу которой между московскими революціонными кругами и охраной существовала непрерывная связь. Буквально трудно было опредѣлить, гдѣ кончалась революціонная организациа и гдѣ начиналась шпіонская. Знаменитый Зубатовъ, который въ то время впервые появился на революціонномъ горизонтѣ, былъ однимъ изъ продуктовъ этой пагубной особенности. Къ своему великому огорченію, я не замедлилъ убѣдиться, что я самъ попалъ въ сферу дѣйствія ея.

Говоря съ членами кружка о положеніи партіи, я упомянулъ, что въ ближайшемъ будущемъ предвидится полученіе сравнительно крупной суммы денегъ, и между прочимъ попросилъ ихъ дать мнѣ хорошій адресъ, по которому можно было бы перевести въ Москву 10,000 руб. Черезъ нѣкоторое время мнѣ былъ указанъ адресъ М—ра въ конторѣ Вогау. Такъ какъ о М—рѣ я уже раньше кое-что слыхалъ, то я рѣшилъ познакомиться съ нимъ лично, и черезъ нѣкоторое время между нами состоялось свиданіе у него же на квартирѣ.

М—ръ тогда только что вернулся изъ за-границы, гдѣ видѣлся съ Лавровымъ и нѣкоторыми другими эмигрантами, и былъ еще полонъ заграничныхъ впечатлѣній. Несмотря на то, что ему было уже лѣтъ подѣ тридцать, онъ показался мнѣ совершеннымъ новичкомъ въ революціонномъ дѣлѣ,—новичкомъ не только въ практическомъ, но и въ идейномъ отношеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ несомнѣнно видна была большая преданность дѣлу и готовность служить ему. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ нимъ, мнѣ пришла въ голову

мысль, что, благодаря прочности его положенія, онъ могъ-бы быть очень полезенъ партіи въ роли секретаря, который на первое время велъ-бы наименѣе конспиративную часть партійныхъ сношеній и хранилъ бы зашифрованными соответственные адреса. Дѣло въ томъ, что подѣ влияніемъ разгрома, послѣдовавшаго за арестомъ Лопатина, я часто думалъ о неудобствѣ централизованія всѣхъ партійныхъ свѣдѣній въ рукахъ одного—двухъ человѣкъ, которымъ чрезвычайно трудно обращаться конспиративно съ такимъ громаднымъ матеріаломъ. Конечно, нѣтъ никакой надобности вести поименный списокъ членовъ организаціи. Но и помимо такого списка накапливается масса конспиративныхъ свѣдѣній. Мнѣ казалось, что это неудобство и сопряженная съ нимъ опасность могли бы до извѣстной степени быть устранены, если бы весь конспиративный матеріалъ можно было разсортировать на двѣ части, особо важную и менѣе важную. Последняя могла бы быть передана для манипулированія одному или нѣсколькимъ надежнымъ лицамъ съ вмѣненіемъ имъ въ обязанность хранить всѣ свѣдѣнія только въ зашифрованномъ видѣ, тогда какъ первая оставалась бы исключительно въ рукахъ власти имущихъ и могла бы вслѣдствіе ограниченности ея размѣровъ быть предметомъ сугубо бережнаго обращенія.

Первый опытъ въ указанномъ направленіи я думалъ сдѣлать съ М—мъ, который показался мнѣ подходящимъ человѣкомъ для этого дѣла, и поэтому я сталъ ближе присматриваться къ нему. Видѣлся я съ нимъ у него дома, въ богатой квартирѣ съ швейцаромъ въ одной изъ хорошихъ частей Москвы.

Разъ вечеромъ я пришелъ къ нему безъ предварительнаго уговора и, по обыкновенію, былъ введенъ въ гостинную. Когда М—ръ вышелъ ко мнѣ, я былъ пораженъ его разстроеннымъ и испуганнымъ видомъ.

— Боже мой, зачѣмъ вы пришли?—сказалъ онъ съ тоской.—Васъ могутъ сейчасъ арестовать. Швейцаръ васъ видѣлъ?

— Не только видѣлъ, но даже почтительно проводилъ до самыхъ вашихъ дверей. Въ чемъ дѣло?

— Мнѣ дали знать, что за мной усиленно слѣдятъ жандармы, надѣясь захватить у меня революціонеровъ, которые будто бы должны явиться ко мнѣ изъ за-границы. Кромѣ того полиція знаетъ, что вы здѣсь. Объ этомъ вамъ скажетъ писатель Щ., который настоятельно требуетъ свиданія съ вами. А теперь вамъ, немедленно ни минуты, надо выбраться отсюда.

Давши мнѣ указанія насчетъ того, гдѣ видѣться съ Щ., М—ръ проводилъ меня черезъ кухню во дворъ, откуда я вышелъ черезъ ворота на пустынный переулокъ, параллельный улицѣ, на которой стоялъ домъ. На скамейкѣ у воротъ сидѣло какихъ-то два молодца въ чуйкахъ. Я не обратилъ на нихъ особаго вниманія, считая, что они принадлежатъ къ прислугѣ богатаго дома. Но какъ только я отошелъ шаговъ на двадцать, я услышалъ, что они поднялись и пошли за мной. Я незамѣтно ускорилъ шагъ, но не замедлил убѣдиться съ очень непріятнымъ чувствомъ, что они не отстаютъ отъ меня. Когда я свернулъ съ переулка на большую улицу, я увидалъ въ нѣсколькихъ

шагахъ впереди себя лихача, съ которымъ рассчитывался только-что привезенный имъ господинъ. Послѣдній уходилъ въ домъ, когда я приблизился къ лихачу.

— Свободный?

— Пожалуйте, баринъ!

Нѣсколько секундъ, и я уже несся въ санкахъ по прекрасному зимнему пути, кинувъ лихачу имя моднаго трактира.

Опять судьба улыбнулась мнѣ! Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что молодцы въ чуйкахъ остановились на углу и смотрятъ мнѣ вслѣдъ...

На другой день М—ръ былъ арестованъ. Высланный административнымъ порядкомъ въ Челябинскъ, онъ тамъ умеръ отъ чахотки.

Писателя Щ., бывшего ссыльнаго, я видѣлъ мелкокомъ въ Ярославлѣ, но слышалъ о немъ многое отъ нашего общаго ярославскаго знакомаго К—го. Онъ былъ, если не ошибаюсь, народникомъ, но къ народовольческой дѣятельности относился сочувственно.

По указаніямъ М—ра я въ 10 ч. того же вечера, въ который произошелъ описанный инцидентъ, поѣхалъ въ глухую часть города гдѣ-то за Сухаревой Башней и тамъ по плохо освѣщеннымъ улочкамъ добрался до совершенно темнаго церковнаго двора — имя церкви я забылъ — и въ домикъ направо, который служилъ квартирой священнику, я встрѣтился съ Щ. Онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ обо мнѣ отъ К—го, съ которымъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ. Изъ вполне вѣрнаго источника онъ узналъ, что жандармамъ извѣстно мое пребываніе въ Москвѣ; извѣстно имъ также, что я просилъ достать мнѣ надежный адресъ для полученія 10,000 р. Они надѣются выслѣдить и взять меня. Относительно М—ра Щ. не могъ сообщить мнѣ ничего больше, чѣмъ самъ М—ръ сказалъ мнѣ. На мой вопросъ объ источникѣ его свѣдѣній Щ. отвѣтилъ, что далъ слово ничего не говорить о немъ, но что источникъ вполне вѣрный.

Сообщилъ мнѣ еще Щ., что въ Москвѣ находится жена одного кавказскаго адвоката, очень дѣльнаго человѣка, съ которымъ я видѣлся въ Ростовѣ-на-Дону. Она очень желала бы повидаться со мною передъ возвращеніемъ домой.

Поблагодаривъ Щ. за услугу и условившись съ ними насчетъ дальнѣйшихъ свиданій, я вернулся къ себѣ. Нельзя сказать, чтобы на душѣ у меня было легко. Тотъ фактъ, что власти знали не только о моемъ приѣздѣ, но и объ адресѣ для 10,000 р., показывалъ съ полнотой очевидностью, что, если не въ самомъ кружкѣ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, то гдѣ нибудь близко около него, былъ предатель. Теперь, послѣ того какъ у меня въ рукахъ былъ обвинительный актъ по процессу Лопатина и товарищей, дѣло представляется мнѣ въ значительно менѣе дурномъ свѣтѣ. Сознательнаго предателя не было ни въ самомъ кружкѣ, ни, вѣроятно, по близости. Но за то были люди съ широкой московской душой и легкіе на языкъ. Зная изъ замѣтки Лопатина, что я долженъ былъ быть въ Москвѣ, жандармы отлично могли кое-что разузнать про меня при посредствѣ лицъ, стоящихъ на границѣ революціонныхъ и шпіонскихъ круговъ. Для этого вовсе не было надобности разспрашивать прямо про меня или описывать мои примѣты. Московскій революціонеръ, одаренный широкой душой, скорѣе отку-

силъ-бы себѣ языкъ, чѣмъ выдалъ-бы меня. Но, если-бы ему сказали, что дѣла партіи стоятъ плохо и что всѣ члены организациі арестованы, онъ не преминулъ-бы сказать, что нѣтъ, кое-кто остался. А если-бы ему на это возразили, что остался, вѣроятно, кто нибудь изъ молодыхъ, онъ не затруднился бы сказать, что самъ видѣлъ или вѣрный человѣкъ видѣлъ собственными глазами, и не дальше, какъ вчера одного изъ старыхъ членовъ партіи. Этого одного было бы достаточно. А чтобы показать, что дѣла партіи стоятъ вовсе не такъ плохо, революціонеръ съ широкой душой могъ бы—для вящей славы партіи—добавить, что этотъ самый старый членъ получить вскорѣ 10,000 р., такъ какъ онъ просилъ указать ему адресъ для этой получки.

По всей вѣроятности, такимъ путемъ жандармы и добыли свѣдѣнія, которыя сообщилъ мнѣ Щ. Но какъ-бы то ни было, я поступилъ такъ, какъ по моему мнѣнію, слѣдовало поступить. Собравъ членовъ кружка, я разсказалъ имъ то, что узналъ отъ Щ. и заявилъ, что вынужденъ прекратить всякія дѣла съ ними и выѣхать изъ Москвы, такъ какъ кто нибудь изъ нихъ несомнѣнно состоитъ въ сношеніяхъ съ предателемъ. Но съ двумя членами этого кружка, которые показались мнѣ лучшими, — съ Ф—мъ и, кажется, Е—мъ—я продолжалъ видѣться и даже назначалъ имъ свиданія у себя на квартирѣ,—довѣріе къ ихъ конспиративности, которое я оказывалъ немногимъ.

Положеніе, въ которомъ я очутился, было въ высшей степени непріятнымъ и затруднительнымъ. Оставаться при указанныхъ условіяхъ въ Москвѣ значило дерзко рисковать не только собою, но и тѣмъ дѣломъ, которое привело меня туда. Конечно, планы, съ которыми я пріѣхалъ, въ значительной степени сѣзились при столкновеніи съ московскою дѣйствительностью. Но я все еще надѣялся кое-что устроить и для этого я и видался съ Ф—мъ и Е—мъ. Кроме того я ждалъ свѣдѣній изъ мѣстъ, куда я написалъ, а главное, я ждалъ Сергѣя Иванова, которому я назначилъ свиданіе въ Москвѣ. Отъ результатовъ объѣзда, который онъ долженъ былъ совершить, цѣликомъ зависѣлъ планъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Я рѣшилъ поэтому остаться въ Москвѣ, усилить конспиративность и положиться въ остальномъ на свое счастье. Всякій повѣритъ мнѣ на слово, когда я скажу, что чувствовалъ я себя въ это время не особенно хорошо. Мнѣ когда-то разсказывалъ офицеръ, участвовавшій въ турецкой кампаніи, что при отступленіи отъ Шибки, гдѣ турецкія пули косили русскихъ солдатъ десятками и тысячами, онъ чувствовалъ неловкость въ затылкѣ. «Неловкость» эту я ощущалъ въ спинѣ всякій разъ, когда выходилъ на улицу. Меня буквально преслѣдовалъ страхъ, что шпіоны, по тогдашнему методу, схватятъ меня сзади за руки и лишатъ возможности дѣйствовать револьверомъ. А я твердо былъ намѣренъ оказать вооруженное сопротивленіе и покончить съ собою послѣднимъ зарядомъ. Въ виду этого страха я по очень люднымъ улицамъ совсѣмъ не ходилъ, а въ другихъ мѣстахъ по возможности сторонился отъ встрѣчныхъ, особенно когда они шли не поодиночкѣ. Моя правая рука держала всегда въ карманѣ шубы револьверъ, готовый къ стрѣльбѣ.

Въ квартирѣ у себя я тоже принялъ надлежащія мѣры. Дверь своей комнаты я на ночь никогда не запиралъ. Сонъ у меня былъ

очень чуткій, и я былъ увѣренъ, что меня не застанутъ врасплохъ. Если бы я заперлъ дверь, то въ случаѣ прихода жандармовъ, пришлось бы или пойти открыть дверь и быть подъ рукой у нихъ, или дать взломать ее, и тѣмъ заставить ихъ быть на сторожѣ. На ночь я всегда отодвигалъ большой умывальный столъ, который стоялъ близъ моей кровати, и устраивалъ себѣ изъ него баррикаду, изъ за которой меня не сразу можно было-бы извлечь.

Случай оказывается иногда большимъ шутникомъ. Онъ заставилъ меня продѣлать генеральный маневръ, пославъ въ неурочный часъ полицію въ квартиру моихъ хозяевъ-нѣмцевъ.

Разъ ночью я былъ разбуженъ рѣзкимъ звонкомъ, отъ котораго трепещетъ сердце русскаго обывателя. Когда я очнулся, я оказался сидящимъ въ кровати съ револьверомъ въ рукахъ. Наружную дверь открыли, произошелъ короткій разговоръ, слышались тяжелые шаги нѣсколькихъ паръ ногъ, шашка стукнулась о деревянную дверь. Я моментально занялъ свою позицію.

Въ эти минуты, которыя я считалъ послѣдними своей жизни, я ощутилъ не страхъ смерти и не тотъ подъемъ духа, въ силу котораго люди, умирая, бросаютъ міру звонкую фразу,—я почувствовалъ большую, чисто-дѣтскую жалость къ самому себѣ. Чувство это было до того неожиданнымъ для меня, что комическая сторона положенія заставила меня улыбнуться; притаился человѣкъ въ ночномъ туалетѣ за умывальникомъ съ револьверомъ въ рукахъ и преисполняется жалости къ себѣ...

Какъ во снѣ, я слышалъ, что шаги, прошли мимо моей двери и затихли въ глубинѣ корридора. Неужь-то рядомъ со мною жилъ неизвѣстный мнѣ товарищъ? Съ четверть часа—цѣлую вѣчность—я простоялъ въ томительномъ ожиданіи. Я продрогъ, и зубы у меня стучали отъ холода и, вѣроятно, отъ волненія. Если-бы теперь полиція пришла ко мнѣ, рука моя не была-бы такъ тверда, какъ вначалѣ. Но она опять прошла мимо меня, увлекая за собою свою жертву. Когда наружная дверь закрылась, я опять легъ въ постель.

Утромъ я узналъ причину переполоха. У хозяевъ моихъ жиль ихъ богатый родственникъ, который, несмотря на свое тевтонское происхожденіе и сопряженную съ нимъ высшую культуру, отлично усвоилъ себѣ привычки московскихъ саврасовъ.

Напившись пьянымъ въ загородномъ трактирѣ, онъ натравилъ на сидѣльца свою собаку, которая и покусала эту обычную жертву московскихъ гулякъ. За этотъ подвигъ нѣмецъ былъ приговоренъ къ мѣсячному заключенію. Послѣ тщетныхъ попытокъ застать его дома днемъ, полиція нагрянула на него ночью, причемъ явилась въ достаточномъ числѣ, чтобы отнять у него всякую охоту къ сопротивленію.

А мои хозяева—нѣмцы очень извинялись передо мною за безпокойство, которое причинилъ мнѣ этотъ «höchst unangenehmer Fall»...

Въ 20-хъ числахъ ноября пріѣхалъ Сергѣй Ивановъ. Я очень обрадовался его пріѣзду, но нерадостны были вѣсти, которыя онъ привезъ. Всюду болѣе зрѣлая революціонныя силы были вырваны изъ рядовъ, осталась зеленая молодежь, надъ которой надо работать,

чтобы создать из нея будущую организацію партіи. Это было въ общемъ то-же заключеніе, къ которому я пришелъ въ Москвѣ. Ивановъ былъ очень разстроенъ и чувствовалъ большую усталость духа. На счетъ дальнѣйшей работы у него опредѣленныхъ плановъ не было. Онъ рѣшилъ поэтому уѣхать на время за границу, чтобы немного отдохнуть и столкнуться съ заграничными дѣятелями партіи.

Звалъ онъ и меня въ Парижъ, но я отказался выѣхать изъ Россіи.

Въ отдыхѣ я особенной потребности не ощущалъ, а къ результату «столковыванія» съ эмигрантами я относился скептически: опытъ организаціи, испеченной заграницей, не могъ дѣйствовать на меня ободряющимъ образомъ. Кромѣ того положеніе казалось мнѣ менѣе безнадежнымъ, чѣмъ Иванову. Я потому просилъ его остаться со мною нѣкоторое время въ Москвѣ, чтобы общими силами выдѣлить элементы, пригодные для образованія хоть небольшой дѣлоспособной группы.

Если-бы это удалось, я поѣхалъ-бы въ Петербургъ, гдѣ тогда впервые появилась социаль-демократическая группа, и посмотрѣлъ-бы, нельзя-ли тамъ чтонибудь сдѣлать. А тамъ дальше видно было-бы.

Ивановъ съ моимъ мнѣніемъ на счетъ безполезности переговоровъ съ старыми народовольцами не согласился, но остался, какъ я его просилъ, въ Москвѣ. Когда-же черезъ нѣкоторое время мы общими силами пришли къ убѣжденію, что въ организаціонномъ отношеніи сейчасъ ничего нельзя было сдѣлать, да и не очень видно было, за что можно было приняться, Ивановъ уѣхалъ за границу. Я рѣшилъ остаться, чтобы сдѣлать еще одну попытку, о которой сейчасъ будетъ рѣчь.

Я уже упоминалъ, что Щ. говорилъ мнѣ о женѣ кавказскаго адвоката, которая желала видѣть меня. Адвокатъ этотъ, человѣкъ умный и энергичный, но съ нѣкоторыми личными особенностями, которыя мнѣ не нравились, ходилъ когда-то въ народъ, но уцѣлѣлъ. Теперь онъ по идеямъ своимъ былъ народовольцемъ, но по обстоятельствамъ матеріальнаго и семейнаго характера активнаго участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принималъ.

Въ бытность свою въ Ростовѣ, куда онъ нарочно пріѣзжалъ, чтобы повидаться съ революціонерами, онъ мнѣ говорилъ, что, какъ только устроятся его дѣла, онъ болѣе дѣятельно займется партійной работой. Жена его, симпатичная, немолодая уже женщина тянулась къ революціонному дѣлу, кажется, больше, чѣмъ онъ самъ. Передъ тѣмъ, какъ вернуться на Кавказъ, она хотѣла поговорить со мною о положеніи дѣлъ и посоветоваться, что ей дѣлать. Я совершенно откровенно рассказалъ ей о полномъ разгромѣ народовольческой организаціи — у меня вообще было правиломъ шила въ мѣшкѣ не утаить — и о своемъ стремленіи сплотить какую-нибудь группу, которая могла-бы сколько-нибудь направлять ту революціонно-подготовительную работу, которой теперь, вѣроятно, еще долго придется заниматься. Не скрылъ я отъ нея и то, что мои попытки окончились до сихъ поръ полной неудачей. Какъ на причину этой неудачи я указалъ главнымъ образомъ на то, что за послѣднее время въ органи-

зацію были втянуты всѣ болѣе зрѣлые, активные элементы, которые теперь погибли сразу, не успѣвъ приготовить себѣ преемниковъ.

Тутъ она сказала мнѣ, что, если всѣ *активные* элементы погибли, то все же имѣется резервъ революціонно-мыслящихъ и сочувствующихъ Народной Волѣ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не принимали въ послѣднее время активного участія въ революціонномъ дѣлѣ. Для той революціонно-подготовительной работы, о которой я говорю, они, можетъ быть, пригодятся. И она указала мнѣ нѣсколько человекъ, жившихъ на Кавказѣ и болѣе или менѣе участвовавшихъ въ движеніи 70-хъ годовъ.

Мысль ея показалась мнѣ правильной, и я рѣшилъ во всякомъ случаѣ сдѣлать попытку въ этомъ направленіи. Смущало меня нѣсколько, что аналогичныя попытки, которыя мнѣ пришлось до тѣхъ поръ сдѣлать, кончились неудачей. Но я склоненъ былъ объяснять это частными причинами.

Такъ какъ въ Москвѣ ничто меня не удерживало, то въ 10-хъ числахъ декабря я выѣхалъ оттуда на югъ съ цѣлью привести въ извѣстность резервъ революціоннаго движенія. Кромѣ указаній, данныхъ мнѣ женою адвоката и относившихся къ лицамъ, которыя ушли на Кавказъ, я получилъ нѣсколько свѣдѣній, казавшихся мнѣ тогда очень цѣнными, отъ московскихъ знакомыхъ.

Объ этомъ своемъ послѣднемъ объѣздѣ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ очень тяжелаго чувства. Люди, несомнѣнно интеллигентные, которые раньше какъ-ни-какъ рисковали своимъ благополучіемъ во имя идеи, оказались объятими шкурнымъ страхомъ, — тѣмъ рабскимъ, постыднымъ, паническимъ страхомъ, который, какъ повѣтріе, прошелъ по всей Россіи и который, напр., побудилъ тогда, одного, нынѣ выдающагося общественнаго, почти государственнаго дѣятеля сжечь письма, которыя Г. А. Лопатинъ писалъ ему когда-то по вопросамъ философскимъ и научнымъ! Страдалъ я внутренно не столько отъ непривлекательности зрѣлища, которое было у меня передъ глазами, сколько отъ сознанія, что изъ подъ этого страха за шкуру почти у всѣхъ несомнѣнно сквозило *недовѣріе* къ революціонной организаціи. Какъ мнѣ не больно сказать это, я чувствовалъ, что безпримѣрное по своему характеру и размѣрамъ дегаевское предательство подорвало довѣріе къ нравственной устойчивости руководителей организаціи, а разгромъ, послѣдовавшій за арестомъ Лопатина, подорвалъ довѣріе къ ихъ дѣлоспособности. Слѣдуя одно за другимъ, въ короткій промежутокъ времени, эти два ужасныхъ событія могли бы потрясти психику гораздо болѣе устойчивую, чѣмъ та, которой была одарена тогда средняя революціонная интеллигенція.

Но и это еще было не все. По совѣсти, я не могъ не видѣть, что страхомъ за собственное благополучіе и недовѣріемъ къ организаціи нельзя было всецѣло объяснить отрицательное отношеніе «резерва» къ продолженію революціонной дѣятельности въ прежнемъ направленіи. Не всѣ представители его были одержимы въ одинаковой степени этими нехорошими чувствами. Кавказскій адвокатъ, напр., былъ вполне отъ нихъ свободенъ, также какъ и нѣкоторые другіе прежніе дѣятели, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло до ареста

Лопатина. Кромѣ того сильное убѣжденіе очень и очень часто торжествуетъ надъ побужденіями низшаго порядка. Но именно этого сильного убѣжденія у «резерва» не было. Какъ въ лучшихъ, такъ и въ худшихъ представителяхъ его чувствовалась полная *неудовлетворенность* прежними путями. Мало-по-малу въ моемъ умѣ стала вырисовываться такая картина положенія: престижъ партіи, завоеванный героической плеядой первыхъ борцовъ Народной Воли, погибъ; людей, которые могли бы поднять упавшее знамя и понести его дальше, нѣтъ; вѣра въ жизненность, въ цѣлесообразность программы и тактики партіи исчезаетъ. Невольно мысль стала искать внутренней связи между этими явленіями, старалась выяснить *общую* причину безотраднaго положенія партіи. Я почувствовалъ, что та строга́я идейная дисциплина, которую я сознательно наложилъ на себя, чтобы избѣжать «гамлетствованія» въ области живого революціоннаго дѣла, начинаетъ колебаться...

Съ тяжелымъ сердцемъ и съ тяжелой головой я докатился до Тифлиса, гдѣ у меня были революціонныя связи.

XIV.

Ликвидация.

И вдругъ, какъ сквозь прорванную плотину вода, на меня хлынулъ потокъ мыслей, сомнѣній, воспоминаній, отъ которыхъ я до тѣхъ поръ упорно и болѣе или менѣе успѣшно отбивался.

Оглушенный, я растерялся и почувствовалъ предсмертную тоску... Но мало-по-малу я сталъ приходить въ себя, и умъ сталъ работать болѣе методически. Что случилось? Что измѣнилось?

Сидя часами неподвижно въ неудобной комнатѣ, которую я снялъ у какой-то старой, доброй грузинки, я вновь переживалъ все свое идейное прошлое и старался уяснить себѣ свое положеніе...

Я выросъ въ деревнѣ и любилъ народъ раньше, чѣмъ я былъ способенъ воспринять какія бы то ни было идеи о «долгѣ» по отношенію къ нему. Любилъ я его, какъ любилъ ниву, волнуемую легкимъ вѣтромъ въ жаркій лѣтній день, или жаворонка, который, трепеща крылышками высоко надъ землею, бросаетъ въ пространство свою жизнерадостную, серебристую пѣсню. Я любилъ его, потому, что былъ въ общеніи съ нимъ. Когда пришли идеи, онѣ только освѣтили и освятили эту любовь, но вызвана она была не ими.

Любя природу, я рано почувствовалъ стремленіе къ познанію ея, но осмыслилось это стремленіе только послѣ того, какъ я прочелъ Писарева,—мнѣ было тогда 15 лѣтъ. Отъ него же я узналъ, что я долженъ приносить пользу обществу. И, смотрите, какъ все это тогда хорошо и складно выходило! Занимаешься себѣ естествознаніемъ—меня и тогда уже особенно интересовала біологическая химія,—излагаешь популярно (непремѣнно!) свои и чужія изслѣдованія, и выходитъ изъ этого сама собою польза обществу. А что такое «общество», объ этомъ вопросъ опредѣленно не ставился, потому что и такъ все было ясно.

Но вскорѣ—это было въ 1874 г., и я былъ тогда въ 7-мъ классѣ кievской 2-й гимназіи—ко мнѣ стали попадать запрещенныя книжки того времени, и глаза у меня стали открываться. Я узналъ, что общество распадается на «народъ»—это тѣ самые люди, Грицьки и Опанасы, которыхъ я съ дѣтства любилъ, самъ не зная за что—и не народъ. У народа я оказался въ неоплатномъ долгу и обязанъ былъ ему служить, не народу же я никакой пользы не долженъ былъ приносить.

И опять это очень хорошо сложилось, что въ качествѣ неоплатнаго должника и безсрочнаго слуги я былъ прикомандированъ именно къ народу, который я любилъ, и вышелъ чистымъ передъ не-народомъ, къ которому опредѣленныхъ чувствъ не питалъ. Но была тутъ и обратная, для меня очень непріятная, сторона медали. Дѣло въ томъ, что обществу я могъ служить, занимаясь въ свое удовольствіе естествознаніемъ, потому что само это занятіе составляло опредѣленную и даже почетную службу. Но народу отъ моихъ научныхъ занятій было ни тепло, ни холодно. Скорѣе даже холодно, потому что я тратилъ—по тогдашнему—на пустяки мое время и силы, которыя принадлежали по праву народу. Цѣльность моего міровозрѣнія потерпѣла крушеніе. Въ душѣ моей возникъ конфликтъ между «долгомъ» и стремленіемъ уйти всецѣло въ науку,—конфликтъ, который прошелъ черезъ всю мою жизнь сознательнаго человѣка и который кончится только вмѣстѣ съ нею...

Окончивъ гимназію (въ 1875 г.), я поступилъ въ кievскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета и сталъ заниматься науками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я немало времени посвящалъ на изученіе «соціального вопроса». Я внимательно прочелъ все, что могъ достать по этому вопросу, включая «Капиталь» Маркса. Мало по-малу у меня выработалось соціалистическое міровозрѣніе, которому я остаюсь вѣренъ до сего дня.

Замѣчательно, что въ этотъ періодъ моей жизни (76 и 77 гг.) это мое соціалистическое міровозрѣніе не носило императивнаго характера и мирно уживалось рядомъ съ чисто-научными занятіями. Вышесказанный конфликтъ между долгомъ и наклонностями дремалъ въ глубинѣ моего духа. Въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что я не видѣлъ, какъ примѣнить это міровозрѣніе къ служенію народу.

Движеніе въ народъ, которое несомнѣнно было пробнымъ полетомъ молодой революціонно-соціалистической интеллигенціи—здѣсь не мѣсто останавливаться на тѣхъ благоглупостяхъ, которыя были наговорены объ этомъ замѣчательномъ историческомъ явленіи иностранными и отечественными мудрецами, невидящими дальше своего носа—движеніе въ народъ закончилось неудачей и возобновлять попытку не представлялась тогда возможнымъ. Правда, Кіевъ былъ тогда центромъ группы такъ называемыхъ «бунтарей», которые тоже собирались въ народъ ни болѣе, ни менѣе, какъ для того, чтобы поднять его на вооруженный бунтъ. Но, хотя одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой группы, Чубаровъ («капитанъ», казненный въ Одессѣ въ 1879 г.), довольно часто приходилъ ко мнѣ на квартиру и велъ разговоры, я

не чувствовалъ ни малѣйшей склонности пристать къ бунтарямъ. Какъ извѣстно, эти послѣдователи Бакунина считали возможнымъ произвести революцію посредствомъ небольшихъ, но отборныхъ отрядовъ, которые, переходя изъ деревни въ деревню, будутъ поднимать народъ, передѣлять землю и увеличивать свои ряды все новыми и новыми силами до тѣхъ поръ, пока расходившееся народное море... и т. д. Для этого они вербовали людей и запасались револьверами и даже сѣдлами. Я недурно стрѣлялъ и держался на лошади не хуже, если не лучше, чѣмъ любой изъ бунтарей. Но я не могъ тогда связать въ практическую программу дѣйствія, мое умѣніе стрѣлять и ѣздить верхомъ съ тѣми идеями, которыя я составилъ себѣ о социализмѣ и, вѣроятно, поэтому остался въ сторонѣ отъ этого движенія.

Замѣчу кстати, что Чубаровъ приходилъ въ мою квартиру не столько ради меня, сколько для одного рослаго деревенскаго парня, моего земляка, который жилъ у меня и готовился при моемъ содѣйствіи къ экзамену въ учительскую семинарію ¹⁾. Кромѣ бунтарей въ концѣ 77-го и началѣ 78-го г. существовали среди молодежи и другія группы съ революціонными или, правильнѣе, съ оппозиціонными тенденціями. Существовалъ такъ называемый студенческой «клубъ», однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго былъ «черный» Михалевичъ (былъ еще одинъ Михалевичъ, свѣтлый блондинъ, и онъ назывался «бѣлымъ»). Бывалъ и я въ этомъ клубѣ и слышалъ рефераты Подолинскаго, тогда только что вернушагося изъ за границы. Насколько припоминаю, эти рефераты, также какъ и тенденціи «клуба», носили украино-фильски-конституціонный характеръ и были, вѣроятно, отраженіемъ идей Драгоманова. Пристать къ этому теченію я тоже не чувствовалъ ни малѣйшей склонности.

Въ это же время стали возникать слухи объ образованіи «партіи» съ новой соціально-революціонной программой, а весною 78-го года появились прокламаціи за красной печатью «Исполнительнаго Комитета Соціально-Революціонной Партіи». Это были первые отблески приближавшейся грозы. Я вышелъ изъ душевнаго равновѣсія, и «два сердца» стали бороться въ моей груди. Въ концѣ концовъ къ чорту пошла наука, и, когда весною того года возникли студенческія волненія, я съ головою окунулся въ нихъ и вынырнулъ черезъ нѣкоторое время въ не столь отдаленныхъ...

Сначала въ Бѣлозерскѣ, а потомъ въ Новомосковскѣ и Бахмутѣ, Екатеринославской губ., куда меня перевели по болѣзни (у меня обнаружился туберкулезъ легкихъ), я слѣдилъ, какъ могъ, за тѣмъ, что творилось тогда на Руси. Въ концѣ 78-го года мнѣ попалъ въ руки номеръ «Земли и Воли», но по немъ я не могъ выяснитъ себѣ характеръ новаго движенія. Гораздо яснѣе стало для меня положеніе, когда годъ спустя «Земля и Воля» распалась на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ».

Программа «Чернаго Передѣла» показалась мнѣ не реальной,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ и объ участи этого парня я рассказывалъ въ небольшомъ очеркѣ „Прокopf“, который я написалъ въ Парижѣ въ 1885 г. Онъ долженъ храниться гдѣ нибудь въ архивѣ „Вѣстника Народной Воли“.

главнымъ образомъ потому, что, отвергая всякую политическую борьбу, она заранѣе отказывалась отъ могучаго орудія для поднятія самосознанія массъ и крайне нецѣлесообразно суживала сферу своего дѣйствія. Кромѣ того «Черный Передѣлъ» игнорировалъ городскихъ рабочихъ, которые гораздо болѣе подготовлены жизнью къ воспринятію социалистическихъ идей, чѣмъ крестьяне.

Рѣшеніемъ «судебъ капитализма» я тогда не занимался, но зналъ, что въ Россіи существуетъ капиталистическое производство съ его фабриками и заводами, и что существуютъ поэтому фабричные и заводскіе рабочіе, которые должны были быть авангардомъ социальнореволюціонной арміи.

Я стараюсь по возможности передать свои *тогдашнія* мысли и впечатлѣнія, избѣгая тѣхъ поправокъ и видоизмѣненій, которыя были внесены въ нихъ позднѣйшими наслоениями. Поэтому я ничуть не утверждаю, что правильно постигъ тогда сущность «Чернаго Передѣла». Возможно и даже вѣроятно, что при нѣкоторомъ стараніи въ немъ можно найти зачатки того единоспасающаго пониманія социализма, которое изъ Чернопередѣльцевъ сдѣлало россійскихъ социалдемократовъ... Теперешнимъ потомкамъ «Чернаго Передѣла» покажется, вѣроятно, смѣшнымъ упрекъ, который я нѣкогда мысленно обращалъ къ ихъ прародителю въ игнорированіи городского пролетаріата. Да отнесутся они снисходительно къ этому грѣху моей молодости!

Насколько не понравилась мнѣ программа «Чернаго Передѣла», настолько же пришлась мнѣ сразу по вкусу программа «Народной Воли»... Я пишу здѣсь не исторію «Народной Воли», а даю только «свидѣтельскія показанія» о ней. Историкъ опредѣляетъ, чѣмъ въ дѣйствительности была знаменитая «Программа Исполнительнаго Комитета», я же могу только сказать, какъ она отразилась въ моемъ умѣ, какъ направила мои дѣйствія.

Прежде всего очень по душѣ пришлась мнѣ первая же фраза программы: «По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы социалисты-революціонеры». Я зналъ, что существуетъ одинъ только социализмъ, революціонный, потому что онъ является единственно логическимъ выводомъ изъ классовой структуры современнаго общества. Былъ я также болѣе или менѣе знакомъ съ социалистическимъ движеніемъ въ Западной Европѣ и чувствовалъ, что этимъ своимъ заявленіемъ партія «Народной Воли» какъ бы пріобщается къ всемірному социализму, выразителемъ котораго былъ «Интернаціональ», А это мнѣ казалось чѣмъ то очень хорошимъ.

Что касается примѣненія этихъ «основныхъ учрежденій» къ условіямъ русской жизни, то и тутъ мнѣ казалось, что программа Исполнительнаго Комитета ставить вопросъ вполне правильно.

Какъ извѣстно, движеніе въ народъ вызвало со стороны правительства жестокія преслѣдованія противъ передовой части интеллигенціи. Преслѣдованія эти показали, что правительство не намѣрено допустить пропаганду социалистическихъ идей, въ какую бы мирную форму она не отливалась. Какъ естественная реакція противъ правительственныхъ гоненій, у болѣе активныхъ элементовъ революціонно-

настроенной интеллигенціи возникло стремление вступить въ непосредственную борьбу съ полицейскимъ строемъ, который мѣшалъ осуществленію ихъ завѣтныхъ желаній. Отсюда до общаго положенія, что нельзя работать для распространенія социалистическаго идеала, игнорируя политическія условія, оставался одинъ только шагъ, и шагъ этотъ былъ сдѣланъ «Народной Волей». Ставя въ первую линію борьбу съ самодержавіемъ, Народная Воля вполнѣ, какъ мнѣ казалось, рѣшительно учитывала тогдашнее настроеніе общества. Турецкая кампанія и предшествовавшее ей движеніе на Балканахъ расшевелили общественную мысль и вызвали въ ней запросы, болѣе или менѣе ясное отраженіе которыхъ можно найти даже въ легальной литературѣ того времени. «Всѣ» желали и ждали чего то, причемъ повѣтріе распространилось даже на такіе элементы общества, которые не умѣли въ точности опредѣлить, хотѣлось ли имъ «конституціи» или «сврюжины съ хрѣномъ». Особенное оживленіе замѣтно было среди болѣе передовой интеллигенціи. Я помню рѣзкіе толки и горькія нареканія по поводу того, что Болгарія и даже Турція удостоились конституціи, а мы остаемся въ положеніи безправныхъ рабовъ и т. д. И, такъ какъ повѣтріе фрондированія замѣчалось болѣе или менѣе всюду, то ничего не было легче, какъ вывести изъ него заключеніе, что самодержавіе подгнило, что въ обществѣ и—скачекъ!—въ народѣ назрѣли и назрѣвають революціонные элементы, которые нужно только сорганизовать для совмѣстнаго и единовременнаго напора, чтобы переворотъ совершился. Такъ думалось мнѣ, такъ думалось и многимъ другимъ моимъ современникамъ, которые въ программѣ Исполнительнаго Комитета съ радостью увидѣли какъ бы отраженіе и осуществленіе своихъ мыслей.

Введеніе политической борьбы въ программу социальнореволюціонной партіи представлялось мнѣ тогда въ высшей степени рѣшительнымъ и по соображеніямъ «научнаго» характера. Я не даромъ начиналъ исторію. Изъ моихъ чтеній я вынесъ понятіе, что прогрессъ общества осуществляется борьбою общественныхъ группъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Вся исторія наполнена борьбою. Боролась въ Западной Европѣ королевская власть съ феодализмомъ, буржуазія съ феодализмомъ и королевскою властью, а теперь «четвертое сословіе» вступаетъ во имя своихъ классовыхъ интересовъ въ борьбу съ буржуазіей. А у насъ? Съ тѣхъ поръ какъ царская власть раздавила остатки народнаго самоуправленія и раздѣлалась съ слабыми попытками бояръ внести въ нее кой какія ограниченія, элементъ сознательной групповой борьбы, главный двигатель общественнаго прогресса, отсутствуетъ въ русской исторіи. И вотъ теперь Народная Воля впервые поднимаетъ знамя организаціонной борьбы противъ самодержавной царской власти. Борьбы во имя интересовъ буржуазіи, господство которой должно было повидимому стоять на исторической очереди? Нѣтъ, потому что социалистическая по своему міровоззрѣнію и по своимъ стремленіямъ, революціонная интеллигенція, создавшая «Народную Волю», ставила себѣ задачи, которыя только частью совпадали съ интересами буржуазіи, а въ остальномъ были прямо противоположны имъ. Тотъ фактъ, что борьбу противъ самодержавія подняла

не російская буржуазія, аморфное состояніе которой было тогда для всѣхъ очевидно, а революціонная интеллигенція, выступившая, какъ представительница интересовъ эксплуатируемыхъ, казался мнѣ въ высшей степени знаменательнымъ.

Какъ и многіе другіе, я умилялся тогда духомъ передъ знаменитыми «устоями» народной жизни, пѣвцомъ которыхъ былъ Златовратскій. Связывая вышеуказанный фактъ съ «общинными идеалами» русскаго народа, я видѣлъ въ немъ проявленіе своеобразности русской исторіи,—своеобразности, открывавшей весьма широкіе горизонты на будущее...

Повторяю, я стараюсь воспроизвести какъ можно точнѣе тѣ взгляды, которые выработались у меня въ то время на «Народную Волю» и которые я неоднократно развивалъ въ кружкахъ молодежи. Впослѣдствіи знаніе и опытъ внесли въ эти взгляды кой-какія поправки, но не объ этомъ теперь рѣчь.

И такъ вотъ какой представлялась мнѣ теоретическая основа программы «Народной Воли». Что касается до практическаго примѣненія ея, то были стороны, которыя я принималъ, такъ сказать, всей душой, но были и другія, которыя оставались у меня подъ сомнѣніемъ.

Исходя изъ положенія, что во всѣхъ слояхъ русскаго общества существуютъ революціонные элементы, готовые ринуться въ бой съ самодержавіемъ, нельзя было не признать раціональнымъ планъ, выработанный Исполнительнымъ Комитетомъ. Прежде всего необходимо было сплотить всѣ наличныя революціонныя силы въ крѣпкую организацию и тѣмъ координировать ихъ дѣйствія въ пространствѣ и во времени.

Но имѣющіяся силы, революціонныя по своему настроенію, не были однородны ни по своимъ тенденціямъ, ни по степени сознательности. Поэтому абсолютно необходимо было вести среди нихъ дѣятельную пропаганду соціально-революціонныхъ идей, которыя легли въ основу программы партіи, такъ какъ только выработка сознательныхъ соціалистовъ-революціонеровъ изъ болѣе или менѣе революціонно настроенныхъ людей могла привести къ осуществленію задачъ, которыя ставила себѣ партія.

Кромѣ уже существующихъ революціонныхъ силъ были элементы, которые ждали, такъ сказать, внѣшняго толчка, чтобы стать революціонными. Отсюда необходимость агитаціи. И, такъ какъ революціонное положеніе, если можно такъ выразиться, распространялось (въ теоріи) на всѣ слои общества, то ближайшей задачей партіи должна была быть постановка дѣла организациі, пропаганды и агитаціи во всѣхъ слояхъ общества. Это казалось мнѣ въ высшей степени логичнымъ и цѣлесообразнымъ, и подъ этой частью программы Исполнительнаго Комитета я подписывался обѣими руками.

Затѣмъ шла часть, которая была у меня подъ сомнѣніемъ. Я плохо понималъ, какъ соціально-революціонная партія можетъ стремиться къ захвату власти путемъ *заговора*. Опять таки на основаніи того, что я вычиталъ изъ исторіи, дѣло представлялось мнѣ такъ, что совершить переворотъ путемъ заговора означаетъ насильственно подставить одного правителя вмѣсто другого въ предѣлахъ одного и

того-же режима, а не замѣнить одинъ режимъ другимъ, радикально ему противоположнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ. Для замѣны же одного режима другимъ требуется соучастіе того класса, которымъ и въ пользу котораго совершается эта замѣна, т. е. требуется ни больше, ни меньше, какъ *классовая революція*, въ которой заговоръ можетъ, пожалуй, играть роль инцидента, но не планомѣрнаго средства. Впрочемъ на мой взглядъ, эта часть программы не имѣла существеннаго значенія, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго. Какъ ни былъ я склоненъ къ оптимизму, но я не представлялъ себѣ, чтобы дѣло могло скоро дойти до захвата власти. Будемъ готовить социальную революцію путемъ распространенія социально-революціонныхъ идей, а какимъ способомъ медвѣдь будетъ сваленъ, тамъ въ свое время видно будетъ.

Гораздо больше смущалъ меня вопросъ о цѣлесообразности такъ называемаго систематическаго террора. Всякій террористическій актъ громко говорилъ чувству, главнымъ образомъ, самихъ-же революціонеровъ, на массы же оставался безъ замѣтнаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи удручающее впечатлѣніе произвело на меня время, послѣдовавшее за смертью Александра II, когда вмѣсто ожидаемаго взрыва народной революціи во многихъ мѣстахъ можно было слышать плачъ по царѣ-освободителѣ..... Смущало меня главнымъ образомъ то, что терроръ, какъ бездонная пропасть, поглощалъ лучшія силы партіи, которая, работая въ другомъ направленіи, принесли-бы, можетъ быть, большую пользу дѣлу народнаго освобожденія. Не хочу приводить здѣсь аргументы за и противъ террора, потому что и тѣ, и другіе вращаются исключительно въ области, недоступной точному опредѣленію. Какъ учесть вредъ и пользу террора? И если даже допустить, что это можно сдѣлать, то какъ установить балансъ, какъ опредѣлить, какое количество пользы нужно положить на вѣсы, чтобы уравновѣсить понесенный вредъ? Желябовъ говорилъ, что ведя террористическую борьбу, Народная Воля проживаетъ свой капиталъ. И дѣйствительно, капиталъ свой она прожила, можно сказать, до послѣдней копѣйки. На первый взглядъ можетъ показаться, что это глубоко вѣрное замѣчаніе Желябова должно быть разсматриваемо, какъ аргументъ *противъ* террора. Но оказывается, что даже и онъ служитъ аргументомъ *за* терроръ, а не противъ него, потому что исторической миссіей Народной Воли было—полечь костями за введеніе непосредственной политической борьбы въ русскую жизнь! Очевидно, разсужденія тутъ ни къ чему не могутъ привести. Въ окончательномъ счетѣ признаніе цѣлесообразности террора является предметомъ *вѣры*, а не результатомъ умственныхъ выкладокъ. У меня этой вѣры никогда не было и теперь нѣтъ, и я могу только искренно жалѣть, что по этому вопросу расхожусь съ товарищами, которыхъ я глубоко уважаю и люблю...

Я полагаю, что даже самые строгіе критики не обвиняютъ меня въ беззаботности насчетъ принциповъ и теорій, когда я скажу, что несмотря на свое несогласіе съ нѣкоторыми частями программы партіи Народной Воли, я твердо рѣшилъ стать въ ряды этой партіи и принять дѣятельное участіе въ ея работѣ. Дѣло въ томъ, что та часть

программы, которую я принималъ безъ оговорокъ, была такъ важна въ моихъ глазахъ, что я считалъ возможнымъ войти въ партію, оставляя подъ сомнѣніемъ другую часть программы. Если можно было сомнѣваться насчетъ цѣлесообразности террора, если разсужденія о захватѣ власти не были непогрѣшимыми, то въ безусловной необходимости и полезности пропаганды социалистическихъ идей и организаціи революціонныхъ силъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Этой части партійной работы я и рѣшилъ посвятить свои силы, къ ней я готовился, находясь въ ссылкѣ.

Такимъ образомъ, когда въ началѣ 1882 г. я вступилъ въ партію, я зналъ, на какую работу я иду, зналъ также, почему именно я выбралъ эту работу, а не другую. Такъ какъ особенно вреднымъ для успѣшности работы я признавалъ шатаніе мыслей и «гамлетствованіе», то, выяснивши себѣ заранѣе теоретическія основы и линію своей дѣятельности, я твердо намѣренъ былъ не перерѣшать рѣшенныхъ вопросовъ и идти своимъ путемъ. Внутреннія сомнѣнія и колебанія я старался подавить въ себѣ, а возраженія извнѣ противопоставлялъ готовые отвѣты, не вступая въ разсужденія по существу. Такъ шель я втеченіи трехъ лѣтъ по намѣченному пути, упорно не снимая наглазниковъ, которые я сознательно надѣлъ себѣ, пока не пришелъ къ мѣсту, откуда выхода я не видѣлъ. Тутъ поневолѣ пришлось снять наглазники и осмотрѣться. И, когда я осмотрѣлся, я не могъ не увидѣть, что случилось и что измѣнилось.

Случилось то, что основная посылка народовольческаго силлогизма—существованіе въ русскомъ обществѣ революціонныхъ силъ въ количествѣ, достаточномъ для совершенія переворота—оказалась невѣрной. Всѣ эти силы олицетворялись въ нѣсколькихъ тысячахъ болѣе или менѣе сознательныхъ революціонеровъ, которые въ нѣсколько лѣтъ были истреблены правительствомъ. Массы совсѣмъ не были затронуты движеніемъ. А разъ основная посылка невѣрна, то и весь силлогизмъ не годится.

Что измѣнилось? Измѣнилась вся постановка революціоннаго дѣла. Если нѣтъ достаточно силъ, чтобы совершить переворотъ въ ближайшемъ будущемъ, то нѣтъ надобности стремиться къ сплоченію ихъ въ крѣпкую, централизованную организацію. Въ революціонный моментъ такая организація можетъ оказать рѣшающее дѣйствіе на исходъ борьбы. Но въ періодъ подготовительной работы—если нѣтъ силъ, то надо готовить ихъ!—такая организація, какъ бы конспиративно она ни велась, фатально осуждена на гибель. Кто-то сказалъ, что тайна только тогда остается тайной, когда изъ двухъ человѣкъ, заинтересованныхъ въ ней, знаетъ ее только одинъ. А тутъ дѣло идетъ не о двухъ, а о десяткахъ и сотняхъ людей. Какъ бы ни былъ тщателенъ подборъ членовъ организаціи, всегда среди нихъ найдутся и люди, не достаточно осторожные, и люди, способные въ критическій для нихъ моментъ стать предателями. Достаточно вспомнить мартирологъ Народной Воли, чтобы убѣдиться въ томъ, что не ловкость политической полиціи, а только неосторожность и предательство въ средѣ революціонеровъ были причиной гибели слѣдовавшихъ одна за другой организацій. Это было совершенно неизбежно, и на это вполнѣ

сознательно рассчитывали болѣе умные изъ высшихъ полицейскихъ дѣятелей. Извѣстно, что Судейкинъ очень охотно вступалъ въ теоретическія разсужденія со своими жертвами, при чемъ бывалъ иногда цинично-откровененъ. Мнѣ передавали, что въ одинъ изъ такихъ припадковъ откровенности онъ сказалъ, не помню ужъ какому, подневольному собесѣднику, что напрасно революціонеры считаютъ правительство такимъ невѣжественнымъ. Оно, правительство, тоже знаетъ исторію и отлично понимаетъ, что революціонное движеніе нельзя искоренить; но оно также понимаетъ, что революціонное движеніе можно вполне обезвредить своевременно принятыми репрессивными мѣрами. «Вы подрастаете, а мы васъ подкосимъ, вы подрастаете, а мы васъ подкосимъ», говорилъ Судейкинъ, иллюстрируя свои слова жестомъ косаря. Сильно централизованная организація имѣла несомнѣнно свои преимущества. Но она же была причиной того, что отборнѣйшіе и цѣннѣйшіе представители революціоннаго движенія подводились систематически и притомъ болѣе или менѣе компактными массами за-разъ, подъ неумолимую косу правительства. При поверхностности тогдашняго революціоннаго движенія, результатъ долженъ былъ быть именно такимъ, какимъ онъ оказался.

Итакъ, истинное значеніе фактовъ, на которые я до тѣхъ поръ упорно закрывалъ глаза, или которые я криво толковалъ, стало для меня яснымъ. Людей нѣтъ, потому что ограниченный запасъ революціонныхъ силъ, медленно накопленный предшествующими поколѣніями, былъ быстро растроченъ, новыя же силы формировались слишкомъ медленно, чтобы замѣнить павшіе ряды. По мѣрѣ того, какъ развившіяся событія давали возможность сличать дѣйствительность съ апріорными построениями, полное несоотвѣтствіе плановъ и надеждъ Народной Воли съ тогдашнимъ социальнымъ и политическимъ положеніемъ Россіи вырисовывалось все болѣе и болѣе. Это несоотвѣтствіе неизбѣжно должно было вызвать въ революціонной средѣ неудовлетворенность партійной программой и партійной дѣятельностью. Люди, болѣе чуткіе или менѣе предубѣжденные, чѣмъ я, стали чувствовать и обнаруживать эту неудовлетворенность раньше меня. Впервые я встрѣтилъ ее болѣе или менѣе ясно выраженной у казанскихъ скептиковъ и пессимистовъ, но тогда я преднамѣренно не сталъ вдаваться въ обсужденіе причинъ ея. Теперь, когда желѣзная рука дѣйствительности приперла меня къ стѣнѣ и заставила меня подвергнуть провѣркѣ руководящія начала моей дѣятельности, пришла и моя очередь не только почувствовать полную неудовлетворенность, но и понять смыслъ ея. А понявши, я безъ колебанія ликвидировалъ прошлое, потому что вновь надѣтъ наглазники я не могъ, если бы даже хотѣлъ.

Но будущее? Какъ ни велико было мое разочарованіе, моя вѣра въ жизненность революціонныхъ идей ни малѣйше не была поколеблена, и я ни на минуту не впалъ въ то пессимистическое настроеніе, порожденіемъ котораго были такія, смѣю сказать, уродливыя явленія русской общественной жизни, какъ толстовство, декадентство, нищезнство и, не знаю еще, что. Но я не могъ не видѣть, что для русскаго общества наступалъ долгій періодъ новаго накопленія рево-

люціонныхъ силъ. Поэтому задачей уцѣлѣвшихъ остатковъ революціонной интеллигенціи должно было быть не продолженіе непосредственной борьбы съ правительствомъ, а сознательное и планомѣрное содѣйствіе этому процессу революціоннаго накопленія. До тѣхъ поръ дѣло происходило такъ, что наиболѣе дѣятельные революціонеры вырывались изъ ихъ естественной среды и становились *профессиональными* революціонерами. Мнѣ казалось, что эта экстенсивная система должна была быть замѣнена интенсивной, при которой сознательные революціонеры, занимаясь какой-нибудь отраслью практической дѣятельности, воздѣйствуютъ въ то же время на окружающую среду. Нужно было тщательно выраживать революціонные всходы и заботиться о томъ, чтобы они дали зерно. Для передовой интеллигенціи наступалъ періодъ *культурно-революціоннаго воздѣйствія на массы*.

Оглядываясь назадъ, на путь, пройденный Россіей за послѣдніе 20 лѣтъ, я и теперь еще думаю, что взглядъ, къ которому я пришелъ тогда, подводя итоги своей дѣятельности, былъ въ общемъ вѣренъ. Чѣмъ, какъ не стремленіемъ къ культурно-революціонной работѣ было неудержимое общественно-образовательное движеніе, напору котораго не могло противостоять даже правительство Александра III? А вѣдь воскресныя школы, бібліотеки, издательства въ значительной мѣрѣ были въ рукахъ революціонно и социалистически мыслящей интеллигенціи. Но даже работа чистыхъ культурниковъ фатально сводилась на предварительную обработку сырого матеріала для послѣдующаго революціонно-социалистическаго воздѣйствія.

Да и социаль-демократическое движеніе, которое одно время грозило выродиться въ чистый *экономизмъ*, въ борьбу исключительно за улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса, было втеченіи долгихъ лѣтъ культурнымъ по существу и революціоннымъ только по идеѣ...

Результаты этой долгой культурно-революціонной работы теперь на лицо.

Да не подумаетъ читатель, что я тутъ мудрствую заднимъ числомъ. Напуганный разоблаченіями экспериментальной психологіи на счетъ безсознательныхъ, но тѣмъ не менѣе неблагоприятныхъ продѣлокъ памяти, я и самъ не довѣрялъ бы себѣ. Но, какъ будетъ упомянуто ниже, у меня случайно сохранился документъ, который доказываетъ объективную вѣрность сказаннаго относительно результата произведенной мною идейной ликвидаціи.

XV.

Заключеніе.

По мѣрѣ того, какъ истинное положеніе революціонныхъ дѣлъ вырисовывалось передъ моими глазами, въ моей душѣ происходила неожиданная для меня самого перемѣна. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ нелегальнымъ, исходъ моей революціонной дѣятельности, поскольку это касалось лично меня, представлялся мнѣ не иначе, какъ въ видѣ

моей смерти. На торжество революціи въ ближайшемъ будущемъ я не рассчитывалъ, здоровье мое было въ очень плохомъ состояніи, такъ что, если бы даже не удалась моя попытка не отдаться живымъ въ руки жандармамъ, то все таки я былъ увѣренъ, что недолго проживу въ заключеніи. А что встрѣтиться лицомъ къ лицу съ жандармами въ окончательной формѣ мнѣ придется, въ этомъ я ни минуты не сомнѣвался. Тѣмъ не менѣе даже въ самые критическіе моменты моей революціонной жизни, мысль о какомъ-нибудь другомъ исходѣ даже не приходила мнѣ въ голову. Когда, пріѣхавъ въ Москву, Сергѣй Ивановъ звалъ меня за-границу, я отказался поѣхать только потому, что поѣздка казалась мнѣ нецѣлесообразной въ дѣловомъ отношеніи и что, какъ я думалъ, я долженъ былъ не прекращать работы въ Россіи. Вопросъ о возможности уйти на время изъ подъ Дамоклова меча, который висѣлъ у меня надъ головою, даже не дебатировался въ моей душѣ, потому что я такъ втянулся въ дѣло, что Дамокловъ мечъ казался мнѣ однимъ изъ вполне естественныхъ атрибутовъ его. Долгъ принудилъ меня остаться въ рядахъ до естественнаго финала, который отъ моей воли не зависѣлъ. Тѣмъ болѣе я былъ удивленъ, замѣтивъ, что по мѣрѣ того, какъ я подводилъ итоги, принудительный характеръ этого чувства долга все болѣе и болѣе слабѣлъ въ глубинѣ моего духа. И когда я пришелъ къ окончательному выводу, я почувствовалъ себя *свободнымъ человекомъ!* Свободнымъ, не какъ каторжникъ, которому удалось разбить цѣпь и вырваться на волю, а какъ солдатъ, вѣрою и правдою отслужившій тяжелую службу и отпущенный по билету. Дѣлу революціи и социализма я оставался вѣренъ душою, но я не видѣлъ своего пути, и потому не чувствовалъ себя обязаннымъ итти.

Теперь, разсуждая заднимъ числомъ, я склоненъ думать, что не чувство долга ослабѣло во мнѣ потому, что я не видѣлъ своего пути, а наоборотъ, что пути я не видѣлъ, потому что чувство долга во мнѣ ослабѣло. А ослабѣло оно, потому что за три года напряженной революціонной жизни истощился отпущенный мнѣ запасъ того рода энергіи, который необходимъ для веденія революціоннаго дѣла.

Какъ бы то ни было, я почувствовалъ себя свободнымъ и *захотѣлъ* уѣхать за-границу, и для того, чтобы уйти изъ подъ Дамоклова меча, и, можетъ быть, для того, чтобы пожить другой половиной своей жизни.

Пока у меня шла ликвидація, я видѣлся время отъ времени съ немногочисленными тифлискими народниками, наиболѣе выдающимися изъ которыхъ былъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ, бывшій студентъ Петровской Академіи, высланный въ Тифлисъ подъ надзоръ полиціи. Если не ошибаюсь, онъ въ Москвѣ принадлежалъ къ кружку П—ва, Е—ва и др. Когда ликвидація была покончена, для меня возникъ вопросъ, имѣю ли я нравственное право подѣлиться съ революціонерами, бывшими въ сношеніяхъ со мною, тѣми результатами, къ которымъ я пришелъ. Вѣдь результаты эти вѣрны были пока только *для меня*. Вѣрны-ли они вообще?

А между тѣмъ, если-бы я сталъ излагать ихъ, они были бы неминуемо приняты за выраженіе мнѣній организациі Народной Воли,

Сколько бы я не утверждалъ, что говорю исключительно отъ своего имени. Кромѣ того, для меня дѣло осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, почувствовавъ себя свободнымъ, я тѣмъ самымъ какъ бы порвалъ свою внутреннюю связь съ организаціей, и на мнѣ слѣдовательно лежала нравственная обязанность не дѣлать такихъ шаговъ, отвѣтственность за которые могла пасть на организацію въ прошедшемъ или будущемъ. Вотъ почему я о своихъ окончательныхъ выводахъ съ революціонерами не говорилъ, но ничуть не скрывалъ отъ нихъ, что организація разбита, что не видно пока, какъ пойдетъ дѣло въ будущемъ, и что я намѣренъ поѣхать въ Парижъ для того, чтобы сообщить находящимся тамъ народовольцамъ все, что мнѣ извѣстно о теперешнемъ положеніи партіи.

Узнавъ о моемъ намѣреніи уѣхать за границу, Аргутинскій вызвался добыть мнѣ заграничный паспортъ. Когда, какъ я рассказалъ это выше, ко мнѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ Крыловъ-Воскресенскій и сталъ убѣждать меня создать новую организацію, я, чтобы отдѣлаться отъ него, уѣхалъ во Владикавказъ, куда Аргутинскій обѣщалъ мнѣ прислать заграничный паспортъ. Это было приблизительно въ 10-хъ числахъ января 1885 г.

Во Владикавказѣ, гдѣ я сидѣлъ около мѣсяца въ ожиданіи паспорта, я видѣлся съ кавказскимъ адвокатомъ, который пріѣхалъ спеціально для свиданія со мною. Все еще исходя изъ мысли, что я не имѣю права обрывать канаты вокругъ себя, я условился съ нимъ насчетъ дальнѣйшихъ сношеній и далъ ему парижскій адресъ, который имѣлся у меня. И съ нимъ я говорилъ откровенно о настоящемъ положеніи партіи, но о будущемъ не говорилъ.

И въ Тифлисѣ, и во Владикавказѣ я получалъ письма отъ уцѣлѣвшихъ ростовскихъ революціонеровъ, которые образовали небольшую группу. Во главѣ ея стояли Остроумовъ, впослѣдствіи ставшій злостнымъ предателемъ, и Цейтлинъ.

Остроумовъ сообщалъ, что группа продолжаетъ работать и звалъ меня пріѣхать въ Ростовъ. Я обѣщалъ ему извѣстить его, когда и какимъ поѣздомъ я буду проѣзжать черезъ Ростовъ, для того, чтобы онъ могъ поѣхать тѣмъ же поѣздомъ до Таганрога и поговорить со мною по дорогѣ. Это было не очень благоразумно съ моей стороны, но отказать ему у меня не хватило духа.

Около половины февраля Аргутинскій прислалъ мнѣ, наконецъ, заграничный паспортъ, и я, не теряя времени выѣхалъ изъ Владикавказа, направляясь прямо въ Парижъ. Денегъ у меня было въ обрѣзъ, такъ что я рѣшилъ ѣхать, не останавливаясь нигдѣ. Между Ростовомъ и Таганрогомъ я видѣлся въ поѣздѣ съ Остроумовымъ, отъ котораго, впрочемъ, абсолютно ничего интереснаго не узналъ. Я сказалъ ему, что ѣду за границу и далъ ему парижскій адресъ.

Подѣзжая къ Волочиску, я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться въ особой милости ко мнѣ судьбы. Я зналъ, что граница была однимъ изъ пунктовъ, гдѣ Дамокловъ мечъ легче всего могъ обрушиться на мою голову. Меня очень усердно разыскивали, и Остроумовъ, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ, что за нѣсколько дней до нашего свиданія всѣмъ полицейскимъ и жандармамъ, включая желѣзнодорож-

ныхъ (онъ зналъ это отъ брата), показывали мою фотографію. О качествѣ паспорта, которымъ меня снабдили, я ничего не зналъ, такъ что мнѣ предстояло пройти черезъ послѣднее испытаніе, которое могло оказаться послѣднимъ и въ хорошемъ, и въ дурномъ смыслѣ. Когда по примѣру другихъ пассажировъ, которые обнаруживали какое-то странное даже нѣсколько жуткое для меня волненіе, я сталъ собирать свой ручной багажъ, ко мнѣ неожиданно подошелъ кондукторъ и спросилъ:

— Вы, господинъ, за границу ѣдете?

— Да, отвѣтилъ я.

— Если желаете, я понесу вашъ паспортъ для явки, чтобы вамъ не беспокоиться самимъ.

— А почему же всѣ другіе пассажиры должны сами предъявить свои паспорта?—спросилъ я его.

— Такое правило. Но у меня тамъ есть жандармскій вахмистръ знакомый, онъ наложить явку на паспортъ и принесетъ его сюда.

Я былъ убѣжденъ, что я узнанъ, и что меня хотятъ взять безъ скандала, когда всѣ пассажиры уйдутъ изъ вагона и будутъ заперты въ вокзалѣ. Я внимательно посмотрѣлъ на кондуктора, но на его простомъ, нѣсколько деревянномъ лицѣ я ничего не могъ прочесть. Для моихъ цѣлей мнѣ было гораздо выгоднѣе ждать прихода жандармовъ въ вагонъ, чѣмъ идти къ нимъ въ ихъ берлогу. На побѣгъ у меня надежды не было никакой, а шуму, который произведетъ мой арестъ при болѣе или менѣе сенсационныхъ обстоятельствахъ, я большаго значенія не придавалъ. Всѣ эти мысли съ быстротою молніи пронесли въ моей головѣ, и собравши все хладнокровіе, на которое я былъ способенъ, я сказалъ кондуктору, что съ удовольствіемъ принимаю его предложеніе, и даже попросилъ его передать мой багажъ до Подволочиска (это тогда требовалось), для чего вручилъ ему вмѣстѣ съ паспортомъ багажную квитанцію.

Когда послѣдній пассажиръ вышелъ изъ вагона, кондукторъ оставилъ меня одного и заперъ за собою снаружи дверь. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, какъ пассажиры медленно проходили между двумя рядами жандармовъ въ какой-то залъ.

Я выбралъ себѣ позицію по срединѣ вагона и сталъ ждать. Минуть черезъ десять на площадкѣ вагона раздались шаги и дверь стала открываться. Я приготовился. Вошелъ старый, благообразный жандармъ, весь увѣшанный медалями и крестами, и, прихрамывая, приблизился ко мнѣ.

— Вы г-нъ П.?

— Я.

Онъ возвратилъ мнѣ паспортъ и пожелалъ мнѣ счастливаго пути. И это было все. Передъ лицомъ этого убѣленного съдинами жандармскаго патріарха мнѣ почти неловко стало за свои приготовления.

Вагонъ сталъ вновь наполняться пассажирами, которые всѣ имѣли какой-то просвѣтленный видъ, точно они съ причастія. Передъ самымъ отходомъ поѣзда вошелъ кондукторъ и передалъ мнѣ багажную квитанцію. Я далъ ему всѣ мелкія русскія деньги, какія были у

меня—рубля полтора,—сказавши, что онѣ мнѣ не нужны, потому что я не скоро вернусь на родину, и пожалъ ему руку. Это былъ послѣдній русскій человѣкъ, которому я пожалъ руку на русской тер-риторіи.

Черезъ четыре дня я приѣхалъ въ Парижъ и, оставивъ свои вещи на вокзалѣ, отправился прямо къ Тихомирову, адресъ котораго мнѣ далъ Воскресенскій. Знакомства съ Тихомировымъ я ждалъ съ большимъ интересомъ. Добравшись до avenue Reille; 9, я позвонилъ въ указанной мнѣ консьержкой квартирѣ на пятомъ этажѣ. Дверь открыла мнѣ немолодая уже дама съ широкимъ некрасивымъ русскимъ лицомъ.

— M. Dolinski?

— C'est ici.

Видя, что передо мною несомнѣнно русская дама, я сказалъ ей, что я только что приѣхалъ изъ Россіи и что желалъ бы видѣть Л. А. Тихомирова. Она стала спрашивать меня, кто я такой. Я отвѣтилъ. Вдругъ дверь сосѣдней комнаты открылась, и на порогѣ появился мой дорогой товарищъ, Сергѣй Ивановъ! Съ великой и обоюдной радостью мы обняли другъ друга. Послѣ первыхъ привѣтствій Сергѣй Ивановъ повелъ меня въ комнату, гдѣ за столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, сидѣлъ Тихомировъ. Съ перваго же взгляда на него я почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе. Дѣло въ томъ, что, зная Тихомирова только по нѣкоторымъ рассказамъ Сухановой и по писаніямъ его, я почему-то не иначе представлялъ себѣ его физическую личность, какъ въ видѣ очень высокаго роста блондина, съ красивымъ лицомъ, большой бѣлокурой бородой и большими сѣрыми глазами, которые должны были выражать все, что полагается выражать глазамъ такого выдающагося революціонера и писателя. А передо мною стоялъ довольно коренастый человѣкъ лѣтъ 33, ниже средняго роста, съ широкимъ, украшеннымъ рыжевато-каштановой растительностью, лицомъ и непрерывно двигающимися изъ стороны въ сторону глазами. Такія лица встрѣчаются сотнями среди смѣшаннаго населенія новороссійскаго края и сѣвернаго Кавказа. Но глаза его, несмотря на ихъ непріятную бѣготню, несомнѣнно блистали умомъ. Одѣтъ онъ былъ очень неряшливо. Платье его, которое, по-видимому, никогда не чистилось, было испещрено жирными пятнами алиментарнаго происхожденія. Но мое первое непріятное впечатлѣніе, вину котораго я добросовѣстно сваливалъ на свою нелѣпую фантазію, не замедлило изгладиться, когда между нами завязался разговоръ. Вопросы, которые задавалъ мнѣ Тихомировъ, изобличали въ немъ очень умнаго человѣка, который отлично зналъ, гдѣ лежатъ узловые пункты революціоннаго движенія, и не говорилъ пустыхъ словъ. И по его вопросамъ и по выраженію его лица, когда онъ слушалъ мой подробный рассказъ о положеніи дѣлъ, можно было заключить, что выводъ, къ которому я пришелъ въ Тифлисѣ, для него не новость, и что онъ въ значительной степени раздѣляетъ его. За то Сергѣй Ивановъ ничуть не былъ согласенъ со мною. Онъ думалъ, что упадокъ народовольческаго движенія временный, что организація вновь возродится, особенно, если удастся хорошо поставить за-границей

литературное дѣло. Говорилъ онъ еще, что, когда я отдохну за-границей, я стану смотрѣть менѣе мрачно на положеніе вещей.

Послѣ обѣда Тихомировъ повелъ меня къ М. Н. Оловенниковой, которая жила тогда на rue Flatters съ моей старой знакомой Г. О. Чернявской. Такъ какъ былъ день редакціоннаго собранія «Вѣстника Народной Воли,» то туда-же вскорѣ пришелъ и П. Л. Лавровъ. Меня опять спрашивали, я опять рисовалъ безотрадную картину положенія партіи. И опять я увидѣлъ на необыкновенно энергичномъ и умномъ лицѣ М. Н. Оловенниковой подтвержденіе своихъ печальныхъ выводовъ. Что касается Петра Лавровича, то съ той теоретической высоты, на которой онъ стоялъ, хорошо видно было только неизбѣжное, окончательное торжество социализма—перипетіи-же борьбы, которая приведетъ къ этому торжеству социализма, болѣе или менѣе скрадывались перспективой....

Изъ разговоровъ съ членами редакціи я не замедлилъ убѣдиться, что и «Вѣстникъ Народной Воли» находится въ состояніи агоніи. Это былъ послѣдній якорь, который могъ бы спасти идею партіи. Выводъ, къ которому я пришелъ въ Тифлисѣ, принялъ окончательную форму.

Вѣрный своимъ взглядамъ, Сергѣй Ивановъ уѣхалъ въ іюлѣ 1885 г. въ Россію съ цѣлью попытаться возстановить организацію. Осенью того же года онъ былъ арестованъ.

А я сталъ жить другой половиной своей жизни. Вскорѣ послѣ отъѣзда Сергѣя Иванова я былъ принятъ, благодаря своему знанію языковъ и знакомству съ химіей, въ редакцію одного химическаго парижскаго журнала, въ которомъ я состою сотрудникомъ до сихъ поръ. Это было для меня исходнымъ пунктомъ долготѣней и небезуспѣшной научной работы.

Еще одинъ только разъ мнѣ пришлось выступить въ качествѣ бывшаго члена организаціи Народной Воли, и это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ то разъ лѣтомъ 1886 г. я зашелъ въ русскую бібліотеку, чтобы почитать газеты и, по обыкновенію, нашелъ тамъ нѣсколькихъ читателей. Занявшись газетой, я сталъ вдругъ чувствовать на себѣ упорный взглядъ одного изъ моихъ сосѣдей. Я оглянулся. Мой сосѣдъ, смуглый молодой человѣкъ лѣтъ 18, быстро отвелъ отъ меня глаза. Еще раза два повторился этотъ самый маневръ, а потомъ я пересталъ обращать на него вниманіе: если молодому человѣку доставляетъ удовольствіе глазѣть на меня, пусть глазѣтъ.

Начитавшись, я собрался уйти домой. На площадкѣ лѣстницы я былъ настигнутъ глазѣвшимъ на меня молодымъ человѣкомъ, который взволнованнымъ голосомъ спросилъ меня:

— Извините, пожалуйста, вы Алексѣй Павловичъ?

— Былъ когда-то имъ.

Тутъ молодой человѣкъ, путаясь и волнуясь, сталъ говорить мнѣ, что онъ меня узналъ, потому что я нѣсколько разъ имѣлъ свиданія у него на квартирѣ съ «Заикой», и что теперь у него ко мнѣ есть дѣло. Я присмотрѣлся къ молодому человѣку, и вдругъ мнѣ вспомнилась большая комната въ мезонинѣ одноэтажнаго дома гдѣ то въ Замоскворѣчѣ, а въ комнатѣ гимназистъ съ живыми, черными гла-

зами, другія фігуры гимназистовъ. Всѣ гимназисты куда то исчезали, и мы съ Ивановымъ оставались вдвоемъ въ этой комнатѣ. Препжній гимназистъ и теперешній молодой человѣкъ былъ Матвѣй Фундаминскій, прїѣхавшій въ Парижъ по порученію московскаго кружка народовольцевъ, юныхъ годами, но богатыхъ энергіей. Однимъ изъ членовъ его былъ М. Р. Гоцъ. Фундаминскій привезъ отъ имени этого кружка докладную записку, въ которой обсуждалось положеніе партіи Народной Воли и предлагались мѣры къ возрожденію ея. По словамъ составителей записки, народовольческихъ силъ въ Россіи было много, но силы эти оставались разрозненными и безплодными вслѣдствіе отсутствія надлежащаго импульса. Надо было опять взяться за террористическую борьбу съ правительствомъ, возобновить и влить новую жизнь въ партійную литературу, а главное, устроить крѣпкую и сплоченную организацію. Но образованію такой сплоченной организаціи мѣшаетъ... избытокъ нелегальныхъ народовольцевъ, которые злоупотребляютъ престижемъ своей нелегальности, стремятся захватить въ свои руки веденіе революціоннаго дѣла и тѣмъ уничтожаютъ самодѣятельность въ молодыхъ членахъ партіи.

Чтобы уменьшить вредное вліяніе нелегальнаго элемента, составители записки предлагаютъ ограничить число нелегальныхъ революціонеровъ въ организаціи опредѣленнымъ процентомъ... Кружокъ обращается къ эмигрантамъ-народовольцамъ съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ его начинаніяхъ.

Прочитавъ записку, я сказалъ Фундаминскому, что революціонными дѣлами я больше не занимаюсь, ни къ какой организаціи не принадлежу и поэтому отвѣчать на записку не считаю возможнымъ. И я предложилъ Фундаминскому понести записку Лаврову и Тихомирову, съ которыми я его свелъ. Но я не скрылъ отъ него своихъ личныхъ взглядовъ на дѣло. Оказалось, что ни Лавровъ, ни Тихомировъ не пожелали отвѣчать на записку и отослали Фундаминскаго ко мнѣ. Я тоже отказался. Но Фундаминскій сталъ говорить, что безъ отвѣта онъ не можетъ вернуться, и просилъ меня изложить письменно мое мнѣніе, съ которымъ онъ во многомъ соглашался. Тогда я исполнилъ его желаніе и написалъ контръ-записку, въ которой я подробно развилъ выводы изъ своей трехлѣтней революціонной дѣятельности. Фундаминскій носилъ записку Лаврову и Тихомирову, но насколько помню, отъ нихъ ни порицанія, ни похвалы не услышалъ.

Въ день отъѣзда Фундаминскаго я подъ его диктовку снялъ на всякій случай копію съ своей контръ-записки, и копію эту я недавно нашелъ въ своихъ бумагахъ.

Какъ передавалъ мнѣ недавно М. Р. Гоцъ, моя контръ-записка произвела большое разочарованіе въ московскомъ кружкѣ. Особенно огорчили ихъ мои разсужденія противъ цѣлесообразности террора при тогдашнемъ состояніи революціонныхъ силъ. Прочитавъ мою контръ-записку, Богоразъ, который былъ тогда въ Москвѣ и вмѣстѣ съ Оржихомъ возстановлялъ организацію, разсердился и сталъ писать брошюру въ защиту традиціонныхъ идей Народной Воли. Вскорѣ вся ихъ организація была скошена рукою мастеровъ, тоже знавшихъ исторію...

Еще разъ взмахнула правительственная коса послѣ 1-го марта 1887 г., и Народная Воля умерла...

Народная Воля умерла, и враги ея ликовали. Но могила ея осталась у всѣхъ на виду, какъ напоминаніе и завѣтъ, и противъ нея торжествующіе враги были безсильны. Тогда пришли Иваны Непомнящіе и стали топтать могилу, чтобы сравнять ее съ землею, потому что могила мѣшала имъ быть Иванами-Непомнящими. Но растоптать и сравнять съ землею могилу Иваны-Непомнящіе не могли, потому что она большая. А большая она, потому что много положено въ нее.

Народная Воля умерла, но сѣмя, брошенное ею въ землю, дало всходы...

А. Бахъ.

1903—1904 гг.

Изъ Обзора важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ за 1901 годъ ¹⁾).

Положеніе Эмиграціи въ 1901 году.

„Русскіе эмигранты въ отчетномъ году, какъ и раньше, составляли два главныхъ лагеря: социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ, которые въ свою очередь распадались на фракціи самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Направляющій центръ революціонныхъ силъ оставался, однако же, въ предѣлахъ Имперіи, и эмигранты подчинялись рѣшеніямъ, исходившимъ изъ Россіи. Подъемъ или упадокъ энергіи среди русскихъ выходцевъ всегда обусловливался общимъ положеніемъ агитаціи на ихъ родинѣ. Успѣхъ ея за послѣдніе два года наглядно отразился за границей: и социаль-демократы и социалисты-революціонеры приняли болѣе крайній революціонный характеръ. Умѣренные социаль-демократическія организаціи, какъ „Рабочая Мысль“ стушевываются, а на первый планъ выдвигаются „Искра“ и „Заря“; у социалистовъ-революціонеровъ замѣчается желаніе возродить традиціи старой „Народной Воли“, что и выразилось сформированіемъ „соціально-террористической“ группы.

Затѣмъ, у эмигрантовъ явилось стремленіе придать своей дѣятельности возможно болѣе практической характеръ. Въ этихъ видахъ даже забываются обычныя пререканія между различными группами, и онѣ готовы совместно работать противъ современнаго въ Россіи государственнаго строя. Пользуясь удобствами

¹⁾ Текстъ настоящаго „Обзора“, какъ это должно быть понятно само собою, составленъ д-томъ полиціи. Мы печатаемъ его безъ малѣйшихъ комментарій, хотя во многихъ случаяхъ неосвѣдомленность авторовъ „Обзора“ кидается въ глаза. Недавно „Русская Истор. Библіотека“ издала одинъ изъ такихъ „Обзоровъ“ (за 1902 годъ) полностью, но также безъ всякихъ комментаріевъ. Это понятно: по поводу *такихъ* вещей надо писать или *очень* много или *ничего*. Не имѣя пока возможности дѣлать первое, дѣлаемъ второе, полагая, что и въ „спромя“ видѣ опубликованіе данныхъ матеріаловъ все же сослужитъ свою службу дѣлу познанія исторіи русскаго освободительнаго движенія. Имѣя, однако, въ виду все вышесказанное, читатель долженъ относиться къ сообщаемымъ въ „Обзорахъ“ свѣдѣніямъ съ величайшей осторожностью. Ред.

революціонной дѣятельности внѣ предѣловъ своего отечества, эмигранты оказываютъ существенныя услуги движенію въ Имперіи, публикуя разныя сообщенія, печатая и пересылая въ Россію разныя нелегальныя изданія и т. п.

Соціалъ-демократическое направленіе среди эмигрантовъ долгое время было преобладающимъ надъ соціально-революціоннымъ; но съ нѣкоторыхъ поръ послѣднее стало приобрѣтать видимый перевѣсъ, благодаря сліянію разрозненныхъ группъ въ одну партію.

Польскіе эмигранты и заграничныя „толстовцы“ стояли въ сторонѣ отъ упомянутыхъ теченій.

Личный составъ революціонныхъ силъ эмиграціи въ значительной мѣрѣ пополнялся временно прибывавшими и уѣзжавшими обратно въ Россію оппозиціонными дѣятелями, большой процентъ коихъ составляли евреи.

Соціалъ-демократы.

Группа „Искры“ и „Заря“. Въ послѣднемъ обзорѣ было сказано, что въ концѣ 1900 г., по рѣшенію петербургской „Центральной соціалъ-демократической рабочей партіи“, заграницей была основана самостоятельная организація въ качествѣ главнаго представителя интересовъ партіи въ Россіи. Тогда же приступили къ изданію органовъ новой группы—газеты „Искра“ и журнала „Заря“; въ редакціи первой изъ нихъ работалъ Владиміръ Ульяновъ въ сотрудничествѣ съ Александромъ Потресовымъ и Юліемъ Цедербаумомъ. „Искра“ печатается въ Мюнхенѣ, но ей старательно придается видъ и характеръ изданія, выходящаго въ предѣлахъ Россіи.

Центръ партіи „Искры“ находится въ Берлинѣ, гдѣ ея сторонники представляютъ довольно большой кружокъ, имѣющій свою нелегальную бібліотеку и складъ подпольной литературы, переправляемой при всякомъ удобномъ случаѣ въ Россію.

Во главѣ Берлинскаго кружка „искровцевъ“ стоятъ эмигранты: Михаилъ Вячесловъ, Анна Елизарова, Петръ Сидовичъ, онъ же Червинскій. Къ этому кружку примыкаетъ группа „Сибирскихъ соціалъ-демократовъ“, весьма немногочисленная по своему составу, но имѣющая свою кассу.

Газета „Искра“ съ первыхъ же своихъ номеровъ стала проповѣдывать завоеваніе политической свободы и борьбу съ русскимъ самодержавіемъ. Такъ въ статьѣ „На порогѣ двадцатаго вѣка“ говорится: „Разрушеніе самодержавія безусловно необходимо для развитія нашей партіи. Если между западно-европейскими соціалистами и ихъ великой цѣлью стоитъ эгоизмъ имущихъ классовъ, то между нашей зарождающейся партіей и западно-европейской соціалистической семьей стоитъ самодержавный царь съ его полицейскимъ государствомъ. Но нѣтъ той стѣны, которую не могла бы разрушить человѣческая энергія. Россійская

соціалъ-демократическая партія возьметъ на себя инициативу борьбы съ абсолютизмомъ и нанесетъ ему смертельный ударъ, опираясь на болѣе или менѣе энергичную, прямую или косвенную, поддержку всѣхъ недовольныхъ элементовъ, и политическая свобода будетъ первымъ культурнымъ завоеваніемъ Россіи въ двадцатомъ вѣкѣ“.

Въ изданіи „Зари“ видное участіе принимали: Георгій Плехановъ, Пинхусъ Аксельродъ, Вѣра Засуличъ и Овсій Нахамкисъ. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ первой книжки „Зари“, редакціей ея была издана въ Штутгартѣ брошюра „Самодержавіе и Земство“, содержащая въ себѣ конфиденціальную записку статсъ-секретаря Витте къ дѣйствительному тайному совѣтнику Горемыкину, по вопросу о повсемѣстномъ введеніи въ Россію земскихъ учреждений. Брошюра эта выдержала нѣсколько изданій и принесла редакціи большія деньги. Рукопись ея была передана въ редакцію „Зари“ лицомъ, оставшимся невыясненнымъ, въ видѣ копій съ подлинника, причемъ то же самое лицо вручило Аксельроду и Плеханову на изданіе брошюры 6000 рублей; изъ нихъ на отпечатаніе было израсходовано 1800 рублей, остальные же деньги поступили въ кассу редакціи..

Весною 1901 г. Сергій Андроновъ и Викторъ Ношнъ, въ интересахъ сліянія соціалъ-демократическихъ группъ, тайно выѣхали въ Россію, но тамъ были задержаны.

Затѣмъ, въ половинѣ октября, состоялся въ Женевѣ съѣздъ представителей заграничныхъ соціалъ-демократовъ, названный ими „объединительнымъ“; но вмѣсто желательнаго сплоченія отдѣльныхъ группъ въ одну организацію между ними произошелъ еще большій расколъ. Нахамкисъ заявилъ, что онъ образуетъ новую соціалъ-демократическую группу съ органомъ „Борьба“, а организація „Соціалъ-демократъ“, „Искра“ и „Заря“ рѣшили слиться въ „Заграничную лигу революціонной соціалъ-демократіи, поставившей себѣ задачей—активное содѣйствіе революціоннымъ элементамъ въ Россіи въ дѣлѣ выработки боевой соціалъ-демократической организаціи.

„Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ „Рабочее Дѣло“; „Союзъ“, какъ и въ предшествовавшемъ году, занимался преимущественно издательской дѣятельностью. Такъ, имъ были выпущены: 1) „Доклады Международ. Соц. Конгрессу въ Парижѣ 1900 г. о русскомъ и еврейскомъ соц.-демократ. рабочемъ движеніи; 2) „Русскій политическій строй и рабочіе“; 3) „Судъ надъ Брянскими рабочими“; 4) Прокламація „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, мартъ 1901 г.; 5) „Историческій поворотъ“, оттискъ изъ 6-го № листка „Рабочее Дѣло“; 6) „1-е мая 1901 г.“; 7) „Майская картина: общественная пирамида“; 9) „Судъ надъ Карповичемъ и Лаговскимъ“, съ предисловіемъ.

Органъ „союза“ „Рабочее Дѣло“ также выходилъ отъ имени „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ и въ 1901 г. его вышло только три номера. Кромѣ того, „Союзъ“ продолжалъ изданіе листковъ „Рабочаго Дѣла“

Въ организациі „Рабочее Дѣло“ происходили уже послѣ сѣзда серьезныя разногласія представителей ея, эмигрантовъ Боруха *Кричевскаго*, Владиміра *Иваншина* и Владиміра *Махновца*, съ прибывшимъ незадолго до того изъ Екатеринослава именуемымъ себя Мартыновымъ, въ коёмъ подозрѣвается административно-ссылный Хаимъ *Поляковъ*.

Послѣ совершеннаго отдѣленія на сѣздѣ отъ „искровцевъ“, „Союзъ русскихъ социаль-демократовъ“ сблизился съ „Бундомъ“, и въ концѣ года слился съ нимъ на федеративныхъ началахъ, принявъ одну и ту же программу, кромѣ вопросовъ о еврейскомъ пролетаріатѣ. Каждая изъ этихъ группъ имѣла въ Берлинѣ свой отдѣльный складъ революціонной литературы и устраивала собранія для выясненія программныхъ разногласій съ другими организаціями.

Во главѣ Берлинскихъ сторонниковъ „Союза русскихъ социаль-демократовъ“ стояли: Исаакъ *Бискъ* и Викторъ *Залле*.

„Русская социаль-демократическая рабочая партія „Рабочее Знамя“: Группа эта, по своей программѣ почти тождественная съ социально-революционными, въ 1901 г. ничѣмъ себя не проявила. Заграничные ея представители, Андроповъ и Ногинъ, какъ сказано выше, были арестованы въ самомъ разгарѣ ихъ партійной дѣятельности. Той же участи, но нѣсколько раньше, подвергся третій выдающійся членъ „Рабочаго Знамени“, *Мовша Лурія*.

„Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. „Рабочая Мысль“. Въ 1901 г. печатаніе газеты „Рабочая Мысль“ было перенесено въ Россію, вслѣдствіе чего оставшаяся за границей небольшая группа „Союза борьбы“ почти совершенно бездѣйствовала.

Социаль-демократическая группа „Борьба“. Вскорѣ послѣ описаннаго сѣзда социаль-демократовъ къ сформированной Нахамкисомъ группѣ „Борьба“ примкнулъ Давидъ-Симха *Гольдендахъ*. Зимой 1901 г. послѣдній прибылъ въ Берлинъ, и съ тѣхъ поръ тамъ сосредоточилась центральная организація „Борьбы“. Въ Берлинѣ Гольдендахъ тотчасъ сошелся съ прусскимъ подданнымъ Вильгельмомъ *Бухгольцемъ*, который проживалъ ранѣе въ Россіи и вращался среди революціонеровъ. Вслѣдъ затѣмъ названныя лица основали нѣсколько кружковъ, охотно посѣщаемыхъ живущей въ Берлинѣ русской молодежью, которой такимъ образомъ прививается революціонное направленіе.

Программа группы „Борьба“ не отличается отъ взглядовъ „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“. Признавая засимъ рабочій пролетаріатъ за главный элементъ русскаго революціоннаго движенія, „Борьба“ распространяетъ свою дѣятельность среди аграрнаго пролетаріата русской деревни, въ надеждѣ объединить и съорганизовать его для ниспроверженія государственнаго строя Россіи. Въ отношеніи къ русскимъ революціоннымъ организаціямъ „Борьба“ проповѣдуетъ товарищескія отношенія, полагая, что кружковыя распри идутъ только на пользу реакціи.

Съ „Искрой“ „Борьба“ расходится лишь въ немногомъ, вмѣсто газеты она предпочитаетъ популярную брошюрную литературу, предполагая развивать ее возможно шире.

Первымъ изданіемъ „Борьбы“ общанъ „Календарь на 1902 г. для русскихъ рабочихъ“, по плану и въ объемѣ извѣстнаго „Календаря Народной Воли“. Руководить издательствомъ взялись Нахамкисъ, Гольдендахъ и Эммануиль Гуревичъ.

Въ „Календарь“ войдутъ статьи о „Народной Воли“ и ея влияніи на будущее революціонное движеніе въ Россіи, „Польская революція“, сочиненія Чернышевскаго съ его портретомъ, біографіи Петра Алексѣева и Халтурина, рядъ мелкихъ статей о современной Россіи и общій обзоръ революціоннаго движенія за 1901 г. въ Европѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ „Календаря“ группа полагаетъ приступить къ печатанію журнала „Борьба“ и цѣлаго ряда отдѣльныхъ брошюръ. Матеріальныя средства группы пока весьма незначительны, но Нахамкисъ надѣется получить деньги изъ Россіи.

„Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ“ или „Бундъ“. Дѣйствующій въ Россіи и за границей, а главнымъ образомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, означенный „союзъ“ представляетъ одну изъ самыхъ стойкихъ сплоченныхъ революціонныхъ организацій. Онъ завязалъ сношенія съ „Россійской социаль-демократической рабочей партіей“ и нелегальною средою въ Привислянскомъ краѣ, пользуясь большимъ авторитетомъ какъ въ Имперіи, такъ и за ея предѣлами. Это объясняется тѣмъ, что въ данное время евреи повсемѣстно составляютъ преобладающій элементъ въ революціонной средѣ, причемъ контингентъ ихъ почти всецѣло состоитъ изъ недоучившихся молодыхъ людей безъ опредѣленнаго социальнаго положенія; поэтому „Бундъ“ является самою многочисленною изъ всѣхъ заграничныхъ революціонныхъ группъ. Кромѣ того, значеніе „Бунда“ поддерживается его связями въ Россіи, посредствомъ которыхъ онъ водворяетъ туда массы нелегальной литературы, превосходя въ этомъ отношеніи всѣ другія заграничныя революціонныя организаціи.

Въ концѣ апрѣля 1904 г. „Бундъ“ организовалъ 4-й съѣздъ, въ которомъ участвовали 24 представителя мѣстныхъ комитетовъ и входящихъ въ него отдѣльныхъ организацій. Отчетъ о результатахъ этого съѣзда отпечатанъ „Бундомъ“ отъ имени „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“ отдѣльной брошюрой.

Съѣздомъ были разработаны нѣкоторые вопросы, относящіеся къ дѣятельности партіи, причемъ рѣшено было принять участіе въ быстро развивающемся еврейскомъ движеніи на югѣ Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено замѣнить названіе „Бунда“ — „Всеобщимъ рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“.

Кромѣ еврейскихъ брошюръ, „Бундъ“ издаетъ и другія, общаго значенія, а также относящіеся специально къ русскому

населенію. Для корреспонденції съ заграничнымъ „Бундомъ“ указанъ нижеслѣдующій адресъ: Mr. Abraham Nathanson, 13 Brantridge street, Burolet Road, London.

По числу членовъ, Берлинское отдѣленіе „Бунда“, во главѣ коего стоялъ Цемахъ *Копельзонъ* и Іосифъ *Миль*, было самымъ большимъ, такъ какъ къ нему примкнули все эмигрировавшіе изъ Россіи евреи рабочіе. Къ Берлинскому отдѣленію „Бунда“ принадлежитъ также и эмигрантъ Аронъ *Ханжи*, который вѣлѣдствіе ссоры вышелъ изъ партіи и проповѣдуетъ чисто анархистскіе взгляды.

13 ноября происходило собраніе берлинской секціи „Бунда“, подъ предсѣдательствомъ Бухгольца. На собраніи этомъ были все выдающіеся члены колоніи и болѣе 100 человекъ постороннихъ. При обсужденіи послѣднихъ мѣропріятій русскаго правительства относительно еврейской социаль-демократіи, были высказаны упреки за преслѣдованіе партіей исключительно экономическихъ цѣлей.

Независимо вышеуказанныхъ органовъ, „Бундъ“ издавалъ заграницей гектографированные „летучіе листки“, въ коихъ помѣщались тенденціозныя извѣстія изъ русскихъ городовъ.

Соціалисты-революціонеры въ 1901 г.

„Союзъ социалистовъ - революціонеровъ“. Въ октябрѣ 1900 г., въ Москвѣ состоялся съѣздъ представителей группъ социалистовъ-революціонеровъ, на которомъ произошло объединеніе всехъ дѣйствовавшихъ въ Россіи социально-революціонныхъ фракцій, а черезъ три мѣсяца въ лондонской типографіи „Рабочаго Знамени“ былъ отпечатанъ манифестъ, выработанный на этомъ съѣздѣ.

Вслѣдъ за объединеніемъ социалистовъ-революціонеровъ въ Россіи, заграничный „Союзъ русскихъ социалистовъ-революціонеровъ“ рѣшилъ прекратить изданіемъ свой органъ „Русскій рабочий“, замѣнивъ его другимъ періодическимъ изданіемъ. На запросъ по этому поводу, проживающіе въ Россіи единомышленники „Союза“ отвѣтили, что при современныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности—въ заграничномъ органѣ партіи существенной надобности не замѣчается.

Получивъ такой отвѣтъ, Хаимъ *Житловскій* и Викторъ *Черновъ* рѣшили заняться изданіемъ отдѣльныхъ брошюръ по крестьянскому вопросу въ Россіи и вербовкой наибольшаго числа членовъ „Союза“. Къ названной группѣ присоединились: Аронъ *Глазбергъ*, нѣкій *Чулокъ* и г-жа *Вейнштейнъ*.

Единеніе социально-революціонныхъ группъ продолжалось недолго. Въ февралѣ 1901 г. въ Харьковѣ собрался новый съѣздъ представителей социально-революціонныхъ организацій, на которомъ находящіеся въ Россіи социалисты-революціонеры раздѣлились на двѣ фракціи: сѣверную съ „Союзомъ“ во главѣ, и южную,

объединившуюся съ „Группой политическаго освобожденія Россіи“. Но и этотъ расколъ не повліялъ на улучшеніе дѣлъ заграничнаго Союза социалистовъ-революціонеровъ“.

Въ концѣ зимы, Елена *Полубояринова* получила извѣстія изъ Россіи, подтверждающія, что къ Житловскому и его компаніи русскіе ихъ товарищи относятся крайне недружелюбно и смѣются надъ тѣмъ, что они уже объявили себя „Союзомъ“, тогда какъ въ Россіи никакого „Союза“ нѣтъ, и сѣверные социалисты-революціонеры попрежнему ожесточенно спорятъ съ южными своими товарищами.

Конецъ 1901 года ознаменовался полнымъ разгромомъ социалистовъ-революціонеровъ въ Россіи и арестомъ въ гор. Томскѣ типографіи „Союза социалистовъ-революціонеровъ“. Уцѣлѣвшіе ничтожные остатки социально-революціонныхъ группъ поспѣшили объединиться въ одну „Партію социалистовъ-революціонеровъ“.

Это обстоятельство не замедлило существенно повліять на положеніе социалистовъ-революціонеровъ за границей. По настояніямъ Мовши *Гоца*, редакцію „Вѣстника Русской Революціи“ уговорили издавать этотъ журналъ отъ имени партіи социалистовъ-революціонеровъ, къ которой присоединились „Молодые народо-вольцы“, и „Лига аграрнаго социализма“.

Объединившаяся такимъ образомъ „партія“ рѣшила дѣятельность свою поставить на слѣдующихъ началахъ:

1) Теоретическимъ выразителемъ идей „партіи“ оставить „Вѣстникъ Русской Революціи“, подъ редакціей Гоца, пишущаго подъ псевдонимомъ „А. Левицкій“, при сотрудничествѣ Эли Рубановича, Чернова и Николая Русанова (Тарасова);

2) Возстановить изданіе „Революціонной Россіи“, съ тѣмъ однако, чтобы она была официальнымъ боевымъ органомъ партіи и выходила каждый мѣсяцъ, и

3) Изъ состава „Лиги аграрнаго социализма“ выдѣлить особую комиссію для изданія сочиненій, съ цѣлью пропаганды въ крестьянской средѣ.

Группа „молодыхъ народо-вольцевъ“. Въ концѣ 1900 г., согласно полученныхъ изъ Россіи инструкцій, въ Парижѣ образовалась группа „молодыхъ народо-вольцевъ“, во главѣ съ Антономъ *Гнатовскимъ* и Шейнисомъ, усвоившая себѣ программу „Исполнительнаго Комитета“ 70-хъ годовъ. При этомъ организаторы партіи рассчитывали не только привлечь къ ней такія крупныя силы, какъ Владиміръ *Бурцевъ*, Евгеній *Степановъ*, Алексій *Тепловъ* и Иванъ *Кашинцевъ*, но полагали обратить въ собственность молодыхъ народо-вольцевъ издаваемые Бурцевымъ журналы „Народо-волецъ“ и „Былое“. Бурцевъ на это не согласился, и задуманное такимъ образомъ спліяніе „молодыхъ“ и „старыхъ“ народо-вольцевъ не состоялось.

Немалыхъ трудовъ и времени стоило новой группѣ основаніе партійнаго органа. Лишь послѣ долгихъ переговоровъ, „старый народо-волецъ“ Русановъ (Тарасовъ) согласился наконецъ редактировать специальный народо-вольческій журналъ, которому

дано названіе „Соціалъ-Револуціоннаго Вѣстника“. Въ изданіи его приняли непосредственное участіе *Аркадакскій* и *Рубановичъ*, приче́мъ первый номеръ „Вѣстника“ отпечатанъ *Богановскимъ* въ типографіи „старыхъ народовольцевъ“ въ Женевѣ, приче́мъ онъ названъ „Вѣстникомъ Русской Револуціи“, и на немъ не указано, какою именно партіей онъ изданъ.

Почти въ то же время заграничные социалисты-революционеры, принадлежавшіе къ „Союзу социалистовъ-революціонеровъ“, присоединились къ „молодымъ народовольцамъ“, что въ значительной мѣрѣ подняло значеніе послѣднихъ и за границей, и въ Россіи.

За недостаткомъ вначалѣ матеріальныхъ средствъ на правильное изданіе упомянутаго „Вѣстника“, „молодые народовольцы“ рѣшили ограничиться на первое время выпускомъ отдѣльныхъ брошюръ и устройствомъ безпрятственной пересылки своихъ подпольныхъ изданій въ Россію для пропаганды народовольческихъ идей, съ цѣлью ослабить преобладающее вліяніе социалъ-демократовъ и направить молодежь на путь чисто революціонной борьбы.

„Старые народовольцы“. Въ концѣ 1900 г. Бурцевъ отправилъ въ Россію съ революціоннымъ порученіемъ *Александрѣ Лебедеву*, которая по пріѣздѣ въ Петербургъ вошла въ сношенія съ мѣстными народовольцами.

Въ началѣ 1901 г. Бурцевъ закончилъ № 2 своего революціоннаго сборника „Былое“ и отослалъ его въ Женеву *Михаилу Сущинскому* для напечатанія. Этотъ сборникъ пользовался большою популярностью среди революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ, и Бурцевъ получилъ на него много заказовъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ эмигрантомъ *Иваномъ Добровольскимъ* было получено извѣстіе изъ Россіи объ образовавшейся тамъ новой террористической фракціи, присвоившей себѣ наименование „Группы двадцати“ и задумавшей организовать нѣсколько террористическихъ фактовъ. Извѣстіе это было подтверждено проживающими въ Женевѣ *Вѣрой Величкиной* и *Владиміромъ Бончъ-Бруевичемъ*, которые прибавили, что *Лаговскій* принадлежалъ къ этой группѣ.

Значительно усилившаяся къ концу года въ революціонныхъ группахъ Имперіи тенденція политической борьбы вызвала за границей стремленіе старыхъ народовольцевъ къ активной работѣ. Еще до полученія ближайшихъ свѣдѣній изъ Россіи о положеніи дѣлъ и настроеніи различныхъ партій заграничные народовольцы отпечатывали въ Женевѣ брошюру „Долой Царя!“, съ предисловіемъ Бурцева, въ которомъ онъ резюмируетъ все сказанное имъ въ трехъ номерахъ „Народовольца“, „Былого“ и „За сто лѣтъ“. Кромѣ этой брошюры, напечатанной въ типографіи *Михаила Сущинскаго*, тамъ же отпечатаны: „Надгробное слово *Александру II*“, „Терроръ“ *Алисова*, 4-й номеръ „Народовольца“ и № 3-й „Былого“ Бурцева. *Сущинскій* и *Махновецъ* ждали изъ Россіи сестру перваго изъ нихъ, *Марію Сущинскую*, полагая найти въ ней круп-

наго сотрудника для вновь народившейся социаль-демократической группы „Борьба“.

„Лига аграрнаго социализма“. Центромъ „Лиги аграрнаго социализма“ былъ г. Бернъ.

Вслѣдствіе особой легкости условій поступленія въ бернскій университетъ, туда являлись массы учащихся русскихъ безъ образовательнаго ценза. Среди такой молодежи, Житловскій, при содѣйствіи Чернова, распространялъ аграрно-соціалистическія идеи, пропаганда которыхъ была имъ поставлена на самую широкую ногу.

„Лига аграрнаго социализма“ состояла изъ эмигрантовъ: Феликса Волховскаго, Х. Житловскаго, В. Житловской, С. Краснопольскаго, Б. Оленина (Чернова), Егора Лазарева, Эли Рубановича, Эспера Серебрякова, Давида Соскиса, Киселя Терешковича, Николая Чайковскаго, Леонида Шичко и др.

Парижскій агитационный комитетъ. Въ апрѣлѣ 1901 г. въ Парижѣ организовался особый „комитетъ“ изъ представителей всѣхъ русскихъ революціонныхъ группъ, который занялся агитаціей среди французской публики по поводу событій, происходившихъ въ Россіи, желая главнымъ образомъ дискредитировать франко-русскій союзъ и всѣми способами позорить русское правительство. Съ этою цѣлью, комитетъ рѣшилъ издавать брошюры на французскомъ языкѣ, съ краткимъ изложеніемъ „дѣйствительнаго“ положенія дѣлъ въ Россіи. Кромѣ того, положено организовать специальный комитетъ изъ нѣсколькихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Франціи, которые должны агитировать въ предѣлахъ французской территоріи по вопросу о политической свободѣ въ Россіи.

Объединительныя попытки. Весною 1901 г. въ виду крайне возбужденнаго настроенія противоправительственныхъ группъ въ Россіи, по инициативѣ эмигрантовъ Хаима Левида, Николая Паули и Волховскаго, предполагалось къ осени объединить всѣ дѣйствующіе за границей революціонные элементы въ одну общую партію. Выдающіеся дѣятели разныхъ фракцій заявили, что въ принципѣ они согласны съ такимъ проектомъ, но сомнѣваются въ его успѣхѣ, не усматривая для объединенной дѣятельности общаго практическаго дѣла, тѣмъ не менѣе, они высказывали увѣренность, что подобное объединеніе несомнѣнно будетъ имѣть большое значеніе въ Россіи, особенно если оно совершится подъ знаменемъ „Народной Воли“. Лазаревъ полагалъ, что если въ Россіи повторятся „славное прошлое“ 70-хъ годовъ, то и возобновленіе „Народной Воли“ должно имѣть успѣхъ, какъ напоминаніе объ этомъ прошломъ, но что во всякомъ случаѣ слѣдовало бы предварительно снестись съ петербургскою „Группой двадцати“.

Лѣтомъ отчетнаго года, въ Парижѣ образовался специальный комитетъ изъ Рубановича, Гнатовскаго, Шичко, Пашамкиса и Русанова, съ цѣлью рѣшать всѣ вопросы по объединенію всѣхъ заграничныхъ группъ. Комитетъ этотъ выпустилъ брошюру на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „La Russie en revolte“ и прокламацію „Къ русскимъ офицерамъ“.

Проектъ оппозиціоннаго заграничнаго органа. Наряду съ существующими уже революционными органами, въ началѣ лѣта въ Россіи возникла мысль объ изданіи заграницей ежемѣсячнаго революціоннаго органа, въ которомъ пожелали принять участіе конституціоналисты, народовольцы и социаль-демократы. Инициатива этого изданія принадлежала извѣстному писателю Венгерову, который прибылъ въ Лондонъ для окончательныхъ переговоровъ съ Бурцевымъ, Волховскимъ и Чайковскимъ.

Въ качествѣ главнаго сотрудника упомянутаго изданія рѣшено было пригласить нѣкоего *Линника*, земскаго дѣятеля, имѣвшего быть представителемъ русскаго конституціоннаго движенія.

По идеѣ основателей этого органа, предполагалось сгруппировать въ немъ всѣ оппозиціонные элементы русскаго общества, которые или не нашли себѣ мѣста въ существующихъ революціонныхъ организаціяхъ Имперіи или разошлись съ ними.

Ближайшею задачею упомянутой организаціи поставлена политическая борьба въ самомъ широкомъ смыслѣ и стремленіе добиться хотя бы самой умѣренной конституціи.

Одинъ изъ проживающихъ въ Россіи революціонеровъ, состоящій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ эмигрантомъ *Касперомъ Турскимъ*, выразилъ намѣреніе пожертвовать черезъ него на революціонное дѣло весьма большую сумму. Изъ нея 25000 рублей предполагалось отдать въ распоряженіе Бурцева и Теплова для печатанія крайняго террористическаго журнала „Народоволецъ“. Жертвователю долженъ былъ пріѣхать изъ Россіи за границу и лично вручить свое пожертвованіе Турскому.

Группа „соціалистовъ-террористовъ“. Въ началѣ сентября 1901 г., среди эмигрантовъ, проживающихъ въ Швейцаріи, возникли толки о прибытіи въ Женеву уполномоченнаго отъ образовавшейся въ Россіи группы социалистовъ-террористовъ, для переговоровъ съ заграничными народовольцами и социалистами-революціонерами по дѣламъ упомянутой фракціи.

Вскорѣ выяснилось, что названный уполномоченный вошелъ въ предварительные переговоры съ Серебряковымъ, на предметъ обращенія издаваемаго имъ журнала „Наканунъ“ въ органъ группы социалистовъ-террористовъ, дѣйствующихъ въ Россіи, но Серебряковъ на это не согласился. Далѣе были получены свѣдѣнія, что прибывшій делегатъ имѣлъ рекомендацію къ Лазареву. И дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, появился нѣкій *Леонъ Яковсонъ*, вступившій въ переговоры съ *Бурцевымъ*, *Бохановскимъ*, *Абрамомъ Бигомъ*, членами „Аграрной Лиги“ и другими представителями главнѣйшихъ революціонныхъ организацій. Яковсонъ выдавалъ себя за социалиста-террориста и велъ себя настолько конспиративно, что никто изъ эмигрантовъ не подозрѣвалъ въ немъ Михаила Бойкова, выѣхавшаго за границу по легальному паспорту и принадлежащаго къ разряду въ высшей степени серьезныхъ революціонныхъ дѣятелей. Группа его, въ коей главную роль играли *Екатерина Брешковская* и *Михаилъ Смирновъ*, отводитъ пер-

вое мѣсто въ своей программѣ политическому террору. Въ разговорахъ съ главарями эмигрантовъ, Бойковъ объяснилъ, что организація социалистовъ-террористовъ озабочена устройствомъ въ Россіи динамитной мастерской, съ цѣлью совершенія цѣлаго ряда покушеній, причемъ первыми намѣчены были Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, а затѣмъ предполагалось приступить къ совершенію другихъ террористическихъ фактовъ первостепенной важности. Съ этой цѣлью рѣшено было обратиться къ проживающему въ Америкѣ эмигранту *Лью Гартману*, съ просьбой дать соотвѣтственныя техническія указанія для прорытія подкопа.

Вполнѣ сойдясь съ Бурцевымъ по всемъ вопросамъ о террорѣ, Бойковъ обѣщалъ ему поддержку въ Россіи. Къ содѣйствію того же Бурцева онъ обратился по вопросу о водвореніи террористическихъ изданій въ Имперію, для чего Бурцевъ съ своей стороны завязалъ необходимыя сношенія.

Отправляясь въ Россію, Андроповъ и Ногинъ, —раздѣлявшіе идеи социалистовъ-террористовъ,—обѣщали Бойкову, что если бы они и не сошлись въ этомъ со своими единомышленниками въ Россіи, то сами они во всякомъ случаѣ, по возвращеніи за границу, примкнутъ къ социалистамъ-террористамъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Бойковъ два раза ѣздилъ въ Женеву для свиданія съ Иваншинымъ и Лейзеромъ Гольдбергомъ (Кобылянскимъ); съ послѣднимъ Бойковъ сошелся очень близко и предполагалъ черезъ него войти въ непосредственныя сношенія съ польской партіей „Пролетаріатъ“. Наканунѣ отъѣзда изъ Швейцаріи Бойковъ обѣщалъ Лазареву поддерживать съ нимъ сношенія. И дѣйствительно, онъ сообщилъ послѣднему уже изъ Россіи о своемъ благополучномъ прибытіи на родину и о случайномъ задержаніи его въ Смоленскѣ. При отбытіи въ Россію Бойковъ предполагалъ поѣхать въ Москву, Рязань, Казань и Уфу, а оттуда—въ Бирскъ, для свиданія съ Смирновымъ и устройства его побѣга.

Революціонно-соціалистическая группа „Свобода“. Въ маѣ 1901 г., въ Женевѣ возникла революціонно-соціалистическая группа „Свобода“, а въ августѣ выпустила № 1 своего періодическаго изданія подъ тѣмъ же названіемъ, предпославъ въ предисловіе свое мнѣніе, что насущнѣйшею потребностью данной минуты является борьба съ самодержавіемъ, „съ которымъ немислимы никакія соглашенія, никакіе переговоры объ уступкахъ“.

Группа „Свобода“ задалась мыслью осуществить „сразу“ и „сегодня же“ слѣдующія политическія задачи: представительство интересовъ трудящихся классовъ населенія; полную неприкосновенность личности; свободу слова и печати; свободу собраний, сходокъ и ассоціацій; свободу религій и право самоуправленія Польши и Финляндіи.

Не входя пока въ оцѣнку тѣхъ или другихъ формъ правленія, означенная группа ставитъ на первое время своей задачей

возбужденіе ненависти рабочихъ массъ противъ существующаго государственнаго строя и поднятіе ихъ самосознанія путемъ демонстрацій и печатнаго слова. „Свобода“ общаетъ постоянно указывать рабочимъ четыре пункта, которые надо помнить каждому изъ нихъ, а именно: 1) что онъ долженъ быть социалистомъ; 2) что новые порядки могутъ быть завоеваны лишь благодаря сознательной, организованной и постоянной борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ; 3) что „сейчасъ необходимое всего покончить съ своеволіемъ“, и 4) что онъ „борется не только за себя, но и за все трудящееся населеніе Россіи, за его правду, честь и свободу“.

Группа „Свобода“ рѣшила издавать для простаго народа сборникъ подъ названіемъ „Лучина“, который долженъ объяснять положеніе русскаго крестьянства и отношеніе къ нему правительства.

Появленіе новаго органа вызвало среди эмиграціи сильное волненіе, такъ какъ руководитель его тщательно скрывалъ свое имя и мѣстопробываніе.

Это обстоятельство, какъ равно и то, что незнакомецъ въ одно и то же время являлся и социаль-демократомъ, и конституціоналистомъ и народникомъ и яримъ приверженцемъ террора—породило слухи, что инициаторомъ „Свободы“ является какая то таинственная и весьма темная личность.

Приблизительно въ іюнѣ появилась новая брошюра, изданная подъ фирмою „Свободы“, озаглавленная „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“, *Л. Надеждина*, проповѣдующая о необходимости организациі систематическаго террора и революціонной пропаганды среди крестьянъ.

Вскорѣ выяснилось, что какъ „Свобода“, такъ и послѣдняя брошюра—были дѣломъ исключительно одного лица, за которымъ нѣтъ рѣшительно никакой организациі, причемъ ни „Искра“, ни „Рабочее Дѣло“ ни „Вѣстникъ Русской Революціи“ не имѣли съ нимъ ни личной, ни принципиальной связи.

Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ можно было заключить, что авторъ „Свободы“ и брошюры „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“ есть мѣщанинъ г. Харькова, Евгенийъ Зеленскій, который въ маѣ 1900 г. тайно выѣхалъ за границу, и за принадлежность къ организованной имъ „саратовской социаль-демократической группѣ“—подлежитъ высылкѣ въ Вологодскую губернію.

Официальнымъ представителемъ редакціи журнала „Свобода“ былъ *Бохановскій*, а ближайшими сотрудниками—*Успенскіе*, мужъ и жена, и *Александръ Масленниковъ*; журналъ печатался въ типографіи *Михаила Суцинскаго*.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ составъ заграничной организациі „Свобода“ входятъ *Суровисва*, *Шостаки*, *Архипіани*, *Заславская*, *Рубинштейнъ*, *Хана Кремленчукская* и сестры *Анна* и *Ента Моргулевы*.

По словамъ одного изъ членовъ группы, въ Россіи къ ней принадлежатъ весьма энергичные и очень серьезные люди, которые вскорѣ перейдутъ будто бы къ активной революціонной дѣятельности.

Въ октябрѣ между редакторомъ „Свободы“ и Сущинскимъ возникли разногласія, вслѣдствіе чего послѣдній отказался печатать этотъ журналъ. Въ настоящее время „Свобода“ имѣетъ собственную печатню, которою завѣдуетъ нѣкій *Петровский*, проживающій въ Женевѣ. Редакція „Свободы“ стала въ открытую оппозицію къ „Народной Волѣ“, и въ рядѣ враждебныхъ статей намѣрена доказать несостоятельность этой группы въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ, что будто бы и послужило къ усиленію социаль-демократическаго движенія въ Россіи.

Матеріальныя дѣла „Свободы“ къ концу года находились въ плачевномъ состояніи, и намѣреніе редактора издать въ отчетномъ году второй номеръ не осуществилось; равнымъ образомъ не состоялось и изданіе „Лучины“.

Взамѣнъ обѣщанной брошюры „Мятенная Русь“, посвященной февральскимъ и мартовскимъ безпорядкамъ, редакція „Свободы“ выпустила въ концѣ года № 1 обзорѣя, озаглавленнаго: „Канунъ революціи“, подъ редакціей Л. Надеждина. Въ этомъ очеркѣ доказывается, что послѣ совершившихся минувшею весною фактовъ сдѣлалась ясною необходимостью политической борьбы.

Русскіе анархисты. Въ началѣ 1901 г. въ Женевѣ снова возникла анархистская группа при нѣсколько видоизмѣненной обстановкѣ. Въ составъ ея входили болгарскіе и сербскіе анархисты, вслѣдствіе чего она и получила названіе „Славянская группа анархистовъ“. Во главѣ ея стояли: *Мендель Дайновъ*, завѣдующій архивомъ и складомъ, болгаринъ *Чашинъ*, *Желковский*, завѣдующій сношеніями и корреспонденціей, и *Михаиль Сущинскій*—наборщикъ. Послѣдній—бывшій ранѣе социаль-демократомъ,—сначала примкнулъ къ Бурцеву и работалъ у него, какъ народоволецъ, потомъ—какъ террористъ, и, наконецъ, какъ это и предсказывалъ Бурцевъ,—сталъ убѣжденнымъ анархистомъ. По инициативѣ Сущинскаго, проектированъ специальный анархистскій органъ, имѣющій быть выразителемъ идеи „славянской группы анархистовъ“; къ этому предпріятію весьма сочувственно отнеслись русскіе эмигранты—анархисты *Кропоткинъ* и *Черкезовъ*. Въ тип. Сущинскаго въ началѣ 1901 г. были отпечатаны: „Анархизмъ“, брошюра Кропоткина и „Будущее общество“, переводная брошюра Граве.

Къ названному кружку присоединился проживающій въ Бернѣ студентъ *Нилъчиновъ*, который въ половинѣ января вручилъ Сущинскому довольно значительную сумму денегъ на расходы по изданію анархистскихъ брошюръ. Благодаря этому пожертвованію, а также и ранѣе имѣвшимся у Сущинскаго средствамъ, онъ рѣшилъ перепечатать нѣсколько анархистскихъ брошюръ: „Рѣчь на судѣ Эмиля Анри“, „Анархія“ Элизе Реклю, „Религіозная язва“ Иоганна Моста, „Парижская коммуна и понятіе о государственности“ М. Бакунина, „Распаденіе современнаго строя“ П. Кропоткина, „Рѣчь на судѣ Софіи Вардиной“, „Анархія, ея философія и идеаль“ П. Кропоткина и нѣкоторыя социалистическія, какъ „Рѣчь и формы социалистической пропаганды“, П. Л. Лаврова и другія.

Отвѣтственнымъ редакторомъ-издателемъ брошюръ и предполагаемаго спеціальнаго анархистскаго органа состоитъ иностранецъ Е. Held, проживающій въ Женевѣ, имя коего и адресъ стоятъ на обложкахъ всѣхъ русскихъ анархистскихъ брошюръ.

Весною 1901 г., заграничная „Русская группа анархистовъ“ напечатала по случаю происходившихъ тогда волненій въ университетахъ воззваніе „къ товарищамъ въ Россіи“; посылая свой привѣтъ студентамъ и присоединившимся къ нимъ рабочимъ, русскіе анархисты приглашаютъ ихъ продолжать „великую и славную борьбу“ за политическую свободу и низверженіе самодержавія, которое „не устоитъ подъ напоромъ молодыхъ силъ“.

Въ концѣ года матеріальныя средства этой группы были крайне ничтожны, и русскіе анархисты пока не имѣютъ возможности печатать даже начатыя брошюры.

„Польская социалистическая партія“. Центрами дѣятельности польскихъ революціонеровъ были, попрежнему, Варшава и Галиція. Проживающіе въ Лондонѣ единомышленники ихъ, съ цѣлью придать манифестаціямъ перваго Мая боевой характеръ, рѣшили выпустить прокламаціи, призывающія все польское общество присоединиться въ этотъ день къ рабочимъ. Такъ, „Польская социалистическая партія“ (*Енджеевскій, Плохоцкій*), „Пролетаріатъ“ во Львовѣ (*Кульчицкій, Гольденбергъ, Кобылянский*) и „Польская социаль-демократическая организація“ (прежняя организація „*Sprawa Robotnicza*“, *Грозовскій* и *Роза Люксембургъ*) отпечатали рядъ воззваній, съ приглашеніемъ къ вооруженному сопротивленію полиціи посредствомъ револьверовъ, палокъ, ножей и кастетовъ.

Кромѣ названныхъ группъ, въ предѣлахъ Царства Польскаго революціонною пропагандой среди рабочихъ занималась еще революціонная организація, извѣстная подъ именемъ „Соціалъ-демократы Царства Польскаго и Литвы“.

Подъ вліяніемъ этихъ группъ, была сдѣлана попытка устроить въ Варшавѣ 15 апрѣля майскую демонстрацію, но порядокъ скорѣ былъ восстановленъ.

Латино-польская пропаганда. Одновременно съ этимъ въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ усиленно ведется изъ-за границы латино-польская пропаганда.

Въ Краковѣ существуетъ особый тайный кружокъ подъ названіемъ „Кружокъ борьбы съ Россіей“, къ которому примыкаютъ нѣкоторые поляки и католическіе священники, живущіе въ Россіи. Основная задача кружка—противодѣйствовать русскому правительству путемъ тайной пропаганды и распространеніе въ народѣ ложныхъ слуховъ, а также поддержаніе идеи возстановленія Польши.

Затѣмъ, въ Краковѣ издается журналъ „Полякъ“, редактируемый извѣстнымъ польскимъ агитаторомъ Каспаромъ Войнаромъ. Журналъ этотъ отличался крайнею враждебностью ко всему русскому, причемъ главное вниманіе редакціи обращено на тенденціозныя сообщенія изъ Привислянскаго Края.

Въ Римѣ также существуютъ антирусскіе кружки, поддерживаемые конгрегаціею пропаганды и находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Краковомъ и Львовымъ. Конгрегація эта, основанная бѣжавшимъ изъ Россіи римско-католическимъ священникомъ *Струемъ*, представляетъ собою духовно учебное заведеніе, цѣль котораго—пропаганда католицизма въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, а также—сворачиваніе малолѣтнихъ уніатовъ въ католицизмъ и доставка ихъ въ римскіе монастыри.

Въ послѣднее время означенная конгрегація расширила сферу своей дѣятельности и приобрѣла значительное количество учениковъ, по большей части изъ уніатскихъ мѣстностей.

Въ м. Треви, близъ Рима, также организована антирусская конгрегація, поставившая себѣ цѣлью латинно-польскую пропаганду въ Россіи. Члены конгрегаціи, въ сотрудничествѣ съ ксендами польскаго монастыря „Воскресенцевъ“, выпустили прокламаціи, въ которыхъ они призываютъ польскую молодежь въ конгрегацію, какъ центръ антирусской дѣятельности.

„Лига народовъ“. Въ Лембергѣ издавна функціонируетъ польскій комитетъ „Лиги народной“, представители коей издають въ царствѣ польскомъ подпольный органъ „Факелъ“. За послѣднее время комитетъ насголько успѣшно повелъ свое дѣло, что къ его организаціи примкнули новые элементы, ранѣе принадлежавшіе къ другимъ революціоннымъ фракціямъ. Во главѣ „Лиги“ стоитъ эмигрантъ Сигизмундъ *Балицкий*; къ „Лигѣ“, кромѣ того, принадлежатъ: Федоръ Цихоцкій, Марія Ратынская, Яковъ Боровскій, нѣкій Цертовичъ и Павелъ Янковскій. Благодаря энергичной пропагандѣ Цихоцкаго, масса студентовъ—поляковъ въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ, недовѣрчиво относящіеся къ „Лигѣ“, въ настоящее время примкнули къ ней; вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ заинтересовалъ своей программой рабочихъ. „Лига народовъ“ стремится къ объединенію всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ польскаго общества, привлекая ихъ девизомъ „свободной, независимой, демократической Польши“, которая для осуществленія этого должна вступить въ борьбу съ русскимъ правительствомъ.

Іезуиты. Несмотря на запрещенія іезуитамъ вѣзда въ Россію, они тайно пріѣзжаютъ въ свѣтскомъ платьѣ, съ паспортами на чужое имя. Цѣль поѣздокъ іезуитовъ—распространеніе въ народныхъ массахъ идей непримиримости и возстановленія Польши, причемъ извѣстно, что іезуиты ѣздятъ, главнымъ образомъ, въ рабочіе центры, гдѣ охотно помогаютъ революціонерамъ въ распространеніи среди рабочихъ социаль-демократическихъ идей.

Польская группа „Пролетаріатъ“. Въ отчетномъ году Лондонскій „Центральный Комитетъ Польской Соціалистической партіи“ былъ крайне озабоченъ усиленіемъ революціонной агитаціи въ Россіи, и стремился возстановить заглухшее террористическое направленіе. Для этого было рѣшено объединиться съ группой „старыхъ народовольцевъ“ и съ анархистскимъ комитетомъ въ Петерсонѣ. Убіеніе президента Макъ-Кинлея поль-

скимъ выходцемъ дало поводъ жожакамъ рабочаго класса въ Лондонѣ изобразить всю важность этого историческаго событія и распространиться на тему объ угнетеніи русскимъ правительствомъ многихъ національностей, о его злоупотребленіяхъ и т. д. Центральный польскій комитетъ постановилъ совершить нѣсколько покушеній, исходя изъ того мнѣнія, что такія покушенія вызовутъ въ Россіи принятіе еще болѣе строгихъ мѣръ, которыя усилятъ существующее неудовольствіе, и скорѣе приведутъ къ общему возстанію. Въ Лондонѣ проживалъ въ то время итальянскій анархистъ графъ *Малатеста*, съ которымъ польскій комитетъ завязалъ сношенія. Изъ Лондона въ Патерсонъ были командированы польскіе эмиссары для возбужденія агитаціи противъ русскаго правительства и, по рекомендаціи графа Малатеста, ихъ приняли въ составъ анархистскаго комитета въ Патерсонѣ.

Русскіе эмигранты въ Болгаріи. Въ 1901 г. русскіе эмигранты въ Болгаріи, изъ коихъ выдающимися были: *Андрей Брейтфусъ*, *Иванъ Кашинцевъ*—въ Софіи, *Владиміръ Дебагоріо-Мокрѣвичъ* въ Старой Загорѣ, *Лидія Шишманова*, *Александръ Атабекъ* (*Атабекянцъ*)—въ Варнѣ, профессоръ *Минцесъ*—въ Софіи—ничѣмъ особеннымъ себя не проявили. Нѣкоторые изъ нихъ поддерживали оживленныя сношенія съ Бурцевымъ, который пересылалъ имъ свою брошюру „Былое“ и получалъ отъ нихъ матеріалы для предполагаемаго изданія — „Процессъ 1-го Марта 1881 года“.

Еврейское движеніе. Въ отчетномъ году въ Берлинѣ существовали два сіонистскихъ кружка. Одинъ, подъ названіемъ „Каदिма“, пропагандировалъ лишь выселеніе евреевъ изъ Россіи и переселеніе въ Палестину, съ цѣлью образованія автономнаго еврейскаго государства, и воздерживался отъ всякой нелегальной дѣятельности. Въ кружкѣ имѣется около 40 членовъ. Правленіе состоитъ изъ *Мовши Бермана*, *Лейзера Кунина*, *Іосифа Дубосарскаго* и *Сруля Янушпольскаго*.

Другой кружокъ—„сіонистовъ - социалистовъ“—выставлялъ идеаломъ образованіе еврейскаго государства на чисто социалистическихъ началахъ. Во главѣ этого кружка стоитъ докторъ *Нахманъ Сыркинъ*, переводчикъ сочиненій графа Толстого на нѣмецкій языкъ. Изъ членовъ извѣстны: *Маркусъ Коссъ*, *Лео Моцкинъ*, *Нохимъ Миркинъ* и др.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Весною 1901 г. въ Америку пріѣхалъ изъ Лондона П. Кропоткинъ и поднялъ среди мѣстной публики антирусскую агитацію. Почва для нея старательно подготавлилась еще раньше извѣстнымъ американскимъ журналомъ „Форумъ“, въ которомъ появилась большая статья Волховскаго, подъ заглавіемъ: „Надежды и страхи Россіи“. Статья эта имѣла серьезное вліяніе на американскую прессу, благодаря такту Волховскаго—не упомянуть о социализмѣ и говорить лишь о народной демократіи и земствѣ, ссылаясь на ихъ адреса правительству.

Съ пріѣздомъ Кропоткина былъ выдвинутъ, главнымъ обра-

зомъ, вопросъ о студенческихъ безпорядкахъ, какъ о движеніи наиболѣе грозномъ для русскаго правительства.

Посѣтивъ Чикаго, Кропоткинъ вернулся въ Нью-Йоркъ, гдѣ его ожидалъ специально пріѣхавшій изъ Вашингтона *Кеннанъ* и два радикала: профессоръ *Эронъ* и Джонъ *Свинтонъ*. Сообщивъ Кеннану, что на югѣ Россіи и въ другихъ центрахъ организовано большое возстаніе рабочихъ, Кропоткинъ просилъ его немедленно организовать среди американцевъ помощь для „россійской революціи“.

Возбужденная Кропоткинымъ агитація въ Америкѣ не осталась безъ отголоска и въ европейской прессѣ. Такъ, во французской газетѣ „*Journal*“ появилась телеграмма изъ Нью-Йорка, сообщавшая о сборѣ денегъ среди русскихъ революціонеровъ и анархистовъ на поддержаніе студенческаго движенія, которому придавалось весьма важное значеніе.

Несмотря, однако, на временный успѣхъ, агитація Кропоткина едва ли могла бы имѣть какія-нибудь практическія послѣдствія, если бы она не сопровождалась болѣе серьезнымъ движеніемъ еврейскихъ рабочихъ массъ, незадолго до того эмигрировавшихъ изъ Россіи. Сплотившіеся въ социаль-демократическія фракціи, русскіе эмигранты-евреи заручились сочувствіемъ американцевъ и рѣшили, что политическая революція въ Россіи должна предшествовать социальной. Вопреки своимъ западно-европейскимъ товарищамъ, американскіе эмигранты признаютъ совершенно ненужными всякія теоретическія подготовки и намѣрены заняться чисто практической дѣятельностью. Для этой цѣли въ Нью-Йоркѣ имѣется отдѣленіе „Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ“ съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ во главѣ; послѣдній представляетъ собою центральную организацію для всѣхъ русскихъ революціонеровъ въ Америкѣ.

Благодаря пріѣзду Кропоткина и свѣдѣніямъ изъ Россіи, еврейскія рабочія массы въ Америкѣ проявили небывалую энергію: вездѣ стали устраиваться кружки, производиться денежные сборы, давшіе въ короткое время тысячи долларовъ „для русскаго дѣла“.

Нью-Йоркское отдѣленіе „Бунда“ издало прокламацію „къ рабочимъ и друзьямъ народа“, въ которой указываетъ на ужасныя страданія, претерпѣваемые еврейскими рабочими „въ мрачной царской странѣ, гдѣ запрещено каждое свободное слово, гдѣ рабочихъ бросаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь, какъ только они осмѣлятся поднять голову и пожелать малѣйшаго облегченія“. Далѣе, впрочемъ, въ воззваніи говорится, что несмотря на массу кровавыхъ жертвъ, „Бундъ“ дѣлаетъ въ Россіи просто чудеса: онъ успѣлъ основать массу рабочихъ обществъ, создалъ кассы на случай забастовокъ, организовалъ массу стачекъ, распространялъ социалистическое ученіе о всемірномъ освобожденіи и создалъ большую армію противъ царской тираніи. Утверждая, что рабочее еврейское движеніе въ Россіи и Польшѣ растетъ и укрѣпляется съ каждымъ днемъ, прокламація приглашаетъ американскихъ товарищей брать примѣръ съ русскихъ.

Къ концу отчетнаго года эмигрантская агитація въ Соединенныхъ Штатахъ еще болѣе оживилась, благодаря пріѣзду туда бывшаго ссыльно-каторжнаго Дейча. При содѣйствіи Кеннана, озлобленнаго своей высылкой изъ Россіи, предположено организовать побѣги политическихъ ссыльныхъ изъ Сибири и даже помогать совершенію террористическихъ фактовъ“.

Изъ писемъ лейтенанта П. П. Шмидта.

Предлагаемъ вниманію читателей переданныя въ наше распоряженіе отрывки изъ писемъ покойнаго П. П. Шмидта, относящихся къ 1904 году. Изъ нихъ видно, какъ еще задолго до того времени, когда имя «краснаго адмирала» стало извѣстно всей Россіи, болѣло сердце и скорбѣла душа П. П. при видѣ безграничныхъ несчастій нашей родины...

I.

20-го ноября 1904 г.

...Мы все стоимъ въ Либавѣ и думаю уйдемъ только съ 3-й эскадрой, которую, кажется, собираются формировать. Вы, вѣроятно, читали въ «Нов. Врем.» превосходныя статьи Кладо (Прибой) о необходимости усилить эскадру Рождественскаго. Въ этихъ статьяхъ превосходно освѣщено положеніе дѣла и становится яснымъ, какъ трудно намъ будетъ выйти съ честью изъ нынѣшняго положенія. Нужно проснуться, нужно встряхнуться, но, увы, я близко теперь стою къ дѣлу и вижу съ ужасомъ, что никто не просыпается и все спитъ глубокимъ сномъ отъ 20-го до 20-го числа.

Если же эскадра не будетъ подкрѣплена всѣми наличными силами, а прійдетъ въ томъ составѣ, въ которомъ ушла, то несомнѣнно она будетъ разбита, а тогда и всю кампанію надо вести многіе годы, пока не выстроимъ новаго флота, такъ какъ безъ флота окончить войну побѣдой нельзя. Теперь у меня твердая надежда, что мы проведемъ Рождество въ Либавѣ.—Грустный городъ. Тоскливо. Дожди. Думаю, у васъ теперь сплошная ночь, я бы не выдержалъ, но вѣдь Вы привыкли жить безъ солнца, въ специально приспособленныхъ для этого квартирахъ. Помните мою борьбу съ К. изъ за квартиры! Въ этой мрачной Либавѣ вдвое тяжелѣе переносятся всѣ непріятности, а ихъ, какъ всегда, достаточно. И чѣмъ больше непріятностей, тѣмъ больше хочется къ вамъ отдохнуть и обновиться. Счастливый Р., что онъ можетъ ѣхать куда хочетъ, а не прикованъ къ «Иртышу», какъ я. Но я все таки твердо вѣрю, что и мнѣ Богъ поможетъ пріѣхать къ вамъ... Будьте благополучны. Христосъ съ вами.

Вашъ П. Шмидтъ.

II.

Я командированъ на «Дунай» и пробудемъ тамъ вѣроятно мѣсяца 2—3. Меня посылаютъ для охраны рыбныхъ промысловъ. Мнѣ это очень грустно, потому что намъ съ сынкой очень хорошо въ Севастополѣ и я люблю этотъ городъ, да и больно бросить Россію въ такіе тревожные дни, когда каждый день несетъ новыя бѣды и каждый день ждешь обновленія жизни и возрожденія, вмѣсто гибели, къ которой насъ ведутъ наши обанкротившіеся, бездарные, безконтрольные правители.

Пишите пожалуйста.

Бессарабія. Г. Измаиль № 253. Лейтенанту П. П. Шмидту.

Цѣлую и крѣпко обнимаю и люблю Васъ всѣхъ.

Вашъ П. Шмидтъ.

III.

...Это все давитъ, какъ кошмаръ, всѣ эти несчастья. Несчастливая Россія или вѣрнѣе несчастный русскій народъ, который можетъ быть вовлеченъ въ новую войну и въ новыя испытанія. Неужели и теперь, послѣ всего переживаемаго, наше несчастное правительство не признаетъ полной своей неспособности и непригодности къ управленію страной, неужели и теперь не поймутъ, что страна не можетъ управляться канцеляріями и чиновниками, а что надо призвать представителей народа, близко стоящихъ къ его нуждамъ и болѣзнямъ. Съ глубокимъ горемъ вижу, что если не послѣдуетъ въ ближайшемъ будущемъ кореннаго переустройства всего нашего государственнаго строя, то насъ ждетъ полный погромъ. Трудное время переживаемъ мы, тяжело приходится расплачиваться русскому народу, расплачиваться за то, что его цѣлое столѣтіе искусственно удерживали въ темнотѣ и невѣжествѣ. Послѣдній мѣсяць какъ будто само правительство начало ощущать свою полную непригодность, и въ рѣчи Святополка Мирскаго протягиваетъ руки за помощьюъ къ общественнымъ земскимъ силамъ. Если только это такъ, если только дѣйствительно неудачи войны раскроютъ глаза и поведутъ къ переустройству государства, тогда мы признаемъ, что не даромъ умерло и искалѣчено столько людей, мы признаемъ, что они своею неповинной кровью приготовили жизнь и дали вздохнуть слѣдующимъ поколѣніямъ. Тогда и самая ихъ смерть получить смыслъ, какъ святая жертва. Знаете, я чувствую близость грозы, чувствую давящее все общество удушье и думаю, что мы близки отъ великихъ событій. Пошли Господи пережить все это и дождаться лучшихъ дней!

Либава. Портъ императора Алек. III. Транспортъ *Иртышъ*.

П. П. Ш.

Дѣла давно минувшихъ дней.

(Окончаніе ¹⁾).

Поѣздъ тронулся, и понемногу скрылись черты дорогихъ лицъ. Присутствіе тестя отчасти смягчало для жены горечь первыхъ минутъ разлуки съ дочерью и матерью. Мы ѣхали въ 3-мъ классѣ; посидѣвъ съ нами нѣкоторое время, тестъ ушелъ въ свой вагонъ, чтобы нѣсколько отдохнуть: онъ за послѣдніе дни порядочно измучился въ сборахъ насъ въ дорогу; жена пока занялась разговоромъ съ случайной спутницей С—ой, молодой дамой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему жениху С—ну, изъ политическихъ ссыльныхъ. По времени я досталъ изъ саквояжа первую попавшуюся книгу; то были «Легенды русскаго народа», изданныя Афанасьевымъ; большую часть ихъ я зналъ чуть не наизусть.— Не хотите ли, обратился я къ жандармамъ, я буду читать вслухъ.—Можетъ что мудренное?—Нѣтъ, вы все поймете.—Почитайте. И я принялся довольно громко читать легенду «солдатъ и смерть». Моимъ чтеніемъ видимо заинтересовались не только жандармы, но и ближайшіе сосѣди. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за похождениями хитроумнаго солдата, нерѣдко прерывая мое чтеніе замѣчаніями: ай да молодчина, вотъ такъ штукаръ. Кончилась легенда.—А вы еще что нибудь почитайте, слышались многіе голоса. Почти до самыхъ сумерекъ продолжалось мое чтеніе.

При остановкахъ жандармы не стѣсняли меня выходить въ вокзалъ; конечно, при этомъ одинъ изъ нихъ всегда оставался у дверей, а другой выстраивался сзади меня. Время было сильнаго ссыска и наблюденій; жандармскіе офицеры (не желѣзнодорожные) сновали на всѣхъ сколько нибудь значительныхъ станціяхъ. Однако, должно быть никто изъ нихъ не сдѣлалъ моимъ проводникамъ какого нибудь замѣчанія, что они въ отношеніи меня допускаютъ излишнія послабленія, хотя всѣ они требовали къ себѣ жандармовъ, вели съ ними какое то собесѣдованіе и иногда даже что то записывали. Такъ мы благополучно проѣхали Николаевскую и Нижегородскую дороги, но жандармы были въ постоянномъ страхѣ и поминутно говорили:—ахъ, поскорѣе бы добраться до парохода, пронесъ бы Богъ безъ бѣды желѣзную дорогу.

¹⁾ См. Былое 1907 г. январь и февраль.

Въ Нижнемъ насъ встрѣтила холодная и дождливая погода. Не помню на какой пароходъ сѣли; капитанъ парохода, если не измѣняетъ память, Протопоповъ, отвелъ намъ каюту 1-го класса, хотя нашъ проѣздъ былъ оплаченъ только по 3-му классу; жандармы оставались на палубѣ. До Козмодемьянска ѣхалъ съ нами тестъ; передъ тѣмъ, какъ ему распрощаться съ нами, неожиданно всплыло крайне непріятное обстоятельство: жандармы заявили ему, что вмѣстѣ съ нимъ должна вернуться и жена.—Да вѣдь она ѣдетъ съ мужемъ въ Сибирь.—Нѣтъ, у насъ есть распоряженіе только о мужѣ, о женѣ намъ начальство ничего не говорило; вотъ, смотрите, и въ бумагѣ о ней не значится. Долго шли у насъ пререканія съ жандармами; наконецъ, тестю удалось какъ-то уломать ихъ; думаю, что дѣло не обошлось безъ бакшиша.

На пароходѣ жандармы признались, что Зыбинъ (начальникъ пет. жанд. дивизіона), который запримѣтилъ меня еще въ лѣто 62 г., когда я былъ въ Вологдѣ, далъ имъ обо мнѣ такую устрашающую аттестацію:—смотрите день и ночь въ оба, а то онъ у васъ на глазахъ пропадетъ. Этотъ же самый Зыбинъ въ Петербургѣ передъ отправкой говорилъ тестю:—можете быть совершенно спокойны за проѣздъ вашего зятя; я назначилъ самыхъ лучшихъ жандармовъ и имъ даны инструкціи ни въ чемъ его не затруднять.

Въ Козмодемьянскѣ мы разстались съ тестемъ, человѣкомъ выдающимся для своего времени, хотя и получившимъ только домашнее образованіе въ глухомъ Устьсысольскѣ; разстались навсегда, такъ какъ несмотря на свои 55 лѣтъ и, повидимому, могучій организмъ, онъ умеръ въ слѣдующемъ году.

На другой день начали подходить къ Казани; между тѣмъ погода установилась отличная, мы съ женой большею частью проводили время въ рубкѣ. Въ Казани, конечно, появились новые пассажиры и въ числѣ ихъ... мѣстный жанд. генералъ Слезкинъ, столь прославившійся потомъ въ Москвѣ. Его провожали семья и адъютантъ; вся компанія размѣстилась въ рубкѣ, изъ которой мы заблаговременно удалились. Мои жандармы пришли въ неописуемый трепетъ и ни на шагъ не отходили отъ меня; кромѣ того, они объявили мнѣ, что когда я буду находиться въ каютѣ, они поочередно станутъ дежурить у ея дверей. Я отвѣчалъ, что мнѣ лично все равно, но для публики это будетъ непріятно.—Въ такомъ случаѣ оставайтесь на палубѣ.

Но вотъ въ рубкѣ началась какая-то суматоха; вскорѣ оттуда вышелъ адъютантъ и сталъ спрашивать, чья карта Сибири была разложена въ рубкѣ; ему указали на меня. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ сталъ извиняться, что карту случайно залили кофе. Я сказалъ, что это ничего не значитъ; но воспользовался этимъ случаемъ и просилъ адъютанта доложить генералу на счетъ требованія жандармовъ. Черезъ минуту адъютантъ вернулся и объявилъ жандармамъ, что я могу, когда захочу, оставаться въ каютѣ, а они по прежнему пусть будутъ на палубѣ.

Скоро пароходъ отошелъ; генералъ остался одинъ. Мы съ женой были на палубѣ; по времени генералъ вышелъ изъ рубки и сталъ прогуливаться. Спустя недолго замѣтилъ меня и пригласилъ

въ рубку. Тамъ, предложивъ мнѣ сѣсть, спросилъ кто я, откуда и по какому дѣлу отправляюсь въ Сибирь. Въ короткихъ словахъ я удовлетворилъ его любопытство; въ отвѣтъ онъ держалъ такую рѣчь:—вы молоды, передъ вами еще большое будущее, отъ васъ самихъ вполнѣ оно зависитъ. Помните одно: гдѣ бы вы ни были, какъ бы далеко отъ васъ не находилось высшее начальство, оно всегда будетъ знать не только, что вы дѣлаете, но даже и что думаете. Еще разъ говорю, не забывайте этого никогда.

Кажется, въ тотъ же день подъ вечеръ Слезкинъ оставилъ пароходъ, чему конечно были рады не одни только мои жандармы; по крайней мѣрѣ капитанъ, съ которымъ иногда удавалось перебраться двумя-тремя словами, не скрывалъ своего удовольствія.

Какъ по желѣзной дорогѣ, такъ и на пароходѣ можно было замѣтить любопытные взгляды, направлявшіеся въ мою сторону: но лишь немногіе набирались храбрости предложить иногда вопросъ: далеко ѣдете?

Кончилась Волга, прошли Каму до Перми, откуда начинался колесный путь въ Тобольскъ (около 900 в.). Тестъ далъ письмо къ кому то изъ своихъ знакомыхъ въ Перми, прося оказать содѣйствіе къ устройству нашего переѣзда. Тотъ пріѣхалъ на почтовую станцію, куда мы тотчасъ же перебрались съ парохода. Первый разговоръ конечно пошелъ о приобрѣтеніи тарантаса.—У меня есть тарантасъ, онъ мнѣ теперь не нуженъ.—Что будетъ стоить?—Ничего, вы сдайте его въ Тюмени такому то, причемъ назвавъ фамилію какого-то поляка, служившаго по дѣламъ Паклевскаго, и скажите ему, чтобы онъ вернулъ тарантасъ съ какимъ нибудь надежнымъ проѣзжимъ.

Въ Тюмени такая же исторія; полякъ въ свою очередь далъ намъ тарантасъ до Тобольска. Меня это тогда не мало удивляло: отдавать тарантасъ на проѣздъ въ нѣсколько сотъ верстъ въ надеждѣ, что онъ вернется съ кѣмъ нибудь изъ проѣзжихъ (и отъ Томска до Красноярска мы ѣхали такимъ же манеромъ). Но потомъ, обжившись въ Сибири, я узналъ, что такая операція была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ для разстояній даже несравненно большихъ, и самъ въ свою очередь безъ страха давалъ свой тарантасъ даромъ на прокатъ.

Весь путь до Тобольска проѣхали безъ особенныхъ приключеній, если не считать того, что разъ жандармы едва-едва согласились остановиться на ночевку, кажется, въ Кунгурѣ, чтобы дать женѣ хоть сколько нибудь отдохнуть; ее сильно расколотила непривычная ѣзда въ тарантасѣ, да еще довольно тряскомъ. Вообще отъ этой части пути почти не осталось никакихъ воспоминаній; даже проѣздъ черезъ Уралъ должно быть не произвелъ особеннаго впечатлѣнія. Помню только, что около Кунгура ѣхали съ нѣкоторой оглядкой, такъ какъ съ давнихъ поръ это мѣсто считалось классическимъ по грабежамъ. Но имѣя двухъ вооруженныхъ тѣлохранителей, мы, конечно, ничего не боялись.

Потомъ въ Тобольскѣ узнали, что ссыльные поляки въ Кунгурѣ пытались пробраться на свиданіе съ нами, но ихъ не допустили жандармы. Въ дорогѣ одинъ изъ жандармовъ обыкновенно

сидѣлъ на козлахъ, а другой въ тарантасѣ, но при этомъ свѣшивалъ свои ноги за облучекъ. Когда я ему говорилъ, что вѣдь такъ должны ноги затекать, что тарантасъ достаточно просторенъ, то онъ флегматично отвѣчалъ:—ничего, мы люди привычные.

На станціяхъ нашъ проѣздъ не возбуждалъ ни малѣйшаго вниманія или особеннаго любопытства; видно было, что къ такимъ путешественникамъ, какъ мы, уже привыкли; скорѣе можно было замѣтить желаніе заполучить лишнее за самовары, молоко и т. п. Оно и понятно, такъ какъ проѣздъ съ жандармами всегда возбуждалъ ошибочную мысль объ относительномъ богатствѣ путешественника; на самомъ же дѣлѣ большая часть, направлявшихся въ Сибирь съ жандармами, ѣхала на собранныя деньги.

Наконецъ мы въ Тобольскѣ. Какъ только очутились въ городѣ, жена сейчасъ же взяла извозчика и поѣхала въ гостиницу, а жандармы со мной прямо заявили къ губернатору. Алек. Ив. Деспотъ-Зеновичъ, принявъ отъ нихъ запечатанный конвертъ, спросилъ мою фамилію и велѣлъ жандармамъ отправиться къ полицеймейстеру; онъ, видимо, не узналъ меня, да и не мудрено; мы всего мелькомъ два раза встрѣчались у тестя.

Доставили меня къ полицеймейстеру; тотъ, хмурясь, точно чѣмъ недовольный, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—не имѣете ли какихъ претензій къ жандармамъ?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Всѣ-ли деньги при васъ?—При мнѣ. Затѣмъ у полицеймейстера вышло какое то столкновеніе съ жандармами; тѣ ссылались на генерала Трепова, на что и получили въ отвѣтъ:—а мнѣ какое дѣло до вашего Трепова, это для васъ онъ все, а я его и знать не знаю.

Въ заключеніе меня препроводили въ острогъ. На прощанье жандармы попросили отъ меня записку, что никакого утѣшенія отъ нихъ не было (это, конечно, для тестя, чтобъ получить добавочный бакшишъ); я написалъ нѣсколько строкъ и далъ еще красенькую, чѣмъ они были весьма довольны и нѣсколько разъ пожелали мнѣ всякаго благополучія и даже скорѣйшаго возвращенія въ Россію.

Въ то время Тобольскъ былъ еще центральнымъ пунктомъ, въ которомъ стекались почти всѣ ссыльные, направляемые въ Сибирь; тутъ была такъ называемая Тобольская экспедиція о ссыльныхъ, которая производила распределеніе всѣхъ ссыльныхъ по разнымъ частямъ Сибири; здѣсь на каждого составлялся «статейный списокъ», основной документъ, опредѣлявшій всю дальнѣйшую судьбу ссыльнаго. Впослѣдствіи все это было перенесено въ Тюмень. Неудивительно, что Тобольскій острогъ представлялъ изъ себя для того времени грандіозное сооруженіе; вѣдь въ распутицу тамъ скапливались тысячи арестантовъ. Онъ находился на горѣ, между тѣмъ какъ большая часть города размѣщалась на низменности, часто затопляемой, но за то близкой къ рѣкѣ (Тоболу).

Въ Тобольскомъ острогѣ политическихъ содержали въ особомъ отдѣленіи, которое почему то называлось «дворянскимъ». Тамъ я встрѣтилъ цѣлую компанію поляковъ, выживавшихъ лѣтней отправки; нѣкоторые изъ нихъ, осужденные въ каторжныя работы, были приз-

наны въ Тобольскѣ неспособными къ нимъ и на основаніи какой-то статьи устава о ссыльныхъ высиживали въ острогѣ опредѣленные сроки, а затѣмъ уже назначались на поселеніе. Была еще совсѣмъ особая группа поляковъ изъ Царства Польскаго, въ самомъ началѣ возстанія высланныхъ солдатами въ сибирскіе батальоны и отказавшихся отъ присяги. Они судились военнымъ судомъ и имъ неминуемо предстояла каторга. Ихъ не столько смущала эта перспектива, сколько истомила необычайная медленность, съ которой тянулось дѣло; прошло около трехъ лѣтъ, а оно все еще продолжало странствовать по разнымъ инстанціямъ.

Опять же и въ Тобольскѣ мнѣ не пришлось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ видныхъ дѣятелей возстанія; тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли отъ смертной казни, уже давно были на каторгѣ. Только благодаря численности въ Тобольскѣ рѣзче бросалась въ глаза пестрота какъ въ отношеніи принадлежности къ разнымъ общественнымъ классамъ, такъ и по уровню образованія. Да еще можно было замѣтить явное распаденіе на умѣренныхъ и красныхъ; послѣдніе, въ то же время и антиклерикалы, почти всегда были изъ Царства Польскаго. Наружно обѣ стороны поддерживали приличныя¹⁾, вѣрнѣе сказать, дипломатическія отношенія, но держались особнякомъ. Умѣренные въ разговорахъ со мной замалчивали это распаденіе, но красные, совсѣмъ наоборотъ, при всякомъ случаѣ подчеркивали, причемъ нисколько не щадили нѣкоторыхъ лицъ, напримѣръ, Венцлововича, помѣщика изъ Могилевской губерніи, указывая на него, какъ на типичнаго пана-крѣпостника, и другого съ Волини (фамиліи не помню, его сопровождала молодая дочь); послѣдняго не иначе называли, какъ «волынское быдло». Вообще я замѣтилъ, что даже у мягкихъ литвиновъ поляки съ Волини были на весьма невысокомъ счету, и при словѣ «волынское быдло» широко примѣнялось къ нимъ.

Венцлововичъ былъ горбунъ, притомъ съ недоразвитыми или калѣченными ногами, такъ что ходилъ на костыляхъ; онъ получилъ хорошее французское образованіе, отличался живымъ и острымъ умомъ, что и дѣлало его весьма интереснымъ собесѣдникомъ; такъ что, хотя за нимъ и водился всѣмъ извѣстный грѣшокъ,—онъ былъ профессиональный игрокъ въ карты (эту практику онъ не покидалъ даже и въ острогѣ, т. е. не стѣснялся обыгрывать людей по большей части съ послѣдними деньгами), кромѣ завѣдомыхъ красныхъ, всѣ относились къ нему хорошо, даже Новицкій, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Въ то время какъ другіе въ разговорахъ со мной лишь вскользь, и то крайне рѣдко, касались аграрной политики русскаго правительства въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, возмущаясь, главнымъ образомъ, конфискаціями и обязательной продажей, Венцлововичъ, наоборотъ, не упускалъ случая, чтобы направить всю свою критику въ эту сторону. Даже положенія 61 г. онъ находилъ черезчуръ радикальными, напримѣръ обязательный надѣлъ; но особенно порицалъ отмѣну полицейской власти помѣщиковъ. О новѣйшихъ же

¹⁾ Не такъ, говорятъ, бывало на каторгѣ, гдѣ иногда обостреніе доходило до настоящихъ побоищъ.

мѣропріятіяхъ говорилъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ; онъ утверждалъ, что онѣ создали въ краѣ такую анархію, изъ которой нѣтъ выхода, и что черезъ нѣсколько лѣтъ она перебросится на всю остальную Россію. И тѣмъ характернѣе, что этотъ человѣкъ былъ сужденъ, какъ начальникъ революціонной организаціи одного изъ уѣздовъ Могилевской губерніи, за что и былъ сосланъ въ каторжныя работы (вмѣсто нихъ отсидѣлъ сколько-то времени въ тобольскомъ острогѣ). Разъ онъ далъ мнѣ прочитатъ свою оправдательную записку, куда-то поданную. Она была написана умно и ловко; но возвращая ее, я не скрылъ отъ Венцлововича, что совершенно понимаю,—почему она осталась безъ всякихъ послѣдствій. Онъ не сталъ спорить по существу, только улыбаясь замѣтилъ:—Но согласитесь сами, все же они не достаточно обратили вниманія на самый главный аргументъ въ мою пользу,—что я калѣка и, значить, не могъ принимать участія въ возстаніи. Насколько припоминаю, главными обвинителями противъ Венцлововича была его прислуга.

Было бы болѣе чѣмъ наивно думать, что Венцлововичъ и люди его взглядовъ (мнѣ иногда приходилось встрѣчаться съ такими, припоминаю въ эту минуту, напримѣръ, Р—ча изъ Царства Польскаго) приняли участіе въ движеніи лишь изъ одного враждебнаго отношенія къ крестьянской реформѣ; вѣдь они понимали, что въ случаѣ успѣха возстанія—старого уже не вернуть; болѣе: возстаніе могло имѣть шансы на успѣхъ только при широкомъ участіи крестьянской массы; а побѣдоносная масса, руководимая, такъ называемыми, красными, могла предъявить требованія даже болѣе радикальныя, чѣмъ тѣ, которыя провела потомъ русская власть. Потому участіе въ возстаніи людей типа Венцлововича ясно говоритъ, что національное чувство было въ 63 г. главнымъ двигателемъ и доминировало надъ узкословными интересами.

Францъ Ивановичъ Новицкій, холостякъ лѣтъ около 60, былъ небольшой помѣщикъ изъ Минской губерніи (то ли Борисовскаго, то ли Игуменскаго уѣзда), по профессіи докторъ. По общимъ отзывамъ онъ на родинѣ пользовался исключительнымъ уваженіемъ за свою доброту и честность (съ этой стороны онъ былъ извѣстенъ и Деспоту-Зеновичу, который и сдѣлалъ все возможное, чтобы измѣнить его участію), а потому и былъ всеобщимъ опекуномъ малолѣтнихъ и посредникомъ нерѣдко въ весьма щекотливыхъ семейныхъ дѣлахъ. Новицкій еще въ 30-мъ году, будучи студентомъ виленскаго университета, принималъ нѣкоторое участіе въ тогдашнемъ возстаніи (это не было обнаружено, а потому и сошло ему благополучно); по 63 г. онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, но какъ и Венцлововичъ, отдѣлался высидкою въ Тобольскѣ,—за время ареста онъ подвергся параличу, отъ котораго впослѣдствіи почти совсѣмъ оправился. Въ тобольской тюрьмѣ не только бѣлые, но и красные относились къ нему со всевозможнымъ вниманіемъ и почтеніемъ; онъ, несомнѣнно, и здѣсь являлся умиротворителемъ и посредникомъ въ разныхъ конфликтахъ, которые такъ неожиданно возникаютъ въ тюрьмахъ изъ-за самыхъ пустыхъ поводовъ.

Съ Фр. Ив. я скоро сошелся; онъ показывалъ ко мнѣ болѣе

чѣмъ обыкновенное доброе отношеніе; не только въ Сибири (онъ жилъ въ Красноярскѣ ¹⁾ и я часто останавливался у него, когда по дѣламъ прїѣзжалъ изъ Енисейска) мы были, несмотря на разницу возрастовъ, въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, но даже когда вернулись въ Россію, не теряли совсѣмъ другъ друга изъ виду. Потому я имѣлъ возможность хорошо узнать Фран. Ив. Добрый полякъ и католикъ, но безъ тѣни фанатизма и національной исключительности, въ политическомъ отношеніи онъ былъ такихъ умѣренныхъ взглядовъ, пожалуй даже архаическихъ, что я по Фр. Ив. живо представлялъ себѣ французскаго легитимиста, не изъ тѣхъ рисующихся съ трибуны, имена которыхъ знаетъ весь большой свѣтъ, а изъ глухой провинціи мелкаго помѣщика, сохранившаго въ своемъ сердцѣ вѣрность графу Шамбору. Но какъ только заходила рѣчь о родномъ краѣ, во всякомъ словѣ Фран. Ив. сказывалась такая горячая любовь къ нему, что становилось совершенно понятнымъ, какъ волна движенія захватила и этого въ сущности мирнѣйшаго человѣка.

Жена имѣла письма къ Деспоту-Зеновичу и Ямонтамъ (дочь ихъ, какъ я уже говорилъ выше, была замужемъ за Родзевичемъ). Ямонты сейчасъ же переселили жену къ себѣ, а Деспотъ-Зеновичъ принялъ ее самымъ сочувственнымъ образомъ, но сообщилъ ей неожиданную новость: въ бумагахъ, при которой меня доставили, ничего не было сказано, — какой я ссыльный, политическій или гражданскій. — Но, прибавилъ Александръ Ивановичъ, я сейчасъ же пошлю по телеграфу запросъ Кауфману и, какъ только получу подтвержденіе, что вашъ мужъ политическій, переведу его на поселеніе.

Это обстоятельство повело за собой совсѣмъ непредвидѣнную задержку въ Тобольскѣ. Отвѣтъ Кауфмана не могъ получиться скоро, тогда еще не было телеграфа до Тобольска; потому телеграмма пошла почтой до Тюмени, откуда уже начинался телеграфъ. А затѣмъ, пароходы съ арестанскими партіями отправлялись только въ двѣ недѣли разъ, такъ что я прожилъ въ Тобольскѣ около трехъ недѣль. Перевозка арестантовъ пароходами была дѣломъ Деспота-Зеновича; онъ цифрами доказалъ петербургскимъ властямъ, что это будетъ выгоднѣе для казны; для арестантовъ же чуть ли не полугодичное пѣшее странствованіе замѣнялось двухъ-трехнедѣльнымъ ²⁾. Отвѣтъ Кауфмана былъ, конечно, тотъ, что я осужденъ по политическому дѣлу, и развязалъ руки Деспоту-Зеновичу; онъ далъ приказаніе экспедиціи перечислить меня на основаніи указа 16 апрѣля съ каторги на поселеніе; предварительно же черезъ жену спросилъ меня, въ какую

¹⁾ Въ Красноярскѣ Новицкій пользовался общимъ уваженіемъ среди мѣстнаго населенія и имѣлъ недурную практику; даже сама администрація въ виду недостатка врачей нерѣдко поручала ему исполненіе официальныхъ обязанностей. Въ Красноярскѣ онъ пробылъ до начала 70-хъ годовъ; затѣмъ ему было позволено переѣхать въ Екатеринбургъ. Но величайшей для него радостью было послѣдующее разрѣшеніе — переѣхать въ Вильно, гдѣ онъ проживалъ въ домѣ бискупа Цивинскаго; умеръ въ глубокой старости въ началѣ 90-хъ годовъ.

²⁾ Если не ошибаюсь, вообще благодаря Д.-З.-чу была введена копвая перевозка ссыльныхъ, но крайней мѣрѣ въ Западной Сибири.

губернію желаю я быть назначенъ,—въ Енисейскую или Иркутскую (съ каторги переводились на поселеніе только въ восточную Сибирь). Предстояло рѣшить трудную дилемму. Енисейская губернія сама по себѣ была предпочтительнѣе; тамъ братъ жены, хотя и рѣшившій перебраться на житье въ Петербургъ, имѣлъ довольно крупное золотопромышленное дѣло, а тестъ отъ стараго времени, когда жилъ въ Сибири, сохранилъ со многими золотопромышленниками очень хорошія отношенія; такимъ образомъ я могъ рассчитывать получить занятіе. Но имя Пав. Ник. Замятина ¹⁾ наводило страхъ; имъ пугаль уже Суворовъ; къ тому же Замятинъ былъ въ крайне дурныхъ отношеніяхъ съ М. К. Сидоровымъ, женатымъ на родной сестрѣ моей жены и, хотя онъ не зналъ моего тестя, но по нѣкоторымъ дѣламъ и къ нему обнаруживалъ враждебность. Однако я рискнулъ и отвѣтилъ Деспоту-Зеновичу, что выбираю Енисейскую губернію. Алек. Ив. сказалъ еще женѣ, что намъ нѣтъ надобности ѣхать до Томска на свой счетъ; что онъ по контракту имѣетъ право на извѣстное число мѣстъ на пароходѣ (пересылаемые везлись на баржахъ) и что онъ насъ помѣститъ на него; и въ этомъ смыслѣ отдалъ распоряженіе экспедиціи ссыльныхъ. Экспедиція, чтобъ оформить дѣло, составляя мой статейный списокъ, отмѣтила меня «дряхлымъ», хотя въ графѣ лѣтъ стояло только 25; кромѣ того уже безъ всякой надобности обратила меня и жену въ «католиковъ», каковыми мы и оставались до выѣзда изъ Сибири.

Наконецъ насталъ нетерпѣливо ожидаемый день отправки, пришелъ изъ Тюмени пароходъ съ баржей для арестантовъ; это было въ самыхъ первыхъ числахъ іюля. Насъ всѣхъ препроводили на пристань; тутъ партію уже ждалъ чиновникъ, распоряжавшійся отправкой; по списку онъ отдѣлилъ тѣхъ, кто были назначены на пароходъ, въ томъ числѣ и меня съ женою, и предложилъ капитану размѣстить насъ. Но капитанъ заявилъ, что у него есть пассажиры изъ Тюмени, что онъ не можетъ принять на пароходъ указанныхъ ему лицъ. Чиновникъ стоялъ на томъ, что онъ только исполняетъ распоряженіе губернатора, а капитанъ опять возражалъ, что у него нѣтъ свободныхъ мѣстъ. Послѣ довольно долгаго пререканія чиновникъ уѣхалъ, чтобъ доложить губернатору.

Два слова объ Алек. Ив. Деспотѣ-Зеновичѣ. Полякъ и католикъ (происходилъ изъ старинной польской фамиліи Западнаго края), по родственнымъ отношеніямъ онъ воспитывался въ Москвѣ въ домѣ Тучковыхъ; окончивъ блестяще университетъ, Д.-З-чъ по совѣту Грановскаго собирался держать экзамень на магистра, но совершенно неожиданно въ 48 г. былъ арестованъ въ Вильно и скоропалительно, въ чемъ былъ, отправленъ въ Пермь, а оттуда за письмо къ шефу жанд. Орлову, въ которомъ доказывалъ необходимость либеральныхъ реформъ, былъ высланъ въ восточную Сибирь. Здѣсь его принялъ на службу Муравьевъ и нерѣдко возлагалъ на него весьма важныя по-

¹⁾ Благодаря своему брату министру юстиціи, изъ московскихъ полицеймейстеровъ получилъ енисейское губернаторство и тотчасъ же его лишился, какъ только братъ вышелъ въ отставку.

рученія по урегулированію политическихъ и торговыхъ отношеній съ Китаемъ. Постепенно при Муравьевѣ Д. З. достигъ должности градоначальника Кяхты, а въ концѣ 62 г., будучи только 34 лѣтъ, получилъ назначеніе тобольскимъ губернаторомъ, причемъ Александръ II изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ Валуевымъ, лично выбралъ Д. З-ча. Какъ въ Кяхтѣ, такъ равно и въ Tobольскѣ, Алек. Ив. оставилъ по себѣ глубоко признательную память во всѣхъ слояхъ населенія, благодаря своей честности, просвѣщенной дѣятельности и неутомимой борьбѣ со всякимъ произволомъ и беззаконіемъ. Спустя слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ Tobольскую губернію, мнѣ приходилось слышать отъ тамошнихъ крестьянъ:— такого губернатора, какъ Д. З-чъ еще никогда у насъ не бывало ¹⁾. Само providѣніе послало его въ Tobольскъ, черезъ который за время губернаторства Ал. Ив. прошли десятки тысячъ ссыльныхъ поляковъ ²⁾. Доносы сыпались на него градомъ не отъ одной только жандармеріи, но и разныхъ мѣстныхъ эксплуататоровъ, хищничество которыхъ онъ старался обуздать; но Алек. Ив. умѣло ихъ парировалъ и оставался на своемъ мѣстѣ, пока не былъ назначенъ въ 66 г. генералъ-губернаторомъ Хрущовъ. Онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и былъ назначенъ членомъ Совѣта М. В. Д. Служебное поприще его было кончено: свой досугъ онъ дѣлилъ между книгами (ничто новое и выдающееся не оставалось имъ не прочитаннымъ), и постоянными хлопотами за кого нибудь изъ пострадавшихъ, безъ различія исповѣданія и національности. И хотя онъ никогда не скрывалъ своего либеральнаго образа мыслей, всегда подчеркивалъ, что онъ полякъ и католикъ,—на самомъ же дѣлѣ былъ рационалистъ и чуждъ всякой исключительности, но его умъ и прямота внушали къ нему такое уваженіе, что рѣдкое его ходатайство оставалось безуспѣшнымъ. Онъ умеръ въ 1895 ³⁾ на 67-мъ году.

Мои личныя наблюденія въ Tobольскѣ, конечно, не простирались далѣе стѣнъ острога; я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, какое отвратительное обмундированіе получали арестанты въ Вильно. какъ большая часть политическихъ бросала его при первой возможности.

Въ Tobольскѣ всѣ его брали, такъ какъ все строилось изъ хорошаго и прочнаго матеріала; напримѣръ, такъ называемая «бродяжки» изготовлялись изъ верблюжьяго сукна и ихъ потомъ, по прибытіи на мѣсто, передѣлывали на пальто; если не было личной надобности въ казенной одеждѣ, то передавали ее болѣе бѣднымъ, И кормили въ острогѣ хорошо. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тобольская администрація располагала только тѣми средствами,

¹⁾ Его преемникомъ былъ Чебикинъ, изъ петербургскихъ полицейскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ прямая противоположность Д. З-чу.

²⁾ Въ Львовѣ, въ музеѣ Оссолинскихъ, я видѣлъ фотографическую карточку Ал. И. съ польской надписью: „протекторъ выгнанцовъ“.

³⁾ Разъ Ал. Ив. въ Петербургѣ рассказывалъ мнѣ:—когда привезли въ Tobольскъ Чернышевскаго, мѣстный архіерей обратился ко мнѣ за разрѣшеніемъ свиданія съ Чернышевскимъ.—Я много слышалъ, говорилъ архіерей, что Чернышевскій ужасный безбожникъ и хочу попытаться обратить его на путь вѣры. Не безъ труда мнѣ удалось отговорить его отъ этой странной фантазіи; какъ предсѣдатель тюремнаго комитета онъ даже не нуждался въ моемъ разрѣшеніи.

которыя отпускала казна, такъ какъ мѣстный попечительный комитетъ почти не имѣлъ никакихъ поступлений со стороны,—Тобольскъ былъ бѣдный городъ.

Алек. Ив. входилъ въ положеніе каждого ссыльнаго, къ нему обращавшагося, и дѣлалъ все, чтобъ облегчить его положеніе, если только была хоть малѣйшая формальная прищѣпка. Тѣмъ изъ политическихъ, которые оставались въ Тобольской губерніи, онъ старался пріискать занятіе и нисколько не стѣснялъ ихъ въ дѣловыхъ развѣздахъ; многихъ даже опредѣлялъ на службу по найму въ канцеляріи. Надо еще прибавить къ характеристикѣ Д. З-ча, что онъ отличался вспыльчивымъ характеромъ и, если былъ чѣмъ нибудь разстроенъ или раздраженъ, то не стѣснялся даже съ начальниками независимыхъ отъ него управленій; потому, когда онъ кого-нибудь вызывалъ къ себѣ, то вызываемый предварительно справлялся,—въ какомъ расположеніи духа генераль.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Вотъ, видимъ, мчится Д. З-чъ; едва онъ успѣлъ соскочить съ долгуши (сибирскій городской экипажъ), какъ накинудся на капитана.—Какъ вы смѣете задерживать отправку партіи? развѣ вы не знаете, что я по контракту имѣю право на десять мѣстъ на пароходѣ? Я задержу выдачу вамъ денегъ за рейсъ, я привлеку васъ къ законной отвѣтственности!

— Я знаю, В-ше Пр-во, что вы имѣете право на десять мѣстъ на пароходѣ, у меня это число и есть въ запасѣ, но здѣсь гораздо больше назначенныхъ на пароходъ (безъ малаго два десятка).

— Какъ больше? считайте. Капитанъ обрадовался и принялся считать: разъ, два, три... но Д. З-чъ не далъ ему продолжать: шесть, семь... десять! сразу закончилъ онъ, указывая на послѣдняго.

— Слушаю, Ваше Пр-во, будетъ доставленъ другой пароходъ. Не довольствуясь одержанной побѣдой, Алекс. Ив., уже усѣвшись въ экипажъ, крикнулъ:—Пантелѣевъ. Я подошелъ.—На васъ возлагаю отвѣтственность, чтобъ во всей точности было исполнено мое распоряженіе,—и съ этими словами укатилъ. Я былъ повергнутъ въ полное недоумѣніе, и обратился къ товарищамъ съ вопросомъ, какъ понимать слова Д. З-ча.—Такъ, вспылить, а то, пожалуй, приказалъ вамъ быть какъ бы старостой надъ тѣми, кто назначенъ на пароходъ.

Часа черезъ два-три былъ поданъ другой пароходъ «Сибирякъ». Всѣ мы хорошо знали, что по меньшей мѣрѣ на двухъ-недѣльномъ пути до Томска будетъ довольно трудно провіантировать, и потому заблаговременно забрали въ Тобольскѣ изрядное количество всякихъ не портящихся запасовъ.

Вотъ что я потомъ писалъ, между прочимъ, тестю, о нашемъ плаваніи. ¹⁾

«Пароходъ «Сибирякъ», въ 120 силъ, считается однимъ изъ лучшихъ на всей Обской системѣ; черезъ 15 дней онъ доставилъ насъ въ Томскъ, ²⁾. Все время тянулъ онъ за собой двѣ баржи: одну съ

¹⁾ Это письмо единственный письменный матеріалъ, которымъ я пользовался при составленіи моихъ воспоминаній; все остальное разсказываю на память.

²⁾ Нынѣ этотъ рейсъ совершается вдвое скорѣе.

товарами, другую съ арестантами, которыхъ было человѣкъ до 500, въ томъ числѣ болѣе 100 политическихъ, но случается, что количество арестантовъ доходить до 900 человѣкъ.

«Помѣщены мы были на пароходѣ такъ удобно, какъ это только на немъ возможно. Каюты наши были 1-го класса, но онѣ не могутъ быть сравнены, по удобству, даже съ второкласными волжскихъ пароходовъ. Стекла въ окнахъ перебиты, двери плотно не затворяются, грошewые обои растрескались, въ добавокъ замѣчательная нечистота. И неудивительно: въ теченіе нашего 2-хъ недѣльнаго странствованія прислуга парохода ни разу даже не подумала вымести въ каютахъ, мы уже сами заботились объ этомъ. Имѣйте при этомъ въ виду, что пароходъ оснащенъ нынѣшней весной. Начальство его отличалось самыми добродушными свойствами. Капитанъ, уже седьмой годъ состоящій въ этомъ рангѣ, или спалъ или пилъ чай, или наконецъ, отъ нечего дѣлать, въ шашки игралъ. Машинистъ, русскій, все время посвящалъ стуколкѣ и хорошо зарабатывалъ; ни до чего другого онъ уже не касался. Когда я разъ указалъ ему на страшную нечистоту, въ которой содержалась машина, онъ отвѣчалъ, что вѣдь здѣсь не Россія, а Сибирь, и что его главная забота состоитъ лишь въ томъ, чтобъ скорѣе дѣлать рейсъ, а тамъ, зимой успѣемъ все перечистить. Была каюта съ надписью «помощникъ капитана», но самого его въ наличности не имѣлось. О двухъ лоцманахъ капитанъ говорилъ, что имъ хоть глаза завяжи, они и тутъ промаху не дадутъ. Справедливѣе сказать, что пароходъ могъ бы ничуть не хуже идти, еслибъ ихъ и совсѣмъ не было.

«Въ буфетѣ, какъ говорилось, все можно было получить, а на самомъ дѣлѣ тамъ ничего не было. Весь жизненный запасъ парохода заключался въ мукѣ и солонинѣ. Правда, почти черезъ каждые три-четыре дня, при остановкахъ парохода, закупался скотъ, но сохранять мясо негдѣ было, — ледника не имѣлось. Мясо развѣшивалось на палубѣ, а такъ какъ погода стояла весьма жаркая, то и портилось оно необыкновенно скоро, — на третій день остатки, и въ большомъ количествѣ, выбрасывались въ воду. Когда разъ сказали капитану, что вѣдь нѣтъ никакой хитрости завести на пароходѣ ледникъ (мы въ каждой деревнѣ находили ледъ), и что этимъ можно избѣжать убытковъ, не говоря уже объ удобствахъ для пассажировъ, то онъ пренаивно отвѣтилъ: «а что же, вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ правда — надо подумать». Но мы съ голоду не умерли; выбраны были фуражиры, на обязанности которыхъ было забирать въ каждой деревнѣ все, что попадалось, — обязанность эта, какъ я на себѣ испыталъ, весьма не легкая въ здѣшнихъ мѣстахъ. Когда удавалось добыть теленка (и притомъ весьма невзрачнаго), то былъ рѣшительный праздникъ. Надо отдать полную справедливость г-жѣ Эсьманъ, женѣ одного политическаго, (да перейдетъ ея имя въ отдаленнѣйшее потомство), — изъ ничего она умѣла накормить насъ.

«Къ нашему благополучію, общество было весьма пріятное; къ тому же погода стояла отличная, такъ что я все путешествіе спалъ на палубѣ. Отъ тучи мошекъ хорошей защитой служила мнѣ сѣтка (везъ ее изъ Петербурга, по совѣту тестя); глядя на меня, и дру-

гіе понадѣлали себѣ такія же сѣтки, благо у кого-то нашелся кусокъ кисеи.

«Время шло довольно незамѣтно, чему помогали карты (я съ Новицкимъ особенно увлекались пикетомъ), отчасти шашки. По вечерамъ иногда устраивались концерты; скрипка, флейта отлично исполняли свое дѣло. Былъ между нами одинъ чудакъ, вообразившій себя не только красавцемъ, но и замѣчательнымъ пѣвцомъ; подзадорить его запѣть одну любимую имъ малороссійскую пѣсенку съ припѣвомъ: го-я, го-я, го-пъ! было для всѣхъ источникомъ самаго неподдѣльнаго веселья и смѣха.

«Кромѣ нашей компаніи на пароходѣ находилось нѣсколько и другихъ пассажировъ; между прочимъ ѣхала пріисковая партія, снаряженная владѣльцемъ парохода Тюфинымъ. Меня, еще не знакомаго съ сибирскими порядками, не мало удивляло, что во главѣ ея стоялъ бывший содержатель постоялаго двора въ Тюмени, т. е. человѣкъ безъ всякой технической подготовки. Какъ всѣ пріискатели, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ сокровища и, должно быть, въ надеждѣ на нихъ съ утра до ночи игралъ въ стуколку. Вообще эта игра имѣла необыкновенный ходъ въ Сибири; даже дѣвочки лѣтъ 15 считали ее самымъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Въ Томскѣ ставка доходила до 5 рублей.

«Отъ Тобольска до Томска водой считаютъ 2,500 вер., а впрочемъ, никто не мѣрилъ. Ничего нельзя себѣ представить болѣе унылаго, какъ берега въ нижнемъ теченіи Иртыша и той части Оби, которую пришлось намъ проплыть. Они низменны и поросли тальникомъ; настоящихъ лѣсовъ не видно, — удалены отъ береговъ на весьма далекое разстояніе. Хотя мы ѣхали въ іюлѣ, но разливъ былъ еще весьма значителенъ, зачастую кромѣ воды ничего не видно было; пейзажъ по временамъ разнообразился лишь островами тальника. Если иногда и показывался берегъ, то опять тотъ же тальникъ и ничего другого. Мѣстъ сколько нибудь возвышенныхъ очень мало, потому и деревни встрѣчаются рѣдко, да и тѣ въ большіе разливы затопляются. Когда мы проѣзжали, жалобы на разливъ слышались вездѣ, потому ловъ рыбы еще не начинался, скота некуда было выгнать. Хлѣбопашества здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ, по причинѣ же разливовъ и скотоводство слабо развито. Скотъ былъ до такой степени заморенъ, что мясо не имѣло никакого вкуса; разъ даже гражданскіе арестанты отказались принять только что убитую скотину. Весь край находился въ рукахъ немногихъ капиталистовъ. Съ однимъ изъ нихъ пришлось познакомиться въ Сургутѣ (до 300 жителей); онъ принялъ насъ очень радушно, поставилъ хорошую закуску, чай съ московскими сухарями и сайкой (они тогда были въ большомъ ходу по всей Сибири, какъ теперь бисквитное печенье). Его называли полнымъ властелиномъ всего Сургутскаго края, сырье котораго: мѣха, кожи, мамонтовую кость, онъ отвозилъ на нижегородскую ярмарку. Я пожелалъ купить себѣ что-нибудь на память и онъ предложилъ мнѣ за два рубля небольшой мамонтовый клыкъ; потомъ оказалось, что клыкъ и гроша не стоилъ, такъ какъ весь прогнилъ. Во время нашего проѣзда у него гостилъ молодой сынъ, чи-

новникъ изъ Березова.—Что Сургутъ, говорилъ онъ, гиблое мѣсто; совсѣмъ другое дѣло Березовъ, тамъ прекрасное общество, жизнь идетъ очень весело, каждый день бываетъ стуковка по 2 р. ставка.

«Отъ Сургута до Нарыма кажется болѣе 700 верстъ, на всемъ этомъ разстояніи настоящихъ деревень только одна; за то въ этой сторонѣ много кочуетъ остяковъ. На нихъ мы возлагали большія надежды въ продовольственномъ отношеніи; какъ только бывало показывалась лодочка съ остякомъ, все на пароходѣ приходило въ движеніе: начинали подавать ему знаки, чтобъ спѣшилъ причалить къ пароходу,—такъ всѣмъ хотѣлось полакомиться свѣжею рыбою; но ловъ почти не начинался и въ большинствѣ случаевъ остякъ не обращалъ вниманія на наши призывы. Видали издали ихъ лѣтнія становища; разъ удалось въ одной русской деревнѣ встрѣтить остяцкую семью, но, завидя насъ, она разбѣжалась, куда кто могъ. Потомъ оказалось, что они насъ приняли за чиновниковъ. По поводу остяковъ у насъ были постоянныя столкновенія съ капитаномъ, онъ не шутилъ сердился, говоря, что мы совсѣмъ избалуемъ ихъ; что гдѣ мы даемъ за десятокъ средней величины стерлядей 50 к., совершенно достаточно фунта махорки (10 к.) или небольшой краюхи хлѣба.

«Выше Нарыма (въ немъ считали тогда до 1000 жителей) характеръ страны мало по малу мѣняется; берега дѣлаются болѣе возвышенными, нерѣдко встрѣчаются лѣса, хотя настоящихъ по близости береговъ все-таки не случилось видѣть. Чаше и чаще попадаютъ большія и хорошо выстроенныя деревни, хлѣбъ уже сѣется и изрядно родится, лѣсъ и рыбныя промыслы служатъ хорошимъ подспорьемъ».

Конечно, партію сопровождалъ офицеръ конвойной команды, которая находилась на баржѣ; былъ-ли кто-нибудь изъ нихъ на пароходѣ—не помню; вѣроятно былъ какой-нибудь унтеръ; сохранилось только въ памяти, что при всѣхъ остановкахъ мы свободно сходили на берегъ и иногда дѣлали нѣсколько верстъ, чтобъ добраться до живого поселенія, какъ напр., въ Нарымѣ; конвойные при этомъ не столько сопровождали насъ, сколько занимались разными коммерческими оборотами.

«Наконецъ, кончилось утомительное по однообразію плаваніе по Оби; мы вошли въ Томъ, ширина которой въ обыкновенное время не выше 400 саж. Томъ имѣетъ высокіе берега, вода въ ней зеленоватая и особенно красива въ солнечный день. Мы всѣ словно ожили, когда пароходъ вошелъ въ эту рѣку, отчасти и потому, что близился конецъ нашего воднаго странствованія: до Томска оставалось не больше 60 вер. Но командиръ парохода не раздѣлялъ нашу радость; вода стала такъ быстро спадать, что явилось опасеніе за возможность пароходу, особенно баржамъ, подойти къ самому Томску. Къ счастью этого не случилось, и мы были уже верстахъ въ семи отъ Томска. Если тутъ и наткнулись на какую-то мель, что насъ задержало часовъ на пять, то это рѣшительно ничего не значило, такъ какъ ни одинъ пароходъ не проходилъ благополучно въ этомъ мѣстѣ».

Едва пароходъ сталъ подходить къ пристани, какъ среди довольно многочисленной публики, толпившейся на берегу, я замѣтилъ Рудомину (онъ недолго оставался въ Петербургѣ и еще зимнимъ пу-

темъ отправился въ западную Сибирь, гдѣ и былъ водворенъ въ Томскѣ); а какъ только установилось сообщеніе съ берегомъ, Рудомина съ двумя польскими дамами пришелъ на пароходъ; дамы предложили женѣ поселиться у нихъ и увезли ее къ себѣ.

Высадка съ парохода не заняла много времени; не то было съ баржей, гдѣ, какъ я уже говорилъ, находилось около 500 человѣкъ. Затѣмъ началась пріемка. Какой-то гарнизонный или этапный офицеръ, уже немолодой, спрашивалъ наши фамиліи, причемъ ко всѣмъ полякамъ адресовался съ вопросомъ: съ кондъ панъ? и очень обрадовался, получивъ отъ кого-то въ отвѣтъ:—изъ Люблина.—Я тамъ былъ очень пріятный городъ. Вообще офицеръ старался быть сколько возможно любезнѣе, особенно по отношенію къ дамамъ, что при его замухрышной фигурѣ производило довольно комическій эффектъ. Кромѣ Рудомина мнѣ еще представился Леонъ Самаринъ. Онъ въ мое время былъ студентомъ спб. университета; почему-то осенью 61 г. его имя было окружено нѣкоторой атмосферой недовѣрія; затѣмъ совершенно неожиданно узнаемъ въ началѣ 63 года, что онъ арестованъ въ Вильно и осужденъ въ солдаты, причемъ ему въ вину, помнится, было поставлено намѣреніе уйти въ банду. Теперь онъ оказался солдатомъ въ томскомъ гарнизонномъ баталіонѣ.

Наконецъ мы тронулись въ путь; отъ мѣста остановки парохода до острога было нѣсколько верстъ,—но погода стояла отличная и пройти было только одно удовольствіе. Рудомина сопровождалъ меня. Первая новость, и притомъ крайне важная, которую онъ сообщилъ, была о такъ называемомъ кругобайкальскомъ возстаніи. На всѣхъ эта новость произвела удручающее впечатлѣніе, такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ этого дѣла надо было ожидать ухудшенія режима ссыльных въ Сибири.

Далѣе, Рудомина объяснилъ мнѣ, что имъ уже приняты надлежащія мѣры, чтобъ помѣстить меня въ острогъ возможно удобнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, когда пришли къ острогу, смотритель сейчасъ же отдѣлилъ меня и еще нѣсколько человѣкъ; всѣхъ остальныхъ направилъ въ настоящій арестантскій корпусъ, а для насъ оказалось особое помѣщеніе.

Свою, сравнительно, небольшую квартиру смотритель разбилъ на маленькія клѣтушки и превратилъ ихъ въ номера, которые и сдавалъ, кѣмъ нибудь рекомендованнымъ ему, пересылаемымъ политическимъ за умѣренное вознагражденіе, даже не таксированное, а кто что дастъ при отъѣздѣ ¹⁾. Когда я устроился, Рудомина сейчасъ же предложилъ мнѣ пойти съ нимъ въ городъ къ Булгаку, у которыхъ остановилась жена.—Какъ, развѣ это можно? (даже въ Тобольскѣ не допускались такія вольности; только изрѣдка, и то съ особаго разрѣшенія Д. З-ча, позволялось сходить на базаръ для покупокъ).—Можно, я уже переговорилъ съ смотрителемъ.—Да вѣдь меня не пропуститъ караульный (квартира смотрителя была у самой калитки); нѣтъ, я хочу лично услышать отъ смотрителя. Рудомина разыскалъ

¹⁾ Въ пользу смотрителя оставались еще и кормовые, такъ какъ всѣ жившіе у него кормились за свой счетъ.

смотрителя и тотъ сказалъ, что я могу итти въ городъ. Послѣ того я уже не спрашивалъ смотрителя, и ходилъ, когда вздумается,—обыкновенно съ утра, а возвращался къ вечеру; караульный же всѣхъ изъ квартиры смотрителя пропускалъ безпрепятственно. По времени, наконецъ, у меня зашевелилась совѣсть; разъ и говорю смотрителю: пожалуйста, скажите откровенно, нисколько не стѣснясь, не затрудняютъ ли васъ мои отлучки въ городъ, я не желаю злоупотреблять вашей любезностью.—Ходите, лаконически отвѣтилъ смотритель. Онъ вообще былъ крайне скупъ на разговоръ. Точно также и всѣ прочіе, жившіе у смотрителя уходили въ городъ безвозбранно.

Партію отправили дня черезъ два; но насъ составила компанія ѣхать до Красноярска на свой счетъ; подали объ этомъ заявленіе и были задержаны, пожалуй даже забыты, потому что только послѣ неоднократныхъ хожденій въ полицію и настоятельныхъ просьбъ съ нашей стороны, дней черезъ десять добились отправки.

Я каждый день видался съ Рудомина; онъ былъ человѣкъ съ средствами и недурно устроился въ Томскѣ. Красивый собой, хорошо воспитанный, Рудомина вездѣ былъ принятъ, былъ даже въ модѣ, приглашали на вечеръ «съ Рудоминой». Потому, проживъ въ Томскѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ оказался въ курсѣ не только дѣлъ мѣстной ссыльной колоніи, но и вообще городскихъ отношеній. Въ Томскѣ было много ссыльныхъ поляковъ, и между ними не малое число нелегальныхъ, т. е. бѣжавшихъ съ каторги или съ мѣстъ причисленія.

Архаическая мѣстная администрація, несмотря на нѣкоторую острастку послѣ дѣла „сибирскихъ сепаратистовъ“, вѣроятно, многое знала, но не принимала никакихъ особенныхъ мѣръ. А что касается до мѣстнаго жандармскаго начальника Тица, то вотъ какъ онъ себя держалъ. Онъ нанималъ домъ, при которомъ былъ большой садъ, нанималъ ради сада. Но въ другомъ домѣ того же хозяина поселились Булгаки; у нихъ съ утра до ночи было становище и легальныхъ и нелегальныхъ поляковъ. Тогда Тицъ пересталъ выходить въ садъ, чтобы какъ нибудь не столкнуться и не вызвать исторіи.

Посѣщалъ Булгаковъ ежедневно и я, такъ какъ именно у нихъ пользовалась радушнымъ гостепріимствомъ моя жена. Булгаки (изъ Могилевской губерніи) были люди уже не молодые; старикъ во второй разъ попалъ въ Сибирь и даже въ Томскъ; въ первый разъ онъ былъ сосланъ въ 40-хъ годахъ. Какъ Булгаки, такъ и жившій съ ними докторъ (Добровольскій?), равно и жена послѣдняго, были люди не только образованные, но и передовыхъ идей; такъ, дамы были горячими поклонницами Жоржъ-Зандъ и исповѣдницами идей женскаго равноправія, тогда совсѣмъ непопулярныхъ между польскими женщинами.

Докторъ имѣлъ хорошую практику и кромѣ того занимался въ острожной больницѣ. Разъ при мнѣ онъ вернулся домой, видимо, чѣмъ то разстроенный; успокоившись нѣсколько, рассказалъ слѣдующее: ему въ этотъ день пришлось оказывать медицинскую помощь одному арестанту, только что наказанному за побѣгъ съ каторги.

Несчастный былъ, помнится, литвинъ; онъ чуть ли не десять разъ бѣгалъ, попадался въ Западной Сибири и, наказанный, вновь

высылался на каторгу.—Не могу, говорилъ онъ, усидѣть; какъ только подходитъ весна, такъ и тянетъ на родину.—Что же, ты и еще разъ побѣжишь? спросилъ докторъ.—Да вотъ поправиться, дойти до каторги, да дожить бы до весны, а тамъ, кто знаетъ—усижу ли.

Бывалъ еще я у нѣкогого Иванова, средней руки обывателя, онъ состоялъ чимъ то довѣреннымъ по дѣламъ. Въ свое время Рудомина, характеризуя мѣстное общество, говорилъ мнѣ, что въ Томскѣ единственный разговоръ о картахъ.

Разъ Ивановъ устроилъ для меня обѣдъ, на который кромѣ обязательнаго Рудомина, пригласилъ двухъ-трехъ пріятелей, несомнѣнно, изъ мѣстныхъ либераловъ; одинъ изъ нихъ даже высидѣлъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ за непочтительное отношеніе къ губернскимъ властямъ. И прежде всего разговоръ начался о томъ, кто и гдѣ вчера игралъ, а затѣмъ перешелъ на горячій протестъ противъ произвола губернатора, запретившаго въ клубѣ какую-то игру; всѣ соглашались, что такъ дѣло оставить нельзя, а надо обжаловать минист. вн. дѣлъ. За обѣдомъ зашла рѣчь о Б—и, недавнемъ жильцѣ Иванова, только что передъ моимъ пріѣздомъ вернувшемся въ Россію. Ивановъ восторженно говорилъ о Б—и —Ученѣйшій человѣкъ, все писалъ, все писалъ и мнѣ все написанное читалъ.—О чемъ же онъ писалъ?—Да все о государствѣ.—Это правда, заговорила жена Иванова, Б—и очень хорошіе люди, добрые, простые, можно сказать, рѣдкіе люди, только ужъ очень неосторожны; у нихъ маленькая дочка, лѣтъ пяти-шести, такъ вѣдь она при всѣхъ громко говоритъ: ни ц... ни б... не надо.—Ты ничего не понимаешь, съ жаромъ прервалъ ее довольно тучный супругъ, весь при томъ раскраснѣвшійся отъ плотнаго обѣда. Ты думаешь, что они такіе же люди, какъ и мы? нѣтъ, они пропагандисты; что бы они не дѣлали, прежде всего пропагандируютъ; мы вотъ просто ѣдимъ, а они, когда и ѣдятъ, то и тутъ пропагандируютъ. Супругъ оставалось только замолчать отъ такой энергической отповѣди.

Послѣ обѣда сынъ Иванова, только что покинувшій 5 классъ гимназіи, увелъ меня въ садъ, и тамъ послѣ разговора о дѣлѣ Г. Н. Потанина и Комп., держалъ такую рѣчь:—конечно, послѣ этой исторіи здѣсь нѣкоторая заминка въ политикѣ; но мы все-таки дѣла не бросаемъ. У насъ въ Томскѣ двѣ партіи—умѣренная и радикальная; первая это Леонъ Самаринъ, а радикальная—я.—Что же вы дѣлаете?—Да пока присматриваемся.

Когда мы возвращались съ Рудоминой, онъ замѣтилъ мнѣ:—вотъ вы сегодня видѣли, кажется, всѣхъ томскихъ либераловъ.

За время моего пребыванія въ Томскѣ я исходилъ городъ вдоль и поперекъ. Несмотря на то, что и тогда Томскъ былъ очень оживленнымъ и даже главнымъ торговымъ городомъ Сибири, съ внѣшней стороны онъ выглядѣлъ весьма неказисто, а на многихъ улицахъ навозъ былъ въ такомъ же изобиліи, какъ на скотномъ дворѣ. Для туриста самой главной достопримѣчательностью являлись развалины собора, начатаго постройкой въ 40-хъ годахъ,—обрушился куполь. Такія же развалины вскорѣ пришлось увидѣть въ Красноярскѣ, тоже по причинѣ крушенія купола. Планы были посланы изъ Петербурга,

но, какъ объясняли мнѣ, мѣстные строители употребляли кирпичъ болѣе тяжелый.

Изъ частныхъ построекъ выдѣлялись: домъ раззорившагося золотопромышленника Горохова, въ немъ находилось общественное собраніе, и И. Д. Асташева, золотопромышленника, миллионера, какъ о немъ говорили. Асташевъ въ началѣ 40-хъ годовъ былъ незначительнымъ чиновникомъ въ Томскѣ. О началѣ его карьеры мнѣ рассказывали: два золотопромышленника Енисейской губерніи, владѣя пополамъ однимъ богатымъ приискомъ, возгорѣли желаніемъ вытѣснить другъ друга изъ дѣла; начался процессъ, который и тянулся безъ всякаго результата, пока одна сторона не взяла себѣ въ повѣренныя Асташева на условіи: въ случаѣ выигрыша дѣла онъ получитъ 25 паевъ. Съ этого момента процессъ сталъ принимать явно неблагоприятное направленіе для другой стороны. Тогда и она пригласила Асташева, тоже предложивъ ему 25 паевъ. Кончилось тѣмъ, что Асташевъ помирилъ стороны, получивши съ каждой по 25 паевъ; а по времени сталъ и единственнымъ владѣльцемъ. Постепенно въ руки Асташева перешли очень богатые приiski совсѣмъ запутавшагося Горохова, а также и другія дѣла; такъ что онъ сталъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ. У Асташева была своя система, благодаря которой его дѣло рѣзко выдѣлялось отъ другихъ: поразительно нищенскіе оклады жалованья служащимъ и крайне низкая рабочая плата; за то царило повальное воровство; въ этомъ отношеніи за асташевскими служащими установилась столь прочная репутація, что они лишь съ трудомъ находили службу въ другихъ компаніяхъ, если почему нибудь оставляли асташевское дѣло. Все это не мѣшало И. Д. стать камергеромъ и въ мое время пользоваться всякимъ почетомъ и уваженіемъ.

Только по дорогѣ отъ Томска въ Красноярскъ началось мое нѣкоторое знакомство съ Сибирью. Наша компанія ѣхала въ трехъ экипажахъ; хотя мы въ Томскѣ заплатили прогоны за почтовыхъ, но везли насъ на обывательскихъ. Отсюда вѣчная ругань содержателей обывательскихъ подводъ съ нашими конвоирами (казаками, какъ они назывались) и всякія задержки; кромѣ того мы и сами ежедневно останавливались на ночлегъ, для чего приискивали какую нибудь болѣе удобную крестьянскую избу. Наши конвоиры ничего изъ себя грознаго не являли, а были обязательнѣйшей прислугой.

Дорога отъ Томска до Красноярска нѣсколько гористая, встрѣчаются частые и хорошіе лѣса; деревни, меня, видѣвшаго только вологодскій край, поражали своей величиной,—въ 200, 300 и болѣе дворовъ. Много очень хорошо выстроенныхъ домовъ, но часто встрѣчались полуразвалившіяся избы, съ заколоченными окнами. На вопросъ о послѣднихъ, всегда получался одинъ отвѣтъ: — ходятъ на приiski, хозяйство совсѣмъ забросили. Бросалась въ глаза и зажиточность сибиряка по сравненію съ нашимъ сѣвернымъ крестьянствомъ; большія стада сытаго и крупнаго рогатаго скота приводили въ немалое удивленіе моихъ спутниковъ—поляковъ (они всѣ были изъ западнаго края); крѣпкія лошади лихо мчали насъ. И рядомъ съ этимъ вездѣ рѣзали глазъ въ большемъ числѣ не то нищія, не то безпріютныя

старики поселенцы. Но что особенно поражало, и притомъ въ горячую лѣтнюю пору, это обиліе пьяныхъ, даже въ будничные дни они цѣлыми толпами двигались по деревнямъ, а непечатная брань просто заполняла воздухъ. Безъ нея, казалось, сибирякъ не могъ выговорить двухъ словъ; старикъ Новицкій просто диву давался, да головой покачивалъ; помню разъ говорилъ онъ: — въѣзжая въ сибирскую деревню надо плотно затыкать уши.

Не могъ не замѣтить я основной особенности хозяйственного распорядка сибирской деревни; ее прежде всего окружаетъ выгонъ, діаметръ котораго, смотря по размѣру деревни, превышалъ иногда десятокъ верстъ. Только за выгономъ начинались поля, дѣленные земли, и еще дальше, такъ называемыя, заимки. Такой хозяйственный складъ, конечно, исключалъ возможность удобренія и велъ къ большой потерѣ времени; но за все вознаграждалъ просторъ еще мало тронутыхъ земель и плодородіе почвы. Выгонъ въ Сибири называется «поскотиной»; какъ при въѣздѣ въ него, такъ и выѣздѣ, всегда были затворенные отвода; тутъ же въ шалашѣ находился, за ничтожную плату по найму отъ деревни, какой-нибудь старикъ, который днемъ и ночью отворялъ отводъ для проѣзжающихъ. Къ слову о поскотинѣ.

Одно время судьба свела меня на пріискахъ съ товарищемъ по университету О. П. Гротовскимъ, кончившимъ курсъ на юридич. факультетѣ. — Что вы на первыхъ порахъ дѣлали въ Сибири, когда жили въ деревнѣ. — Стерегъ доскотину.

О. П. Гротовскій хотя происходилъ изъ небогатой, но все же съ нѣкоторымъ достаткомъ семьи; его отецъ былъ нотариусомъ въ Равѣ (Ц. Польское). Поляки въ Сибири первымъ дѣломъ ставили себѣ не получать денегъ изъ дому, а добывать средства къ существованію на мѣстѣ, не отказываясь ни отъ какого заработка (отъ казны ничего не шло). Вспоминается типичная фигура Мышковскаго (съ множествомъ разныхъ титуловъ) изъ Ц. Польскаго. Разъ на пріискахъ на офиціальный вопросъ жан. офицера Купенко, — что онъ дѣлалъ на родинѣ, Мышковскій отвѣчалъ: — странный вопросъ, былъ сынъ помѣщика (и очень богатаго).

Такъ вотъ этотъ сынъ помѣщика, водворенный въ деревню (Усть-Тунгузску или Казачинское — не помню), выучился свѣчи лить, сапоги тачать, колеса дѣлать и т. п. и группировалъ около себя всѣхъ прибывавшихъ туда ссыльных. Я довольно близко зналъ въ Енисейскомъ краѣ, можетъ быть, съ сотню поляковъ и не помню ни одного, кто бы хоть что-нибудь получалъ изъ дому; напротивъ всякій при первой возможности старался откладывать на дорогу на случай разрѣшенія выѣзда.

Возвращаясь къ дорогѣ. Другая особенность Сибирскаго тракта — это бѣглые, загорѣлые, какъ вороново крыло, «горбачи», такъ ихъ называли. Они попадались не только въ одиночку, но нерѣдко и небольшими группами, какъ по дорогѣ, такъ и проходящими днемъ черезъ деревни. Я какъ то при одной остановкѣ разговорился о нихъ съ крестьяниномъ. — А много же у васъ идетъ бѣглыхъ. — Да много, прежде бывало деревни обходили стороной, или по ночамъ, а нынѣ даже и днемъ идутъ безъ всякой опаски, потому что отъ начальства есть

приказъ, чтобъ ихъ на мостахъ и переправахъ не задерживать.—Почему такой приказъ?—А разное говорятъ; одни сказываютъ, что сюда поляковъ шлютъ, а на ихъ мѣсто будутъ селить бѣглыхъ, другіе говорятъ, что въ Россіи хотятъ ссыльными чугунокъ строить.

На самомъ дѣлѣ особенная снисходительность начальства за это время объясняется сильнымъ неурожаемъ, который уже не первый годъ господствовалъ въ Иркутской губерніи и Забайкальи; потому тамъ, на каторгѣ, смотрѣли совсѣмъ сквозь пальцы на побѣги, такъ какъ благодаря имъ администрація избавлялась отъ заботъ прокормленія лишнихъ ртовъ.

— А что, не пошаливаютъ они у васъ?

— Нѣтъ, подходятъ и просятъ хлѣба, ну имъ и даютъ.

Но всякому путешествію бываетъ конецъ; въ одинъ довольно сѣренькій день, проѣхавъ деревню Заледѣево, въ семь верстъ длиною, но какъ и всѣ подгородныя деревни въ Сибири, довольно-таки бѣдную, мы вскорѣ завидѣли Красноярскъ. Миновавъ его окраину, Теребиловку (потому что и днемъ тамъ не совсѣмъ безопасно было показываться) сначала направились въ полицейское управленіе; тамъ никакого начальства не оказалось; повезли насъ на квартиру полицеймейстера Борщова,—его дома не было. Наши конвоиры не знали, что и дѣлать. Между тѣмъ, наши экипажи замѣтилъ проходившій полякъ изъ ссыльныхъ, д-ръ Демартре, и подошелъ къ намъ. Узнавъ мою фамилію, онъ сказалъ, что обо мнѣ есть уже распоряженіе губернатора оставить меня въ Красноярскѣ. По его совѣту поѣхали въ какой-то домъ, гдѣ долженъ былъ находиться въ гостяхъ полицеймейстеръ. Тамъ его и нашли. Борщовъ отдалъ приказъ отвезти насъ въ пересыльную. Между тѣмъ жена отправилась къ довѣренному Сидорова С. И. Розингу, такъ какъ братъ ея уже уѣхалъ въ Петербургъ; это узнали отъ Демартре. Вскорѣ Розингъ пріѣхалъ въ пересыльную, предъявилъ какую-то записку, и я былъ выпущенъ. Дѣйствительно, по просьбѣ золотопромышленника Ал. Кир. Щепетковскаго, добрейшаго человѣка, и за его поручительствомъ, мнѣ было разрѣшено проживать въ Красноярскѣ, съ причисленіемъ въ Минусинскій уѣздъ, сначала въ Шушинскую волость, а потомъ въ Дубенскую.

Съ этого времени началась моя восьмилѣтняя жизнь въ Енисейской губерніи, содержаніе которой уже не представляетъ интереса для читателей «Былого». Скажу только, что «страшный» Замятинъ, вообще крайне недалекий и достаточно-таки взбалмошный ¹⁾, по отноше-

¹⁾ Вотъ характерный случай его взбалмошности. Въ 66 году проѣзжала черезъ Красноярскъ научная экспедиція, снаряженная Академіей Наукъ, для изслѣдованія Туруханскаго края; она состояла изъ академика Ѳ. Б. Шмидта, А. П. Щапова и гор. ин. Ин. Ал. Лопатина. Съ разрѣшенія Замятина, экспедиція взяла съ собою сосланнаго поляка Феликса Пав. Мерло, который выразилъ согласіе пробыть два года близъ устьевъ Енисея для производства метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій. Экспедиція вернулась осенью того же года, а Мерло остался на мѣстѣ; Замятинъ опять ничего противъ этого не возразилъ. Прошелъ съ чѣмъ то годъ; разъ Замятинъ, просматривая списки ссыльныхъ, пришелъ въ священный ужасъ, что есть

нію ко мнѣ во многихъ случаяхъ, и при томъ довольно щекотливыхъ, держалъ себя съ большимъ тактомъ. Не прошло, можетъ быть, и трехъ недѣль, какъ я устроился въ Красноярскѣ, а Замятинъ получилъ изъ Иркутска телеграфный запросъ: почему Пантелѣевъ оставленъ въ Енисейской губерніи? Онъ отвѣтилъ, что на основаніи распоряженія тобольской экспедиціи о ссыльныхъ. Послѣ того вскорѣ пришла изъ Иркутска бумага о высылкѣ меня туда. Замятинъ по моей просьбѣ отложилъ ея исполненіе до ожидаемаго проѣзда генералъ-губернатора Корсакова. Тотъ сказалъ, что если меня не требуютъ въ Иркутскъ по какому-нибудь дѣлу, то можно оставить въ Красноярскѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія изъ Петербурга. Оказалось, что въ Петербургѣ былъ возбужденъ вопросъ о неправильномъ примѣненіи ко мнѣ указа 16 апрѣля. Мѣсяца черезъ два тестъ телеграфировалъ, что все кончилось благополучно, а потомъ писалъ, что въ концѣ концовъ III отдѣленіе рѣшило: хотя и сдѣлана яко бы въ отношеніи меня ошибка, тѣмъ не менѣе оставить на поселеніи.

Но Валуевъ, можетъ быть, не безъ давленія Шувалова, притянулъ Деспота-Зеновича къ отвѣту въ Сенатѣ. Однако, Сенатъ нашель, что Деспотъ Зеновичъ поступилъ совершенно правильно, примѣнивъ ко мнѣ указъ 16 апрѣля.

Л. Пантелѣевъ.

Р. С. Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, какъ я поселился въ Красноярскѣ, разъ вечеромъ прислуга говоритъ, что меня кто-то спрашиваетъ. Я выхожу въ полутемную залу и тамъ наталкиваюсь на В. К—го. Видъ его привелъ меня въ полное замѣшательство.—Что вамъ угодно?—Я бы хотѣлъ объясниться.—Дѣлать нечего, предложилъ ему присѣсть. Путаясь, онъ сталъ объяснять, что мой арестъ произошелъ не по его винѣ, что комиссія имѣла относительно меня какія-то стороннія свѣдѣнія, что онъ только подтвердилъ ихъ.—Прекрасно,—помнится, отвѣчалъ я, нѣсколько придя въ себя,—вы поступили, какъ находили за лучшее и, значитъ, намъ не о чемъ болѣе продолжать разговоръ. У меня не хватило духу напомнить ему его поведеніе въ судѣ. Вѣроятно, этотъ визитъ былъ вызванъ тѣми крайними неудобствами, которыя В. К—му приходилось выносить въ пути отъ своихъ земляковъ.

Л. П.

такой политической, который находится виѣ фактическаго надзора полиціи, а именно—Мерло. Немедленно помчалась эстафета Туруханскому отдѣльному засѣдателю съ приказомъ сейчасъ же забрать Мерло и доставить его въ Красноярскъ. Все это, конечно, и было въ точности исполнено. Мерло, ничего не знавшій, зачѣмъ его везутъ, по прибытіи въ Красноярскъ, былъ отпущенъ на свободу и, по нѣкоторомъ времени, даже получилъ разрѣшеніе уѣхать на енисейскіе пріиски. Надо еще прибавить, что въ то время въ устьѣ Енисея не приходили суда изъ Европы.

Наблюденія Мерло, хотя и незаконченныя, были въ свое время напечатаны въ Извѣстіяхъ нашей Академіи Наукъ.

Первое марта 1881 г. и варшавскіе россіяне.

По временамъ мнѣ весьма приходится сожалѣть о томъ, что мною не была усвоена привычка вести запись видѣннаго и слышаннаго. Обыкновенно это чувство посѣщаетъ меня, когда я читаю какіе-либо дневники или мемуары, или когда въ бесѣдахъ о прошломъ вспоминаешь тѣ или другія «исторіи», а не то и просто отдѣльныя обстоятельства, свидѣтелемъ которыхъ приходилось быть по волѣ судьбы. Въ особенности часто испытываю я сожалѣніе по указанной причинѣ, вспоминая разные эпизоды изъ своей варшавской жизни въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, изъ періода, къ которому относится и то, что я собираюсь рассказать въ этой замѣткѣ.

Мысль о написаніи настоящаго разсказа возникла у меня при чтеніи мартовской книжки «Былого» за прошлый годъ, въ значительной мѣрѣ посвященной событію 1 марта 1881 года, и вотъ сегодня, въ новую годовщину катастрофы, оказавшей такое громадное вліяніе на наши внутреннія судьбы, я привожу свое намѣреніе въ исполненіе. То, что я собираюсь рассказать,—фактъ мелкій, далеко не соотвѣтствующій грандіозности событія, но именно потому его и стоитъ отмѣтить, какъ черточку, кое-что дающую для характеристики настроеній нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ группъ въ мартѣ 1881 г.

Какъ я уже упомянулъ, въ то время я жилъ въ Варшавѣ, профессорствуя въ тамошнемъ университетѣ. Польское общество для насъ, «россіянъ», почти не существовало, и даже по отношенію къ тѣмъ немногимъ русскимъ, которые все-таки находились въ какомъ-нибудь общеніи съ поляками, со стороны послѣднихъ можно было наблюдать одну сдержанность, которая и насъ заставляла избѣгать разговоровъ на щекотливыя темы. Если мнѣ и доводилось бесѣдовать со знакомыми поляками о значеніи событія, то почти исключительно на тему, ихъ интересовавшую съ чисто національной точки зрѣнія: чего-де можно ожидать для Польши отъ новаго императора. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Александра II по отношенію къ Царству Польскому начались кое-какія льготы и уступки, поселявшія въ польскомъ обществѣ надежды на лучшее будущее,—которымъ, какъ потомъ оказалось, не суждено было сбыться. Съ другой стороны, о томъ, какъ было принято извѣстіе о событіи въ народной

массѣ, я тотчасъ же узналъ со словъ своей прислуги, польки. Эта особа, считавшая меня «россіяниномъ» и даже не допускавшая, «жебы панъ (т. е. я) былъ москалемъ», приходившая ко мнѣ однажды жаловаться на своего мужа, который ее обругалъ «москевкою», безъ всякихъ дипломатическихъ околичностей сообщила мнѣ, что «цесаржа забилъ якись ксендзъ»,—такая была молва въ народѣ и что Богъ это допустилъ за преслѣдованіе вѣры. Быть можетъ, впрочемъ, такое объясненіе лично принадлежало пани Винцентовой, у которой была уніатская родня.

Гораздо больше доступно было моему наблюденію русское общество. Половина профессорскаго состава была русская, а кромѣ того, я, по примѣру многихъ соотечественниковъ, жившихъ на холостомъ положеніи, пользовался, какъ рестораномъ, столовой русскаго клуба, гдѣ притомъ можно было въ читальнѣ имѣть массу журналовъ и газетъ; поневолѣ тамъ приходилось встрѣчать массу всякаго народа, собиравшагося главнымъ образомъ для игры въ карты. Въ извѣстные дни въ этомъ учрежденіи происходили особыя собранія съ патріотическимъ характеромъ, и тогда я уже искалъ себѣ пріюта гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Варшавскій россійскій патріотизмъ былъ прежде всего обрусительствомъ, хотя въ немъ, конечно, были и другіе ингредиенты, изъ смѣси которыхъ состоитъ теперешнее черносотенство. Настоящимъ богомъ варшавскихъ обрусителей въ это время былъ попечитель учебнаго округа Апухтинъ, а особенно разжигался тогда этотъ своеобразный патріотизмъ «контрами», въ какихъ духовный вождь обрусителей находился съ «полякующимъ» генералъ-губернаторомъ Альбединскимъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы я узналъ о трагическомъ концѣ Александра II какъ разъ въ этомъ самомъ русскомъ клубѣ и сдѣлался свидѣтелемъ того, какъ принята была вѣсть о событіи 1 марта въ самомъ «центрѣ русской жизни» города Варшавы. Вечеромъ 1 марта въ залѣ клуба былъ назначенъ какой-то концертъ, и я рѣшилъ не заходить въ этотъ вечеръ въ клубъ поужинать и почитать газеты, какъ это почти всегда дѣлалъ. Весь день послѣ ранняго обѣда я провель дома за работой, и только позднимъ вечеромъ вышелъ прогуляться и зайти куда-нибудь закусить. Мой путь лежалъ мимо клуба, и я очень удивился, не увидѣвъ около его подъѣзда экипажей. Сообразивъ, что, вѣроятно, концертъ кончился, я рѣшился зайти. Оказалось, что и въ передней было довольно ограниченное количество верхняго платья, между тѣмъ для окончанія концерта часъ былъ еще довольно ранній. Изъ прислуги на мѣстѣ былъ только одинъ швейцаръ. «Что же, спрашиваю, концертъ значитъ не состоялся, никто не пріѣхалъ?»—Какъ не пріѣзжали! Много пріѣзжало, да всѣхъ назадъ отправляли: какіе тутъ концерты, когда государя убили! Развѣ вы этого не знаете? «Какъ такъ! Что вы говорите?»—Да вотъ извольте сами прочесть: въ столовой телеграмма вывѣшена.—Говорилъ все это швейцаръ взволнованнымъ голосомъ, да и на немъ самомъ что называется лица не было. Его волненіе передалось и мнѣ независимо отъ содержанія извѣстія....

Я опрометью бросился въ столовую, и былъ моментъ, когда 'я

подумалъ, что это неправда, что швейцаръ сошелъ съ ума, что своими безумными рѣчами онъ и заставилъ уѣхать всѣхъ пріѣхавшихъ на концертъ. Трудно было не сдѣлать такого предположенія при видѣ того, что происходило въ ближайшихъ комнатахъ. Ихъ нужно было пройти двѣ, прежде нежели попасть въ столовую, а въ этихъ двухъ комнатахъ все было, какъ въ обычные дни нѣсколько бѣльшаго притока публики. По комнатамъ на обычныхъ мѣстахъ стояли столики, съ двумя свѣчами на противоположныхъ углахъ каждаго; за столиками, какъ водится, сидѣло по четыре человѣка съ картами въ рукахъ, нѣкоторые въ военной формѣ, другіе въ партикулярномъ платьѣ; такъ же какъ всегда, было накурено. И въ остальномъ все, какъ полагается по заведенному порядку: сосредоточенно-озабоченныя лица игроковъ, короткія восклицанія о червахъ и бубнахъ, и нѣсколько скучающихъ фигуръ, присоединившихся къ уголку того или другого столика для безмолвнаго созерцанія чужой игры.

У меня еще звучали въ ушахъ слова швейцара: «развѣ вы не знаете, что государя убили?»—а тутъ эта повседневная картина клубныхъ картежныхъ комнатъ, какъ будто ничего не случилось. И у меня мелькнула мысль: швейцаръ, очевидно, рехнулся.

Въ столовой, однако, около маленькой дверцы, изъ которой былъ ходъ по узенькой и крутой лѣстницѣ въ читальню, дѣйствительно, висѣла припиленная булавкой къ обоямъ бумажка: это и была телеграмма. Еще болѣе взволнованный подтвержденіемъ извѣстія, я бросился наверхъ, въ читальню, къ газетамъ, какъ будто въ нихъ что-нибудь можно было найти о томъ, что совершилось.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось опять увидѣть картежниковъ и на этотъ разъ невольно слышать ихъ разговоръ по поводу совершившагося. И на этотъ разъ не было никакого отступленія отъ установившагося обычая. У одного конца не особенно длиннаго обѣденнаго стола,—я сидѣлъ одинъ у другого конца,—сидѣла небольшая, человѣкъ въ десять-двѣнадцать, компанія только что окончившихъ карточную игру. Были больше военные, въ высшихъ чинахъ, пожилые, старые, большею частью все знакомыя мнѣ лица, хотя мало кого изъ нихъ я и тогда могъ бы назвать по имени. Сколько разъ за этимъ же самымъ столомъ я видѣлъ этихъ же самыхъ «генераловъ», и не одинъ разъ я задавалъ себѣ вопросъ, какое же должны получать жалованіе нѣкоторые изъ этихъ господъ, что такъ часто за ихъ скромными клубными ужинами послѣ картъ появляется шампанское. И на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ шампанскаго: быть можетъ, это былъ заведенный порядокъ для праздничныхъ вечеровъ (1 марта 1881 г. было въ воскресенье); быть можетъ пропивался выигрышъ,—кто ихъ знаетъ, но меня это шампанское на сей разъ какъ-то шокировало. Велся и разговоръ обычнымъ тономъ—тономъ нѣсколько утомленныхъ людей, безъ особеннаго внутренняго интереса къ предмету разговора, какъ и всегда эти люди обмѣнивались замѣчаніями о погодѣ, о картахъ, о балетѣ... Только тема на этотъ разъ для обычно вялой бесѣды была особая. Пока я ждалъ заказанной порціи, я слышалъ, какъ невдалекѣ отъ меня спорили, но безъ всякаго увлеченія, и о томъ, въ какой мундиръ одѣнуть тѣло покойнаго, и о томъ, отъ

какихъ частей какія будутъ дежурства у гроба, и еще о чемъ-то все въ томъ же родѣ. И если бы я не зналъ, что произошло, а только слышалъ этотъ разговоръ, я, право, могъ бы подумать, что умеръ какой-нибудь военный чинъ, товарищъ или знакомый собесѣдниковъ, къ которому, однако, всѣ они были безконечно равнодушны.

Черезъ годъ, по дѣламъ своимъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и завелъ тогда первыя свои знакомства въ литературномъ мірѣ. Событіе 1 марта еще не отошло въ область прошлаго; о немъ еще говорили, какъ о чемъ-то случившемся чуть не наканунѣ. «Ну, спрашивали меня, а у васъ въ Варшавѣ какое впечатлѣніе произвела вѣсть о катастрофѣ?» Мнѣ оставалось только разсказать то, что разсказано выше, быть можетъ, съ какими нибудь еще мелкими но характерными подробностями, теперь ускользнувшими изъ моей памяти. «Запишите,—сказалъ, помнится, кто-то: пригодится для *«Русской Старины»*. Отъ комментаріевъ я воздерживаюсь и не строю никакихъ гипотезъ относительно внутренняго смысла того, что я видѣлъ и слышалъ. Въ одномъ я убѣжденъ: это именно то, что умногихъ не было сколько-нибудь яснаго пониманія того, что совершилось и что отсюда могло или должно было произойти.

Le roi est mort, vive le roi! А политическіе разговоры въ ближайшіе дни шли почти исключительно на тему, кто же кого теперь съѣстъ—«истинно русскій» Апухтинъ или «полякующій» Альбединскій, которому приписывалась особая близость къ покойному государю. О степени политическаго пониманія, конечно, кое-что говоритъ и слѣдующій фактъ.

О манифестѣ 29 апрѣля того же 1881 г. я узналъ случайно на улицѣ отъ одного профессора, пользовавшагося, сказать къ слову, особымъ фаворомъ Апухтина. «Читали манифестъ?»—Какой?—«А вотъ сегодня въ газетахъ; я только что его прочиталъ».—Что же такое? Разскажите.—«Да ничего особеннаго, ну, говорится о необходимости хорошаго воспитанія молодежи и другое въ подобномъ родѣ». Sancta simplicitas! подумалъ я о своемъ истинно русскомъ коллегѣ, когда въ тотъ же день ознакомился съ содержаніемъ манифеста. Это «ничего особеннаго», о которомъ мнѣ тоже не разъ приходилось разсказывать, невольно сближается теперь въ моемъ умѣ съ воскресающими въ моей памяти видѣніями картежной и столовой русскаго клуба въ Варшавѣ позднимъ вечеромъ 1 марта 1881 года.

Н. Карѣевъ.

СПБ.

1 Марта 1907 г.

АНДРЕЙ ФРАНЖОЛИ.

(Очеркъ изъ движенія въ «народъ» въ 70-хъ годахъ и изъ послѣднихъ дней «Народной Воли»).

Въ тяжелые періоды борьбы съ абсолютизмомъ во всѣхъ странахъ появляются свои герои и мученики. Однимъ изъ нихъ бываетъ суждено сдѣлаться знаменитостями, другимъ погибнуть въ неизвѣстности, но если бы мы могли проникнуть въ сокровенную глубину ихъ душъ, то часто убѣдились бы, что и тѣ и другіе были одинаково полны самоотверженія и безкорыстной любви къ свободѣ и человѣчеству.

Едва ли кто нибудь помнитъ теперь Франжоли и Завадскую, за исключеніемъ оставшихся въ живыхъ ихъ товарищей, а между тѣмъ и въ томъ и въ другой скрывались всѣ задатки для того, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стать въ ряду самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей своей родной страны, а героями они всегда были.

Франжоли родился въ бѣдной семьѣ, въ одной изъ тѣхъ жалкихъ квартирокъ города Херсона, гдѣ и до сихъ поръ обитаютъ семьи небогатыхъ ремесленниковъ и «разночинцевъ». Но и въ этомъ уголкѣ господствовало стремленіе пробиться къ свѣту и къ лучшей, въ идеальномъ смыслѣ, жизни. Только непреодолимое препятствіе—недостатокъ матеріальныхъ средствъ могло помѣшать молодому поколѣнію этой вѣчно нуждающейся семьи закончить свое образованіе такъ, какъ имъ хотѣлось этого. Одинъ изъ братьевъ Франжоли передъ поступленіемъ на должность сельскаго учителя попалъ въ Сибирь на каторгу, другой, по недостатку средствъ, получить среднее образованіе, принужденъ былъ еще мальчишкомъ поступить въ булочную.

Только жизнь Андрея Франжоли пошла инымъ путемъ, чѣмъ у большинства людей...

По недостатку матеріальныхъ средствъ онъ долженъ былъ покинуть гимназію послѣ четвертаго класса, но черезъ три года выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго помощника и поступилъ сначала въ одну изъ Херсонскихъ аптекъ. Но и тамъ неугомонная натура и прирожденная любовь къ наукѣ гнала его впередъ все далѣе и далѣе. Она заставляла его цѣлыя ночи проводить надъ книгами и въ 1877 го-

ду (несмотря на всѣ препятствія), онъ подготовился къ поступленію въ Петербургскій Технологическій Институтъ.

Однако сырой климатъ Петербурга сильно повліялъ на его легкія и черезъ годъ онъ снова долженъ былъ возвратиться въ Одессу, чтобы поступить тамъ фельдшерскимъ ученикомъ при городской больницѣ.

Въ это время среди учащейся молодежи только что начиналось большое стихійное движеніе «въ народъ», съ цѣлью слиться съ простой крестьянской массой и идти вмѣстѣ съ ней на бой за освобожденіе своей родины отъ всякаго политическаго, религіознаго и общественнаго гнета. Все живое въ учащейся молодежи было захвачено этимъ движеніемъ съ непреодолимой силой.

Впечатлительная душа Франжоли тоже не могла сопротивляться вліянію этого направленія.

Въ 1872 году у него уже успѣли завязаться близкія связи съ одесскими революціонерами-пропагандистами, во главѣ которыхъ стоялъ тогда Феликсъ Волховской. Этотъ кружокъ былъ, собственно говоря, только отдѣленіемъ образовавшагося въ началѣ 70-хъ годовъ, «Большаго Общества Пропаганды» и называвшагося въ публикѣ «кружкомъ Чайковцевъ» по имени одного изъ своихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ.

Франжоли вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по одесскому кружку тоже рѣшилъ пожертвовать своими научными влеченіями и поступилъ въ концѣ 1873 года народнымъ учителемъ въ одно изъ селеній Борзенскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Но положеніе сельскаго учителя, вѣчно окруженнаго всевозможными стѣсненіями администраціи, не долго удовлетворяло его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ оставилъ это занятіе, уѣхалъ въ Одессу и, посоветовавшись со своими товарищами, почти немедленно возвратился въ то же село, но уже въ рабочемъ костюмѣ и съ цѣлью вести, въ положеніи простаго земледѣльца, социальную-революціонную пропаганду. Какъ и вездѣ, это продолжалось недолго. Въ концѣ того же лѣта онъ былъ арестованъ и послѣ небольшого пребыванія въ Конотопской тюрьмѣ перевезенъ съ двумя жандармскими унтеръ-офицерами въ Нѣжинъ; тамъ онъ пробылъ въ мѣстной темницѣ почти два года, сначала въ одиночномъ заключеніи, а потомъ вмѣстѣ съ М. Кацемъ, тоже арестованнымъ въ началѣ 1876 года за пропаганду въ народѣ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ готовился грандіозный «большой процессъ» пропагандистовъ въ народѣ, гдѣ должны были фигурировать 193 человекъ. Франжоли былъ тоже привлеченъ къ нему и въ августѣ его отправили подъ стражей двухъ жандармовъ въ Петербургъ.

Во время дороги онъ понялъ, что если не воспользуется этимъ случаемъ, то ему уже долго не видать свободы. За нимъ не было еще никакихъ другихъ обвиненій, кромѣ простыхъ разговоровъ объ общественныхъ вопросахъ съ крестьянами, но и это по тому времени грозило каторгой. Не видя никакой возможности обмануть на станціяхъ бдительность жандармовъ, онъ рѣшился наконецъ на отчаянный шагъ. Единственнымъ средствомъ отдѣлать себя отъ стражи—было

войти въ уборную вагона и, затворивъ за собою дверь, оставить унтеръ-офицеровъ стоять за нею... Но это допускалось только во время полнаго хода поѣзда, когда жандармамъ не могло и въ голову притти о возможности для кого нибудь выскочить изъ вагона...

Но для Франжоли теперь не оставалось другого выбора. Онъ долго обдумывалъ свое положеніе и наконецъ рѣшилъ или сдѣлаться свободнымъ и снова бороться за освобожденіе своей родины, или сразу умереть.

Войдя въ уборную онъ плотно прихлопнулъ ея дверь, заперъ ее изнутри задвижкой передъ носомъ сопротивлявшагося этому жандарма и, отворивъ окно вагона, выскочилъ черезъ него на полотно дороги на всемъ ходу поѣзда. Это было на Одесско-Балтійской желѣзной дорогѣ около станціи Раздѣльной. Быстрое движеніе поѣзда бросило его сначала впередъ на шпалы, потомъ, перевернувшись, онъ ударился спиной о какой то столбикъ сбоку полотна, и наконецъ упалъ въ ровъ въ двухъ или четырехъ десяткахъ шаговъ отъ мѣста своего первоначальнаго паденія. Здѣсь онъ нѣсколько минутъ пролежалъ безъ памяти, но, наконецъ, очнулся и, несмотря на страшную боль во всѣхъ своихъ членахъ, съ трудомъ вылѣзъ изъ рва.

Напрягая свои послѣднія силы, шатаясь и падая, онъ направился въ сторону отъ дороги по прилегающему лѣсу. Вся мѣстность кругомъ была ему неизвѣстна, и не было кругомъ ни одной души, которой бы онъ могъ довѣриться, не рискуя немедленно быть выданнымъ. А тревога уже распространилась по всѣмъ окрестностямъ. Встревоженные жандармы сначала остановили поѣздъ, но не найдя бѣглеца по близости, поспѣшили на слѣдующую станцію и устроили на него цѣлую облаву, изъ окружающихъ крестьянъ и рабочихъ ближайшихъ станцій. Нѣсколько часовъ скрывался отъ нихъ Франжоли, направляясь къ югу, параллельно полотну дороги, въ лихорадочномъ жару отъ начавшагося воспаленія въ спинѣ, но, наконецъ, уже въ 20 верстахъ отъ мѣста своего паденія, онъ долженъ былъ выйти снова на полотно, чтобы напиться у избушки желѣзнодорожнаго сторожа. Предупрежденный полиціей сторожъ сейчасъ же задержалъ его и далъ знать жандармамъ на ближайшей станціи. Франжоли былъ снова арестованъ и отправленъ по назначенію въ Петербургскій Домъ Предварительнаго Заключенія, одиночныя камеры котораго почти всѣ были заняты въ это время учащейся молодежью, захваченной еще въ 1874 году въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Но въ Домѣ Предварительнаго Заключенія онъ пробылъ только нѣсколько дней. Его отчаянная попытка къ бѣгству заставила смотрѣть на него, какъ на одного изъ самыхъ рѣшительныхъ и предприимчивыхъ людей и онъ немедленно былъ переведенъ въ Трубецкой равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ уже сидѣли важнѣйшіе дѣятели «процесса ста девяносто трехъ». Только передъ самымъ судомъ его перевезли снова въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Всѣ слѣды паденія и серьезной болѣзни, которую онъ вынесъ потомъ въ мрачныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости, повидимому, были уже залѣчены. Его смуглое лицо южанина казалось мало измѣнившимся отъ продолжительнаго заключенія. Когда насъ вывели всѣхъ

193 обвиняемыхъ изъ нашихъ одиночныхъ камеръ въ коридоръ Дома Предварительнаго Заключенія и поставили въ длинный рядъ между раздѣлявшими насъ жандармами съ саблями на голо, онъ показался мнѣ даже менѣ блѣднымъ и изнуреннымъ, чѣмъ большинство другихъ. Длинной вереницей потянулись всѣ подсудимые по мрачнымъ извилистымъ коридорамъ, соединяющимъ Домъ Предварительнаго Заключенія со зданіемъ Окружного Суда. Тамъ засѣдало уже Особое Присутствіе Правительствующаго Сената. Подсудимые шли по лѣстницамъ и длиннымъ коридорамъ все время раздѣленные другъ отъ друга жандармами съ саблями на голо, то ускорявшими, то замедлявшими свои шаги по командѣ залитаго серебромъ синяго офицера. Всѣ вошли, наконецъ въ одну изъ залъ Окружного Суда, гдѣ, послѣ опроса имени и званія, начали читать обвинительный актъ. На слѣдующіе дни повторилось нѣсколько разъ то же самое, но затѣмъ свиданія заключенныхъ окончились, потому что большинство изъ нихъ отказалось ходить на судъ сената, какъ учрежденія, составлявшаго часть того же самаго правительства, съ деспотизмомъ котораго они боролись. Наконецъ, черезъ три мѣсяца заочнаго суда въ январѣ 1878 г. былъ вынесенъ приговоръ.

Франжоли былъ выпущенъ на свободу вмѣстѣ съ другими «Чайковцами», которые и начали собираться каждый вечеръ въ одной изъ отдѣльныхъ квартиръ Знаменской гостиницы у Перовской. Франжоли тоже принялъ участіе въ ихъ попыткѣ возобновить погибшее въ непосильной борьбѣ «Большое Общество Пропagанды» начала 70-хъ годовъ. Но времена уже сильно перемѣнились. Жизнь выдвинула на первый планъ новыя задачи и возвращеніе къ прошлому было невозможно. Изъ возобновленнаго общества ничего не вышло, кромѣ поселенія Богдановича, Соловьева и Вѣры Фигнеръ съ нѣсколькими товарищами въ Саратовской губерніи, гдѣ имъ удалось продержаться только до весны 1878 года.

Франжоли сначала уѣхалъ на югъ въ свои родныя мѣста. Онъ навѣстилъ тамъ село, гдѣ когда то былъ учителемъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Желябовымъ, который въ это время (осенью 1878 г.) все еще оставался сторонникомъ народническаго направленія, сдѣлалъ попытки обзавестись въ Крыму собственнымъ хуторомъ, гдѣ можно было бы жить на артельныхъ началахъ среди окружающаго простаго народа, не выдѣляясь изъ него ничѣмъ особеннымъ въ матеріальномъ отношеніи.

Но и этому предпріятію не суждено было осуществиться. Самодержавное правительство уже успѣло раскаяться въ своемъ «слишкомъ мягкомъ» приговорѣ по процессу 193. Всѣ изъ участниковъ этого процесса, которые попали на свободу и не успѣли благоразумно скрыться, были неожиданно арестованы и разосланы по сѣвернымъ окраинамъ Россіи. Въ числѣ ихъ былъ и Франжоли.

Его отправили на жительство въ Сольвычегодскъ, куда попала также и одна изъ возвратившихся въ Россію цюрихскихъ студентокъ медичка Евгенія Флоріанова Завадская, его товаришъ по процессу 193-хъ.

Оторванные отъ всего живого міра въ продолженіи полутора лѣтъ, они оба близко сошлись другъ съ другомъ и болѣе уже не разставались до самой смерти, дѣля и радость и горе.

Во время этого ихъ невольнаго отсутствія въ центрѣ политической жизни Россіи снова произошли перемѣны первостепенной важности. Возникло и окончило свое существованіе общество «Земли и Воли», и завязалась вооруженная борьба Исполнительнаго Комитета «Народной Воли» съ царившимъ въ Россіи абсолютизмомъ. То тамъ, то здѣсь раздавались выстрѣлы и взрывы въ отвѣтъ на смертныя приговоры военныхъ и сенатскихъ судовъ надъ всѣми выдающимися дѣятелями освободительнаго движенія. Ни Франжоли, ни Завадская не могли оставаться безучастными зрителями этой героической борьбы своихъ бывшихъ товарищей за свѣтъ и свободу и ихъ гибели одного за другимъ въ тюрьмахъ и на эшафотахъ. Въ февралѣ 1880 года, почти одновременно съ взрывомъ въ Зимнемъ Дворцѣ, они оба бѣжали изъ ссылки, избравъ для большей вѣрности обходную дорогу черезъ Казань. Въ Казани у нихъ не было ни одной души знакомыхъ, денегъ до Петербурга не хватало, всѣ адреса знакомыхъ по другимъ городамъ были утрачены. Чувствуя безвыходность своего положенія, Франжоли пошелъ по направленію къ университету и, обратившись къ одному изъ выходившихъ студентовъ, фізіономія котораго ему показалась симпатичной, рассказалъ ему все. Его довѣріе не оказалось напраснымъ. Студентъ отвелъ его и Завадскую къ своимъ товарищамъ. Обоимъ дали надежное убѣжище, и собравъ между собою необходимое количество денегъ, отправили ихъ въ Москву.

Въ Москвѣ они сошлись съ мѣстными представителями «Народной Воли», направившими ихъ въ Петербургъ, гдѣ, почти тотчасъ же по пріѣздѣ, они оба были приняты въ члены «Исполнительнаго Комитета».

Однако годы страданій и лишеній уже сильно надорвали въ это время силы Франжоли. Если бы не самоотверженныя заботы жены, онъ не былъ бы способенъ такъ энергично работать для распространенія организаци «Народной Воли», какъ это онъ дѣлалъ въ восьмидесятомъ году. Его вліяніе на постороннихъ лицъ, приходившихъ съ нимъ въ личныя сношенія, было настолько замѣтно, что лѣтомъ 1880 года его специально командировали вмѣстѣ съ Завадской въ Москву для возстановленія ослабѣвшей тамъ организаци. Зимой онъ снова возвратился въ Петербургъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ редактированіи только что возникшей тамъ подпольной «Рабочей Газеты». Въ это время уже установились у Исполнительнаго Комитета сношенія съ Ширяевымъ и Нечаевымъ, заключенными на всю жизнь въ таинственномъ Алексѣевскомъ Равелинѣ, расположенномъ тогда на маленькомъ отдѣльномъ островкѣ подъ семью баціонами Петропавловской крѣпости. Въ этомъ страшномъ мѣстѣ одиночнаго заключенія, куда по временамъ въ тѣ годы можно было видѣть входящихъ, но никогда выходящихъ, существовала особая стража, уже сильно поддававшаяся вліянію заключеннаго тамъ въ продолженіи 9 лѣтъ Нечаева. Но у Нечаева не было въ Петербургѣ ни единой души знакомыхъ, и потому онъ и не могъ воспользоваться расположеніемъ къ нему значительнаго числа равелинскихъ солдатъ. Только послѣ заключенія туда Ширяева сношенія равелинцевъ съ дѣйствующими революціонерами установились: какъ только Франжоли пріѣхалъ въ Петер-

бургъ, Исполнительный Комитетъ началъ готовить побѣгъ обоимъ заключенныхъ при содѣйствіи сторожившихъ ихъ солдатъ. Франжоли, умѣвшій лучше всякаго другого внушать къ себѣ довѣріе простыхъ людей, принялъ на себя руководящую роль въ этомъ предпріятіи, но быстро усиливавшаяся хроническая болѣзнь скоро сдѣлала для него невозможнымъ выходить изъ своей квартиры. Руководство предпріятіемъ было передано другому, но затѣмъ дѣло пошло на замедленіе, потому что всѣ выдающіяся силы Комитета были сосредоточены въ это время на подготовленіи покушенія 1-го марта.

Почти инвалидъ, неспособный уже не только ходить, но даже и двигаться, Франжоли не былъ въ это время годенъ для активной революціонной работы, при которой его вліяніе, какъ говорятъ, было не меньше вліянія его давнишняго друга Желябова, еще не сдѣлавшагося такой революціонной знаменитостью, какой онъ сталъ послѣ своей казни по дѣлу 1-го марта. Но эта самая болѣзнь и обусловливаемая ею необходимость вѣчно сидѣть дома дѣлали его наиболѣе удобнымъ для устройства такого предпріятія, мѣсто котораго должно было особенно бдительно и непрерывно охраняться. Такимъ предпріятіемъ въ то время была мастерская ручныхъ бомбъ и динамита для наиболѣе важнаго изъ всѣхъ наступательныхъ ударовъ Исполнительнаго Комитета, подготовлявшагося къ 1-му марта. Франжоли, уже неспособный болѣе бѣжать въ случаѣ опасности, предложилъ себя въ хозяева этой тайной мастерской. Предложеніе было принято Комитетомъ и Кибальчичъ съ Грачевскимъ перенесли къ нему свою химическую лабораторію.

Послѣ 1-го марта, когда по настоянію Льва Тихомирова и его сторонниковъ, при сильной оппозиціи остальныхъ, всѣ дальнѣйшія вооруженныя дѣйствія Исполнительнаго Комитета были приостановлены, Франжоли вмѣстѣ съ Завадской согласился уѣхать для излеченія на Кавказъ.

Тамъ пробылъ онъ все лѣто. А въ столицахъ тѣмъ временемъ произошли опять сильныя перемѣны.

Въ дѣятельности заговорщиковъ противъ самодержавнаго правительства каждый просроченный день есть торжество ихъ враговъ. Все равно: дѣйствуютъ заговорщики, или бездѣйствуютъ, каждый лишній часъ приноситъ имъ одинаковую опасность быть открытыми и захваченными. Даже больше: при бездѣйствіи революціонеровъ слуги господствующаго абсолютизма могутъ совершать свои розыски спокойнѣе и цѣлесообразнѣе.

Пока Исполнительный Комитетъ выжидалъ результатовъ уже совершенныхъ имъ революціонныхъ ударовъ, умышленно не предпринимая никакихъ другихъ, его важнѣйшіе дѣятели въ Петербургѣ были арестованы и заточены въ рavelинахъ Петропавловской крѣпости. Добровольное бездѣйствіе скоро превратилось въ бездѣйствіе безсилія и ослабленія. Мало-по-малу началась дезорганизація. Взамѣнъ поощренія вновь возникающихъ группъ къ вооруженной борьбѣ Комитетъ сталъ сдерживать эту борьбу. Напрасно Вѣра Фигнеръ, Богдановичъ и нѣкоторые другіе напрягали всѣ усилія, чтобы возобновить прежній героическій періодъ дѣятельности «Народной Воли». Сдѣланная послѣ 1 марта политическая ошибка бездѣйствія была непоправима...

Больной Франжоли возвратился обратно съ Кавказа въ Москву, чтобы участвовать въ попыткахъ возстановленія былой силы организации, хотя у него и началось уже медленное разрушеніе костей отъ какой то хронической болѣзни. Завадская съ неслышаннымъ самоотверженіемъ все время ухаживала за нимъ. Въ виду полного безсилія партіи продолжать вооруженную борьбу, дѣятельность «Народной Воли» въ эти дни направлялась на болѣе легкое занятіе—пропаганду среди рабочихъ. Франжоли и Завадская пытались организовать къ протесту гонимыхъ въ то время раскольниковъ и завели съ ними сношенія. Но изъ этого ничего не вышло.

Въ Москвѣ опять начались аресты и оба были принуждены бѣжать въ провинцію. У Франжоли кости въ это время до того ослабли, что стали ломаться отъ простыхъ неосторожныхъ движеній. Однако онъ все еще не хотѣлъ уѣзжать, какъ ему совѣтовали всѣ товарищи, за границу и скрывался до самаго февраля 1883 г., когда была выдана и арестована послѣдняя блестящая представительница стараго періода «Народной Воли»—Вѣра Фигнеръ. Пытаться продолжать дѣло въ старомъ героическомъ родѣ послѣ ея ареста казалось невозможнымъ, особенно для лежащаго въ постели больного. Никакого энергичнаго и умѣлаго дѣятеля не было видно въ этотъ печальный періодъ деморализаціи и упадка общества. Франжоли и Завадская рѣшили временно уѣхать за границу.

Дорогой при переноскѣ у Франжоли сломалась рука. Нога была переломлена еще раньше. Приѣхавъ въ Женеву, онъ уже не могъ сдѣлать ни одного быстрого движенія безъ опасности новыхъ переломовъ. Въ ногахъ началась водянка, въ легкихъ—воспаленіе. Вся жизнь его была теперь лишь медленная агонія, а жизнь не разстававшейся съ нимъ ни на минуту Завадской—одинъ рядъ сплошныхъ терзаній за него. Однако оба героически выносили свое положеніе и принимали живое участіе во всѣхъ новыхъ замыслахъ своихъ товарищей возобновить прежнюю борьбу и не разъ мечтали снова возвратиться въ Россію.

Но ни одному изъ нихъ не было уже суждено этого. 6 августа 1883 года пришедшій къ нимъ товарищъ-эмигрантъ нашелъ обоихъ на постели холодными. Франжоли умеръ отъ своей неизлѣчимой болѣзни, Завадская—отъ огромнаго приѣма опія послѣ его смерти. Она не могла пережить своего несчастнаго друга, потому что не видѣла въ близкомъ будущемъ никакой надежды на новый героическій приступъ борьбы.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и новыя, молодыя и полныя силъ поколѣнія пришли на смѣну старымъ борцамъ за свободу. Никто теперь не помнитъ ни Франжоли, ни Завадской. Но и ихъ доля есть въ томъ могучемъ потокѣ жизни, какимъ разлился теперь ручей освободительнаго движенія 70-хъ гг.

Оба были типическими представителями того матеріала, изъ котораго строился когда то «Исполнительный Комитетъ Народной Воли» въ самый громкій періодъ своей дѣятельности.

Николай Морозовъ.

Послѣ первого марта 1881 года.

Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ новаго государя, происходившее 8-го марта 1881 года и посвященное обсужденію проекта графа Лориса-Меликова, не внесло опредѣленнаго курса въ дѣятельность высшаго правительства ¹⁾. Правда, проектъ не прошелъ, но отъ него не отказались окончательно, какъ не былъ окончательно отринутъ и либеральный путь въ политикѣ. Первые недѣли послѣ катастрофы прошли въ колебаніяхъ. Колебанія эти отнюдь не вызывались перемѣнами въ настроеніи новаго государя, который высказался противъ малѣйшихъ либеральныхъ попытокъ, еще будучи наслѣдникомъ. Колебанія объяснялись исключительно возможностью ошибаться въ оцѣнкѣ момента и значенія дѣйствующихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ силъ страны. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, правительство было склонно считать революціонеровъ гораздо болѣе сильными и могущественными, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Вспомнимъ, что много позже, когда правительство нанесло уже сильные удары революціонной партіи, оно все-таки считало возможнымъ и нужнымъ вступить въ переговоры съ „Народной Волей“. Періоды колебаній отъ одной системы управленія къ другой противоположной, переходовъ отъ однихъ совѣтчиковъ къ другимъ—характерная черта исторіи верховной власти въ Россіи во вторую половину прошлаго вѣка.

Первое время послѣ смерти Александра II убѣжденные и послѣдовательные реакціонеры, которые въ царствованіе царя-миротворца явились вершителями судебъ Россіи, еще не сѣмѣли сплотиться и оказать мощную поддержку своему государю. Но уже въ засѣданіи 8-го марта выдѣлился чловѣкъ съ руководящимъ вліяніемъ: это—К. П. Побѣдоносцевъ. Впрочемъ, періодъ колебаній продолжался недолго, но въ мартѣ и апрѣлѣ мы наблюдаемъ рядъ правительственныхъ начинаній, весьма противорѣчащихъ одно другому и по сущности и по мотивамъ. Члены правительства тасуются подобно картамъ въ колодѣ. Никто не можетъ отвѣтить на вопросъ, кто же сидитъ прочно. Моментами кажется, будто даже Лорисъ-Меликовъ пользуется вліяніемъ.

¹⁾ Объ этомъ засѣданіи см. статью П. Е. Щеголева, „Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879—1881 годахъ“ (Былое, 1906, № 12) и замѣтку въ январской книгѣ „Былого“ за 1907 годъ.

На страницахъ дневника ¹⁾ графа П. А. Валуева, бывшаго тогда председателемъ Комитета Министровъ, но уже утратившаго все свое значеніе и лишь наблюдавшаго ходъ событій, мы находимъ любопытныя свидѣтельства о сумятицѣ, царившей въ это время въ правящемъ Петербургѣ. Старый царедворецъ, онъ старался держать въ своихъ рукахъ нить придворныхъ интригъ, умѣло читалъ смыслъ всякаго назначенія и давалъ точныя объясненія изнанкѣ всѣхъ „мѣропріятій“. Просматривая въ сентябрѣ 1882 года свой дневникъ, Валуевъ сдѣлалъ слѣдующій итогъ вліяніямъ съ 8-го марта по 29-е апрѣля:

„Въ теченіе всего періода царствованія съ 8-го марта по 29-е апрѣля, противоположныя теченія скрещивались около государя, и на первый взглядъ могло казаться, что то одно, то другое брало верхъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ продолжалъ, т.-е. сказать наружно играть прежнюю роль; но въ сущности онъ утратилъ свое руководящее или рѣшающее значеніе. Безпрерывно обнаруживались отрывочныя вліянія Побѣдоносцева и гр. Воронцова, преимущественно по части личныхъ назначеній и аномальной независимости дѣйствій, предоставлявшейся разнымъ лицамъ. Градоначальникъ Барановъ былъ самымъ рѣзкимъ выраженіемъ того и другого. Ни гр. Лорисъ-Меликовъ, ни его вдохновитель Абаза не рѣшались бороться съ этими вспышками прямого самодержавія. Они думали, какъ выразился Абаза, что пора такихъ вспышекъ пройдетъ и они успѣютъ окончательно утвердиться на своей почвѣ и утвердить за собою прочное вліяніе. Послѣдствія показали, что они ошиблись. Между тѣмъ рядомъ съ ними и съ Побѣдоносцевымъ, съ гр. Воронцовымъ начинало упрочиваться еще другое вліяніе въ лицѣ гр. Игнатьева“.

Приведемъ изъ дневника нѣкоторые наиболѣе характерныя отрывки о положеніи лицъ и событій.

11 марта. Вчера въ Комитетѣ Министровъ — нѣчто вродѣ сцены между Абазою и Маковымъ. Послѣдній безъ надобности и безъ предусмотрительности и такта, послѣ происшедшаго 8-го числа Совѣта, пустился въ длинныя разсужденія по винокуренію, не соглашаясь съ однимъ пунктомъ заключенія Министра Финансовъ по дѣлу о ходатайствѣ Екатеринославскаго Дворянства. Когда я спросилъ Министра Финансовъ, не сочтетъ ли онъ нужнымъ со своей стороны что-либо объяснить, онъ сухо отвѣтилъ: „нѣтъ“, и дѣйствительно оставилъ элукубраціи Макова безъ всякаго вниманія и отвѣта. Всѣмъ стало неловко. Я далъ этому эпизоду оборотъ выражаемаго такимъ образомъ несогласія Министра Финансовъ съ Министромъ Почтъ и настоянія на своемъ мнѣніи, — чѣмъ дѣло и окончилось.

Маковъ написалъ мнѣ въ теченіе дня нервную записку, которая могла во мнѣ возбудить предположеніе о намѣреніи личнаго вызова, или требованія т. н. сатисфакціи. Позже онъ былъ у меня и оказалось, что онъ разумѣлъ дѣло иначе. Въ городѣ

¹⁾ Мы пользуемся современной копіей этого дневника.

распространились слухи о выходѣ въ отставку гр. Лорисъ-Меликова и Абазы, и Маковъ, предполагая, что это случилось изъ-за него (?!), хотѣлъ заявить Государю, что лучше пожертвовать имъ, Маковымъ, чѣмъ Абазою.—Satis.

Градоначальникомъ назначенъ Г.-М. Барановъ, — извѣстный по столкновенію съ Генераломъ-Адмираломъ.—Характеристично и знаменательно въ отношеніи къ сему послѣднему.—Предсѣдатель въ будущемъ совѣщаніи по квадратурѣ круга реформъ будетъ, говорятъ, Великій Князь Владиміръ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ въ лагерѣ Michel I-er—большой переполохъ. Что будетъ,—теперь предусмотрѣть невозможно. Слишкомъ много игры въ жмурки въ нашей правительственной сферѣ.

15 Марта. Вчера опять дежурилъ при панихидѣ въ 12 дня. Видѣлъ на этотъ разъ всѣхъ иностранныхъ Принцевъ и Принцессъ въ Соборѣ. Принцесса Валлійская—замѣчательно хороша и что называется *élégante*. Время у нея, до сихъ поръ, еще ничего не отняло.

Третьяго дня былъ у Кронпринца Прусскаго, вчера—у Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго, по ихъ желанію. Съ тѣмъ и другимъ—довольно продолжительные разговоры о нашихъ дѣлахъ. Замѣчательно, что подобныя бесѣды до сихъ поръ были невозможны съ какимъ бы то ни было Русскимъ Августѣйшимъ лицомъ. Даже покойная великая княгиня Елена Павловна имѣла извѣстный *pli*, который для меня, по крайней мѣрѣ, былъ постоянною пыткой.

У входа въ Соборъ видѣлъ вчера въ первый разъ новаго градоначальника. И это назначеніе—*signum temporis*. Оно состоялась помимо Michel I-er, хотя Michel I-er утверждаетъ противное. Curriculum: Московская выставка, „Vesta“, добровольный флотъ, судебное дѣло, утрата вензелевыхъ аксельбантовъ и удаленіе изъ службы, вступленіе въ нее вновь, въ артиллерійскомъ мундирѣ, командировка за границу по полицейской части,—губернаторство въ Ковно,—и теперь С.-Петербургское градоначальство.

Послѣ уставной пальбы, когда новый Государь и Императрица вышли изъ церкви, — заиграла по прежнему молчаливая двѣ недѣли военная музыка, войска и случайные представители устроеннаго полицейскими предосторожностями „народа“ кричали ура. Новое царствованіе вполне заняло мѣсто предшедшаго.—Да благословитъ оное Богъ.

19 марта. Указомъ, состоявшимся 16 вечеромъ, но опубликованнымъ вчера, 18-го, Министерство Почтъ и Телеграфовъ упразднено и эти части воссоединены съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Маковъ ничего о томъ не вѣдалъ и узнать случайно 17-го въ 3 часа пополудни отъ забѣжавшаго къ нему ген. Богдановича, а затѣмъ отъ меня, забѣжавшаго изъ Комитета Министровъ, гдѣ и самъ получилъ первую о томъ вѣсть отъ Министра Юстиціи. Комментаріи излишни.

Маковъ назначается, конечно, членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ сентябрѣ 1882 года Валуевъ приписалъ къ этому мѣсту дневника слѣдующее:

«Внезапное и безъ соблюденія всякихъ обычныхъ предвареній состоявшееся упраздненіе Макова можетъ быть объяснено только прежнимъ на него наговоромъ по части перлюстраціи. Гр. Лорисъ-Меликовъ воспользовался накопившеюся въ Государствѣ „гипсине“, ип сколько впрочемъ не заслуженною. Въ отношеніи къ Макову просѣдѣ былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что онъ письменно испрашивалъ аудіенцію по званію Министра Почтъ, но отвѣта на просьбу не получилъ и безъ всякаго предувѣдомленія былъ списанъ со списка министровъ, хотя и съ оставленіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Ему не помогла и рѣзкая оппозиціи гр. Лорисъ-Меликову въ засѣданіи 8-го марта, соединенная съ подобающимъ восхваленіемъ самодержавія».

Съ тѣхъ поръ Маковъ не видалъ Государя, не имѣвъ безусловно обязательнаго повода ему представиться.

Продолжаемъ выписки изъ дневника подѣ 19 марта 1881 г.

«Вчера гр. Лорисъ-Меликовъ будто бы сказалъ представлявшемуся (по почтамъ) Перфильеву, что у него будетъ другой начальникъ. Кн. Урусовъ говорилъ мнѣ также, что изъ лагеря Скальковскихъ будто бы идетъ новый слухъ объ уходѣ гр. Лорисъ-Меликова. Ничего не разберешь и я никому и ничему не вѣрю, но все невозможное признаю возможнымъ.

Сегодня газеты извѣщаютъ объ особомъ совѣтѣ выборныхъ при градоначальникѣ. Нѣчто въ родѣ выборовъ *a deux degrés*... *Erratica* множатся. ¹⁾

Выборы во временный Совѣтъ Градоначальника состоялись вчера. Замѣчательно, что первымъ, по числу голосовъ (176), оказался ген. Треповъ. Избирателей (2-ой ст. *wahlmänner*) было около 228.

Въ общемъ положеніе дѣлъ—пока нѣтъ просвѣта.

23 марта. Эрратическій ходъ дѣлъ продолжается и изъ драмы порою переходитъ въ комедію. Окапываются дворцы; запрещаютъ ходить по ихъ панелямъ; временный совѣтъ при Градоначальникѣ воображаетъ, что онъ призванъ управлять полиціей и самимъ градоначальникомъ; Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ступался и даже не обнаруживаетъ никакого участія въ дѣлахъ охраненія или возстановленія общественнаго порядка въ столицѣ; патріотическое балагурство Москвы продолжается подѣ ладъ призыванія туда центральной власти и Аксаковского лозунга: „пора домой“, т. е. въ Китай-городъ; однимъ словомъ, нигдѣ настоящаго правительственна не видно и ни въ чемъ направляющая и объединяющая правительственная идея не обнаруживается. Быстро катится шаръ по наклонной плоскости и надтрескивается.

24-го марта. Горизонтъ болѣе и болѣе хмурится. Кавалерійскій кордонъ кругомъ города и заставы.—Безуміе!

Вчера былъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Тамъ какъ будто

¹⁾ Ниже мы сообщимъ кое-какіе данныя объ этомъ „бараньемъ“ парламентѣ.

ничего не сбылось. Не видать Michel I-ег. Онъ обозначаетъ свою должность только своимъ присутствіемъ въ Аничковскомъ дворцѣ. Градоначальникъ хозяйничаетъ, докладываетъ и опять хозяйничаетъ, какъ будто диктатора „новыхъ вѣяній“ никогда не бывало. Безсознательный, но не самоотверженный Валленродъ изъ армянъ.

25-го марта. Валленродъ окончательно подпалъ подъ руководство Министра Финансовъ. Онъ, т.-е. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, ежедневно видитъ Государя и по соглашенію съ Эгеріей-Абазой проводитъ перемѣны въ личномъ составѣ нашего pseudo—кабинета... Вчера, наконецъ, спущенъ Сабуровъ. Онъ замѣщенъ барономъ Николаи. Далѣе спускается кн. Ливенъ и замѣняется гр. Игнатьевымъ.

Возмездіе расточается выше. Маковъ поплатился за униатовъ; кн. Ливенъ—за порядочно гнусное себялюбіе и, могу сказать, порядочно гнусную неблагодарность; Сабуровъ за то, что при недалекомъ умѣ думалъ выѣхать на новыхъ вѣяніяхъ. Великій князь Генераль-Адмиралъ также будетъ спущенъ на дняхъ сперва въ отпускъ, а тамъ и радикально. Ему по дѣломъ, за разное, по всѣмъ частямъ причиненное зло и за низость преклоненія передъ бессодержательнымъ временщикомъ...

На дняхъ Государь переѣзжаетъ въ Гатчину. Мѣра о двухъ цвѣтахъ.

Между тѣмъ наложенъ тормазъ на нѣкоторыя проявленія самодурства новаго градоначальника. Отмѣненъ кавалерійскій кордонъ вокругъ столицы. Но ген. Барановъ еще силенъ въ Аничковскомъ и Абаза мнѣ еще вчера говорилъ: „il faut laisser passer le tourbillon.“

Вчера же Ихъ Императорскія Величества переѣхали въ Гатчину. Переѣздъ, изъ предосторожности, приготовленъ и совершенъ безъ огласки.

Какой эпизодъ для системы и періода „умиротворенія“ pseudo диктаторомъ!

Бывшій Самодержецъ—въ могилѣ; нынѣшній—en charte privée въ Гатчинѣ. Продолжаютъ говорить о единеніи Царя и „народа“, о разныхъ видахъ вѣрноподданническаго усердія и самоотверженія, и пр., и пр.; а между тѣмъ Гатчина и процессъ, въ которомъ Желябовъ рисуется героемъ своихъ доктринъ,—власти играютъ весьма блѣдную роль, а Министры ѣздятъ въ суды, какъ въ спектакль.

29-го марта. Замѣчательна близорукость нашихъ властей. Процессъ о царевубійствѣ ведется такъ, что наиболѣе видную роль играютъ подсудимые и отчеты о засѣданіяхъ такъ печатаются, что они могутъ выставять себя героями-жертвами, воевавшими за народъ... „Иностранцы изумляются“. Но Министръ Юстиціи вѣроятно доволенъ.

„Никогда,—говорилъ онъ мнѣ, съ торжествующей фізіономіей, еще до начала процесса, такое дѣло не было такъ хорошо обставлено“!!!

30-го марта. Гатчинскіе порядки еще не установились. Городъ полонъ толковъ и слуховъ. Иностранцы изумляются и глумятся.

„Ein Land“,—сказалъ сегодня графинѣ Клейнмихель ген. Швейницъ,—„wo gen. Ignatieff, Baranoff und Benkendorff eine rolle spielen können!“

Утромъ былъ гр. Коцебу. Онъ рассказывалъ, что третьяго дня, на лекціи проф. Соловьева, въ Солянѣ городкѣ, онъ будто бы сказалъ, что если Государь будетъ дѣйствовать въ духѣ русскаго народа, не сочувствующаго смертной казни,—онъ помиуетъ цареубійцъ. Ему хлопали и только отставной военный, подойдя къ оратору, ему пригрозилъ кулакомъ. Проф. Груберъ, медицинской хирургической академіи,—сказалъ Австрійскому послу, что все студенты пропитаны однимъ духомъ и онъ затруднился бы указать, кого изъ нихъ слѣдовало бы повѣсить.

1-го апрѣля. Вчера въ комитетахъ министровъ и кавказскомъ были въ первый разъ гр. Игнатъевъ и баронъ Николай... Michel I-er какъ будто развѣнчанъ, но любезенъ, смиренъ и по кавказскимъ дѣламъ замѣчательно толковъ. Какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,—ни единого признака сознанія своей роли и памятованія своихъ дѣйствій.

4-го апрѣля. Вчера на Семеновскомъ плацу казнены пять участниковъ 1-го марта. Шестая, Еврейка Гельфманъ,—беременна.

Въ мірѣ дѣлъ—одни слухи. Только гр. Воронцовъ выступилъ въ новой роли охраннаго „maire du palais“ въ Гатчинѣ. Ему подчинены, по части охраны Высочайшихъ Особъ, все власти.

8-го апрѣля. Вчера въ комитетѣ министровъ слышалъ отъ Абазы, что великій князь Михаилъ будетъ предѣвателемъ Государственнаго Совѣта и Кавказское намѣстничество преобразится въ Генералъ-Губернаторство. Кн. Горчакову избобрѣтенъ юбилейный подарокъ—двойной портретъ. Видѣлъ кн. Паскевича. Вслушиваясь въ рѣчи людей его круга, болѣе и болѣе укореняется смутное ощущеніе безнадежности нашего общественнаго положенія.

Узналъ разныя дополнительныя низости,—притомъ злыя низости, князя Ливена.

Князь Павелъ Вяземскій замѣняетъ временно ушедшаго наконецъ въ Сенатъ Абазу—печати.

10-го апрѣля. Третьяго дня было совѣщаніе у Великаго Князя Михаила Николаевича по вопросу о новыхъ формахъ кавказскаго управленія. Въ тотъ же вечеръ послалъ Великій Князь, въ видѣ „Punctuation“, сущность заявленныхъ мною въ совѣщаніи предложеній.

18-го апрѣля. Вчера я оказался юбиляромъ за 50 лѣтъ службы...

Государемъ присланъ Рескриптъ, заурядный, безъ всякой приписи и даже передѣланный,—кажется при содѣйствіи Побѣдоносцева,—чтобы его сдѣлать позауряднѣе противъ проектированнаго Государственнымъ Секретаремъ Перетцемъ.

Баронъ Веліо замѣщенъ (по Департаменту полиціи), прокуроромъ Плеве.

21-го апрѣля. Третьяго дня былъ въ Гатчинѣ для благодаренія. Обѣдня, потомъ завтракъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ. Императрица была любезна. Государь любезенъ, но „lauwarm“.

18-го ѣздилъ благодарить Великихъ Князей, бывшихъ у меня 17-го. Великій Князь Константинъ Николаевичъ мнѣ прямо высказалъ, что ему „приказано уѣхать, но что для избѣжанія скандала позволено, пока,—дождаться закрытія сессіи Государственнаго Совѣта“.

Вечеромъ получилъ отъ графа Лорисъ-Меликова приказаніе Государя отложить сегодняшнее засѣданіе Комитета министровъ, потому что нѣкоторые „Министры“ вызваны въ Гатчино, для особаго совѣщанія.—Это второе мнѣ предостереженіе. Первое заключалось въ Рескриптѣ... Между тѣмъ Великій Князь Владимиръ мнѣ говорилъ, что я буду вызванъ. I will keep my temper to the last.

Государь сказалъ о графѣ Игнатъевѣ, что хорошо, что онъ у „дѣлъ“, потому что „настоящій коренной Русскій“ (sic).

Чѣмъ дальше, тѣмъ сообщенія Валуева становятся все интереснѣе:

24-го апрѣля. По словамъ Абазы въ Гатчинѣ происходило слѣдующее: Рѣчь шла о томъ, что сильное Правительство должно быть единодушнымъ, и слѣдовательно нужно нѣчто въ родѣ „Кабинета“; нужно, чтобы Министры прямо докладывали Государю только по предметамъ своего спеціальнаго вѣдѣнія, а по всѣмъ общимъ вопросамъ предварительно между собою совѣщались и соглашались, а въ случаѣ несогласія испрашивали Высочайшаго указанія. Далѣе нужно, чтобы Министры, по своимъ убѣжденіямъ несогласные съ внесенными мѣропріятіями, уходили,—а въ случаѣ неухода,—были увольняемы.—Однимъ словомъ, говорилъ мнѣ Абаза, „tout a été fortement souligné et le resultat a dépassé l'attente“.

Между прочимъ Абаза прямо говорилъ о невозможности писать и ссылаться на какія нибудь газеты, какимъ нибудь министрамъ за спиною своихъ товарищей,—прямое указаніе на Побѣдоносцева и „Московскія Вѣдомости“. Вообще Абаза понимаетъ результатъ въ смыслѣ побѣды надъ Побѣдоносцевымъ. Государь, по словамъ Абазы, d'un air grave, mais calme, поддался на все это, но сказалъ, что „ненужно особаго предсѣдателя, что „они“ должны собираться у „кого-нибудь“, и что ихъ „совѣщанія“ должны происходить помимо обычныхъ дѣлъ Комитета Министровъ“.

Затѣмъ въ концѣ совѣщанія оказалось, что къ г.г. Министрамъ наличнымъ присоединялся tacite В . . . К . . . В Сіе оказалось во фразѣ съ его стороны съ мѣстоимѣніемъ: „мы“. Нѣлицо были: Графъ Лорисъ-Меликовъ, Абаза, Графъ Игнатъевъ, Набоковъ, Баронъ Николаи, Побѣдоносцевъ и Графъ Милютинъ. Имъ предоставлено приглашать и Министра Путей Сообщенія, когда сочтутъ нужнымъ, и Государственного Контролера.—Князь Урусовъ и Принцъ Ольденбургскій (Главначальствующіе), признаны не изъ нужныхъ. Въ концѣ концовъ Графъ Лорисъ-Меликовъ и Абаза чрезвычайно довольны.

Изъ всего этого оказывается, по моему мнѣнію, что мы только вступили въ новый кругъ недоразумѣній.

1. Государь не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что желалось и что рѣшено. Онъ между прочимъ сказалъ: „вы соберетесь раза два на недѣлѣ, а потомъ я васъ вновь соберу“. Ergo,—предполагалось, съ его стороны, что какой нибудь *arsanum* будетъ найденъ *in continenti*. Между тѣмъ члены Совѣщанія имѣли преимущественно въ виду нѣчто вродѣ новаго постоянного устройства въ механизмѣ дѣлъ.

2. Государь отдѣлялъ Комитетъ Министровъ отъ „Кабинета“, между тѣмъ они весьма мало помышляли объ отдѣльности Комитета.

3. Государь считалъ Предсѣдателя „Кабинета“ ненужнымъ и придавалъ ему Великаго Князя Владимира, а члены Совѣщанія были на Предсѣдателя и не помышляли о Великомъ Князѣ.

4. Кромѣ того въ Совѣщаніи была рѣчь о будущемъ участіи „земскихъ людей“, въ надобности или ненадобности какого нибудь Манифеста и т. п., но всѣ эти вопросы остались пока неразрѣшенными. Однимъ словомъ, кромѣ мысли объ особомъ, такъ сказать руководящемъ или привилегированно-довѣренномъ отдѣлѣ Министерства, составленномъ изъ излюбленныхъ людей, никакая другая мысль не установилась. Далѣе видно, что Графъ Лорисъ-Меликовъ нѣсколько отдѣльно отъ Абазы билъ на роль *premier'a*, — но пока цѣли не достигъ.

Мое личное положеніе среди всего этого весьма неопредѣленно и щекотливо.

... Не хочу быть стѣсненъ и не хочу натолкнуться на несоблюденіе приличій. . .

27-го Апрѣля. Есть какое-то расхожденіе взглядовъ между Государемъ и Великимъ Княземъ Владимиромъ. . .

Вообще на здѣшней сценѣ все спутано. . . Туманные картины. Точнѣе *dissolving views*.

За гр. Воронцовымъ прячутся разные, болѣе, чѣмъ онъ самъ, грамотные сочинители разныхъ проектовъ.

28-го апрѣля. *Alea jacet*. Вчера — Государственный Совѣтъ. Не совѣщаніе, — а представленіе по дѣлу о выкупѣ и пр.

30-го апрѣля. Вчера два событія: 1. Наконецъ парадъ войскамъ, — торопливый, но все-таки парадъ, гдѣ войска видѣли Государя. 2. Манифестъ, подписанный яко бы вчера, — чтобы не быть гатчинскимъ, — а то бы нельзя угадать почему. Манифестъ, самъ по себѣ, въ комментаріяхъ не нуждается. Этотъ первый актъ *du „cabinet homogène“* сохранить навсегда историческое значеніе.

1-го мая. *Imbroglia* до того обостряется, что я ничего не могу понять въ происходящемъ. Говорятъ, что Манифестъ изданъ безъ вѣдома гр. Лорисъ-Меликова, Абазы и гр. Игнатьева. Последнему рѣшительно не везло.

2-го мая. Ходъ дѣла былъ слѣдующій. Во вторникъ вечеромъ наканунѣ парада, „гомогенный“ кабинетъ собрался при Великомъ Князѣ Владимірѣ у гр. Лорисъ-Меликова. Министръ юстиціи пріѣхалъ поздно и молчалъ. Около полуночи Великій князь уѣхалъ. Тогда Набоковъ заявилъ о Манифестѣ. — Какой мани-

фестъ? — Общее изумленіе. Набоковъ предъявляетъ бумагу. — Откуда? — Отъ Побѣдоносцева. Печатается. Завтра будетъ разосланъ. Затѣмъ перекрестные вопросы и бурная сцена, въ которой, какъ говорятъ, Министръ Финансовъ совершенно выходилъ изъ себя, предлагалъ всѣмъ коллективно подать въ отставку, съ экстреннымъ поѣздомъ ѣхать въ Гатчину и пр., и пр. . . Гр. Игнатьевъ оказался болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Онъ стоялъ разными ногами въ разныхъ лагеряхъ. Гр. Милютинъ относился къ дѣлу хладнокровно, а Побѣдоносцеву пришлось выслушать непріятныя рѣчи. Въ среду въ день парада Министръ Внутреннихъ Дѣлъ написалъ къ Государю письмо, прося увольненія по болѣзни. Согласіе послѣдовало, по версіи однихъ — съ выраженіемъ сожалѣнія и признательности, — по версіи другихъ — съ отмѣткою: „Съ Богомъ“ — въ трудное время больному неудобно быть министромъ“.

Въ тотъ же день рѣзкое объясненіе Абазы съ В. К. В. , въ которомъ Абаза сказалъ (по его словамъ): „qu' un homme qui se respecte ne peut pas être le laquais de M. Pobédonostzeff“.

Въ четвергъ Министръ Финансовъ отправилъ просьбу объ увольненіи, написанную съ достоинствомъ и мотивированную несогласіемъ между министрами, обнаруженными манифестомъ. Просьба возвратилась съ отмѣткою: „Сожалѣю“, — далѣе съ указаніемъ на то, что поводомъ было заявленіе Государя о неприкосновенности самодержавія (т. е. поводомъ къ манифесту) и съ заключительными словами: „Сожалѣю, что вы не нашли болѣе приличнаго повода“. Я видѣлъ письмо и отмѣтку.

Вчера вмѣсто Абазы поѣхалъ съ докладомъ Бунге (какъ товарищъ). Государь поручилъ сказать Абазѣ, что онъ его проситъ остаться до вакансій Государственнаго Совѣта (недѣли двѣ). Вчера же былъ въ Гатчинѣ гр. Игнатьевъ. Онъ повидимому будетъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Вчера же тамъ были для представленія Грейсъ, Мансуровъ и другіе. Государь былъ особенно въ духѣ и любезенъ. Говорятъ, что и гр. Милютинъ будетъ просить увольненія.

. Dessous de cartes слѣдующій: Побѣдоносцевъ выписалъ себѣ на помощь изъ Москвы Каткова. Манифестъ написанъ ими. Заодно съ ними были градоначальникъ Барановъ и Островскій, который очень доволенъ манифестомъ. Гр. Игнатьевъ повидимому участвовалъ за кулисами.

4-го мая. Третьяго дня вечеромъ скончался Принцъ П. Г. Ольденбургскій. . . . Онъ былъ добродѣтельный, добрый, до юродства благонамѣренный человекъ, истинно набожный и вѣровавшій. На дѣло, при всемъ томъ, конечно, мало пригодный.

Былъ вчера утромъ на панихидѣ по немъ. Видѣлъ тамъ, между прочимъ, градоначальника Баранова въ новой имъ сочиненной формѣ, новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Юстиціи.

Первый сказалъ, что аресты продолжаются, второй успѣлъ солгать, сказавъ, что его назначеніе еще не рѣшено окончательно,

третьей дополнилъ и исправилъ мои свѣдѣнія о засѣданіи 28 и Манифестъ 29-го. Черновой манускриптъ былъ присланъ Министру Юстиціи отъ Государя. Набоковъ увѣдомилъ о томъ Графа Лорисъ-Меликова еще въ теченіе дня (хотя повидимому Графъ Лорисъ-Меликовъ не читалъ увѣдомленія); затѣмъ текстъ манифеста читалъ Графъ Лорисъ-Меликовъ и Абаза (про себя) еще во время засѣданія, при Великому Князѣ Владимірѣ; но сдѣлался предметомъ толковъ и сценъ только послѣ его ухода. — Государь говорилъ Набокову 30-го при докладѣ, что онъ нѣсколько разъ требовалъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ проекта Манифеста или объявленія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, но Графъ Лорисъ-Меликовъ уклонился.

Министромъ Государственныхъ имуществъ назначается Островскій. Оказывается, что онъ былъ mit Ignatieff, Katkoff und Pobedonostzeff.

Въ Гатчинѣ, говорятъ, очень довольны тѣмъ „qu'on a retrouvé le Самодержавіе“. Замѣчательно наивная (или ненаивная) смѣлость элукубраціи Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о „Царѣ и Народѣ“, живой связи между ними, 100 милліонахъ и одномъ Государѣ, — и пр. и пр., — какъ будто возможны, безъ посредствующаго механизма прямая сношенія между 100 милліонами и однимъ властелиномъ, какъ будто наше нынѣшнее положеніе не есть результатъ самодержавнаго правительствованія, а какъ будто d'avoir un seul maître за все вознаграждаетъ“.

Приведенныя выписки ярко характеризуютъ періодъ, протекавшій со времени 1-го марта по 29-ое апрѣля. Прибавимъ къ этой характеристикѣ нѣкоторыя данныя о Временномъ совѣтѣ при с.-петербургскомъ градоначальникѣ. Собственно говоря, это „учрежденіе“ подлежитъ скорѣе вѣдѣнію юмориста и сатирика, чѣмъ историка. Прочтите текстъ повелѣнія, и вамъ кажется, что оно сорвалось со страницъ Н. Щедрина: такъ оно напоминаетъ его знаменитыя пародіи на „законъ“. Вотъ текстъ повелѣнія, объявленнаго 18-го марта министромъ внутреннихъ дѣлъ:

Въ виду цѣлаго ряда злодѣйскихъ замысловъ, имѣвшихъ цѣлію поколебать государственный порядокъ и окончившійся событіемъ 1-го Марта, потрясшимъ всю Россію, Государь Императоръ, принявъ твердую рѣшимость положить предѣлы дальнѣйшему развитію преступной дѣятельности злоумышленниковъ и оградить столицу отъ позора быть мѣстомъ и свидѣтельницами совершаемыхъ въ ней преступленій и даровать жителямъ оной полное спокойствіе, Высочайше повелѣлъ соизволилъ на принятіе слѣдующихъ чрезвычайныхъ мѣръ:

1) Призвать къ содѣйствію выборныхъ отъ всего столичнаго населенія, изъ которыхъ образовать при С.-Петербургскомъ Градоначальникѣ временный Совѣтъ, въ коемъ, независимо отъ выборныхъ, принимаетъ участіе С.-Петербургскій Городской Голова.

2) Предоставить С.-Петербургскому Градоначальнику предлагать на обсужденіе Совѣта тѣ мѣры, принятіе которыхъ онъ считаетъ необходимымъ въ видахъ огражденія общественной безопасности.

3) Каждая мѣра, одобренная большинствомъ Совѣта, немедленно воспри-

нимаетъ обязательную силу и приводится въ исполненіе—Градоначальникомъ, по испрошеніи на то, въ случаѣ надобности, чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайшаго одобренія.

4) Если мѣра, предложенная Градоначальникомъ, большинствомъ Совѣта не будетъ одобрена, Градоначальнику воспрещается давать ей дальнѣйшій ходъ.

5) Порядокъ избранія выборныхъ отъ населенія столицы въ Совѣтъ устанавливается слѣдующій:

а) отъ cadaго изъ 288 околотковъ, на которые раздѣленъ городъ, избирается одинъ выборный;

б) правомъ голоса пользуются всѣ домовладѣльцы, всѣ хозяева квартиръ, т. е. лица, занимающія на свое имя квартиры въ частныхъ или казенныхъ зданіяхъ, всѣ хозяева промышленныхъ и торговыхъ заведеній, всѣ собственники лавокъ и заводовладѣльцы;

в) каждое изъ лицъ, принадлежащихъ къ одному изъ выше поименованныхъ разрядовъ, указываетъ одно лицо, которое, по его личному убѣжденію, достойно чести быть выборнымъ;

г) для отобранія такихъ отзывовъ, по распоряженію Градоначальника, образуются особыя комиссіи, по числу околотковъ, которыя обходятъ всѣ дома въ околоткѣ, также квартиры и другія мѣста, указанная выше, въ парагр. б) и отбираютъ отзывы отъ лицъ, имѣющихъ право выбора. Отзывы должны быть письменные и заключать въ себѣ званіе и фамилію избираемаго, а также подпись избирателя съ обозначеніемъ его адреса;

д) указанные въ предыдущемъ параграфѣ комиссіи образуются изъ полицейскаго чиновника, назначаемаго Градоначальникомъ, гласнаго Городской Думы, живущаго въ предѣлахъ околотка или въ сосѣднемъ околоткѣ, и двухъ военныхъ офицеровъ или гражданскихъ чиновниковъ, приглашенныхъ Градоначальникомъ;

е) С.-Петербургскому Градоначальнику предоставляется для образованія означенныхъ комиссій потребовать въ свое распоряженіе служащихъ какъ въ войскахъ, такъ и въ гражданскихъ вѣдомствахъ лицъ, не занимающихъ такихъ должностей, отвлечение отъ которыхъ, хотя бы временно, могло повлечь остановку въ ходѣ дѣла;

ж) выбраннымъ отъ околотка считается тотъ, кто, по счету числа голосовъ, получить простое большинство голосовъ избиравшихъ;

з) выборные отъ околотковъ собираются Градоначальникомъ и производятъ изъ своей среды выборъ 25 челоуѣкъ и кандидатовъ къ нимъ, списокъ которыхъ представляется Градоначальникомъ Государю Императору чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

4) Выборы должны быть начаты и окончены во всей столицѣ въ одинъ день, назначенный для того Градоначальникомъ.

7) По объявленіи о днѣ и часѣ производства выборовъ всѣ лица, которымъ принадлежитъ право избранія, должны находиться дома и ожидать прибытія комиссіи, назначенной для отбирания голоса. Кто не будетъ найденъ комиссіею дома, тотъ тѣмъ самымъ лишается голоса.

8) По Высочайшемъ утвержденіи списка выборныхъ и ихъ кандидатовъ, Совѣтъ немедленно открываетъ свои дѣйствія при Градоначальникѣ.

9) Мѣры, принятыя Совѣтомъ, объявляются во всеобщее свѣдѣніе Градоначальникомъ и сохраняютъ обязательную силу по отмѣнѣ ихъ въ томъ же порядкѣ.

10) Если для приведенія мѣръ, принятыхъ Совѣтомъ, въ исполненіе потребуются денежныя средства,—таковыя отпускаются въ распоряженіе Градоначальника изъ Государственнаго Казначейства.

Въ нашемъ распоряженіи находятся и „труды“ этого смѣшного учрежденія. Дѣятельность совѣта свелась къ представленію записки по вопросу о причинахъ безпорядковъ и волненій среди учащихся и къ избранію комиссіи объ устройствѣ внутренняго надзора въ домахъ. Комиссія выработала 1) „Проектъ правилъ о взысканіи по нарушеніямъ правилъ о порядкѣ объявленія полиціи о призывающихъ и выбывающихъ въ Петербургъ“.—2) Проектъ временныхъ правилъ общаго надзора за домами въ С.-Петербургѣ.—3) Проектъ правилъ для отвѣтственныхъ дворниковъ по полицейскимъ ихъ обязанностямъ.—4) „Проектъ правилъ околоточнымъ надзирателямъ, специально назначеннымъ для внутренняго надзора за домами“.

Нѣтъ, конечно, необходимости приводить эти проекты. Достаточно сказать, что они находились на такой высотѣ либерализма, до которой ни раньше, ни позже не достигали обязательныя постановленія Петербургскихъ градоначальниковъ. Отвѣтственный дворникъ, напримѣръ, зависѣлъ не столько отъ полиціи, сколько отъ домовладѣльца, штрафы были наложены весьма умеренные, нарушенія правилъ во многихъ случаяхъ должны были подвергаться судебному разбирательству и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство слишкомъ смѣшно учредило „Временный Совѣтъ“. Очнувшись отъ перепуга, оно поняло всю смѣшную сторону этого парламента и, конечно, игнорировало его. Уже 30-го іюня 1881 года градоначальникъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ.

„Во исполненіе предложенія вашего сіятельства 17-го текущаго іюня, за № 2568, имѣю честь представить результаты трудовъ временнаго совѣта и избранной имъ комиссіи объ устройствѣ внутренняго надзора *въ домахъ, присовокупляя*, что записка по вопросу о причинахъ безпорядковъ и волненій въ средѣ учащейся молодежи представлена мною вашему сіятельству 13-го іюня, за № 4973.

Что касается ходатайства моего объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на закрытіе временнаго Совѣта, то, усматривая изъ предложенія вашего сіятельства, что вы изволите признавать основательность представленнаго мною соображенія, что дѣятельность Совѣта по многимъ вопросамъ представляется теперь неудобною, такъ какъ въ трудахъ своихъ Совѣтъ можетъ войти въ противорѣчіе съ результатами занятій особыхъ, нынѣ учрежденныхъ, комиссій,—я имѣю честь доложить, что нахожусь вынужденнымъ болѣе не назначать собраній Совѣта.

Засимъ отъ вашего сіятельства будетъ зависѣть повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе вопросъ объ окончательномъ закрытіи Совѣта. въ то время, когда вы изволите признать подобную мѣру своевременной“.

Такъ умеръ естественной и медленной смертію выборный отъ обывателей совѣтъ при градоначальникѣ, получившій назва-

ніе, по имени градоначальника Баранова „бараньяго парламента“. Онъ былъ комическимъ учрежденіемъ, возникшимъ въ періодъ колебаній и сумятицы, но въ этотъ періодъ возникло еще и другое учрежденіе противоположнаго характера. Мы говоримъ о „Священной дружинѣ“—тайномъ сообществѣ, которое, пользуясь высокимъ покровительствомъ, поставило цѣлью борьбу съ крамолой.

Со временемъ исторія раскроетъ всю таинственную и нужно сказать—мало чистоплотную дѣятельность этого сообщества, откроетъ высокіхъ покровителей, вдохновителей и исполнителей. На страницахъ „Былого“ намъ не разъ придется говорить о священной дружинѣ. Въ настоящей статьѣ мы приведемъ лишь нѣсколько строкъ графа Валуева, относящихся къ этой дружинѣ. Подъ 6-ое мая 1881 года Валуевъ записалъ:

„Противъ крамольниковъ образуется, не знаю,—по чьей инициативѣ,—дружина, именуемая святою и предназначающая себя для охраны Государя и общественнаго порядка, и набираемая, à la sabonari, небольшими группами изъ пяти членовъ, изъ которыхъ только одинъ, старшій братъ, знаетъ дальнѣйшее связующее звено... На проѣздѣ Государя, съ желѣзной дороги и обратно, члены дружины были распредѣлены по улицамъ на пути слѣдованія.

Къ этому мѣсту дневника Валуевъ впоследствии приписалъ:

„Первоначальная идея Св. дружины была при данныхъ обстоятельствахъ правильная. Члены дружины принимали на себя такъ сказать роль „спеціальныхъ констаблей“, но негласно, потому что цѣль заключалась въ отпорѣ тайнымъ покушеніямъ, а не явнымъ нарушеніямъ общественнаго порядка. На первыхъ порахъ къ дружинѣ примкнули многіе офицеры, такъ понимавшіе цѣль учрежденія. Но вскорѣ подъ вліяніемъ неумѣлыхъ, легкомысленныхъ и тщеславныхъ вожakovъ дѣла (графа Воронцова, графа „Boby“ Шувалова и пр.) она приняла другой характеръ. Св. дружина обратилась въ соперника Государственной полиціи и приняла типъ бывшаго III-го отдѣленія по части разныхъ доносовъ и сплетней. Отъ нея отшатнулись порядочные элементы и вмѣсто ихъ къ ней примкнули элементы неприглядные и недобросовѣстные. Произошло нѣчто въ родѣ столкновенія между великой княгиней Маріей Павловной и графомъ Шуваловымъ (Boby) адъютантомъ великаго князя Владимира. Великая княгиня лично просила Шувалова перестать быть адъютантомъ ея супруга, или перестать подвергаться нареканіямъ въ шпіонствѣ.—Графъ Шуваловъ вышелъ въ отставку; а черезъ два мѣсяца вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Но это не помѣшало св. дружинѣ утратить всякій кредитъ въ глазахъ людей съ толкомъ, хотя, повидимому, она продолжаетъ дѣйствовать съ личною для дѣйствующихъ членовъ выгодною“.

П. Щеголевъ.

Къ біографіи М. К. Кюхельбекера.

Въ дневникѣ В. К. Кюхельбекера („Русская Старина“ 1891 г., т. LXXII, стр. 89) подъ 7 мая 1841 г., между прочимъ, занесено, что при чтеніи романа Калашникова „Камчадалка“ у автора дневника „нѣсколько разъ мелькала мысль, что, быть можетъ. черезъ 50, черезъ 100 лѣтъ, точно такъ помянетъ какой-нибудь даровитый романистъ о *Кюхельбекерахъ*, особенно о Михаилѣ“.

Что Кюхельбекеры не забыты, это доказываютъ и русская литература и различныя замѣтки о нихъ въ историческихъ журналахъ. Для дополненія имѣющихся уже свѣдѣній, кажется, не лишними будутъ и приводимыя ниже сего, данныя о семействѣ М. К. Кюхельбекера.

Михаилъ Карловичъ, во время пребыванія своего въ Сибири, женился на мѣщанкѣ Аннѣ Степановнѣ Токаревой и имѣлъ уже двухъ дочерей, когда бракъ этотъ свят. синодомъ былъ расторгнутъ,—оказалось, что Кюхельбекеръ вступилъ въ союзъ со своею кумою. Однако, Кюхельбекеръ, уступая закону природы и не признавая никогда, какъ лютеранинъ, въ кумовствѣ препятствія къ супружеству, продолжалъ свой союзъ съ Анной Степановной и прижилъ съ нею еще 4-хъ дочерей.

Въ 1859 году Михаилъ Карловичъ умеръ, и жена его обратилась къ Наталіи Григорьевнѣ и Францу Викентьевичу Одинцамъ съ письмомъ, въ которомъ просила ихъ принять подъ свое покровительство дочерей ея, съ правомъ усыновленія.

Генераль-маіоръ Ф. В. Одинецъ, по чувству состраданія къ несчастнымъ сиротамъ, которыя по закону не пользовались ни званіемъ, ни фамиліею отца, и будучи самъ бездѣтенъ, въ 1860 году просилъ Государя Императора о позволеніи ему дочерей покойнаго Кюхельбекера: Юлію (Іуліанія) родившуюся въ 1840 г., Александру, родившуюся въ 1845 г., Екатерину, родившуюся въ 1846 г., и Анну, родившуюся въ 1852 году, причислить къ его семейству, съ правами на принадлежащія ему фамилію и дворянство.

Указывая во всеподданнѣйшемъ прошеніи на полученное Кюхельбекеромъ прощеніе, Одинецъ добавилъ. „Довершите, Государь, милость, оказанную отцу, открытіемъ послѣднимъ дочерямъ его возможности получить образованіе и занять въ обществѣ мѣсто, соотвѣтственное съ его происхожденіемъ и равное съ своими старшими сестрами“.

Надо сказать, что другихъ дочерей Кюхельбекера просьба Франца Викентьевича не касалась потому, что старшая изъ нихъ, Анна Михайловна, была въ то время замужемъ за колл. асс. Миштовичемъ и пользовалась правами потомственного дворянства, младшая же, Анастасія, родившаяся въ 1857 году, въ концѣ 1860 г., передъ подачею прошенія, умерла.

Одновременно съ прошеніемъ Оди́нца, генераль-адъютантъ Борисъ Григорьевичъ Глинка послалъ (11 ноября 1860 г.) письмо къ статсъ-секретарю князю Голицыну. Называя артиллеріи генераль-маіора Оди́нца своимъ зятемъ, Глинка просилъ повергнуть на Всеми́лостивѣйшее воззрѣніе то обстоятельство, что и онъ, по родству съ дѣтьми покойнаго Михаила Кюхельбекера, осмѣливается присоеди́нить всеподданнѣйшую просьбу свою къ ходатайству генераль-маіора Оди́нца.

По Высочайшему повелѣнію, прошеніе Ф. В. Оди́нца было послано на заключеніе министра юстиціи Д. Н. Замятина, который высказалъ мнѣніе свое по этому дѣлу въ слѣдующихъ чертахъ:

По ст. 133 т. X ч. 1 закон. гражд., участь дѣтей, происшедшихъ отъ брака, въслѣдствіи расторгнутаго, можетъ быть повергаема на Монаршее воззрѣніе, когда кто-либо изъ супруговъ окажется невиновнымъ въ противозаконномъ бракѣ. Но этотъ законъ къ дѣтямъ Кюхельбекера не можетъ быть примѣненъ потому, что они прижиты съ Токаревою уже въ то время, когда бракъ ея съ Кюхельбекеромъ былъ расторгнутъ св. синодомъ.

Равнымъ образомъ, настоящее ходатайство генераль-маіора Оди́нца о передачѣ фамиліи и дворянства воспитанницамъ его не можетъ быть примѣняемо и къ общимъ узаконеніямъ объ усыновленіи дворянами, неимѣющими потомства, такъ какъ симъ закономъ дозволяется усыновлять только дворянъ и притомъ ближайшихъ и законорожденныхъ родственниковъ усыновляющаго, къ разряду каковыхъ воспитанницы Оди́нца не принадлежатъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что просьба генераль-маіора Оди́нца объ усыновленіи ему лицъ, не принадлежащихъ къ его родству и обязанныхъ, по происхожденію своему, записаться въ податное состояніе, по силѣ законовъ удовлетворена быть не можетъ.

Что касается соображеній о томъ, можетъ ли быть удовлетворена настоящая просьба генераль-маіора Оди́нца въ видѣ Монаршей милости, то въ семъ отношеніи остается лишь руководствоваться бывшими въ послѣднее время неоднократными примѣрами Монаршаго снисхожденія на просьбы о соприченіи къ законнымъ дѣтей незаконорожденныхъ, а равно на просьбы о дарованіи фамилій и правъ состоянія воспитанникамъ и пріемышамъ неизвѣстнаго происхожденія.

Изъ послѣдовавшихъ по дѣламъ сего рода разрѣшеній видно, что воспитанникамъ предоставлены были фамиліи ихъ воспитателей или другія какія-либо приличныя прозванія и при этомъ Всеми́лостивѣйше дарованы однимъ потомственное почетное гражданство, другимъ личное почетное гражданство, третьимъ личное дворянство, четвертымъ потомственное дворянство, но безъ правъ на наслѣдство въ имуществѣ воспитателя или усыновляющаго, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ, по особннымъ уваженіямъ дарованы воспитанникамъ неизвѣстнаго происхожденія не только фамиліи, но даже права дворянства и наслѣдованія въ имуществѣ воспитателей.

Примѣняясь къ таковымъ примѣрамъ Монаршаго милосердія и принимая во вниманіе, что находящіяся нынѣ на воспитаніи у бездѣтнаго генераль-маіора Оди́нца четыре незаконорожденные дочери Михаила Кюхельбекера прижиты послѣднимъ въ тяжкіе годы ссылки его въ Сибирь; что помянутый Михаилъ Кюхельбекеръ до ссылки его въ 1825 г. имѣлъ чинъ лейтенанта и слѣдовательно, пользовался правами потомственного дворянства, что онъ въслѣдствіи получилъ Всеми́лостивѣйшее прощеніе, но умеръ въ 1859 году, не

успѣвъ возвратиться изъ Сибири, и что о сихъ дѣтяхъ нынѣ ходатайствуетъ не только генераль-маіоръ Одинецъ, женатый на родной племянницѣ Кюхельбекера, но и другой родственникъ Кюхельбекера—генераль-адъютантъ Глинка,—министръ юстиціи, съ своей стороны, полагалъ, что ходатайство ихъ заслуживаетъ уваженія и что, вслѣдствіе того, могло бы быть испрошено Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на дарованіе четыремъ дочерямъ Михаила Кюхельбекера, по Монаршему милосердію и благоусмотрѣнію, правъ и фамиліи воспитателя ихъ, бездѣтнаго генерала Одинца, но безъ правъ наслѣдованія въ его имуществѣ, или же, по крайней мѣрѣ, правъ почетнаго гдажданства и фамиліи Михайловыхъ, по примѣру дарованія дѣтямъ возвращеннаго изъ Сибири барона Штейнгеля правъ личнаго почетнаго гдажданства и фамиліи Бароновыхъ и по примѣру подобной милости, оказанной двумъ воспитанницамъ возвращеннаго изъ Сибири дворянина Матвѣя Муравьева-Апостола, коимъ Всемиловѣйше дарованы фамиліи Матвѣевыхъ, по имени ихъ воспитателя, и права личнаго почетнаго гдажданства.

24 декабря 1861 года былъ подписанъ Государемъ Императоромъ Высочайшій указъ о Всемиловѣйшемъ дозволеніи означеннымъ воспитанницамъ генераль-маіора Одинца пользоваться фамилією и правами состоянія воспитателя ихъ, безъ права токмо наслѣдованія въ родовомъ его имѣніи.

Къ сказанному не лишне, можетъ быть, добавить, что Ф. В. Одинецъ въ 1861 году жилъ въ Екатеринбургѣ, занимая должность главнаго пріемщика орудій, снарядовъ и металловъ въ сухопутную артиллерію съ заводовъ хребта уральскаго.

Н. А. Мурзановъ.

Письма въ редакцію.

I.

(Лекція В. С. Соловьева по поводу 1-го марта 1881 года).

Въ мартовской книгѣ «Былого» за прошлый годъ былъ напечатанъ разсказъ о лекціи Владиміра Соловьева въ залѣ Кредитнаго Общества, 28 марта 1881 года, по поводу событія перваго марта, со словъ одной изъ слушательницъ.

Я присутствовалъ на этой лекціи отъ начала до конца и видѣлъ Соловьева при его уходѣ, когда его окружали восторженные лица молодежи. Содержаніе его рѣчи было вполне опредѣленное: онъ говорилъ на этотъ разъ не о Богородицѣ, а о народно-христіанскомъ идеалѣ Царя, о высшемъ нравственномъ значеніи царской власти и объ ея обязательныхъ качествахъ и условіяхъ. Упомянувъ о краснорѣчивомъ изложеніи идеи Царя въ недавней лекціи Ивана Аксакова (а не Бестужева-Рюмина), пріѣзжавшаго изъ Москвы для пропаганды своихъ взглядовъ, Вл. Соловьевъ ярко изобразилъ предъ нами тѣ возвышенныя свойства, которыми долженъ обладать монархъ, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію. Онъ нарисовалъ такой идеально-высокій образъ Царя, какого не могло существовать въ дѣйствительности, и затѣмъ прямо перешелъ къ волновавшему всѣхъ процессу царевубійцъ. Онъ говорилъ медленно, отчеканивая отдѣльные слова и фразы, съ короткими паузами, во время которыхъ онъ стоялъ неподвижно, опутивъ свои удивительные глаза съ длинными рѣсницами. «Царь *можетъ* ихъ простить»,—сказалъ онъ съ удареніемъ на словѣ «можетъ», и послѣ недолгой остановки продолжалъ, возвысивъ голосъ: «Царь *долженъ* ихъ простить». Особая напряженная тишина господствовала въ залѣ, и никому не приходило въ голову прерывать ее рукоплесканіями. Никакихъ возгласовъ не было; никто не поднимался передъ эстрадой съ угрожающими словами, никто не кричалъ: «Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй!» Это было бы совершенно немислимо при общемъ тогдашнемъ настроеніи. Не было также криковъ: «Ты нашъ вожды! Ты насъ веди!» Соловьеву была устроена овація только по окончаніи лекціи, когда онъ сходилъ съ кафедры и направлялся потомъ къ выходу мимо взволнованной публики; и если къ нему «протягивались десятки трепетныхъ рукъ», преимущественно курсистокъ, то вовсе не для того, чтобы качать его «высоко» надъ головами толпы. Разсказъ о томъ, какъ «тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ

эстрады въ залъ» и «два или три раза обносятъ его кругомъ», составляетъ очевидно плодъ галлюцинаціи. Ничего подобнаго не было и быть не могло.

Я рѣшительно протестую также противъ утвержденія, что будто бы тамъ-же среди публики, тотчасъ по окончаніи лекціи, «на очередь всталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева». Очень можетъ быть, что по гнусной холопской привычкѣ нѣкоторые изъ слушателей заранѣе предупреждали вѣроятныя намѣренія администраціи и этимъ косвенно оправдывали будущія репрессивныя мѣры, какъ неизбѣжныя будто бы по тогдашнему положенію вещей,—но никакого вопроса объ этомъ не возникало и не могло возникнуть въ самый вечеръ 28 марта, въ помѣщеніи Кредитнаго Общества. Передаваемый «слушательницею» разговоръ министра народнаго просвѣщенія съ Соловьевымъ въ вестибюлѣ не могъ имѣть мѣста по двумъ причинамъ: во-первыхъ, министръ народнаго просвѣщенія вовсе не присутствовалъ на лекціи, и во вторыхъ, если бы даже онъ присутствовалъ, то конечно не сталъ бы тутъ же совѣтовать Соловьеву «сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову» и не грозилъ бы ссылкой въ Колымскъ въ присутствіи многочисленныхъ возбужденныхъ слушателей. Никакихъ сановниковъ вообще не было на лекціи, а въ первыхъ рядахъ были только профессора, изъ которыхъ я запомнилъ типическую фигуру Ореста Миллера.

Нѣсколько дней спустя, вслѣдствіе представленія, сдѣланнаго государю К. П. Побѣдоносцевымъ объ опасныхъ для казеннаго православія «лжеученіяхъ» Соловьева, послѣднему было сообщено о запрещеніи впредь читать какія бы то ни было публичныя лекціи. Къ этому официальному мѣропріятію относилось письмо Соловьева къ императору Александру III, напечатанное въ той же мартовской книжкѣ «Былого». Запрещеніе выступать публично оставалось въ силѣ для Соловьева въ теченіе многихъ лѣтъ, и этимъ онъ былъ обязанъ К. П. Побѣдоносцеву, какъ говорилъ мнѣ неоднократно впоследствии самъ Вл. С. Соловьевъ.

Февраль 1907 г.

Л. Слонимскій.

II.

Въ статьѣ «Молодость отца Митрофана» («Былое», № 1, 1907 г.) М. К. Лемке, въ выноскѣ на стр. 191, цитируетъ мои «Воспоминанія изъ прошлаго», гдѣ я говорю, что Кіево-Харьковскій студенческій кружокъ конца 50-хъ годовъ былъ «просто замкнутымъ кружкомъ, задававшимся просвѣтительными цѣлями», и противопоставляетъ моимъ словамъ, что Муравскій (впоследствии «отецъ Митрофанъ») дважды говоритъ о тайномъ обществѣ. Мои слова основаны на томъ, что я слышалъ отъ Я. П. Бекмана и М. С. Гулевича. Они опредѣленно говорили, что практической задачей кружка была просвѣтительная работа, направленная на широкія народныя массы и, какъ ближайшее средство—школа, по условіямъ того времени,—воскресная. Конечно, кружокъ былъ тайнымъ, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ при-

нято понимать тайное общество, ставящее себѣ непосредственной задачей политическія цѣли.

По словамъ тѣхъ же лицъ самое раскрытіе этого дѣла произошло такъ. Екат. Степ. Гаршина покинула своего мужа и жила у Завадскаго. Вслѣдствіе требованія мужа, явилась къ Завадскому полиція, кажется, чтобы забрать Екат. Степ. и водворить къ законному мужу; при этомъ былъ произведенъ обыскъ, и у Завадскаго нашли нѣчто въ родѣ протоколовъ кружка (если не ошибаюсь, веденныхъ имъ лично для себя). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы при наличности такого документа дѣло могло закончиться одной только административной высылкой, еслибы члены кружка завинялись въ политическомъ сообществѣ, особенно, если придавать хоть малѣйшую вѣру позднѣйшей запискѣ (62 г.) сенатора Жданова, что въ тайномъ обществѣ остановились на необходимости истребленія всей царской фамилии и что исполненіе этого намѣренія брался выполнить Завадскій, отдѣлавшійся, какъ и всѣ другіе, высылкой—въ Олонецкую губернію.

На стр. 192 М. К. Лемке приводитъ письмо Е. С. Гаршиной къ Завадскому; въ немъ есть фраза: «ты боишься, чтобы я не попала въ крѣпость? Поэтому самое лучшее мнѣ убраться подъ благословенный кровъ Г-на». Тутъ надо разумѣть Гаршина, мужа Е. С., а не Герцена, какъ истолковываетъ М. К. Лемке. Въ томъ же письмѣ есть еще инициалы С. У. Это ст. Пет. Университета, Пет. Лук. Спасскій и Н. Утинъ.

Ек. Ст. была урожденная Акимова, а не Завадская.

Л. Пантелѣвъ.

III.

«Повѣствователь долженъ прежде всего быть правдивымъ», говоритъ на 58-й страницѣ журнала «Былое» за декабрь 1906 г. г. «Старикъ» въ XI главѣ его интереснаго очерка: «Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)»—Это—святая истина, которая, къ сожалѣнію, имъ же рѣзко нарушается какъ въ общемъ освѣщеніи характера народническаго движенія, такъ и въ частномъ утвержденіи его въ той же главѣ того же очерка двумя страницами выше, когда онъ утверждаетъ, что «ни одинъ» изъ лавровцевъ даже случайно не былъ привлеченъ къ процессу 193-хъ». Какъ одинъ изъ участниковъ въ этомъ процессѣ, я категорически утверждаю, что не только къ дознанію, но и къ суду по этому процессу привлекались заведомые «лавровцы», никогда къ «анархистамъ» никакого отношенія не имѣвшіе. Лично я принималъ участіе въ народническомъ движеніи съ перваго момента его зарожденія, но всегда къ анархизму относился совершенно отрицательно,—а я, какъ извѣстно, г. «Старику» привлекался не только къ дознанію, но и судился (и былъ осужденъ) въ числѣ 193-хъ по Большому процессу. Позволяю себѣ категорически утверждать, что и привлекавшіеся къ тому же процессу 193-хъ А. И. Желябовъ, Ф. В. Волховской, С. А. и В. А. Жебуневы, и нѣкоторые другіе къ анархистамъ не примыкали, и что, во всякомъ случаѣ,

отождествленіе «народничества» 70-хъ годовъ съ анархизмомъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно.

Я хотѣлъ бы надѣяться, что г. «Старикъ», въ интересахъ «правдивости», которую онъ самъ считаетъ обязательной для «повѣствователя», вновь тщательно просмотритъ свой очеркъ, сличитъ его съ фактическими данными и исправитъ всѣ его какъ фактическія, такъ и тенденціозныя погрѣшности. Самъ я непосредственно «въ народѣ» не работалъ, да и изъять былъ изъ жизни въ январѣ 1874 года, т. е. до того момента, когда народники «двинулись въ народъ». Полагаю, что кто-нибудь изъ послѣднихъ, еще нынѣ здравствующихъ, сочтетъ своимъ долгомъ прійти на помощь г. «Старику» при просмотрѣ имъ своего очерка...

С. Чудновскій.

3 марта 1907 года.

IV.

Отрывки изъ помѣщенныхъ въ журналѣ «Былое» моихъ воспоминаній, были даны въ англійскій журналъ «The Strand Magazin» и были напечатаны въ 1-ой и 2-ой книжкахъ этого журнала за 1906 годъ. Редакція журнала, однако, исказила текстъ этихъ отрывковъ, вставивъ туда цѣлыя страницы отъ себя, безъ всякихъ оговорокъ, только въ 3-ей книжкѣ, по моему настоянію, было помѣщено по этому поводу разъясненіе редакціи.

Въ томъ же 1906 году въ 1-ой и 2-ой книжкѣ «Новаго журнала литературы, искусства и науки», издаваемого въ Петербургѣ, появился переводъ съ англійскаго этихъ отрывковъ. Къ сожалѣнію, редакція «Новаго Журнала» не только сохранила, вопреки упомянутому разъясненію редакціи «The Strand Magazin'a» всѣ искаженія, но даже не указала, что публикуемые ею отрывки представляютъ переводъ. Въ такомъ видѣ этотъ переводъ былъ позже кѣмъ-то изданъ отдѣльной брошюрой. Ввиду этого считаю необходимымъ замѣтить здѣсь, что изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ на русскомъ языкѣ текстовъ воспоминаній о «Броненосцѣ Потемкинѣ» подъ моимъ именемъ, я считаю правильнымъ и всецѣло мнѣ принадлежащимъ только текстъ, напечатанный въ журналѣ «Былое».

А. Коваленко.

V.

Въ статьѣ С. А. Савинковой, «На волосъ отъ казни» въ 1 № «Былого» за 1907 г. было сказано, что въ освобожденіи Б. В. Савинкова изъ тюрьмы принималъ участіе В. М. Сулятицкій, вольноопредѣляющійся 51 *Митавскаю* полка. Насъ просятъ заявить, что В. М. Сулятицкій служилъ вольноопредѣляющимся въ 6-й ротѣ 51 пѣхотнаго *Литовскаю* полка.

Историческая бібліографія.

L'Internationale. Documents et Souvenirs (1864—1878). Par James Guillaume. Tome Second. Avec un portrait de Michel Bacounine. Paris 1907.

Предъ нами лежитъ новый, только что вышедшій томъ воспоминаній Жемса Гильома (извѣстнаго читателямъ „Былого“ по краткой біографіи Бакунина). Гильомъ являетъ собою наглядный образецъ того, какъ беззавѣтно, на всю жизнь умѣлъ привязывать иной разъ къ себѣ людей русскій агитаторъ. Любовью къ Бакунину, благоговѣйнымъ отношеніемъ къ его памяти проникнута каждая строка этихъ воспоминаній объ Интернаціональномъ обществѣ рабочихъ. Нужно сказать, что самыя воспоминанія Гильома представляютъ собою иногда цѣнный сырой матеріалъ для исторіи знаменитаго общества, но не блещутъ ни широтою исторической перспективы, ни глубиною мысли, ни—last not least—художественностью изложенія,—тѣмъ свойствомъ, которымъ русскій читатель политическихъ мемуаровъ избалованъ разъ навсегда со временъ Герцена,—избалованъ и поэтому требователенъ, не взирая на крайній (и уже давно ощущаемый) недостатокъ у насъ въ новыхъ Герценахъ. — У Гильома не совсѣмъ свободна мысль и, особенно, чувство — отъ всякаго рода партійныхъ условностей и соображеній: партійный, вѣрнѣе, фракціонный человекъ не умеръ въ немъ, и это отчасти вредитъ мемуаристу. Не обинуясь признаемъ, что страницы, относящіяся къ Бакунину, — лучшая часть воспоминаній не только потому, что Бакунинъ былъ крупнѣйшей исторической фигурой изъ всѣхъ, съ кѣмъ Гильому приходилось встрѣчаться, но и вслѣдствіе живого чувства, которымъ эти страницы согрѣты: читателю ясно, что Бакунинъ самою своей широкой натурою, своимъ дантоновскимъ темпераментомъ, своимъ яркимъ талантомъ—плѣнилъ Гильома и сталъ центральною фигурою въ его жизни, — даже независимо отъ фракціонныхъ симпатій и антипатій швейцарскаго социалиста. Въ нынѣ вышедшемъ второмъ томѣ этихъ воспоминаній можно отмѣтить нѣсколько небезынтересныхъ чертъ, касающихся Бакунина въ послѣдніе годы его жизни (т. е. собственно только до 1872 года).

Любопытно, напр., до чего доходило раздраженіе бакунистовъ и марксистовъ въ ихъ борьбѣ за преобладающее вліяніе въ „Интернаціоналѣ“. Въ числѣ противниковъ Бакунина особенно непримиримымъ былъ Утинъ, который на конгрессѣ 4-го Апрѣля 1870 года заявилъ по поводу бакунистовъ, что если-бы когда-нибудь при побѣдѣ революціи гильотина функционировала, то они достойны были-бы, чтобы народъ ихъ гильотинировалъ. (I. Guillaume,

стр. 9). Рѣчь Утина была полна самыхъ яростныхъ обвиненій противъ Бакунина: онъ, между прочимъ, обвинялъ Бакунина въ пропагандѣ „безнравственныхъ средствъ“, въ іезуитскомъ ученіи о средствахъ, оправдываемыхъ цѣлю и т. д. Тогда въ полемикѣ противъ Бакунина часто ему приписывались нечаевскія дѣйствія и нечаевскія прокламаціи. А между тѣмъ Бакунинъ былъ уже наканунѣ разрыва съ Нечаевымъ. Объ этомъ разрывѣ Гильомъ сообщаетъ кое-какія любопытныя детали. Разрывъ произошелъ въ срединѣ лѣта 1870 г. послѣ того, какъ „открыли мало-по-малу, что Нечаевъ для обезпеченія за собою диктатуры прибѣгалъ къ всякаго рода іезуитскимъ маневрамъ, ко лжи, похищенію документовъ и т. д., дѣло дошло въ одинъ прекрасный день до рѣшительнаго объясненія съ нимъ, вслѣдствіе котораго онъ внезапно покинулъ Женеву, увозя съ собою цѣлую коллекцію бумагъ, похищенныхъ имъ у Бакунина и у другихъ русскихъ эмигрантовъ“. Къ этой эпохѣ относится и извѣстное письмо Бакунина въ Лондонъ, гдѣ онъ дѣлаетъ характеристику Нечаева и совѣтуетъ остерегаться его, какъ опаснѣйшаго человѣка, который для достиженія своихъ цѣлей способенъ на самые безнравственные поступки. {„...онъ обманулъ довѣріе насъ всѣхъ къ нему, онъ кралъ наши письма, онъ страшно насъ компрометтировалъ, однимъ словомъ повелъ себя какъ подлецъ. Единственное его извиненіе — это его фанатизмъ. Онъ страшно честолюбивъ, хотя не сознаетъ этого, — ибо кончилъ тѣмъ, что отождествилъ совершенно дѣло революціи со своею особою: но это не згиостъ въ пошломъ смыслѣ слова, такъ какъ страшно собою рискуетъ и ведетъ жизнь мученика, жизнь полную лишеній и неслыханныхъ трудовъ... Большая часть его обмановъ шиты бѣлыми нитками... Но несмотря на эту относительную наивность, онъ очень опасенъ, такъ какъ ежедневно совершаетъ поступки, вродѣ злоупотребленія довѣріемъ, измѣны, противъ которыхъ тѣмъ труднѣй себя обезопасить, что считаешь ихъ почти невозможными. Со всѣмъ тѣмъ Нечаевъ — сила, потому что это—огромная энергія. Съ большимъ трудомъ разстался я съ нимъ, потому что служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи, а рѣдко можно ее встрѣтить столь развитою. Но истощивши всѣ средства убѣжденія, я долженъ былъ разстаться съ нимъ, а разъ разставшись, я долженъ былъ съ нимъ сражаться до послѣдней крайности. Его товарищъ и компаньонъ С.—откровенный мошенникъ, лгунъ съ мѣднымъ лбомъ, безъ извиненій, безъ возможности оправданія фанатизмомъ“}. Къ этому Гильомъ добавляетъ и личныя свои воспоминанія. Нечаевъ прятался въ 1870 году, ибо русское правительство со всѣми своими шпионами и дипломатами уже предприняло за нимъ по всей Швейцаріи ту охоту, которой суждено было окончиться блестящимъ успѣхомъ. Однажды вечеромъ Нечаевъ, спасаясь отъ полиціи, переночевалъ у Гильома, а спустя нѣкоторое время, прислалъ Гильому чемоданъ, попросивши предварительно сохранить его нѣсколько дней у себя. Затѣмъ Нечаевъ въ сопровожденіи одного итальянца, бывшаго у него какъ-бы на положеніи слуги, побывалъ у Гильома и просилъ отдать чемоданъ одному его другу, который явится. На другой день явился другъ, называвшій себя Салье и бывший на самомъ дѣлѣ Владиміромъ Серебренниковымъ (буква С. въ вышеприведенномъ письмѣ Бакунина относится по словамъ Гильома именно къ нему). Чемоданъ былъ куда-то увезенъ. Проходитъ еще день-другой и является Озеровъ (русскій эмигрантъ) и нечаевскій итальянецъ. Узнавши, что случилось съ чемоданомъ, оба воздымаютъ руки и восклицаютъ: „Слишкомъ поздно!“ Оказалось слѣдующее: Послѣ отъѣзда Нечаева изъ Женевы Бакунинъ замѣтилъ, что у него укра-

дены бумаги, и сообразилъ, что виновникъ Нечаевъ. Онъ не зналъ только, куда тотъ отправился, — но здѣсь вдругъ явился молодой итальянецъ и съ плачевнымъ видомъ разсказалъ, что *padrone* былъ очень сердитъ, обходился съ нимъ, какъ съ собакой, угрожалъ ему револьверомъ, чтобы добиться повиновенія, и вотъ онъ отъ него ушелъ. По слѣдамъ они бросились искать украденныхъ бумагъ. Озодавши у Гильома, они пустились въ дальнѣйшую погоню, столь-же безуспѣшную. На другой день у Гильома побывала „молодая дама съ таинственными манерами“, которая оказалась Натальей Александровной Герценъ. Дѣло въ томъ, что она рѣшила путемъ убѣжденія повліять на Нечаева, чтобы онъ отдалъ похищенное. Она даже добилась, въ концѣ концовъ, свиданія съ Нечаевымъ, но успѣха—не имѣла. Похищенные бумаги были найдены лишь въ 1872 году въ Парижѣ. Зачѣмъ Нечаевъ ихъ взялъ? Въ вышецитированномъ письмѣ Бакунина есть одна фраза, желающая объяснить подобныя поступки: „онъ долженъ овладѣть вами безъ вашего вѣдома. Чтобы этого достигнуть, онъ... въ ваше отсутствіе, оставшись одинъ въ вашей комнатѣ откроетъ всѣ ваши ящики, прочтетъ всю вашу корреспонденцію и, когда какое нибудь письмо покажется ему интереснымъ, т. е. въ какомъ нибудь отношеніи компрометирующимъ васъ или кого-либо изъ вашихъ друзей, онъ его украдетъ и тщательно его сохранить“..

Громъ пушекъ на Рейнѣ заставилъ, конечно, забыть обо всѣхъ этихъ передрыгахъ. Объ участіи Бакунина въ революціонномъ движеніи въ Лионѣ и Марселѣ Гильомъ не говоритъ ничего новаго. Вся эпоха франко-прусской войны прошла у Бакунина въ кипучей литературной дѣятельности, послѣдовавшей за его революционными выступленіями во Франціи. А нужда донимала его, по обыкновенію, жесточайшимъ образомъ въ эти именно мѣсяцы. Вотъ его дневникъ: „2 Января. Кошелекъ пустъ. Дано Антони 5 франковъ. 3 Янв. Безъ денегъ. Занято у Маріи 45 фр. 5-е. Дано Антони 20 фр. 9-е. Дано Антони 3 фр. 11-е. Безъ денегъ. 13-е. Безъ денегъ. 14-е. Взято у Маріи 40 фр.“ и т. д. Подъ 25-мъ Января: Нѣтъ чаю. Подъ 2-мъ Марта: Только 16 фр. въ карманѣ. 6-е Марта. 5 фр. въ карманѣ. Что дѣлать? Обратиться къ м-ме Францони? 7-е. Францони нѣтъ. Всего есть 5 фр. 8-е Марта. Боленъ. 5 фр. всего. 9-е. Въ карманѣ 3 фр. 50 сантимовъ“. 10-го 1 франкъ 85 сантимовъ. 11-го. Остается 5 сантимовъ и т. д. Эта безвыходная нужда именно оттого такъ жестоко его терзала въ эту зиму, что изъ тощаго своего кошелька онъ истратилъ большія для него деньги на революціонную поѣздку во Францію. Только случайные и скудные займы у окружающихъ спасали отъ голодной смерти.—Къ „утопленной въ крови пролетаріевъ“ парижской коммуны онъ относился, какъ къ грандіозному историческому факту, способному будто-бы приблизить время социальной „ликвидаци“. И знаменитая его полемика противъ Мацини, собственно, и началась изъ за нападеній стараго итальянскаго революціонера на парижскую коммуну, такъ и непонятую имъ до конца жизни. Просто не вѣрится, что вся эта разносторонняя, лихорадочная, боевая дѣятельность обнаруживалась старикомъ, столько на своемъ вѣку вынесшимъ, да еще находящимся какъ разъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, незнающимъ гдѣ перехватить денегъ на завтрашній хлѣбъ и чай. (Онъ въ эту эпоху даже письма иной разъ посылалъ безъ марокъ, ибо не было на марки денегъ).

Настоящій томъ доводитъ изложеніе до 1872 года и преимущественно посвященъ, какъ сказано, раздорамъ въ „Интернаціоналѣ“ (уже утратившей болѣе значеніе въ это время). Изъ документовъ и воспоминаній Гильома

явствует, что лично Бакунинъ въ 1870—72 гг. внѣ всякаго сравненія меньше принималъ участія въ междуфракціонной борьбѣ, чѣмъ его приверженцы.—Въ началѣ 1872 года, между прочимъ, Гильомъ впервые познакомился съ Петромъ Кропоткинмъ, съ жадностью изучавшимъ тогда (только что пріѣхавъ изъ Петербурга) „Интернаціоналъ“ и ея короткую, но бурную исторію. Анархистскія воззрѣнія уже явственно овладѣвали тогда Юрскою федераціей подъ прямымъ воздѣйствіемъ Бакунина. Кропоткинъ такъ увлекся рабочимъ движеніемъ, что рѣшился было остаться въ Швейцаріи,—но Гильомъ не говоритъ обстоятельнѣе о теоретическихъ взглядахъ Кропоткина въ это время. „Послѣ своего возвращенія въ Невшатель Кропоткинъ подѣлился со мною мыслью, которая только что ему представилась, и относительно которой онъ спросилъ, каково будетъ мое мнѣніе: если, вмѣсто возвращенія въ Россію, онъ-бы остался въ Швейцаріи и, выучившись какому нибудь ручному ремеслу, остался бы среди насъ, чтобы всецѣло посвятить себя социалистической пропагандѣ и социалистическому дѣлу,—не было ли бы самымъ лучшимъ — подобное направленіе его дѣятельности? Я его разубѣдилъ: я ему указалъ на то, что ему, русскому князю, много труда будетъ стоять, чтобы швейцарскіе рабочіе приняли его, какъ настоящаго товарища; что его пропаганда будетъ гораздо болѣе дѣйствительна, если она будетъ происходить въ Россіи, среди его соотечественниковъ, нужды которыхъ онъ хорошо знаетъ и съ которыми онъ могъ бы говорить языкомъ, наиболѣе соответствующимъ ихъ особымъ условіямъ; что въ его странѣ жатва огромна, а работниковъ слишкомъ мало для того, чтобы безъ абсолютной необходимости можно было отрывать хотя бы одного отъ его работы, — въ то время какъ на Западѣ, въ особенности въ Швейцаріи, при подкрѣпленіяхъ, которыя къ намъ только что явились вслѣдствіе французской проскрипціи (послѣ усмиренія Коммуны Е. Т.) у насъ есть много борцовъ. Онъ призналъ, что я правъ и сказалъ мнѣ. Я возвращусь въ Россію. Я ему пожелалъ удачи и мы разстались, спрашивая себя, увидимся ли мы еще когда либо. Впродолженіе двухъ лѣтъ я ничего о немъ не слышалъ; весною 1874 года газеты сообщили, что онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость“.

Чтобы высказать наше мнѣніе относительно раздора между приверженцами Маркса и Бакунина (чему посвящено болѣе всего мѣста въ этихъ воспоминаніяхъ), т. е. точнѣе, чтобы опредѣлить степень исторической значительности тѣхъ матеріаловъ, которые приводитъ по этому вопросу Гильомъ, необходимо подождать появленія еще третьяго тома воспоминаній, — гдѣ будутъ затронуты событія 1872—1878 гг. Только тогда историческая критика будетъ въ состояніи высказаться по этому поводу съ достаточной полнотой и обстоятельностью.

Е. Тарле.

А. Н. Брянчаниновъ. *Междодумье. Сборникъ матеріаловъ для характеристики политическаго положенія передъ созывомъ второй Думы. Выпускъ I. С.-Петербургъ, 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.*

Для оцѣнки значенія и сущности властвованія министерства П. А. Столыпина, будущему историку переживаемой нами эпохи не понадобится дѣлать ни сложныхъ и кропотливыхъ архивныхъ изысканій, ни анализа тѣхъ условій, въ которыхъ протекала дѣятельность современныхъ вершителей судьбы русскаго народа. Достаточно взглянуть на акты, изданные кабинетомъ г. Столыпина,

чтобы передъ вами встала яркая, образная, красочная картина той „полноты власти“, которою такъ своеобразно пользуется этотъ необыкновенный кабинетъ. Самое пламенное перо публициста или историка не въ состояніи болѣе соперничать въ силѣ изобразительности съ безстрастными, спокойными, почти равнодушными заявленіями г. Столыпина, разбѣянными въ изданныхъ имъ между двумя Думами въ безконечномъ числѣ законахъ, циркулярахъ, деклараціяхъ, распоряженіяхъ, разъясненіяхъ, приказахъ и т. п. Почти каждая бумага, выпущенная изъ кабинета г. Столыпина, начинается и кончается заявленіемъ о томъ, что правительство стремится къ успокоенію страны, къ огражденію благосостоянія населенія, къ охранѣ порядка, къ насажденію законности. Но стоитъ только собрать воедино всѣ эти документы, какъ вы ясно увидите, что за всѣми этими хорошими словами стоитъ совсѣмъ иная программа.

Книга г. Брянчанинова даетъ поразительную картину беззаконности, самовласти и жестокости, положенныхъ высшимъ правительствомъ въ основу управленія страной. Въ этомъ отношеніи отдѣлы книги, гдѣ приведены примѣры репрессивныхъ мѣръ кабинета г. Столыпина и репрессивныхъ распоряженій мѣстныхъ властей, несмотря на крайнюю неполноту ихъ, представляютъ тягчайшій обвинительный актъ противъ правительства, хотя здѣсь собраны исключительно только официальные документы и къ нимъ не прибавлено ни одного слова составителя книги. Остальные отдѣлы, заключающіе примѣры неконституціонности законодательныхъ распоряженій правительства и антиконституціонности актовъ, изданныхъ кабинетомъ г. Столыпина на основаніи 87 ст. осн. законовъ, характеристику условий выборной кампаніи передъ второю Думою, нѣсколько данныхъ объ отношеніи правительства къ партіямъ, стремящимся возстановить неограниченное самодержавіе и т. п.,—все это дѣлаетъ картину еще болѣе яркою, положеніе еще болѣе безотраднымъ.

Краснорѣчивость собраннаго г. Брянчаниновымъ матеріала выступаетъ съ особенною рельефностью, если принять во вниманіе, что разсматриваемая книга составлена далеко несовершенно и въ отношеніи полноты собранныхъ документовъ оставляетъ желать весьма многого. Въ своемъ предисловіи г. Брянчаниновъ говоритъ, что хотя сборникъ его былъ задуманъ, какъ приложение къ опыту анализа политическаго положенія передъ второю Думою, но выпущенъ имъ отдѣльно „въ виду того, что коллекція матеріаловъ по разнообразію и обилію можетъ имѣть практическій справочный интересъ для лицъ, слѣдящихъ за первыми шагами Думы“. „Если предлагаемый сборникъ, заканчивается г. Брянчаниновъ свое предисловіе, облегчитъ хоть нѣсколькимъ читателямъ, политикамъ, а въ особенности, членамъ Думы, нахожденіе нужнаго для нихъ матеріала, разсыпаннаго въ разныхъ мѣстахъ, и собраніе котораго *post factum*, при неимѣнніи времени, представляетъ значительныя трудности, то издатель почтетъ себя вполне вознагражденнымъ за потраченные труды и время“.

Хотя обиліе и разнообразіе собраннаго г. Брянчаниновымъ матеріала не подлежатъ никакому сомнѣнію—книга его заключаетъ 357 большихъ страницъ, заполненныхъ компактною печатью,—но въ томъ, что книга его можетъ принести ту пользу, на которую онъ рассчитываетъ—приходится сильно усомниться, такъ какъ для этого въ трудѣ г. Брянчанинова нѣтъ основнаго элемента, подобныхъ изданій—полноты и систематичности. Такимъ образомъ, книгу никоимъ образомъ нельзя рекомендовать, какъ справочное изданіе. Какъ историческій документъ, она страдаетъ еще большимъ недостаткомъ—совершеннымъ

отсутствіемъ такихъ документовъ, которые характеризуютъ дѣлыя огромныя отрасли дѣятельности правительства г. Столыпина. Такъ, читатель ничего не узнаетъ изъ книги г. Брячанинова о томъ, какъ относилось правительство къ безконечному ряду жестокостей, творившихся надъ заключенными политическими въ тюрьмахъ, къ множеству убійствъ, погромовъ, избіеній, совершенныхъ агентами правительства и черносотенцами. А между тѣмъ, такіе документы, какъ приказъ начальника гвардейской пѣхотной дивизіи ген. Лечицкаго, благодарившаго убійцу заключенной въ пересыльной тюрьмѣ Семеновой рядового Алексѣя Лискина или приказъ командира Гроховскаго полка въ Варшавѣ о награжденіи и благодарности убійцѣ поляка Дынды рядовому Павлову „за его честныя русскія убѣжденія“—опубликованіе однихъ только официальныхъ документовъ этого рода дало бы весьма яркую характеристику отношенія кабинета г. Столыпина къ общаніямъ манифеста 17 октября о неприкосновенности личности. Напечатаніе краткихъ приказовъ о назначеніи въ составъ Петербургской полиціи выдающихся полицейскихъ „дѣятелей“: минскаго полиціимейстера Норова, Кіевскаго—Цихоцкаго и Бѣлостокскаго пристава Шереметева—могло бы лучше всякихъ пламенныхъ статей характеризовать отношеніе кабинета г. Столыпина къ погромамъ. Но если можно еще допустить, что такіе факты могли ускользнуть отъ вниманія составителя книги, то трудно понять отсутствіе въ ней такихъ документовъ, какъ знаменитое письмо директора департамента полиціи г. Лопухина объ организаціи погромовъ или обошедшій недавно всю печать рапортъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова объ отношеніи полковника Тихановскаго къ Сѣдлецкому погрому. Въ этихъ двухъ документахъ, какъ въ фокусѣ, отразилась та система миролюбиваго воздѣйствія, о которой такъ часто упоминалось въ правительственныхъ заявленіяхъ. Не менѣе замѣчательна политика Столыпинскаго кабинета въ отношеніи элементовъ населенія объединяющихся въ политическія и общественныя организаціи. Ярче всего эта политика выразилась въ постановленіяхъ особыхъ присутствій по регистраціи общества союзовъ, гдѣ съ постоянствомъ и систематичностью отвергались всякія попытки легализаціи, дѣлавшіяся неудобными правительству, хотя вполне лойальными, обществами, союзами и партіями, и гдѣ явнымъ покровительствомъ пользовались всякія реакціонныя организаціи. Опубликованіе двухъ-трехъ протоколовъ этихъ присутствій дало бы для характеристики кабинета г. Столыпина драгоценнѣйшій историческій матеріалъ; между тѣмъ, объ этой сторонѣ дѣятельности правительства въ книгѣ г. Брячанинова нѣтъ никакихъ указаній, какъ будто бы такой дѣятельности и не существовало.

Отмѣченныхъ нами пробѣловъ было бы совершенно достаточно для того, чтобы констатировать, что книга „Междодумье“ представляетъ далеко неполный матеріалъ для характеристики политическаго положенія передъ созывомъ второй Думы. Поэтому второстепенная дѣль г. Брячанинова — облегчить читателямъ, политикамъ и членамъ Думы нахожденіе нужнаго имъ матеріала—достигнута имъ далеко не вполне: ни одинъ изъ отдѣловъ „Междодумье“ не можетъ похвалиться не только исчерпывающею полнотою, но полной наличностью хотя бы наиболѣе характерныхъ и важныхъ документовъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ „Примѣры репрессивныхъ распоряженій мѣстныхъ властей“ г. Брячаниновъ привелъ около десятка административныхъ приказовъ, распоряженій губернаторовъ, градоначальниковъ, временныхъ ген.-губернаторовъ и т. п., но только одинъ изъ этихъ документовъ можетъ достаточно ярко характеризовать размахъ административнаго своеволія ставленниковъ каби-

вета г. Столыпина; это — приказъ временнаго курляндскаго ген.-губернатора отъ 5 сент. 1906 г. о томъ, что „при первомъ случаѣ грабежа, насилія, разбоя, убійства и вообще преступнаго факта бунтовскаго характера, въ волостяхъ будутъ немедленно взяты подъ стражу всѣ лица, которыя уже раньше привлекались къ дознаніямъ, а также всѣ извѣстные полиціи своей неблагонадежностью, и таковыя будутъ содержаться подъ стражею до тѣхъ поръ, пока не обнаружатся виновные“. Хотя этотъ приказъ достаточно говоритъ самъ за себя и за его автора, но читая этотъ документъ въ сборникъ, имѣющемъ цѣлью служить справочною книгою для политиковъ, приходится недоумѣвать, почему составитель извлекъ только одинъ этотъ документъ изъ множества приказовъ, которые имѣли бы гораздо болѣе правъ на увѣковѣчіе ими переживаемой нами эпохи „мѣстнаго законодательства“, созданнаго арміею административныхъ царьковъ изъ числа временныхъ генераль-губернаторовъ городовъ, уѣздовъ и волостей. Въ этомъ отношеніи достаточно привести одинъ изъ послѣднихъ перловъ этого рода—приказъ Екатеринославскаго генераль-губернатора ген. Давыдова отъ 26 декабря 1906 г.; въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ документъ ген. Давыдовъ грозитъ военно-полевымъ судомъ всѣмъ домовладѣльцамъ и квартирантамъ, во владѣніяхъ или квартирахъ которыхъ будутъ обнаружены бомбы, и штрафомъ до 3000 руб. или тюремнымъ заключеніемъ до 3-хъ мѣсяцевъ—тѣмъ домовладѣльцамъ, которые докажутъ, что они не знали о присутствіи въ ихъ домахъ бомбъ. Центральная власть, допуская эту оргію самовластия и дикаго произвола, сама становилась участницей ея. Не собравъ во едино всѣ подобные документы и ограничившись приведеніемъ лишь случайныхъ, далеко не наиболѣе характерныхъ изъ нихъ, составитель книги свелъ почти къ нулю значеніе самаго интереснаго изъ ея отдѣловъ.

Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ для сужденія о законодательныхъ предположеніяхъ кабинета г. Столыпина“ не вошли такіе важные документы, какъ программа правительства, опубликованная 24 августа, и законопроекты по рабочему вопросу. Кромѣ этихъ документовъ, здѣсь отсутствуетъ и множество другихъ, но мы отмѣчаемъ лишь такіе, которые такъ или иначе могутъ ярко характеризовать кабинетъ Столыпина: вѣдь программа 24 августа—это и курсъ всей политики г. Столыпина, а законопроекты по рабочему вопросу — точный показатель степени „либерализма“ его кабинета и благожелательности его въ отношеніи рабочаго класса.

Помѣстивъ въ отдѣлѣ репрессивныхъ мѣръ г. Столыпина Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ и циркуляръ министра-президента о примѣненіи этихъ судовъ, г. Брянчаниновъ обошелъ молчаніемъ цѣлый рядъ вопіющихъ нарушеній этого закона, вродѣ противозаконной отмѣны оправдательныхъ или мягкихъ приговоровъ военно-полевыхъ судовъ съ цѣлью добиться смертныхъ приговоровъ или вродѣ казни или приговора къ смерти совершенно невинныхъ людей; официальные документы по поводу такихъ случаевъ (казнь 5 оправданныхъ и вторично преданныхъ военно-полевому суду по приказанію прибалтійскаго ген.-губернатора Солдогоуба, казнь Звѣрева въ Москвѣ, вторичное преданіе военно-полевому суду оправданнаго Суркова въ Севастополѣ, и т. п.),—а такіе документы были опубликованы и въ общей прессѣ—представляютъ лучшую характеристику этой мрачной эпохи и роковой роли „либеральнаго кабинета“.

Болѣе полную отдѣлъ „мѣръ для характеристики условий выборной кам-

паніи для второй Думы“. Здѣсь г. Брянчаниновымъ собранъ почти исчерпывающій документальный матеріалъ и даже приведенъ „примѣръ результатовъ“ стѣсненія предвыборныхъ собраній. Но богатѣйшая коллекція распоряженій и всякихъ мѣръ, принимавшихся мѣстными властями для проведенія въ Думу ставленниковъ г. Столыпина, осталась совершенно неиспользованной.

Мы не перечислили и десятой доли пробѣловъ и пустотъ, отличающихъ книгу г. Брянчанинова и, конечно, такая критика должна была бы привести насъ къ выводу о совершенной непригодности этой книги. Такого вывода, мы, однако, сдѣлать не можемъ. При всемъ своемъ несовершенствѣ, при всей непригодности своей служить для справокъ, трудъ г. Брянчанинова заслуживаетъ вниманія и принесетъ пользу всею совокупностью сгруппированнаго въ немъ матеріала. Если историкъ найдетъ въ книгѣ г. Брянчанинова не все, что нужно ему для анализа условій переживаемой нами эпохи, то для историческихъ обобщеній книга эта представляетъ документъ далеко не послѣдняго порядка. Необходимо, въ интересахъ справедливости, упомянуть, что разбираемый сборникъ первоначально не былъ предназначенъ г. Брянчаниновымъ къ отдѣльному изданію: онъ былъ задуманъ, какъ приложение къ опыту анализа политическаго положенія передъ второй Думой“. Такъ какъ указанный трудъ въ печати еще не появился, то мы не имѣемъ возможности судить о томъ, насколько онъ достигаетъ этой цѣли. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что и независимо отъ того, появленіе сборника г. Брянчанинова представляетъ явленіе положительное въ исторической литературѣ.

Ю. Лавриновичъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Щукинскій сборникъ. Вып. VI. Изд. Имп. Рос. Ист. Музея имени Имп. Александра III. П. И. Щукина.

Политическая Энциклопедія подъ ред. Л. З. Слонимскаго т. I вып. 1, 2 и 3-й. Библиотека „Юнаго Читателя“.

М. Сабакина. Война и миръ въ царствѣ животныхъ ц. 15 к.

Э. Пименова. Страна великихъ озеръ (Канада) ц. 25 к.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей ц. 25 к.

Записки С. Трубецкого. Изд. его дочерей.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. Очеркъ дѣятельности первой русской Думы и Государств. Совѣта. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Ц. 85 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Вып. II. 17 окт. 1905 г.—8 июля 1906 г. Спб. 1907 г. 2 р.

Ив. Наживинъ. Менэ... тэкелъ... фаресъ... Романъ. М. 1907. 2 р.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и земледѣліе. Пер. съ франц. Владимировой. Ц. 35 к.

В. В. Кротковъ. Современные вопросы. Спб. 1907. Ц. 30 к.

К-во „Новое Товарищество“:

В. Дмитріева. Пчелы жужжатъ. Разсказъ. М. 1907. Ц. 20 к.

Борисъ Талинъ. Кѣмъ и какъ управлялся русскій народъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

И. Биккерманъ. Россійская революція и Государственная Дума. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Популярная Библиотека „Новое Товарищество“.

Мироновъ. У сторожа. Ц. 3 к.

Ө. Тищенко. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Ц. 5 к.

В. Муйжель. Аренда. Ц. 15 к.

Вступленіе Бунда въ Р. С.-Д. Р. П. Ц. 7 к. Спб.

Ароновъ. Принципы пролетарскаго сіонизма. Симф. 1906 г.

Изданія „Посредника“:

Л. Н. Толстой. За что? Разсказъ изъ временъ польскихъ возстаній. Ц. 8 к.

„ I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Изд. 2-е. 35 к.

„ Въ чемъ моя вѣра? Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Викторъ Гюго. Осужденный на смертную казнь. Ц. 15 к.

И. П. Ювачевъ. Шлиссельбургская крѣпость. Ц. 80 к.

В. Ф. I. Можно ли человѣку безъ работы жить? Быль. II. Последній день. Ц. 2 к.

Е. Милицина. Не по закону. Ц. 3.

С. Семеновъ. Призывной. Ц. 2 к.

О. Мирбо. На войнѣ. Ц. 3 к.

А. Шиманскій. Тоска по родинѣ. Разсказъ политическаго ссыльнаго. Ц. 2 к.

Обвинительный актъ по Чигиринскому дѣлу 1879 года.

Уфимскій рабочій. № 12. 11 фев. 1907. Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

- Бюллетень № 4. Нижегород. окруж. организ. Р. С.-Д. Р. П.
Молоть № 2. Органы Поалей-Ціонъ. Июль 1906 г.
Солдатская газета № 1. Изд. Уральск. Обл. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Муромскій Листокъ № 3. Ефем. орг. Мур. гр. В. С. О. п. с.-р. февр. 1907.
Летучій Листокъ. Амурской гр. Сибир. Союза Р. С.-Д. Р. П. № 2 янв. 1907.
Къ пастырямъ-монархистамъ. П. С.-Р. Бѣл. гр. февр. 1907.
Товарищи приказчики! Бѣл. гр. п. с.-р. 1907.
Уставъ организаціи Б. Д. при Кіев. рабоч. сов. п. с.-р.
Къ учащимся Ученик. И. К. п. с.-р.
Граждане! (Предв. листокъ). Изд. Амур. гр. Сиб. Союза Р. С.-Д. Р. П.
янв. 1907.
Уставъ Всерос. Желѣзнодорожн. Союза и отчетъ о 3-мъ сѣздѣ. Изд. В. Б.
союза янв. 1907.
Wsprawie z 'X Zjazdu P. P. J. 1906. Warszawa.
Towarzysze. C. K. Rob. P. P. J. (Frak. Rev). 1906.
Sprawozdanie z IX Zjazdu P. P. J. 1907 г.
Sprawozdanie z posiedzen i konferencji sekcji i grup oddzialu zagron. P. P. S.
1 marca 1907 г.
Второй районный сѣздъ Крымскаго союза Евр. С.-Д. Р. П. Поалей-Ціонъ
Районъ Ком.
Революціонеры или... воры? Севаст. Орг. Е. С.-Д. Р. П. мартъ 1906 г.
Царская Дума и первое мая и другія листки. Е. С.-Д. Р. П. Ц. Ком. Поалей-
Ціонъ.
Извѣстіе о всеросійскомъ сѣздѣ Е. С.-Д. Р. П. Поалей Ціонъ мартъ 1906 г.
Открытое письмо къ офицерамъ. Организація офицеровъ 27 пѣхот. дивиз.
авг. 1906 г.
Союзъ помощи народному освобожденію 1907.
Памяти Ивана Петровича Пуликова. февр. М. Ком. Сѣв. Зап. Обл. Ор.
п. с.-р.
Отчетъ Комитета Либаво-Ром. ж. д. янв. 1907. Всерос. желѣзнодорожн. союзъ.
Денежный Отчетъ и листки Воронеж. Ком. п. с.-р. съ 1 мая—1 янв. 1907.
Товарищи! Юго-Вост. Ком. Всерос. желѣзнодорожн. Союза. Изд. Воронеж. Ком.
п. с.-р.
Какъ выбирать въ Государственную Думу. Всерос. Крестьян. Союз. Изд.
Ворон. Ком. п. с.-р.
Дума и революція переизд. изъ газ. „Трудъ“. Воронеж. Ком. п. с.-р.
Провокаторъ Маркусъ Замштейгманъ (Листокъ съ фотографіей и снимкомъ
съ почерка).
VI сѣздъ объединенной организаціи группъ содѣйствія Бунду за границей:
Изл. Ц. Б. Объед. орг. рабоч. фер. и группъ Сод. Бунду за границей. Женева
1907 г.
Какія главныя партіи борются на выборахъ въ Гос. Думу въ г. Баку. Объ-
единен. С.-Д. избир. ком. Р. С.-Д. Р. П. Арм. С.-Д. раб. организ. и Мус. С.-Д.
группы „Гуммедъ“.
Отчетъ Верхнеудинскаго уѣз. Ком. п. с.-р. съ 23-го ноября по 1 янв. 1907.
Отчетъ Читинскаго Отдѣленія Рабочаго Союза Вост. Сибири и Забай-
калья ноябрь и декабрь 1906 г.
Уставъ Центральной Союзной рабочей кассы. Проектъ устава кассы.
Тип. газеты „Трибунъ“ (1897).
Къ сельскимъ и городскимъ рабочимъ! Группа рабочихъ анархистовъ-
коммунистовъ. Черкассы февраль 1907.
Желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ. Всеросійск. Желѣзн. Союзъ
Пинское Отд. Пол. ж. д. февраль 1907.
Земля и Воля, дарованныя самодержціемъ Ворон. Ком. п. с.-р. февр. 1907.
(переп. изъ „Труда“ № 8).
Черная сотня. Ворон. Ком. п. с.-р. февраль 1907.
5 листовъ Пет. Ком. п. с.-р.
1 листовка Област. Ком. п. с.-р. мартъ 1905 г.
2 листка Двин. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
4 листка Воен. Рев. Организаціи Варшав. Воен. Окр. 1905 г.

Солдатская Доля № 2. 16 янв. 1906 г. Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Округа.

1 листокъ Либав. Воен.-Рев. Организациі.

1 листокъ Либав. Ком. Лат. С.-Д. Р. П. 1905 г.

1 листокъ Вилен. гр. „Анархистовъ-Коммунистовъ“.

10 листовъ Р. Р. С.

Царская гаспадарка.

Война и самодержавіе Ц. К. Бунда. 1904.

1 листокъ Рѣжницкой группы С.-Д. Р. П. 1906.

1 листокъ Рѣжницкой С.-Д. Орг. „Бунда“.

Къ населенію. Федер. Ком. Рѣжницкой Самообороны.

1 листокъ Рѣжницкой сіон. соц. р. п.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Отъ недостаточныхъ студентовъ-батурцевъ для Сибири 70 р. Отъ Р. К. Руденко—2 р. Отъ юзовскихъ рабочихъ—30 р. Отъ ред. газ. „Русскій Туркестанъ“—8 р. 85 к. (для Сибири) Отъ Е. К. К. изъ Костромы—75 к. Отъ д-ра И. В. С.—15 р. Черезъ врача Г. М. Капланскаго отъ кружка интеллигенціи, собравшейся 16 фев. въ Ветлужскомъ обществен. клубѣ на чествованіе деп. Гос. Думы В. Л. Петерсона—25 руб. 66 к. Отъ Корестерова изъ пос. Яровской ст. Чарымская—7 р. Отъ врачей—5 р. Изъ Решта (Персія)—15 руб. Отъ неизвѣстнаго—5 руб. (для Нарым. края). Домашнія вещи изъ Кіева отъ П.

Деньги и вещи переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ.

Изъ Решта (Персія)—4 р. 50 к.

Деньги переданы по назначенію.

